С. ПАВЛОВ
ЛУННАЯ РАДУГА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Серия издается с 1954 года

МОСКВА ~ 1989

С. ПАВЛОВ

ЛУННАЯ РАДУГА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ББК 84Р7
П12

Художник А. ВАЛЬДМАН

Павлов С. И.

П12 Лунная радуга: Фантастический роман/Худож. А. Вальдман.— М.: Дет. лит., 1989.— 639 с.: ил.— (Библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5—08—000842—3

Роман «Лунная радуга» посвящен будущему космонавтики, проблемам, которые могут встать перед человечеством при исследовании Внеземелья. Глубокая разработка характеров, напряженный сюжет, убедительные описания техники и быта наших потомков делают повествование увлекательным и достоверным.

П $\frac{4803010201-089}{М101(03)\text{-}89}$ 262—89 ББК 84Р7

ISBN 5—08—000842—3

— Где мы? — спросил человек.

— На звездной дороге,— ответил Звездный олень. Сверкнув рогами, грациозно выгнул шею и посмотрел вперед.— Пойдем?

— Конечно. Другого пути у нас нет.

И они пошли рядом.

КНИГА ПЕРВАЯ

ПО ЧЕРНОМУ СЛЕДУ

ЧАСТЬ I

К ВОПРОСУ ОБ АЛЛИГАТОРАХ

Спасаясь от пены, Фрэнк бросился на четвереньки, юркнул в круглый лаз какого-то коллектора. Труба коллектора не могла быть глухой: в конце ее хотя и слабо, но все же светилось отверстие выхода, и это весьма обнадеживало. Пена шла буквально по пятам, и Фрэнк со всей возможной в его положении резвостью пробирался вперед.

Труба выходила в небольшой овальный, тускло освещенный зал и неожиданно заканчивалась широким раструбом — довольно высоко над полом. Фрэнк высунулся из трубы по пояс. Сделал попытку ухватиться за верхний край раструба. Не удалось. Прыгать вниз головой не хотелось, но другого выхода не было. Фрэнк вытер пот с лица испачканным ржавчиной рукавом, привстал на руках и, рывком подтянув ноги, швырнул себя в воздух.

Приземлился он сравнительно мягко — «кошкой». Вскочил, внимательно осмотрелся, насколько это позволяло тусклое освещение. Было жарко и сыро, где-то шумела вода. Только теперь ему пришло в голову, что здешние лабиринты очень напоминают нижние ярусы старой венерианской базы «Маммут».

Побаливало бедро — результат поспешного спуска по спиральному желобу во время пожара в кольцевой галерее. Впрочем, легко отделался. Неизвестно, чем бы все кончилось, если б не заприметил спасительный желоб еще до того, как сработали огнетушители. Фрэнк с омерзением сплюнул (создателей пены отнюдь не заботили ее вкусовые достоинства), поправил под мышкой кобуру с бластером, пошел в обход зала.

Не считая массивной решетки, запирающей низкую полуовальную амбразуру непонятного назначения, зал был пуст. Фрэнк вынул нож, включил вмонтированный в рукоять фонарик и направил его за решетку. Луч упал на глянцевую поверхность воды. Должно быть, бассейн. И, наверное, очень большой, потому что свет фонаря не достигал противоположной стенки. Над водой курился туман. Фрэнк бесполезно подергал решетку. Похоже, зал — это вовсе не зал, а просто большая цистерна...

Фрэнк осмотрел гладкие стены и понял, что наверху они не сливаются с потолком. Потолочная крышка наверняка приподнята над закраиной этого металлического стакана, иначе под крышку не проникали бы отблески внешних светильников. Вдоль стены свисала тонкая труба — конец трубы не слишком высоко, и если подпрыгнуть... Выхватив бластер, Фрэнк стремительно обернулся — ему почудилось какое-то движение наверху, с тыла.

Минуту он всматривался в гребень стены — оружие на изготовку. Вокруг все было спокойно. Подозрение, что это, быть может, выглядывал дыроглаз, мало-помалу угасло. Почудилось, значит...

Фрэнк спрятал оружие и, немного расслабившись перед прыжком, направился к тонкой трубе. Лязгнул металл: бзанг! — Фрэнк потерял под ногами опору. Падая в темноту, он инстинктивно сжался, защищая руками голову от удара. Шумный всплеск...

Вынырнув, Фрэнк перевел дыхание и бешено взглянул вверх. В зените светлый круг, похожий на большую тусклую луну. Растяпа! Наивный котенок! Надо же, люк обойти не сумел!.. Потом он решил, что «растяпа» — это, пожалуй, слишком. Тем более что встретился не просто люк. Обыкновенный люк он бы, конечно, заметил. Это что-нибудь наподобие входа в сливной колодец, закрытого многолепестковой диафрагмой. Знакомые штучки... Когда диафрагма незаперта, по ней и лиса не пройдет.

Он поводил рукой в темноте и нащупал шершавую стенку. Ухватиться здесь было не за что. Откуда-то струйками лилась вода, малейший всплеск порождал звучное эхо. Вода имела неприятный привкус металла. На фоне тускло светящейся горловины люка появился силуэт округлого выступа — впечатление такое, будто в люк заглядывает чья-то голова... Фрэнк сделал вид, что достает

бластер. Силуэт моментально исчез. «Мне бы такие глаза!» — позавидовал Фрэнк.

Он включил фонарик, поводил тонким лучом. Да, колодец... Точнее, колодезный резервуар, заметно суживающийся кверху. Бурые от налета ржавчины голые стены. Примерно на половине высоты колодезного ствола темнели отверстия, из которых сочилась вода. Лестничных скоб, на которые очень рассчитывал Фрэнк, в колодце не было. Натуральная мышеловка...

Прежде всего он подумал о бластере. Конечно, можно выжечь в стене лесенку углублений до самого верха. Но... во-первых, как уберечься от брызг расплавленного металла? Не говоря уже о том, что стена имеет отрицательный угол наклона, пусть не очень крутой, но достаточный, чтобы лишить эту затею всякого смысла. Да, стрельба отпадает...

Держась на плаву, он упрямо высвечивал удручающе голые влажные стены. «На двух «липучках» я выбрался бы отсюда в два счета!..» — с раздражением подумал он. Вдруг в глаза ему бросилось то, на что следовало бы обратить внимание с самого начала: стены были влажными до половины ствола. Несколько выше пояса сливных отверстий пролегала хорошо заметная граница, дальше которой ствол был сухим. Вода стояла высоко, потом куда-то ушла. И ушла ведь недавно — стены еще не успели обсохнуть!.. По-дельфиньему перевернувшись вниз головой, Фрэнк пошел в глубину.

Погружался он с фонарем, но мало что видел в мутной воде. Короткое лезвие света, казалось, освещало только само себя, кончик его расплывался в дымчатой мгле, как в тумане, и Фрэнк приятно был изумлен, когда неожиданно быстро наткнулся на вход в подводный тоннель. Он сразу понял, что это тоннель, хотя входное отверстие было затянуто эластичной и скользкой на ощупь мелкоячеистой сеткой. «Фильтр!..» — коротко подумал Фрэнк, вспарывая преграду ножом. Вода в тоннеле оказалась чище, и Фрэнк сумел разглядеть там, в конце, желтое пятно второго фильтра. «В конце ли?..» — коротко подумал он, устремляясь вдоль подводного коридора. Мысль о рискованности подводной разведки не беспокоила его — он доверял автоматизму своего чутья, зная по опыту тренировок, до какой степени безошибочно можно оценивать соотношение

кислорода в крови с пройденным расстоянием. Главное в «мертвой зоне» — проверенный путь к отступлению, все остальное Фрэнк полностью возложил на чутье и больше об этом не думал — для размышлений требовалось время, а это как раз то, чего у него не было. Если б он стал размышлять, он бы погиб.

Путь к отступлению не пригодился. Продравшись через вторую преграду, Фрэнк довольно уверенно определил, что оказался в новом колодце, и прежде чем всплыть, посветил фонариком вверх — больше всего он опасался подводных решеток. В ответ блеснуло зеркало поверхностной пленки воды. Решетки не было.

Фрэнк всплыл, осмотрелся и понял, что совершил бросок через «мертвую зону» не зря. Колодец был просторнее прежнего, но отсюда ничего не стоило выбраться. Вдобавок здесь было гораздо светлее: в отверстие люка заглядывал сверху краешек светильника. Прямо перед глазами темнел полузатопленный зев второго тоннеля, в мрачной его глубине что-то надсадно сипело и булькало, но Фрэнк любопытства к этому не проявил. От потолочной кромки тоннеля шел в сторону люка вертикальный ряд вделанных в стену коротких стержней с черными набалдашниками. Назначение стержней было для Фрэнка загадкой, однако они вели кверху, и это его вполне устраивало.

Он вплыл в тоннель, нащупал коленями пол.

Здесь можно было стоять почти во весь рост. Вода доходила до бедер. В глубине тоннеля продолжало сипеть и булькать, будто кто-то огромный усиленно полоскал осипшее горло и все время пробовал, каковы результаты. Результаты были неважные. Фрэнк хотел привалиться спиной к удобно вогнутой стене (дать себе минутную передышку), но не успел: на воду упала тень. Медленно, очень медленно он вынул бластер, отклонился к самому краю тоннеля. Застать дыроглаза врасплох можно было только внезапным выстрелом из-за укрытия...

Вспышка выстрела озарила колодец. И сразу стало темно. Бренча о стены, сверху сыпался стеклянный мусор. Фрэнк отстранился и, когда осколки перестали шлепаться в воду, выглянул снова. Отверстие люка фосфоресцировало в темноте голубоватым пятном... Фрэнк машинально спрятал оружие. Он понятия не имел, удалось ли подбить

дыроглаза. Вот в светильник влепил — это уж точно. Великолепное попадание. Метко и глупо...

На ощупь стержни были не из металла. Эти штуки были похожи на игрушечные гантели, крепко вделанные в стену и облитые слоем упругого пластика. Расстояние между ними около метра — подниматься легко. Сначала Фрэнк карабкался вверх, подтягиваясь на руках. Затем, с помощью ног, дело пошло веселее. Пятый стержень, шестой (профессиональная привычка считать пройденные ступеньки)... восьмой, девятый... Стоп! А, черт!.. Десятый стержень выскочил из гнезда, и секунду-другую спустя снизу донесся всплеск. Фрэнк включил фонарик, посветил над головой. Так, стержня нет, но зато есть отверстие. Выше отверстия последний стержень и люк... Был соблазн: вставить в отверстие палец и, удержав таким образом равновесие, взобраться на ступеньку выше. Одной ступеньки достаточно, чтоб дотянуться до крайнего стержня...

Фрэнк преодолел соблазн, вставил в отверстие нож — раздался треск, полетели искры электрического разряда, запахло жженым пластиком и озоном. Да, совать туда пальцы не стоит, изоляцией стержни покрыты не зря. Но как быть? Не висеть же на этой стене бесконечно!..

Исполнив сложный акробатический этюд, Фрэнк стащил с себя мокрую куртку, снял портупею. Куртку он вышвырнул в люк, а портупею навернул на руку так, чтобы из кулака свешивалась достаточно длинная ременная петля. Взмах — и петля зацепилась за верхний стержень с первой попытки. Стержень выдержал несколько пробных рывков. Остальное было делом мускульной силы и гимнастической техники.

Выбравшись наружу, Фрэнк взглянул на часы. Ему казалось, будто он провозился в колодцах четверть часа. Прошло всего пять с половиной минут.

Сердечник разбитой колонки светильника, пульсируя голубым огоньком, потрескивал, как цикада. Под ногами хрустели осколки. На всякий случай Фрэнк прощупал окружающий сумрак лучиком фонаря. Быстро разделся. Выжимая одежду, он заботился, чтобы бластер все время был под рукой.

Пространство, где он находился, напоминало собой суженное кверху ущелье, стиснутое тремя ярусами бе-

тонных откосов. «Ущелье» имело два выхода: совершенно темный круглый тоннель и прямоугольный коридор, в конце которого виднелся скупо освещенный тамбур. Фрэнк выбрал коридор и, соблюдая осторожность, бесшумно скользнул вдоль стены.

Дойдя примерно до середины коридора, он услышал странный чавкающий звук, остановился. Посветил, но ничего подозрительного не заметил. Двинулся дальше и только у самого выхода обнаружил большой круглый люк.

Люк был открыт. В его горловине, обнесенной невысоким бортиком, колыхалась и пучилась бугристая беловатая масса. Фрэнк попятился. Можно было бы попытаться проскочить между бортиком и стеной, однако он не знал, что собой представляет эта бугристая мерзость, и не хотел рисковать. Он прикинул на глаз ширину препятствия, отошел назад, разогнался и прыгнул.

Пол у выхода был почему-то скользким, Фрэнк едва удержался на ногах и, не останавливаясь, выскочил в тамбур — если тамбуром можно назвать узкий загон, с трех сторон ограниченный стенами, внешняя из которых лоснилась блеском неокрашенного металла. «Загон» не имел потолка, источники света находились где-то очень высоко, и Фрэнк, задрав голову кверху, увидел, что свет пробивается полосами сквозь многорядье ажурных металлоконструкций; среди решетчатых ферм, балок, труб, вантовых переходов, затеняя и без того скудное освещение, висели прикрепленные к опорным мачтам огромные тупоносые баки. Шагах в пяти-шести пол обрывался в темноту. Фрэнку даже фонарь не понадобился — по шуму воды догадался: выход к бассейну.

Где-то на полпути к воде металлическая стена резко забирала вправо, и Фрэнк, полагая, что в его положении все-таки лучше двигаться посуху, свернул за угол. В глаза ударил прожекторный луч ослепляющей яркости, Фрэнк отскочил назад. Блеснула зарница, яростно зашипело, и на бетонной стене, освещенной прожектором, вздулся малиново-красный волдырь. Полыхнувшее пламя обдало жаром лицо, Фрэнк инстинктивно зажмурился. Вот как! Кто-то вел по нему прицельный огонь. Причем из машинки тремя классами выше его несчастного бластера...

Что-то мягко обвило ботинки, коснулось колен —

Фрэнк замер. Медленно вынул оружие из кобуры. После малиновой вспышки перед глазами все еще плавали радужные пятна, и первые секунды он таращился, не понимая, что это ползает и копошится у ног.

Белесые липкие стебли червеобразными движениями упорно пытались взобраться выше колен. Фрэнк дернулся и почувствовал мягкое, но сильное сопротивление. Неожиданно клейкие стебли напряглись, подобно упругой резине, и Фрэнк едва не сверзился на пол. Распластавшись спиной на стене, он обернулся. И чуть не выронил бластер. Буквально рядом — руку протянуть! — колыхался холм железообразного вещества. В тамбуре его скопилось уже предостаточно, однако новые массы слизи напирали из коридора, сползая поверх студенистого холма широкими жирными складками. Фрэнк спрятал бластер и выхватил нож. Он узнал бледную эльву — бич венерианских рудников, быстрорастущую слизь,— но в таком количестве видел эльву впервые. В тягучем, судорожно-медленном передвижении ее отростков и складок было что-то беспомощно-жалкое и мерзкое одновременно. Освобождаясь, Фрэнк несколькими взмахами ножа отсек дрожащие клейкие побеги.

С десяток секунд он выиграл, и этим надо было воспользоваться. Он быстро сорвал с себя куртку, размахнулся и выбросил из-за угла вверх под прожекторный свет. Блеснула зарница. В броске Фрэнк пересек освещенный участок, извернулся ужом, распластался в тени за укрытием. Рядом, распространяя удушливый чад, догорали лохмотья растрелянной куртки.

Укрытие выглядело надежным: вертикальная связка толстых труб, прикрепленная к опорной мачте. Далеко наверху связка разветвлялась отдельными трубопроводами, которые разбегались в разные стороны веером, пересекая решетчатые фермы. Путь наверх казался заманчивым, однако Фрэнк понимал, что стрелку (даже если он один) ничего не стоит «снять» идущего верхом первым же выстрелом сквозь это металлическое решето.

Фрэнк прислушался к шуму воды. Придется снова купаться — выбора нет. Фрэнк быстро вскарабкался по мачтовым переплетам на достаточную для его замысла высоту и почти наугад пальнул из бластера в сторону прожектора. Так же быстро спускаясь, он видел вспышку

ответного выстрела. Что-то с грохотом лопнуло над головой, из продырявленной трубы с ревом забила струя перегретого пара, все окружающее утонуло в мутной пелене. Фрэнк подивился эффективному результату, казалось бы, безобидной дуэли и, не теряя времени, бросился в воду.

Он чуть не захлебнулся и, вынырнув на поверхность, ошарашенно глотал пропитанный паром воздух. Вода в бассейне была нестерпимо горячей!

В жарком сумраке ничего не было видно. Фрэнк нащупал стенку бассейна и поплыл вдоль нее, рассчитывая обойти стрелка с левого фланга.

Скоро он вынужден был признать, что рассчитывал на это зря. Стенка высокая, гладкая — ни единого выступа. Она служила хорошим прикрытием, и только. Ухватиться за верхний край невозможно.

В сумеречной глубине бассейнового пространства над темной водой возвышалась какая-то мачта. Или колонна. Или просто большая труба. Фрэнк без всплеска ушел под воду, благо она была здесь гораздо прохладнее, и так же бесшумно вынырнул вблизи колонны. С верхушки этого столба свисали в бассейн ржавые цепи. Пошарив вокруг основания, Фрэнк обнаружил удобный уступ. Теперь он мог стоять над водой и, затаившись в укрытии, изучать позицию стрелка.

Набережная просматривалась как на ладони. Там, откуда светил прожектор, громоздились исковерканные взрывом скелеты обрушенных ферм, переломленный надвое остов опорной мачты, раздавленный бак. Над взорванным участком серебрилась паутина обвисших вант. Труба, пробитая выстрелом, все еще клокотала, как гейзер, прожекторный луч шарил в клубящемся облаке пара. Возле прожектора копошилась продолговатая тень, иллюминированная двумя неярко фосфоресцирующими шарами. Фрэнк всматривался до боли в глазах. Ясно было одно: на дыроглаза эта штука совсем непохожа...

Постепенно он разобрался в главных особенностях внешнего вида противника. По форме это был гриб с коническим утолщением ножки у основания. Криво посаженная широкополая шляпка «гриба» периодически меняла наклон — очевидно, вращалась. Фосфоресцирующие голубовато-серые шары, казалось, свободно разгуливали

по краям шляпного конуса, сближаясь, сталкиваясь, разбегаясь...

Тело колонны было прохладным, шершавым от ржавчины — удобный упор для плеча. Фрэнк обеими руками поднял бластер. Застыл, наблюдая поверх прицела игру суетливых шаров. Руки держали бластер твердо, но очень мешало ощущение нелепости происходящего.

Фрэнк выстрелил. Один из шаров рассыпался ярко-зелеными искрами, «гриб» покачнулся. Уцелевший шар забегал на «шляпке» с удвоенной скоростью. Глаз прожектора беспокойно ворочался в поисках снайпера — луч, словно стеклянный щуп, шарил в бассейне. Фрэнк, задержав дыхание, выстрелил снова и отступил за колонну. Фейерверк ярко-зеленых искр, металлический лязг и грохот...

Грохот затих. Минута настороженного ожидания. Слышно, как в воду шлепаются капли. Луч прожектора запрокинулся кверху и теперь, строго вертикальный и неподвижный, как мраморный обелиск, бессмысленно светил в зенит. Фрэнк снял ботинки, выплеснул воду, обулся, перепрыгнул на ближнюю цепь. Подниматься по звеньям было удобно.

На верхушке колонны он обнаружил массивный кронштейн, в котором был закреплен барабан с большими ржавыми зубьями. Тяжелые нити цепей поднимались на барабан, огибали его по желобам зубчатых блоков и, провисая над водой, тянулись в противоположном от набережной направлении. Полумрак, сгустившийся там почти до полной непроницаемости, не позволял разглядеть, куда вела «дорога трех цепей», и Фрэнку это не нравилось. Однако он понимал: ожесточенный поединок с грибовидной шароглазой тварью — верный признак того, что по набережной его не пропустят.

Цепи были натянуты неравномерно. Чего уж проще: топай себе по нижней цепочке, а за ту, которая выше, придерживайся для страховки рукой... Но хождение по цепям оказалось делом настолько своеобразным, что Фрэнк быстро взмок от усердия и, раскачиваясь над водой, дивился собственной самоуверенности. Именно потому, что цепи натянуты неравномерно, амплитуды их качаний не совпадали, и приходилось тратить много усилий, чтобы не потерять под ногами опору. Ближе к середине прогиба

«веселая» качка перешла в беспорядочную болтанку, Фрэнк посмотрел вниз. Темно... Кроме желтовато-серой полосы, пересекавшей черный бархат пространства перпендикулярно «дороге цепей», ничего не видно. Это скорее всего задняя стенка бассейна, отражавшая тусклый свет набережной. Или общая стенка двух смежных бассейнов?.. Пробираясь над полосой, Фрэнк почти был уверен, что слышит тихие всплески.

Толчок снизу был неожиданно сильным, как залп аварийно-спасательной катапульты. Перевернувшись в воздухе, Фрэнк, падая, успел ухватиться за звенья одной из цепей. Повис. И только теперь сообразил, что случилось. Цепи двигались. Двигались шумно и резво, увлекая его в темноту.

Лязг и скрежет напомнили Фрэнку, что дело может окончиться зубчатым барабаном. Или чем-то похуже... Что могло быть хуже ржавых шипов, он доискиваться не стал — времени для размышлений не было. Левой рукой он выхватил нож, посветил вниз. Догадка о смежных бассейнах, к его облегчению, подтвердилась — вода!.. Ничего другого не оставалось, как отбросить в сторону фонарик-нож, разжать пальцы и...

Фрэнк вынырнул на поверхность, выплюнул воду, поискал глазами огонек фонарика: рукоятка сделана из пенопласта, поэтому нож должен был всплыть... Должен был... Мрак стоял плотной стеной, ни единого проблеска. Спасибо, хоть вода прохладная и, судя по вкусовым ощущениям, чистая.

Фрэнк немного проплыл наугад, остановился. Он чувствовал: в бассейне что-то происходит. Неясный, приглушенный гул, шипение, уже знакомые всплески, бульканье... Из-за скрежета и лязга проклятых цепей разобраться в хаосе странных и не очень громких созвучий было трудно. Фрэнк подосадовал на себя за то, что так легкомысленно понадеялся на плавучесть ножа — темнота начинала действовать ему на нервы. Он даже нырнул с открытыми глазами, чтобы проверить, не светит ли крохотный огонек где-нибудь в глубине. Абсолютная тьма...

Вынырнув, он уже не услышал лязга и скрежета — цепи остановились. Источник гула, шипения, бульканья явно приблизился, но не стал из-за этого более понятным: странные звуки сливались теперь в однообразный, ровный

шум. Фрэнк терялся в догадках. Он вдруг ощутил, что его подхватило и понесло куда-то быстрое течение. Встревоженный и удивленный, он чуть промедлил, не зная, что предпринять. Чтобы выиграть время, он поплыл против течения, но скорость воды стремительно возрастала (он это чувствовал), и ему поневоле пришлось вступить с потоком в серьезную схватку. В какой-то момент показалось, будто из темноты надвигается пенистый вал. Фрэнк инстинктивно отпрянул, попытался рывком уйти от захлеста. Понял свою ошибку и прекратил бесполезное сопротивление. Никакого «пенистого вала» не было. Была воронка водоворота...

В водяную ловушку Фрэнк попался впервые, однако довольно отчетливо представлял себе физический механизм ее действия.

Для пловца, затянутого водоворотом, практически существует одна возможность спастись: не изнуряя себя в неравной борьбе, пойти ко дну. У самого дна круговой ток воды сжимается, ослабевает, и пловец с хорошим самообладанием имеет немалые шансы быстро покинуть опасную зону и всплыть достаточно далеко от воронки. Те, кто расчетливо погружается, чтобы спастись, как правило, выживают. Все зависит от гибкости человеческой психики. Но если имеешь дело с водоворотом в бассейне... Здесь едва ли не все зависит от диаметра и длины трубы водосброса, у входа в которую и образуется мощный водоворот.

Крутящийся поток буйствовал, брызгал пеной в лицо, норовил захлестнуть. Фрэнк чувствовал близость центра воронки и старался выровнять дыхание. Он знал, что способен продержаться без воздуха ровно три минуты, и при любых обстоятельствах не был намерен сокращать этот скудный запас жизненно важного времени хотя бы на одну секунду.

Воронка чмокнула, заглатывая добычу. Фрэнк вскинул руки над головой, погрузился в бешеную круговерть...

Путь по трубе водосброса был, к счастью, недолог: сумасшедший поток с минуту шумно буравил тьму, затем выплеснул свою жертву куда-то в наполненное синим светом пространство и, напоследок обрушив на Фрэнка многотонные массы ревущей воды, неожиданно успокоился.

Ошеломленный Фрэнк медленно всплыл на поверхность. Сощурил глаза, привыкая к прозрачному ультрамарину. Первое, что он увидел отчетливо, была лесенка, прикрепленная к стенке бассейна...

Фрэнк взошел по ступенькам, снял портупею с оружием, опустился на парапет. Лег на спину и, расслабив мышцы, окинул взглядом ультрамариновый прямоугольник потолка.

Металлическая облицовка парапета приятно холодила затылок, потолок покачивался. Фрэнк смежил веки, чтобы не видеть этого покачивания. Удивительно устроен человек. Кажется, сейчас ничто не в силах заставить его шевельнуться, несколько минут неподвижности — вопрос жизни и смерти, не меньше. Но, явись такая необходимость, он встанет, измученный, мокрый, вернется в исходную точку и снова проделает тот же путь на втором или третьем дыхании. На четвертом, пятом, шестом... Пока не рухнет ультрамариновый потолок.

Под сомкнутыми веками покачивалось море синеватой мглы, и Фрэнк позволил себе погрузиться в чуткую полудрему.

Мягкие губы знакомо пощекотали предплечье.

— Ты? — беззвучно спросил он.

— Я,— ответил Звездный олень.

На широко раскинутых дивных рогах капельный блеск незнакомых созвездий. Это было печально и уже не тревожило так, как тревожило раньше.

— Ты да я... Обмен весьма содержательной информацией.— Беззвучные ленты фраз чайками падали в темную с просинью глубину.

— Что скажешь, верный товарищ?..

— Попутчик,— поправил Звездный олень. Выпрямил шею, словно смотрел далеко в прозрачную ночь.— Дорожный попутчик из твоего румяного детства... Ты возмужал, поумнел. Научился бездумно орудовать бластером.

— Бездумно?

— Не нравится это слово? Возьми другое: бесцельно. Тоже не нравится? А хочешь знать почему?

— Да, любопытно.

— Потому, что постоянно чувствуешь себя участником

глупейшего аттракциона. И здесь и там, наверху. Ты не обиделся?

— Нет.

— Прости, сегодня я откровенен.

— Спасибо. Однако ты упускаешь из виду одно обстоятельство.

— А именно?

— Видишь ли, самое скверное не то, что приходится орудовать бластером на полигонах невежества. В конце концов, это частность...

— Я говорил об иллюзорности выдуманной цели вообще.

— А я беру шире и говорю о тупиках человеческих представлений. Понимаешь?.. Люди неплохо знают себя в пределах Земли. Много хуже — в пределах Системы. Но в звездных масштабах... Там Абсолютная Неизвестность. И против нее нет у нас философского иммунитета. Против неожиданностей космоса иммунитет просто немыслим... Наше лихое стремление к якобы романтичным и якобы дивным мирам постепенно сходит со сцены. Мы слишком рано придумали для себя место в Галактике. Теперь же, увязнув в труднейших делах освоения Солнечной Системы, мучительно размышляем: какое такое место нам уготовила в своих пределах сама Галактика... Мы в тупике. В глухом тупике собственных представлений...

Веки дрогнули — синяя тьма озарилась длительной вспышкой. В зале включили белое освещение.

Со стороны набережной раздались шаги. Кто-то приблизился и со стуком поставил что-то твердое на парапет. У самых ног послышался тихий скрежет. Фрэнк приподнял голову и, щурясь от непривычно яркого света, посмотрел поверх собственных ботинок. Это был Вебер. Сидя на парапете, Вебер сосредоточенно вспарывал жестянку с пивом. У него было красное от загара лицо, на носу и щеках шелушилась кожа.

— Устал? — спросил он, однако не отвлекаясь от дела.

Фрэнк не ответил. Нащупал затылком прохладное место и обозрел потолок. Теперь потолок был белого цвета и в смысле своей естественной неподвижности выглядел благополучно. В тишине приятно скрипела жестянка.

— Ничего... Двадцать минут пассивного отдыха, теплый душ, сухая одежда — и снова будешь в отличной форме.— Вебер со скрежетом отодрал крышку от банки: — Пей.

— Кажется, ты мне сочувствуешь, Мартин? — Фрэнк поочередно поднял ноги, чтобы вытряхнуть из ботинок воду.

— Нет, я тебя поздравляю. Как ты догадался, что проще всего уничтожить шары?

— Это старо, как... Ладно, догадался, и все тут.— Фрэнк сел и потянулся к банке. Пиво было отличное, с привкусом поджаренных орехов, но слишком холодное.

— Если бы ты промазал или выстрелил в корпус кибера, мы устроили бы тебе хорошую баню,— доверительно сообщил Вебер.

— Тоже верно. Зачем размениваться на мелочи вроде пожаров, эльвы, средневековых цепей на барабанах с шипами...

Помолчали. Фрэнк машинально взбалтывал пиво и пил небольшими глотками. Вебер смотрел на его руки: ему показалось, будто руки Фрэнка дрожат.

— Я шел последним? — полюбопытствовал Фрэнк.

— Предпоследним. За тобой идет Эгул. Неплохо идет — он сейчас в кольцевой галерее, сражается с пеной. Мур Баркман не смог пройти эльву, трое засыпались на перестрелке. Хак прошел, но утопил бластер. Чисто прошли пока только Дуглас и ты. Как тебе понравился водоворот?

— Водоворот? Было слишком темно... Но я тебе благодарен.

На лице Вебера отразилось неудовольствие.

— Хотя бы за то,— продолжал Фрэнк,— что ты не догадался запустить в бассейн живых аллигаторов. Кстати, я нож потерял... Вернее, некстати.

— Нож вынесло через трубу водосброса. Стоит тебе сейчас плюхнуться в воду, и «средневековый» инструмент снова будет у тебя в руках.

Фрэнк свесился с парапета и посмотрел вниз. Нож плавал у самой стенки.

Вебер стал раздеваться. Заметив, что Фрэнк внимательно на него смотрит, пояснил:

— Хочу освежиться, пока ты будешь занят в душевой.

Вебер вспрыгнул на парапет. Изготовился для прыжка в бассейн, но задержался.

— И вот еще что...— сказал он, не оборачиваясь.— К вопросу об аллигаторах. Если ты испытываешь потребность упражнять свое остроумие, то при чем здесь Вебер? Я тренирую ваши мышцы и нервы. Но кто сказал, что в мои обязанности входит тренировка вашего интеллекта?

Эхо разнесло по залу шумный всплеск.

«Действительно,— подумал Фрэнк,— при чем здесь Вебер, если ни в какие ворота не лезет сама система...»

От нечего делать Фрэнк знакомился с географией облысения черепа пятидесятилетнего человека. Фрэнк не рискнул бы причислить это занятие к категории достаточно развлекательных, но он был выше Вебера на целую голову, а кабинка цилиндрического лифта была для двоих слишком тесной.

Внизу что-то щелкнуло, кабинка вздрогнула, остановилась. Закругленная стенка раздвинулась — в дверную щель заглянула серо-зеленая мгла, пахнуло прохладой. Вебер шагнул за порог, постоял — руки в карманах. Свет из кабинки освещал его сзади, шея и обнаженные локти на фоне зеленоватого полумрака казались неестественно красными.

— Могу ли я считать кабину свободной? — осведомился Фрэнк.

— Лифт мы использовали до конца. Я проведу тебя на эскалатор. Это недалеко. И потом... ты мне еще нужен.

Фрэнк вышел. Оглянулся на лифтовый ствол. Над сферической крышей кабины угадывались очертания механизмов подъемника.

— Скользящая подвеска.— Вебер кивнул на темные перекладины ферм.— Трубы лифтовых стволов можно двигать с места на место. Да и не только трубы... Хозяйство сложное.

Скользящая подвеска Фрэнка не заинтересовала.

Они шагали по бетонированной платформе вдоль светящейся серо-зеленой стены. На платформе уложены рельсы. Было очень сыро, холод пронизывал до костей. Фрэнк старался обходить большие лужи, ежился и чувствовал, что скоро начнет дрожать и лязгать зубами,— летний костюм не мог защитить от леденящего сквозняка.

Оголенные до локтей руки Вебера покрылись пупырышками.

— Нельзя сказать, что у тебя за кулисами слишком уютно,— проворчал Фрэнк.

— Кулисы гораздо ниже. А здесь у нас кухня, где готовится весь реквизит.

На ходу Вебер вынул из кармана паллер и, перехватив левой рукой за короткий тупоносый ствол, не глядя, протянул Фрэнку:

— Держи.

Фрэнк машинально принял оружие. Это был небольшой, но довольно увесистый импульсный лучемет в керамической облицовке — рукоятка удобно лежала в руке. «Заряд трехразового действия»,— подумал Фрэнк.

— На всякий случай,— пояснил Вебер.— Возможно, тебе придется отразить внезапную атаку.

Если Вебер говорит «возможно», с этим надо считаться. Фрэнк сунул паллер в карман.

Засмотревшись на серо-зеленую стену, Фрэнк въехал в лужу ногой, брезгливо отряхнул ботинок. Сначала стена показалась ему покрытой светящимся пластиком, но потом он заметил резвую струйку воздушных пузырьков и понял, что стена стеклянная и все это сооружение — огромный аквариум. Фрэнк приотстал. В мутноватой глубине аквариума он разглядел большое желтое колесо с выступающими по ободу спицами и черными лопастями...

Где-то пронзительно взвизгнул металл. Фрэнк оглянулся. Вебер стоял на краю платформы и, потирая озябшие локти, смотрел вниз. Фрэнк подошел и тоже посмотрел вниз.

На дне бетонированного котлована поочередно вспыхивали разноцветные столбы. Их было восемь, они стояли ровным рядом: молочно-белый столб, за ним все остальные — семь цветов радуги. Возле столбов расстилалась идеально ровная площадка, размерами с хоккейное поле, а вокруг были навалены горы песка. В песке копошилась гусеничная машина с кузовом, организованно сновали небольшие жуки-автоматы. Вспыхивал белым сиянием первый столб — гусеничный автопогрузчик, урча, приближался к площадке и покрывал ее слоем песка, опоражнивая кузов через шипящий и извивающийся рукав со

щелевым наконечником. Белый столб угасал, вспыхивал красный — на площадку спешили отряды «жуков» и ровняли песок; зажигался оранжевый — другие «жуки», с непомерно раздутыми брюшками, наползали в челночном порядке, заливая песчаный прямоугольник темной и остро пахнущей жидкостью. Волна неприятного запаха быстро достигла края платформы.

Фрэнк отшатнулся.

— Для чего этот слоеный пирог?

— Для кого,— поправил Вебер.— Собственно, для вас. По кусочку на всю вашу братию... Придет время — узнаешь.

Металлический визг повторился. Вебер продолжал смотреть вниз, но Фрэнк был убежден, что звук идет не из котлована. Визг этот послужил сигналом к зарождению лавины звуков — шорохов, скрежета, рокота, хруста... Бетонный монолит платформы дрогнул, мышцы Фрэнка рефлекторно напряглись — поблизости рухнуло и раскололось что-то очень тяжелое. Грохот обвала прокатился гулкими раскатами беспорядочного эха.

— Морозильники сбрасывают лед в соседний котлован,— сказал Вебер.— Следующий ваш полигон будет с красивым названием: «Ледовые грезы»...

Над гребнем стены, разделяющей котлованы, выросло облако снежной пыли.

Фрэнк промолчал.

— Пойдем. Становится прохладно.

Они пересекли платформу по диагонали, торопливо прошли мимо наклонных люков, заиндевелые крышки которых напоминали о близости морозильных камер, свернули в узкий коридор со стеклянным потолком — сквозь матовое стекло свободно проникал слепящий ртутно-белый свет. В конце коридора журчала, поскрипывая ступеньками, коричневая лента эскалатора. Вебер галантно посторонился, пропуская Фрэнка вперед.

Наверху было гораздо теплее. Коричневая лента вползла в просторный тамбур. В отличие от неуютных нижних помещений, где все дышало непостоянством театральных декораций, тамбур выглядел стационарно и благоустроенно. Ни одной кабинки в лифтовых стволах, однако, не было — стеклянные трапеции дверей светились чистым аквамарином.

— Нулевой этаж,— подсказал Вебер.— Отсюда вы начинаете полигон. Идем, покажу.— Вебер поднял руку. Повинуясь жесту, участок стены с мягким шелестом утонул в образовавшемся проеме.

Фрэнк почувствовал неудовольствие. Он устал, и все это начинало его раздражать. Вебер ускользнул в проем. Фрэнку больше ничего не оставалось, как последовать его примеру. Они вошли в помещение, примечательное, пожалуй, лишь голыми стенами.

— Узнаешь? — спросил Вебер.

— Нет,— ответил Фрэнк, наблюдая, как зарастает выход. Угроза Вебера все еще оставалась в силе, и надо было правильно оценить обстановку.

Фрэнк перевел взгляд на потолок. Понял, что находится в коридоре, через который сегодня утром выходил на полигон. В потолке темнело отверстие лифтового колодца — единственный вход сюда, известный участникам полигона — «реалигентам». В цилиндрической кабине они спускались в этот коридор по одному (реже — по двое) и, проверив снаряжение, уходили выполнять придуманные Вебером задания. Коридор вел их в неизвестность. Сейчас он никуда не вел, его перекрывала глухая стена. Утром этой стены не было.

— Кстати...— проговорил Вебер.— Давно хотел спросить, за каким дьяволом вы расстреливаете наши следящие телефотеры и телемониторы? Чем они вам мешают?

— Дыроглазы? — изобразив на лице любопытство, уточнил Фрэнк и подумал: «Значит, попал!..» — Откуда нам знать, что это телефотеры? Сам же привил нам «реакцию на опасность». Теперь недоволен?

— Брось врать — не умеешь,— проворчал Вебер.— Вижу я вашего брата насквозь. Зубы мне заговаривать!..— Вебер рассеянно озирался. Словно бы чего-то ждал.

Фрэнк поглаживал в кармане рукоятку паллера и тоже ждал неизвестно чего и думал: «Кто кому тут заговаривает зубы?..»

Все произошло очень быстро. Фрэнк находился в состоянии готовности, но такого удара по нервам предвидеть не мог: откуда-то выскочил взъерошенный красно-черный клубок — пронзительный визг, хрюканье, осатанелый лай. Клубок шарахнулся под ноги. Вебер отпрыгнул. Фрэнк тоже отпрыгнул и выстрелил. Вместо выстрела — пнев-

матический выхлоп. Воющий клубок промчался мимо, вычертил в воздухе красно-черный зигзаг и скрылся в отверстии колодца... Вой стих. В воздухе остался запах озона.

Вебер чуть ли не силой отобрал у Фрэнка паллер. Открыл тыльную часть ствола, выдвинул обойму фиксатора, прищурясь, заглянул в окошечко призмы.

— Удачный выстрел. Поздравляю.

— Не с чем,— тихо ответил Фрэнк.— Это случайно. Я стрелял наугад.

— Все в порядке.— Ударом ладони Вебер вогнал обойму на место, захлопнув казенник ствола.— Если ты способен метко отразить атаку раньше, чем успеваешь осмыслить ее, мои усилия не пропали даром.

— Не пропали. Сначала метко стреляем, потом смотрим в кого. А по какому поводу — это уже не имеет значения.

Вебер постоял, почесывая рукояткой паллера подбородок.

— Все в порядке,— повторил он.— Можешь себе философствовать сколько угодно, но стреляешь ты автоматически. И очень неплохо. Никто не посмеет назвать мою школу... Впрочем, тебя это мало касается, умник.

Он повернулся к стене:

— Джимми, сделай нам выход!

В стене образовалась темная щель. В бархатной темноте ничего не было видно, кроме горизонтального пунктира красных огней.

Вебер подтолкнул Фрэнка под локоть:

— Входи. Из вашей братии ты единственный, кто сможет похвастать, что был у меня в операторской. Да еще во время работы полигона.

Фрэнк это знал.

— Вот как,— пробормотал он.— От ваших щедрот, так сказать.

— Ну... если угодно. В качестве извинения за бассейн, где ты опасался встретить живых аллигаторов. Ведь опасался, а?

Фрэнк промолчал.

КОЛЛЕГИ

В операторской оказалось светлее, чем Фрэнк ожидал,— просто стены, пол, потолок помещения были покрыты черным светопоглощающим материалом. Блики от многоцветных экранов, табло сияли на рукоятках аппаратуры маленькими полумесяцами, создавая занятный геометрический узор, будто капли росы на узлах сплетения нитей невидимой паутины.

В самом центре «паутины» перед широким экраном типа «Стереоспектр» маячила фигура очень высокого тощего человека. «Шест на ходулях»,— окрестил его Фрэнк про себя.

Трое других операторов были заняты чем-то у малых экранов плоского типа, скрытых наполовину козырьками нарамников. Лица упрятаны под ажурные забрала мускулопультов, впечатление такое, будто к лицу человека присосалось металлическое насекомое величиной с паука-птицееда. Техника тонкая. Бровью повел — кто-то на полигоне в люк провалился, рот приоткрыл — мощный водоворот. Подмигнул — выстрел, поморгал — серия... Эффектным дополнением к забралам мускулопультов были розовые удлиненно-выпуклые крышки наушников — от висков к подбородкам. Ни дать ни взять огромный двусторонний флюс. Чутко слышу, ясно вижу, с тобой, простофиля, все, что угодно, сделать смогу... Нет, как бы там Вебер не возмущался, а потягаться с дыроглазами на равных — дело почтенное.

Вебер толкнул гостя в кресло, сам плюхнулся в соседнее, тихо спросил:

— Пива хочешь?

Фрэнк моргнуть не успел, как уже держал в руке высокий стакан с белой шапочкой пены.

— Будь здоров, Фрэнк.— Вебер налил себе и поднял стакан.

— Будь здоров, Мартин.

На большом экране возникли скелеты решетчатых ферм.

— Алло, Джимми! — позвал Вебер.

Джимми приблизился. При ходьбе его ноги почти не сгибались в коленях — иллюзия, будто он на ходулях, была просто неотразимой.

— Главный режиссер полигона,— представил Вебер своего помощника.

Фрэнк пожал неудобно-плоскую ладонь главного режиссера.

— Рад вас приветствовать,— сказал Джимми.— Вас я знаю давно. Вы, как правило, плотно проходите полигон, с вами легко работать.

— Что значит «плотно»? — спросил Фрэнк.

— Этот не совсем удачный термин включает в себя перманентную множественность понятий...— Джимми сделал движение головой, словно ему давил воротник белоснежной рубашки.— В сущности, полигон можно рассматривать как сложный комплекс методов тренировочного воздействия на психику реалигента. Однако практическая трансформация разработанных нами деталей сценария не всегда...— Джимми запнулся.— Вы меня хорошо понимаете?

— Да,— сказал Фрэнк.— На полигоне я действую довольно однообразно, и это вам на руку.

— Скажем иначе,— вмешался Вебер.— На полигоне ты действуешь рационально.— Он показал на экран: — Джимми, как случилось, что Эгул идет верхним путем?

— На взорванном участке набережной скопилось много металла... и, выбирая новую позицию, я неудачно поместил кибер-стрелка под противопожарным баком. Реалигент воспользовался этим — отстрелил крепления бака.

«Знай наших!» — весело подумал Фрэнк.

— Кибер, конечно, в лепешку? — спросил Вебер, отодвигая стакан.

— Нет, до такой степени кибер-стрелок не деформирован, но комплекс его функциональных возможностей теперь ограничен. Действия реалигента были для операторов неожиданными, нейтрализовать его реакцию не удалось.

— Неплохо,— одобрил Вебер.— Эгул в равной степени умело пользуется бластером и обстоятельствами. Но мне необходимо окунуть его в водоворот. Пожалуй, сделаем так...— Вебер что-то там забубнил про «малый дождик», про «универсальную лягушку», про «качающийся тандем». Джимми, склонившись над креслом, внимательно слушал. Его нос, похожий на остро заточенный то-

магавк, навис над лысеющим черепом Вебера, и это казалось опасным.

Получив инструкции, Джимми ушел. Посыпались отрывистые слова команд, в молчаливой компании операторов произошло заметное оживление. «Трое на одного»,— мысленно посочувствовал Эгулу Фрэнк.

— Не обращай внимания,— посоветовал Вебер.— Им не до нас.

Пили неторопливо, смакуя. Фрэнк признал вкусовые достоинства пива, но выразил опасение:

— Говорят, от пива брюхо растет.

— Ерунда,— проворчал Вебер.— Каждый день пью, а где у меня брюхо?

— Да, брюха у тебя нет. Брюшко. Спортивный животик.

— Ну, если сравнить с животиком нашего шефа... Кстати, напомни при случае Носорогу, что я давно не видел его на разминках. Подтянуть брюхо ему не мешало бы.

— Ладно,— пообещал Фрэнк, с наслаждением вытягиваясь в кресле.— Но вряд ли... Такого случая долго не будет. Шеф завален делами по горло.

— Я вижу, все вы там... по горло. Дисциплина ни к черту! Гейнц и Лангер пропустили два полигона, Кьюсак отметился в прошлый раз и сбежал, Хаст вообще куда-то запропастился. Что ж мне, начальству рапорт на вас подавать?

— Разморило меня...— томным голосом сообщил Фрэнк.— Мартин, все претензии — шефу. Плесни-ка еще... Говоришь, дисциплина? — Фрэнк дунул на пену, хлебнул.— Там у нас тоже своя дисциплина, зря рычишь на ребят... они-то при чем? Дел у нас выше бровей. Гейнц, к примеру, висит на хвосте, Кьюсак и Лангер сушат болото. Хаст сушит где-то за горизонтом. Видимо, скоро вернется... Позавчера шеф и мне выдал перо на болото.

Вебер спросил осторожно:

— Болото хоть с блеском? Впрочем, судя по твоему настроению...

— Хороший ты психолог,— похвалил Фрэнк.— Я ведь на Корк-Айленд летал — какой уж там блеск!

— Не был я на Корк-Айленде,— с сожалением сказал Вебер.— Я, признаться, ни в одной зоне СК еще не был.

«Нам, бедным реалигентам, неслыханно повезло»,— подумал Фрэнк. Глядя на собеседника поверх стакана, сказал:

— И не мечтай. В зону СК тебя не пропустят... А если пропустят, то уже навсегда. Тебе ведь не хочется навсегда? — Фрэнк развлекался.— Ну зачем тебе в зону?

— Мне интересно.

— Н-да... Знал бы ты, как там интересно. В морге тебе интересно? Так вот, на Корк-Айленде еще интереснее.

— Неужели настолько... гм... неприятно?

— Неприятно — не то слово, Мартин. Ты что... действительно не знаешь?

— Откуда ж мне знать? Кое-что слышал, конечно. В самых общих чертах. Корк-Айленд, «Энорис». Зоны «полного отчуждения»... Ведь толком никто ничего не расскажет. Попрыгают, постреляют — и след простыл. Все новости мимо проходят. Будто и не в одной конторе работаем. Вот как-нибудь соберусь и выскажу все это шефу.

— Не советую.

— Что? Тайна великая?

— Нет, но все равно не советую. То, чего ты не знаешь, не сможет тебе повредить.

— Тебе повредило?

— Не сомневайся. Вояж на Корк-Айленд по меньшей мере на месяц вперед обеспечил меня кошмарными сновидениями.

— Да? Это уже любопытно.

— Кому как... В этом мире, знаешь ли, все относительно.

В глубине большого экрана что-то мелькнуло сверкающей полосой, грохнуло и разлетелось звонкими брызгами. На фоне светлого пятна остывающего металла появилось искаженное гримасой лицо. Фрэнк с трудом узнал Эгула и стал наблюдать.

Эгул тяжело дышал. Дико озираясь, он смахивал пот с лица рукой с зажатым в ней бластером. Чаще всего он оглядывался назад, палил из бластера и спешил дальше. Во время бластерных вспышек Фрэнк видел его спину. Воротник куртки полуоторван, на спине зияла прореха. Эгул остановился, неожиданно выстрелил вверх, бросил оружие в кобуру, подхватил конец перебитого троса.

Фрэнк понял, зачем ему это нужно, когда заметил, что по вантовым переходам и перекладинам ферм растекаются языки зеленого пламени. Металл горел. Подергав трос, Эгул откачнулся и прыгнул в темный пролет между решетками ферм. Пылающий трос плавно вычертил огненную дугу и, освобожденный от груза, вернулся на середину пролета, закачался в воздухе, роняя огневые капли. Далеко внизу едва виднелась плохо освещенная фигурка Эгула.

— Отлично!..— Вебер стукнул кулаком в ладонь.— Джимми,— крикнул он,— убери «дождик» и постарайся вытряхнуть Эгула ближе к воронке!

Эгул на чем-то висел. Изображение укрупнилось. Он висел, уцепившись руками за одну из трех знакомых Фрэнку цепей...

Самостоятельность, трудно добытая Эгулом в честном бою, на этом заканчивалась. Все остальное от личной инициативы его теперь никак не зависело. Водоворот и труба водосброса... Эгул вынырнул в зале с ультрамариновым потолком и, заметив удобную лесенку, спешно к ней устремился, демонстрируя неожиданно мощный и по-спортивному очень техничный «дельфин». Шел, что называется, на гребне волны. Опасался, должно быть, очередного подвоха...

— Хорошо идет,— одобрил Вебер.— Красиво. Король полигонов!

Эгул взобрался на парапет, срывая на ходу мокрую куртку и портупею. Короля полигонов изрядно шатало.

Экраны погасли, на потолке проступили рыжие пятна неяркого света. Джимми адресовал Фрэнку прощальный кивок и ушел встречать Эгула. Операторы, сворачивая свое хозяйство, издали поглядывали на Фрэнка и чего-то там пересмеивались. Вебер сделал им знак удалиться. Помещение опустело, чуть слышно прошелестел убегающий лифт.

— Не торопишься? — Вебер наполнил стаканы.

— Нет.— Фрэнк посмотрел на часы и позволил себе приятно расслабиться.— Пока нет.

— Пока... Недавно ведь как было: утром сделал свой полигон — и катись на все четыре стороны, отдыхай.

— Что было, то было,— рассеянно ответил Фрэнк.— Но есть основания думать, больше не будет.

Вебер быстро взглянул на него:

— То-то я и смотрю: в последнее время засуетились...

— Давай о чем-нибудь другом,— попросил Фрэнк.— О чем это мы с тобой так интересно беседовали?..

— О Корк-Айленде.

— Дался тебе этот Корк-Айленд.

— Может, расскажешь подробнее?

— Расскажу. Но этого словами не... Это надо собственными глазами. А лучше бы и не надо... Ну остров. Хороший остров. Прочный, зеленый. В прежние времена, говорят, база там военная была, для подводных лодок-ракетоносцев... Крохотный городок. Тоже с виду обыкновенный. Веселенький такой, разноцветный. Пляжи роскошные... В общем, приятно с воздуха посмотреть. Ну сели. Прямо на крышу лечебно-экспериментального корпуса. Пилот двигатели остановил, дверцу кабины отодвинул и на меня странно так смотрит. Включил какую-то музыкальную звукозапись на полную мощность. «Я,— говорит,— лучше здесь посижу». «Чудак,— думаю,— вышел бы ноги размять перед обратной дорогой». Дело у меня было несложное, и через час нам надлежало снова на материк...

— Какое дело, если не секрет?

— Не секрет. Выполнял подстраховку одной гипотезы шефа согласно его хитромудрому императиву: «Отсутствие ожидаемого результата есть уже результат».

— Понятно...— Вебер хлебнул из стакана, вытер губы тыльной стороной ладони.— Зря, значит, летал?

— Нет, отчего же зря? В силу вышеупомянутого императи...

— Ладно, я понял. Сочувствую. Продолжай.

— Ну выпрыгнул я из кабины. В ушах... сам знаешь... после высоты и свиста двигателей этакая мутная неопределенность. Однако слышу: бьют барабаны. Бум-бу-бум, бум-бу-бум...— в таком вот ритме. Повертел головой — крыша просторная, ничего не видать, кроме верхушек деревьев и синего неба. «Что за черт,— думаю,— праздник у них какой, что ли? Нет, непохоже — ритм барабанного боя не тот. Под этот ритм праздновать разве что День тоски и печали...» А барабаны лупят и лупят. Не по себе мне стало, мурашки по телу... «Так-так,—

думаю,— не рановато ли я пилота в чудаки записал?» Потом уже, когда я с крыши спустился и синюков увидал, мне врачи объяснили про барабан. «Единственное средство,— говорят.— Больше ничего не помогает. Синюк,— говорят,— барабанному ритму только и подчиняется». Вот и лупят ночью и днем, без передышки. Особенно важно в лунные ночи... Бьют, конечно, не в натуральные барабаны, а просто транслируют звукозапись на всю территорию...

— Погоди, погоди! — Вебер недоуменно поморщился.— Синяк... это как понимать?

— Синяк? Посиневший кровоподтек от ушиба на человеческом теле. Хочешь, брюки сниму и покажу сегодняшний свежий синяк величиной с чайное блюдце?

— Ну этот... как его? А, черт! Синюк!..

— Синюк — дело другое.— Фрэнк пристально посмотрел в глаза собеседника.— Синюк — это свежий кровоподтек на теле нашей цивилизации. И не единственный, между прочим.

— Ладно, разницу я уловил. Только мне все равно ни черта...

— Про очаги «синего бешенства» на рудниках Венеры слыхал?

— Так это?..

— Да.

— И все шестьдесят человек?

— Да. Если их еще можно назвать человеками.

— А я полагал...

— Нет. Все уже на Земле. Корк-Айленд. Пятая зона СК, морской отряд военизированной охраны. От нас в двух часах летного времени. Зона «полного отчуждения»... Мы гуманисты.

— А какие гарантии мы...

— Гарантии? Я вижу, в тебе поубавилось энтузиазма быть гуманистом. Гарантии!.. Врачи утверждают, что неопасно. Иначе бы... Ну, словом, это не вирусное заболевание типа марсианского «резинового паралича». Это как-то там связано с вегетативной нервной системой, гормонами. Одни считают виновником неизвестный ядовитый газ, выделившийся из пирокластических пород на рудниках, другие — пыль какого-то редкого минерала...

— «Венерины слезы»? Прозрачный такой, с металли-

ческим блеском?.. Ну который мы так поспешно изъял из ювелирного обращения в прошлом году.

— Не знаю. Венерины, говоришь?.. Похоже, что наш

Помолчали.

Вебер спросил:

— А синюки эти... что, совсем безнадежно?

Фрэнк помедлил.

— Изучают пока... По-моему, безнадежно. Ты бы вблизи на них посмотрел.

— И ты... с ними...

— Нет! — догадался Фрэнк.— Только через бетонную стену. Стекло и бетон! Я исповедую гуманизм, но... Да и никто бы мне не позволил. Крыша лечебного корпуса и кабинет главного медика зоны — вот и все.

— Как же тебе удалось?..

— Посмотреть? Главный медик, с которым я разговаривал, высветлил для меня наружную стену своего кабинета. Глянул я, да так и обмер. Пока смотрел, их несколько мимо проковыляло. Голые, синие... Их солнцем и воздухом лечат. Чем их там только не лечат. Головы безволосые, морщинистые, в буграх и шишках. Глаза навыкате, рты до ушей, будто улыбка с голубым оскалом. Движения какие-то куриные — судорожно-резкие, составленные из отдельных фаз. Кур видел? Очень похоже. Поворот головы, к примеру,— три-четыре фазы, не меньше... Ходят поодиночке, сутулясь. Ковыляют без устали, с какой-то жуткой настойчивостью. При этом руки чуть в стороны, ладонями вперед, будто все время ловят кого-то вслепую!.. В общем, дико смотреть. Понимаешь... цветы кругом, изящные коттеджи. Небо синее, море синее и эти... синие, как утопленники. Под барабанный бой. И еще, знаешь... качели там на площади, и на многих из них синюки... Аккуратно так. Рядами. Покачиваются...

Лицо у Вебера странно застыло, и Фрэнк пояснил:

— Ну... не качели, конечно. По-другому их там называют. Воздушные компенсаторы, что ли. Это когда на синюка находит, он начинает землю руками скрести, его, голубчика, на мягких лямках вздергивают. Подрыгает он ногами и успокоится. Через полчаса отпускают — гуляй. Дело, в общем, для тамошней медицины обычное. А вот в светлые ночи, особенно в полнолуние, медикам тяжело. Бывает, барабаны плохо помогают. Тут уж приходится

синюков опасаться. Тогда их стараются всех... на эти... воздушные компенсаторы. А то и вниз головой... Тебе интересно?

Вебер что-то промычал в ответ.

— Понимаешь, Мартин... Это все, так сказать, иллюстративная сторона дела. Синюки, барабаны, воздушные компенсаторы... Существо дела гораздо сложнее. И проще... Диалектика, одним словом. Наша предприимчивая цивилизация вырвалась в просторы Солнечной Системы, плохо себе представляя, во что это нам обойдется...

— Твоя диалектика? — полюбопытствовал Вебер, промокая салфеткой влажный лоб.

Фрэнк, свободно вытянувшись в кресле и заложив руки под голову, некоторое время разглядывал потолок.

— Нет,— сказал он.— Диалектика бытия. Нашего с тобой сегодняшнего бытия.

Хотел добавить: «...и завтрашнего», но воздержался. Подумал: на кой черт все это надо? То есть на кой черт все это Веберу? Нервы у него в порядке, прекрасное пищеварение, отличный сон, вот его диалектика. В конце концов, Веберу наплевать на Корк-Айленд, «Энорис» и на все остальные зоны СК, вместе взятые. И цена, которую надлежит заплатить человечеству за вторжение во Внеземелье, лично его, Мартина Вебера, мало волнует. Две зоны «полного отчуждения»? Хоть двадцать две. Лишь бы гарантия, что неопасно. Ах, наука сегодня настойчиво ищет способы выйти в просторы Большого Космоса, к звездам?! И завтра, быть может... Ну что ж, придется удвоить, утроить сложность завтрашних полигонов. Вместо «малого дождика» — душ из напалма и раз в неделю прыжки с Ниагарского водопада. Нет, кто же спорит, платить настоящую цену за выход в звездные дали, конечно, придется, но... Как вы сказали? Две тысячи двадцать две зоны «полного отчуждения»? Треть человечества в плотном кольце спецкарантинной охраны?! Н-да, многовато... Но это, простите, забота потомков. Потомки... хе-хе... наверное, станут умнее и что-нибудь непременно придумают, сообразят. Как в прошлом — вы помните? — осторожные дети стали умнее отцов термоядерной бомбы...

— Ты прав,— нарушил молчание Вебер.— Освоили

малую часть Внеземелья, практически только в пределах орбиты Юпитера, а уж хлопот полон рот. Что ни день, новый сюрприз...

— Освоили? — переспросил Фрэнк.

— Ну... во всяком случае, процесс освоения идет полным ходом.

— Ах, процесс!..

— А что? Как-никак по данным отдела Статистики нашего Управления на внеземельных объектах работает шестьсот две тысячи человек. Не считая личного состава Объединенного космофлота Системы. Я постеснялся бы называть это «легким знакомством».

— Да, легким не назовешь. Особенно если учесть то, о чем мы с тобой говорили. А если и то, о чем не говорили...

Вебер молчал. Нетрудно было заметить, как отчаянно он пытается разобраться в логике собеседника. Фрэнк посмотрел на него и добавил:

— Условия спецкарантина, Мартин, меняются прямо на наших глазах. И весьма радикально. Два года назад ты что-нибудь слышал о зонах «полного отчуждения»? То-то... Сегодня Корк-Айленд, «Энорис» уже не в диковинку. Старый наш плакатный девиз «Осторожность не повредит!» превратился в отчаянный супердевиз «Осторожность, помноженная на осторожность!». Мы теперь возвели этот супердевиз в ранг безусловного принципа своего отношения к Внеземелью.

— И правильно сделали,— отрезал Вебер.

— Да. Но это верный признак растерянности. Это есть оборона. Мы начинаем защищаться, Мартин. Сегодня стекло и бетон. А завтра?

— Стекла и бетона хватит нам и на завтра.

— А, превосходно.

Фрэнк посмотрел на стакан. Пить уже не хотелось. Разговаривать тоже. Вебер ему надоел. Он ощущал себя достаточно отдохнувшим, чтобы уйти, но еще не настолько, чтобы это хотелось сделать немедленно.

Вебер спросил:

— Тебе на «Энорис» летать приходилось?

— Приходилось.

— Ну и что?..

— Ничего. Просто космическая оранжерея. Овощи,

фрукты, цветочки... Помню, там был отличный ресторан с красивым видом на созвездие Лебедя.

— Ресторан и я помню. Ну а потом?

— Потом? Комфортабельная космическая тюрьма для тех, кто подхватил на Марсе «резиновый паралич». Тюрьма, которую мы с присущей нам деликатностью именуем объектом СК-4. Или зоной «полного отчуждения» номер два, что, на мой взгляд, менее деликатно.

— Я спрашиваю: потом летать приходилось?

— Разумеется, нет. И знаешь, не сожалею.

— Я почему спросил, верно ли говорят, что у «резиновых паралитиков» кости гибкие, как эластик?

— Ерунда. Кости обыкновенные, твердые. А вот суставы, хрящи, сухожилия — те действительно... Мышцы как тряпки. Ведь его, паралитика, вчетверо можно сложить. Ему коленки можно свободно выгнуть назад, локти вперед, а голову повернуть почти вкруговую. Сверхгибкость. Видел, есть куклы такие — ноги и руки болтаются на резинках? Точная копия. Вернее, модель.

— А с этим у них...— Вебер стукнул себя пальцем в лоб,— полный порядок?

— Абсолютно. Заняты научной работой — большинство из них имеют отношение к институтам по мерзлотоведению и гляциологии. Уравновешены и спокойны, продолжают надеяться на скорое выздоровление. Даже чувство юмора в норме.

— Ладно хоть так... А медики что говорят?

— Разное говорят... Но тоже надеются. Работают в поте лица. Одни говорят, что вирус не наш, не земной, другие подозревают мутацию вируса гриппа... В общем, теперь на «Энорисе» целый научно-исследовательский комплекс. На двести больных гляциологов столько же, если не больше, врачей. Молодые дерзкие микробиологи готовы на все, лишь бы попасть на «Энорис». По счастью, излишняя дерзость сегодня не очень в почете.

— Охрана надежная?

— О, будь спокоен! И самое парадоксальное то, что наш респектабельный гуманизм здесь не терпит почти никакого урона. Ведь жить на Земле узникам этой тюрьмы физически неудобно. Им, беднягам, нужна невесомость.

— Прямо как в цирке...— Вебер качнул головой.—

Синюки, барабаны. Орбитальные паралитики... На Земле становится слишком весело, а?

— Похоже, Мартин, скоро нам будет еще веселее.

— Ты серьезно так думаешь?

— Будем считать, что это продукт моего остроумия. На всякий случай, однако, нам не мешало бы пополнить запасы стекла и бетона. Сколько там у нас не занятых еще оранжерейных спутников типа «Энорис»?

— Где же, по-твоему, выход?

— Ценишь, значит, мое остроумие. Спасибо. Но лично я не знаю, где выход. И пока не знаю никого, кто знал бы.

— Но если это действительно так, то... То как будет дальше?

— Как в цирке,— рассеянно ответил Фрэнк.— Ведь сам говоришь: освоение Внеземелья идет полным ходом. Все правильно, так оно и есть. Человек шагает по соседним планетам или зондирует их с планетарных орбит. Чего ж удивляться, если у нас на Земле ковыляют синие синюки, а в небесах болтаются эластичные паралитики? Мы осваиваем Внеземелье — Внеземелье мало-помалу осваивает нас... А почему бы и нет? Обратная связь.

Тишину операторской нарушил мелодичный писк. Фрэнк насторожился и поискал глазами звуковую колонку спикера внутренней информации.

— Внимание! — произнес женский голос. Писк прекратился. Кокетливо растягивая слоги, голос вещал: — Всем участникам операции «Черный след» объявлен сбор в инструкторском холле второго отдела. Повторяю...

— Это меня,— сказал Фрэнк, вздохнул и поднялся.

— Сядь,— сказал Вебер.— Любопытное дельце?

— Что?

— «Черный след».

— Не знаю.

— Я кое-что слышал...

— Что именно и от кого?

— Ну... это неважно.

— Неважно — помалкивай. Где тут выход на лифт?

— Сядь, я сказал. Поедешь с комфортом.

Фрэнк сел. Вебер мрачно посоветовал:

— Подними подлокотник.

Фрэнк приподнял, обнаружил миниатюрный кнопочный пульт.

— Тебе на семнадцатый?

— Да.

— Ну и чего копаешься? Ищи кнопку с цифрой «семнадцать». Сначала нажми белый клавиш. Стой! Скажи мне одно... Это очень опасно для парней, которые там?..— Вебер покрутил пальцем над головой, имея в виду, очевидно, весь контингент работников Внеземелья.

— Я сказал, что не знаю.— Фрэнк надавил клавиш. Пунктир красных огней сдвинулся в сторону, кресло тронулось и покатило в темную нишу.— Всего хорошего, Мартин. Встретишь Эгула, не забудь угостить его пивом!

— Ладно, отчаливай.

На семнадцатом этаже Фрэнк вышел из лифта и увидел широкую спину Барнета Лангера, который удалялся по коридору, наклонив голову вперед, будто намереваясь таранить лбом одному ему заметную преграду,— эта его манера ходить всегда вызывала у встречных прохожих легкое замешательство.

— Салют, Барни! — окликнул Фрэнк.

Лангер живо обернулся, помахал рукой.

— Ого, ты пользуешься персональным лифтом Вебера! Премия за полигон?

— Нет. В качестве премии Вебер водил меня за кулисы.

— Впервые слышу такое от рядового реалигента.

— Почему рядового? Теперь я в фаворе у старика.

— Ах, вот даже как!..

Они поравнялись.

— Тебе удалось нащупать у Вебера слабую точку? — осведомился Лангер.

— Две. Первая — полигон, понятно. Старик спит и видит, как бы устроить нам пакость позамысловатее. Мне он устроил темный водоворот, и я в запале неосторожно подкинул ему идею запустить в бассейн живых аллигаторов...

— Мой полигон послезавтра,— задумчиво сообщил Лангер.— Под кодовым названием «Дичь». Если вместо вальдшнепа мне придется иметь дело с живым аллигатором, я с тобой рассчитаюсь.

— Мой полигон был под названием «Поплавок». Нанырялся и наплавался до обалдения. Думаю, роль вальдшнепа придется исполнить тебе самому.

— Ну хорошо...— Лангер взял Фрэнка под руку и заставил сбавить шаг.— Вторая слабая точка Вебера?

— Жгучая любознательность.

— Ты меня развеселил!

— И тем не менее... Боюсь, я в этом смысле надолго испортил ему настроение.

— И поделом. Ему не следует совать свой нос выше нулевого этажа.

— Но мне его жаль. Он начинает подозревать, что с помощью средневековых цепей, ржавых ферм и современных огнетушителей моделировать варианты «космических неожиданностей» ему не под силу. Это гложет его... Вбил себе в голову, что обычных тренировок нам недостаточно. Ищет для полигонов некий универсум, посредством которого надеется привить нашему брату иммунитет против любых — любых! — сюрпризов Внеземелья. У меня духу не хватило сказать ему прямо, что задача неразрешима в принципе...

— Стоп! — сказал Лангер и действительно остановился.— В упаковке из умонастроения Вебера ты, кажется, преподносишь мне собственную мораль?

На мгновение у Фрэнка перехватило горло от ярости. Не против Лангера, нет. Скорее по поводу заколдованного круга мнимых двусмысленностей, в котором Фрэнк все чаще и чаще себя ощущал, когда в разговорах с коллегами вольно или невольно касался того, что его в последнее время тревожило. Он тоже остановился, взглядом окинул — сверху вниз — массивную фигуру товарища. Вспышка гнева угасла.

— Ну и что? — уже совершенно бесстрастно спросил он.

— Ничего.— Лангер заговорщически подмигнул.— Превосходный ты парень, вот что. Но как только ты принимаешься философствовать, у меня почему-то свербит в носу и возникает иллюзия умственного переутомления.

— Да, это у тебя не совсем нормально... Впрочем, надо же тебе с чего-то начинать.

Они стояли друг против друга, загораживая проход.

Но, кроме них, никого в коридоре не было. Далеко в коридорную перспективу уходили матово-белые светящиеся полосы люминесцентного пластика вдоль стен и вдоль потолочных карнизов. Стены казались сплошными, о местонахождении дверей можно было лишь догадываться по вмонтированным в стены символическим фигуркам из нержавеющей стали; фигурки больше походили на украшения, хотя служили главным образом для кодового обозначения отделов. Прямолинейный коридор был только в этом крыле Управления, и только здесь, на семнадцатом этаже,— крыло просматривалось насквозь.

— Я знаю, что у тебя на уме.— Лангер сочувственно ткнул товарища кулаком в плечо.— Космос, дескать, щедр на сюрпризы, разбираться в которых с помощью лучеметов нехорошо, неэтично...

— Прежде всего непрактично,— вяло огрызнулся Фрэнк.

— Когда мы брали банду Меира Шлокера, это было практично,— напомнил Лангер. Он похлопал себя по шее в том месте, где розовел шрам от ожога.— Это было практично, потому что никто из бандитского экипажа «Черной жемчужины» не умел стрелять в условиях перегрузок так, как умеем мы. Даже сам Шлокер. Я выхватил бластер на четверть секунды раньше, чем это успел сделать он.— Лангер широко улыбнулся.

— Между прочим,— заметил Фрэнк,— наша контора называется «Западный филиал Международного управления космической безопасности и охраны правопорядка».

— Это так же верно, как то, что меня зовут Барнет Лангер. А тебя Фрэнк Полинг. А нашего шефа...

— Космической безопасности, Барни! Безопасность по отношению к неожиданностям Внеземелья! Я плохо знаю «дело Шлокера», но абсолютно убежден, что ликвидация банды на «Черной жемчужине» — это чистейшей воды акция по охране правопорядка!

Лангер поморщился:

— Не ори, у меня прекрасный слух. Мы с тобой по-разному воспринимаем термин «космическая неожиданность», вот и все.

— Верно.— Фрэнк заставил себя успокоиться.— Юридическое образование не позволяет мне валить в одну кучу

гангстеров Шлокера и, скажем, загадку «резинового паралича», скосившего добрую треть гляциологов Марса.

— Видишь ли, суть, наверное, не в терминах. И здесь я, пожалуй, с Вебером солидарен. Главная наша забота: суметь защитить человека от любых — любых! — неожиданностей Внеземелья, успеть вовремя стать между ним, человеком, и подстерегающей его всякой разной опасностью. Ведомой и неведомой.

— Это ваша забота, господа сверхчеловеки,— возразил Фрэнк.— Если, конечно, ты считаешь себя сверхчеловеком.

— Я считаю себя сотрудником оперативно-следственного отдела.

— О, мы, оказывается, коллеги.

— Да, если ты имеешь в виду штатное расписание.

— Ну это не так безнадежно, Барни. Тому порукой нивелирующая деятельность Вебера...

— Пойдем, коллега,— миролюбиво предложил Лангер.— Мне не терпится увидеть Хаста.— Он повернулся и чуть ли не бегом бросился вдоль коридора.

Фрэнк нагнал его двумя прыжками:

— Почему ты сразу не сказал, что Хаст вернулся?

— Для тебя это новость?

— Я слышал, что нас приглашают в инструкторский холл, но откуда мне было знать, по какому поводу. Ведь кроме тех нескольких слов, которые ты мне вчера...

— Кстати,— Лангер загадочно ухмыльнулся,— Хаст прилетел не один.

— С этим... из «диких кошек»? С Кизимовым?

Эмблема второго отдела — стальной хромированный трезубец. Лангер тронул среднее острие, шагнул в открывшийся проход.

— Нет,— сказал, входя следом, Фрэнк.— Готов держать пари — это не Кизимов. Скорее, кто-нибудь из Восточного филиала.

— Точнее, шеф оперативно-следственного отдела Восточного филиала Сергей Никол ский.

Фрэнк тихо присвистнул.

Они вошли в холл. Массивная мебель казенного образца и большое, во всю стену, залитое солнцем окно. Прямые лучи дробились на светорассеивающих ребрах верхней половины стекла, но ближе к окну лежал на полу

жаркий солнечный прямоугольник. В прямоугольнике стояли четверо: носатый Вуд, белобрысый Альвен, Кьюсак и Гейнц. Компания щурилась и сосредоточенно смаковала через соломинки содержимое круглых, как елочные шары, бокалов. Гейнц был в огромных светозащитных очках и, несмотря на свой относительно небольшой рост, выглядел в них очень воинственно — темная грива его волос живописно и дико топорщилась на затылке.

— Общий салют дегустаторам! — поздоровался Лангер.

Никто не ответил. Лангер понял, что продолжать в том же духе не стоит. Направился к бару, поднял крышку, влез туда по пояс, долго там копался и звенел стаканами.

Фрэнк подошел к молчаливой четверке. Заметил под глазом у Кьюсака желтый остаток недавно сведенного синяка.

— Судя по вашим физиономиям, надвигается пыльная буря.

— У тебя разыгралась фантазия,— мягко возразил Кьюсак.

— Это иногда бывает после вонючих подземелий Вебера,— добавил Гейнц.

Вуд принюхался.

— От него разит пивом! — объявил он.— Мы здесь уже одурели от водопроводной воды, а Полинг благоухает, как баварская пивоварня! Да еще возымел наглость обозвать нас дегустаторами!

— Дегустаторами обозвал нас Лангер,— вступился за Фрэнка Альвен, соблюдавший справедливость при любых обстоятельствах.

— Вуд, теперь придется обнюхать и Барни,— сказал Гейнц.

— Не советую,— прогудел Лангер из бара.— Я могу ненароком задеть его обонятельный орган, и ему придется отложить сегодня свидание с Кэт.

— Да,— согласился Вуд.— Риск не оправдан. Пусть его обнюхивает Носорог.

Снова молчание. «Вероятно, не знают?..» — подумал Фрэнк и, сунув руку в карман, нащупал жетон с выдавленной надписью «07. Черный след». Хотел было вынуть и показать, но раздумал.

— Кто-нибудь скажет мне наконец, что случи-

лось? — не выдержал он.— Можно без шутовства, откровенно. Тем более что со вчерашнего дня я член вашей группы.

— Успокойся,— ответил Альвен.— Ничего особенного не случилось.

— Ничего особенного,— добавил Гейнц,— за исключением того...

Кьюсак деликатно наступил Гейнцу на ногу, закончил:

— ...За исключением того, что провалилась миссия Хаста.

— Вот именно,— заметил Фрэнк.— Будто вы всерьез надеялись на ее успех.

— Тем большая ответственность ложится теперь на твои тренированные Вебером плечи,— сказал Кьюсак.

Все четверо разглядывали Фрэнка в упор.

— Чего вы на меня уставились? — спросил он.

В холл вошли Гэлбрайт, Хаст и двое незнакомцев. Один из них — лет пятидесяти, суховат и строен, быстроглаз, но сдержан в движениях. «Никольский»,— догадался Фрэнк. Второй — хилого телосложения и совершенно лыс. В разгар знойного летнего дня одет в официально-строгий черный костюм. Длинное, по-стариковски обрюзгшее лицо выглядело утомленным. «Старый, заезженный конь,— подумал Фрэнк.— Но кто он, этот мумифицированный предок?..» Хаст плелся сзади, прижимая к груди большую синюю папку.

— Добрый день, парни! — произнес Гэлбрайт и сделал над головой судорожный взмах пухлой рукой, долженствующий обозначать фамильярно-теплое приветствие.— Прошу всех за круглый стол.— Его зеленоватые глаза окатили Фрэнка волной холодного и очень откровенного внимания. Это длилось мгновение, но Фрэнк это мгновение уловил и в полной мере прочувствовал.

За стол с полированной крышкой в форме овала сели Гэлбрайт и гости. Остальные лишь приблизились и встали полукругом за спиной шефа. Никольский сел рядом с Гэлбрайтом, лысый старик занял скромное место в противоположном конце стола. Из бара вынырнул Лангер и, держа на весу два стакана с охлажденным напитком, оглядел собрание.

— Да, это кстати.— Гэлбрайт шевельнул бровями, и Лангер отдал стаканы гостям.— Итак, все в сборе?

Все были в сборе, но от рапорта воздержались, поскольку никто не знал, как расценивать обстановку.

— Прежде всего,— сказал Гэлбрайт,— я хотел бы познакомить вас с двумя участниками совещания, которые, не являясь членами нашей оперативно-следственной группы, имеют самое непосредственное отношение к операции «Черный след». Это наш коллега, представитель Восточного филиала Международного управления космической безопасности и охраны правопорядка мистер Никольский. Его субординарный ранг в точности соответствует моему. Второй участник...— Гэлбрайт покосился на старика,— временно я назову его мистером Икс, является научным консультантом. Он сам объяснит свою роль в конце совещания.

Мистер Икс вставил в ухо розовый шарик слухового аппарата и замер. Сгорбившись, он неподвижно и безучастно смотрел на блестящую крышку стола; глаза, полуприкрытые пленками бледных век, выражали усталость и равнодушие.

Фрэнк тоже ощутил усталость. В этом смысле сегодняшний полигон не прошел для него даром.

«ЧЕРНЫЙ СЛЕД»

Стараясь не привлекать к себе внимания, Фрэнк отступил за широкую спину Лангера, сел в кресло. Фраза Кьюсака об «ответственности» и «тренированных Вебером плечах» не выходила из головы. А собственно, что он хотел этим сказать?

— Первые сведения о «черных следах» мы получили неделю назад,— говорил Гэлбрайт, показывая Никольскому копии документов.— Отдел Наблюдения нашего филиала представил нам на рассмотрение вот это...

Никольский быстро прочитал предложенный картон.

— Сосед Эдуарда Йонге лично видел «черный след»? — У Никольского был громкий, но приятный голос, чем-то похожий на голос Лангера.

— Да, вот его показания. Обратите внимание на дату, когда он впервые заметил «черный след».

— Гм... давненько. Полтора года назад.

— Случилось это на следующий день после того, как Йонге поселился в окрестностях Сан-Франциско.

— То есть влияние местных условий практически исключено. Немаловажное обстоятельство...

— Которое нам позволило сразу отсечь земную ветвь подозрений. Дальше...— Гэлбрайт передал Никольскому очередной картон.

Совещание превращалось в деловую беседу двух спецов. Фрэнк взглянул на мистера Икс и не нашел никаких изменений ни в его позе, ни в выражении лица. Остальные ребята тоже исподтишка наблюдали за консультантом. Фрэнк видел, как Лангер наклонился к Хасту и, улыбаясь, шепнул ему на ухо что-то, должно быть, забавное. Хаст не был расположен шутить — определенно все еще находился под тяжестью впечатлений от восточной поездки,— и Лангер, махнув на него рукой, стал шептать на ухо Гейнцу. Гейнц оглянулся на старика, вздрогнул, поднял глаза к потолку — даже со спины было заметно, каких усилий стоило ему сдержать смех.

Перед Никольским и Гэлбрайтом вырос ворох пластмассовых листов (по традиции листы назывались «картонами»). Шеф прекрасно ориентировался в этом ворохе, разговор не замирал ни на минуту. Фрэнк старался слушать внимательно. Кое-что понимал. Кое-что... Черт бы побрал манеру шефа втягивать сотрудников в дело прямо с ходу, без подготовки! Вчера, в самом конце рабочего дня, забегает, дожевывая бутерброд, Лангер и, швырнув жетон издалека, мычит: «Перебирайся, малыш, в нашу группу. Шеф дает тебе выход на «черный след». Понял?» — «Нет. Это что за новость — «черный след»? Объясни толком».— «М-м... а дьявол его знает! Явление, которое... Спроси о чем-нибудь полегче».— «Ладно... Кто наследил?» Кивок снизу вверх, в пространство над головой. Розовый шрам от ожога на шее, ухмылка. Глоток и ответ: «Наши подопечные, понятно. Двое. Из бывших... «дикие кошки». Некто Йонге у нас под носом. Шустряк. Успел Кьюсаку глаз запечатать прежде, чем тот разглядел, с кем дело имеет, и в контакт не вошел... Ведь я говорил Носорогу: «Нужно меня посылать!» — «Где второй?» — «На востоке. Некто Кизимов».— «Тоже в контакт не вошел?» — «М-м... чего не знаю, коллега, того не знаю. И шеф не знает. Один Хаст знает, но он еще не вернулся...

Так, жетон я тебе передал, с приказом по отделу ознакомишься этажом ниже. Салют!» Этажом ниже автомат-делопроизводитель, урча и вздыхая, выдал узкую ленту: «ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ МУКБОП+ОПЕРАТИВНО-СЛЕДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ+ГЭЛБРАЙТ++СЧИТАТЬ ФР. ПОЛИНГА СОТРУДНИКОМ ОП.-СЛ. ГРУППЫ 07+ИНСТРУКТАЖ В РАБОЧЕМ ПОРЯДКЕ+++». Вот и все. Через пять минут лента рассыпалась в воздухе. Недоумение осталось.

Первый этап беседы закончился, и Фрэнк решил пересесть к столу. Его примеру последовали все, кроме Лангера, который добровольно взял на себя обязанности бармена.

— Материал добротный,— похвалил Никольский.— Я хотел бы еще раз взглянуть на послужной список Йонге.

Гэлбрайт протянул ему картон. Никольский внимательно перечитал документ и спросил:

— Вы уверены, что в отношении «черных следов» Кизимов аналог Йонге?

— Другими словами, есть ли у нас доказательства? Есть. А доказательства мы раздобыли... где бы вы думали? У себя под носом, в отеле «Эспланейд». Один из служащих отеля узнал Кизимова на фотоснимке и вспомнил, что наблюдал в его номере явление, которое мы называем «черный след».

— Когда это было? Я имею в виду «черный след» в «Эспланейде».

— Год назад. Разве вам неизвестно, что Кизимов встречался с Йонге? Взгляните на фотоснимок.

— Для меня это новость.— Никольский посмотрел предложенный картон.— Странный снимок. Такое впечатление, будто Кизимова и Йонге фотографировали вопреки их желанию.

— Так и есть. Их сфотографировали в полицейском участке морской зоны отдыха калифорнийского побережья. Ничего особенного: перевернули катер. Это фото украсило стенд общественного порицания на одном из самых модных пляжей. Нить, которая нам помогла обнаружить Кизимова и его причастность к «черному следу». А главное — дала нам понять, что «черный след» не является «монополией» Эдуарда Йонге.— Гэлбрайт оза-

боченно потер виски.— К тому же вчера дошли до нас новые сведения...

— Третье звено? — щурясь, спросил Никольский.

— Кьюсак, будьте добры!..— Шеф пощелкал пальцами, и Кьюсак подал ему длинный черный футляр.

Крышка пружинно откинулась. Фрэнк, подогреваемый любопытством, подался вперед. В футляре лежала самодельная тросточка в полметра длиной. Обыкновенная палочка из орешника, на подсохшей коре вырезан незамысловатый узор...

— Вы разочарованы? — спросил Гэлбрайт Никольского.

— Нет, я ожидал увидеть что-нибудь в этом роде. Кизимов тоже любил развлекать детвору поющими деревяшками. Пока не узнал, что его рукоделия ставят в тупик взрослых дядей из Управления космической безопасности. Простите, я, кажется, перебил вас.

Гэлбрайт взглянул на часы.

— У нас в запасе три минуты,— сказал он с видом человека, которому не дали произвести сенсацию, но который считает себя выше мелочных побуждений.— Я хотел продемонстрировать вам работу этой... этого... У меня не поворачивается язык назвать деревяшку прибором. Однако иначе не назовешь, поскольку она принимает телевизионные стереопередачи детской программы, хотя техническая экспертиза не обнаружила здесь решительно ничего, напоминающего микросхему телеприемника. Биологическая экспертиза подтвердила: самое обыкновенное дерево, канадский орешник, без каких бы то ни было изменений микроструктуры коры и древесных волокон. Но обыкновенное дерево с обыкновенными волокнами, совершенно не согласуясь с авторитетным мнением экспертов, продолжает работать как телевизионный приемник. И через три... впрочем, уже через две минуты желающие смогут убедиться в этом воочию.

— Кто автор... э-э... деревянной конструкции? — задал вопрос Никольский.

— Довольно известный в прошлом космодесантник. Из тех, чей послужной список мало чем отличается от послужных списков Кизимова, Йонге.— Гэлбрайт поискал глазами Фрэнка, добавил: — К тому же он приходится родственником одному из сотрудников нашего отдела.

Фрэнк обмер.

— Да, Полинг, я говорю о Нортоне. Дэвид Майкл Нортон — муж вашей сестры Сильвии Нортон, урожденной Полинг, не так ли?

Фрэнк медленно осознавал ошеломительную новость.

— Дэвид Нортон!..— с каким-то странным удовлетворением проговорил Никольский. Взгляды присутствующих оставили Фрэнка и обратились к нему.

— Я вижу, это имя произвело впечатление не только на Полинга,— заметил Гэлбрайт.

— Признаться, да.— Никольский был очень доволен и не пытался этого скрыть.— Я, грешным делом, ожидал услышать другое имя...

— Любопытно.— Кустистые брови Гэлбрайта сошлись к переносице.— Не буду вас интр говать: никакими другими сведениями мы пока не располагаем. Йонге, Кизимов и Нортон — это все, о ком мы более или менее доказательно можем беседовать с вами по вопросам загадки «черного следа». Материалы, делающие беседу доказательной, перед вами. Это все, что я могу вам сказать в ответ на ваше ожидание.

— Не так уж и мало, Гэлбрайт. Будет ли этого достаточно, покажет сравнительный анализ, на который я очень надеюсь.

— Я тоже. Особенно если у наших коллег из Восточного филиала найдется некое существенное дополнение к тем сведениям, с которыми вы, Никольский, ознакомились и которые достаточно высоко оценили.

— Дополнения будут. Дело вот в чем. Третье звено овеществилось для вас в лице Нортона, для нас в лице Лорэ. Космодесантник в отставке... Впрочем, просматривая списки бывших космодесантников, вы наверняка это имя встречали. Не станете же вы меня уверять, что «открыли» Нортона чисто случайно?.. Но как бы там ни было, идея совместного обсуждения операции «Черный след» дает хорошие виды на урожай.

В холле нависло молчание. Все ждали, что скажет шеф. Фрэнк встретился глазами с мистером Икс. Старик внимательно его разглядывал, и Фрэнку стало не по себе. Заметив, что Фрэнку не по себе, старик перевел взгляд на черный футляр. «Добрый день, малыши!» — негромко, но весело поздоровался черный футляр, и над столом за-

мелькали прозрачные образы, бледные и почти непонятные, как уличные отражения в стеклах витрин. Деревянный телеприемник приступил к демонстрированию своих изобразительных возможностей.

— Та-ак...— сказал шеф.— Действительно, урожай.

— Меня зовут Р-руби,— жизнерадостно донеслось из футляра.— Смотрите, какие у меня кр-расивые пер-р-рышки! Мой бр-рат...

Гэлбрайт захлопнул крышку футляра, собрал документы.

— Йонге, Кизимов, Нортон, Лорэ...— произнес он, складывая листы в аккуратную стопку.— Кто они, эти четверо? Товарищи по несчастью? Изуродованные космосом люди? Нелюди? Безопасные для нашей планеты или потенциально опасные?.. От решения этих вопросов, быть может, зависит судьба человечества. Я произнес громкую фразу, но до тех пор, пока не будет строго доказана ее излишняя высокопарность, она остается в силе. На четырех примерах ясно: мы имеем дело с непонятной для нас реконструкцией природных свойств человека...

Фрэнк обвел взглядом лица присутствующих. Лица были суровы — каждый чувствовал свою ответственность за судьбы человечества. Кроме, пожалуй, Никольского и лысого старика. Старик дремал или делал вид, что дремлет; Никольский рассеянно помешивал соломинкой лед в стакане.

Фрэнк понимал: предстоит скорая встреча с Дэвидом. Ясно как день. И встреча не будет приятной — тоже совершенно ясно. После сообщения Гэлбрайта Фрэнк чувствовал себя в дурацком положении. Если не хуже. Он частенько бывал в семье своей старшей сестры и не мог бы сказать, что встречи с Дэвидом Нортоном вообще доставляли ему удовольствие. Однако ж... он делал это для Сильвии. Теперь он вынужден будет сделать это для человечества. Ни больше ни меньше. Да, дело дрянь... Старина Дэв никогда не казался опасным. Даже потенциально. И тем более для человечества. Резковат, часто угрюм, неразговорчив — да, это за ним водится. Но чтобы опасен?.. Любит природу, детей. Не любит соседей и друзей жены. К своим друзьям и бывшим товарищам по работе в пространстве, иногда посещающим его виллу в Копсфорте, относится очень радушно. Правда, после та-

ких посещений Дэв становится угрюмей обычного. Космический леопард в отставке не может привыкнуть к рутине размеренной жизни в «этом овечьем загоне», как называет он свою виллу в минуты душевной депрессии. Но, с другой стороны, «черный след», деревянные «телевизоры»... Отдел Наблюдения вряд ли мог ошибиться. И если Дэв действительно в одной компании с теми, о ком так тревожно распространяется шеф... Бедная Сильвия! Как она там одна... с ним?

Гэлбрайт пододвинул к Никольскому стопку сложенных документов, сказал:

— В полное распоряжение Восточного филиала. Когда мы сможем получить от вас документальные сведения о Лорэ?

— Это зависит от расторопности вашего сотрудника,— пошутил Никольский. Из-за его спины поднялся Хаст, открыл синюю папку и передал шефу пачку пластмассовых прямоугольников.

— Первые двадцать листов — Кизимов,— пояснил Никольский.— Девять следующих — Лорэ. Йонге всего в двух картонах, но мы решили вручить вам копии всех материалов по «Черному следу», хотя в половине из них вы уже не нуждаетесь. Мистер Хаст, передав приглашение, как-то не посвятил нас в подробности предстоящей беседы.

— Он выполнял мои инструкции,— сказал Гэлбрайт, жадно просматривая документы.— Кстати, Хаст, я еще не знаю подробностей провала вашей миссии на Памире...

— Вам достаточно вспомнить подробности провала миссии в Калифорнии, и мне не нужно будет ничего объяснять,— лихо отреагировал Хаст. Ответ явно был приготовлен заранее.

— И все-таки меня интересует, чем закончилась ваша беседа с Кизимовым.

Хаст подергал кончик веснушчатого носа, что обычно проделывал в затруднительных для себя обстоятельствах.

— Примерно тем же, чем закончилась беседа Кьюсака с Эдуардом Йонге. Мы немного повздорили...

— Вот как? — Гэлбрайт не спеша перевернул прочитанный лист. Фрэнк и все остальные смотрели на Хаста сочувственно. Шеф почти никогда не устраивал подчиненным разносы, но редко упускал возможность устроить

публичный спектакль.— И что же сказал Кизимов вам на прощание?

— Ничего не сказал,— сдался наконец Хаст.— Как только я ознакомил его с показаниями служащего из отеля «Эспланейд», он молча спустил меня с лестницы.

— Почему не наоборот? Если об этом пронюхает Вебер, ваш следующий полигон будет состоять в основном из лестничных пролетов.

— Хоть два полигона,— пробормотал Хаст.— Что такое полигон по сравнению с этим... с этой...

— Здесь сыграла роль неожиданность,— вступился за Хаста Никольский.— Мистер Хаст неосторожно положился на условности этикета светской беседы, и ему выпал случай удостовериться, что эмблему «Вайлдкэт»[1] космодесантники носят не зря.

— Первым удостоверился Кьюсак,— рассеянно сообщил Гэлбрайт.— Йонге его немножко побил. Теперь выпал случай удостовериться Хасту. Дело за Полингом?.. Скажите, Никольский, почему в ваших материалах я не могу найти прямых свидетельств причастности Кизимова к «черным следам»?

— Очень просто. Прямых свидетельств у нас нет. Но они есть у вас. Мы заинтересовались Кизимовым после визита Лорэ. Подобно случаю в «Эспланейде», Лорэ имел неосторожность оставить «черный след» в гостинице «Памир» и тем самым дал нам повод начать расследование. Ничего не подозревая, Лорэ побывал в гостях у Кизимова и спокойно укатил к себе домой на берега Адриатики. Разумеется, под негласной опекой наших сотрудников из отдела Наблюдения. И Кизимов тоже, само собой разумеется, оказался в поле нашего зрения. Прощупывая его друзей, мы вдруг обнаружили странность, которую назвали «эффектом метеостанции»...

— Извините меня,— перебил Гэлбрайт.— Я здесь уже читал об этом, но, пожалуйста, изложите суть «эффекта» для остальных.

Никольский помедлил, собираясь с мыслями:

— В северо-западном районе Памира действует высокогорная автоматическая метеостанция «Орлиный пик». Дежурным на метеостанции работает некто инженер-ат-

---

[1] «Вайлдкэт» — «Дикая кошка» (*англ.*).

мосферник Тимков, с которым Кизимов поддерживает приятельские отношения. Надо сказать, метеостанции такого типа оснащены автоматами очень высокой надежности, и там почти никто не бывает, кроме дежурных. Приятель Кизимова заинтересовал нас прежде всего потому, что в прошлом сам был связан с работой в Пространстве. Он участвовал в исследованиях атмосферы Юпитера, попал в какую-то аварию, все обошлось сравнительно благополучно, но дорога в космос для него была закрыта, и Тимков удовлетворился скромной должностью инженера погоды. Месяц назад он, принимая очередное дежурство, пригласил Кизимова посетить его высотную резиденцию. Кизимов прибыл на «Орлиный пик» в одноместном спортивном аэрокаре типа «Фазан». Тимков радушно встретил гостя, познакомил его с оборудованием своего довольно сложного метеорологического хозяйства, и целый день с пятачка, где расположена станция, друзья любовались суровыми ландшафтами Памира.

Вечером Кизимов улетел, а Тимков в отличном расположении духа включил видеотектор и сдал вечерний радиорапорт. К его удивлению, вместо обычной формулы: «Рапорт принят, спокойной ночи, конец связи, конец»,— дежурный связист посоветовал ему не отключаться, поскольку связь с «Орлиным пиком» срочно затребовал старший инженер-синоптик Среднеазиатского Центра погоды. В разговоре с Тимковым старший синоптик очень темпераментно пытался выяснить, по какой такой причине приборы метеостанции сегодня выдали Центру совершенно фантастические результаты измерений. Тимков ответил, что аппаратура станции работает нормально, обвинения в его адрес несостоятельны и вообще поддерживать разговор в таком тоне он не считает для себя возможным. Старший синоптик уже повежливее намекнул, что если температуру воздушной среды, равную температуре плавильной печи, Тимков считает нормальным явлением в метеорологии, то разговаривать действительно не о чем. Ошеломленный Тимков всю ночь напрасно возился с проверкой приборов. Аппаратура была в порядке...

Загадка так и осталась бы загадкой, не посети Кизимов «Орлиный пик» вторично. Это было неделю назад. С первыми звездами Кизимов улетел восвояси, Тимков помахал

ему вслед и с нехорошим предчувствием направился сдавать вечерний радиорапорт. Предчувствие не обмануло его. Центр сообщил: результаты дневных измерений метеостанции полностью забракованы.

Мы застали Тимкова в момент весьма неприятных для него объяснений с комиссией Центра. Сбитые с толку члены комиссии пытались найти для своего протокола хоть какую-нибудь вразумительную предпосылку, однако Тимков, сбитый с толку гораздо более основательно, ничем не мог им помочь. Он сознавал, что, заподозрив Кизимова, так далеко выходит за рамки понятия о «вразумительности предпосылок», что об этом лучше помолчать. Уловив смысл претензий, предъявленных дежурному инженеру метеостанции «Орлиный пик», мы попросили уважаемых членов комиссии оставить поле деятельности за нами, на что они с большой охотой согласились.

Мы приготовились к трудному разговору, но достаточно было упомянуть о Кизимове, и Тимков выложил нам свои подозрения... То есть даже не подозрения, а твердую уверенность в том, что стоило Кизимову появиться вблизи измерительного комплекса метеорологической аппаратуры, приборы начинали врать. Мы попросили Тимкова взять на себя труд провести еще один такой эксперимент, но получили отказ. «Экспериментировать над своим другом я не намерен,— заявил Тимков.— К тому же я убежден, что третий эксперимент в условиях «Орлиного пика» ничего нового вам не даст». Нам оставалось признать его правоту и внести в свою картотеку странный «эффект метеостанции». С экспериментами мы решили повременить, дополнительный материал могло нам дать простое наблюдение за Кизимовым...

Никольский остановился, вопросительно взглянул на Гэлбрайта.

— Продолжайте, прошу вас.— Гэлбрайт кивнул.

— Собственно, я рассказал почти все. Наблюдение за Кизимовым действительно было результативным. Отдел Наблюдения преподнес нам сюрприз — поющие деревяшки вот наподобие этой...— Никольский постучал по крышке футляра.— И мы решили, что располагаем достаточным материалом для прямой беседы с производителем мелких чудес. Один из наших сотрудников посетил Кизимова в его дачном особняке и попытался установить

контакт. Попытка провалилась. Кизимов выпроводил визитера ненамного вежливее, чем сделал это в отношении мистера Хаста. Тогда мы предложили строптивому собеседнику быть с ответным визитом у нас. Если интересуетесь подробностями состоявшегося разговора, мы подготовили звукозапись на картоне номер девятнадцать.

Гэлбрайт нашел нужный картон и передал Фрэнку. Поднял руку, призывая к тишине, хотя безмолвие в холле нарушалось только нетерпеливым сопением Хаста. Фрэнк нащупал в крышке стола щель лингверсора, бросил в нее пластмассовый прямоугольник.

— Запись немного сокращена,— успел предупредить Никольский.— Изъяты детали, которые не относятся к делу.

В колонках спикера на потолке пронзительно заверещала настройка лингверсора.

Первую фразу трудно было понять. Автомат-переводчик быстро менял варианты фонем в поисках тональности, наиболее близкой к звуковому оригиналу. Вторая фраза звучала сравнительно чисто:

— Прошу вас, назови... свои фами... имя, род занятий.

— Простите, как мне вас называть?

— Можете называть меня инспектором.

— Инспектор, я попросил бы вас избавить меня от формальностей. Скажите сразу, что вам от меня угодно, и я постараюсь или ответить вам прямо...

— Или?

— Или не ответить.

Длинная пауза.

— Скажите, Кизимов, почему вы избегаете открытого разговора с представителями Управления космической безопасности?

— Вопрос поставлен неверно. Я избегаю говорить лишь на темы, обсуждать которые не нахожу возможным.

— Позвольте спросить почему?

— По причинам сугубо личного свойства.

— Вы не могли бы сказать о причинах подробнее?

— Нет, не мог бы.

— Вы связаны определенными обязательствами?

— Я не понял вашего вопроса.

— Вы давали кому-нибудь обязательства не касаться интересующих нас тем?

— Ах, вот оно что... Нет, не давал.

— С кем вы поддерживаете дружеские отношения?

— Это мое личное дело.

— Вы считаете своим другом Жана Лорэ?

— Да, считаю.

— Вы сознаете, что ваши необычные свойства, приобретенные, видимо, за пределами нашей планеты, не могли нас не заинтересовать?

— Это ваше дело.

— Это общественное дело, Кизимов!

— Я ведь не сказал — личное.

— Себя вы противопоставляете обществу?

— Ни в коем случае, инспектор! Разрешите вопрос?

— Да, конечно.

— По-вашему, я представляю собой угрозу обществу?

— Вы должны понимать, что мы не имеем права не учитывать такую вероятность. А как бы на этот вопрос вы ответили сами?

— Отрицательно. То есть для общества я опасен не более, чем любой другой «обыкновенный» житель планеты Земля.

— То есть вы сознаете свою необыкновенность?

Недолгая пауза.

— Сознаю, разумеется... Но кому от этого хуже, кроме меня?

— Простите, я вас не понял.

— Инспектор, поверьте мне на слово: моя необыкновенность для меня такая же загадка, как и для вас.

— Может быть, это болезнь?

— Должен вас упрекнуть: вы не очень внимательно просмотрели мой бюллетень служебного спецкарантина. Заключение медэкспертизы гласит: «Здоров. С учета спецкарантинного сектора снят. Бессрочный пропуск на планету Земля выдан».

— Хорошо, не болезнь. Назовем это как-нибудь по-другому.

— Да, вы правы. Суть, конечно, не в терминах... Это неизвестно где и неизвестно как приобретенные свойства, необычные для «нормального» человека. Предупреждаю возможный вопрос: я действительно не знаю где и не знаю как.

— А вам не хотелось бы избавиться от такого «приобретения»?

— Видите ли... Для меня это уже не имеет значения.

— Как понимать ваш ответ?

— Как вам будет угодно.

— А для других?

— Что для других?

— Это имеет значение?

— Простите, о чем вы спрашиваете?

— Вам не приходилось говорить на эту тему с другими обладателями подобных свойств... ну, скажем, с Лорэ?

— Лорэ?.. Нет, не приходилось.

— Вас удивил мой вопрос?

— Да. При чем здесь Лорэ?.. Ах, понимаю!..

— Вы с Лорэ ничего не знали о способности друг друга оставлять «черные следы»?

— Вероятно, вы говорите о... Нет, за Лорэ я этого не замечал. Я полагал, что, кроме Йонге и меня...

— ...Феноменов такого рода больше не существует?

— Да. Ну что ж... тем хуже для Лорэ.

— Что вы имеете в виду?

— Прежде всего вашу назойливость. Я всегда опасался дать вам для нее повод. В отношении «черных следов», как вы называете их, я проявлял особую осторожность. Дело прошлое, инспектор, но скажите мне откровенно, где вы могли заметить оставленный мною «черный след»?

— В умении скрывать «черные следы», Кизимов, вы достигли совершенства. Мы их не наблюдали ни разу. Мы располагаем косвенными данными. Но откровенность за откровенность. Скажите, как Йонге относится к своему положению феномена?

— Думаю, он не в восторге.

— Почему вы говорите об этом в форме неуверенного допущения?

— Уверенного, инспектор. По аналогии с ощущениями собственной персоны.

— И только?

— О, этого достаточно!.. Даже с избытком.

— Йонге знает, что вы его аналог по ощущениям такого рода?

— Думаю, нет.

— Откуда вам известно, что Йонге ваш собрат по феноменальным свойствам?

— Однажды я случайно видел оставленный им «черный след».

— Как объяснил он вам это явление?

— Он сделал вид, что ничего особенного не произошло.

— А какова была ваша реакция?

— Я сделал вид, что ничего особенного не заметил.

— В беседах с ним вы никогда не касались этой темы?

— Нет. Это не та тема, которая могла бы доставить удовольствие.

— Неприязнь к этой теме как-то связана с вашей работой в Пространстве?

— Маленькое уточнение, инспектор: в Пространстве я уже не работаю. Полтора года назад вышел в отставку. Сейчас я работаю в школах первого цикла инструктором спортивных игр для школьников среднего возраста и прошу меня принимать именно в таком качестве.

— Вы хотите сказать, что не поняли моего вопроса?

— Я хочу сказать, что на вопросы, как-то связанные с прошлой моей работой в Пространстве, я отвечать не буду.

— Но это главное, что нас интересует, Кизимов!

— Будем считать, что я не сумел удовлетворить вашу любознательность.

— Странный каприз...

— Скорее вынужденная самооборона.

— А как, по-вашему, поведут себя в подобной ситуации Лорэ и Йонге?

— Это их личное дело.

— Еще вопрос, Кизимов. По дороге в мой кабинет вы прошли коридором со стенами в виде пластмассовых жалюзи...

— Я помню, инспектор.

— Дело в том, что жалюзи скрывают комплекс аппаратуры, совершенно аналогичный тому, которым оборудована метеостанция «Орлиный пик».

— Я прошел мимо, но никаких нарушений в нормальной работе приборов не обнаружено, так?

— Вот именно. Как вы объясните, что эксперимент не удался?

— Он удался, инспектор. По крайней мере, вам удалось установить, что мое присутствие необязательно действует на электронные нервы приборов.

— Каким же образом вы сумели дважды подействовать на «электронные нервы» аппаратурного комплекса метеостанции «Орлиный пик»?

— Уверяю вас, это неумышленно. Очевидно, это зависит... от характера моих эмоций.

— То есть?

— На «Орлином пике» я находился в состоянии приподнятости, если не сказать — восторга. Чистейший воздух, живительный холод, голубизна ледников... ну и все такое.

— То есть вы способны воздействовать на электронную аппаратуру только в состоянии накала положительных эмоций?

— Видимо, так. Но я не уверен, что это происходит всегда. Иначе на метеостанции я вел бы себя осмотрительнее.

— А как насчет накала отрицательных эмоций?

— Сегодня я уже успел побывать в экспериментальном коридоре. Выводы делайте сами.

— Значит, способность воздействовать на приборы вам подконтрольна?

— Да, если я не забываю следить за своим настроением.

— «Черный след» тоже вам подконтролен?

— К сожалению, нет. Малейшая неосторожность и... Но я стараюсь быть осторожным.

— В каком-нибудь смысле это явление представляется вам опасным?

— Только в том смысле, что оно вызывает всеобщее любопытство. В других отношениях оно опасно не более, чем тень от хвоста отдыхающей на заборе вороны.

— Вы нам могли бы продемонстрировать сам «черный след» и то, как он возникает?

— Мог бы. Но не прежде, чем получу от вас твердые гарантии, что на этом все наши с вами недоразумения будут исчерпаны.

— Увы, Кизимов, мы не готовы дать вам такие гарантии.

— В свою очередь, инспектор, я, увы, не готов к демонстрированию «черных следов».

— Впервые с этим явлением вы встретились в Пространстве, не так ли?

— Я устал, разрешите мне вас покинуть. Не давайте мне повод усомниться в действенности всемирного Закона о личных свободах граждан планеты.

— До свидания, Кизимов. Благодарю вас за исключительно интересную беседу. Надеюсь, у нас еще будет повод свидеться вновь.

— Вряд ли, инспектор. Но вы мне чем-то понравились. Хотите добрый совет?

— Я весь внимание.

— Оставьте нас в покое, инспектор: Лорэ, Йонге, меня... Этот «след» никуда не ведет. То есть я хочу сказать, что здесь нет криминала. Не ройтесь в наших душах, не надо. Хотя бы потому, что это не только бессмысленно, но и жестоко. Будьте здоровы, инспектор!

Запись кончилась, лингверсор умолк. Никольский и Гэлбрайт обменялись многозначительными взглядами. Остальные словно бы ждали чего-то еще. Даже неугомонный Лангер сидел неподвижно, подперев щеку рукой, и глаза его были на редкость задумчивы.

Гэлбрайт покопался в груде разложенных на столе документов, отобрал половину, сделал Кьюсаку знак подойти. Кьюсак взял отобранные листы, шеф тихо с ним поговорил и выпроводил за дверь. Фрэнк понял, что документы отправлены на обработку в аналитический цех.

После ухода Кьюсака Гэлбрайт объявил перерыв.

— Парни,— сказал он,— вы все свободны до шестнадцати ноль-ноль.

Фрэнк поднялся вместе с ребятами.

— Все, кроме Полинга,— добавил шеф.— В названный час сбор в этом холле.

Ребята потянулись к выходу. Фрэнк, стоя за столом, смотрел им вслед. Лангер обернулся и ободряюще ему подмигнул. Фрэнк сел. За столом никого уже не было. Никольский, разминая ноги, вышагивал у окна. Гэлбрайт и лысый старик о чем-то переговаривались возле бара. Вернее, говорил шеф. Консультант рассеянно слушал,

держа в неудобно вытянутой руке стакан с молочным коктейлем, и было заметно, что навязанный ему кем-то стакан он держит просто из вежливости. Фрэнк подпер голову кулаками и уставился на футляр с ореховой тростью. Ему хотелось пощупать загадочное изделие Нортона, но открыть футляр он почему-то не решался.

Никольский подступил к окну вплотную. С высоты семнадцатого этажа были видны многоцветные автострады, маленькое озерко в бетонных берегах, наполовину закрытое кронами старых платанов, блестящая полоса прямого и тоже взятого в бетон канала, пересекавшего огромный старый парк, и дальше пятнистые желто-зеленые спины холмов. За холмами было морское побережье, но его отсюда не было видно, и Никольский с мимолетной завистью о нем подумал. Подошел Гэлбрайт, взглянул на холмы, вполголоса произнес:

— Кажется, Полинг нервничает.

— Еще бы,— не оборачиваясь, ответил Никольский.— Его можно понять.

— Его — да. Однако поймет ли он сам исключительную важность своей миссии...

— Вы правы. Ситуация... гм... деликатная.

— Без его помощи мы очень рискуем затянуть это дело.

— Признаюсь вам, Гэлбрайт,— мягко сказал Никольский,— надежда на миссию Полинга представляется мне иллюзорной.

— Мне тоже. И если бы не крайняя нужда, я пощадил бы родственные чувства своего подчиненного. Но чем черт не шутит...

Солнце, отражаясь в зеркале озера, слепило глаза, и Никольский надел очки-светофильтры.

Гэлбрайт спросил:

— Намерение связаться с нами возникло у вас после беседы с Кизимовым?

— Да, как только Кизимов незаметно для себя проговорился о Йонге. К тому же появление Хаста на Памире убедило нас, что «черный след» попал в поле зрения Западного филиала. Мы решили не чинить препятствий вашим попыткам самостоятельно установить контакт с Кизимовым. Мы понимали: неудача заставит Хаста об-

ратиться к нам с каким-то предложением о согласованности действий.

— Вы правильно понимали,— одобрил Гэлбрайт. Помолчал и добавил: — Теперь мы с вами правильно понимаем малонадежность миссии Полинга. Если так и дальше пойдет, мы рискуем сесть в большую общую западно-северо-юго-восточную лужу.

— Не исключено,— сказал Никольский.— Это мы с вами, к счастью, тоже правильно понимаем.

Гэлбрайт сверил свои часы с часами Никольского.

— Я послал в аналитический цех одного из самых расторопных парней,— сказал он, словно оправдываясь.

— Потерпим. Похоже, задержка у аналитиков связана с нашим материалом.

— Вам крупно повезло с метеостанцией, Никольский... Вы получили великолепный предлог для прямой беседы с Кизимовым.

— Кстати, о нашем везении, Гэлбрайт. Вам не кажется... ну если не странным, то хотя бы занятным, что в показаниях первых очевидцев фигурирует только «черный след»? Исключительно «черный след»...

— И ни слова о чем-то похожем на «эффект метеостанции» или поющие деревяшки?..

Гэлбрайт задумался. Никольский смотрел в окно и молчал.

— Да... пожалуй, в этом что-то есть,— проговорил Гэлбрайт.— Либо те, кто сталкивался с «черным следом», не замечали всего остального, либо...

Никольский молчал.

— Либо «всего остального» раньше попросту не было?

— Я склоняюсь в пользу последнего,— ответил Никольский.— Иначе трудно объяснить, как обладателям подобных свойств удалось миновать рогатки спецкарантина.

— А затем и пройти полгода спустя обязательный медосмотр для бывших работников Внеземелья,— добавил Гэлбрайт.

— Да. И еще беседа с Кизимовым... Конечно, он многого не договаривает, настроен если и не совсем враждебно, то, уж во всяком случае, отнюдь не дружелюбно. Однако не лжет, не пытается запутать следствие. И когда он дает нам понять, что происшествие на метеостанции было неожиданностью для него самого, нет оснований

этому не верить. Там, у себя, мы сделали вывод весьма тревожного свойства: интересующий нас феномен раньше дремал, а теперь по каким-то причинам стал заметно активнее. Буквально в последнее время...

— Демон, вселившийся в наших подопечных, начинает показывать зубы?

— Всего лишь гипотеза,— ушел от прямого ответа Никольский.

— И довольно зловещая.— Гэлбрайт пожевал губами, размышляя.— Да, с ней придется считаться... Нет ли у вас заодно и гипотезы о причинах активности феномена?

— Увы...

— Жаль. Если пружина сработала где-то внутри самого черноследника — полбеды. Но если толчок направлен откуда-то извне...— У Гэлбрайта повело и резко дернуло щеку.

Никольский посмотрел на его почти не тронутое загаром лицо. Сказал сочувственно:

— Кстати, завтра суббота.

Гэлбрайт понял это по-своему:

— Завтра — очень удобный для нас с вами день,— сказал он.— Вернее, для естественной окраски визита Полинга в Копсфорт.

— Шурин будет безумно счастлив видеть его.

— Н-да... но предложите мне более оперативный способ разведки.— Минуту Гэлбрайт изучал пространство за окном.— В конце концов, мы оставляем за Полингом право пойти на попятный, если там запахнет паленым. Меня тревожит другое...

— Неопытность Полинга?

— Нет. Он сообразителен, умен. Меня беспокоит вопрос: располагаем ли мы достаточной суммой сведений о черноследниках. Голыми руками Нортона не возьмешь. Вызвать его на существенный разговор можно, лишь ошеломив фактами.

— Да, только так... Что ж, посмотрим, чем порадуют нас аналитики.

У Фрэнка, который провел это время в одной компании с черным футляром и немым стариком, сильно испортилось настроение, и он с несвойственным ему злорадством отметил про себя, что в темных очках долговязый Никольский выглядит просто нелепо (темные очки действи-

тельно не шли Никольскому), а упитанный шеф теряет изрядную долю солидности, когда вот так елозит в кресле, то и дело нервозно глядит на часы и, натужно посапывая, озирается по сторонам, словно забыл, по какому поводу здесь очутился. Прозвищем Носорог ребята наградили шефа очаровательно метко... Умный Носорог, грозный Носорог, праведный Носорог, трудолюбивый и проницательный Носорог. Его, Носорога, слегка побаивались, но уважали. Интересно, какое прозвище у Никольского? Ведь есть же у него какое-нибудь прозвище. Восточного типа. Скажем, Лось или Зубр. Или совсем экзотичное Копыто...

Раздражение улеглось. Фрэнк постепенно проникся сочувствием к этим двум корифеям оперативного сыска, несущим на своих давно не тренированных плечах бремя головоломных расследований и постоянных тревог за судьбы — только подумать — всего человечества. Разумеется, он понимал, что, кроме сочувствия, корифеям нужна его помощь, и готов был землю рыть от усердия, но вместе с тем сознавал совершенно отчетливо, что в поединке с таким человеком, как Дэв, иметь в своем арсенале одно лишь усердие — это все равно что не иметь ничего...

— Не помню случая, когда бы аналитический цех укладывался в свои законные четверть часа,— прорычал Гэлбрайт.

— Не рискнуть ли нам попытаться в общих чертах предугадать результаты анализа? — невозмутимо предложил Никольский.

Гэлбрайт взглянул на него:

— Ну хорошо... Окинем ретроспективным взглядом события общеизвестные, но подозрительные в свете отобранных нами фактов. Вот, скажем, незавершенное дело трехлетней давности — авария на Сиреневом плато...

— Меркурий?

— Да. Позволю себе напомнить обстоятельства дела. Орбитальная станция «Гелеос-2» по неизвестной причине сошла с орбиты и врезалась в энергетический комплекс «Солар»...

— Припоминаю. И что же?

— Любопытен список участников спасательной экспедиции, сброшенной на руины «Солара». Вернее, список участников ее десантного авангарда.

— Я просматривал список. Там есть Кизимов, Нортон и Йонге. Но там нет Лорэ.— Никольский снял очки.— Послушайте, Гэлбрайт, космодесантник Лорэ вышел в отставку восемь лет назад. С тех пор постоянно живет на Земле и никакого касательства к Внеземелью уже не имеет. С другой стороны, мы уверенно полагаем, что «черный след» — феномен внеземельного происхождения.

— Итак, вы настаиваете, что Йонге, Кизимов, Нортон, Лорэ оказались носителями «черных следов» строго одновременно?

— Я ни на чем не настаиваю. Просто легче предположить, что эта... гм...— Никольский поиграл очками, подыскивая нужное слово,— феноменизация, что ли, настигла всех четверых одновременно, при одних и тех же условиях. Давайте договоримся не затрагивать пока событий, отмеченных более поздней датой, чем отставка Лорэ.

— Договорились. Положим в основу будущей версии принцип одновременности.— Гэлбрайт смотрел куда-то мимо Никольского.

У Фрэнка, внимательно следившего за разговором, складывалось впечатление, будто это не столько обмен информацией, сколько размышления вслух. Размышления осторожные, как осмотр обнаруженной бомбы с хитроумным устройством взрывателя.

— Принцип одновременности,— сказал Никольский,— дает нам реальный шанс взять быка за рога.

— Или хотя бы потрогать за хвост,— добавил Гэлбрайт.— Что ж, будем считать этот шанс главным доводом в пользу нашего договора.

— И единственное, что находится в нормальном соответствии с условием нашего договора... во всяком случае, мне это так представляется...

— Да,— сказал Гэлбрайт,— «Лунная радуга».

Никольский с треском сложил дужки очков.

Фрэнк понял, куда нацеливались корифеи. В перекрестье прицела разведочно-десантный рейдер «Лунная радуга». А точнее, вторая катастрофа на Обероне...

Момент, пожалуй, был любопытный: версия зачиналась на основе события десятилетней давности. Нортон один из тех, кому во время этих событий удалось вы-

жить... Фрэнк покосился на старика. Мистер Икс спокойно разглядывал черный футляр с ореховой тростью, и любопытный момент зачатия версии, казалось, ни в малейшей степени его не занимал.

— «Лунная радуга»,— повторил Гэлбрайт, пальцами выбивая барабанную дробь на столе.— Экипаж — тридцать два человека. Капитан корабля Игорь Молчанов, штурм-навигатор Гюнтер Дитрих, первый пилот Меф Аганн...

— Начальник рейда на Оберон Николай Асеев,— подхватил Никольский.— Ну и... командир группы десантников Юс Элдер. Похоже все, что касается «Лунной радуги», мы с вами знаем едва ли не наизусть. Симптоматично, Гэлбрайт. Очень симптоматично...— Никольский тоже побарабанил пальцами.

— Ну, если полный букет имен феноменальной четверки можно встретить лишь в списке десантной группы Элдера... Скажите, Никольский, а вас не смущает тот факт, что события на Обероне имеют без малого десятилетнюю давность?

— Смущает. В том плане, что мы, очевидно, плохо работаем. Не знаю, надо ли ставить это в упрек только отделам Наблюдения, но ситуация совершенно скандальная: сегодня мы занимаемся тем, чем обязаны были заняться, по крайней мере, лет восемь назад...

— А в идеале сразу после злополучного рейда «Лунной радуги»,— подхватил Гэлбрайт.

«Пароксизм самобичевания,— подумал Фрэнк.— Каждый раз та же самая песня: плохо работаем, недосмотрели, недоучли... Неужели им никогда не понять, что идея «космической предусмотрительности» — это просто мыльный пузырь ненормально большого размера?!»

— Простите,— не выдержал он,— вопрос можно?

— Можно,— позволил шеф и свирепо взглянул на часы.— Но учтите, Полинг, времени у вас немного — на полсекунды больше, чем продлится безобразное молчание аналитиков.

— Спасибо, учту.— Фрэнк обратился к Никольскому: — Мистер Никольский... вот вы говорите: плохо работаем. Верно. А почему, как по-вашему?

На лице Никольского появилось странное выражение. Бесцветным голосом он произнес:

— Полагаю, это не относится к предмету нашего следствия.

— Вы правы. Это относится к направлению нашей стратегии в целом.

— Ах, стратегии!..— повторил Никольский, и странное выражение на его лице обозначилось еще отчетливее.

— Хочу заранее вас успокоить: в мои намерения не входит праздное вопрошательство,— продолжал Фрэнк.— Я для этого слишком рационален. Итак, я осмелился затронуть тему, которая в нашей служебной среде, мягко выражаясь, не популярна... Волею судеб или, лучше сказать, под давлением обстоятельств создано Управление, определены задачи, укомплектован штат — два чудовищно разбухших филиала. Солидные средства, громадный персонал, новейшая техника, а работаем из рук вон... Скверно, в общем, работаем. Вот вы помянули отделы Наблюдения... А если глубже? Если нет у нас гибкой функциональной программы? Ведь не секрет, что наши рабочие методы сплошь и рядом себя не оправдывают. А может быть, вообще дело не в этом и мы и наши методы здесь ни при чем? Может, дело в природной ограниченности функциональных возможностей нашего мозга?

— Э-э... в каком это смысле «природная ограниченность»? — осведомился Никольский.

— В прямом. Или, если хотите, в буквальном. Природа, видите ли, сконструировала мозг в условиях Земли и для земных условий. Насчет космических она в силу известных причин просто не думала. За нее теперь думаем мы. И думаем, как показала практика, плохо, потому что думать нам приходится мозгом сугубо земным, который с грехом пополам разобрался в домашних проблемах родимой планеты. Да и то...

— Но ведь то, о чем вы говорите, тоже входит в сферу «домашних проблем», не так ли?

— Да, но с космической спецификацией. Разница есть.— Фрэнк уже пожалел, что затеял эту дискуссию: шеф тяжело ворочался в кресле, прямо-таки излучая неудовольствие.

— Свой резон в этом, конечно, имеется,— согласился Никольский, и в глазах у него отразилось нечто такое, что Фрэнка задело: нечто вроде терпимости страуса к экс-

пансивным выходкам молодого наглого воробья.— Размышлять земным умом над загадками космоса действительно... э-э... неудобно. Если я правильно понял, вам очень не нравится слабая приспособленность нашего мозга к оперативным оценкам космических неожиданностей. Кстати, мне тоже. Вы имеете предложить что-нибудь... гм... позитивное?

— Позитивное, негативное...— Фрэнк вздохнул.— Я ничего такого не предлагаю. Я и не имел в виду что-нибудь предлагать. Я ведь о чем говорю. Пока не задумываешься над стратегическим смыслом наших усилий, работать приятно и увлекательно. Но уж если задумался... Понимаете?

— Понимаю. Вы недавно работаете в системе нашего Управления?

— Да. Но задуматься, как видите, успел.

— Это пройдет,— пообещал Никольский.— Я имею в виду вашу склонность к отчаянию. Непременно пройдет, как только вам выпадет случай проявить свои деловые качества.

— А можно полюбопытствовать, из какого источника вам удается черпать этот субстрат оптимизма?

— Из опыта.

— А опыт не подсказывает вам, что перед любой мало-мальски серьезной угрозой оттуда...— Фрэнк покрутил пальцем над головой, копируя памятный жест Вебера,— мы, в сущности, безоружны? Действительно, что мы имеем на вооружении? Да ничего стоящего...— пардон! — за исключением деловых качеств. Кстати, буквально на этой неделе двое наших сотрудников — я уж не трогаю ваш филиал — успели свои деловые качества продемонстрировать. И теперь, как остроумно предполагает мой проницательный шеф, дело за мной.

Фрэнк покосился на шефа. Гэлбрайт безмолвствовал. Лицо у него шло пятнами, в глазах бродило бешенство, но держать себя в руках он умел. Лицо Никольского, напротив, смягчилось и подобрело. Отчего оно так смягчилось и подобрело, можно было лишь строить догадки. Старик консультант сидел по-прежнему неподвижно и смотрел почему-то на Гэлбрайта. «Консультант по вопросам морали безмолвия»,— мельком подумал Фрэнк и решил, что язык все-таки надо попридержать. «Иначе меня

понесет,— думал он,— и мне будет плохо. Шеф явно созрел, чтобы сделать мне плохо...»

— Я слушаю вас, продолжайте,— сказал Никольский.

— Спасибо,— искренне поблагодарил Фрэнк.— Воспользуюсь. Я говорю неприятные вещи, но мне нужно, чтобы меня наконец кто-то выслушал...

— Вы говорили о нашей слабой вооруженности,— напомнил Никольский.

— Да. Ну что мы имеем в арсенале «противокосмических» средств? Про деловые качества я уже... Далее — сомнительной надежности антисептика, немногим более надежные лучеметы. И еще — зоны спецкарантина. Вот, кажется, все. Я ничего не упустил?

— Сущую безделицу — весь арсенал современной науки.

— Да? А что сказала наука хотя бы по поводу «эффекта метеостанции»? Или этих вот деревяшек? — Фрэнк ткнул пальцем в черный футляр.

— Пока ничего, но, разумеется, скажет.

— А что сказала наука по поводу взрыва Тунгусского метеорита? А по поводу очагов «синего бешенства» на Венере? Насколько я понимаю, тоже «пока ничего». Для многих успокоительно знать, что тунгусский взрыв был давно и в тайге. А если «тунгусское диво» позволит себе повториться? И не в тайге?.. Слово «пока» — удобный, но очень слабый аргумент.

— И между прочим, единственный,— добавил Никольский.— Именно по тем причинам, о которых вы говорите. Только за этим аргументом будущее, альтернативы нет. И да помогут нам опыт и интуиция.

— Про интуицию это вы хорошо... Не знаю, как ведет себя интуиция ваша, а вот моя, откровенно признаться, выходит за рамки приличия. С каждым днем она все увереннее подсказывает мне: мы проиграли. Мы, люди Земли, планетарный вид хомо сапиенса... Точнее, проигрываем, но это все равно, потому что процесс необратим. Если по мере нашего вторжения во Внеземелье количество «сюрпризов» будет расти хотя бы такими же темпами, мы поставим сами себя на грань биологической катастрофы. Поверхность планеты покроется зонами «полного отчуждения», и в конечном итоге мы, настоящие люди Земли... Словом, едва ли удастся нам сохранить свою природную

сущность. Разве что в каком-нибудь специально организованном для «настоящих людей» заповеднике.

— Мрачноватая перспективка,— ровным голосом отозвался Никольский.

— Это я вижу и сам. Хотелось бы знать, как это видите вы...

— Я понимаю. Подсознательно — или сознательно? — вы хотите, чтобы кто-то помог вам обнаружить брешь в вашем таком монолитном, как вы полагаете, логически безупречном построении. Разумеется, я не уйду от ответа, но, боюсь, моя точка зрения покажется вам тривиальной. Видите ли, Полинг, в чем разница... Для вас «космическая неожиданность» — бомба сегодняшнего дня, дамокловым мечом нависшая над современным человечеством...

— Вы представляете это себе как-то иначе? — удивился Фрэнк.

— Да. Я полагаю, с «космической неожиданностью» человек познакомился не сегодня. Он с нею родился, ею взлелеян и ею воспитан. Разве менее эффектным «сюрпризом» для троглодита было Великое оледенение? Добавьте к этому ужасы землетрясений и наводнений, и не надо будет объяснять, как часто волосатый наш предок видел перед собой «конец света». А что имел он в арсенале «противостихийных» средств? Сомнительной надежности дубину, немногим более надежный каменный топор и быстрые ноги, чтоб улепетывать подальше от опасных зон катастрофических катаклизмов...

— Шарик наш голубой сегодня так мал, что улепетывать нам практически некуда,— заметил Фрэнк.— Это во-первых. А во-вторых, «космическое» не есть «стихийное». Качество уже не то. Не земное... Но это детали. Я понимаю, что вы хотите сказать.

— Вот именно. Да, угроза биокатастрофы для планетарного вида человека разумного сегодня теоретически существует. Но практически... Практически люди во все времена довольно-таки убедительно демонстрировали свою изобретательность в борьбе за выживание. С какой же стати отказывать человечеству в праве продемонстрировать это еще раз?

— Понятно. Человечество уповает на дальновидность лидеров, лидеры кивают на человечество, а угроза биока-

тастрофы тем временем зреет. Более того, начинает уже плодоносить... И нет достаточно действенных средств, чтобы этому воспрепятствовать.

— Вот здесь-то наши взгляды и расходятся. Такие средства есть. И самое действенное из них — это наша с вами работа. Видите ли, Полинг... Любое стихийное бедствие — ну, скажем, крупное наводнение — было для троглодита «космической неожиданностью». Но лишь до тех пор, пока он не научился строить плотины.

— Для того чтобы строить эту плотину сегодня, нам нужен четко обоснованный, строго рациональный проект. Иначе легко уподобиться... нет, даже не троглодитам. Муравьям, которые строят свой муравейник на дне завтрашнего крупного водохранилища.

— А разве такого проекта не существует? — вмешался Гэлбрайт.— Полинг, внимательно перечитайте свой служебный устав. Ибо сказано там: «Главной задачей, обязанностью и высшей общественной привилегией штатных сотрудников Управления считать оперативное производство и неукоснительное исполнение мер по обеспечению безопасности человечества в целом в период разведки и освоения внеземельных объектов». По-моему, предельно ясно. Это вам и проект, и руководство к действию, и функциональная программа.

— Прошу прощения, шеф,— осмелился возразить Фрэнк,— но это пока всего лишь голая схема, изготовленная по образцу кладбищенских оград. Ограда, стало быть, есть, а кладбище продолжает исправно функционировать...

Фрэнк прикусил язык, но поздно. Лицо онемевшего шефа явило взору присутствующих полную гамму спектральных цветовых тонов — от сочно-красного до бледно-фиолетового. Шеф сделал несколько движений ртом, без звука, как рыба на воздухе.

— М-мальчишка! — наконец просипел он сдавленным голосом.— Пороть! Вот и вся педагогика!..— Он дважды дернул щекой и, спохватившись, заставил себя успокоиться (было заметно, каких усилий ему это стоило).— Служебный устав для него ограда на кладбище! А сам он, видите ли, роется на свалках истории философии, подбирает изъеденный молью экзистенциализм и пытается взгромоздить эту пыльную рухлядь на космический пье-

дестал. И конечно же, мнит при этом, что действует исключительно в интересах всего человечества! Нет, видали вы такое?! — Последний возглас, надо полагать, был адресован Никольскому.

Фрэнк молчал. Никольский взглянул на него и сказал:

— Аверьян Копаев... Запомните это имя, Полинг. Если вам доведется бывать в стенах Восточного филиала, вы с Аверьяном, пожалуй, быстро найдете общий язык. Подобно вам, он самым активным образом озабочен проблемой спасения человечества.

— Ах, там, у себя, вы тоже ходите в ретроградах?! — мгновенно подхватил Гэлбрайт, словно уже одна мысль о том, что Никольский ходит там, у себя, в ретроградах, доставляла ему огромное удовольствие.

— Ну может ли быть иначе? — отозвался Никольский.— Правда, мое положение еще сложнее. Аверьян Копаев — сын моего погибшего друга.

— Копаев?..— Гэлбрайт потер пальцами лоб.— Позвольте!.. Михаил Копаев, участник второй бригады меркурианского доследования по делу о «Солнечных галлюцинациях»?

— Совершенно верно. Опыт работы на Меркурии дался нам дорого...

— Да, отчаянные были дела... Один лишь Каньон Позора чего нам стоил! Долина Литургий, Лабиринт Сомнений!.. А нейтринно-солнечные синдромы! «Молодежный синдром», он же «меркурианский синдром Камасутры»...— Гэлбрайт вздохнул.— Странно, что именно Меркурий оказался для нас самой тяжелой планетой. Да и не только для нас... Кажется, вы работали там в группе технического наблюдения?

— Нет. В лагере техников состоялось наше с вами знакомство, а работал я в штабе бригады второго доследования.

— Да, да, припоминаю!.. Даже помню, что кто-то из штаба бригады предлагал применить в Каньоне Позора техническую блокаду...

Улыбчиво щуря глаза, Никольский дополнил:

— А кто-то из вашей группы шел еще дальше и предлагал разделаться с ни в чем не повинным Каньоном залпами аннигиляторов. По счастью, мы уже догадались

задрать головы кверху и с помощью гелиофизиков допросить настоящего виновника злополучных синдромов.

Гэлбрайт смущенно покашлял и неузнаваемо бархатным голосом высказался в том смысле, что молодости свойствен радикализм и что, видимо, в этом проявляет себя динамика формирования личности. Задев Фрэнка блуждающим взглядом, вдруг остановил на нем зеленые глаза, словно увидел впервые.

— Впрочем, мне кажется...

Он не успел сообщить, что ему кажется,— пискнул сигнал внутренней связи.

Шеф медленно посмотрел на часы.

— Прекрасно,— сказал он. Тоном выше добавил: — Очень хорошо! — И спросил куда-то в пространство: — Ну, что там у вас, парни?

— Докладывает старший оператор группы синтеза Купер,— отозвался спикер на потолке.— Аналитики сделали свое дело, шеф, состыковались с нашей системой. Мы готовы, можно начинать.

— Превосходно, Купер, начинаем немедленно. Встретимся в раут-холле.— Никольскому: — Раут-холл этажом ниже, нам там будет удобнее.

Никольский поднялся. Гэлбрайт остановил его жестом и тронул кнопку под крышкой стола:

— У нас с вами нет времени для ходьбы. К сожалению.

Стол, кресла и сидящие в них люди мягко опустились этажом ниже.

ДЕЛО О ДОСРОЧНЫХ ОТСТАВКАХ, ДИВЕРСИЯ НА «ГОЛУБОЙ ПАНТЕРЕ»

Светлый овал сомкнулся над головой. Полная темнота. Кто-то чихнул, и Фрэнк, ощутив медленный ток охлажденного воздуха, с беспокойством подумал о старике.

— Долго возитесь, Купер! — бросил в темноту Гэлбрайт.

— Адаптация зрения, шеф.

— Оставьте. Привыкнем по ходу дела.

Вокруг неуверенно замерцало. Судя по абрисам пола и потолка, холл был цилиндрической или бочкообразной

формы. Стены источали мягкое сияние, создавая иллюзию пространственной глубины, и (как отметил про себя Фрэнк) ничем существенным не отличались от экранных стен залов экспресс-информации в других отделах Управления. Но вот иллюзорная глубина слабо окрасилась: левая половина холла нежно-зеленым, правая — голубым, и холл стал похож на остекленный зал демонстрационного океанариума с двухцветной водой; а там, где должна была проходить граница слияния красок, проступило крупное изображение оператора. Это был сероглазый брюнет, лет тридцати, в черно-белой форменной рубахе.

— Джон Купер,— представил оператора Гэлбрайт,— специалист синтез-информационной группы.

Купер приподнялся над пультом, кивнул. В его неторопливых, небрежно-ловких движениях угадывались приметы, свойственные человеку самоуверенному.

Гэлбрайт перешел к делу:

— В поле нашего зрения... вернее будет сказать, подозрения рейдер «Лунная радуга». Корабль третьей по счету экспедиции к Урану. Что у вас по результатам анализа, Купер?

— То же самое, шеф. На подозрении космодесантники группы Элдера. Даю список.

Оператор произвел на пульте нужные манипуляции, и на голубой стене возникли две колонки имен и фамилий:

Тимур Кизимов	Юс Элдер
Дэвид Нортон	Аб Накаяма
Эдуард Йонге	Мстислав Бакулин
Жан Лорэ	Леонид Михайлов
Марко Винезе	Рамон Джанелла
Золтан Симич	*Николай Асеев*
Меф Аганн	

— Вторая колонка — список десантников, погибших в момент так называемого «оберонского гурма»,— пояснил Купер.— Пилот «Лунной радуги» Меф Аганн и начальник рейда Николай Асеев в десантной группе официально не числились, однако участвовали в высадке на Оберон.

— Первую колонку можно оставить,— позволил Гэлбрайт.

Вторая колонка растаяла на голубом и проступила на зеленом поле экранной стены, слева от изображения Купера.

— Если мне память не изменяет,— проговорил Гэлбрайт,— Винезе четыре года назад пропал без вести во время разведки пещер Лабиринта Сомнений в недрах Меркурия.

— Память вам не изменяет,— подтвердил Никольский.— Винезе придется убрать из списка живых.

— Золтана Симича, к сожалению, тоже,— добавил Купер.

Никольский и Гэлбрайт уставились на оператора.

— Это с какой стати? — спросил Гэлбрайт.

— Согласно последним данным отдела Регистрации, шеф.

— Когда?..

— Сорок один час назад.

— При каких обстоятельствах?

— Принимал участие в поисках дисколета, потерпевшего аварию в южной зоне Горячих Скал на Венере. Погиб во время кольцевого вулканического извержения.

— Тело Симича? — быстро спросил Никольский.

Секунды напряженного молчания. Фрэнк обратил внимание на мистера Икса и поразился происшедшей в нем перемене: подавшись вперед, старик по-птичьи вцепился в край стола белыми пальцами, рот приоткрыт узкой и темной щелью — поза весьма заинтересованного человека.

— Тело Симича?..— переспросил Купер. Обвел глазами пространство — должно быть, оглядывал там, в операторской, невидимые отсюда экраны. Манера водить глазами, почти не поворачивая головы, придавала облику оператора деловую сосредоточенность.— У меня таких сведений нет.

— Сделайте срочный запрос,— посоветовал Гэлбрайт.

Купер с ловкостью факира выхватил откуда-то блестящий шарик и профессионально-точным движением вставил его себе в ухо:

— Свяжите меня с отделом Регистрации. Да, сектор «Венера»... Ты, Викинг? Привет! Нас интересуют последние новости из южной зоны Горячих Скал... Так. Понятно... Благодарю тебя, Викинг.— Купер выключил пере-

говорное устройство.— Дисколет найден, шеф. Экипаж уцелел. Под извержение попали двое: Симич и его напарник. На месте их гибели — озеро высокотемпературной лавы. Поиски прекращены.

— М-да...— проговорил Гэлбрайт,— многообещающее начало. Что ж, остается известная нам четверка плюс Меф Аганн... Купер, пожалуйста, все сведения об Аганне. Послужной список, портрет, характер, привычки... ну, словом, все, что касается этого человека. Остальное — в запасник.

Список десантников полностью перекочевал на зеленое поле. По голубому прошла темная полоса, оставляя после себя восемь колонок четкого текста. Над первой колонкой — красочный слайд: коренастый человек в белом спортивном комбинезоне прижимал к груди какой-то круглый металлический предмет и улыбался. У человека были очень светлые желтоватые волосы и синие, с бирюзовым оттенком глаза.

— Обаятельная внешность,— признал Гэлбрайт.— Посмотрим, однако, что в тексте... Родился, учился, мечтал, закончил, летал, участвовал... Так, хорошо. Спортивные увлечения: пневмолыжи, экранолет, гиромобиль... Великолепно. Общителен, терпелив, способен к решительным действиям, дружелюбен, покладист... и все остальное в том же духе. Не человек, а вместилище всех совершенств и достоинств. И почему-то холост... Летная стажировка на «Альбатросе», должность второго пилота на «Скандинавии», первый пилот «Лунной радуги». Восемь лет назад администрацией Управления объединенного космофлота Системы (УОКС) назначен капитаном танкера «Анарда». Премии, награды, поощрения... Купер, какие линии сейчас обслуживает танкер?

— Решением администрации УОКСа танкер снят с дальнорейсовых линий, переброшен в лунную систему Сатурна и поставлен на орбитальный прикол у Япета. УОКС намерен всучить эту ржавую бочку сатурнологам Первой комплексной экспедиции. В качестве орбитальной базы.

— Понятно. Аганн?

— Теперь он «соломенный» капитан.

— Подал в отставку?

— Нет. И даже не покинул борт «Анарды». Формаль-

но он имеет на это право, пока не будут утверждены акты на списание и передачу танкера.

— Странно... Пятьдесят два года — предельный возраст для космонавта. На что он рассчитывает?

— Трудно сказать. Администрация отдела летного состава УОКСа тоже в недоумении, но торопить заслуженного ветерана с отставкой пока не решается.

Гэлбрайт, откинувшись в кресле, разглядывал слайд:

— Купер, а что он держит в руках?

— Приз, которым его наградили за первое место в трансатлантических гонках на спортивных экранолетах по маршруту Дакар — Флорида.

— Когда это было?

— Десять лет назад.

— Значит, перед отлетом на Оберон... Какими видами спорта он увлекался позже?

— Это было его последнее увлечение, шеф.

— Чем же он заполняет свой досуг во время отпуска на Земле?

— Мне придется связать нашу синтез-систему с информатекой отдела охраны труда УОКСа.

Пока оператор был занят, Гэлбрайт перечитывал текст.

— Готово, шеф.

— Я весь внимание, Купер.

— Согласно данным УОКСа за последние десять лет Аганн провел на Земле отпускного времени вдвое меньше, чем этого требуют нормы охраны труда. Даю диаграмму.

Вспыхнул красочный круг с разноцветными секторами. Минуту Гэлбрайт разглядывал диаграмму.

— Такое впечатление,— сказал он,— будто после событий на Обероне Аганн намеренно избегает бывать на Земле.

— Да, шеф. Отдел охраны труда чуть ли не силой заставляет Аганна использовать право на отдых, и каждый раз Аганн покидает Землю задолго до окончания отпуска. Более того... Ни для кого не секрет, что экипажи кораблей УОКСа, призванные на космодромы и базы Луны для переподготовки, формирований летного состава или просто в резерв, используют любую возможность, чтобы часть этого времени провести на Земле. До событий на Обероне Аганн поступал точно так же. Однако последний десяток лет...

— Достаточно, Купер. Я жду ответа на свой предыдущий вопрос.

— Все свое отпускное время Аганн проводил в постоянных разъездах, но очень однообразно.

— То есть?

— В одном из агентств объединения «Глобус» он заказывал туристский литер на посещение нескольких, но всякий раз одних и тех же городов. Свой турвояж неизменно начинал и завершал в Торонто.

— Список всех городов! — потребовал Гэлбрайт.

На голубом поле экранной стены промелькнул сверкающий зигзаг, и рядом с кругом цветной диаграммы появилась новая колонка текста:

г. Торонто — Элдер
г. Буэнос-Айрес — Джанелла
г. Киев — Бакулин
г. Суздаль — Асеев
г. Иркутск — Михайлов
г. Симода — Накаяма
г. Торонто — Элдер

— В чем дело?! — Гэлбрайт даже привстал.

— Сработал синтез-блок совпадений...— Купер пожал плечами. Теперь, оглядывая экраны операторской, он довольно-таки энергично вертел головой. Тишина в раутхолле стала почти осязаемой.— Ах, вот оно что! Ну понятно!..

— Мы охотно разделим с вами ваш восторг,— прошипел Гэлбрайт.

— Аганн посещал родные города погибших десантников, шеф...

Гэлбрайт переглянулся с Никольским. Сказал Куперу:

— Список немедленно передать отделу Наблюдения.— Нашарил на столе кнопку внутренней связи:

— Соедините меня с отделом Наблюдения.

— Дежурный отдела Наблюдения Бауэр,— откликнулся спикер.

— Оперативно-следственный отдел. Гэлбрайт. Вам передан список шести городов и привязанных к ним фамилий космодесантников. Это по делу «Черный след». Поднимите на ноги всю нашу агентуру в указанных городах. Задание первое: провести операцию типа «Эспла-

нейд» в местных отелях объединения «Глобус». Подозреваемый — Меф Аганн, капитан танкера «Анарда». Задание второе: выяснить, встречался ли Аганн с родственниками или друзьями перечисленных в списке погибших космодесантников. Если да, то по каким вопросам конкретно. Относительно городов восточного полушария вам необходимо срочно войти в контакт с отделом Наблюдения Восточного филиала. Контакт запросите от имени...— Гэлбрайт вопросительно взглянул на Никольского — тот кивнул,— ...от имени шефа оперативно-следственного отдела этого филиала Никольского. Все сведения по мере их поступления немедленно передавать мне. Выполняйте.

— Дежурный Бауэр принял.

— Я очень рассчитываю на вашу расторопность, Бауэр. Желаю успеха.

Заложив руки за спину, Гэлбрайт направился вокруг стола.

— Как вы полагаете, Никольский... Аганн причастен к «черным следам»?

— Полагаю, мы обязаны его подозревать.

— Меня смущает заметная разница в отношениях к Земле у десантников и у Аганна. Первые любят бывать на Земле, охотно используют отпуск и любые другие возможности. Последний не любит.

— Любят, не любит...— проговорил Никольский.— Пожалуй, это не те слова, Гэлбрайт.

Остановившись, Гэлбрайт медленно повернулся к собеседнику.

— Кажется, улавливаю вашу мысль... Купер, поройтесь в информатике УОКСа: нет ли там документов, которые бы свидетельствовали о намерении кого-либо из наших десантников выйти в отставку досрочно.

Купер склонился над пультом.

Фрэнк вздохнул и посмотрел в потолок — затея шефа представлялась ему абсурдной. Он знал, что такое досрочная отставка для бравого молодца с эмблемой «Дикая кошка» на рукаве... По крайней мере, за Нортона можно было без риска поручиться собственной головой.

Купер выпрямился, тихо присвистнул.

— Кто? — спросил шеф.

— Все. Кроме Винезе и, разумеется, Мефа Аганна. Даю текст.

Появилось пять колонок текста. Фрэнк нашел фамилию Дэва и не сразу поверил глазам. Дэвид Нортон (который всегда был для Фрэнка загадочным средоточием мужества, жесткости, силы) трижды ставил в тупик администрацию УОКСа просьбами о досрочной отставке!..

Ошарашенный Фрэнк проверил другие фамилии. Два раза просил об отставке Симич, по разу — Кизимов, Йонге, Лорэ. Пальма «первенства» принадлежала Нортону... Да, ручаться головой в такого рода делах по меньшей мере наивно.

— Чем дальше в лес, тем больше дров...— туманно выразился Никольский.

— Обращает на себя внимание слабость сопровождающих просьбы мотивировок,— заметил Гэлбрайт.— Похоже, авторы просьб старались скрыть настоящий мотив. Или я начинаю судить предвзято?

— Нет,— сказал Купер.— Ваше мнение совпадает с мнением УОКСа. Только просьбу Лорэ УОКС признал достаточно мотивированной, поскольку она опиралась на заключение медэкспертизы. У десантника всерьез пошаливали нервы.

— Самое любопытное,— заметил Никольский,— основная масса просьб падает на второй и третий годы после событий на Обероне.

— Да, на четвертый приходится лишь последняя Нортона.— Гэлбрайт метнул взгляд в сторону оцепеневшего Фрэнка.— Нортон выглядит рекордсменом во всех отношениях.

Никольский тоже посмотрел на Фрэнка, но ничего не сказал.

«Не воображают ли они, будто я что-то утаиваю?..» — с недоумением подумал Фрэнк.

Гэлбрайт сел, удобно откинувшись в кресле.

— Вот что, Купер... Возьмите всю эту компанию соискателей досрочной отставки и постарайтесь дать нам общую картину их служебной деятельности после Оберона.

— По-моему,— сказал Никольский,— есть смысл включить в сводную схему Винезе и Мефа Аганна. Для контраста.

— Не возражаю. Купер, давайте всех семерых.

В голубом пространстве экрана возникло схематиче-

ское изображение Солнечной Системы. Схема напомнила Фрэнку большую мишень с оранжевым Солнцем-яблочком в центре. Избавляясь от наваждения, он встряхнул головой и послал проклятие Веберу.

Из центра схемы одновременно, вспышкой, брызнули десять радиусов лучей, и «космическая мишень» стала стремительно покрываться узорной мозаикой разноцветных кружочков, словно попала под перекрестный огонь торопливых и неумелых стрелков, успевших «изрешетить» орбиты Юпитера и Сатурна прежде, чем им удалось наконец «пристреляться» к орбитам внутренних планет. Появились короткие надписи: названия кораблей, кодовые наименования рейдов и операций. Возникла целая система связующих линий, сплошных и пунктирных. Луны, базы, колонии, станции, даты... Фрэнк вознамерился было самостоятельно проследить служебный путь Дэвида, но от этого намерения пришлось отказаться — рябило в глазах.

— Вы удовлетворены этой схемой? — спросил Гэлбрайт Никольского.

— Э-э... в какой-то мере,— тактично ответил Никольский.

— А вы, Купер?

— Я?..— На лице оператора проступило некоторое замешательство.— Готов дать любые гарантии, все здесь на своих местах.

— Мы принимаем ваши гарантии, но свое загадочное произведение вам придется прокомментировать.

Купер помолчал соображая. Гэлбрайт терпеливо ждал.

— После возвращения «Лунной радуги»,— заговорил оператор,— для наших десантников начинается новый этап работы в Пространстве. Чтобы облегчить обзор, я предлагаю принять за условный нуль отсчета времени момент катастрофы на Обероне.— Купер вопросительно замер.

— Продолжайте.— Гэлбрайт кивнул.— И покороче, самую суть.

— Первый год: возвращение, отпуск, Земля. Все у них в норме, если, конечно, сбросить со счета последствия шока, пережитого на Обероне. Год второй. Базовый город «Гагарин» на Луне: переподготовка, ожидание новых формирований и, наконец, служебные визы на выход в Пространство. Симич, Йонге, Кизимов, Лорэ попадают в со-

став десантного отряда «Голубая пантера», который был создан для лунной системы Юпитера. Там начиналось строительство крупных стационарных баз, и десантникам...

— Это можно опустить,— позволил Гэлбрайт.

— Аганн и Нортон — желтые и синие элементы схемы — вошли в состав четвертой экспедиции к Урану. Точнее, в состав «экспедиционной комиссии Юхансена» — комиссии по расследованию оберонских катастроф. Корабль экспедиции — та же «Лунная радуга». Аганн, как и прежде,— первый пилот корабля, Нортон — командир десантной группы. Благополучная высадка на Оберон, благополучный отлет и... первая просьба Нортона о досрочной отставке.

— Ах вот как! — оживился Гэлбрайт.— Первая ласточка все-таки из системы Урана!..

— Да, шеф, но... пока УОКС переваривал эту пилюлю, из системы Юпитера одна за другой поступили аналогичные просьбы от Йонге и Симича, а месяц спустя — от Лорэ. Год третий...

— Виноват,— вежливо вставил Никольский.— Вы забыли Винезе.

— Верно, простите. Винезе — красные элементы на схеме — сразу попал на Меркурий в отряд специального патрулирования «Меркьюри рэйнджерс». Там и работал до известного вам происшествия в Лабиринте Сомнений. Просьб о досрочной отставке не подавал. Год третий...

Купер давал пояснения коротко, быстро, при этом ярко вспыхивали соответствующие элементы схемы — следить было удобно. Фрэнк следил, слушал и ждал, когда же дело наконец дойдет до Нортона, и испытывал нетерпение, потому что дело до Нортона не доходило.

— Вернемся к Нортону,— перебил оператора шеф.— В ответ на первую просьбу УОКС переводит его... Куда его там переводят?

— В систему Сатурна.

— Так. И что изменилось?

— Ничего. Как и прежде, Нортон стремится выйти в отставку.

— Понятно... И Нортона переводят в систему Юпитера? Я правильно ориентируюсь на вашей живописной схеме?

— Да, шеф. Но и в системе Юпитера его преследует мысль об отставке. Не желая терять опытного специалиста, УОКС решается на третий перевод. Теперь уже на Меркурий.

— Именно там Нортон перестал терроризировать свою администрацию странными просьбами?

— Да. В итоге к исходу пятого года...

— Спасибо, Купер, достаточно,— остановил его Гэлбрайт. Никольскому: — Занятная «география», не так ли?

— Весьма!..— задумчиво ответил тот.— После событий на Обероне что-то очень мешает нашим десантникам нормально работать в зоне дальних планет...

— ...И настолько, что даже позор досрочной отставки не кажется им слишком дорогой ценой за избавление от этого «чего-то».

— Но, судя по всему, на внутренних планетах это «что-то» или ослабевает, или отсутствует вообще. Во всяком случае, после провала затеи с досрочной отставкой десантники облюбовали Венеру, Мéркурий — в основном почему-то Меркурий — и успокоились.

— Я бы сказал — затаились. А насчет Меркурия, по-моему, ясно: традиционные трудности освоения этой, мягко выражаясь, знойной планеты, как правило, не позволяли УОКСу отвлекать в дальнее Внеземелье десантные силы меркурианских отрядов. Тем более отряда «Меркьюри рэйнджерс». И в этом все дело.

Подчеркнутое шефом «затаились» вызывало у Фрэнка интуитивный протест. С какой стороны ни возьми, а понятие «затаился» решительно не вязалось с характером Нортона.

— Иными словами,— продолжал Гэлбрайт,— мы обнаружили весьма загадочную реакцию бывших десантников «Лунной радуги» на собственное пребывание в зоне дальнего Внеземелья.

— Их реакция слишком напоминает испуг,— предложил свою версию Купер.

— Сомнительно,— сказал Никольский.— Пугливый космодесантник, робкий сорвиголова, почти ежедневно рискующий жизнью... Не звучит, понимаете.

Посовещавшись, Никольский и Гэлбрайт решили, что весь объем полезной информации по этим вопросам, по-

жалуй, исчерпан и наступила пора заняться самим Обероном.

— Итак,— сказал Гэлбрайт, отправляясь в очередное путешествие вокруг стола,— мы имеем серьезные основания заподозрить плотную связь между предметом нашего следствия и системой Урана. Каков первый источник надежной информации об этом районе?

— Первыми были транзитные станции-автоматы серии «Пионер»,— ответил Купер.— Основную программу беспилотной разведки Урана завершили кассетные станции серии «Радиант».

— Собранный материал дал хоть какой-нибудь повод для сомнений относительно безопасности этого района?

— Ни малейшего... Весь научно-исследовательский материал, как это положено, прошел досмотр в отделе Допуска нашего Управления и с интересующей нас точки зрения оказался чист, как звездный поцелуй.

— Превосходно. Переходите к этапу экспедиционных посягательств на Уран.

— «Громовая стрела», разведочный рейдер с экипажем в одиннадцать человек. Пропал без вести примерно на половине пути между орбитами Сатурна и Урана.

— Расценивать это как первый тревожный сигнал по вопросам нашего следствия? — обратился Гэлбрайт к Никольскому.

— Не имеем права,— возразил тот.— В делах разведки системы Урана «Громовая стрела» была только возможностью, но так и не успела стать инструментом. Она затерялась на дальних подступах к цели, и причина вряд ли была... э-э... слишком экстравагантной. В полете может случиться всякое. Взрыв реактора, например.

— Взрыв реактора... Ладно, возьмем на заметку. Но продолжайте, Купер.

— Год спустя стартовал к Урану малотоннажный рейдер «Леопард».

— Вот это другое дело,— пробормотал Никольский.

— Пять человек на борту,— продолжал Купер,— под предводительством Эллингхаузера. Среди космических асов того времени он широко был известен под прозвищем Пауль-везунчик. Экипаж прославился умением находить выход из самых отчаянных положений.

— Да, это был отборный экипаж...— Никольский по-

кивал.— Все, как один, многоопытные, хорошо подготовленные парни.

— Несмотря на их многоопытность, «Леопард» пропал без вести так же загадочно, как и «Громовая стрела»,— гнул свое Гэлбрайт.

— Ну... не совсем так.— Никольский сделал жест несогласия.— «Леопард», во-первых, достиг цели. И без каких бы то ни было происшествий, заметьте. Эллингхаузер радировал победный рапорт, в котором, кстати сказать, кроме неумеренных восторгов по поводу прибытия в систему Урана, нет ничего достойного внимания. Однако главное в другом. Едва осмотревшись в системе, Эллингхаузер азартно бросился в погоню за ближайшим спутником. На этом его везение кончилось, потому что ближайшим оказался именно Оберон.

— Значит, вы предлагаете опираться на выводы комиссии Юхансена?

— Я предлагаю опираться на факты.

— Боюсь, как бы нам не пришлось опираться на их отсутствие,— мрачно заметил Гэлбрайт, возвращаясь в кресло.— Купер, давайте припомним, как действовал Эллингхаузер.

Купер пожал плечами:

— Действовал правильно, шеф. Следуя типовым инструкциям лунной разведки, «подвесил» рейдер на круговой орбите, сбросил на Оберон несколько кибер-зондов и телемониторов. Положенное время вел трансляцию оберонских ландшафтов вперемежку с данными киберзондирования. У селенологов, принимавших трансляцию «Леопарда», большой интерес вызвала так называемая Ледовая Плешь. По словам самого Эллингхаузера, Оберон был похож на «арбуз с отрезанной верхушкой». На фоне очень неровной поверхности планетоида Ледовая Плешь выглядела удивительно плоской. Она имела около двухсот километров в диаметре, а в центре ее одиноко зиял глубокий кратер диаметром в тридцать один километр...

— Купер, кажется, мы вспоминаем действия Эллингхаузера.

— Осталось добавить немного,— перехватил инициативу Никольский.— Покончив с телетрансляцией, Эллингхаузер сообщил о своем намерении посадить рейдер на Ледовую Плешь в районе, разведанном кибер-зондами.

На этом связь с «Леопардом» прекратилась, никаких сообщений больше не поступало. Двадцать суток спустя стартовала к Урану «Лунная радуга».

— Представляю себе изумление ее экипажа...

— Да, «Леопарда» не было на Обероне. Орбитальный осмотр планетоида ничего не прояснил. Радары и телефотеры «Лунной радуги» тщательно обшарили поверхность — все было так, как сообщал и показывал Эллингхаузер: Ледовая Плешь, воронка глубокого кратера. Но не было «Леопарда». Ни следов посадки его, ни обломков... Мнения членов командного совета «Лунной радуги» разделились: одни считали, что «Леопард» вообще не садился на планетоид, другие — что рейдер садился, однако ушел с Оберона, не оставив на месте посадки даже радиобакена. Ведь никому и в голову прийти не могло, что Оберон западня.

— Это верно,— сказал Гэлбрайт,— но только в отношении вылазки на Оберон десантников «Лунной радуги».

— Хотите сказать, это неверно в отношении «Леопарда»?

— Я говорю об отсутствии фактов. У нас нет прямых доказательств, что «Леопард» садился на Оберон. Мы знаем о намерении Эллингхаузера, но не более того.

— Наряду с методом прямых доказательств, Гэлбрайт, существует и метод прямых аналогий. Гибель десантников Элдера...

— Простите, Никольский, я не оспариваю действенность этого метода.

— Значит, мне показалось.

— Вижу, мне следует объясниться. Комиссия Юхансена, усмотрев прямую аналогию между трагедией группы Элдера и судьбой «Леопарда», сочла свою работу законченной. Однако дело, завершенное на уровне аналогий, бумерангом вернулось к нам и требует пересмотра. С чем я эту комиссию и поздравляю.

— Не разделяю вашей иронии, Гэлбрайт. Свою задачу Юхансен выполнил.

— Да, если говорить о том, что он добросовестно выяснил, как срабатывал механизм оберонской западни. Будучи специалистом по лунным системам внешних планет, он понимал свою роль председателя комиссии по расследованию оберонских событий скорее как роль уче-

ного. Другими словами, Юхансен-ученый возобладал над Юхансеном-следователем, и это в достаточной степени скверно сказалось на результатах работы комиссии в целом.

— С высоты теперешнего положения нам легче рассуждать о недостатках «работы комиссии в целом»,— заметил Никольский.

— Разумеется. И я намерен это использовать. Собственно, все мои доводы можно свести к одному: коллективному мозгу комиссии недостало воображения. Жрецы внеземельных наук подошли к странностям Оберона с неоправданно жесткими мерками своего оправданно куцего опыта.

На этот раз Никольский промолчал.

— Комиссия,— продолжал Гэлбрайт,— столкнулась с космической неожиданностью самого экстравагантного свойства. При всем при том в отчетах комиссии я не нашел ни единого факта, который мог бы служить хоть каким-то звеном между цепью событий на Обероне и цепочкой «черных следов» на Земле.

— Но кто бы мог теперь поручиться, что комиссия действительно имела возможность собрать больший объем фактического материала, чем тот, который представлен ею в отчетах? Я, например, не взял бы на себя такую смелость.

— Тогда разрешите это сделать мне,— прозвучал в раут-холле великолепно поставленный баритон.

Фрэнк повертел головой. Голос подал старик — больше вроде бы некому,— но Фрэнк не сразу в это поверил. Похоже, оторопел от неожиданности и Никольский — покосился на старика, ничего не сказал, перевел взгляд на Гэлбрайта. С экранной стены лучилась любопытством физиономия Купера.

Старик слабо пошевелился, выложил на стол худые синевато-мраморные кулаки.

— Я думаю,— сказал он,— Гэлбрайт увлекся и слишком строго судит работу комиссии. На разных этапах следствия — разные задачи, и, как вы справедливо отметили,— он посмотрел на Никольского,— Юхансен свою задачу выполнил. Дело за вами. Но что касается... э-э... неизбежных, пожалуй, в следственной практике упущений, я хотел бы упомянуть об «экранных диверсиях».

— «Экранные диверсии»?..— резко переспросил Никольский.

— Молодой человек, могу одолжить вам свой слуховой аппарат.

«Нет, но каков орешек!» — изумился Фрэнк, с удовольствием глядя на старика.

— Простите,— сказал Гэлбрайт Никольскому,— я еще не представил вам нашего консультанта. Чарлз Леонард Роган, профессор Института космической медикологии, руководитель кафедры психоанализа, автор известной монографии «Генезис психопопуляций в условиях Внеземелья».

Никольский кивнул:

— Рад познакомиться.

— В свое время,— продолжал Гэлбрайт,— профессор помог нам вывести из тупика следствие по одному весьма запутанному делу...

— В свое время,— перебил Роган,— я настоятельно рекомендовал Управлению выяснить мотивы «экранных диверсий», участившихся на кораблях и в базах Внеземелья.

Гэлбрайт обеспокоенно поерзал в кресле.

— Купер, будьте любезны, запросите следственный архив...

— Не надо,— сказал Роган.— Следствия по этому делу не было. «Экранные диверсии» пошли на убыль, о моих рекомендациях благополучно забыли. И совершенно напрасно.— Роган извлек откуда-то плоский пакетик в глянцевой оболочке, броском отправил его по полированной крышке стола в сторону Гэлбрайта.

Пакет скользнул мимо Фрэнка и, оказавшись у шефа в руках, распался на желтые прямоугольники. Шеф и Никольский углубились в изучение картотеки профессора.

— Гм...— смущенно произнес Никольский, обмениваясь карточками с Гэлбрайтом,— выходит, Юхансен знал об «экранных диверсиях».

— Знал, но вниманием не удостоил.— Гэлбрайт развернул карточки веером.— Я ожидал чего-нибудь в этом роде.

— Кстати, количественный пик «диверсий» хорошо совпадает с периодом просьб о досрочной отставке.

— Да. Лишнее свидетельство достоверности этого материала и...

— Молодой человек,— высокомерно перебил Гэлбрайта Роган,— в такого рода делах я убежденный педант и привык тщательно взвешивать свои доводы.

Гэлбрайт и бровью не повел. Разложил карточки на столе, спросил:

— Откуда у вас эти сведения, профессор?

— А вам, собственно, зачем? — с прежним высокомерием осведомился Роган.

«И в цирк ходить не надо!..» — наслаждаясь сценой, подумал Фрэнк.

— Затем, что наши отделы Внеземельного сектора такими сведениями не располагают,— мягко ответил Гэлбрайт.— Вам удалось самодеятельно обнаружить в космосе то, чего не смогла разглядеть у себя под носом специально подготовленная агентура. Мы просто обязаны использовать ваш опыт. Итак?..

Старик было заерепенился, но Гэлбрайт умел настоять на своем, и делиться «опытом» Рогану все же пришлось. Фрэнк понятия не имел, о каких это «диверсиях» идет речь, и следил за беседой с повышенным интересом.

Удачливая самодеятельность старика, которую шеф соизволил отметить, объяснялась просто. Руководитель кафедры психоанализа Чарлз Леонард Роган был плодовит. Плодовит идеями, учениками, последователями. Изрядное количество его питомцев трудилось на внеземельных объектах, и большинство этих трудящихся (как в силу редкостной специфики своей работы, так и по причине своего естественного благонравия) продолжало поддерживать с альма-матер довольно тесные контакты. Фрэнк по ходу дела прикинул, что диплодок-профессор имеет в космосе едва ли не более разветвленную «агентурную сеть», чем оба филиала Управления космической безопасности, вместе взятые. Не выходя из кабинета, старый гриб ухитрялся быть в курсе многих событий напряженной жизни Внеземелья.

Впервые об «экранных диверсиях» Роган узнал от медикологов системы Юпитера. Бывший аспирант профессора, некто Луис Нино де Ривера, поведал ему эпизод из собственной практики. Эпизод, представленный молодым медикологом в виде курьезного случая, таковым про-

фессору не показался и даже, напротив, весьма неприятно его удивил и озаботил. Суть рассказанного де Риверой сводилась к следующему.

Однажды на имя Ответственного Распорядителя лунной системы Юпитера (база «Каллисто-Центр») от старшего администратора шестой луны (ЛЮ-6 «Гималия») поступил зашифрованный радиорапорт, из коего следовало, что на базе космодесантников «Голубая пантера» несколько часов назад имело место происшествие, «которое нельзя квалифицировать иначе как необъяснимый случай исступленного умопомешательства». «Разобраться и объяснить» было поручено де Ривере. Медиколог быстренько оснастил типовой медицинский бот соответствующим оборудованием и стартовал на шестую луну.

ЛЮ-6—стодвадцатикилометровый обледенелый мирок, похожий на неровно обработанную глыбу мрамора с красновато-коричневыми прожилками. На светлом фоне база космодесантников виделась четким узором татуировки: два пунктирных прямоугольника, соединенных пунктирной дугой... Медицинскому боту своевременно дали «добро» на посадку, предупредительно «развернули» полную карту сигнальных огней на территории космодрома, экипаж — медиколога и пилота — молчаливо, но вежливо встретили прямо у выхода из кессона. Никаких признаков «исступленного умопомешательства»... Очень живой и общительный по характеру де Ривера засыпал встречавших вопросами. В ответ пожимали плечами. Озадаченный медиколог, оказавшись с глазу на глаз со старшим администратором, потребовал объяснений. Администратор препроводил его в бункер, у входа в который сияла рубиновым светом запретная надпись: «Стоп! Комплект ДО-2», посторонился, кивнул на экраны. Это были роскошные сингуль-хроматические экраны новейшего образца с необыкновенно высоким качеством цветоинтерпретации. Располагались они вдоль бункерных стен двумя поясами. Верхний пояс был цел. Нижний... Почти половина экранов нижнего пояса была варварски уничтожена. Из разбитых проемов, стеклянно блестя, свисали пучки оборванных световодов, на пультах и креслах темнели потеки оптической жидкости, под ногами хрустело хрупкое крошево... Били чем-то тяжелым, определил де Ривера и невольно одобрил диагноз, предложенный старшим администрато-

ром. У человека, здравого умом, рука не поднялась бы сделать такое... На вопрос де Риверы, кто чаще всех бывал в этом бункере, администратор, вздыхая и хмурясь, дал подробный, но мало что прояснивший ответ.

На всех без исключения базах космодесантных отрядов имеется дубль-комплект диспетчерского оборудования ДО-2. Необходимость? Вряд ли... Скорее инерция, анахронизм, наследие времен, когда надежность аппаратуры еще не достигала должного уровня. Лично ему, администратору, за двадцать лет работы во Внеземелье только однажды пришлось быть свидетелем практического оправдания подобной предусмотрительности, и то по причине скверного обогрева основной диспетчерской рубки — дежурные мерзли. Мало-помалу дубль-бункер — этот технический рудимент — принял на себя роль обычного информатория, доступ в который открыт для всех. Что? Да, в любое время дня и ночи. Запретное «стоп!» — тоже анахронизм и давно уж никого ни к чему не обязывает. Поскольку дубль-комплект работает синхронно с аппаратурой диспетчерской рубки, свободные от вахты люди иногда заглядывают в бункер узнать подробности текущих дел или просто послушать местные новости. Ведь доступ в основную рубку разрешен только членам командного совета базы. Конечно, большей популярностью пользуется главный информаторий-кафе, однако в напряженные часы десантных операций дубль-бункер бывает забит до отказа. И вот, извольте видеть... Администратор горестно повел рукой.

Медиколог, теряя терпение, прямо спросил, кого из людей администрация держит на подозрении.

— Вынужден вас огорчить,— был ответ,— на подозрении практически все.

— А вы подумайте,— настаивал де Ривера.— Мы не имеем права подвергать унизительной процедуре медицинской перепроверки весь коллектив базы.

— Верно. Такого права мы не имеем. Видите ли, я полагал... специалисты вашего профиля владеют каким-нибудь методом... ну... без посредства этих... диагностических машин, шлемов, датчиков и присосок. Мне казалось, какой-нибудь хитроумно составленный тест, психологический трюк...

— Трюк?! — Медиколог медленно закипал.— Послу-

шайте, уважаемый! Я не шаман, и фольклорный метод зачерненного сажей горшка применять здесь решительно не собираюсь. Либо строго научный анализ на основе машинной — как это вам ни претит — диагностики, либо...

— Я понял,— печально ответил администратор.— Что ж... действуйте, как находите нужным.

— Действовать я не могу, пока вы не представите мне заподозренного вами человека. Кто-то ведь должен быть у вас на примете. Ну хорошо, не один, пусть даже несколько — группа. Но не весь коллектив, разумеется! След горячий — экраны разрушены только вчера. Ведь не призрак разрушил ваши экраны!

— В некотором смысле — призрак. Видите ли... Инструмент разрушения пойман, а сам разрушитель...

— Как вы сказали? — Медиколог взглянул в глаза собеседника с этаким профессиональным интересом.— Пойман инструмент?

— Да. Но вы не волнуйтесь, я объясню. Сам разрушитель экраны не бил. Он приказал это сделать киберуборщику ХАУМ-7-8 класса «Стюард». Когда приказал — неизвестно. Может, вчера, а может, неделю назад... Память уборщиков-автоматов этого класса рассчитана для семидневного цикла работы.

— Что ж вы мне раньше...— У медиколога опустились руки.— Ведь это меняет дело...— Минуту он молчал, сосредоточенно соображая. Сказал наконец: — Боюсь, я ничем не смогу вам помочь: мотивы умышленной порчи имущества базы не по моей специальности. Да, да, и не смотрите на меня так. Обстоятельства дела наводят на мысль, что за всем этим...— де Ривера кивнул на разрушенные экраны,— скорее скрывается трезвый расчет, чем ущербность рассудка.

Администратор безропотно выслушал мнение медиколога, и глаза у него были усталые и несчастные.

Для очистки совести де Ривера побеседовал с местным врачом. Тот признал, что истребление экранов — случай, конечно, ошеломительный, но дал понять, что попытка администрации представить все это в «психопатологическом ракурсе» лично с его стороны не получит поддержки. Нет, он не оспаривает правомерность той или иной гипотезы для объяснения вчерашнего события, но гипотезу

об «умопомешательстве» считает наименее удачной. «Диверсионная» гипотеза тоже не вызывает у него никакого сочувствия, поскольку заведомо отсутствует мотив диверсии.

— А если предположить, что мотив просто нам неизвестен? — спросил де Ривера.

— Тогда неизбежно придется признать гангстеризм в системе Юпитера,— ответил врач, разводя руками.— Но это ведь несерьезно — гангстерское гнездо на базе космодесантников!

— Резонно...— пробормотал медиколог.— Вынужден согласиться. Однако что вы предлагаете взамен?

— Я бы рискнул предложить третью гипотезу. И весь ее смысл заключен в одном-единственном слове: недоразумение. Расшифровочка требуется?

— Да, будьте любезны.

— Так вот: никакого «умопомешательства» на базе не было, «умышленной порчи имущества» тоже. Было недоразумение. Кибер-уборщик истолковал как приказ чью-то случайную фразу и выполнил то, о чем его, дурака, никто никогда не просил. Специалисты, правда, считают, что это выходит за рамки возможного. Дескать, логика автоматов класса «Стюард» принимает приказ только вместе с произнесенной формулой обращения. Но представьте себе ситуацию: по хозяйственной надобности кто-то сказал эту формулу, кто-то рядом стоящий его перебил, а кто-то проходивший мимо как-нибудь неудачно, к примеру, сострил... Впрочем, можно представить себе ситуацию и посложнее.

— Понимаю... Благодарю вас, коллега. Вы меня убедили...

Удрученный де Ривера полюбопытствовал взглянуть на виновника переполоха. Ничего особенного: новая модель «Стюарда» — помесь механического осьминога с пылесосом и рукомойником. Автомат, поблескивая бусинами глаз, послушно выполнил несколько команд администратора. Затем, уже по собственной инициативе, пустил струю какой-то жидкости медикологу на ботинки, посвистел пылесосом, повращал шаровидными щетками. Такую же процедуру проделал с ботинками администратора.

— Что это с ним? — спросил де Ривера.

— Заметает следы собственного преступления,— за-

думчиво глядя на ХАУМа, ответил администратор.— На ботинках мы притащили из бункера кварцолитовую пыль от разбитых экранов. Кстати, убрать «за собой» в бункере он не успел: как раз вчера завершился недельный цикл его работы и семидневная программа автоматически стерлась...

Де Ривера выразил администратору сочувствие, подписал протокол посещения базы и стартовал восвояси...

— Я,— сказал в заключение Роган,— так подробно передал вам исповедь моего бывшего аспиранта не только потому, что это был самый живописный случай «экранной диверсии». Мне хотелось показать вам, во-первых, насколько изобретательно действовали «диверсанты»,— кстати, «курьез» де Риверы насторожил меня именно этим — и насколько обманчивы изящные на вид гипотезы, во-вторых.

— О, здесь мы решительно с вами согласны, профессор! — Гэлбрайт кивнул.— В этом плане изящная версия сродни ложному обвинению: она тем опаснее, чем правдоподобнее выглядит.

— Встречаясь с медикологами Внеземелья,— продолжал Роган,— я выяснил, что случаи безжалостного истребления экранов отнюдь не монополия системы Юпитера и даже не монополия баз. Очажки «экраноненавистничества» вспыхивали в самых разных местах от Меркурия до Урана, в том числе на рейдовых спецкораблях. Правда, не в такой эффектной форме, как на «Голубой пантере». Я не мог понять, почему «диверсии» тяготеют к совершенно определенной категории работников Внеземелья, и передал свои материалы вашему Управлению.

— Н-да, проморгали...— с сожалением сказал Никольский.— Отличную возможность проморгали. Там, в Пространстве, мы могли бы на вполне законных основаниях применить к «диверсантам» ответные санкции...

— Боюсь, поводов для этого скоро будет у нас достаточно,— мрачно предположил Гэлбрайт.— Однако вернемся к вопросу о «диверсиях». Извините, профессор, мы перебили вас.

— Разве я еще не насытил вашу... э-э... несколько запоздалую любознательность? — ядовито осведомился Роган.

Гэлбрайт дернул щекой и убрал руки с крышки стола

на подлокотники кресла. Фрэнк следил за ним с любопытством и уважением: несмотря ни на что, лицо шефа являло собой образец хладнокровия. Образец, правда, слегка побелевший, но в скульптурном отношении безупречный. Верно говорят — школа!..

— Отправная точка нашего разговора — упущения в работе комиссии Юхансена,— деловито напомнил Гэлбрайт.— В этой связи, пожалуй, нам будут полезны подробности «экранных диверсий» на «Лунной радуге». Как вы считаете, профессор?

— Я считаю, вы напрасно меня агитируете. Уж если я пожертвовал для вас драгоценным лекторским временем, значит, дело того стоит... Мой интерес к «экранным диверсиям» был до такой степени обострен, что я не поленился подготовить соответствующую звукозапись. Карточка номер пять. И еще я считаю, что «экранные диверсии» — сущий пустяк по сравнению с другими данными. Впрочем, выводы делайте сами.

Гэлбрайт, выбиравший в этот момент нужную карточку, настороженно посмотрел на профессора.

— Перевод не потребуется,— предупредил Роган.— Легкий акцент, свойственный медикологу «Лунной радуги» Альбертасу Грижасу, не помешает вам понимать его речь и даже приятен на слух.

Фрэнк опустил карточку в щель лингверсора, и в холле послышался тихий шелест. Купер, не меняя позы, повел рукой с небрежным изяществом утомленного музыканта над клавиатурой пульта, и шелест исчез. Затем откуда-то сверху отчетливо:

— Одну минутку, Альбертас! Затронутая нами тема настолько выходит за рамки частной беседы, что... Короче говоря, вы не станете возражать, если мы сделаем фонокопию вашего рассказа? И не стесняйтесь мне возразить — не в моих правилах обременять приятных гостей хлопотными просьбами.

Фрэнк сразу узнал профессорский баритон и подивился мягкости и теплоте интонаций. Похоже, этот колючий, как высохший кактус, старик умел бывать обаятельным собеседником.

— Помилуйте, профессор, какие могут быть возражения! — прозвучал голос тенорового регистра.— Признаться, ваш интерес к «экранным диверсиям» на «Лунной

радуге» меня интригует. Кстати, откуда вы могли узнать?..

— Видите ли, друг мой... Борт «Лунной радуги» не единственное место происшествий подобного рода.

— Ах, даже так! Понимаю... С чего я должен начать?

— Вам виднее. Начинайте сначала. Одно пожелание: не скупитесь на подробности. Мне бы хотелось полнее представить себе обстановку на корабле.

ДЕТЕКТИВНАЯ ЛИХОРАДКА

...В общем и целом рейс нашей Четвертой экспедиции к Урану проходил в спокойной деловой обстановке. Команда рейдера, как это ей и положено, исправно несла корабельные вахты. Группа десантников, по настоянию Нортона, большую часть своего времени отводила спецзанятиям и тренировкам. Члены комиссии — семеро ученых во главе с Юхансеном — вырабатывали тактику изучения оберонской загадки на бесконечных совещаниях. При этом каждый из них очень тактично отстаивал свою позицию и очень доброжелательно, деликатно критиковал позицию оппонента... Я, как положено медикологу корабля, следил за самочувствием экипажа, регламентировал усердие десантников, чересчур увлекавшихся «перегрузочно-силовой» тренировкой, удерживая их от намерений сломать себе шею до прилета на Оберон. Ну что еще?.. Ах да, пожалуй, следует упомянуть о моем лингвистическом увлечении: в этом рейсе я прилежно осваивал хетто-лувийскую ветвь вымерших языков. На борту «Лунной радуги» я был (как, впрочем, и многие здесь) новичком, и невинное увлечение помогало мне коротать свободное время.

Все шло нормально, здоровье экипажа было отменным, языковые крепости сдавались мне одна за другой, цель экспедиции — система Урана — уже просматривалась даже на средних экранах салонного информатора. И, увидев однажды в стройном ряду средних экранов малопривлекательную темную дыру, я, признаться, особого значения этому не придал... Ну, может быть, испытал мимолетное чувство досады по поводу чьей-то небрежности или неосторожности.

Чувство некоторого недоумения я испытал, когда неделю спустя увидел разбитый дисплей, которым я пользовался накануне, копируя текст лидийского манускрипта времен династии Гераклидов...

Для ремонта пришлось вызвать инженера-хозяйственника — порядок есть порядок. Инженер-хозяйственник — он же суперкарго и он же механик по ангарному, палубному... ну и прочим видам вакуум-оборудования нашего корабля — без интереса, мельком взглянул на изуродованный экран дисплея, но зато как-то очень внимательно посмотрел на меня. Мне даже стало не по себе... Припоминаю, в тот момент я невольно подумал, что прозвище Бак прилипло к этому человеку не без причины. Тяжелая, до глянцевого блеска выбритая голова с большим, квадратной формы подбородком и приплюснутым носом... Я поспешил заверить механика, что к повреждению экранов дисплея и салонного информатора не имею никакого отношения. Бритоголовый Бак молча вмонтировал новый экран, ушел. Я вздохнул и продолжил свои языковые упражнения. В этот день без особого, впрочем, успеха.

Но окончательно хетто-лувийскую ветвь, на которой я так уютно устроился, подрубило новое происшествие. Как-то зайдя в кухонный отсек, чтобы наполнить свой термос кофейным напитком, я услышал гневное бормотание, а затем и увидел бритую голову Бака, менявшего экран системы аварийного оповещения. На подбородке механика красовалась нашлепка медицинского пластыря.

— Что, третий?..— осторожно полюбопытствовал я, в ту минуту больше заинтригованный пластырем, нежели разбитым экраном.

Бак обернулся, и я чуть не выронил термос. Механик смотрел одним глазом. Правым. Левый просто не различался на фоне ярко-фиолетового синяка. Мне давно не приходилось видеть таких великолепных «фонарей», и я, растроганный почти до слез, твердо решил устроить своему первому пациенту королевский прием.

— Третий!!! — прорычал Бак, продолжив работу.— А одиннадцатый не хочешь?! — И, пересыпая речь самоцветами рискованных междометий, выразил мнение, что на обратный рейс запасных экранов не хватит.—

Пусть тогда глазеют в иллюминаторы! — мстительно прошипел он и грозно добавил: — Поймаю — голову оторву!

Я, сразу заподозрив самую тесную связь между его последним возгласом и левосторонним украшением, сказал, что вполне разделяю его справедливое негодование, и задал несколько наводящих вопросов. Бак не ответил.

Разумеется, я увлек пострадавшего к себе и с помощью врачебной косметологии привел его живописную физиономию в соответствие с современными представлениями о благообразии человеческого лица. Бак повертел головой перед зеркалом, остался доволен. Можно было начинать серьезный разговор. Я вынул заветный сосуд с красочной этикеткой и, будто это было самым обычным делом в космической практике, лихо поставил на медицинский стол. Выражение довольства на лице Бака сменилось вполне понятным смятением.

— Как у вас с аппетитом? — ханжески осведомился я.

— Хуже некуда,— ответил Бак, издали разглядывая этикетку.— Отбили мне аппетит... О, «Сибирская кедровая»! Редкая вещь в космическом рационе.

Со зрением, по крайней мере, у него было благополучно.

— Это лекарство,— сказал я.— Присядьте. Как врач я разрешаю вам умеренную дозу. Для восстановления аппетита. А главное — для нервной разрядки, в которой вы, я вижу, сегодня нуждаетесь.

— За матушку-медицину! — Бак опрокинул стаканчик, помотал головой, выдохнул: — З-забористая, доложу я вам, микстура!.. А насчет нервной разрядки — это вы точно... Нуждаюсь. Сегодня особенно. Ушел ведь гад!..

— Как ушел?

— А вот так и ушел. Треснул меня снизу в челюсть и смылся.

— Кто?

— Да если б знать!.. Темно было, не разглядел.

— Где?

— А там же, в кухонном отсеке.

— Темнота в кухонном отсеке? Странно...

— Чего странного? Освещение он, стервец, вырубил, а экран разбил. Остались розовые цифры на часах — вот все, за что там было глазу уцепиться.

Беседа приняла доверительный оттенок, и Бак поведал мне подробности своих ночных похождений.

— Пошел это я перед сном на вечерний обход. Жилой сектор проверил — порядок. Побродил в секторе отдыха, никого не встретил. Даже в просмотровом зале фильмохранилища было пусто. Рейд серьезный, людям как-то не до веселья...

«Он прав,— подумал я.— Нельзя требовать хорошего настроения от людей, которым предстоит работать на Обероне...»

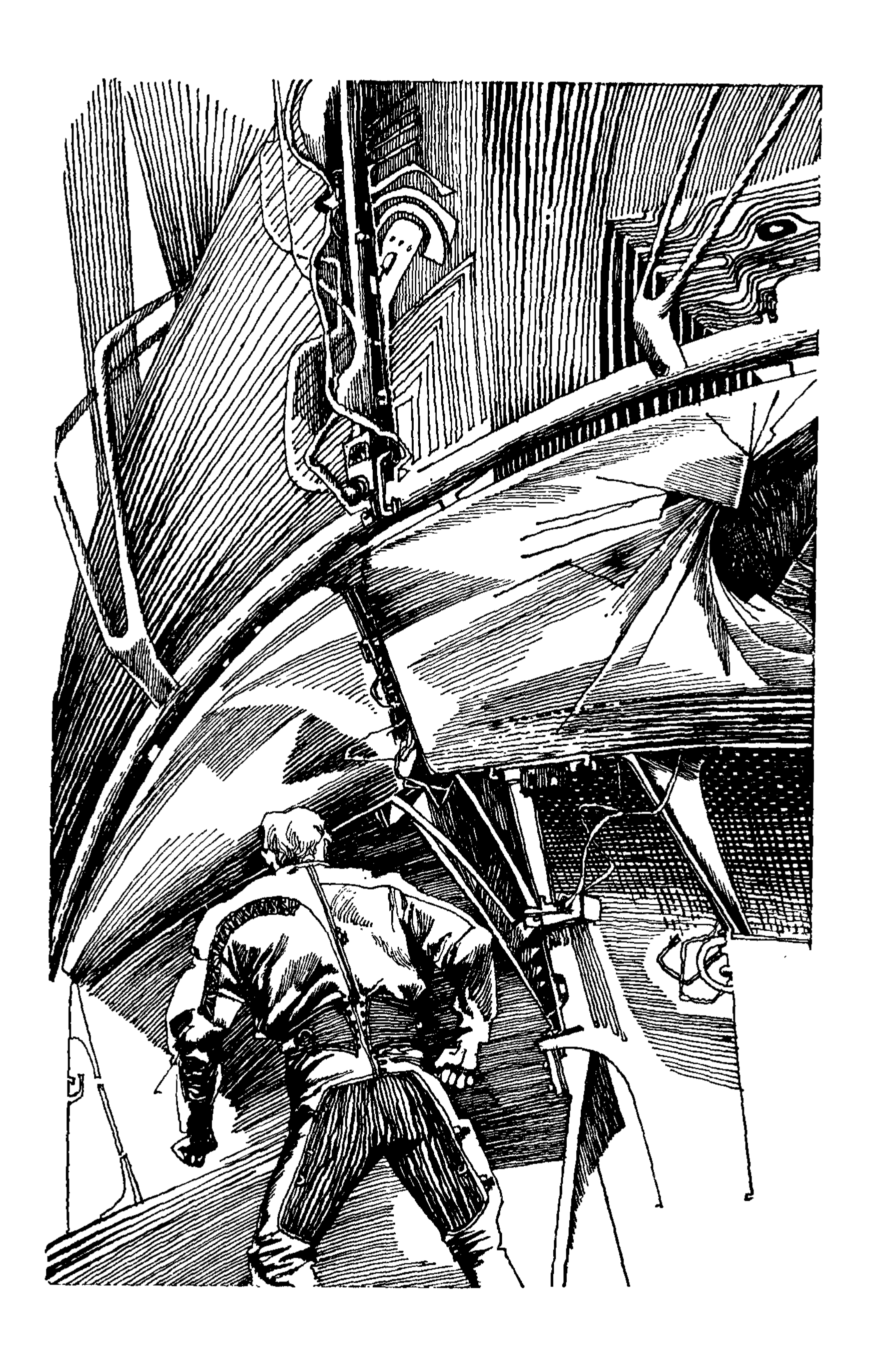
— Ну так вот,— продолжал он,— вышел я к трамплину шахты пониженной гравитации и не знаю, спускаться туда или нет. Было поздно — около полуночи, и, откровенно говоря, обходить бытовые отсеки мне очень уж не хотелось. Да и не любитель я прыгать на эти гравитационные «подушки» — прямо цирк, честное слово. Или возраст уже не тот?.. Привык, знаете ли, к нормальным эскалаторам на прежних кораблях... Но правило у меня такое с детства: если очень не хочется делать чего-то, надо взять себя в руки и сделать. А детство мое прошло на нижнем Дунае...

Он задумался и долго молчал. Может быть, вспоминал свое нижнедунайское детство.

— На чем я остановился?

— Вы спрыгнули в шахту. Видимо, на мостик бытового яруса?

— Да, сдуло меня с «подушки» на мостик третьего яруса, и пошел я осматривать бытовые отсеки. Тоже безлюдно... Правда в бане обнаружил трех парней, сменившихся с вечерней вахты. Сидят, голубчики, в чем мать родила и вдумчиво так играют за одной доской в трехсторонние шахматы. Позиция у них сложилась интересная, я постоял немного, понаблюдал. Потом побрел себе дальше вдоль коридора. Тихо везде, порядок. Иду и кляну свой беспокойный характер: нормальные люди спят давно, а я вот шастаю по кораблю как полуночное привидение... Только миновал кухонный отсек, вдруг отчетливо слышу: лопнуло что-то с хрустом, посыпалось!.. У меня сердце так и упало. Одиннадцатый, думаю, не иначе!.. Вижу: дверь отсека потихоньку съехала в сторону и тут же задвинулась — стало быть, заметил меня, стервец! Ах, думаю, чтоб тебе пусто было!.. Кровь мне в голову ударила,



вскипел я и опрометью к двери. Боялся: уйдет через люк в холодильный отсек, а оттуда на склады и поминай как звали... Только он, должно быть, не знал дороги на склад и просто стоял рядом с дверью, прижавшись к стене. Бросился я в темноту, а он мне ногу подставил и дверь задвинуть успел. Это чтоб, значит, не выдать себя силуэтом. Рухнул я на пол, вскочил и, пока он раздумывал, что предпринять, попытался нашарить панель освещения. И что бы вы думали? Сцапал он меня сзади за воротник, да так ловко, будто видел! А темнотища — глаз выколи!.. Ну, схватились мы в обнимку. Я по-медвежьи было насел на него. Попался, думаю, голубчик!.. Так он, дьявол, сильный и гибкий, как леопард, сбросил меня и снова за воротник — толкает зачем-то к двери. Я даже опешил — за что боролись? Мне ведь только того и надо: вытащить его на свет в коридор! Хитрость этого молодца я потом раскусил, да поздно. Он правильно все рассчитал: видел по часам над дверью, что это полночь, ноль-ноль, и сейчас по всему кораблю, кроме жилого яруса и коридорных дорожек, вырубят поле искусственного тяготения. Короче говоря, на этом он меня и подловил: отсчитал, стервец, пять первых сигналов, а на последний, шестой, ка-ак саданет мне в челюсть!.. Спасибо, ровно в ноль-ноль тяготение сняли, иначе я бы затылком треснулся. И пока я медленно переворачивался в воздухе, он спокойно дверь приоткрыл и был таков. Я даже его силуэта не видел. А если бы и увидел, то вряд ли узнал: в коридорах среднего яруса после полуночи освещение тоже ведь вырубают, и только дорожки светятся синим... Ну пришел я в себя, побарахтался в невесомости, кое-как выбрался в коридор на дорожку. На ноги вскочил, а куда бежать за ним, представления не имею...— Бак тяжело вздохнул, насупился, почесал левую бровь.

— Бровь не трогать! — предупредил я поспешно.— Терпите! К вечеру заживет. Ловко он вам глаз подбил.

— Нет, фонарь мне уж потом подвесили... Я туда-сюда по коридору пометался и вспомнил про трех парней. Ну, которые в бане. Думал, может, они заметили кого. Кинулся туда, да второпях из виду упустил, что ведь и в бане теперь невесомость!.. А они все так же сидят, вернее, висят голышом у доски под потолочным светильником, сосредоточенно мыслят. Махровые простыни плавают в

воздухе, словно ковры-самолеты, и шар горячей воды качается у потолка, паром исходит... Вот и вышло, что, как соскочил я с дорожки предбанника в невесомость, так по инерции со всего маху в голую компанию и влетел на манер пушечного ядра. Да еще по пути головой в простыню попал, запутался. Компания, конечно, вверх тормашками — крики, ругань, переполох! Вдобавок мы всей кучей на шар проклятый наткнулись, нас немного ошпарило, и в суматохе мне в глаз кто-то пяткой так звезданул, что у меня дыхание перехватило... Барахтаюсь под мокрой простыней, вода в рот лезет — захлебнуться недолго, кричу-булькаю: «Помогите!..» Парни меня распутывают, смеются: получили, дескать, срочную бандероль без обратного адреса, любопытно, что тут внутри. Меня увидели, ахнули: «Братцы, да это же Бак! Откуда ты к нам, орел, залетел?!» — «Цыц,— говорю,— черти! Я к вам по делу...» — «Видим,— говорят,— что по делу, да боимся гадать по какому!» И пошло у них веселье — едва от смеха не лопаются. Спрашиваю: «Кроме вас, был здесь кто-нибудь или нет?» — «Ну был,— отвечают.— Незадолго до невесомости. Постоял, посмотрел, ушел. Кто был, мы и внимания не обратили. А что?..» — «Да так,— говорю,— ничего. Никого другого, значит, не видели?..» Пожали они голыми плечами. На том и расстались...

Бак поднял было руку бровь почесать, но вспомнил мой запрет и почесал за ухом.

— Занятная история,— сказал я.— А вы уверены, что все одиннадцать экранов на совести этого... гм... стервеца?

— Десять,— сказал Бак.— Один экран ходовой рубки на совести первого пилота Мефа Аганна, о чем есть запись в вахтенном журнале. Но это, конечно, не в счет.

— А вы проверили...

— Да,— понял Бак с полуслова.— Вчера Аганн заступил на вахту с двадцати трех ноль-ноль. Вдобавок он ниже ростом, чем тот... И на вид не так силен.

— Послушайте, Феликс (настоящее имя механика), вы давно летаете дальними рейсами?

— Девятнадцать лет. На Уран, правда, иду впервые. Чаще всего ходил на Юпитер.

— Солидный опыт! И сколько экранов обычно...

— По-разному бывает,— снова опередил меня Бак.— Смотря какой рейд. Бывает — много, бывает — мало. Но

ведь дело не в этом. Ведь портят экраны без умысла — мало ли что может случиться, никто ничего не скрывает. Аганн, к примеру, не скрыл. А этот злодей... Ненормальный он, что ли?

— Нет, Феликс, это исключено.

— Значит, с умыслом? Гангстер, значит? Бандит?

— Н-да, загадочно... Вы докладывали об этом капитану или начальнику рейда?

— После восьмого экрана не выдержал и пошел. Кэп меня принял за утренним чаем. Я ему про экраны, а он мне про шестой трюм. «Почему,— говорит,— вакуум-гифы плохо действуют? Откуда на пандусе лед? Зачем там кабель не убран?..» В общем, поговорили...

— Ясно. А к начальнику рейда?

— Он мне не начальник.

— Понятно... Ну что ж, Феликс, если вы не ошибаетесь и у нас на корабле действительно завелся... гм... «экранный диверсант», то мало надежды, что на этом он остановится. Давайте понаблюдаем вместе и попытаемся разобраться, что к чему. Я, со своей стороны, обещаю вам всяческое содействие. В случае новых эксцессов, переговоры с начальником рейда беру на себя.

— Годится,— одобрил Бак, и мы скрепили свой договор солидарным рукопожатием.

Я не знал, что с этого момента обрекаю себя на затяжную болезнь, известную под названием «детективная лихорадка». Моя жизнь превратилась в кошмар, а мой кабинет — в конспиративную квартиру. Я начисто утратил интерес к тому, о чем повествовалось в древних манускриптах, но с огромным пристрастием вникал в мелочи быта современного рейдера. Загадка «экранных диверсий» не давала мне покоя ни ночью, ни днем. Я освоил игру в трехсторонние шахматы и массу спортивных снарядов для тренировки десантников, чем заслужил у последних прочную благосклонность и веское прозвище Молоток. Я научился забивать «козла», обороняться без оружия, держать пари и... многому другому, о чем раньше имел слабое представление, но без чего стать «своим парнем» практически невозможно. Это была хорошая школа, но этого мне казалось мало. Я не жалел труда, чтобы повысить уровень моих технических познаний: изучал принцип работы экранных устройств, штудировал схемы их

расположения в помещениях корабля, детально знакомился с планировкой ярусов и отсеков. Мы с Баком старались держать под контролем наибольшее количество участков, потенциально «удобных», по нашему мнению, для «диверсанта». Бывало, поздними вечерами я по собственной инициативе нес «патрульную службу»,— бродил, как лунатик, по коридорам, проверяя отсеки, заговаривал с любым прохожим, пытаясь на основе чистой психологии проникнуть в «истинную» суть его намерений. К счастью, поздних прохожих было очень немного, и чаще всего я видел второго лунатика-детектива. Из конспиративных соображений мы спешили молча разойтись, не позволяя себе ни единого лишнего жеста...

Зато у меня в кабинете мы могли беседовать сколько угодно. И хотя разговор по существу нашего общего дела мог быть практически ограничен вопросом: «Что нового?» — и лаконичным ответом: «Пока ничего», мои беседы с механиком (точнее, его беседы со мной) приобретали день ото дня все более затяжной характер. К совершенному моему изумлению, Бак оказался очень словоохотливым человеком. Он рассказал всю свою биографию, начиная с младенческих лет, и с таким откровенным чистосердечием возложил на меня роль арбитра его незатейливых переживаний, что я не нашел возможным этому воспротивиться — сан медиколога не позволял. Но, с другой стороны, он между делом поведал мне множество любопытных историй, басен, притч и легенд явно «космического производства». То есть я неожиданно для себя обнаружил новую разновидность устного творчества, о чем не замедлил оповестить специалистов-филологов в своей статье «Интернациональный фольклор Внеземелья». Но это к слову...

Что же касается главного результата «конспиративных» бесед, то особенно хвастать здесь было нечем. Правда, мы с Баком в достаточной степени определенно установили следующее. Во-первых, самое удобное время для уничтожения экранов — поздний вечер, примерно с двадцати трех часов условных корабельных суток и до полуночи. После полуночи за целость экранов можно было не беспокоиться: Бак заметил, что брызги оптической жидкости, вытекшей из оборванных световодов всех разбитых экранов, не разлетались далеко, а это было бы

невозможным, если разрушить экран в условиях невесомости. Во-вторых, «диверсант» производил впечатление аккуратного человека: после «диверсионного акта» он никогда не забывал открыть амбразуру санитарного шлюза и выпустить «крыс» — так называют у нас на борту малогабаритную модель автомата-уборщика, запрограммированную на поддержание чистоты в небольших помещениях. Забота «злодея» о чистоте казалась мне неестественной. И еще — это в-третьих — мне казалось, что в схватке с механиком «злодей» проявил не совсем понятную деликатность... Я попросил Бака припомнить все подробности его борьбы с неизвестным, потом запер дверь, и мы с ним, сцепившись посреди кабинета, очень тщательно, шаг за шагом, эпизод за эпизодом, воспроизвели «рисунок» сражения на себе. Мои подозрения подтвердились. В схватке с механиком неизвестный не применил ни одного мало-мальски опасного болевого приема, за исключением финального удара в челюсть. Медвежью силищу Бака он нейтрализовал умело и, я бы даже сказал, элегантно; когда я понял всю сложность понадобившихся для этого приемов и скорость необходимой реакции, я вдруг отчетливо ощутил, что имел в виду Бак, признавая способность своего противника ориентироваться в темноте — «будто видел!». Действительно, какой сверхчуткой маневренностью надо обладать, чтобы вот так уверенно — в темноте! — «водить» за воротник осатаневшего от ярости механика, держать на расстоянии, то и дело «гасить» или парировать его отчаянные выпады, не причиняя при этом ему никакого вреда!.. Ведь главная задача «диверсанта» — сохранение инкогнито — должна была по логике вещей толкнуть его на быстрые и весьма радикальные меры под неприглядным девизом: «Спасайся любой ценой!» Пользуясь темнотой и своим преимуществом в скорости, он мог свободно расправиться с Баком... ну, скажем, одним из варварских приемов каратэ — очень быстро и очень надежно. Однако он медлил: следил за часами и ждал невесомости. Ударил не раньше шестого сигнала, «убивая» тем самым сразу двух зайцев: избавил беднягу от излишних травм, а себя от разъяренного преследователя, и, пока тот барахтался в мягких, но цепких объятиях невесомости, был таков. Да, Бак отделался дешево. Почему? Здесь было над чем поразмыслить... Либо

неизвестный проявил странную для диверсанта гуманность, либо в рискованной для себя ситуации (если учесть физическую силу Бака) действовал с удивительным хладнокровием, ни на секунду не упуская из виду того обстоятельства, что «одураченный Бак» — это далеко не то же самое, что «искалеченный механик». Разная, так сказать, вероятность огласки... Но как бы там ни было, я почувствовал, что мы имеем дело с личностью незаурядной. В этом смысле круг поисков несколько сузился. Правда, совсем недостаточно, потому что из шестидесяти девяти человек на борту рейдера по меньшей мере дюжину я мог бы представить себе в рамках заочных моих впечатлений о таинственном незнакомце... Вот в основном и все, чем были полезны «конспиративные» встречи.

После стычки с механиком «диверсант» на время притих. Мы с Баком упорно несли «патрульную службу», прислушивались, наблюдали. Не обошлось без курьезов. Однажды Бак, проходя мимо злополучной кухни, услышал «характерный» шум и, долго не раздумывая, кинулся на спину находившегося там человека. Об этом механик рассказывал мне, опустив кое-какие подробности, но краснота и припухлость его левого уха достаточно убедительно восполняли опущенное.

— Заскочил я, значит, туда, а он встал на карачки и норовит за корпус моечной машины... Я моментально цап его и грудью к полу. Ну... он лбом об пол немного и стукнулся. Увидел меня и начал ругаться нехорошими словами. Прямо взбесился парень, честное слово!.. Я на экран глаза перевел и обмяк. Мне бы сразу взглянуть... Цел экран и нормально работает. А шум, который я слышал, был... ну, в общем, совсем другого происхождения: этот парень — Боря Морковкин, из группы двигателистов — на вахту спешил и в спешке термос свой уронил, чайные ложки рассыпал. «Прости,— говорю,— Боря, промашка вышла...»

Бак с огорчением развел руками. Мне оставалось усмехнуться, но я постарался, чтобы это выглядело не очень заметно.

Говоря между нами, усмехался я зря. Дня через два я был за это наказан на верхнем ярусе рейдера. За какой-то надобностью мне нужно было в кабинет органической химии... Впрочем, все по порядку.

Верхний ярус был самым слабым местом нашей с Баком гипотезы о гангстере-диверсанте. Ведь именно там сосредоточены контрольно-координационные системы корабля, отделы научно-исследовательского профиля, секторы связи, информации и почти вся оргтехника административного назначения. Почему же тогда из десяти диверсий две произошли на жилом ярусе, остальные — на бытовом, и ни одной — на верхнем?.. Испортить экраны важных узлов корабля — такая задача для гангстера-диверсанта имела бы некий практический смысл. Но крушить экраны бытовых отсеков, салонов отдыха, библиотек!.. Во всем этом было что-то чрезвычайно странное и загадочное.

Итак, какая-то необходимость понуждала меня подняться на верхний ярус после рабочего дня. Вышел я к шахте пониженной гравитации... Что? Не совсем понятно? Ну хорошо, буду объяснять по ходу дела. Широкие вертикальные шахты — или, как у нас их еще называют, атриумы — на современных рейдерах служат для межэтажного сообщения вместо лифтов и эскалаторов. Кстати, очень удобно и быстро: прыгай вниз — вот и вся «транспортировка». Искусственное тяготение в атриумах составляет едва половину нормального, к тому же на разных уровнях автоматически срабатывает упругий воздушный поток, и все это вместе называется гравитационной «подушкой». Для прыжков снизу вверх используют воздушные катапульты. Разумеется, надо знать, с какой ступеньки трамплина и в каком направлении прыгать, но освоить это несложно: небольшая практика — и начинаешь прыгать с яруса на ярус, как заправский кенгуру. В противоположность Баку я ничего не имею против подобных способов передвижения и ностальгической тоски по лифтам и движущимся тротуарам никогда не испытывал.

Ну, в общем, запрыгнул я на верхний ярус, побрел вдоль безлюдного коридора. После рабочего дня здесь трудно кого-нибудь встретить: на весь ярус четверо вахтенных дежурных, причем двое из них — женщины (в рубке дальней связи и в зале информации). Экранов великое множество. Идеальные условия для диверсанта. И почему-то ни одной диверсии. Впрочем, на самом нижнем ярусе ведь тоже не было ни одной...

Поравнявшись с приоткрытой дверью координационно-интеграторного зала, я заглянул в щель. Длинные ряды приборных стендов, однообразие серебристых панелей, усеянных матово-белыми ромбами, и тоже длинные и непривычные для глаз лимонно-желтые экраны с вереницами проплывающих в них красно-коричневых и ядовито-зеленых парабол... За маленьким пультом, ячеистая форма которого мне странно напоминала архитектурный макет какой-то приморской гостиницы, отбывал вечернюю вахту инженер-координатор Клим Рукосуев. Сидел он к пульту вполоборота, комфортабельно развалившись в кресле, нога на ногу, держал в руках потрепанную книгу и беззвучно смеялся — это было заметно по его вздрагивающим плечам.

Я любил заглядывать в этот зал, но, к сожалению, Клим терпеть не мог посторонних. Мне нравилось смотреть на длинные экраны: цепочки плывущих парабол создавали иллюзию, будто корабль мчится в лимонно-желтом пространстве, а мимо проносится нескончаемая стая перелетных птиц. Иногда здесь звучали мелодичные гудки сигналов, экраны покрывались рябью стремительно бегущих синусоид, вдоль панелей проходила волна световых вспышек в сопровождении приглушенных звонков, что-то щелкало и стрекотало... «Мне,— сказал я однажды Климу, пытаясь завязать с ним беседу,— хорошо понятна роль многих систем корабля. Скажем, командная и ходовая рубки — это своего рода мозг, реактор — сердце... ну и так далее. А какие функции выполняет ваше хозяйство?» — «Функции мозжечка,— рассеянно ответил Клим.— Или, скажем, гипоталамуса. А функции кишечника нашего рейдера выполняет...»

Он был явно в плохом настроении, и я поспешил откланяться.

Сегодня его настроение, судя по всему, имело другую окраску, но окликнуть координатора я все равно не решился, тихо задвинул дверь и побрел дальше.

Ирония Рукосуева была, конечно, не слишком уместна, однако сравнение с гипоталамусом казалось мне содержательным. Поскольку гипоталамус — одна из важнейших частей головного мозга и поскольку именно эта часть ответственна за приспособление отдельных функций к целостной деятельности всего организма, смысл работы

координаторов переставал быть для меня загадкой. Для меня оставалось загадкой другое: почему такое изобилие экранов до сих пор не соблазнило «диверсанта» обратить внимание на верхний ярус...

За размышлениями я не заметил, как прошел мимо нужного мне кабинета и оказался в уютном салоне, в котором обычно устраивал свои совещания командный совет корабля. Никого здесь не было. Кресла, стол, секретеры были завалены грудами документации. Посреди стола в окружении бутылок из-под прохладительных напитков красовалась блестящая ваза для фруктов, доверху заполненная мятыми салфетками. На многоцветных экранах — схемы, графики, математические выкладки вперемежку с россыпями формул и пояснительных слов. Судя по количеству вопросительных и восклицательных знаков, здесь кто-то кого-то в чем-то старательно убеждал, а этот кто-то отчаянно с чем-то не соглашался. Насколько я понял, речь шла об асимметрии гравитационного поля Оберона.

Совещание командного совета корабля — явление довольно редкое, поэтому в салоне практически безраздельно хозяйничала комиссия Юхансена. Это была ее штаб-квартира, где изо дня в день вот уже третий месяц тянулись бесконечные дебаты. Рабочий день комиссии был расписан по часам и минутам. Строгий регламент, перерывы на отдых, сон и еду. Дисциплинированность ученых меня изумляла. Эти здоровые, крепкие парни охотно занимались спортом и с удивительным прилежанием выполняли все мои предписания. Не помню случая, чтобы кто-нибудь из них уклонился от лечебно-профилактической процедуры или принял бы за обедом большее количество пищевых калорий, чем было рекомендовано. Я не мог избавиться от подозрения, что в такой же степени педантично они «принимали» необходимое количество «калорий искусства» во время... или, точнее будет сказать, «в процессе» вечернего отдыха. Всегда спокойный и глубокий сон, бодрое улыбчивое настроение, в меру живая общительность. Они скорее напоминали мне спортсменов, всецело озабоченных состоянием своего тела перед ответственными соревнованиями. Зная в деталях однообразно-жесткий распорядок их дня от подъема с постели до отхода ко сну, я не мог понять одного: когда они думают?

Неужели они ухитрялись производить и выкладывать всю свою мозговую продукцию в рамках салонных дискуссий?..

Но как бы там ни было, результат дневной работы налицо, а комиссия, вероятно, в полном составе респектабельно ужинает в кают-компании жилого яруса. Приятного аппетита... Я смотрел на экраны и думал, что настоящему гангстеру-диверсанту, окажись таковой у нас на борту, ничего бы не стоило испортить аппетит целому коллективу. Вот хотя бы с помощью этой увесистой вазы. И тут я с особенной ясностью ощутил, что то, с чем столкнулись мы с Баком... Ну, словом, никакие это не диверсии.

Я опустился в ближайшее кресло, машинально выбрал чистый бокал и налил себе минеральной воды. Ночью и днем я ломал голову над измышлением самых разнообразных причин, вследствие которых нормальный член нашего экипажа — не гангстер, не диверсант — мог бы иметь хоть какой-нибудь повод расколошматить экран. Разбить, расколоть, истребить, ликвидировать, уничтожить... Бесстрашно балансируя на грани допустимого и совершенно абсурдного, я перебирал догадку за догадкой, как правоверный мусульманин четки, и ни одна из них не показалась мне достаточно логичной. Пока мысль не уходила далеко за рамки вопроса «кто?» — все было таинственно и интересно, догадки, сменяя друг друга, шли косяком. Но ни одна догадка не могла выдержать столкновения с монолитом вопроса «зачем?..».

Я допил минеральную воду, вспомнил, что меня привело на верхний ярус, и покинул салон.

Зайдя в кабинет органической химии, я раскодировал сейф, выбрал нужные мне реактивы. Здесь все отсвечивало слепящей белизной и холодно сверкало острым блеском. Неуютное ощущение: будто зашел по ошибке в безлюдный операционный зал... У выхода я по привычке обернулся — все ли в порядке? — и заметил, что квадратная крышка основного хранилища реактивов сдвинута в сторону. Чтобы закрыть ее, мне пришлось пересечь кабинет почти по диагонали, и я оказался рядом с внутренней дверью, которая вела в соседнее помещение — лабораторию физической химии. Я уже тронул холодную рукоятку крышки хранилища, как вдруг моих ушей до-

стиг неясный шум — похоже, в лаборатории кто-то вскрикнул и что-то разбилось. Я замер. Оставил крышку в покое, выпрямился и посмотрел на дверь. Словно надеялся проникнуть взглядом сквозь лист металла, покрытый белой эмалью. Пульс у меня, наверное, резко подпрыгнул — я слышал удары собственного сердца. Мысль работала с лихорадочной быстротой, но я совершенно не знал, что нужно делать. В руках у меня не было ничего, кроме фармацевтического пакета. Я машинально положил пакет на стол, выключил освещение и в полном мраке вернулся к двери. Нашарил продолговатую ручку, осторожно потянул в сторону...

И БЫЛО РЭНДУ ВИДЕНИЕ...

Щелкнул фиксатор дверного замка, образовалась щель, но я ничего не увидел: в лаборатории тоже царила кромешная тьма. Скверный признак!..

В противоположном конце лаборатории была вторая дверь, ведущая в кабинет неорганической химии, так что «диверсанта» здесь, пожалуй, не поймаешь. Я мысленно «поздравил» Бака с двенадцатым ремонтом, а себя — с первым случаем диверсии на верхнем ярусе и, собравшись с духом, вытянул руки вперед, сделал два шага в темноту. Рука уперлась в цилиндрический корпус нейтринного микроскопа; дверь тихо прошелестела, закрываясь за мной, снова щелкнул фиксатор замка.

— Кто там? — резко спросил чей-то сипловатый баритон. Я оторопел от неожиданности. Баритон показался мне очень знакомым, но в этот момент я был растерян и плохо соображал. Вспыхнул карманный фонарь. Я стоял в тени, прильнув к широкой колонне тубуса микроскопа. Мне пришло в голову, что «диверсант», вероятно, вооружен... Круг яркого света выхватил из темноты половину двери, едва успевшей затвориться за моей спиной, вильнув в сторону, погас.

— С чего ты взял, что там кто-нибудь есть? — внезапно прозвучал молодой насмешливый голос.

Ноги мои сделались ватными, и я вынужден был присесть на выступающий край основания тубуса.

— Слух у меня хороший, вот с чего...— не совсем

уверенно ответствовал баритон, и я едва не сполз в изнеможении на пол.

Я узнал обоих! Да и как не узнать своих тренеров, снисходительно обучавших меня кувыркаться на головокружительных тренажерах! Своих недавних партнеров, пытавшихся приохотить меня к развеселой игре в домино под названием «марсианская мельница»!..

Обладатель насмешливого голоса — молодой десантник Украин Степченко, неуемная язвительность которого была метко отражена в его прозвище — Уксус. Баритон сипловатого тембра принадлежал Руслану Бугримову, десантнику такого мощного телосложения, что это выделяло его даже среди коллег; вероятно, поэтому Руслан получил на борту «Лунной радуги» весьма уважительное в сообществе «диких кошек» прозвище — Бугор. Интересно отметить: космодесантники обожают пользоваться прозвищами. Прихотливость фольклорных явлений внеземельного быта, как я уже говорил, всегда меня занимала. Но, размышляя по поводу прозвищ, я пришел к убеждению: здесь они возникают не столько на почве любви к словотворчеству, сколько в силу утилитарных причин. Ведь космодесантные подразделения в наше время — это, по существу, интернациональный конгломерат; сплошь и рядом бывает, что фамилия того или иного десантника либо труднопроизносима для его товарищей, либо часто встречается. Прозвища — другое дело: они доступны для перевода на любой язык и нередко содержат в себе какую-нибудь намекающую информацию по поводу индивидуальных качеств своего носителя или его наклонностей. Скажем, был у нас на борту Даррел Петарда. Смысл прозвища ясен, могу лишь добавить, что этого десантника Нортон отстранил от работы за чрезмерную вспыльчивость. Прозвище Ян Весло отражало спортивные увлечения десантника Яна Домбровского. А прозвище самого командира десантной группы — Лунный Дэв — прекрасно характеризовало профессиональную ориентацию Дэвида Нортона.

Итак, я узнал обоих десантников по голосам и, разумеется, ощутил огромное облегчение. Но что понадобилось Уксусу и Бугру в физико-химической лаборатории? Да еще в кромешной тьме?! Я подтянул ноги, собираясь подняться и выйти из-за укрытия, однако нервно брызнул

свет фонаря — опять в мою сторону, и это меня удержало на месте. Я колебался. Теперь, когда я упустил момент ответить на оклик, быть замеченным мне уже расхотелось.

Фонарь погас. Баритон:

— А может, и показалось... Вроде бы фиксатор щелкнул.

Голос Уксуса:

— Ерунда. Мы бы увидели свет из двери.

— Освещение вырубить можно,— резонно заметил Бугор.

— Ну и что? Тебе-то какое до этого дело? — Было слышно, как скрипнул амортизатор табурета. Они сидели на лабораторных табуретах. Что-то тихо там шелестело и булькало, и я наконец понял, что это работает смесительная камера активатора.

— Ничего ты не понимаешь,— сказал Бугор.— Бродят тут всякие... Вечерами.

— Привидения,— насмешливо добавил Уксус и рассмеялся, а мне подумалось: уж не нас ли с Баком они имеют в виду?..

Уксус лениво и весело произнес:

— Слышал я эту историю, как же... Сказочка для десантников среднего возраста.

— Слышал звон,— солидно ответствовал Бугор.

— Вот именно. Ян Весло балагурить любит. Вот и пустил нам звон про чужака на борту. Мы уши развесили, слушаем, а он потом над нами же и посмеется.

— Ян здесь ни при чем,— возразил Бугор.— Чужака Рэнд видел. А Рэнду я верю...

— А я не верю. Если он что-то такое спросонья увидел, то почему я должен верить? Нет, мой хороший, дудки! Чужака встретил? Возьми его за рукав, приведи ко мне, покажи — тогда поверю. Верно я говорю?

Лабораторию заполнила звуковая волна шумного вздоха:

— Младенец ты, Уксус... Ты еще бриться толком не умел, когда мы с Рэндом венерианские скалы бурили. Понял?

Ответа не было. Уксус, должно быть подавленный мощью неотразимого аргумента, молчал. Разговор, невольным свидетелем которого я оказался, привел меня в

состояние полного оцепенения. В другой ситуации мое положение постороннего слушателя в конце концов стало бы для меня нестерпимым, и я просто вышел бы, даже рискуя быть пойманным в круг света от фонаря. Но сейчас я об этом не думал. У меня не только не было возможности достойно выйти вон, но теперь вдобавок я и не имел на это права. Смутные подозрения, что на корабле не все ладно, обещали сложиться в систему...

— То-то,— сказал наконец Бугор.— Полетаешь с мое — уяснишь: Внеземелье... это... это очень сложная штука. С ним, мой хороший, тягаться в «мельницу» трудно. Иной раз оно так тебя по затылку хватит, что год не очухаешься. А зевать будешь — и в ящик сыграть недолго. Здесь каждая сказочка с натуральным намеком... Хочешь — верь, хочешь — не верь, а ушки держи на макушке, нос по ветру. Ноздрями не забывай пошевеливать да почаще оглядывайся...

— Уметь шевелить ноздрями, конечно, полезно,— саркастически заметил Уксус,— но иногда полезнее пошевелить мозгами.

— Ведь с Рэндом как было? — продолжал Бугор (ядовитое замечание Уксуса он игнорировал).— Вышел Рэнд из просмотрового зала за полчаса до полуночи, идет себе тихо, мирно...

— Ян говорит, что Рэнд специально приходит дремать на комедийные фильмы.

— Ну и что? Устает человек. На тренажерах он всегда работает честно, не в пример кое-кому из наших знакомых, вот и устает больше других. Ну действительно задремал... Проснулся — фильм закончился, в зале никого нет. Встал он и побрел в свою каюту. Только миновал среднюю шахту, видит — кто-то по коридору навстречу идет. Да быстро так, почти бежит... Ну Рэнд вежливо посторонился, чтоб, значит, дорогу человеку дать, смотрит на этого торопыгу, а узнать не может — совершенно незнакомое лицо!.. Прошагал этот тип мимо Рэнда чуть не вплотную, нахально так локтем не глядя его оттолкнул, с ходу в шахту запрыгнул. А ты говоришь — привидение.

— Да, Ян примерно так и рассказывал. И что же Рэнд?

— Ну что Рэнд!.. Постоял, похлопал глазами...

— ...И спокойно отправился спать! — торжествующе заключил Уксус.— Час поздний, решил с нахалом не связываться. Ой, не могу!

— А что ему оставалось делать?

— Как что?! Догнать, задержать, побеседовать! Откуда ты, дескать, хороший такой, на рейдере взялся?! Тоже мне, называется, «дикая кошка»! Слон инкубаторский этот твой Рэнд и, кроме подушки, ему ничего не интересно.

— Я тебя уважаю, но ты Рэнда не трогай! — сипло предупредил Бугор.— Понял?!

— Ладно, извини,— примирительно проговорил Уксус.— Рэнд, конечно, парень толковый, я его однажды в деле видел. Просто меня удивила его реакция на чужака...

— А что реакция? Реакция нормальная. Ты бы, конечно, весь рейдер ночью на ноги поднял — не стал бы такого случая упускать. А Рэнд уравновешенный человек, разумный. Повернулся, да к себе в каюту ушел. И правильно поступил. Ситуация непонятная, странная, и надо было сначала все хорошенько обдумать... По логике, ловля могла и до утра обождать. Чужаку с рейдера куда деваться?

— А может, обознался Рэнд? — высказал предположение Уксус.— Может, это кто-нибудь из корабельной команды на вахту проспал? Подхватился — видит, время ушло, да так, неумытый, опухший со сна, побежал. Рэнд его разглядеть как следует не успел, и было Рэнду видение!..

— Говорит, что успел. И потом, опоздавший на дежурство в шахту прыгать не будет — прямиком сиганет. К тому же корабельная команда носит другую одежду. А «видение», между прочим, было в нашем костюме.

— В нашем?

— Ну да. В голубом полетном, с эмблемой десантника на рукаве. Уж на что у Рэнда глаз верный, а издали он этого типа сначала даже за своего принял. Только вблизи разглядел. Проводил он чужака взглядом — у того на спине белыми буквами: «Лунная радуга. Четвертая эксп.» Все вроде по форме, а человек не наш...

— Костюм — ерунда. Костюм какой угодно напялить можно.

— Можно, кто спорит. Но зачем?.. Вот и Рэнд, совершенно сбитый всем этим с толку, верно решил, что утро вечера мудренее, и спать подался. Лег, ворочается, заснуть не может. Мысленно перебрал команду рейдера, десантников, ученых...— нет никого, кто хоть сколько-нибудь походил бы на этого типа, и баста! Наконец не выдержал он — встал и побрел на разведку. Куда ни заглянет, везде ночное освещение, невесомость. Полный порядок, спит корабль. Только в бане трое ребят галдели — Бака из простыни выпутывали...

При последних словах десантника у меня, признаться, холодок по телу прошел. Незаметно для себя я поднялся и слушал дальнейшее стоя.

— Утром я Рэнда за завтраком встретил,— продолжал Бугор.— Вижу, он вялый какой-то. Глаза усталые, красные. Спрашиваю: ты, случайно, не заболел? Он только рукой махнул. Сидит за столиком против двери, не ест ничего, исподлобья каждого входящего разглядывает и пальцами, машинально так, гибкий бокал наизнанку выворачивает. Подсел я к нему, бокал отобрал.«А ну-ка выкладывай,— говорю,— какая муха тебя укусила, не то я сам за это возьмусь и приятную встречу тебе с Молотком живо организую — ты меня знаешь!» Видит он, деваться некуда. Рассказал... Думал я, думал, ничего путного не придумал и посоветовал ему все это Нортону выложить. Рэнд усомнился: «Поверит ли? Я,— говорит,— в этой группе человек новый...» — «Поверит не поверит,— говорю,— а рассказать надо. Все мы тут новые...» На том и порешили. Разошлись по своим тренажерам, и целый день я Рэнда не видел. Вечером встретились, спрашиваю: «Ну как?» Он рукой отмахнулся — дескать, плохо дело. «Нортону рассказал?» — «Рассказал...» — «И что?» — «А, ничего. Не поверил, конечно. Выслушал, правда, внимательно, но хмуро так, с неудовольствием. Ну и сам догадаться можешь, что мне посоветовал. «Иди,— говорит,— к Молотку. Пусть он тебя своим молоточком по коленкам потюкает и под черепную крышку на всякий случай заглянет...» — «Ладно,— говорю я Рэнду,— не расстраивайся. В таком случае плюнь ты на это, забудь. В конце концов, не наше дело корабельных «зайцев» ловить. Если это начальству неинтересно, то нам тем более. Да и не хозяева мы на рейдере, а так — вроде платного приложения. Пусть сами хо-

зяева и разбираются. А когда чужак себя обнаружит, я сам к Нортону подойду и за его недоверие к своим же ребятам... В общем, придется крупно поговорить».

— Может, Рэнд тебя просто разыгрывал? — высказал новое предположение Уксус.

— Ты слышал, чтобы Рэнд кого-нибудь разыгрывал? — строго и как-то даже торжественно вопросил Бугор.— Хоть один-единственный раз?

— Да, это правда...

— То-то! Рэнд не Весло, шутить не любит.

— Кстати... откуда эту историю знает Весло?

— Я выяснил потом откуда... Рэнд, понятно, хотел побеседовать с Нортоном с глазу на глаз: выбрал момент, когда спортзал опустел, Нортона попросил задержаться. А Весло в тот день попрыгал слегка, закатился на самый верхний батуд и притих. Лежит себе, как на пляже, нос почесывает... Рэнду и Нортону невдомек, что в зале третий присутствует. Поговорили... Весло, конечно, случай не упустил и вечером потешить вас вздумал. Жаль, меня в тот вечер на «мельнице» не было... Потом я прижал его к стенке, да поздно. Ну что с него взять? Ходячий выпуск последних известий...

— А почему ты в тот вечер не пришел? — полюбопытствовал Уксус.— За чужаком, должно быть, охотился?

— Нужен больно!.. Настроения не было — вот и не пришел.

— И Молоток перестал к нам ходить...— сказал Уксус с такой интонацией, словно видел меня в темноте сквозь корпус нейтринного микроскопа. Я медленно сел.

— Молоток «мельницу» за игру не считает,— сказал Бугор.

— В том-то и дело!.. И опять же спортом слишком увлекается...

— А кто здесь спортом не увлекается? Вон даже ученые наши и то занятий не пропускают. Вчера один прыжки с шестом осваивал — бежит сломя голову, и, не увернись я вовремя, он бы мне концом шеста в рот попал. Остерегаться нам надо, когда они в зале.

— Ученые в «мельницу» не играют,— гнул свое Уксус,— а Молоток играл. И отважно играл, хотя играть ему было скучно. Должно быть, вынюхивал что-то, не иначе...

— Должно быть...— согласился Бугор.— Я всегда

опасался, что, если он узнает про чужака, Рэнду несдобровать. Вызовет к себе, потюкает по коленкам и спишет в резерв. Или еще чего хуже придумает... Ну теперь, видать, не узнает.

Я сидел на неудобном выступе станины микроскопа, ладонями сжимал горящие щеки и готов был провалиться сквозь палубу. Сейчас, когда со всей очевидностью выяснилось, что самым большим дураком в их веселой компании был я, мое присутствие здесь стало теперь для меня совершенно невыносимым. Разумеется, я понимал, как важно выйти отсюда тихо и незаметно, и, конечно, пытался придумать практический способ исчезновения, но придумать не мог. Все дело портил проклятый фиксатор дверного замка. После беседы о чужаке десантники наверняка настороженны и, чего доброго, могут устроить за мной нелепую гонку по коридорам. Только этого не хватало!..

Я встал, медленно высунулся из-за укрытия и в глубине лаборатории заметил слабое зеленовато-серое свечение. Приглядевшись, увидел на фоне слабого зарева два силуэта — плечи и головы. Один силуэт покачнулся, недовольно проговорил баритон:

— Готово? Сколько еще?

— Что, надоело? — спросил, в свою очередь, тенорок язвительного Уксуса.— Три минуты осталось. Да ты сиди, не ерзай. В инструкции сказано: как только камера остановится, будет звонок.

— А мы все правильно делаем? Смесь не испортим?

— Делаем как надо, по рецепту. Ты не волнуйся.

— Время позднее, вот я и волнуюсь. Скоро уже двадцать два, а нам эту пакость еще по батудам размазывать... К утру, думаешь, высохнет?

— К утру?.. Через час высохнет. Когда последние батуды разрисуем, на первых уже можно будет прыгать. Опробуем? Нортон неплохо придумал — в темноте прыжки интереснее.

— Ишь чего захотел! — проворчал Бугор.— Я думаю, как бы нам до невесомости управиться, а он «опробуем»! Если мы не успеем спортзал подготовить, Нортон нам этой зеленкой физиономии выкрасит...

— Что верно, то верно! — со смехом ответил Уксус.— А знаешь, зеленый цвет тебе, пожалуй, пойдет.

— А тебя и красить не надо. Ты сам по себе зелен кругом — и внутри и снаружи.

Мне стало понятно, чем они занимались. Это была удача! Я осторожно попятился к двери, нашарил ручку и замер в ожидании звонка. Звонок сигнального таймера — я это знал — был достаточно громким, чтобы в трелях его мог утонуть звук щелчков доброй сотни фиксаторов... Угольно-черные силуэты десантников тоже застыли над смотровыми окошечками камеры, в которой, как мне теперь было ясно, Уксус активировал какую-то смесь люминесцентных веществ для светящейся краски. Химики-десантники... И рецепт ведь где-то раздобыли, кустари-самородки, и, наверное, половину запаса люминофоров из хранилища уволокли!

Затрещал звонок. Я вышел в темный кабинет. Задвинул за собой дверь, включил освещение. Взял со стола пакет и удалился восвояси.

Я был совершенно измучен. Кое-как распихал содержимое пакета по фармацевтическим ящичкам, ушел к себе в каюту и рано лег в постель. Размышлять о результатах своего детективного приключения не хотелось — по-видимому, сказывалось напряжение последних дней. В голове царила глухая, тревожная пустота, логически оформленных мыслей не было; я незаметно уснул, и мне приснился звонок лабораторного таймера. Я знал, что обязан этим пренепременно воспользоваться, чтобы куда-то уйти, но не мог заставить себя шевельнуться... Звонок трещал, и наконец я понял, что это зуммер внутренней связи. Не открывая глаз, я нашарил ручку афтера — переносного экрана, который всегда засовывал под подушку на случай экстренного вызова,— поднес афтер к лицу, как подносят зеркало, и только теперь поднял тяжелые веки. На экране светилась физиономия инженера-хозяйственника. Утопив пальцем кнопку приема, чтобы умолк надоедливый зуммер, я с трудом промычал:

— М-м-да... слушаю!

— Кажется, я разбудил вас? — неуверенно проговорил Бак.— Извините...

— М-да... то есть нет, ничего. Говорите.

Бак несколько мгновений молчал.

— Собственно, говорить-то... Ну, в общем, двенадцатый.

— Где?

— В аккумуляторном отделении. Малый отсек, где заправляют скафандровые аккумуляторы.

— Нижний ярус? Что-то новое... Когда?

— Около получаса назад.

— Ушел, конечно?

— Ушел.

— Гонялись за ним?

— Н-нет...

— Хорошо. И не надо. Вполне может быть, что это опасно... Оставьте все как есть до утра, и... приятных вам сновидений. Отныне наша «патрульная служба» по вечерам отменяется. Утром поговорим.

Я сунул афтер под подушку и тут же уснул. Мне снился темный холодный спортзал, фосфоресцирующие полосы на расцвеченных светящейся краской батудах. В зале я был не один, хотя того, второго, не видел. Он был здесь — я это чувствовал,— чуть дальше вытянутой руки, но, когда я окликнул его, он промолчал, и мне стало жутко. «Не притворяйтесь,— сказал я ему.— Вы здесь, рядом, я знаю...» Он рассмеялся, и это меня озадачило. «Великолепно придумано,— внезапно обрывая смех, сказал он голосом Нортона.— В темноте прыгать лучше... Опробуем?» — «Не притворяйтесь,— повторил я.— Вы не Нортон. Вы... вы чужак! Зачем вы разрушаете экраны?» — «Затем. Когда разрушаешь экраны, нас, чужаков, становится больше.— Он свистнул и выкрикнул: — Эй, чужаки!..» И с батудов, пересекая светящиеся полосы, один за другим стали спрыгивать черные призраки... Я проснулся в холодном поту.

Утром я попытался припомнить, точно ли разговаривал ночью с механиком, и вынужден был признаться себе, что твердо ответить на этот вопрос не могу — настолько неясной мне представлялась граница между сном и реальностью. Такого со мной еще не бывало!

С приходом Бака все вроде бы стало на свои места. Но поведение самого Бака... Оно меня поразило, таким я Бака не знал. Он был молчалив, застенчив и робок, как девушка. Выглядел он свежо и очень опрятно, был чисто выбрит и распространял вокруг себя приторный запах земляничного лосьона. Было совершенно очевидно, что мое светское ему пожелание приятных сновидений стран-

ным образом успешно осуществилось на практике, и это необъяснимо меня раздражало. Обмениваясь с Баком односложными вопросами и ответами, я шагал по кабинету из угла в угол, не зная, как приступить к изложению главного.

— Послушайте, Феликс...— начал я неуверенно.— Вы, разумеется, хорошо знаете в лицо всех членов нашей экспедиции...

— Как свои пять.— Для вящей убедительности Бак показал мне растопыренные пальцы.— Да как же их не знать?! Тут все друг друга знают.

— Так вот... Один десантник уверяет, что видел у нас на борту чужака.

Бак вытаращил глаза. Спросил ошарашенно:

— Чужа... Что? Кто уверяет? Кого уверяет? Вас уверяет? И вы ему верите?

— Не беспокойтесь,— остановил я его.— Вас он уверять не будет, меня тем более. Я слышал случайно и пропустил бы все это мимо ушей, если б здесь не было одного странного совпадения...

— Совпадения?

— Да. Десантник, имени которого я называть вам не буду, встретил чужака возле атриума минут за десять до того, как вы сцепились с неизвестным в кухонном отсеке.

— Что же нам делать?..— хрипло спросил Бак.

— Вам — ничего. Это главное, о чем мне нужно было вас предупредить. А я сейчас иду к капитану... Не знаю, что из этого выйдет, но независимо от результата нашего с ним разговора патрулирование коридоров прекратить, в ночные схватки не ввязываться. Никакой самодеятельности! Если заметите что-нибудь подозрительное, поднимайте тревогу, соблюдая при этом меры предосторожности. Ясно?

— Ясно...— Бак поморгал.

— Вы ничего не трогали в аккумуляторном отсеке?

— Нет. Оставил как было.

— Перед тем как идти к капитану, мне нужно на это взглянуть.

— Понятно. Только вряд ли у вас с кэпом что-нибудь выйдет.

— Я тоже не думаю, что мой визит ему придется по

вкусу, но иного выхода нет. Проинформировать капитана мы просто обязаны. Все остальное зависит...

— Я о другом,— печально перебил Бак.— Вряд ли кэп сегодня вас примет.

— Это еще почему?

— Через час на борту объявят аврал. Ровно в двадцать ноль-ноль рейдер войдет в режим глубокого торможения, и сегодня у кэпа не будет свободной минуты. Считай, прилетели...

Я подошел к пульту видеотектора, набрал индекс командной рубки, попросил старшего инженера вахты связать меня с капитаном.

— Одну минуту,— ответил мне старший, и действительно, ровно через минуту голос капитана произнес по всей форме устава внутренней связи: — Капитан рейдера Молчанов на приеме.

— Медиколок рейдера Грижас,— тоже по форме представился я, поскольку экран мой был пуст. Не знаю, чем объяснить, но командная рубка почти никогда не давала видеосвязь абоненту, если в данный момент он не имел отношения к вахтам.— Игорь Михайлович, по некоторым причинам довольно странного свойства я вынужден просить у вас аудиенции. Желательно без свидетелей.

— Сколько времени должен я буду вам уделить?

— На изложение — десять минут. Сколько потребуется на обсуждение, я сказать не могу. Это будет зависеть от вас.

— Хорошо...— Молчанов помедлил с ответом.— Вы придете в командную рубку за тридцать минут до начала дневного перерыва на отдых. Заодно сдадите мне рапорт о готовности вашего сектора принять режим глубокого торможения. До встречи. Пропуск в ходовой сектор специально не запрашивайте, я позабочусь. Конец связи.

Я обернулся к Баку:

— Вот видите, Феликс, пока все идет хорошо. Нас пока уважают...

Мы посмотрели друг на друга с задумчивым интересом, как будто в последний раз виделись перед тем, как нас уважать перестанут.

...Я сделал все, что полагалось мне сделать согласно авральному расписанию (проверил все системы индивидуальных противоперегрузочных средств, запрограммиро-

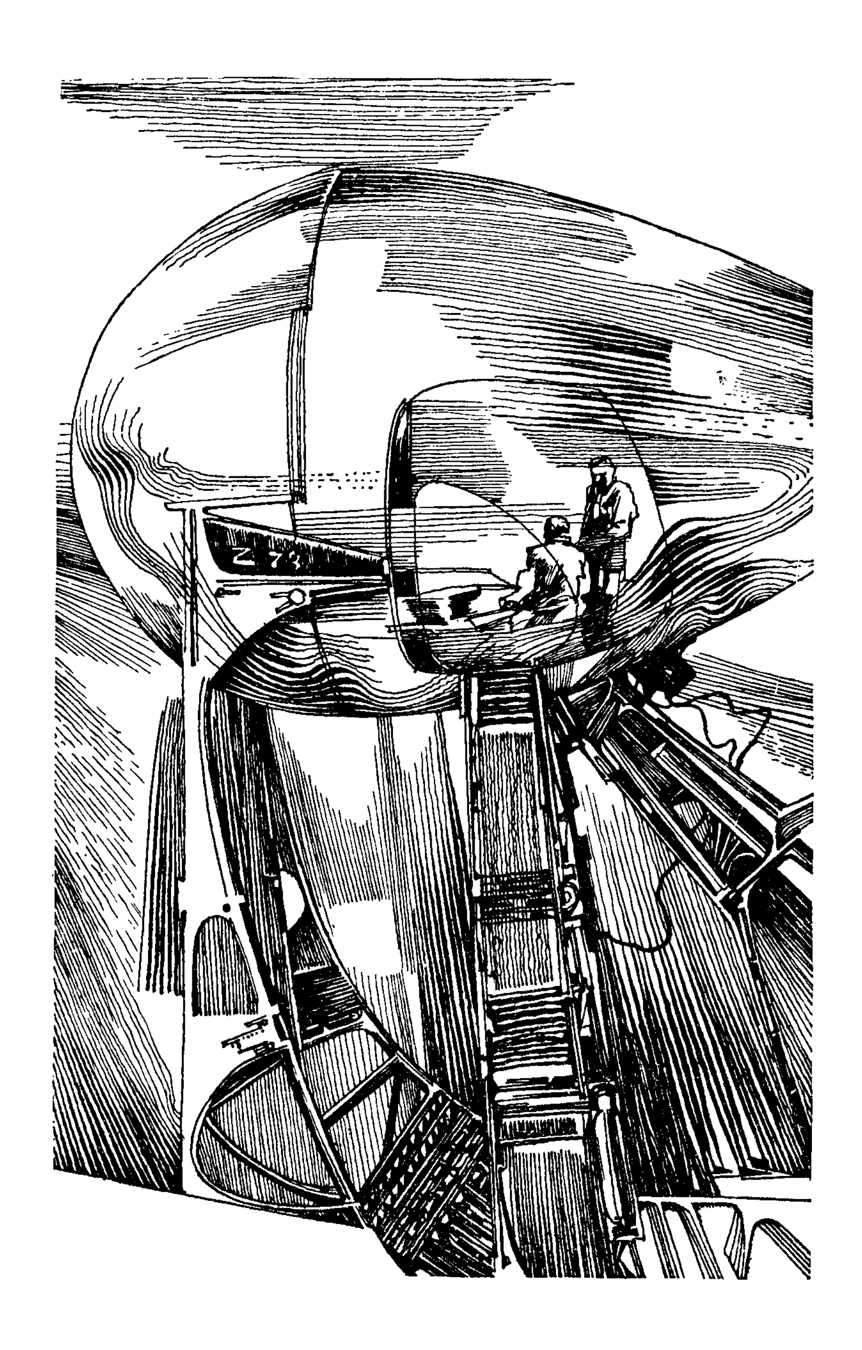
вал работу комплекса биофизической защиты) и ровно в двенадцать тридцать бортового времени был в носовом секторе корабля. Не знаю, какого рода «сезам» функционировал в этом всегда закрытом для посторонних секторе, но при моем приближении овальные щиты дверей со сказочной любезностью сдвигались в сторону и, дав пройти, немедленно закрывались, таинственно и бесшумно,— срабатывал обещанный капитаном пропуск.

Я вошел в командную рубку. Мне редко доводилось в ней бывать, однако сожалений по этому поводу я не испытывал, потому что чувствовал здесь себя до странности неуверенно и неуютно, хотя в иной ситуации необычно подсвеченное, яйцеобразной формы помещение могло бы показаться привлекательным. Стоило мне переступить порог, как я мгновенно подпадал под власть ужасно правдоподобной иллюзии, будто излучающие внутренний свет стены рубки по толщине и прочности своей не отличались от естественной яичной скорлупы и будто за хрупкими стенами не было других отсеков, не было надежной тверди корабля, не было ничего... Ну, словом, будто бы рубка-яйцо висела сама по себе, наедине со звездными далями. Эту иллюзию создавал, конечно, большой панорамный экран, охвативший добрую треть помещения — половину вогнутого потолка, почти половину стен боковых и всю переднюю часть. Я старался не делать в рубке резких движений. Умом, разумеется, я понимал нелепость своих опасений, но... Пожалуй, здесь будет уместен игривый мысленный эксперимент-аналогия. Возьмем пустую скорлупу куриного яйца, на треть разрушенную верхнепередним проломом, положим ее... ну, скажем, на самый кончик шпиля высотного здания, и в безоблачную и безлунную ночь подсветим снизу сильными прожекторами. Теперь остается вообразить, что бы почувствовал миниатюрный, размерами с муравья, человечек, вдруг оказавшийся там, на головокружительной высоте, в ненадежно уравновешенной и сияющей на просвет скорлупе, обращенной проломом в звездное небо. Вот приблизительный спектр моих ощущений... Признаваться в этом не очень приятно, но, понимая ценность такой информации для специалистов-космопсихологов, не считаю возможным скрывать.

По той же причине не стану утаивать, что две соседние

рубки — ходовая и пилотажная — вызывали во мне куда более сложные ощущения. Особенно пилотажная. Если командную рубку можно сравнить с открытым сверху и спереди яйцеобразным кузовом типа «кабриолет», то с пилотажной дело обстоит иначе. Белое пятно задней стенки и две выходящие из нее матово-белые длинные полосы... Вот и все. Две широкие лыжи, просто выдвинутые из носового конца корабля наружу, в звездный простор. В пилотажную рубку я трижды заглядывал через дверь, но войти не решился ни разу, настолько был подавлен правдоподобием иллюзии, будто дверь распахнута в открытый космос. Нет, уж лучше фарфорово-хрупкий на вид космический «кабриолет», чем эта пара светящихся «лыж» над глубинами звездного океана... В командной рубке была хоть какая-то мебель: мягкие кресла, стол, похожий на большой прозрачный торшер с подставкой-столешницей, в толще которой переливались световые сигналы; на уровне груди охватывал стены полуовал приборных панелей успокоительно знакомой расцветки. В пилотажной ничего такого не было. Единственное, на чем здесь мог остановиться подавленный звездной безбрежностью взгляд,— это два спаренных ложемента для первого и второго пилотов — два металлических паука, словно застывших перед прыжком в бездну на самых кончиках «лыж», поджав под себя телескопические лапы амортизаторов. Во время хода крейсерской скоростью ложементы пустуют — все управление полетом сосредоточено в командной, ходовой и навигационной рубках, но во время маневров сюда приходят работать пилоты, и подлокотники ложементов ощетиниваются рукоятками маневровочной тяги. И хотя существенная часть работы доверяется приборам, эти вахты бывают порой затяжными и напряженными,— пилоты их называют «ходом на бивнях». Да, иллюзорная картина, представляющаяся мне в «лыжном» варианте, хозяевами рубки воспринималась в ином ассоциативном ракурсе. Им было занятно, знаете ли, воображать себе свой рабочий процесс как езду верхом на бивнях слона-корабля, нацеленных в звездную перспективу. Это кажется мне любопытным в психологическом плане... Впрочем, я слегка уклонился от темы и решительно к ней возвращаюсь.

Капитан, как мы и условились, ждал меня в своей


Z 73

роскошной рубке типа «космический кабриолет». Он был один, что совершенно похвально соответствовало этикету конфиденциального разговора. Правда, понятия «ждал» и «один» нуждались в некотором уточнении смыслового оттенка, поскольку Молчанов был поглощен распорядительной беседой с тремя абонентами сразу. Речь шла о фокусировке какой-то «короны» какого-то «камер-инжектора» где-то в недрах главного реактора корабля. Наконец, заметив меня, Молчанов взглянул на часы, сделал жест извинения и объявил абонентам отбой. Я остро ощутил несвоевременность визита, но что было делать. Капитан выжидательно смотрел мне в глаза. Рапорт сдан, рапорт принят. Краткий обмен деловой информацией, предложение сесть, которым я не воспользовался. И снова этот ждущий взгляд.

— Мне...— начал я неуверенно,— мне трудно было решиться...

— Без вступлений,— тихо сказал капитан.

Я торопливо, в безобразно скомканном виде выложил Молчанову то, с чем пришел. Слушал он меня с бесстрастным выражением лица, спокойно, словно не ощущая ни малейшего различия между информацией о подготовке сектора к режиму торможения и информацией о чужаке. Под конец я выдал ему сообщение, на эффект которого очень рассчитывал,— сообщение о разбитом экране аккумуляторного отсека. Дескать, вот вам вещественное доказательство очередной «диверсии», и делайте с ним что хотите. Молчанов не знал, что с ним делать. Спросил:

— Как, по-вашему, я обязан поступить?

— Вы власть. А власть принимает решения.

— Власть не всегда принимает решения единолично. Иногда ей нужен совет. Представьте себе на минуту, что подобную информацию получил не я, а получили вы. Как бы вы поступили на моем месте?

— Ну... прежде всего я, видимо, счел бы целесообразным вызвать к себе инженера-хозяйственника и десантника Рэнда...

— Час,— сказал капитан.— Переговоры с инженером-хозяйственником и Рэндом Палмером займут как минимум час. Не говоря уже обо всем остальном. Сегодня я не могу позволить себе такую роскошь. Но дело даже не в этом...

— Понимаю. Вы не верите мне.

— Вам я верю,— спокойно сказал он.— Но почему я должен уверовать в ситуацию, не подкрепленную точными фактами?

Как правило, по внешнему виду и манерам поведения современного человека довольно трудно угадать, какое место на иерархической лестнице в той или иной сфере общественной деятельности он занимает. Но встречаются прелюбопытнейшие индивидуумы, на которых это правило не распространяется. Сразу можно понять, где он стоит: «над» или «под». Знаете, есть такие очень яркие «под»: «Не уполномочен... Не имею права брать на себя ответственность... Сочувствую, рад бы, но от меня, к сожалению, не зависит...» Наш капитан — индивидуум противоположного полюса. Прямо посаженная голова, прямые плечи, идеально, будто нарочито выпрямленный торс. Но за этой кажущейся почти неестественной вертикально-прямолинейной осанкой угадывалась скрытая гибкость. Гибкость спокойная, взятая, я бы сказал, в жесткий корсет силовой выправки... Нет, наш капитан не страдает высокомерием, в его поведении, манерах вряд ли можно заметить что-нибудь необычное. Но две-три минуты общения с ним — и вы проникаетесь абсолютной уверенностью, что человек этот «над». Он ответствен за все, что может, и может все, за что ответствен. Выше его головы только совесть и долг. Разумеется, вы сознаете, что есть немало категорий реальности, «всевластие» над которыми выглядит эфемерно. Однако, общаясь с Молчановым, вы начинаете верить — верить! — что в любой непредвиденной ситуации он примет нужное, действительно правильное решение. А если не примет, то обстоятельства того, очевидно, не стоят. А отсюда следует... Я обескураженно смотрел на Молчанова, пытаясь себе уяснить, что же именно отсюда следует в теперешний момент.

— Так по каким же, на ваш взгляд, причинам мне следует верить в то, чему нет проверенных доказательств? — повторил вопрос капитан.

— Я не вижу причин, по которым верить не следует.

— Это не ответ.

— Согласен. Но о каких еще причинах может идти речь, если на корабле происходит нечто из ряда вон...

— На борту рейдера ничего особенного не происхо-

дит,— возразил капитан.— Полет протекает в строгом соответствии с разработанным планом. Ни одного серьезного отступления от полетного режима нет.

— С этим спорить не буду. Наверняка вы правы, и в административно-техническом аспекте все обстоит вполне благополучно. Так сказать, результат-концентрат. Но ведь нельзя не учитывать, что корабль живет еще и внутренней человеческой жизнью, как правило, глубоко скрытой от постороннего для нее административного ока.

— Если частная жизнь на борту не входит в явное противоречие с общими задачами экспедиции, то какое до нее дело административному оку?

— Видите ли, Игорь Михайлович... Когда дойдет до явного противоречия, может оказаться, что принимать какие-либо меры поздно.

— Видите ли, Альбертас Казевич, между «рано» и «поздно» существует вполне достаточный интервал для нормальной администраторской деятельности. Нельзя торопиться и не нужно опаздывать. Надо действовать вовремя.

— Понимать так, что я заинтересовался этим делом преждевременно?

— Вы — нет. Пожалуйста, интересуйтесь сколько угодно. Целиком на ваше усмотрение. Тем более что за состояние «внутренней» жизни экипажа вы несете известную долю ответственности.

— Кстати, вы тоже... известную долю.

— Не отрицаю. Но прежде всего я администратор и обязан действовать в рамках административных правил. Пока я вижу: вы не рискнули подать мне рапорт об этом в положенной форме, решили ограничиться частной беседой.

— Я готов подать рапорт в официальной форме.

— Допустим,— спокойно сказал капитан.— Однако готовы ли сделать то же самое инженер-хозяйственник и командир группы десантников Нортон?

— Инженер-хозяйственник — да. Ему первому довелось ощутить, что на борту корабля не все ладно. Нортон не знаю...

— Значит, скорее всего нет. Кстати... не кажется ли вам, что в поведении инженера-хозяйственника тоже не все ладно?

— Что вы этим хотите сказать?

— Опуская кое-какие подробности служебно-технического свойства, скажу: я дважды совершенно отчетливо улавливал исходящий от инженера-хозяйственника запах спиртного.

— Дважды?

— Почему удивились вы именно этому слову?

— Если бы вы сказали «однажды», я принял бы это на свою ответственность, поскольку именно однажды нашел необходимым прописать инженеру-хозяйственнику небольшую дозу спиртного. Из психотерапевтических соображений.

— Психотерапевтических...— повторил капитан.

— Другими словами, для нервной разрядки.

— Похоже, к этому способу нервной разрядки ваш пациент иногда прибегает и без специальных на то предписаний. Назревает нужда отвлечь его от опасной склонности к самолечению.

— Я, разумеется, это проверю и постараюсь принять соответствующие меры.

— Постараетесь?.. Очевидно, вы не поняли меня. Это мой приказ.

— Я понял. Приказ будет выполнен, если ваш «диагноз» действительно подтвердится. Я прежде всего медиколог и обязан действовать в русле этических принципов медицины.

— О результатах доложите мне лично в конце обратного пути,— продолжал капитан.— Не скрою, от этого результата во многом будет зависеть дальнейшее пребывание инженера-хозяйственника в составе экипажа. Кстати, об этике...— Молчанов помедлил, словно раздумывая, стоит ли тревожить эту тему.— Не далее как вчера вечером инженер-хозяйственник устроил шумный скандал в одном из бытовых отсеков. Точнее, в девятом отсеке...

Я обомлел. Дело принимало скверный оборот. Бак утаил от меня подробности вчерашних событий. Однако, зная сверхъестественное умение инженера-хозяйственника попадать в глупейшие ситуации, легко можно было представить себе масштабы его очередного промаха... Забегая вперед, скажу, что мои дурные предчувствия подтвердились: десантники с удовольствием поведали мне живописные подробности вечерней заварушки. Попутно

я выяснил, что инициатором заварушки и основным разглашателем ее результата был не кто иной, как вездесущий Ян Весло. Хотя происшествие не стоило и выеденного яйца, авторитет инженера-хозяйственника пал ниже нуля. А дело было так.

Неугомонному Яну пришло на ум принять перед сном холодный душ. Путь в душевую оказался неблизок, поскольку Ян, как это обычно с ним происходит, останавливался поболтать с каждым встречным. В атриуме его окликнул Нортон, который возвращался с нижнего яруса,— командир десантников, узнав о предстоящем торможении, ходил проверять состояние десантного оборудования. Естественно, Ян попытался завязать беседу. «Бака не видел?» — рассеянно спросил командир. «Не видел. А в чем дело?» — «Увидишь — передай, что в аккумуляторном отделении поврежден экран»,— ответил Нортон и вознесся на жилой этаж. Ян побрел по коридору бытового яруса. Его одолевало искушение отправиться на разведку в аккумуляторный отсек — вдруг там что-нибудь интересное!.. Он нерешительно остановился, и в этот момент из атриума показался Бак. «Салют, Феликс! — трагическим шепотом произнес Ян, как только механик с ним поравнялся.— Тебя мне и надо!..» — «Чего это ты здесь прохлаждаешься?» — подозрительно спросил Бак. Ян, округлив глаза, сообщил механику скверную новость и на всякий случай прибавил: «Сам видел: вдр-р-ребезги!.. И записка внутри: «Так будет с каждым, кто употребляет одеколон «Доброе утро». Во избежание неприятностей употребляйте исключительно лосьоны!» А в конце — череп с двумя мослами крест-накрест и подпись: «Веселый Парфюмер». Не веришь? Вот провалиться мне в атриум!..» — «Да не нужна мне записка, отстань!..— не принимая игру, проворчал механик и на свою беду вслух подумал: — Мне интересно с самим Парфюмером как-нибудь встретиться...» Это была непростительная оплошность, которую склонный к мистификациям десантник не замедлил использовать. Тем более что с механиком у него были личные счеты. Однажды им двоим надлежало выполнить какую-то работу по проверке вакуум-оборудования корабля. Натянув скафандр, Ян битый час прождал механика на палубе вакуум-створа, изнывая от скуки, не дождался, ушел и не по своей вине получил от Нортона

внушительную нахлобучку... «А мне, думаешь, не интересно? — сказал он, таинственно озираясь.— Я, думаешь, почему здесь стою? Жду, когда он выйдет!..» Ставку в игре Ян делал, конечно же, на легенду о чужаке. И бедный Бак, утратив бдительность, «клюнул». Легенду о чужаке он, правда, не слышал, но зато «диверсант» был для него ощутимой реальностью. «Кто выйдет? Откуда выйдет?» — «Тсс!..— свирепо прошипел Ян.— Откуда мне знать кто? Вот я стою и гадаю, что делать...» Бак молниеносным движением ухватил десантника за одежду на груди и, подтянув к себе рывком, прорычал: «Где он?!» Десантник молча указал на дверь девятого отсека...

Впоследствии он клятвенно утверждал, что выбор двери был совершенно случаен, но в это трудно поверить. Скорее всего он просто не принял в расчет горячности инженера-хозяйственника и полагал, что розыгрыш закончится сравнительно безобидно. Исход розыгрыша он представлял себе в трех вариантах. Первый: Бак заподозрит подвох, и ничего занятного не произойдет. Второй: Бак позвонит в указанную дверь, и начнутся забавные переговоры. Дело в том, что три из пяти бывших в составе экипажа нашего рейдера женщин незадолго до того момента, о котором идет речь, вошли в девятый отсек, и наблюдательный Ян это, конечно же, заприметил. Девятый отсек включает в себя целый комплекс специализированных кабинетов — массаж, гигиена, косметика... ну и так далее. Естественно, любые маневры механика у запретной для мужского населения двери выглядели бы весьма пикантно. Самым утонченным был третий вариант: Ян под каким-нибудь предлогом передает свой «наблюдательный» пост в коридоре обманутому механику и спокойно идет в душевую, а на обратном пути великодушно разъясняет «часовому» ситуацию, напомнив, что нечто подобное происходило на палубе вакуум-створа.

Сценарий развернулся по второму варианту, но в гораздо более скандальной форме, чем мог предположить изобретательный десантник. Бак тяжело взглянул на дверь, сказал: «Постереги-ка мне его, я мигом...» — и со скоростью ветра умчался в аккумуляторный отсек. Никакой записки там, разумеется, не было, но был разбитый экран, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы выбить инженера-хозяйственника из колеи...

Вернувшись в ураганном настроении, он увидел соучастника «ловли» на прежнем посту и, уже не раздумывая, бросился к злополучной двери. Других входов и выходов девятый отсек не имел, и возбужденный механик уверовал, что «диверсант» в западне... Дверь была заперта, но, разумеется, вовсе не по причине, которую не без помощи хитроумного Яна вообразил себе Бак. На его звонки и рычание: «Ну-ка немедленно открывай!!!» — никто не откликнулся. Лишь мигнул, добавив механику ярости, объектив смотрового глазка. В ход пошли кулаки, коридор наполнился непривычным для обитателей рейдера грохотом. Ян с опаской отступил ближе к атриуму. Ничего не зная об изрядно досадившем Баку «диверсанте», он, естественно, был озадачен слишком решительным штурмом двери. Грохот уже начинал привлекать внимание тех, кто находился в отсеках бытового яруса (из предбанника с любопытством высунулись две обернутые простынями фигуры) и тех, кто еще бодрствовал наверху (Ян заметил спрыгнувшего в атриум человека). Уразумев наконец, что «утонченный» розыгрыш оборачивается глупым скандалом, десантник уж было собрался остановить самозабвенно атакующего запретный отсек механика, как вдруг дверь на мгновение распахнулась и механик исчез... Ян остолбенел. Фигуры в простынях обменялись невнятными возгласами. Дверь опять на мгновение распахнулась — в коридор, словно из катапульты, шумно вылетел человек в огромном, насаженном на голову почти до плеч, блестящем шлеме! Стукнувшись о стену, Бак снял с себя «шлем» — колпак для сушки волос — и, разбрасывая хлопья пены (с ног до головы он был облит какой-то очень ароматной пенящейся жидкостью), грозно потрясая колпаком, двинулся на десантника. Что и говорить, зрелище было постыдное... Вдобавок мстительные женщины успели разрисовать физиономию несчастного механика губной помадой. Ян, который оцепенело следил за приближением Бака, вряд ли смог бы легко уйти от возмездия, не заметь механик вовремя капитана. Молчанов неподвижно наблюдал развитие событий, а за его спиной застыли в ожидании плечистые фигуры двух пилотов. Механик выронил колпак. Произошла немая сцена, после которой Молчанов, круто повернувшись на месте, удалился в сторону атриума...

Но я, повторяю, об этом еще ничего не знал и, слушая в командной рубке жесткие слова капитана, пытался вообразить себе истинную подоплеку скандального происшествия. В одном я был убежден: Бак честный, искренний человек, и подозревать его в умышленном нарушении общепринятых норм морали и этики просто нелепо. Это свое убеждение я высказал капитану и добавил, что если дать себе труд разобраться в побудительных мотивах вчерашнего «проступка» механика, то ничего предосудительного, а тем более злонамеренного в них не сыщешь. Напротив, следовало бы оценить бескомпромиссность и мужество человека, который в одиночку вынужден вести неравную борьбу с противником необычайно изворотливым, ловким.

— Ну, положим, в существовании «диверсанта» я позволю себе усомниться,— возразил капитан.— А вот чисто служебные недочеты инженера-хозяйственника и его вчерашняя клоунада — это для меня вполне реальные факты. И настолько реальные, что я действительно вынужден дать им оценку. Правда, обратную той, которую предлагаете вы.

— В таком случае,— сказал я,— вынужден заявить: ответственность за вчерашний скандал, каким бы он ни был, лежит на мне, поскольку именно я инициатор ежевечернего патрулирования коридоров и бытовых отсеков. Правда, сегодня утром мы с инженером-хозяйственником решили прекратить всякую самодеятельность и передать добытую информацию вам. Убедить вас принять нужные меры мне не удалось... Жаль. Откровенно говоря, я разочарован.

— Но и я в недоумении,— серьезно сказал капитан.— Ваша настойчивость мне непонятна. Не могу же я запретить Рэнду Палмеру развлекать своих друзей небылицами о чужаке.

— Такое впечатление, будто мы беседуем на разных языках... Говоря о нужных мерах, я имел в виду не столько Рэнда Палмера, сколько обстановку в целом. Представим себе на минуту реальность чужака. Вопрос: что будет с корабельным «зайцем», если при торможении он по тем или иным причинам не сумеет воспользоваться средствами противоперегрузочной защиты?

— Сумел же воспользоваться во время разгона.

— Да, но теперь не сумеет. Не получится вдруг. Что будет?

— Успокойтесь,— бесстрастно сказал Молчанов.— Ничего такого не будет. Никаких корабельных «зайцев» на борту рейдера нет.

— Вы уверены в этом на все сто процентов?

Капитан взглянул на часы. В глазах его тенью прошла какая-то мысль, отразившись на лице выражением неудовольствия.

Я тоже взглянул на часы. До перерыва на дневной отдых оставалось меньше десяти минут. Мне хотелось уйти, однако теперь, при всем своем желании, я не мог этого сделать без разрешения начальства. Стой и жди (даже если ждать тебе, кроме обратного пропуска, по-видимому, нечего) — таков порядок.

— В рабочей обстановке,— доверительным тоном заговорил капитан, приближаясь к столу,— я никогда не пользуюсь словом «уверен». Предпочитаю слово «убежден». И вам советую. Это поможет нам избежать неудобств, которые вы называете «беседой на разных языках».— Привычным движением он утопил одну из кнопок внутренней связи, будто ставил заключительную точку нашему разговору.— Вахта, прием!

Мне оставалось заручиться спокойствием.

В стеклянистой толще грибка столешницы замелькали голубые блики — вызов на связь. Я машинально взглянул на экран информатора в тыльной стороне рубки, но ничего на нем не увидел. Капитан смотрел куда-то в «космический» вырез боковой стороны. Я ввел поправку, посмотрел туда же и замер.

Да, это было великолепно! И не просто великолепно, а... как бы точней оценить? Ну, в общем, все двенадцать баллов по шкале эстетической категории высшего совершенства!..

Говорят, настоящую красоту прежде всего ощущаешь спиной — пробегают, знаете ли, эдакие резонансные мурашки сопричастности и восторга. Что ж, правильно говорят, я это в полной мере прочувствовал... Мне вспомнилось старое изречение: «Нет ничего прекраснее танцующей женщины, скачущего коня и чайного клипера под всеми парусами». Теперь я мог бы добавить: нет ничего романтичнее женской земной красоты в океане холодного

блеска Вселенной... Я оцепенело всматривался в это, без сомнения, знакомое мне лицо, узнавая его и в то же время не узнавая там, среди звезд, и, признаюсь, готов был к восторженным декламациям. «Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю. Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба, то с Артемидою только, великою дочерью Зевса, можешь сходна быть лица красотою... Нет, ничего столь прекрасного между людей земнородных взоры мои не встречали доныне; смотрю с изумленьем...» О да, забыв обо всем, стоял я как столб и завороженно созерцал новоявленную нимфу Млечного Пути. Было в ней что-то очень земное и одновременно экзотически неземное, звездно-музыкальное, вселенское... Улыбчивые карие глаза, жемчужно-розовые губы, плавные контуры темных волос. В серповидную прядь на виске великолепно «вписалась» драгоценная капля лучистой Капеллы...

— Вахта административно-технического сектора на приеме! — бодро отрапортовали жемчужно-розовые губы.— Слушаю, капитан.

Я медленно возвращался с неба на грешную зем... в командную рубку.

— Таня, дайте, пожалуйста, на экран информатора полную схему дислокации,— распорядился Молчанов.— Шесть рядов с цифровым итогом.

— Минуточку, капитан,— ответила из созвездия Возничего Таня.

«На экран информатора, значит...— подумалось мне.— Схему, значит, туда, а красавицу Таню сюда, на звездный экран большого обзора. А ведь он романтик, наш капитан! Ай-яй-яй, какой утонченный эстет!.. Да, в этом рейсе открытия сыплются на меня одно за другим. Кто-то любит кататься на «бивнях» слона-корабля, а кто-то не прочь украсить свою рабочую обстановку «звездными девушками». И ведь как эффектно украсить! Даже лучистая капля Капеллы на месте — в центре красиво изогнутой пряди волос у виска. И Таня, конечно, не знает. Будет очень жаль, если узнает. Пропадет естественная непринужденность — прощай тогда чарующий эффект...»

— Готово, капитан! — доложила «звездная девушка».— Полная расшифровка по шести секциям.

— Вы свободны, Таня, спасибо. Конец связи.

Владычица неба растаяла среди звезд.

Капитан жестом пригласил меня подойти к экрану информатора.

РАПОРТ НА САМОГО СЕБЯ

Я понятия не имел, что такое «схема дислокации», и тупо смотрел на экран. То, что я видел перед собой, скорее походило на обычное информационное табло в зале какого-нибудь космопорта. Продолговатый экран расчерчен на шесть вертикальных рядов. В каждом ряду — колонки индексов. Такими индексами обозначались у нас на борту каюты, отсеки и прочие помещения корабля. Ниже индексов стояли однозначные (реже — двузначные) цифры, которые иногда менялись. Вот и все. Я ничего не понимал.

Удивленный моим невежеством, капитан стал пояснять, проводя рукой по рядам:

— Первый ярус, второй, третий, четвертый, носовое отделение рейдера, хвостовое. Здесь индексы помещений, в которых сейчас находятся люди. Цифры — количество человек в помещении. Вот, к примеру, носовое отделение: индекс КР-Н и рядом — двойка. Это вы и я в командной рубке. И точно так же во всех шести обитаемых секциях рейдера. Ясно?

— Ясно...— пробормотал я. Теперь мне действительно было все ясно. Мне и в голову прийти не могло, что на рейдере существует подобная аппаратура!

— В конце каждого ряда обозначен цифровой итог,— продолжал капитан.— Для удобства. Ведь люди постоянно переходят из помещения в помещение, и проследить по строчкам за этой миграцией трудно. Легче по секциям. Ну-ка, возьмите конечные цифры по всем шести секциям и подсчитайте, сколько людей присутствует в данный момент на борту рейдера.

Я подсчитал. На борту рейдера в данный момент было, как и положено, шестьдесят девять человек. Ни больше ни меньше...

— Так где же он, ваш чужак?

Я промолчал. Стоял потерянно и смотрел на табло этого «счетчика человеческих душ» и не знал, что и ду-

мать. Я был сражен Впрочем, сражен не то слово. Я был буквально смят и раздавлен.

— Как видите,— сказал Молчанов,— понятие «убежден» имеет существенное преимущество перед понятием «уверен». И пусть это вам послужит уроком. А что касается чужака... Вы даже не представляете, сколько легенд подобного рода мне приходилось слышать за годы работы в Пространстве.

Я на всякий случай спросил:

— А вы не допускаете возможности того, что человеку каким-нибудь образом удается выйти из-под контроля следящих датчиков этой аппаратуры?

— Исключено,— сухо ответил Молчанов.— Датчики системы дислокации пронизывают тело рейдера вдоль и поперек, выйти из-под их контроля — значит выйти за пределы корабля. Нейтрализовать чувствительность этой системы невозможно. Впрочем, есть один способ: не иметь нормальной температуры тела, не обладать нормальным человеческим запахом, не излучать никаких биологических волн, не двигаться и не дышать. Надеюсь, я вас убедил? — Он снова взглянул на часы.

Я отрицательно покачал головой:

— Н-нет...

— Нет? Ну, знаете ли!..

— То есть все это я, разумеется, принимаю к сведению. Однако...

— Однако?..

— Вы убедили меня в одном: дело, с которым я к вам пришел, требует гораздо более тонкого анализа, чем это мне представлялось.

Он смотрел на меня серьезно, спокойно и, я бы даже сказал, сочувственно.

— Ну хорошо,— сказал я.— Вы правильно говорили о преимуществах убежденности. Теперь пришла моя очередь заявить вам с полной ответственностью за свои слова: я совершенно убежден, что на борту рейдера есть человек, который умышленно уничтожает экраны и при этом старательно заметает следы. Моя неопытность в сфере криминалистики очевидна — я действительно не в состоянии выложить перед вами цепь доказательств, безупречных с точки зрения формальной логики. Но в сфере профессионального знания психологии я чего-нибудь да стою.

Внутренняя логика поведения людей, участников этих событий, твердо меня убедила в серьезности очень странной на первый взгляд информации, которую мне приходится здесь излагать.

— Даже в серьезности очень странной информации о чужаке?

— Во всяком случае, я убежден в искренности Рэнда Палмера. Во-первых, потому, что Палмер вообще не склонен к мистификациям. Во-вторых, он не стал бы дурачить одновременно командира и своего ближайшего друга.

Молчанов впервые взглянул на меня с интересом.

— То же самое можно сказать про инженера-хозяйственника,— добавил я.— Нелепо думать, что ему пришла бы в голову идея мистифицировать медиколога и капитана. Мне кажется, он вообще избегает лишний раз попадаться вам на глаза.

— Увы, это ему, к сожалению, далеко не всегда удается. К моему сожалению... Ну что ж, надо признать, ваш психологический экскурс весьма любопытен. Действительно, внутренняя логика поведения двух людей находится в странном противоречии с формальной, как вы ее называете, логикой обстоятельств... Но, с другой стороны, чем могу быть полезен я, администратор и технический руководитель полета, в поисках ответа на этот, прямо скажем, сногсшибательный вопрос? Вы, конечно, не обижайтесь, но во время нашей беседы я мысленно пытался перешагнуть препятствия на пути вашей... ну, скажем, гипотезы и пришел к убеждению, что препятствия неодолимы. Благодарю вас за информацию, однако вынужден адресовать ее опять-таки вам. Я ведь не специалист в области психоанализа. Полагаю, именно вы обязаны найти и увязать концы загадочных противоречий. В заключение скажу: несмотря на малоподходящее для подобных бесед время и несколько нервозную обстановку, мне было приятно общаться с вами. Отдаю должное вашей выдержке и запасу энергии.

«Вот и все,— подумал я.— Этого следовало ожидать...»

— Благодарю за комплимент,— сказал я,— хотя, на мой взгляд, гораздо большую стойкость и выдержку проявили вы. Мне позволено будет произнести здесь несколь-

ко заключительных слов? Но заранее предупреждаю: ничего приятного в них не содержится.

— Прошу...

— Прежде всего я хочу выразить свое несогласие по поводу переадресовки этой злополучной информации. Главным образом потому, что имею веские основания относить подобную информацию не столько в область психоанализа, сколько в область космической безопасности и охраны правопорядка. Какой-то период я играл роль детектива-любителя и, каюсь, втянул в это дело инженера-хозяйственника. Но ведь ни он, ни я ничего не смыслим в тонкостях оперативно-следственной работы. Учитывая нашу беспомощность, я вынужден подать официальный рапорт вам и начальнику рейда Юхансену. Боюсь предугадывать, какова будет реакция Юхансена, однако наслышан, что его миссия связана с деятельностью оперативно-следственных органов, и это внушает мне определенные надежды.

— Что ж, подавайте,— ответил Молчанов.— Это ваше право. Очень своеобразный рапорт. Даже не знаю... Как бы рапорт на самого себя.

— Очевидно, мне нравится подавать рапорты на самого себя... Будьте здоровы, капитан.

Плохо припоминаю, как я прошел носовой сектор. Опомнился в коридоре жилого яруса, и то, наверное, лишь потому, что вклинился в идущий мне навстречу косяк десантников. Точнее, прайд; в глазах рябило от кошачьих морд: рыси, тигры, барсы, пантеры, ягуары, пумы, гепарды... Проголодавшийся прайд валил на обед. Десантники здоровались и вежливо уступали мне дорогу. Интуитивно я поискал среди них Нортона. Не нашел и, подойдя к двери его каюты, позвонил. Над верхним срезом двери пузырем вздулась красная оболочка переговорного устройства и неприязненно, без знаков препинания произнесла: «Кто там, какого черта!» Я оглянулся (в коридоре, по счастью, никого уже не было), махнул рукой и продолжил путь в свою каюту.

...Мы с Баком составили совместный рапорт и, соблюдая все необходимые формальности, официально вручили его капитану и начальнику рейда Юхансену. Время для этого было совершенно неподходящее, но, с другой стороны, деваться нам тоже было некуда.

Затормозив, рейдер «повис» на круговой орбите возле Оберона, и началась та самая работа, ради которой мы сюда прилетели. Для десантников, ученой комиссии и корабельной команды наступили горячие дни — разведочные и научно-исследовательские десанты на планетоид следовали один за другим, и в такой обстановке Юхансен, ознакомившись с рапортом, вряд ли достаточно ясно уразумел, чего от него, собственно, хотят.

— Это срочно? — спросил он с недоумением.

Я сказал, что не знаю,— подавая рапорт, исполняю свой долг, а насколько это срочно, судить не берусь.

— Понимаете ли, уважаемый...

Да, он мог бы не продолжать, я его понимал.

— Ваш рапорт мы обязательно разберем на командном совете, но не сейчас. Потом, уважаемый, потом! Или вы настаиваете?..

Нет, я не настаивал. Я все понимал и ни на чем не настаивал. Напротив, я выразил сожаление, что рапорт родился в такое неподходящее время.

Работы у всех, повторяю, было по горло. Переговорить с командиром десантников не удалось, да я к этому и не стремился — обстановка не позволяла. Нортон все время куда-то спешил, постоянно что-то организовывал, распоряжался, лично участвовал едва ли не в каждой десантной операции, планировал и корректировал взаимодействие десантных групп — его рабочую энергию можно было сравнить с энергией действующего вулкана средних размеров. Рейдер ощетинился излучателями и антеннами самых разнообразных конструкций, широко распахнул трюмы, ангары, обнажил красочно освещенные палубы вакуум-створов и превратился в орбитальную матку целой флотилии снующих туда и сюда катеров. За четкость наружных работ нес ответственность механик по вакуум-оборудованию корабля, поэтому я редко видел Бака — он почти не вылезал из своего скафандра и подвижных герметических кабин. Кстати, безупречная работа вакуум-хозяйства заставила капитана несколько изменить свое мнение о служебных достоинствах механика.

По мере того как расширялся фронт исследовательских работ в системе Урана, дел у меня прибавлялось. Должно быть, с точки зрения подавляющего большинства,

я исполнял непрезентабельную роль тормозного устройства в кипучей атмосфере всеобщего энтузиазма: мне с великим трудом удавалось настаивать, чтобы люди нормально питались и спали не менее семи часов в сутки (не говоря уже обо всем остальном). Я приблизительно знал, как соблюдался режим на борту корабля, но что происходило на самом Обероне, представлял себе плохо. Судя по участившимся случаям переутомления и легкого травматизма, ничего в этом смысле хорошего там не происходило. Во время очередного заседания командного совета я вынужден был серьезно поговорить с Нортоном. Разговор получился на повышенных тонах. Как медиколог экспедиции, я потребовал права на ревизию бункеров временных баз, разбросанных по Оберону. Нортон яростно сопротивлялся, но совет вынес решение не в его пользу, и мне в конце концов удалось навести на временных базах относительный порядок. Правда, ценой очень натянутых отношений с командиром десантников, но что оставалось делать?..

Мало-помалу программа исследовательских работ приближалась к финишу. После напряженнейшей работы на Обероне рейдер был направлен к планете, выведен на околоурановую орбиту, и десантники получили двухнедельный отдых. Пока проводился глубинный зондаж полосатой от сильно растянутых облаков атмосферной «шубы» таинственного гиганта и его многослойного Кольца, я «зондировал» самочувствие экипажа, безусловно отдавая предпочтение молодцам с кошачьими эмблемами на рукавах. Разумеется, дурная слава Оберона меня чрезвычайно тревожила — мне были известны кое-какие подробности загадочных и грозных оберонских катастроф, и я втайне радовался, что на этот раз все обошлось. Два вывиха, пять ушибов и одно не очень серьезное отравление дыхательной смесью из-за неполадок в системе скафандрового жизнеобеспечения — сущие пустяки... Десантники пребывали в отличном расположении духа, шутили, хвастались друг перед другом успехами и синяками, отсыпались, ели с аппетитом, послушно и, я бы даже сказал, как-то автоматически, походя выполняли все мои лечебно-оздоровительные предписания. Попутно и я приводил свои нервы в порядок. Главный этап — этап разведки зловещего планетоида — счастливо пройден. Ко-

миссия сделала вывод, что Оберон утратил опасные свойства, и теперь уже, видимо, навсегда. Впереди нас ожидала не очень сложная (как я легкомысленно это себе представлял) работа на остальных вполне безопасных лунах Урана...

На «безопасной» сказочно красивой маленькой Миранде едва не погиб разведочный катер. Не буду описывать внешний вид этой снежной принцессы, поскольку она сразу стала излюбленной «телезвездой»... точнее, «телелуной» земных экранов. Напомню только, что ее причудливые снежные образования скрывают внутри ажурную «арматуру» из твердого льда. Первый катер благополучно сел на припорошенную хлопьями смерзшегося газа ледяную арку. Второму не повезло — он глубоко провалился в пушистый сугроб и поднял вокруг себя такую снежную бурю, что до сих пор непонятно, как ему удалось сманеврировать и вырваться из-под нависших ледяных колоссов...

На Ариэле у одного из десантников отказал скафандровый обогрев, и медицинская моя «коллекция» пополнилась случаем довольно серьезного обморожения. А «безопасный» Умбриэль всего за одни сутки «преподнес» мне два вывиха и скрытый перелом голени. Я с ужасом ждал высадки на Титанию — самую крупную луну Урана. Я понимал: люди вконец измотаны тяжелой работой, бдительность притупилась. Свои опасения я высказал на командном совете, чем поставил его перед сложной дилеммой: либо отказаться от изыскательских работ на Титании, либо дать десантному отряду достаточно продолжительный отдых. Первое совершенно не устраивало ученую комиссию, второе не устраивало технических руководителей полета — ресурсы жизнеобеспечения корабля, предусмотренные на период разведки системы Урана, были истощены.

Совет принял компромиссное решение: высадку на Титанию произвести, но объем разведочных и научно-исследовательских работ сократить втрое против ранее намеченного. Ну и далее, как положено, по пунктам. Пункт номер один: комиссии срочно представить совету скорректированный план работ (ответственный: председатель комиссии Юхансен). Пункт номер два: медикологу совместно с командиром отряда десантников отобрать для

производства вышеназванных работ десантную группу из двенадцати человек, наиболее надежных по физическим, физиологическим и психодинамическим характеристикам (ответственный: медиколог экспедиции Грижас). Пункт номер три: определить срок десантных работ на Титании в сто часов, начиная с момента согласования списка участников десанта между медикологом экспедиции Грижасом и командиром отряда Нортоном, принимающим на себя непосредственное командование десантно-оперативной группой «Титания»... Ну и т. д. и т. п.— не буду перечислять пункты, которые меня не касались прямо.

После придирчивого медосмотра предложенных Нортоном кандидатов я с тяжелым сердцем утвердил всех. Да, люди устали... Это были железные парни — Нортон, надо отдать ему должное, отлично знал своих людей,— но и металл устает. Я тоже устал. Я чувствовал неодолимую усталость от постоянных тревог. Каково же им, отчаянным труженикам Внеземелья?.. Но десантники, которым не довелось войти в число «двенадцати апостолов» (как теперь с легкой руки обиженного Яна стали называть группу «Титания»), штурмом брали мой кабинет. Каждый из них смотрел орлом, бодрился — грудь колесом — и требовал объяснений. Артель «мельников» даже пыталась воздействовать на меня «по знакомству». Я не знал, возмущаться мне или смеяться. Кстати, двое из этой компании — Бугримов и Степченко — в предварительном списке Нортона значились. Я утвердил и того и другого, хотя меня беспокоил полученный Степченко на Обероне ушиб кисти левой руки. Разумеется, я утвердил его не потому, что был намерен укомплектовать «апостолов» Фомой неверующим,— просто десантник выглядел свежее остальных, поскольку до высадки на Умбриэль я запрещал ему участвовать в десантных операциях. Исключи я его и теперь — он до конца жизни считал бы меня своим личным врагом... Но дело не в этом. Гораздо важнее было то, что Степченко оказался одним из звеньев психологической цепочки в группе. За него стал горой Бугримов. Вплоть до самоотвода собственной кандидатуры. За Бугримова горой стал Рэнд Палмер и тоже вплоть до самоотвода. За Рэнда...— ну и так далее. Нортон, не вмешиваясь в эту сцену ни жестом, ни словом, тяжело смотрел на меня немигающим взглядом. Ни дать ни взять

круговая порука. «Ну что ж,— подумалось мне,— группа демонстрирует свою сплоченность — чем плохо?..»

— Ладно,— шутливым тоном сказал я возбужденным «апостолам»,— поберегите энергию для броска на Титанию. Утверждаю всех, и Христос с вами!

Я покосился на командира десантников: что-то неприятно изменилось в выражении его лица. Он тихо бросил подчиненным:

— По местам!

В моем кабинете произошло какое-то организованное движение, десантников словно ветром сдуло,— мы с Нортоном остались наедине.

Вручая Нортону согласованный список, я еще раз напомнил ему, что люди слишком устали, и не только физически, командиру следует это учесть.

— Особенную тревогу,— добавил я, внимательно глядя Нортону в глаза,— почему-то внушает мне Рэнд Палмер. Как вы думаете, мы не ошиблись, включив его в группу?

Нортон взгляда не отвел.

— Палмер — один из самых надежных в группе, и вы это знаете,— веско ответил он. И добавил без тени смущения: — Ваш вопрос, извините меня, дурно пахнет.

Я даже слегка растерялся. Он повернулся и вышел. Я проводил взглядом его ладную, вкрадчиво-гибкую, как у пантеры, фигуру. В моем сознании смутно забрезжил крохотный огонек какого-то интуитивного предощущения, которое обещало оформиться в мысль. Но не оформилось. По отношению к Нортону я испытывал одновременно странное любопытство и не менее странную неприязнь и, вероятно, поэтому не мог позволить себе ничего похожего на предвзятость...

Десант на Титанию, как я и опасался, стоил нам дорого. Во время бурения с отбором извлеченных из скважин проб ударил фонтан сжиженного газа. Пытаясь спасти буровое оборудование, Рэнд Палмер поднял грузовой катер, выдвинул манипуляторы и атаковал фонтан. Маневрировать на тяжелой машине возле взбесившегося ледяного грифона было очень не просто. В конце концов катер сильно обледенел, потерял управление, врезался в кессонный отсек жилого бункера. Бункер мгновенно разгерметизировался, но, к счастью, в этот момент никого в

M-R

нем не было. Катастрофу видели выскочившие из-под фонтана Бугримов и Степченко. Катер беспомощно застрял в раздавленном кессоне — на боку, чуть кверху днищем... Бугримов опомнился первый — двумя прыжками преодолел расстояние до места катастрофы (сила тяжести на лунах Урана невелика) и, взобравшись на катер, попытался открыть донный люк. Не вышло. Рэнд на вызов не отвечал. Правда, ничего особенного с ним не случилось — его слегка оглушило. Но Бугримов этого не знал. Подоспевший Степченко увидел, как его напарник яростно продирается к верхнебоковому люку сквозь обломки кессона. Нечеловеческим усилием отогнув в сторону рваный лист металла, Бугримов расчистил себе доступ к люку. Степченко заметил, что массивная туша катера тронулась с места и начинает медленно оседать кормой. Предупредительный возглас товарища Бугримов принять к сведению не успел, тем более что уже вскарабкался в открытый люк по пояс. Его просто разрезало бы пополам, да, спасибо, друг не растерялся. Трезво оценив обстановку, Степченко подставил под оседающую махину единственный рычаг, который был в его распоряжении в эти секунды,— собственное тело... Его расчет себя оправдал,— удалось затормозить кормовое скольжение катера на несколько важных для Бугримова мгновений. Жизнь ценою жизни... Бугримов и пришедший в себя Палмер подняли буквально вдавленного в ледяную кашу товарища.

Пока его доставили на борт корабля, пока извлекли из скафандра и уложили на операционный стол-агрегат, наступила клиническая смерть. Реанимация прошла удачно, однако состояние тяжелораненного было критическим. Чудовищное повреждение грудной клетки (к счастью, правостороннее), перелом позвоночника... Да что говорить, это был самый отчаянный случай в моей медицинской практике. До сих пор не понимаю, как мне удалось сохранить пострадавшему жизнь. Впрочем, это не только моя заслуга. Одна из женщин — инженер дальней связи — имела смежную профессию хирургического ассистента, как имеют те или иные смежные профессии почти все члены экипажа современного рейдера. Ассистировала она безупречно. Мне нравилось ее имя — Инга...

Время на пути к Земле, понятно, было насыщено для меня совсем иными тревогами, чем на пути к Урану. Состояние Степченко улучшалось медленно. В условиях хирургического стационара этот случай, пожалуй, не имел бы права именоваться «особо тяжелым», но в специфических условиях полета... Словом, несмотря на принятые меры всесторонней биозащиты, после перегрузок стартового разгона борьбу за жизнь раненого надо было начинать, по существу, сначала.

Поглощенный медицинскими заботами, я, естественно, слабо реагировал на все остальное. Никаких особенных эмоций я не испытал, когда мне было официально объявлено, что рапорт, поданный мною «на самого себя», командный совет наконец рассмотрел. Утвержденное советом резюме гласило: «Явное противоречие между фактическим материалом и предложенной в рапорте информацией не позволяет...» Дальше я не читал. Не позволяет — и ладно. И превосходно. Главное — никаких «обязать». Мое время ценили.

Правда, некоторый интерес вызвал у меня распространившийся слух о намерении Нортона досрочно выйти в отставку. Сначала я не поверил, но слух держался упорно. Я догадался расспросить об этом Ингу — кому, как не ей, инженеру дальней связи, было знать о сообщениях, адресованных УОКСу. К моему изумлению, слух подтвердился.

Решение своего командира выйти в отставку десантники связывали с происшествием на Титании. На мой взгляд, это была чепуха. Сначала Нортон действительно был подавлен случившимся и по многу раз на день донимал меня или Ингу вопросами о состоянии раненого (впрочем, как и все остальные десантники). Однако, во-первых, довольно скоро я нашел возможным оповестить население корабля, что жизнь Степченко вне опасности. Во-вторых, сопоставляя настроение Нортона «до Урана» и «после Урана», я особой разницы не уловил. Все так же угрюм, малоразговорчив, замкнут... Но держаться он умел великолепно. Каждый жест его, каждый взгляд словно бы строго напоминали: «Я человек дела, а мое настроение никого не касается». Нет, похоже, Титания, тут ни при чем. Его угнетало что-то другое, мне оставалось теряться в догадках.

Я много был наслышан о предыдущем рейде «Лунной радуги», о катастрофе на Обероне, во время которой погибла половина десантников. В том числе командир этой группы Элдер и начальник рейда Асеев. Я точно знал, что в теперешней экспедиции участвуют лишь двое из тех, кому повезло спастись во время так называемого «оберонского гурма». А именно: Нортон и первый пилот нашего корабля Аганн.

Мне показалось любопытным сопоставить внешние линии поведения двух «старых оберонцев». Мешало то, что первого пилота я знал гораздо хуже, чем командира десантников,— редко его встречал, и еще реже мне доводилось с ним разговаривать. Разве только в кают-компании за обедом или на очередных медосмотрах... Но даже на основе довольно поверхностных наблюдений я рискнул бы сказать, что Аганн по своему характеру едва ли не антипод Нортона. По-моему, наиболее выразительная черта его — мягкость. Должен, однако, отметить: здесь я имею в виду отнюдь не мягкотелость.

Теперь о главном. О том, что мне показалось не очень понятным... Характеры непохожи, служебные обязанности абсолютно различны, а все-таки в линиях поведения «старых оберонцев» прослеживалось нечто общее. Прежде всего неразговорчивость, замкнутость, неулыбчивость (у Нортона переходящая в угрюмость). Похоже, они ни с кем не поддерживали не только дружеских, но и просто приятельских отношений. Разве не странно?.. Я ни разу не наблюдал, чтобы Аганн или Нортон принимали участие в какой-нибудь «неделовой» беседе. Ни разу не видел, чтобы они говорили между собой. Напротив, у меня создалось впечатление, будто они избегают друг друга. Или, по крайней мере, обходят друг друга вниманием больше, чем всех остальных. При встрече — легкий кивок в знак приветствия. И это все. Никаких иных жестов, никакого иного выражения эмоций. Не имею представления, как и где они проводили свое свободное время. Ни тот, ни другой не появлялись в просмотровом зале, в салонах отдыха или в библиотеках, не интересовались ни одной из бытовавших на рейдере игр... Чем глубже я об этом задумывался, тем загадочнее мне казался параллелизм в линиях поведения Нортона и Аганна.

Увы, на борту «Лунной радуги» мне довелось столк-

нуться с отдельными островками неодолимых, щекочущих нервы загадок. Экраны, «диверсии». Сам «диверсант». История с чужаком. И вот наконец таинственно схожие элементы странного отчуждения двух очень разных людей. Загадки, загадки... Глухая, безответная стена. Иногда я, фигурально выражаясь, поглаживал эту стену, но пробить был не в силах.

Правда, я не удержался от соблазна порасспросить Ингу о прошлом рейде «Лунной радуги» в систему Урана. Как участница предыдущей экспедиции, она должна была знать о Нортоне и Аганне гораздо больше моего. Да, она видела перемены в поведении того и другого, но ничего особенно странного в этом не находила. Трагедия на Обероне тяжело подействовала на обоих. Во время той катастрофы оба потеряли самых близких друзей: Аганн — Элдера, Нортон — Михайлова. Уже не говоря о том, что погибли и другие их товарищи: Накаяма, Асеев, Бакулин, Джанелла... Да, раньше она не замечала за Нортоном теперешней угрюмости, и первый пилот был намного общительнее. Но что поделаешь, такова жизнь. Быть может, в какой-то мере они чувствуют вину перед погибшими. Ведь бывает такое у хороших, честных людей — ложное чувство вины! В той обстановке они сделали все, что могли, и ничего большего сделать было нельзя... Нет, она не знает, почему Нортон подал в отставку именно сейчас. Вероятно, у него были свои счеты с Внеземельем, но теперь, когда Оберон побежден, Нортон решил, что имеет полное право бросить работу в Пространстве совсем. Аганн? Нет, Аганн бросать не собирается. На днях УОКС сообщил, что переводит его капитаном на танкер юпитерианской флотилии. Аганн ответил согласием.

«Ну вот!..» — с некоторым даже умилением подумал я. Вдобавок еще и личные счеты! С Внеземельем?! Не слишком ли это абстрактно? Друг с другом? С какой стати? Если борт нашего корабля и есть арена сведения счетов, то проще предположить, что кто-то сводит «личные счеты» с экранами бытового яруса. Н-да...

Ну что ж, мне осталось добавить к своему рассказу два завершающих эпизода...

МАСКА

Во время профилактического медосмотра я попытался завязать беседу с Рэндом Палмером.

— Выглядите вы молодцом,— сказал я.— Все ваши физиологические и психодинамические характеристики в норме. Пожалуй, до конца рейда тревожить вас я больше не буду... Удар был сильный?

— Где? — спросил он.

— Что значит «где»? На Титании, разумеется. Или удары были где-то еще?..

— Нет,— поспешно сказал он.

— Не скрывайте. От меня ничего не надо скрывать. Нет смысла. Ведь все равно вам придется пройти спецкарантинный досмотр в зоне СК-I на Луне, а там... Ну что мне вам объяснять, вы же не новичок.

— Я понимаю,— сказал Рэнд.— Там тебя все равно вывернут наизнанку, и будет хуже... Нет, в самом деле нет! Только Титания. Что говорить, стукнуло меня изрядно. Выкинуло из кресла вместе с привязными ремнями и оглушило о боковую стенку кабины. Пришел я в себя, а тут и Бугримов подоспел.

— Ощущали последствия?

— Нет. Не до того было... Степченко из-под кормы вытаскивали.

— А позже? Головокружений не было? В глазах не темнело?

— Темнело. Когда узнал, что все из-за меня, еще как потемнело!.. Только это не по медицинской части.

— Да, конечно. Успокойтесь. Вы совершенно не виноваты. Ведь не могли же вы предусмотреть фонтан.

— Верно. Предусмотреть не мог...— Рэнд поднялся.— Мне можно уйти?

— Да,— сказал я не совсем уверенно. Я так и не придумал, в какой бы деликатной форме задать десантнику интересующий меня вопрос...

Уже у двери он, адресуясь, видимо, больше к себе самому, обронил:

— В этом рейде я много чего не мог предусмотреть...

— Чужака, например,— вставил я. Полагаю, с достаточным равнодушием в голосе.

Он замер. Медленно повернулся. Я увидел его лицо и пожалел о сказанном. Упоминание о чужаке для десантника было, по-моему, равносильно удару, который его оглушил на Титании.

— Верно...— пробормотал он, приходя в себя. Помолчал, что-то соображая.— Только вот что... Это не по медицинской части.

— Знаю,— сказал я.— Успокойтесь. Я слишком тщательно обследовал вас, чтобы думать иначе.

— Спасибо.— Рэнд заметно приободрился.— А чужак... Его не было.

— Зачем же вы морочили голову своему командиру?

Рэнд посмотрел на меня.

— Ему заморочишь!..— проговорил с интонацией, которую я не понял.— Он сам кому угодно... В общем, не было чужака. Обознался я.

— Нелогично.

— Почему нелогично?

— Обознаться можно, лишь принимая чужого за своего. Или одного своего за другого, но опять-таки за своего же.

Рэнд переступил с ноги на ногу. Было видно, что затронутая тема его тяготит. Он мог в любую секунду уйти — я ведь насильно его не удерживал. Однако не уходил. Я давно заметил, что мужчины плохо переносят обвинение в нелогичности. Женщину трудно бывает смутить ссылками на нелогичность. В лучшем случае она пропустит это мимо ушей, в худшем — ответит насмешкой. Мужчина — другое дело, нелогичность очень его стесняет.

— Как хотите,— смущенно проговорил Рэнд,— но я ничего не выдумываю. Все правда.

Я промолчал. Я верил ему, но ничего пока не понимал. Рэнд мялся, переступая с ноги на ногу. По-видимому, хотел задать какой-то вопрос и не решался.

— Хотите о чем-то спросить?

— Да. Скажите... разговор о чужаке вам передал Нортон?

И выжидательно замер, словно ответ мой имел для него немаловажное значение.

— Нет,— сказал я.— Не Нортон.

— Благодарю вас,— пробормотал Рэнд.

— Не за что. Похоже, вы наводите справки о состоянии моральных качеств своего командира?

— Ничего подобного,— ответил он, пожимая плечами.— Я неплохо знаю своего командира и не имею к нему ни малейших претензий. И потом... мне, вообще говоря, нет до него никакого дела. О Нортоне я спросил по другому поводу.

— Ну разумеется,— сказал я с иронией.— По поводу рыбных запасов Балтийского моря.

— Я понимаю,— сказал он,— со стороны все это выглядит довольно глупо...

— Прежде всего очень путано, а потому не очень красиво.

— Тут как ни поверни — красиво не будет.— Рэнд протяжно вздохнул.— Ведь это касается не только меня лично. Не могу же я... Ну, в общем, у нас так не принято, вы уж меня простите. Одно могу вам сказать откровенно: это сначала я думал, что чужак был.

— А теперь?

— Теперь думаю: чужака не было.

«Что за черт!..» — подумал я. В эту минуту я ощутил себя в положении растяпы-шахматиста, который, разбирая шахматный этюд, вдруг обнаружил, что все четыре слона стоят на одной линии белого поля.

Десантник вежливо попрощался и вышел. Я его не удерживал. В голове у меня царил хаос.

Итак, что мне известно?

Мне известно, что отправная точка истории о чужаке — Рэнд Палмер. Скромен, тверд, правдив, к мистификации не склонен. Лгать своему ближайшему другу Бугримову не стал бы. Тем более не стал бы вводить в заблуждение своего командира. Уж наверное понимал: посвящать Нортона в подробности такого рода происшествия — значит рисковать собственной репутацией. Но, посоветовавшись с другом, все же решился. Вывод: Рэнд действительно встретился в коридоре с незнакомым ему человеком. Ошибиться, не узнать «своего» десантник не мог. Это исключено. Коридоры жилого яруса великолепно освещены даже в ночное время. Вдобавок Рэнд столкнулся с незнакомцем, что называется, нос к носу. Кроме всего, у Рэнда (как, впрочем, у космодесантников вообще) профессионально развита наблюдательность. По свидетель-

ству того же Бугримова, «у Рэнда глаз верный» — такая оценка в их среде кое-чего стоит. Да, на этом участке анализа логика торжествует, логически концы превосходно увязаны. Дальше... А дальше все летит вверх тормашками.

Против Рэнда... вернее, против его сногсшибательной истории о чужаке выступают два серьезных свидетеля: схема дислокации в командной рубке и обыкновенный здравый смысл. И я, безусловно, принял бы сторону этих очень серьезных свидетелей, если бы... Если бы я не верил десантнику Рэнду. Если бы на предыдущем участке анализа был хоть один логический ухаб. И наконец, если бы на борту корабля не было никаких других историй... Но ведь Рэнд и сам теперь отрицает бытность чужака!..

Что ж, видимо, следует поразмыслить над логикой схемы «чужак был — чужака не было». Как понимать? Сначала был, потом не было? Не годится. Куда он мог улетучиться с корабля?.. Значит, надо принять во внимание одновременность... Но как это можно: быть и не быть одновременно?! Оптическая иллюзия? Обман зрительного восприятия в состоянии галлюцинаторного аффекта?.. Увы, как медикологу, мне было отлично известно, что состоянию психики десантника можно только завидовать. С другой стороны, оптические иллюзии не имеют обыкновения расталкивать встречных прохожих локтями. Ну что тут можно придумать еще?.. Если пофантазировать, можно, пожалуй, придумать нахального робота, в достаточной степени хорошо замаскированного под человека. По образу и подобию. И все было бы превосходно, все сразу бы стало на свои места. Внешне — чужак, по сути же нет его — чучело. Был и не было. И Рэнд прав, и я прав, схема дислокации права, логика не в обиде. Жаль, что в пределах Солнечной Системы УОКС человекоподобных роботов, увы, пока не используют — единственный негативный момент моего остроумного допущения.

А что, если... Стоп! Но ведь это мысль!..

Не надо несуществующих роботов, не надо никаких оптических иллюзий, все просто: Рэнд принял за «чужого» хорошо замаскированного «своего»!.. Вот тебе логика схемы «был — не было». Сначала Рэнд обманулся — «был». Потом догадался — «не было»!

Но открытие, как водится, потянуло за собой цепочку

новых вопросов... Допустим, кому-то из десантников действительно явилась странная идея временно изменить свою внешность. Искусный грим или искусно сделанная маска. В принципе это возможно, хотя и не так просто, как кажется на первый взгляд. Чтоб обмануть цепкий глаз Рэнда, грим или маска должны были выглядеть слишком естественными. Слишком... Это, пожалуй, и не каждому специалисту-гримеру под силу... Впрочем, откуда я знаю: может, в отряде наших десантников есть бывшие крупные специалисты по гриму. Возьмем на заметку. Вопрос другой: чего ради затеян маскарад? Ради шутки? Ничего себе шутка: пролетел мимо Рэнда как угорелый, нырнул в атриум, словно в воду канул. И все — никаких последствий, никакой огласки. А шутка не шутка, если она без огласки. Шутник сродни актеру: ему нужна публика, нужны аплодисменты — нужна публичная оценка его мастерству. Н-да, здесь, как говорится, шутки в сторону...

Но (кроме шуток) маскарад еще затевают ради инкогнито. И чем строже надо инкогнито соблюсти, тем искуснее должен быть маскарад... Кстати, в тот «маскарадный» вечер Бак получил в кухонном отсеке затрещину именно потому, что предпринял попытку узнать «диверсанта». Круг замыкается, а?.. Что же это у нас на «Лунной радуге» происходит?..

— Можно войти? — прервал мои размышления знакомый голос.

— Да, конечно. Входите.

Я обернулся и увидел приятно улыбающуюся физиономию Бака. Ему я был рад. Давненько мы не встречались. Вернее, встречались, но все как-то на ходу, мимолетно, едва успевая обменяться друг с другом приветственными жестами. Масса неотложных дел не оставляла времени для частных бесед. Сегодня утром я издали видел Бака в кафе и мог бы поклясться, что он был явно не в своей тарелке. Сейчас я бы этого не сказал.

— Присаживайтесь, Феликс. Рад желанному гостю.

— Мимо вот проходил... Решил зайти.— Он бросил взгляд на открытые панели диагностической аппаратуры, добавил: — Если вы, конечно, не очень заняты.

Механик выглядел изрядно похудевшим, но свежим, спортивно подтянутым, как никогда. Очевидно, работа в профиле основной специальности пошла ему на поль-

зу — он словно бы помолодел. От него исходил холодноватый, тонкий запах хорошего одеколона. Это было так необычно, что я невольно принюхался. Одеколон «Антарктида»? Похоже. Бак редко пользовался парфюмерией и, если это случалось, предпочитал ароматы тяжелые, приторные...

— Нет, не очень,— спохватившись, ответил я.— Как настроение? Как идут дела?

— Пока все в норме,— ответил Бак. Заботливо осведомился: — А как у вас там... в госпитале?

— Спасибо, тоже неплохо.

— Если нужно чем-либо помочь, я готов, можете на меня рассчитывать.

— И ты, Брут! — в шутливом ужасе воскликнул я. Добровольные помощники соколами кружили над медицинским сектором, предлагая любые услуги, и мне надо было тратить много энергии, чтобы госпиталь не превратился в привокзальную площадь, а госпитализированные десантники — в главную достопримечательность корабельного быта.— Вероятно, у вас появилось больше свободного времени?

— Да как сказать... По сравнению с тем, что было в системе Урана...

— Да, понимаю, никакого сравнения... Нет, Феликс, помощь не требуется. Но все равно спасибо. Если потребуется, буду иметь вас в виду... Кстати, как там наши экраны? Много во время десантных работ перебили?

— Много.— Бак улыбнулся.— Десятка два наберется. Сумасшедшая была обстановка... До сих пор еще кое-где вместо экранов дыры зияют. В техотсеках, трюмах, ангарах, на катерах. Руки пока не доходят. Ведь прежде всего я обязан свое вакуум-оборудование в порядок привести. Ну и с экранами тоже приходится... Вот только что экран дисплея наверху сменил.

— На верхнем ярусе? — насторожился я.

— Да. Но это... не то.— Бак опять улыбнулся.— Это в салоне совещаний, где комиссия работает. Не знаю, что там между учеными было, но дисплей пришлось ремонтировать. Думаю, крепко они там о чем-то поспорили... Их теперь не узнать. Раньше вели себя тихо, солидно, спортзал посещали... А вот получили гору всяких материалов по лунам Урана — и будто их кто подменил. Внутренний

распорядок ни во что не ставят, спят и едят как попало и когда попало, бороды отпустили. Некоторые из салона сутками не выходят. Сегодня забрел к ним экран менять, а в салоне шум стоит — боязно в дверь войти. Вошел — на меня никто внимания не обращает. Кричат, смеются, друг друга с чем-то поздравляют, по спинам хлопают. И меня хлопали, пока я ремонтом занимался. Как дети, честное слово. А вчера один... длинный такой математик, ну фамилия у него еще двойная — Чулымов-Енисейский... в кафе за ужином ковш киселя на себя и меня опрокинул. Случайно, конечно,— торопился уж больно. «Куда торопитесь?» — спрашиваю. Извиняется он. «Ждут меня наверху,— отвечает.— Без меня,— говорит,— работа у них там не клеится». Вижу, очень ему неудобно за свою неловкость. Ну я, конечно, все это в шутку обернул. «Работа,— говорю,— не волк, в лес не убежит, отдыхать вам надо». Он растерянно так посмотрел на меня, отвечает: «Верно, в лес не убежит, поэтому ее, окаянную, делать надо...» А сам небритый, бледный какой-то, глаза красные, а под глазами круги... В общем, пора, я думаю, вам в это дело вмешаться. Дай им волю — загонят они себя этаким-то аллюром!..

— Непременно вмешаюсь. К сожалению, Феликс, все это так... Давайте-ка сменим тему,— предложил я.— Как там наш «диверсант»? Неужели притих?

— Не знаю,— вяло ответил механик.— Может, притих. Разбитых экранов много, и мне пока трудно ориентироваться. Экраном меньше, экраном больше — в теперешней обстановке не очень-то уследишь...

Мне подумалось, что капитан, по-видимому, прав. Этот бритоголовый увалень, будучи превосходным специалистом по вакуум-оборудованию корабля, как инженер-хозяйственник, напротив, оставлял желать лучшего. По крайней мере, в делах хозяйственного учета.

— Ладно,— сказал я,— допустим... По поводу чужака никаких новостей?

Бак неуверенно пожал плечами:

— Если говорить конкретно — нет. Однако мне кажется, чужак потревожил не только десантников.

— Да? А почему это вам кажется?

— Понимаете ли... Недавно мне выпало быть свидетелем одного занятного происшествия.— Бак оживился.—

Происшествие, в общем-то, ерундовое, но с криминальным намеком... Принял я душ перед сном, где-то за полчаса до полуночи. Время позднее, тихо вокруг, в душевой я один. Переоделся в гардеробной, к выходу подошел и уж было дверь отодвинул, да вспомнил, что белье в утилизатор не сбросил. В коридор по инерции все-таки выглянул. Вижу, там, в самом конце коридора, человек из атриума вынырнул и быстренько так оттуда в моем направлении засеменил. «Куда это,— думаю,— он торопится?» Только подумал, а тут еще двое из атриума вынырнули. Человек оглянулся на них и шагу прибавил. Кухонный отсек миновал, отсек холодильников тоже... Те двое его окликают: «Эй, парень, погоди!»

А тот от них чуть ли не бегом. Двое не отстают. Озадачило это меня. Я осторожно выставил глаз из дверного проема, наблюдаю. Судя по костюмам, все трое — парни из корабельной команды. Но кто такие конкретно, издали определить не могу. К тому же первый, торопыга этот, лицо рукой прикрывает. Вот так...— Бак показал как: прикрыл растопыренной пятерней нижнюю половину лица.— Потом вижу: рука у него нормальной окраски, белая, а лицо и волосы голубовато-серые. Прямо оторопь меня взяла... Тех двоих я узнал наконец — ребята из группы энергетиков. А «серого» узнать не могу, хоть тресни!.. Энергетики «серого» нагоняют — недалеко уж от меня это было — и бесцеремонно так, грубо за руки его хватают. Тот разозлился, шипит на них: «Какого черта вам от меня надо?! Вы что,— говорит,— балбесы, не видите, как меня краской заляпало?! Не дадут человеку спокойно пройти в душевую!» Ну энергетики узнали его, стушевались. «Прости,— говорят,— друг Жора, не за того тебя приняли». Укоряют его: «Чего же ты, сякой-эдакий, не отзываешься, когда тебя окликают!..» Жора глазами похлопал, да как рассмеется. «Ой,— говорит,— не могу! А ведь вы, парни, меня именно за «того» и приняли, не отпирайтесь! Ловлю, значит, затеяли? Ой, не могу!..» Энергетикам, конечно, обидно. «Заткнись,— отвечают ему.— В таком виде будешь ночью по коридорам шататься — нарвешься, это уж точно. Кто верит, кто нет, но, если слух пошел, ребята начеку, сам знаешь. Фонарь ненароком подвесят — иди потом доказывай, что ты не верблюд!..» Смеяться Жора сразу перестал: «Да,— говорит,— что верно, то верно.

Вы,— говорит,— ребята, почаще в зоопарк забегайте на верблюдов смотреть — может, будет нам, двигателистам, безопаснее по коридорам ходить».

— Георгий Шульгин? — тотчас полюбопытствовал я.— Из группы двигателистов? Наш корабельный художник?

— Он самый,— подтвердил механик.— Ну так вот, заходит Жора в душевую, раздевается, одежду бросает в утилизатор. Посмотрел я на его заляпанное краской обличье и говорю: «Нервный тебе, видать, сегодня натурщик попался...» Он зырк на меня, но молчит. Я опять ему шпильку: «Художником быть нынче небезопасно, а?..» И тут с ним припадок веселого настроения приключился. Ростом невелик, а хохотать умеет будь здоров! Стоит передо мной голый, с испачканной физиономией и заливается во все горло, слезы вытирает. «Да,— говорит,— чувствовал я, что в искусстве ты разбираешься, но чтобы до такой степени превосходно!..» Головой в изнеможении покачивает. Разговорились. Оказалось, натурщики здесь ни при чем. Жора большое полотно для картины готовил, допоздна в изостудии задержался — фон какой-то накладывал. Распылитель красок чего-то испортился, и фон ему, Жоре, вместо картины прямо на физиономию лег... Он, бедняга, выглянул в дверь — вроде бы нет никого в коридоре. Лицо кое-как руками прикрыл — стеснительно все же перед людьми, если встретишь,— и бегом в душевую... Остальное я видел. Ну, конечно, спрашиваю его: «А что это на тебя энергетики навалились?» — «Да та́к,— говорит,— делать им нечего. Одну гипотезу им любопытно проверить...» — «Какую,— спрашиваю гипотезу?» — «Это их,— отвечает,— дело какую...» Ну я ему прямо: «А тебе это разве не любопытно, не трогает?» Он смеется: «Отчего же не трогает? Ты что, ослеп, радость моя бритоголовая, не видел, что ли, как они мне пытались руки за спину завернуть?» Подмигнул мне заляпанным глазом и пошел мыться... Такие вот дела,— подытожил Бак.— Выходит, все знают, но помалкивают.

«Н-да,— подумал я.— Десантники знают, администрация знает, энергетики, двигателисты... Знает практически весь экипаж — от художника до начальника рейда и капитана. Одни шепчутся за углами, другие — таких большинство — недоумевают молча. И ожидают, наверное: не

скажет ли чего-нибудь дельного по этому поводу администрация... А что ей сказать? Для этого надо как минимум разобраться в существе вопроса. Попробуй тут разберись, если источники информации ненадежны, а сама информация настолько же необычна, насколько бездоказательна. А откуда черпать доказательства, если весь экипаж делает вид, будто ничего особенного не происходит?.. Да, круг логически замкнут. В конечном счете администрация права. Ведь в общем и целом полет протекает нормально. Так, глядишь, молча все до финиша и долетим, а там видно будет...»

— Видно будет,— повторил я вслух.— Ладно, Феликс, я вот что хотел спросить. Этот Жора... Вы не могли бы представить себе его в роли известного нам «диверсанта», с которым вам довелось выяснять отношения в кухонном отсеке?

Механик быстро взглянул на меня. Однако с ответом не торопился. Полез в карман, вынул свой чудовищно яркий носовой платок, промокнул бритое темя. В кабинете распространился явственный аромат «Антарктиды».

— Жора?..— Бак отрицательно покачал головой.— Нет, это был не он. Куда ему! Ростом не вышел. Да и все остальное... В роли того «диверсанта» я мог бы представить теперь...— Механик странно потемнел лицом, добавил: — Ну, в общем, другого.

— Командира десантников Нортона,— подсказал я.

Лицо механика медленно изменилось.

— Да,— пробормотал он, уколов меня взглядом.— Теперь я мог бы поручиться головой, что это был Нортон.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Видите ли...— Механик задумался.— Тогда в кухонном отсеке было очень темно, однако... Ну как бы это сказать?..

— Вы хотите сказать, что ваша моторная память запечатлела в себе целый ансамбль ощущений, которыми сопровождалась борьба с неизвестным?

— Да.

— С той поры вы пытались как бы «примерить» весь этот «ансамбль» к окружавшим вас людям. Не ко всем, разумеется, а именно к тем, чья кандидатура казалась вам наиболее подходящей.

— Верно...

— После «примерки» круг вероятных кандидатур на роль «данного вам в ощущениях» рослого, быстрого, сильного, гибкого и хладнокровного диверсанта значительно сузился. В конце концов остались считанные единицы — меньше, чем пальцев на одной руке. Сколько? Готов спорить, двое.

— Двое...— как эхо, подтвердил механик. Вид у него был ошарашенный.

— Однако Нортона среди этих двоих не было,— продолжал я (меня буквально несло на крыльях прозрения).— Мысль о Нортоне у вас возникла недавно.

Мне показалось, в глазах у механика мелькнула тень суеверного страха.

— Не было...— бормотал он словно в гипнотическом трансе.— Недавно...

— Да, заподозрить командира десантников — такое не сразу и в голову может прийти... Нужен был достаточно весомый повод. И повод случился. Я имею в виду слух об отставке Нортона. Размышляя о странном решении командира десантников, вы — уже скорее по инерции — попытались «примерить» памятный вам «ансамбль» ощущений к этому человеку. И вдруг обнаружили, что Нортон, пожалуй, точнее всех остальных «вписывается» в контуры происшествия в кухонном отсеке...

— Верно, черт побери!..

— Подозрение вас потрясло. Первой вашей мыслью было: явиться ко мне за советом. Вы не сделали этого — вас одолевали вполне понятные сомнения. Но сегодня вам повезло: вы уловили еще одну особенность Нортона, которой был отмечен и ускользнувший от вас диверсант. Не так ли?

На лице Бака отразилась панически напряженная мозговая работа. Я предложил механику высказаться, но он не слушал меня. Он хотел разгадать секрет моего «ясновидения» и спросил для проверки:

— Скажите, какую особенность Нортона я уловил?

— Запах,— ответил я.— Запах одеколона «Антарктида».

— Но ведь я никому...— пролепетал он. Краска бросилась ему в лицо.— Ни единым намеком!..

— Успокойтесь,— сказал я с досадой.— Никто, разумеется, ничего мне об этом не говорил. И я, понятно, не

факир-ясновидец. Все значительно проще: исходную информацию вы дали мне сами.

— Насчет моторной памяти и ощущений борьбы — это я понимаю,— упорствовал Бак.— Те двое... Да... Вы, должно быть, заметили, как я обхаживал их, и догадались. Ведь, кроме всего прочего, вы еще и психолог.

— Вот именно.

— По поводу Нортона... Да, здесь тоже логично. А вот насчет запаха!.. Я ведь только сегодня и уловил!

— Утром,— добавил я.— Около трех часов назад. Когда столкнулись с Нортоном у входа в кафе.

— И это вы знаете!..

— Почему бы и нет, если я сидел в кафе недалеко от двери и все прекрасно видел. По выражению вашего лица я догадался, что встреча с Нортоном чем-то вас поразила. На мой приветственный кивок вы не ответили, слепо и бестолково прошлись между столами и ушли не позавтракав. Тогда я, конечно, не знал, что вы торопились в отсек гигиены. Вы торопились вспомнить по свежим следам запахи кое-каких парфюмерных изделий. Результаты ваших экспериментов с душистыми аэрозолями я ощутил. И понял, хотя и не сразу, чем это пахнет... Надо ли говорить, насколько хорошо мне известны парфюмерные вкусы ваши и Нортона?

— Теперь не надо,— сдался наконец Бак.

— Не обижайтесь. На психолога не стоит обижаться за то, что он психолог. Открытие сделали вы, я о нем догадался, и только.

— Это открытие ничего не дает,— заметил механик.

Я посмотрел на него.

— Ведь дело-то теперь не наше,— пояснил он, опустив глаза.— Я понял так, что по медицинской части у вас претензий к Нортону нет. Психика у него в порядке, и свои поступки он сознает. В общем... вы как хотите, но что до меня, то скажу откровенно: связываться с Нортоном я больше не желаю. Неприлично как-то, знаете ли, затевать драки с членом командного совета корабля.— Пусть ломает экраны, если ему это нравится.— Бак махнул рукой и поднялся.— В конце концов, лишний десяток экранов можно сменить, а мне мои зубы дороже.

Уходя, Бак осторожно полюбопытствовал, намерен ли я как-то использовать новые обстоятельства, и, когда я

ответил, что нет, не намерен, вздохнул с облегчением. Ужасно ему не хотелось расстраивать нашего капитана...

Итак, раскрыв инкогнито «диверсанта», мы словно связали себя по рукам и ногам. Своеобразие личных качеств «экранного злоумышленника», уровень его служебного положения на корабле лишали нас, дилетантов, практически всяких надежд добраться до истины — тут хоть лопни от любопытства, как выразился бы старина Бак. Зачем понадобилось Нортону ломать экраны? Имеет ли Нортон отношение к загадочной истории о чужаке? Если да, то какое? Ни на один из этих вопросов я до сих пор не знаю ответа. Я, разумеется, совершенно отчетливо понимаю, что тайное битье экранов не есть экстравагантный каприз или, если хотите, некий ритуал абсурда, однако более правдоподобной версии просто-напросто не имею. Вот, пожалуй, и все, что я могу сообщить...

Раут-холл погрузился в глубокую тишину.

— Конец текста звукозаписи,— произнес Купер, и слушатели, стряхивая с себя оцепенение, зашевелились в креслах.

— Что скажете? — спросил Роган, ни к кому персонально, впрочем, не обращаясь.

Френк отметил в голосе консультанта плохо скрытые нотки сарказма и торжества, подумал: «Профессор, кажется, того... тщеславен».

— Необыкновенно любопытный текст,— сказал Никольский.— Я хотел бы иметь его фонокопию.

— Считайте, что фонокопия у вас в руках,— ответил Гэлбрайт.— Ну что ж, профессор,— сказал он Рогану,— должен вас поздравить. Кое в чем медицина утерла нос нашим парням из отделов Наблюдения Внеземельного сектора. А этот Альберт...

— Альбертас Грижас,— поправил Роган.

— Да, Альбертас Грижас... Отчего мне кажется знакомым это имя?.. Он что, по-прежнему в составе экипажа «Лунной радуги»?

— Нет, шеф,— ответил Купер.— Я связался с информаторием УОКСа. Альбертас Грижас временно исполняет обязанности медиколога на супертанкере «Байкал».

— Причины?

— Самые приятные для Грижаса, Гэлбрайт,— вмешался Роган.— Равно как и для его друзей. Участвовать

в последнем рейде «Лунной радуги» к Плутону Грижас не мог, поскольку... во-первых, защита докторской диссертации в Москве. Весьма успешная, кстати. Во-вторых, необходимость его присутствия в Вильнюсе в ответственный момент существенного пополнения семейства Грижасов. Инга Грижас готовилась стать матерью очередной четверки близнецов.

— Так вот откуда мне знакомо это имя! — оживился Гэлбрайт.— «Вильнюсский феномен», «Дважды по четыре — сенсация!».

— В самом деле,— смущенно произнес Никольский.— «Прибалтийские витязи-близнецы», «Демографический микровзрыв в Европе». Я как-то упустил из виду...

— Естественно,— заметил Роган.— Факты рождения близнецов не входят в сферу забот Управления космической безопасности.

— Пока,— подал реплику Фрэнк.

— Что «пока»? — нервно переспросил шеф.

— Пока не входят,— пояснил Фрэнк.

— Не понял. Должно быть, очень тонкая шутка.

— Еще неизвестно, чем может обернуться эта «шутка» для наших потомков.

Гэлбрайт удивленно поднял брови.

«Что это со мной сегодня происходит?..» — уже с тревогой подумал Фрэнк, ощущая нависшую в холле атмосферу всеобщей неловкости.

— Молодой человек в некотором смысле прав,— прервал молчание Роган.— По данным статистики, в семьях работников Внеземелья, или — я не люблю этого слова — косменов, близнецы рождаются в двадцать раз чаще, чем в семьях оседлых землян. Особенно это касается «наследственных» работников Внеземелья, то есть косменов второго и третьего поколений. Объяснить упомянутый результат простым совпадением невозможно. Теперь даже скептики понимают, что мы имеем дело с генетической аномалией внеземельного, так сказать, происхождения. Как аномалия проявит себя в дальнейшем, нам неясно. Будет ли это во вред человечеству... Вопрос изучается.

— Честно говоря,— сказал Никольский,— я не в состоянии вообразить, какую проблему для человечества могут таить в себе факты пусть даже резко возросшей рождаемости близнецов.

— Весьма серьезную проблему антропогенетического свойства,— опередил Рогана Фрэнк.— Если будет доказано, что количество близнецов на Земле возрастает по экспоненте, наши потомки могут оказаться перед угрозой антропогенетического тупи...— Какие-то булькающие звуки заставили Фрэнка умолкнуть на полуслове. Он посмотрел на Рогана. Роган смеялся.

— Простите старика,— сказал наконец консультант.— Невежливо, я понимаю, но... согласитесь, трудно удержаться, когда такого рода специфический вопрос рождает озабоченность в умах абсолютных в этой области неспециалистов. Сами антропогенетики только-только начинают разводить руками, а кое-кому уж не терпится ударить в набатные колокола!..

— Время такое, профессор,— напомнил Фрэнк.

— Какое?

— Ну такое... быстротекущее. Пока специалисты разводят руками, специфические вопросы времени заставляют Управление космической безопасности самым недвусмысленным образом действовать кулаками. Правда, не слишком много от этого проку, но ведь надо же что-то делать.

Роган уставился на Фрэнка немигающим взглядом. Задумчиво произнес:

— То ли я постарел и ничего не понимаю в умонастроениях современной молодежи, то ли... Может, действительно время?.. Впрочем...— Старик помедлил.

«Ну-ну,— мысленно подбодрил его Фрэнк,— любопытно узнать, что думали динозавры, встречая первых млекопитающих».

— ...Впрочем, я думаю,— проговорил профессор в нос,— сие происходит по причине резкой гипертрофии самосознания нового поколения. Загадочный всплеск...

— Почему «загадочный»? — возразил Никольский.— У нас на Востоке это считают в порядке вещей. И называют, кстати, не «гипертрофией самосознания», а «развитым чувством общественной значимости».

— Развитым!..— многозначительно повторил Роган.— И в этом все дело. Развитие без экстенсивных всплесков. Ваша социальная среда постепенно накапливала общественно-психологический потенциал необходимой для нашего времени ориентации. Постепенно, заметь-

те! Поэтому вам, неспециалисту в области социологии, трудно понять кое-какие «детские болезни» западного социума. Герой нашего разговора...— старик посмотрел на притихшего Фрэнка, как смотрят на неодушевленный предмет,— ...болеет какой-то очень мучительной, но, полагаю, не очень опасной «детской болезнью». А может быть, и несколькими сразу. На досуге хочу поразмыслить и попытаться поставить точный диагноз. Сдается мне, одна из причин подобного рода «недомоганий» — не совсем обоснованный выбор профессии...

— Я вижу, вы решили убедить моего шефа в моей профессиональной непригодности,— заметил Фрэнк.

— Нет, здесь имеется в виду другое: запросы вашего гипертрофированного самосознания опережают наш век. Я хочу сказать, что профессия, которая полнее соответствовала бы вашим потенциям, просто еще не успела возникнуть. Вот если бы наряду с Управлением космической безопасности был создан Институт космических тревог и опасений, я не задумываясь рекомендовал бы вас на должность руководителя кафедры Отчаяния.

— А кстати,— сказал Никольский,— у этой «еще не существующей» профессии уже потихоньку режутся зубы, хотим мы этого или нет. Полинг безусловно прав в одном: дела по вопросам стратегии у нас обстоят неважно. И, по-видимому, очень скоро оргподразделение стратегического уклона у нас будет создано. Что-нибудь вроде отдела Методологии, скажем, или отдела Гипотетических Опасений...

— Лучше сразу — отдел Погребального Шествия,— со вкусом ввернул консультант.— А в штате — десяток молоденьких плакальщиц по проблемам грядущего.

— Согласен! — прорычал Гэлбрайт, хлопнув по кромке стола обеими ладонями сразу.— Согласен с доводами всех спорящих сторон! Обещаю вырвать у нашего руководства штатную должность Оракула и торжественно обязуюсь выдать Полингу самую лестную характеристику! Благодарю всех участников поучительнейшей дискуссии, но умоляю — умоляю! — оставить в покое проблемы грядущего и вернуться к насущным делам настоящего. Ближе к теме. Напоминаю: тема нашей работы в силу некоторых обстоятельств имеет большее отношение к системе Урана, чем к системе ориентации кадров.

— Самый загадочный элемент сообщения Грижаса — история о чужаке.— Шеф обвел глазами собрание.— Кто-нибудь желает высказаться?.. Ваше мнение, профессор?

Старик медленно поднял бледные веки:

— А ваше?

— Так, понятно...— Гэлбрайт перевел взгляд на Никольского.

— Я думаю, следует попытаться установить контакт с Рэндом Палмером,— сказал Никольский.— Если это возможно.

— Попробуем, и безотлагательно. Палмер — штатный сотрудник Западного филиала УОКСа. Наш оператор наверняка успел оценить обстановку... Что скажете, Купер?

— Я затребовал у связистов нашу спецлинию видеосвязи с УОКСом. Предупредил Палмера, что нам, вероятно, будет нужна его консультация. Он ждет.

Гэлбрайт кивнул.

Участок голубого пространства рядом с изображением Купера посветлел, бесшумно лопнул от пола до потолка. Появилась огромная голова — так, наверное, видится обитателям комнатного аквариума голова хозяина, когда он смотрит на них сквозь стекло. Фрэнк добросовестно разглядывал Палмера, но ничего особенного в нем не находил. Возраст — лет пятьдесят. Голова круглая, волосы пепельно-седоватые и, как это в обычае у десантников, коротко стриженные. Бронзовое от загара, твердое и в то же время самое что ни на есть обыкновенное лицо — из тех, которые трудно запоминаются с первого взгляда. На тренировках зрительной памяти частой сменой образцов подобных лиц тренеры-психологи доводили Фрэнка до изнурения.

— Хелло, Рэнд! — сказал Купер голове Палмера-великана в огромное ухо.— Извини, заставил тебя подождать. Ты нас видишь?

Выражение терпеливого ожидания на исполинском лице сменилось вниманием, глаза и губы шевельнулись:

— Вижу, но почему-то не в цвете. Только ты у меня на экране цветной...

— Все в порядке, так и должно быть. Рэнд, мой шеф

полагает, ты сумеешь помочь распутать одно занятное дельце. Мне придется записывать вашу беседу, не возражаешь?

— Давай без церемоний. У меня, между прочим, рабочий день, а работы по горло.

— Мы тоже не на прогулке,— рассеянно обронил оператор.— Шеф, у меня все готово.— Он сделал какое-то необходимое ему движение рукой в сторону. Это выглядело забавно: рука вошла в ухо гиганта.

— Купер,— сказал Гэлбрайт,— отодвиньте изображение Палмера дальше от своего, вы мне мешаете.— Голова гиганта невесомо откачнулась вправо и сократилась в размерах наполовину.— Вот так, хорошо. Добрый день, Палмер.

— Добрый день, Гэлбрайт.

— Вы знаете меня в лицо?

— Да. Видел вас однажды в УОКСе.

— Однажды... Когда?

— В тот сумасшедший день, когда потерпел катастрофу «Спейс фэнтом». Или днем позже?.. Ну, в общем, видел на совещании по поводу гибели этого трампа.

— Год назад... У вас хорошая зрительная память.

— Пока не жалуюсь.

— Что ж, пригодится.— Гэлбрайт кивнул.— Ваш возраст?

— Сорок семь лет.

— Должность?

— Инспектор по кадрам десантных подразделений УОКСа.

— Превосходно... Как у вас там погода?

Палмер удивленно поморгал:

— Погода отличная. Но вас, должно быть, интересует не это...

— Да. Кроме погоды, нас интересует Четвертая экспедиция к Урану. Точнее, одно странное происшествие на борту «Лунной радуги».

— А... понятно...— В глазах Палмера отразилось тоскливое размышление.— Что вы имеете в виду?

— Странных происшествий было несколько?

— Я бы этого не сказал.

— Вот и прекрасно. Будем считать, вы догадались, о чем идет речь.

— Понимаю. Вам нужно, чтобы я первый произнес это слово — «чужак». Ладно, я произнес.

— Спасибо, Палмер. Это очень важно для следствия.

— Следствие по делу о чужаке?

— Нет, мы идем по другому следу, но чужак оказался у нас на пути. И знаете, он почему-то нам не понравился, мы решили проконсультироваться с вами. Когда это было? Вы помните точную дату и время?

Палмер назвал дату и время.

— Расскажите подробности встречи.

— Прошло восемь лет,— пробормотал Палмер.— И сейчас я...

— Вы забыли подробности?

— Нет, но...

— Вам приходилось с кем-нибудь делиться этой историей?

— Да, я рассказывал про чужака своему другу.

— Друзей у вас, вероятно, немало. Кому именно?

— Я не хотел бы называть имен.

— Вы полагаете, Палмер, вопросы я задаю из праздного любопытства?

— Вот поэтому и не хотел бы... Простите, но я не желаю, чтобы моих друзей беспокоили.

— А уж это насколько вы будете откровенны. Если нет... результат, увы, окажется прямо противоположный тому, которого вы добиваетесь. Мы будем просто вынуждены говорить с Бугримовым.

На лице Палмера проступило смятение:

— Вы... Но откуда вы знаете?

— Служба такая. Бугримов поверил вашему рассказу о чужаке?

— Конечно. Я никогда его не обманывал и не разыгрывал. И вообще... это не в моем характере.

— Кому еще рассказывали вы о чужаке?

— Командиру десантного отряда «Лунной радуги» Нортону.

— Нортон поверил?

Лицо Палмера окаменело.

— Вы молчите?

У Палмера на лбу выступила испарина.

— Что это с вами?..

Десантник молчал. Бывший десантник. Фрэнк сочув-

ственно смотрел в его светло-карие, сильно увеличенные на экране глаза,— можно было представить себе, каково ему там. Увеличенные изображения лиц как-то нехорошо, неприятно обнажали людей... Но это был один из методов следовательской практики, ничего не поделаешь.

— Я не совсем понимаю ваше состояние,— мягко сказал шеф,— но вы должны взять себя в руки и...

Палмер его не слушал.

— Спросите Нортона сами,— отрезал он.

— Нортона, значит, можно побеспокоить. Вам Нортон не друг.

— Здесь суть не в этом. Просто я не желаю совать свой нос в личные дела Нортона.

— А разве вопрос, поверил Нортон вам или нет, никак не касается вашего носа?

— Сначала я был убежден, что Нортон мне не поверил.

— Ну а потом?

— А потом... Видите ли, это уже не имело значения.

— Пока я ничего не вижу. Ну хорошо... Расскажите нам то, о чем вы рассказывали Бугримову и командиру.

Палмер стал неохотно рассказывать. Фрэнк слушал рассеянно — не любил повторений. Все совпадало с тем, что рассказывал медиколог. Шеф и Никольский, напротив, слушали с напряженным вниманием; Роган, казалось, подремывал, но Фрэнк мало уже доверял безучастным позам язвительного консультанта.

— Любопытно! — проговорил шеф, будто впервые услышал эту историю.— Весьма любопытно!.. Итак, на борту «Лунной радуги» ночью вы встретили незнакомца, который не мог быть членом экипажа рейдера. Кому-нибудь другому я бы не поверил... А что об этом думаете вы сами?

— Я... до сих пор... В общем, не знаю, что думать. Столько всего передумал!.. Надоело мне, Гэлбрайт! Сыт я чужаком по горло! Обращайтесь с вопросами к Нортону.

— С какой же стати именно к Нортону? Он что... знает о чужаке больше, чем знаете вы?

— Вот вы его об этом и спросите. А мне, в конце концов, все равно, что он там знает, а чего не знает.

— Спросим. Но сейчас я беседую с вами. Ведь не заинтересованы же вы в том, чтобы нашу организацию водили за нос?

— Нет, не заинтересован.

— Я так и полагал. Поскольку наши интересы совпадают, скажите, Палмер... Встретившись с незнакомцем, вы не заметили в его облике какую-нибудь странную особенность?

— Незнакомец сам по себе уже довольно странная особенность.

— Безусловно. Но я имел в виду другое. Вам не приходило в голову, что это могла быть искусно сделанная маска? Грим?

— И об этом я думал. Правда, ничего такого я не заметил, но кто знает... Должно же существовать хоть какое-то объяснение.

— Встреча с чужаком была единственной?

— На борту рейдера — да. Позднее мне приходилось... То есть я, конечно, не мог его встретить, потому что... его уже не было, этого человека. Просто меня удивило странное сходство, и я подумал... Нет, глупо было так думать. Потому что... его уже не было гораздо раньше.

У Фрэнка по спине побежали мурашки. Он почти с испугом следил, как бывший десантник мучительно, тяжело пытается выбраться из хаоса каких-то своих представлений. Лицо Палмера было мокрым от пота.

— Вы,— проговорил шеф, глядя в потолок,— вы не могли его встретить, потому что... Ну да, по той причине, что его уже не было.. Кого не было, Палмер?

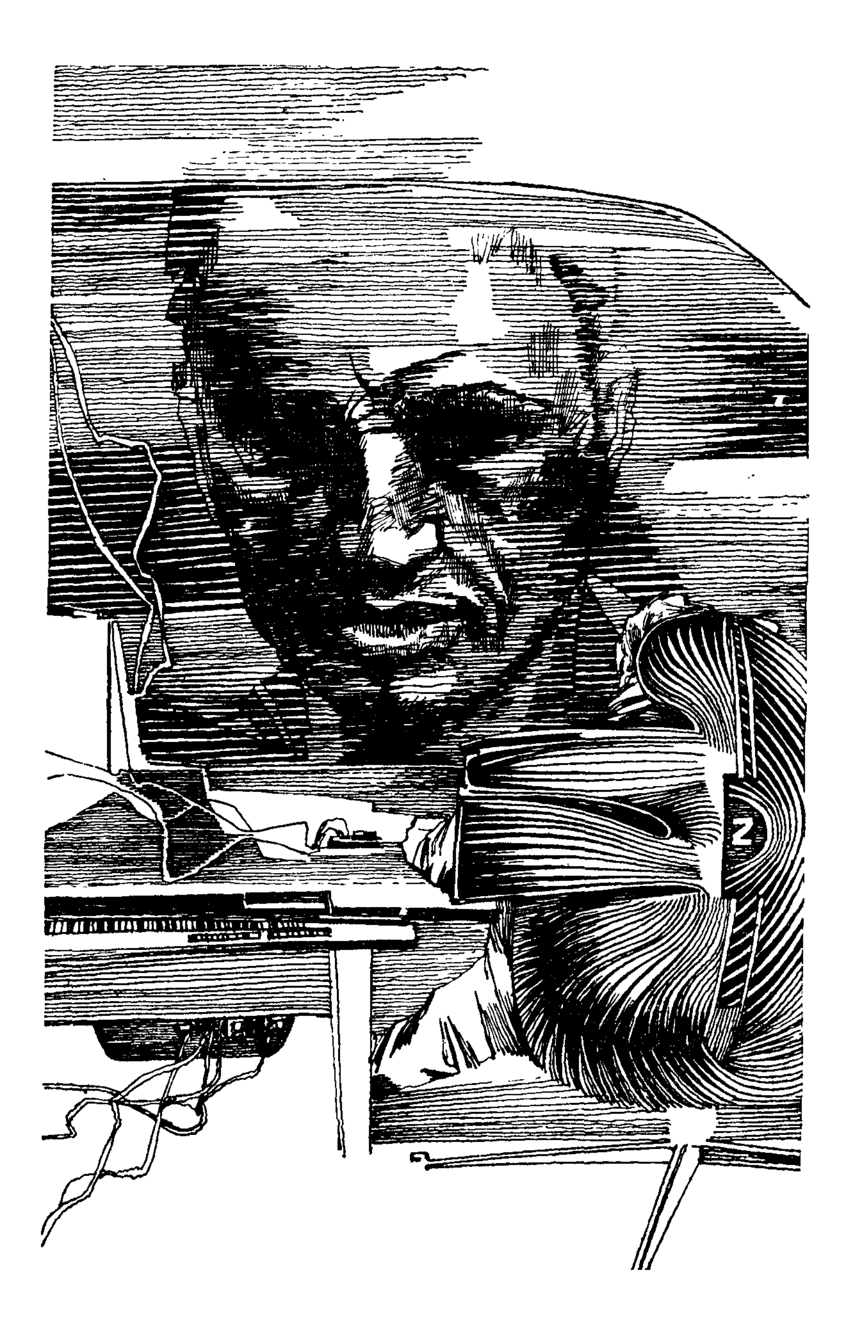
— Этого... Ну который казался мне чужаком. То есть сам по себе для меня он, конечно, чужак. Я совершенно не знал его, никогда не видел... ну... прежде. Только потом... Да и какое это имеет значение? Ведь говорю же я, что все это так... Ну, в общем, не знаю! И откуда вы взялись на мою голову! Может, никакого чужака, в сущности, и не было, а я сижу тут перед вами и путаюсь как дурак!

— Успокойтесь, Палмер. Хотите, я скажу, отчего это у вас происходит?

Палмер молчал.

— Оттого, что вы чего-то не договариваете.

Палмер молча обливался потом. «Ну почему он не



вытрет лицо?!» — гвоздем засело в голове у Фрэнка. Сочувствие, которое он испытывал к бывшему десантнику, понемногу улетучивалось.

— Ладно,— сказал шеф.— Вопрос ребром: чужак, в сущности, был? Или чужака, в сущности, не было?

— Смотря что понимать...

— Палмер! Да или нет?

— Ну... как бы это вам объяснить? — пробормотал Палмер. Лицо у него было совершенно измученное.— Почему вы мне не верите? Я действительно не... Ну сначала мне так показалось. А позже...

— Стоп! — сказал Гэлбрайт.— Вот с этого и начнем. Сначала. Опишите нам внешность чужака. Если трудно словами... Вы знаете, что такое фоторобот? Купер, дайте Палмеру на экран рабочее поле фоторобота.

— Я знаю, что такое фоторобот, и эта штука, пожалуй, мне ни к чему... Погодите, я все объясню! Уже работая в управленческом аппарате УОКСа, я однажды по какой-то надобности просматривал архив и... Мне попались материалы Третьей экспедиции к Урану. В том числе фотография десантников группы Элдера. Кроме самого Элдера, я никого из погибших ребят этой группы не знал и никогда не видел. То есть видел мельком в программе телевизионной информации... Но, во-первых, когда сообщали о катастрофе на Обероне, мы с Бугримовым проводили отпуск в лыжном походе в горах сибирского плато Путорана. И если учесть, что экран размерами с ладонь окружали в тесной палатке семь человек, можете представить себе, как хорошо мне все это было видно. К тому же весть о гибели Элдера так меня потрясла, что остальным десантникам, фамилии которых мне ни о чем не говорили, я уделил меньше внимания. Ведь с Элдером мы начинали еще на Венере. Бугримов тоже очень расстроился. Как выяснилось, кроме Элдера, он знал Бакулина, Асеева и Накаяму. Отпуск был испорчен... Во-вторых, мне не довелось просмотреть в полном объеме специальный фильм-отчет о Третьей экспедиции. Это уже когда мы с Бугримовым находились в резерве на лунной базе «Гагарин». В тот день решался вопрос о нашем участии в Четвертой экспедиции в составе десантного отряда «Лунной радуги», и нам, откровенно говоря, было не до просмотров. Правда, потом, в целях спецподготовки,

наш отряд не раз просматривал этот фильм и слушал попутные комментарии Юхансена и Нортона. Но, поскольку не было смысла вновь демонстрировать фильм целиком, мы с Бугримовым видели только ту его часть, которая имела прямое отношение к событиям на Обероне и действиям десантной группы. Десантники, естественно, работали в скафандрах... Словом, как-то так нехорошо получилось, что тех, которые там... остались на Обероне, я толком не видел даже на фотографиях...

— Рэнд, можно, я выдам маленькую «профессиональную» тайну десантников? — неожиданно вмешался оператор.

— Не надо, Купер,— остановил его Гэлбрайт.— Все знают: перед началом рискованных операций десантники почему-то не любят смотреть на портреты погибших. Иногда это им удается. Но продолжайте, Палмер, прошу вас.

— Да, есть такое у нашего брата...— смущенно согласился Палмер.— И, наткнувшись в архиве УОКСа на материалы Третьей экспедиции, я все это как бы заново прочувствовал и стал перебирать портреты десантников. Четверых я знал хорошо: Кизимова, Нортона, Йонге и, конечно же, Элдера. Узнал и двух других — Симичи и... кажется, Лорэ. Когда-то встречался с ними в резерве. Перебираю дальше и вдруг... вижу перед собой лицо чужака! Я прямо обалдел. Переворачиваю портрет и на обратной стороне читаю: «Геройски погиб при исполнении служебных обязанностей. Оберон, система Урана». И как положено — имя, фамилия, даты. Ну думаю, дела!.. В голове сумбур, сосредоточиться не могу. Одно понятно: очень похож на того... Глядит с насмешливым прищуром, спокойно так. Будто спрашивает: «Ну что, старина, узнаешь?..» Вот. А вы суете мне фоторобот. Леонид Михайлов, десантник Третьей экспедиции.

Фрэнк заметил, как шеф и Никольский быстро переглянулись.

— Вот оно как...— пробормотал Гэлбрайт.— Друг Нортона!

— Этого я не знаю,— чуть слышно ответили губы с экрана.

— Купер, дайте Палмеру на экран портреты погибших десантников.

Пять красочных слайдов мгновенно выстроились в ряд.

— Кто? — спросил Гэлбрайт.

— Второй слева,— медленно сказал Палмер.

— Да,— подтвердил оператор.— Второй слева Леонид Михайлов.

— Уберите слайды, а портрет Михайлова сделайте покрупнее. Так... Спасибо.

Фрэнк с любопытством уставился на «чужака». Внешность Михайлова производила приятное впечатление. На портрете он выглядел серьезным, но было в выражении его лица что-то такое, что давало повод заподозрить у этого человека иронический склад ума. Поджатые губы, взгляд изучающе-пристальный, левый глаз с прищуром... Фрэнк довольно уверенно представил себе человека неторопливого, спокойного в движениях, склонного относиться ко всему окружающему с повышенным вниманием, но не без юмора. Люди подобного типа встречаются редко... Да, старина Дэв, по-видимому, любитель редкостей. Что ж, друзей выбирать он умеет.

Шеф спросил:

— Вы абсолютно уверены, Палмер, что перед вами портрет того незнакомца, который... гм... шокировал вас на борту «Лунной радуги»?

— Зачем вы так...— печально произнес Палмер.— Я ведь говорил: похож. Настолько похож лицом, что это меня изумило. И все. О какой уверенности может идти речь?

— Ладно, ставлю вопрос по-иному. Вы уверены, что встретили на борту «Лунной радуги» незнакомого вам человека во плоти и крови, очень похожего, как вам удалось это выяснить позже, на Леонида Михайлова?

— Да, встретил. Во плоти и крови. Очень похожего на Леонида Михайлова. Лицом.

— Так... А телом?

— Но я ведь никогда не видел Михайлова в... в натуре!

— Вот именно,— сказал Гэлбрайт.— Зачем же вы все время упорно подчеркиваете: «похож лицом»?

Палмер опять замолчал. На него жалко было смотреть. «Нет, я к этому, наверное, никогда не привыкну...» — подумал Фрэнк. Шеф поднялся и обошел вокруг стола,

поглядывая на экранную стену. Палмер потел и молчал. Шеф сел. Деловито сказал:

— Итак, незнакомец лицом похож на Михайлова. А кого он напомнил вам телом? Поясняю: походкой, осанкой, повадками, жестами?..

Губы Палмера шевельнулись совершенно беззвучно, и все на этом закончилось.

— Ну почему я должен тянуть вас за язык? — спокойно спросил Гэлбрайт.— Вы же сами минуту назад говорили, что чужака, в сущности, не было. Это вам удалось «раскусить» еще на борту «Лунной радуги» и довольно быстро. Вы узнали «чужака», Палмер.

Лицо Палмера дернулось как от удара.

— Нет!..— хрипло возразил он. Добавил с отчаянием: — Я лишь заподозрил!

— А есть ли тут разница?

— Есть. Ведь я ничего не могу сказать вам наверняка, не могу объяснить!.. Ну какая вам польза, если я скажу, что заподозрил Нортона?!

Фрэнк не был готов к ошеломительному действию слов Палмера, хотя то, что в них содержалось, нужно было предвидеть. Предвидеть!.. Его захлестнула бессильная злость. На кого? На этого обильно потеющего человека? На себя?.. Какая-то омерзительная безысходность... Поющие деревяшки — ладно. Дико уничтоженные экраны — тоже ладно, куда ни шло. Теперь вдобавок — Нортон с физиономией мертвеца!.. Великое Внеземелье! Нет, просто сумасшедший дом. Огромный сумасшедший дом!.. «С меня довольно,— думал Фрэнк, ощущая озноб.— Надо действовать, надо что-то предпринимать». Он механически повторил про себя: «Действовать... предпринимать...» Мысли путались, и он не сразу осознал, что это — вспышка отчаянной тревоги за сестру. Он готов был все бросить и немедленно отправиться в Копсфорт. Заметив, что Роган смотрит на него, почувствовал себя еще более мерзко. «В конце концов,— подумал он,— мое желание и намерения шефа редкостно здесь совпадают...»

Он уловил наступившую в холле гнетущую тишину и, будто о чем-то ненужном, подумал: «Почему они замолчали?»

— Вы не поняли, Палмер,— сказал наконец шеф.— Я не требую от вас никаких объяснений. Нам нужны

только факты. Нелишними будут, конечно, и ваши соображения... или, лучше сказать, комментарии к фактам. Когда вы заподозрили Нортона?

Палмер вяло ответил:

— На следующий день.

— В какой момент?

— Не знаю... Во всяком случае, после разговора с Нортоном в спортивном зале.

— Разговор дал вам какой-нибудь повод для подозрений?

— Нет... Не знаю. Когда я рассказывал о чужаке, Нортон слушал хмуро, с тоскливым неудовольствием... Вечером я встретил его в коридоре и... Ступает он как-то особенно мягко. Как леопард на охоте. И у меня... смутно так.

— Первые подозрения?

— Да... Нет. Скорее... ну такое предощущение, что ли.

— И вы подумали...

— Нет, я ничего не подумал. Я слишком устал и рано лег спать. Ну и во сне... Я редко вижу сны, но в ту ночь такого насмотрелся!..

— Подозрения оформились во сне?

— Вероятно. Потому что утром я уже был почти уве... Нет, не то. В общем, я впервые подумал, что со мной сыграли скверную шутку.

— Нортон?

— Видимо, он хотел... не со мной, но так у него получилось.

— А вы пытались понять, каким способом ему удалось изменить свою внешность?

— Пытался. Не знаю... При встрече мне все казалось естественным. Кроме самой встречи, конечно. И настолько естественным, что... Ну, словом, я не уверен, что мои подозрения чего-нибудь стоят. Но, с другой стороны...

— Выражение лица тоже казалось естественным?

— Да, вполне.

— Выражение было похоже на то, которое на портрете Михайлова?

— Нет. Другое. Лицо было хмурым и озабоченным... злым. Будто бы человек торопился по какому-то спешному и неприятному делу. Меня он явно не... Почти не глядя оттолкнул меня локтем и промчался мимо.

— За Нортоном вы замечали такое... такую...

— Отталкивать?

— Да.

— Было однажды. Перед высадкой на Титанию. Нортон спешил — бегал, командовал, ну и в спешке задел меня, оттолкнул. Это мне сразу напомнило...

Я остановился, посмотрел ему вслед. Он тоже вдруг остановился. Посмотрел на меня и сказал: «Извини, Рэнд». Сделал шаг, снова остановился, бросил через плечо: «И за тот раз... тоже извини».

— Вот как! Что он этим хотел сказать?

— А кто его знает...

Длинная пауза.

— Это все? — спросил Гэлбрайт.

— Да, это все.

— Хотите что-нибудь добавить?

— Нет.

— Тогда два последних вопроса. Вы не заметили различия в росте Нортона и... этого...

— Я понял. Нет, не заметил. По-моему, ростом они одинаковы.

— Эмблемы на костюмах совпадали?

— Да. На рукаве у того и другого было изображение кугуара.

— Благодарю вас, Палмер. Вы очень нам помогли... По крайней мере, я на это надеюсь. До свидания. Прошу извинить за доставленное вам беспокойство.— Гэлбрайт сделал рукой что-то наподобие прощального жеста. Палмер молча смотрел с экранной стены — казалось, не верил, что все кончилось и он свободен. Лицо его медленно таяло в голубизне.

Гэлбрайт сидел, опустив голову, будто изучая свое отражение в полированной крышке стола.

Даже неподвижность не могла скрыть его озабоченности.

— Вот так,— произнес он, не повернув головы, но было ясно, что адресовано это Никольскому.

Тот ответил не сразу. Проводил взглядом исчезающее изображение Палмера, опустил глаза и стал смотреть на собственные руки.

— Интересно,— наконец произнес он с такой интонацией, словно хотел сказать: «Плохи дела, коллега».

— Забавно,— в тон Никольскому проговорил Гэлбрайт.

— Если хотите знать мое мнение, то... то я почти убежден,— непонятно сказал Никольский.

— Кентавр? — непонятно спросил Гэлбрайт. Не дожидаясь ответа: — Наши мнения совпадают.

— Тем хуже.

— Да. Тот редкий случай, когда разногласия были бы кстати...

— Странная зависимость,— хмуро пробормотал Никольский.— Чем больше фактов...

— ...Тем меньше смысла.— Гэлбрайт пожевал губами.— М-да, это... это как...— он с видимым усилием подыскивал слова,— как удар об стену головой.

— Но других фактов у нас нет.

— А что, если уговорить Палмера...

— Имитировать встречу?

— Да.

Никольский подумал.

— Я, собственно, не против, но... Во-первых, время. Во-вторых...— Он искоса взглянул на Гэлбрайта.— Вы все-таки надеетесь избавиться от... кентавра?

Пауза. Гелбрайт медлил с ответом.

— Нет,— сказал он.— Уже не надеюсь. Решительно сбрасывать со счетов маску и грим я пока не намерен, но лучше приготовиться к худшему.

— Лучше к худшему,— одобрил Никольский.— В нашей практике это уже перестало быть словесным курьезом.— Он откинулся на спинку кресла.

— Любите спорт? — спросил неожиданно Гэлбрайт. Заметив быстрый взгляд собеседника, пояснил: — Мне любопытно узнать, как вам нравятся наши ковбойские состязания.

— Родео? Что ж, занятное зрелище...

— Говорят, вы отличный наездник и мастер лассо? Полинг, я обращаюсь к вам. Говорят, вы дважды были чемпионом?

Фрэнк посмотрел на шефа:

— Был. Когда участвовал в школьных родео.

— Говорят, вы непременный участник ежегодного «Большого родео» в Консфорте?

— У меня просто вылетело из головы, что завтра в

Копсфорте спортивная заварушка... Нет, ковбойский спорт я забросил, как только поступил работать в Управление.

— Напрасно.

— Забросил или поступил?

Гэлбрайт молча повращал глазами.

— Я понимаю, куда вы клоните.— Фрэнк подвигался в кресле.— Готов в Копсфорт хоть сегодня... Но, полагаю, нужен я вам не как призер «Большого родео», а как интервьюер, от пяток до подбородка нашпигованный скрытой микроаппаратурой.

— Нет,— сказал Гэлбрайт.— Никакой записывающей микроаппаратуры. И в этом смысле всякую самодеятельность строжайше запрещаю. Никаких спецбраслетов, пуговиц, медальонов, радиосигнализаторов, микротелемониторов. Понимаете? Ни-ка-ких! Обычная одежда спортсмена-ковбоя. Широкополый стетсон, джинсы, ковбойка и пояс с обыкновенной — обыкновенной, Полинг! — пряжкой. Это все. В Копсфорт вас привлекло в первую очередь «Большое родео». Боюсь заглядывать далеко вперед, это «родео», однако, может вполне оказаться одним из самых ответственных в вашей жизни.

— Что ж, мне не впервые скакать без седла и раскручивать лассо. Но кто вам сказал, что я не почувствую разницы между быком и своим родственником? — Фрэнк сознавал, что говорит совсем не о том, о чем следовало бы сейчас говорить, но ничего не мог с собой поделать. Он находился во власти необъяснимого желания сказать шефу что-нибудь неприятное.— С моей стороны, было бы очень нечестно что-либо заранее вам обещать,— добавил он.

— Я не жду обещаний. От вас мне нужны сознательность и готовность. Иначе просто нет смысла затевать операцию «Копсфорт». Или «Большое родео»...

— Или «Кентавр». Или, может быть, прямо без маскировки: «Веревка для шурина»?

— Хотелось бы сразу внести предельную ясность,— устало сказал Гэлбрайт.— Вы, Полинг, вправе взять на себя копсфортовскую миссию только на добровольных началах, и никак не иначе. Ваш отказ, разумеется, нас огорчит, но мы поймем это правильно.

— Шеф, копсфортовскую миссию я, безусловно, беру

на себя. И не столько из опасений вас огорчить, сколько по личным мотивам. К тому же посылать в Копсфорт для встречи с Нортоном кого-либо другого просто не имело бы смысла.

— Верно. Тогда в чем причина вашего... гм... смятения?

— Причина в том, что я предвижу, как все это будет. Признаться, шеф, я совершенно не в своей тарелке и... не могу заставить себя поверить в успех копсфортовской затеи. Это меня угнетает. Иметь дело с Нортоном вообще не слишком приятно. А тем более в таком его... качестве. В конце концов, я не специалист по кентаврам.

— Да? — угрюмо удивился Гэлбрайт.— А кто из нас специалист по кентаврам? Хаст? Кьюсак? Я? Вы, Никольский? Вы, профессор? Или, может быть, вы, Купер?.. Вот видите, Полинг, все молчат. Мы испытываем острый дефицит в специалистах подобного рода.— Гэлбрайт заворочался в кресле.— Купер, поднимите нас и можете считать себя свободным до шестнадцати ноль-ноль. Но подготовьте к вечернему заседанию все материалы по «оберонскому гурму». Фильмы, документацию, отчеты комиссии... все!

Купер кивнул. На крышке стола отразился хлынувший сверху дневной свет, изображение оператора угасло, и экранные стены поползли вниз. Фрэнк прищурился в ожидании бьющих лучей жаркого солнца. Солнца не было. Всю широту видимой из окна инструкторского холла небесной панорамы заволокла тяжелая туча. Приближалась гроза. Приближалась стремительно, со стороны океана, низко волоча темно-свинцовое брюхо, поблескивающее разрядами. Такие шквальные грозы нередко приносят с собой серьезную для этих мест неприятность — торнадо. Фрэнк машинально поискал глазами пестрые цепочки хорошо заметных на грозовом фоне противоураганных аэробаллонов. Метеозащиты не было. Синоптики, очевидно, считают, что все обойдется...

— Нортон что-нибудь рассказывал о «Лунной радуге»? — спросил Гэлбрайт.— Полинг, я обращаюсь к вам.

— Нет, шеф,— ответил Фрэнк, отрывая взгляд от окна.— Я не могу припомнить, чтобы при мне Нортон вообще произносил название этого рейдера.

— Как часто вы бываете в семье своей сестры?

— Как правило, раз в месяц. Иногда чаще. Дело в том, что нас — меня и сестру — с детства связывает большая родственная дружба. Вероятно, в зрелом возрасте эта дружба играла бы меньшую роль, если бы не женская трагедия Сильвии: она бездетна. Этим объясняется ее необычайная привязанность ко мне. Она до сих пор называет меня «беби».

— Исчерпывающий ответ,— похвалил Гэлбрайт.

— Я постарался заранее прояснить ситуацию. Иначе мой ответ на следующий ваш вопрос может показаться вам нелогичным.

— Проницательность — одно из ценнейших качеств в нашей профессии,— одобрительно прокомментировал Гэлбрайт.— Итак?..

— Итак, несмотря на то, что Нортон муж моей сестры и в конечном итоге мой родственник, я его плохо знаю. Другими словами, шеф, мои довольно частые визиты в Копсфорт — это одно, а мои отношения с Дэвидом Нортоном — нечто совсем другое. Мы с ним очень редко встречаемся и еще реже беседуем. Даже после того, как он вышел в отставку и прочно осел в Копсфорте. Любые формы общения нас тяготят, мы избегаем друг друга.

— Н-ну!.. Чем же это вы друг другу так насолили?

— Ничем. Просто с самого начала он проявил ко мне равнодушие, я платил ему тем же, вот и все...— Фрэнк, заметив, что шеф и Никольский как-то очень внимательно, неотрывно глядят на него, осторожно добавил: — Надеюсь, вы понимаете, что с таким багажом «родственных отношений» мне туго придется в Копсфорте.

— М-да, небогато...— согласился Гэлбрайт.— Но это мы обсудим позже. Теперь предлагаю...

Ослепительно сверкнул в окне пучок огня, и громовой раскат, казалось, поколебал здание. Почти мгновенно вслед за этим в стекло ударил шумный ливень. Плотность ливневого водопада была такова, что сгустившийся в холле сумрак заставил сработать автоматику освещения. Никольский, щурясь, оглядел декоративные светильники, перевел взгляд на окно, покачал головой. Грозовой шквал неистовствовал. Слепяще-голубые ветвистые трещины молний вспарывали водяной поток; почти непрерывно ухало, гремело, перекатывалось на фоне однообразного гула то ли воды, то ли ветра...

— Дождик пошел? — сонно осведомился Роган. Он вынул из уха шарик слухового аппарата, сунул в нагрудный карман и принял прежнюю позу.

Гэлбрайт поднялся, но в этот момент пискнул сигнал внутренней связи.

— Бауэр? — спросил Гэлбрайт, морщась от очередного, особенно звучного удара грома.— Давайте, что там у вас?

— Поступило первое сообщение, из Торонто,— ответил потолочный спикер под аккомпанемент громовой канонады.

«На войне как на войне...» — подумал Фрэнк, прислушиваясь к голосу дежурного.

Бауэр докладывал:

— Операция типа «Эспланейд» оказалась безрезультатной. Меф Аганн вел себя в Торонто как обычный турист. Ни с кем из родственников Элдера не встречался, хотя бы по той причине, что достаточно близких родственников погибшего десантника в этом городе нет. Трое бывших друзей Элдера знают Мефа Аганна в лицо. Двое из них встречались и говорили с Аганном после событий на Обероне только однажды. Существование дальнейших контактов с пилотом отрицают. Ни один из служащих отеля «Глобус», которые знают Мефа Аганна в лицо, не имеет о «черных следах» никакого понятия.

— Это все?

— Да, пока все.

— Что ж... отсутствие результата есть уже результат. Впрочем, подождем других сообщений. Если появится что-нибудь новое, Бауэр, свяжитесь со мной после шестнадцати ноль-ноль. Конец.

Спикер умолк. Гэлбрайт взглянул на часы.

— Пора,— сказал он.— Я чувствую, что желание чего-нибудь съесть превращается у меня в навязчивую идею. Призываю вас всех отнестись к этой идее без легкомысленного предубеждения.

На призыв Гэлбрайта первым откликнулся Роган:

— Я готов, если вы подскажете мне, где здесь находится диетический зал.

Фрэнк невольно взглянул на него, вспомнив про слуховой аппарат в нагрудном кармане профессора. Поднялся и, с трудом передвигая затекшие ноги, направился к две-

ри. Уходя, слышал, как шеф что-то сказал Никольскому, но что именно, не разобрал: слова утонули в грохоте грозового разряда. Ответ Никольского он разобрал достаточно ясно:

— Не надо, Гэлбрайт, не беспокойтесь. Мефа Аганна мы возьмем на себя. Еще неизвестно, как у вас пойдет работа с Дэвидом Нортоном...

Фрэнк вышел в безлюдный, ярко освещенный коридор. Дверь с мягким шелестом закрылась. В коридоре было невыносимо тихо.

ЧАСТЬ II

РЖАВЧИНА ВОСПОМИНАНИЙ

Хуже всего то, что большую часть года небо над Копсфортом совершенно прозрачное...

Сегодня после заката он нечаянно задел взглядом желтую искру Меркурия, и потом целый вечер в ушах плавал крик меркурианской чайки. Она кричала скрипуче, протяжно, долго: «Кия!.. Кия!.. Кия!..» И чтобы отвлечься от крика-призрака, крика-воспоминания, он стал думать о разной чепухе, но это помогало плохо. Напрасно, к примеру, он пытался припомнить, как звали того проклятого попугая на лунной базе «Гагарин», которого скучавший в резерве Джанелла выучил орать во всю глотку: «Лейтенант Нортон, смир-р-но! Салют!» Он вспомнил лишь, что много раз собирался свернуть голову ни в чем не повинной птице, но так и не собрался. И еще почему-то вспомнилось, как Михайлов стянул в пакгаузе толстого рыжего кота, принес на рейдер за пазухой и спрятал у себя в каюте, решив прокатить до Урана, и как сначала все были рады и дали рыжему имя Форсаж, а потом, уже после разгона до крейсерской скорости, когда эта кошка вдруг родила под ковровым фильтром регенератора пятерых мертвых котят, ее у Михайлова отобрали, стали называть Мадам и очень жалели. Мстислав Бакулин обозвал Михайлова живодером и чуть не полез в драку.

А дальше... Дальше был Оберон, и никаких воспоминаний тут не требовалось. Об этом можно было только размышлять, но десять лет утомительных размышлений его убедили, что именно об этом лучше не думать. А кошку-межпланетчицу подарили какому-то зоопарку, и зеваки знали о ней больше, чем о погибших на Обероне

десантниках. Один из парадоксов современной жизни, но об этом тоже лучше не думать.

Скверная штука спонтанные воспоминания. Стоит мимоходом зацепить глазами желтую точку над горизонтом, и в ушах надолго застревает крик давно уже, вероятно, умершей чайки: «Кия!.. Кия!..» Черт бы побрал этот крик! Когда он впервые услышал меркурианскую чайку, ему и в голову не приходило, что это крепко врежется в память и со временем перевоплотится для него едва ли не в главную особенность Меркурия. В звуковой образ планеты.

Раньше по поводу представлений о Меркурии никаких сложностей у него не было. Двойник хорошо знакомой Луны, только гораздо больше и жарче, и есть там крупнейший во Внеземелье металлургический комбинат. Подлетая к планете, он спал. На борту комфортабельной «России» он отлично выспался за четверо прошедших суток и на четверо суток вперед и лишь за полчаса до пересадки в орбитальный лихтер без всякого любопытства взглянул на скучно оголенную под солнцем поверхность, усеянную оспинами цирков, вмятинами кратеров, сморщенную и задубелую, как высохшая кожура граната. На спуске лихтер заложил крутой вираж, на его экранах колесом повернулась грандиозная мозаичная панорама: белые и золотистые многоугольники, полосы, звезды, дымчато-черные круги и овалы, синие плоскости, ртутно-зеркальные капли и купола, а на следующем вираже появились голубовато сверкающие иглы башен-кристаллов, бело-черные «шахматные» поля, что-то похожее на длинное розовое озеро со стеклянистыми в красных прожилках берегами, вогнутые склоны, облагороженные амфитеатрами мутно-зеленых ступеней — террас... все это пестрое нагромождение обнимала горная дуга, причудливо изрезанная складками, на каждой вершине что-то ослепительно блестело, а дальше, за этими блестками, уходили, горбатясь, к горизонту угрюмые кряжи, дико изуродованные рубцами полуразрушенных цирковых валов, трещинами разломов и воронками кратеров. Окинув взглядом внезапно распахнувшийся простор, он вдруг испытал ощущение масштабности захваченного людьми нового мира (ощущение, которое ему уже приходилось испытывать дважды: на подступах к Марсу и при посадке на Гани-

мед) — ощущение того, что это, черт побери, планета, а не какая-нибудь там луна. Разумеется, он сознавал, что один город, пусть даже очень крупный (с двухсоттысячным населением, которое дало своему городу трогательно-символическое название Аркад), еще не повод для торжеств по случаю освоения всей планеты, но ощущение «нового мира» не покидало его...

Лихтер пронырнул огромный, брызнувший фиолетовым светом шлюзопричальный колодец, остановился и выпустил на перрон пассажиров. Хорошо, что он догадался выйти последним, никто не заметил его замешательства. Перронные ярусы космопорта напоминали скорее фойе столичного грандтеатра, чем вокзальное помещение, и в форме десантника он сам себе казался ужасно нелепым в нарядной толпе. Средневековый пират на фоне сверхсовременного интерьера. Аркад с первых шагов поразил его роскошью, неслыханной и невиданной в условиях Внеземелья, и до тех пор, пока он не связался через вокзальный видеотектор со штабом отряда «Меркьюри рэйнджерс», ему не верилось, что здесь вообще нужны люди его профессии. И потом ему целый день в это не верилось, пока он знакомился с городом. Точнее, не день, а те пять часов, которые штаб ему выделил на устройство и отдых. В отдыхе он не нуждался и за четыре часа успел (как ему представлялось) многое осмотреть. Здесь было много такого, чего не встретишь в других уголках Внеземелья, а главное — много зелени, света, простора, воздуха и воды. Позже он уяснил, что видел только мизерную часть самого крупного города Внеземелья. Самого автоматизированного, самого промышленного, самого комфортабельного, самого-самого!..

В сущности, это был уже и не город. Это был колоссальный плацдарм вторжения земной ноосферы в чуждый ей мир суровой планеты, Малая Земля, зарывшаяся в грунт Меркурия больше, чем на девять десятых, буквально по макушку, и неплохо вооруженная против всего, что имело склонность выковыривать ее оттуда. Хотя бы то обстоятельство, что макушку Аркада почти непрерывно лизала плазма солнечной короны, уже говорило само за себя...

Конечно, о существовании Аркада (жилищно-промышленного комплекса А-200-М, построенного на Меркурии с

учетом опыта сибирских мегалополисов) он знал и как-то мог вообразить себе его размеры, но о существовании такого впечатляющего плацдарма — Аркадии — имел до смешного смутное представление, и теперь, знакомясь с Аркадией, сожалел, что прежде никогда особо не интересовался меркурианскими делами. Бродил наугад, без всякой системы, и не верил глазам, настолько все было просторным, удобным и очень разнообразным. Третий уровень города совершенно его покорил. Цветники, уютные скверы. Странные разветвленные сооружения в четыре-три этажа, скорее похожие на канделябры, чем на дома. Не менее странные декоративно-архитектурные формы каких-то ажурных построек, назначение которых непросто было угадать. Бесконечные струи фонтанов, бассейны с чистой водой, отражавшей глубокое синее небо и небольшое незнойное солнце «марсианского» типа. Это как на вершине горы, с той лишь разницей, что не видно нигде горизонта; и только по кучевым облакам, окружавшим все это, можно было понять: пространство здесь ограничено, небесный простор иллюзорен... На открытых «блюдцах» домов-канделябров сидели, ходили и разговаривали группки людей, занятых, видимо, чем-то серьезным, пестро светились экраны видеотекторов, и он по некоторым признакам определил, что забрел в деловую часть города.

Жилищно-бытовой сектор ему понравился меньше. В жидковатых сосновых рощицах довольно плотными рядами стояли, как грибы, на цилиндрических подставках потешные сооружения, вид которых наводил почему-то на мысль о гибриде венерианского дисколета и панциря слоновой черепахи. Сперва ему показалось, будто он попал на стоянку местного транспорта... Позже выяснил, что эти забавные штуки — спальни-квартиры для семейных аркадцев. А еще позже он и жена имели такую же спальню-квартиру, когда Сильвия вопреки настойчивым увещеваниям родни и соседей, бросив все, появилась здесь в качестве работника отдела информации монтажно-строительного комбината, и ее появление для него, огрубелого работяги-десантника, было самой немыслимой роскошью в этом шикарном Аркаде. Жена прилетела страшно веселая, возбужденная, а он так долго молча смотрел на нее, остолбенев, что по ее лицу пошли гримасы и она заплака-

ла... Но тогда, потешаясь видом меркурианских «вигвамов», он, конечно, этого еще не знал. Не знал, что «вигвамы» довольно удобны, что в них, вообще говоря, не живут, а только ночуют, что жизнь аркадцев протекает в городе всюду: на рабочих местах, на спортивных площадках и стадионах, в театрах, в «залах феерий», в клубах экспресс-информации, в «лесах» и на пляжах обширнейшей зоны отдыха Новый Эдем, в ресторанах и музыкальных кафе, наконец. Не знал, что в перерывах между делами и сам какое-то время будет жить этой жизнью, не ведал, какими счастливо-тревожными будут дни ожиданий ребенка, как будет цепенеть жена под озабоченными взглядами медикологов и как потом ничего нельзя будет сделать и ребенок умрет не родившись, а он, когда ему про это сообщат, пойдет куда-то, не сознавая куда, и лишь искусственный рассвет, отраженный в воде, крик пролетевшей над головой чайки, резь в глазах, и мокрое лицо, и хруст песка на зубах подскажут ему наконец, где он и что с ним происходит, и он впервые проклянет Внеземелье, проклянет молча, но так, чтобы было слышно на всех планетах и лунах, где он побывал... Да, в те часы, разглядывая диковинный город, он ничего еще об этом не знал и спокойно прошел мимо зеленой площадки, на которой галдела шустрая малышня.

Скоро он поймал себя на том, что осматривает город деловито и даже с некоторой долей придирчивого практицизма. Как специалист. Никуда не денешься, он был специалистом по Дальнему Внеземелью. Дальнему, правда, но принципиальной разницы это, пожалуй, здесь не имело. Ни на секунду Аркадия не могла его обмануть кажущейся абсолютной безопасностью и безмятежностью. Он был твердо уверен, что жизнь в Аркадии далеко не проста и определенно небезмятежна. Потому что это Внеземелье. Близкое ли, Дальнее, но все равно Внеземелье. А Внеземелью он не доверял и на четверть мизинца. Никогда, ни при каких обстоятельствах. Должно быть, поэтому в отрядах и группах, где ему доводилось командовать, люди погибали редко. Люди не любили его — он это знал,— награждали его не всегда безобидными прозвищами — он терпел и прощал,— но ни разу не попадалось среди его подчиненных такого, который бы неохотно пошел вместе с ним, Лунным Дэвом, на любую по

сложности операцию. Его считали чем-то вроде ходячего талисмана (бывало, просто жались к нему во время уж слишком отчаянных передряг) и не знали, что весь его «счастливый» опыт основан на недоверии. Он мог понять и простить все, кроме беспечности в отношениях с Внеземельем. И чем больше он видел дизайнерских ухищрений, смысл которых сводился к стремлению подчеркнуть внутреннее благополучие меркурианской среды обитания, тем зорче приглядывался к свидетельствам «технического недоверия» к Внеземелью.

А свидетельств встречалось немало, хотя специально он их не искал.

На верхних уровнях города он обратил внимание на световые фигурки стилизованных черепах, забавно перебирающих лапами, и выяснил, что цвет «веселых рептилий» информирует о состоянии защитного поля где-то высоко над головами аркадцев. Черепашки переливались успокоительно-зеленым сиянием, но плиты мощной металлоброни, пока разведенные в стороны и замаскированные под декоративные карнизы, тоже о чем-то ведь говорили... Попутно он выяснил, что вертикальные шкалы уличных термометров одновременно служат для указания уровней проникающей радиации; и когда он взглянул на верхние цифры одного из этих изящно декорированных указателей, ему стало понятно: Аркадия готова ко всему. По крайней мере, жители ее учитывали даже вероятность катастроф... Ему хотелось продолжать смотреть на город глазами ослепленного роскошью новичка, но это было уже невозможно. Уличные шкалы газового контроля. Искусно закамуфлированные экраны и сигнализаторы экстренного оповещения. Тусклые круги с едва заметными надписями: «Выход к лифтам скоростного спуска в убежище», «Склад аварийного оборудования», «Вход в герметириум по сигналу 2-Т».

Еще ожидая в резерве меркурианскую визу, он знал, что скучать на этой планете ему не придется. Но между «знать» и «почувствовать» была определенная дистанция, которую предстояло преодолеть. И было странно, что в Аркадии эта дистанция для него растянулась. Он многое увидел, кое-что понял, однако почти ничего не почувствовал.

Яркая надпись, прыгая с места на место, как ополо-

умевший заяц, усиленно соблазняла войти в обеденный зал ресторана «Бамбук». Он вошел. Никакого зала здесь не было. Что-то вроде бугристо-оранжевой трубы с волнообразно колышущимися стенками... Он ощутил ускорение. Быстрый подъем, будто вдоль гигантского пищевода... Внезапная остановка. Распахнулась ослепительно солнечная дыра, и сначала он увидел поверхность Меркурия, а уж потом разобрал, что залитые солнцем горы видны сквозь прозрачный стакан ресторанного зала. Над горами было черное небо.

Он поискал свободный стол в той стороне зала, откуда открывалась панорама грандиозных валов двух почти соприкасающихся цирков, и, чувствуя на себе взгляды соседей, сел к залу спиной. Есть он любил в одиночестве. Когда нельзя было есть в одиночестве, он спокойно ел в обществе и никого не замечал.

Судя по широте кругового обзора, обеденный зал ресторана «Бамбук» находился где-то на самой верхушке довольно высокой башни. Если смотреть в промежуток между валами, отсюда неплохо были видны заслоняющие горизонт горбы мрачного кряжа, угловатые, как обтянутые шкурой костяки изнуренных коров. По склонам горбов, которые были поближе, медленно сползали желтовато-белесые, грязно-зеленые и серые с бурыми гривами языки чего-то такого, что походило на перелившуюся через край котла очень густую и вязкую пену какого-то варева. Не сразу он догадался, что это струится по склонам лавина дымов... «Пожалуйста,— проговорил кто-то над ухом,— ваш заказ». Он отстранился и посмотрел на тумбу разговорчивого буфета. Лапки буфетного манипулятора быстро сервировали стол, произнесли: «Приятного аппетита!» — и не успел он моргнуть, как перед ним оказался прозрачный судок с небольшим количеством янтарной жидкости. «Странные порядки...» — подумал он, опуская ложку в судок.

Еда была вкусной, но ее было мало. Он набросал туда гренков, перемешал, и в кресло напротив села девушка с недовольным, как ему показалось, лицом. Русые волосы, модно свисающие над ушами двумя короткими пучками, золотистый свитер-паутинка, нахмуренные брови.

— Не помешаю? — спросила она.

— Нет.

— Приятного аппетита,— произнесла она не слишком-то дружелюбно.

— Благодарю.

Пока он ел суп, она, заказав «дежурный обед», сердито гремела предметами сервировки. «Бывалый десантник и юная экспансивная меркурианка»,— подумал он и перестал обращать на это внимание.

— Вы не умеете есть,— вдруг сказала она.— Вы едите как автомат, бесстрастно, словно не замечаете разницы между стерляжьей ухой и гороховым концентратом.

Он посмотрел на нее. Она была довольно красива, но не настолько юна, как ему показалось вначале. От нее весьма ощутимо исходили флюиды мрачного настроения.

— А вы не умеете вести себя за столом.

— Это вы мне?..— спросила она с ироническим любопытством.

— Вот именно,— подтвердил он.— Я, догадываюсь, случайно занял ваше любимое кресло и, вероятно, съел заказанный вами суп, но, согласитесь, это не повод для такого мощного раздражения.

— Верно,— сказала она.— Не повод... Просто я сегодня не в своей тарелке. Извините. Бывает.— Синевато-серые ее глаза глядели серьезно и словно бы куда-то мимо него.

— Итак, мы оба не в своей тарелке,— проговорил он, разглядывая очередное блюдо, поданное манипуляторами. На длинной стеклянной посудине лежало три листа салата, два розовых шарика и кубик розоватого студня, и все это было удручающе миниатюрным.— Давайте меняться,— предложил он.

— Нет, попробуйте. Это все из креветок и очень... питательно.— Тень усмешки прошла по ее губам. Глаза оставались серьезными.— Сегодня день моего рождения, я угощаю.

— А... Поздравляю. И сколько же?.. Впрочем, ладно.

— Последний раз двадцать.

— Двадцать девять? Я готов был подумать, что вам девятнадцать.

— Спасибо.

— Не за что, это не комплимент.

— Вы тоже сегодня не в духе? — спросила она.

— Нет, это мое обычное состояние. Я, видите ли, мало приспособлен для светских бесед.

— В таком случае будем есть молча... Закажите себе что-нибудь мясное.

Он заказал беф-монтре.

Ели молча. Смотреть на свою сотрапезницу он избегал. Но заметил, как она, стараясь проделать это украдкой, подала отрицательный знак головой и рукой кому-то за его спиной. Он понял, что испортил людям компанейский обед. А может, и совершил какую-нибудь еще большую глупость. Торопливо заканчивая десерт, сказал:

— Надо было сразу мне все объяснить, я мог уйти к другому столу, и прекратился бы этот цирк.

В ее глазах возникло и тут же угасло какое-то необычное острое выражение, он его уловил, но не понял.

Очень спокойно она сказала:

— Чепуха, не обращайте внимания. Я должна была ответить на вопрос моей подруги. Только и всего... По-видимому, вы впервые в этом ресторане?

— Я впервые на этой планете.

— Сегодня? «Россия»?

— Да. Кстати, в обеденных залах «России» иные порядки.

— А раньше?

— Что «раньше»?

— Где вы обедали раньше, можно узнать?

— Можно. В обеденных «залах» Дальнего Внеземелья.

— Каким же образом вы... сюда, на Меркурий?

— По собственному желанию. Если вы это имели в виду.— Он подчеркнул слово «это».

— Нет, я имела в виду другое. Обычно космодесантники специализируются избирательно, в их среде есть «планетчики», «лунники», «пространственники»...

— Вы неплохо знаете нашу среду, но все это верно только отчасти. Хороший десантник должен быть всяким.

— Вы... хороший десантник?

— Я всякий.

— Скажите... вам нравится ваша работа?

Он посмотрел на нее:

— Почему вы об этом спросили?

— Чтобы знать, как вы ответите.

Он еще раз внимательно посмотрел на нее:

— Разве это хоть сколько-нибудь важно — как я отвечу?

— Для меня — да.

— Ну что ж... Работа нормальная.

— Нормальная...— тихо повторила она.— Впервые за время нашего знакомства вы сказали неправду.

— Мы еще незнакомы.

— Людмила Быстрова.

— Дэвид Нортон.

— Вот и познакомились. Зачем же вы говорите, что ваша работа нормальная, если она ненормальная?

Он помолчал, пытаясь вообразить себе, зачем ей все это надо. Ему не нравились ее вопросы. Ему не нравилась тема беседы. И наскоро проглоченная еда тоже не очень понравилась. Разговор, затеянный новой знакомой, вызывал у него смутное холодноватое любопытство и такое же смутное холодноватое неудовольствие.

— Что вы в ней видите... ненормального? Риск? Сложность?

— Нет. Этого добра у любого работника Внеземелья хоть отбавляй. Я имела в виду то, что у вас внутри.

— Простите, но какое вам дело до того, что у нас внутри?

Несколько мгновений лицо ее было угрюмо-задумчивым.

— Выпьем кофе? — предложила она.— Не отказывайтесь. Кофе местный, меркурианский.

На стол из буфетной тумбы переместилась целая флотилия предметов кофейного сервиза — не менее дюжины сосудов разных форм, изящные тонкостенные чашки, блюдца, ложки, розетки... и даже что-то вроде подсвечника с дрожащими язычками спиртового пламени,— все из желтого сверкающего металла.

— Молоко? — предложила она.— Сливки? Мороженое? Суфле?

— Нет, просто кофе. Сливки, суфле — это вам.

— Почему мне?

— Потому что было заметно, как вы пытались заставить себя поесть и как у вас ничего из этого не вышло. Сливки тоже местные?

— Конечно. Здесь все местное. Вы еще увидите наши «зеленые фабрики», фермы, плантации...

— Вы имеете к этому отношение?

— Только как потребитель. А как специалист я имею отношение к субкритической модификации металлов. Сверхпрочные сплавы. То, на чем вы летаете. Пейте, остынет.

Он поднес к губам сверкающую чашку:

— В другой обстановке я бы подумал, что чашка из натурального золота.

— Здешнее золото ничем особенным не отличается от земного.

— Что, вся эта посуда... золото? Но зачем?

— Красиво, практично. Не окисляется и не тускнеет. Как вам наш меркурианский кофе? — спросила она.

— Я не нахожу в нем ничего меркурианского. Вкус обычный, земной.

— В этом его достоинство. Наши плантации совершеннее лунных.

— Богато живете.

— Да... как будто небедно. Еще чашку?

— С удовольствием.— Он посмотрел на цветные струи дымов за окном и спросил: — Промышленность ваша коптит?

— Наша промышленность не коптит,— сказала она, не повернув головы.— Дымят побочные кратеры Малого Аборигена.

— Есть и Большой?

— Был. Вел себя агрессивно, намучились с ним и в конце концов подавили. Красивый был вулканище. Необузданный, пылкий... Слишком близко от города.

— Но ведь и этот недалеко.

— Даже ближе.

— Почему бы его не заткнуть?

По ее глазам он понял, что сморозил глупость.

— Не кощунствуйте,— тихо проговорила она.— Вулканологи заботятся о здоровье Малого Аборигена так, как не заботятся о своем собственном. Мы считаем Малый Абориген подарком судьбы, и здесь не принято говорить о нем в неуважительном тоне.

— Понятно... Химия?

— Верно. Вулканогенное сырье. Но прежде всего вода.

— Знаменитый гейзер Мелентьева?

— В том числе, но не только. Малый Абориген, насколько я понимаю, не единичный вулкан. Система вулканических очагов. К счастью, малоактивных — в сольфатарной стадии, как говорят вулканологи. Горячие газы, вода... и все остальное. Воды неожиданно много. В стане меркуриологов и вулканологов до сих пор царит теоретическая неразбериха. Они по-разному объясняют «гидрофеномен очаговой провинции Абориген», но это, понятно, не мешает нам использовать гидрофеномен для нужд бытовых, культурных, промышленных. А вы говорите «заткнуть».

— Ну давайте я отрежу себе язык.

— Опасаюсь, ваша жена никогда мне этого не простит.

— Правильно опасаетесь.

— Профессия у нее земная?

— Она архитектор.

— А можно узнать, как ваша жена относится к профессии космодесантника?

— Конечно, без особого восторга, но...— Он смотрел, как она наливает кофе.

— Я слушаю вас, продолжайте.

— ...Но без той предвзятости, которая граничит с нетерпимостью, а может быть, даже и с ненавистью.

— Понимаю, что это вы обо мне... но не понимаю, откуда вы... обо мне...

— Почувствовал. Это всегда очень хорошо чувствуется.

— Будь на то моя власть,— проговорила она,— я запретила бы десантникам жениться.

— Можно проще: не выходить за десантника замуж, вот и все.

Он заметил, как она вздрогнула. Это сильно и неприятно его удивило, и он подумал, что никогда еще не доводилось ему совершать столько промахов на протяжении одного часа.

— Замечательный город,— сказал он и залпом выпил чашку довольно горячего кофе.— Аркад произвел на меня впечатление... Респектабельный город, солидный. Все четыре кита на месте...— Мелькнула мысль: «Разговорился... Кофе, что ли, виноват?»

Она рассеянно покивала. И словно очнувшись:

— Что... какие киты?

— Ну эти... хлеб, энергия, вода, металл. На которых... э-э... современная цивилизация.

— А... Да, конечно, киты... Хлеб с маслом. Энергия... Сколько угодно. Металл. Вода. Море воды... Кстати, видели вы наше Море?

— Море?.. Нет, не видел.

— Только что ушла моя подруга. Жаль. Она бы вам его показала. Я не могу. У меня через сорок минут один умный опыт в лаборатории субкритических модификаций. Чувствую, не получится.

— Опыт?

— Да. А на Море вам непременно надо взглянуть. Глазам не поверите... Значит, пятый кит утонул?

— О чем вы? — спросил он осторожно.

— Об утопленнике, разумеется. О том самом — пятом. Который взял да и утонул. Как-то места ему не нашлось среди четырех...— Она старалась говорить спокойно, однако голос ее изменился от напряжения.— Ладно, не будем. Сотни тысяч раз уже слышали: нравственность — служанка потребности. Миллионы раз... Строптивая, своенравная, но служанка. И самое печальное, что это наполовину правда.

«Черт!..» — подумал он, глядя на нее в упор.

— Не смотрите на меня так,— сказала она.— Я сегодня, верно, не в своей тарелке, но я в своем уме.

Она попыталась улыбнуться. И это было самым худшим из всего, чем успела она его огорошить. Теперь он видел, что ей действительно двадцать девять, и ни годом меньше.

— Послушайте, вы, экспансивная меркурианка...— холодно произнес он.— Вид у вас сейчас, прямо скажем, неважный, но по какому, собственно, поводу вы взвинчены? Спрашиваю не из пустого любопытства, я странно и неприятно чувствую себя центром вашего неудовольствия.

— Да,— подтвердила она.— К сожалению. Я очень виновата перед вами и перед собой, что позволила вам это почувствовать. Сегодня меня одолела какая-то сумасшедшая, горькая, острая жалость к себе, к вам, людям вашей профессии, и вот... все это вдруг... неожиданно выплеснулось. Понимаете?

— Нет. Что вам за дело до нашей профессии?

— Я говорю о людях.— Глаза ее сухо блеснули.— Только о людях.

— Чуть раньше вы говорили о ненормальности нашей работы.

— Это был подход к разговору о людях.

— К разговору? Мне показалось, вы едва удерживались, чтобы не выкрикнуть мне все это в лицо.

— Возможно... Да, скорее всего было именно так, как вам показалось. Вспышка женского эгоизма. Чувственная правота большого несчастья... Не знаю, зачем я собиралась это сделать, и... не совсем понимаю, почему не сделала этого. В последний момент решила вас пощадить?.. Или себя?..

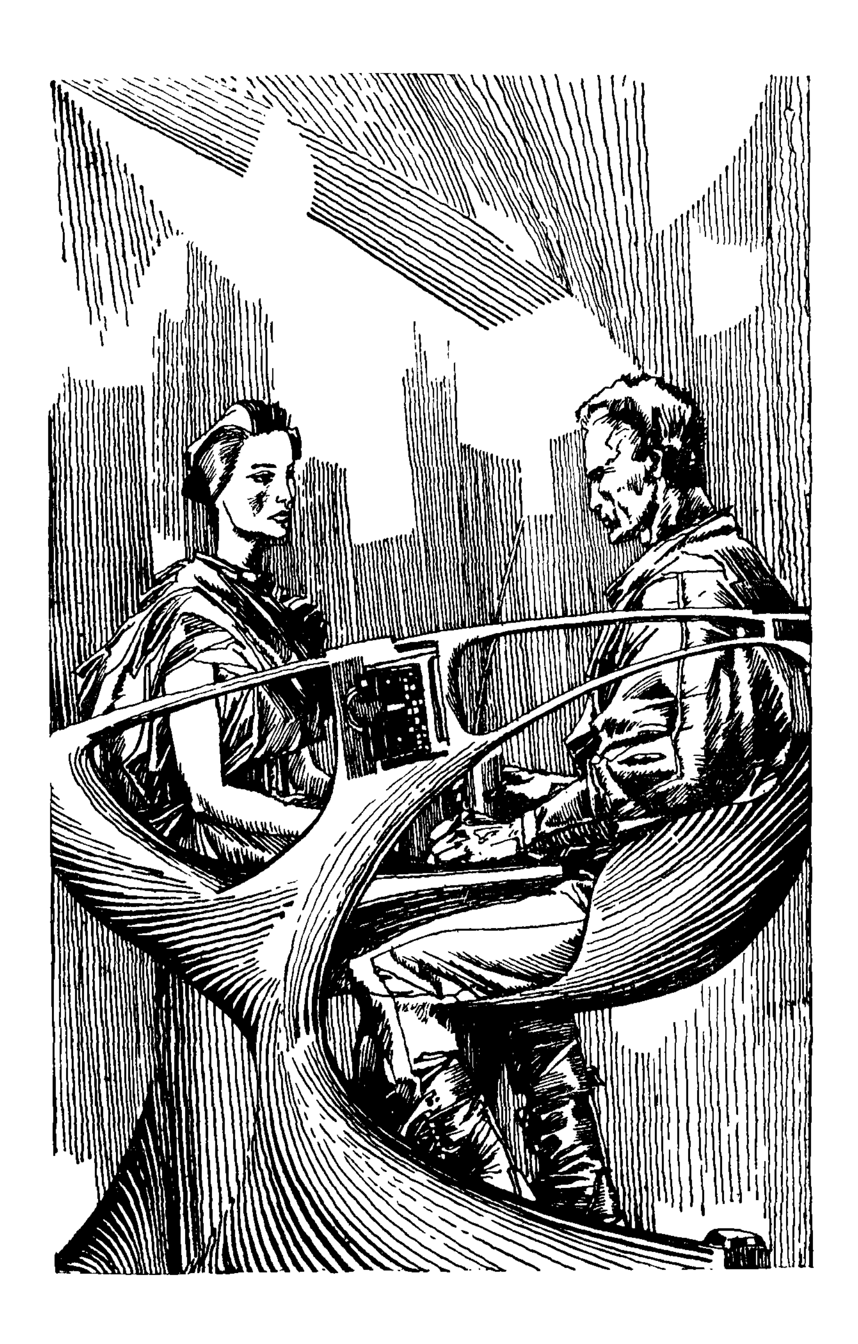
«Жизнерадостный город,— подумал он.— Благополучный такой, веселый».

— Я не нуждаюсь в пощаде. Ни в первый момент, ни в последний.

Его замечание, видимо, до нее не дошло.

— Специфика вашей работы сама по себе для меня темный лес,— продолжала она.— Я не специалист и не знаю, до какой степени жизнеспособен ее механизм. Но не надо быть специалистом, чтобы видеть, до какой степени он мертвоспособен... Едва ли не всякий раз, продвигаясь вперед буквально на несколько метров или спасая кого-то, вы оставляете за собой своих мертвецов. Десятки. В общей сложности сотни... А может, и тысячи, Нортон?.. Каким количеством жизней оплачена каждая пядь каждой из тронутых вами лун и планет? Молчите?.. Трупами ваших товарищей усеян ваш путь. И трупами ваших курсантских иллюзий. И конца этому что-то не видно... Нет, я судить не берусь, насколько оправдан суперпроцент такого количества жертв. Вероятно, оправдан, если Земля, бдительно оберегающая принципы гуманизма, на это идет. Но Земля еще просто не знает, как сильно меняется ваша психика, ваш внутренний мир. Узнав, она ужаснулась бы... О, сначала вы чувствуете себя носителями мужской отваги, храбрецами. А кое-кто и героями. Это когда получаете первые визы на выход в Пространство. Ну а потом? Кем вы себя чувствуете потом? Вот вы, Нортон, чувствуете себя героем?

Он промолчал. Вопрос был нелеп.



— Ладно, отвечу за вас. Героизм... Вы про него позабыли, *вы толком уже и не знаете, что это такое*. Да, парадокс: ваша работа — сплошной героизм, а для вас, ее повседневных производителей, это понятие стерлось. Больше того, вы с подозрением относитесь к слову «герой» или даже к слову «отвага». Бывалых десантников можно узнать не только по форме с кошачьей эмблемой на рукаве. В глазах недоверие, ходит с оглядкой, словно все время ждет удара из-за угла. Вам, профессионалам Зон Смерти, надо бы на рукав другую эмблему... Впрочем, не надо. Эта «эмблема» и так постоянно у вас в голове. В мыслях, в чувствах, в самой крови!.. Привычка заглядывать в свой внутренний мир — свойство нормальных людей — вас угнетает. Вы не любите вспоминать. Причина проста: память о вашей работе забивает все остальное. Что у вас может быть в памяти? Масса неимоверно рискованных операций? Да. И лица участников. Лица ваших друзей и товарищей. Тех, к которым вы привыкаете за годы совместной работы, кому отдаете частицу себя и... многие из которых гибнут прямо на ваших глазах. Гибнут, причем не однажды, а столько раз, сколько вы вспоминаете, плюс тот... самый первый, непоправимый. В сущности, вам больше не о чем вспоминать, и этим вы отличаетесь от работников Внеземелья любой другой специальности. Мертвые лица погибших не дают вам покоя. Но не вспоминать невозможно, и ржавчина воспоминаний, вызывая у вас ложное чувство вины, разъедает вам души. Не так ли, Нортон?

Он смотрел на нее и молчал. Дела обстояли еще хуже, чем она себе представляла, но ему хотелось понять, зачем ей все это надо.

— Вы живете... нет — существуете... да, совершенно автоматически существуете в атмосфере забытого вами же героизма, на который вам наплевать. В сумерках вашей мрачной отваги, которую вы разучились уже замечать. И еще — в оглушительной тишине пантеона давно похороненных мертвецов, которые тысячи раз умирают и не могут никак умереть в вашем сознании!.. Мало того, нет ни малейшей гарантии, что сами вы... не сегодня, так завтра...

Спохватившись, она постучала суставами согнутых пальцев о стол.

— Видите? Я суеверна. Ваш брат десантник заставит быть суеверной. Я не стыжусь. Нет смысла стесняться этого перед людьми, которые сами приносят несчастье... Подходит такой молодец и, улучив минуту, вдруг предлагает тебе стать подругой его на «вечные времена». Долго лечишь потом свои никудышные нервы. Ведь можно было и не отказывать. Никто его больше не видел. И никогда не увидит. «Вечных времен» у него было только десять часов... Кто скажет мне, сколько будет их у того, кто сегодня... Подарок мне в день рождения, мама моя!..— Она потерла ладонями бледные щеки.

Глаза ее были наполнены страхом, гневом и болью. Он понял, в чем дело, но в этот момент не испытывал к ней ни жалости, ни сочувствия, а просто боялся, что она разрыдается.

— Не беспокойтесь,— сказала она.— Слез не будет. Слезный этап в моей жизни давно миновал. Еще в ту пору, как мне довелось подышать вместе с вами одной атмосферой и узнать, чего она стоит. В моей голове тоже есть пантеон тысячи раз умирающих мертвецов. Мой пантеон не настолько, правда, обширен, но что в этом толку, если в нем уместилось больше отчаяния... И сегодня, боюсь, подарили мне еще один... экспонат.— Она опять постучала.

— Вы... ему...

— Да. Решительно. Наотрез. Не могу... Видеть не могу спокойно форму десантника! Но куда от них денешься в этом городе?.. Отряд большой, их слишком много... Но почему обязательно я?!

Второй раз за сегодняшний день он ощутил себя неуютно в форме десантника.

— Причина понятна,— сказал он.— Ваша красивая внешность. Ведь мало кому известно, что у вас там... внутри. Я хочу сказать — в голове. А в голове у вас настоящий, простите, сумбур.— Она метнула в него мрачно-пристальный взгляд, но это его не задело.— К тому же вы чересчур суеверны. Все мы в какой-то степени суеверны, но вы чересчур. Ну что сегодня может случиться с тем парнем, которому вы так решительно, наотрез...

— Все! — перебила она.— Все, что угодно!.. Когда человек, носящий вашу проклятую форму, вылетает ночью

на Плоскогорье Огненных змей, с ним может случиться все, что угодно!..— Она постучала о стол с такой злостью, словно это была голова недоумка.— Это Меркурий, Нортон. Мер-ку-рий! — повторила она по слогам, потирая ушибленные пальцы.— Многие несчастные женщины счастливого города будут сегодня думать... холодея от страха, думать сегодня о Плоскогорье!..

«Сегодня» и «ночью»?..» — подумал он с некоторым недоумением. Солнце над городом едва перевалило зенит, и до наступления темноты было никак не меньше сорока земных суток. Наконец догадался: она имела в виду ночную сторону планеты.

Он промолчал. Это его уже не касалось. Что будут думать женщины города, его не заботило. Он пытался припомнить какую-нибудь обтекаемо-светскую форму прощания.

Перед ним была женщина — в общем-то, малознакомое для него существо, природное своеобразие которого он представлял себе смутно,— и, пожалуй, единственное, что он знал о них наверняка, это то, что прощаться с ними надо особенно элегантно...

— Ну, мне пора,— угрюмо сказала она, посмотрев на часы. Подалась немного вперед, как это делают, когда готовятся встать. Но встать она не успела: потолок зала вспыхнул голубым сиянием, прозвучали гудки — серия резких гудков...

Пока он соображал, что бы могли означать эти сигналы, приглушенно завыла сирена: ау-у... ау-у... Мышцы его напряглись: в любом уголке Внеземелья вой сирены мог означать лишь одно — состояние общей тревоги. Однако он видел, что никто из присутствующих на сигнал тревоги не реагировал — во всяком случае, активно,— никто никуда не бежал, никто даже не вышел из-за стола. На лице своей собеседницы он не мог прочесть ничего, кроме холодной угрюмости, словно бы вой сирены просто отвлек ее от намерения встать, и только. Внезапно он ощутил уменьшение силы тяжести. Бросил взгляд на залитый солнечным светом ландшафт и понял, что ресторанная башня со скоростью лифта проваливается вниз...

«Уважаемые посетители! — донеслось из буфетного чрева.— Мы приносим свои извинения за вынужденность

отрицательно-вертикальных перемещений. Мощность протонной атаки ожидается до девятнадцати баллов. Остальные параметры хромосферной вспышки мы сообщим дополнительно. Благодарим за внимание».

Знакомо брызнули фиолетовым светом стены колодца. Легкий толчок. За стеклом кругового окна клубился пар, сквозь мутно-белесую пелену кое-где пробивались желтые пятна... Он почувствовал, что собеседница вновь собирается встать, перехватил ее взгляд и поразился бледности ее лица. И взгляд чем-то особенным так его удивил, что все остальное сразу неуловимо сместилось и отошло на задний план. Несколько долгих секунд они смотрели друг другу в глаза. Это было нелепо. Как игра в «кто кого пересмотрит». Но он не мог избавиться от ощущения, что зрачки, устремленные на него, видят нечто совсем другое...

— Мне пора,— повторила она.— Было время, когда мне очень хотелось вот так... посмотреть вам в глаза, Лунный Дэв. Но постепенно это мое желание перешло в свою противоположность. И лишь случай... сегодня...— Она оборвала себя и медленно встала.— Ладно. Будьте здоровы.

— Откуда вы... мое прозвище? — спросил он, преодолев замешательство.— Впрочем, не то. Я хотел... Да, я хотел бы узнать, за каким... простите, зачем...

— Посмотреть вам в глаза?

— Да. И почему именно мне? — Он машинально взял со стола кофейную ложку, согнул между пальцами.

— Почему?..— повторила она, возвращаясь, как ему показалось, откуда-то издалека.— Честно говоря, не знаю. Может быть, потому, что вы женаты... Да, скорее всего именно поэтому. Кизимов, Винезе, Йонге, Лорэ... эти были холостяками, и с ними все ясно. Никого у них не было. И ничего. Кроме нормальной работы.

— Откуда вы Йонге, Кизимова... Черт!.. Послушайте, Людмила... э-э... как вас там? Быстрова! Откуда вы...

— Бакулина. По мужу — Бакулина. И Быстрова, но это в девичьем прошлом.— Огибая угол стола, тихо добавила: — Да, Нортон, был у меня когда-то муж... Мстислав Бакулин. Вместе с вами там... на Обероне.— Медленно проходя мимо: — Впрочем, почему же с вами? Вы здесь, а он... там.— Приостановилась, но уже где-то за его

спиной — он не смотрел на нее.— Я понимаю, ничего нельзя было сделать. Но вы здесь, а он там.— Короткая пауза.— А я... наполовину здесь, наполовину там...

Она ушла. Он не видел, но чувствовал это, продолжая сидеть перед сверкающей грудой золотых побрякушек. Странная пустота... Он не испытывал никаких ощущений. Ни угрызений совести, ни ошеломления, ни злости. Ни раздражения, наконец. Ничего. Ровным счетом... Он испытывал ощущение пустоты. Эта женщина основательно выпотрошила его и ушла, унося с собой все, что ей удалось из него вынуть. И было немного зябко. Словно выскочил из холодильника в теплый отсек и не успел как следует согреться. Больше ничего особенного он не чувствовал. И в голове была пустота. Никаких особенных мыслей, никаких тревожных воспоминаний. Оберон мерцал в сознании крохотной звездочкой. Ничем не примечательный, совершенно неотличимый от других звезд, скупо рассыпанных, как приманка для юных романтиков, в пустопорожних пространствах Вселенной. Как будто там, на этой крохотной звездочке, никогда ничего особенного не происходило. И как будто там, у звезд настоящих (когда их достигнут), тоже ничего особенного не произойдет...

Да... тому, кто знает про оберонскую катастрофу лишь понаслышке, трудно даже представить себе, насколько все было просто. Внеземелье лязгнуло пастью — и шестерых как не бывало. До нелепости просто. Если бы это было сложнее, чем было, они успели бы что-нибудь предпринять. Сложными оказались только последствия. В этом весь характер Внеземелья — от абсолютной простоты события до чрезвычайной сложности последствий. И надо еще разобраться, кому в большей степени не повезло. Тем, кто остался на Обероне, или тому, кто здесь... «по собственному желанию»... Это правильно она говорила насчет героизма. Какой уж там героизм, если тебе хвост прищемило! Чем — неизвестно... но так прищемило — искры из глаз!.. Теперь вот приходится хвост поджимать и по всему Внеземелью искать безопасные подворотни. И смотреть в оба, как бы тебе на твой искалеченный хвост не наступили. Зазевайся хоть на минуту — непременно наступят... А кто это тут экран укокошил? А почему это вы плохо спите? А зачем у вас такое хмурое лицо? А верно

ли говорят, что вы человек с невероятным чутьем? А что за детские фокусы с досрочной отставкой? И вообще, почему это вы так старательно избегаете общества, прячетесь в тень?.. Как же, спрячешься тут! Подсядет кто-нибудь к столу, и выясняется, что ты с ним, подсевшим, едва ли не в родственных отношениях. Дьявольски оживленная здесь подворотня...

Пар исчез. Теперь за окном была березовая роща. Кроны были желтые, осенние, а дальше что-то блестело, как огромные кучи мятой фольги. Он не сразу понял, что это посеребренные скалы. В целом пейзаж за окном производил странное впечатление из-за этого блеска, но деревья выглядели натурально. Между белыми стволами прошел человек в светло-коричневом. Нортон сжал зубы — фигурой прохожий напоминал Михайлова. Было такое однажды в Ванкувере: он заметил в парке очень похожего на Михайлова человека и долго смотрел ему вслед, будто хотел убедиться, что это наверняка не Михайлов; прохожий, чувствуя, видимо, взгляд, остановился и посмотрел на него, и это было как «привет» с Оберона... В тот же день, придумав для себя какой-то предлог, он из Ванкувера уехал.

Нет, прохожий в светло-коричневом непохож на Михайлова. Это березы похожи. Точно такие, каких много вокруг полигонов Байкальской школы космодесантников — в долине реки Сарма и на местных горах. Впрочем, в тайге вообще много берез. Леонид мягко, протяжно произносил это свое родное слово — тайга... Осень третьего курса запомнилась просторами и чем-то хорошим, сильным, ярким, цветным. Потому, вероятно, что была последней курсантской осенью перед лунными стажировками. В сентябре школьный парк десантных машин обновили, и третьему курсу довелось отрабатывать пилотаж на машинах серии «Казаранг» и «Буран». Летали, естественно, над горной тайгой, а она, необъятная, удивительно быстро преображалась, с каждым днем все обильнее расцвечивалась желтыми и багровыми пятнами, и это здорово сбивало с привычных наземных ориентиров... На первых двух курсах он и Михайлов о дружбе между собой не помышляли. Напротив, более жестких соперников трудно было сыскать, за их соперничеством следила вся школа. Оба делали вид, что не замечают друг друга. На

самом же деле... Да, не было, кажется, большего удовольствия (тайного, разумеется), чем подержать конкурента в хвосте. Поводом для соперничества служило все что угодно. В том числе пилотаж. Особенно трудно шла отработка маневров на низких высотах. Два десятка специальных метательных установок в разных местах с интервалами в четверть минуты швыряли в небо пятиметровые обручи, и надо было обладать реакцией акробата, чтобы пройти на машине хотя бы сквозь половину из них — «взять на шило». Десять пройденных колец считалось весьма неплохим результатом, двенадцать — мастерским достижением. Однажды на тренировке он «взял на шило» четырнадцать, и это была сенсация. Но торжество его длилось недолго: в тот же день Михайлов «взял» больше — пятнадцать... И вот экзамен по маневрированию. На стартовой площадке их «Бураны» оказались рядом. День был холодный и солнечный, видимость — лучше не надо. Он был приятно взволнован и совершенно уверен в себе. Чувствовал: победит. Михайлов, осматривая свою машину, вдруг оглянулся, спросил: «Ну, курсант, как настроение?» — «В норме,— ответил он и вопреки давно выработанному для себя правилу зачем-то добавил: — Сегодня я тебя побью, заранее предупреждаю». Михайлов смерил его долгим взглядом, потом улыбнулся и неожиданно протянул руку. Помедлив секунду, он принял руку Михайлова, еще не зная, что это уже насовсем... В тот день они оба «взяли» по шестнадцати колец. Чего им стоил рекорд, видели медики школы, которым пришлось впрыскивать в носы рекордсменам какую-то мерзость, чтобы унять кровотечение. Но никто не видел, как «герои бреющих полетов» тайком обменялись «подарками»: он молча отдал Михайлову березовый сучок, вынутый из турели правого реверс-мотора машины соперника, и так же молча Михайлов отдал ему обломок еловой ветки — вещественные доказательства условной смерти. Попади сучок, ветка в руки инструкторов, рекордсменам без всякого разговора снизили бы экзаменационный балл: верхушка дерева на Земле имела недвусмысленное отношение к верхушке скалы во Внеземелье. Но как бы там ни было, на этом их соперничество кончилось. Четвертый курс, Луна, стажировочные формирования, выпуск, десятки трудных и не очень операций в

системах Юпитера и Сатурна — все это пройдено плечом к плечу. Вплоть до последней точки на Обероне... И если бы не крик-приказ Элдера: «Нортон, назад!!!» — увы, послушно сработал дисциплинарный рефлекс,— они остались бы плечом к плечу и за чертою жизни, и было бы проще, никогда бы так мучительно не обжигало воспоминание. Истерзанная горем вдова Мстислава Бакулина совершенно права. Нет, это счастье, что Михайлов не был женат...

Буфетная тумба о чем-то вежливо разглагольствовала. Передавали обещанные параметры солнечной вспышки. Все в порядке — сквозь магнитный купол над городом не просочилось ни капли протонного ливня.

Заиграла музыка. В руках у него что-то было. Он раскрыл кулаки, увидел два сверкающих обломка золотой ложки, швырнул их на стол и направился к выходу.

Кто-то ему подсказал, как проехать на Море. Небольшой экипаж (кресло на круглой мягкой платформе и ветровое стекло) резво промчал его по лабиринту светлых тоннелей с глянцево-черными желобами и вдруг застыл перед арочным входом. Он вошел в ярко освещенную просторную пещеру с белыми сталактитами (как большие сосульки из помутневшего льда). Сквозь дыры в стенах падал в пещерное озеро солнечный свет, падал со всех сторон, будто в эти дыры заглядывало несколько солнц сразу. Вода была настолько прозрачной, что озеро казалось пропастью, ненадежно прикрытой тонким стеклом: были видны голые скалы, круто и далеко уходящие в глубину. И это называлось Морем?.. Он огляделся. Заметил тропу с указателем «На пляжи северного побережья», понял, что это еще не Море.

Он не знал, зачем ему понадобилось Море именно сейчас, но быстро пошел по тропе через расселину, обросшую голубыми (от декоративной подсветки) бородами сталактитов, быстро и машинально, словно бы торопился исполнить какое-то дело, о котором странно и непонятно почему забыл. Тропа привела его в переполненный солнцем и блеском водной поверхности довольно широкий каньон, и это было... да-а-а... настоящее Море!.. Слово «Море» здесь произносили так, как произносят слова с большой буквы, и в принципе он был готов увидеть нечто не совсем обыкновенное, но такого ненормально чрезмер-

ного, невероятного обилия воды просто не мог ожидать... Минуту стоял неподвижно. Водил глазами, пытаясь хоть как-то представить себе, когда и каким образом успели здесь вообще столько наворотить. И сам Аркад, и это неправдоподобное Море... Он стоял ближе к левому берегу, который стеной вертикальных и очень высоких утесов подпирал плосковатое небо неестественно ровного лазурного цвета, и отсюда отлично был виден противоположный берег с полосами пляжей, обрамленных кривыми, но живописными соснами. Скалы там были тоже высокие, однако от пляжных полос и линии сосен их отделяла цепочка уступов, накрытых шапками зелени. Гигантский водоем тянулся километра на три, и далеко впереди, где этот каньон, очевидно, пересекался с другим ущельем подобного типа, угадывалось продолжение водной поверхности. Он не мог поверить глазам и сначала подумал, что пространство в три километра всего лишь искусно сработанный иллюзион. Но когда он услышал над головой крик чайки и еще заметил вдали, в воротах каньона, белую стаю, понял, что все это, кроме уменьшенной копии солнца и равномерно лазурного неба, сущая правда... На мелководных участках были видны лохматые пятна водорослей; пахло сосновой смолой, разогретым песком и приторно-йодистой гнилью, характерной для запаха побережий южных морей. Из ворот каньона вылетел глиссер и, оставляя за собой дугу стеклянно-глянцевого следа, повернул зачем-то к утесам левого берега. Он перевел взгляд с глиссера на правый берег и увидел, что один из дальних пляжей заполнен полуголыми людьми. Люди прыгали, суетились, махали руками, как дети. Вероятно, это в самом деле были дети. На остальных пляжах людей было мало. Водная гладь вдруг подернулась рябью, заиграла бликами. Он ощутил воздушные толчки, словно порывы легкого ветра, повернулся и пошел обратной дорогой. Чайки и глиссер его доконали. Рабочего настроения не было, он испытывал к Меркурию неприязнь. Все здесь выглядело насмешкой над героическим аскетизмом Дальнего Внеземелья... Есть ложь, нехорошо похожая на правду. Аркад был правдой, нехорошо похожей на ложь.

Он брел по городу, ничего не замечая вокруг, пока не наткнулся на пузырь кабинки видеотектора. Потребовал связь с начальником штаба отряда Ричардом Бэчелором.

Попросили обождать пять минут. Прошло десять, прежде чем на экране возникла боксерская физиономия Бэчелора.

— Ну как ты? — спросил Дик, сощурив глаза.

— Никак. Я сыт по горло вашим Аркадом.

— Вашим!.. Хитер, старый бродяга. Ладно, привыкнешь. Первые дни мне тоже было не по себе.— Глаза Дика добродушно щурились, и это был скверный признак.

— Ты мне лучше скажи, решен ли вопрос о моем назначении. Если да, то в какую группу отряда, конкретно.

— А в какую тебе самому бы хотелось?

— Дик, не крути. Я всегда уважал в тебе дипломата, но...

— Ты назначен в экспертную группу штаба.

— За какие грехи?

— В опергруппы отряда я тебя все равно не пущу,— твердо сказал Бэчелор,— пока не освоишься в местных условиях.

— Кто начальник экспертной группы?

— Евгений Гаранин. Завтра с утра найдешь его и представишься по уставу.

— Я сделаю это сегодня.

— Можно сегодня. Допустим. Но какая в этом необходимость?

— Мне нужно на Плоскогорье Огненных змей.

— Да? А что ты знаешь о Плоскогорье?

— Ничего. Но я не хочу быть штабной крысой.

— По-твоему, я штабная крыса?

— Ты штабной ягуар.

— Плоскогорьем сейчас занимается группа «Мангуст».

— Вот и... Хотя бы взглянуть, чем она занимается.

— Взглянуть...— медленно повторил Бэчелор.— Операция группы «Мангуст» носит характер экспериментальной разведки. Разведка не наша. Да и группа, в сущности, не наша, техники там командуют. Я вынужден был отправить в чужую группу десяток наших ребят, и сердце теперь у меня не на месте... Ладно, Дэв, прогулку на Плоскогорье тебе я устрою. Будешь там в качестве наблюдателя от экспертной группы штаба отряда. Но с одним условием...

— Дик, ты собираешься меня пугать?

— Видишь ли, Дэвид... мне самому не нравится эта ночная возня с Плоскогорьем... Район тяжелый, пакостный. Пугать тебя я, конечно, не собираюсь, но и ты не суйся там куда не надо, пока не поймешь, что к чему.

— Ясно. Уточнить задание я должен у Гаранина?

— Ну что задание... Ходи, наблюдай, а главное — вживайся в обстановку. К серьезной работе группа «Мангуст», похоже, не очень-то подготовлена.

— Кто планировал операцию?

— Да не в этом дело. Группа не располагает нужным оборудованием, а на одном энтузиазме... сам понимаешь. Операцию откладывали до прихода «России» — надеялись, Земля подошлет заказанную технику, но...— Бэчелор многозначительно развел руками.— Теперь откладывать не хотят. Рудники под угрозой, и надо действительно что-то предпринимать. Подручными средствами... За людей страшновато. Я с техников шкуру спущу, если они там угробят хоть одного нашего парня... Честно говоря, я даже рад, что тебе загорелось на Плоскогорье. Им на пользу будет почувствовать глаз представителя штаба.— Дик посмотрел на часы.

— Торопишься?

— Да. И тебе не следует прохлаждаться. Катер на Плоскогорье отойдет через час с небольшим, сектор МК-22, спецперрон, патерна девятая. Пропуск я перешлю прямо вахтеру. Вопросы?

— Гаранин не обидится, что мы с тобой вот так... ну... как бы через голову моего начальства?

— А, совесть заговорила! — Дик ухмыльнулся.— Думаю, нет. Некогда ему обижаться. Готовит шестерых ребят в коронарную. По трое на рейдер. Людей в отряде не хватает, и мы расширяем профиль работ... Были мы «планетчиками», были мы «пространственниками», скоро будем и «солнечниками». Завтра стартуют — вздохну посвободнее... Чего это ты на меня уставился?

— Я не знал, что в Корону уходят два рейдера.

— Два,— подтвердил Бэчелор.— «Иван Ефремов» и «Владимир Шаталов». По глазам вижу, захотелось тебе в Корону...

— Нет...

— Да ну, признавайся уж... Тут половине отряда все время чего-нибудь хочется. Одним хочется в Дальнее

Внеземелье, другие мечтают о Венере, третьих тянет на Марс. И ведь почти никого из них не удержишь. Даже здесь, на Меркурии и около, потихоньку расползаются. Кто в Корону подался, кто — в хозяйство Шубина за учеными степенями... Лучший спец по флаинг-технике отряда Валерий Алексеенко ушел на «Зенит». Соблазнил-таки его Калантаров идеями «межзвездных перелетов», и теперь он у них на «Зените» вроде мартышки для опытов. Жаль парня.

— «Зенит» — это серьезнее, чем нам с тобой кажется. Это пахнет технической революцией, Дик.

— Возможно. Но то, что личный состав отряда «Меркьюри рэйнджерс» за полгода подтаял на шестьдесят человек, тоже кое-чем пахнет.

— У тебя порядка тысячи отборнейших парней — самый крупный отряд Внеземелья. Даже Венеру ты обскакал. Начальник отряда «Утренняя звезда» мне намекал, что тебе иногда удается не вполне законным путем заграбастывать до половины годового выпуска десантных школ. Иннокентий Калугин зря говорить не будет, я ему верю. Ты всегда был слегка скуповат и откровенно прижимист.

— Да? — Бэчелор, похоже, обиделся.— А Калугин не намекал, каким путем ему наконец удалось отобрать у меня двух оберонцев — Кизимова, Йонге? На первом же заседании в УОКСе лягу костьми, но я их верну... А кого УОКС присылает взамен? Желторотых птенцов, которым все тут в диковинку. Ведь он, желторотый, очертя голову лезет куда не нужно. Сам посуди, сколько с ним наработаешь, если его то и дело надо придерживать, чтобы он в отпуск живым улетел, папку с мамкой порадовал.

— Вот за это я тебя, старый скряга, люблю.

— Что мне до твоей любви, если практически не с кем работать. Вся надежда на ветеранов. А где их брать? Двоих потерял, тебя одного получил. Одного! Правда, один ты стоишь десятерых, но согласись, для меня это слабое утешение на общем фоне.

— Болтаешь много. И глаза у тебя красные, точно у поросенка. Ты когда последний раз нормально спал?

— Верно.— Бэчелор провел рукой по глазам.— Меньше спишь — больше болтаешь, за мной это водится. Впро-

чем, ты не груби мне, букварь. Хотя мы с тобой и одну школу заканчивали, но все-таки я был на целый курс старше.

— Да, извини. Тем более что ты теперь старше на целый курс Академии.

— Не остри. С Плоскогорья вернешься — зайдем куда-нибудь, поговорим.

— В «Бамбук». Закажем кофе в золотых кастрюлях, и будешь ты меня выворачивать наизнанку, расспрашивая про то, как погиб Николай Асеев.

— Я знаю, как он погиб... А почему в «Бамбук»?

— Я там обедал. Кстати, ты знал Мстислава Бакулина?

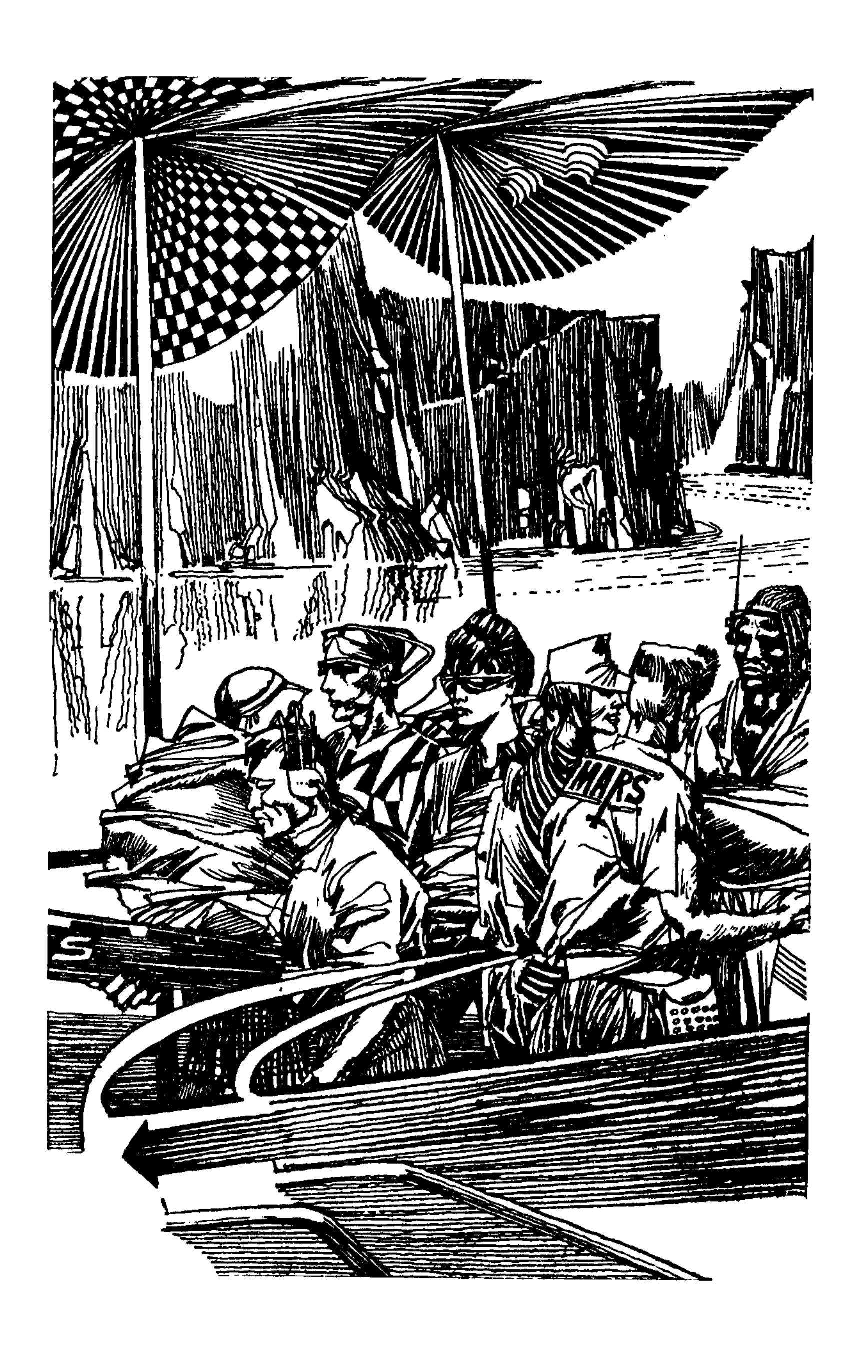
— Лично — нет. Гаранин хорошо его знал. Ведь оба они алеуты — из Юконской школы. И кажется, даже сокурсники... Ну пообедал ты в «Бамбуке», и что же?..

— Ничего. Захотелось поужинать на Плоскогорье.

— Гм... Надо будет использовать странные свойства этого ресторана в делах перестановки кадров десантных формирований. Ну... будь здоров, дел у меня выше горла. До встречи, эксперт. Салют!

— Пропуск выписать мне не забудь, академик. Салют!..

В указанном секторе порта десантных флаинг-машин он предъявил свое удостоверение, и хмурый вахтер с подозрительным взглядом молча открыл перед ним турникет. На бедре у вахтера болталась открытая желтая кобура, из которой выглядывал паллер. Кобура была видна издалека и вместе с блестящими перекладинами турникета внушала чувство абстрактного уважения. Нельзя уважать турникет или паллер отдельно, но в комплексе эти предметы о чем-то весьма выразительно говорят. Неясно, правда, о чем. До отхода катера он успел покопаться на складе и подобрать для себя удобный скафандр полужесткого типа. Удобству экипировки он всегда придавал большое значение. Даже слишком большое, но это не было проявлением своеобразного сибаритства. Это — чтобы не думать во время работы о пустяках. Если придется работать. Почему-то он был уверен, что работать сегодня ему не придется, однако по опыту знал, что лагерь любой опергруппы не то место, где такого рода уверенность чего-нибудь стоит... Десантников в катере он не увидел.


MARS

Кроме него, были два пассажира: бородатый неразговорчивый геофизик и очень подвижный и страшно болтливый связист.

Благодаря общительности связиста он без малейших со своей стороны усилий узнал за время полета историю Плоскогорья. Во всех ее мрачных деталях. Историю героизма, наивности, суровой необходимости и довольно нелепых в конечном итоге смертей. Ничего принципиально нового. Десятки подобных историй лежали в основе его каждодневной работы... А Плоскогорье само по себе мало его волновало. Ему захотелось выбраться из Аркада, и он это сделал. Куда — не имело значения. Он об этом не думал. Он просто летел, и свист моторов десантного катера доставлял ему удовольствие. Хоть два Плоскогорья. Какая разница. Хоть тысяча Плоскогорий, Нагорий, Предгорий. Внеземелье многообразно и многолико. И каждый лик Внеземелья в принципе заслуживает лишь одного: безграничного недоверия. Вот и все. Остальное — нюансы. Восторги, трепет, благоговение, страх со временем выпадают в осадок. Люди его профессии достаточно быстро трезвеют в объятиях Внеземелья...

Пять лет миновало с тех пор. Отставка. Земля. Изуродованный организм и ненужные воспоминания. Теперь Внеземелье он видит разве что в небе Копсфорта, но первый свой день на Меркурии помнит до мельчайших подробностей. Он мог бы с точностью до минуты восстановить и мысленно снова прожить тот день, если бы это зачем-то потребовалось. Но как раз этого он не хотел. Он с этим боролся, отчаянно и безуспешно, с того самого дня, как вернулся домой. Ноги коснулись земли, а голова еще там... и ржавчина мучительных воспоминаний разъедает нервы и мозг. Не говоря уже об ощущениях собственного уродства. Он очень устал от всего этого... Он не хотел вспоминать ни тот первый свой день на Меркурии, ни какие-либо другие дни, связанные с Внеземельем. Он постоянно старался сосредоточиться на чем-нибудь постороннем, но старания были безрезультатными, как если бы он пожелал запретить себе думать или дышать. Куски Внеземелья застряли где-то у него внутри, в прямом и в переносном смысле этого выражения, и огромная толпа, казалось бы, полуугасших, полустертых образов удаленных во времени

звуков, людей и событий вдруг оживала, накрывая его с головой, как приливная волна...

Он лежал на спине, зажмурив глаза (чтобы не видеть ночного неба над Копсфортом), и внезапно почувствовал, что начинает проваливаться в какую-то вязкую белую мглу. Он сделал рывок, словно хотел ухватиться за то, на чем он лежал, но... видимо, это была только мысль о рывке. Мышцы свело напряжением, белая мгла сомкнулась над головой. Он понял, что момент упущен, и теперь ему обеспечено несколько странных минут...

ЛОШАДИНЫЕ СНЫ И КОНТРАСТЫ, КОНТРАСТЫ...

Странными были эти минуты. Снилось белое небо... Словно в молочном море бушевали в нем глянцево-белые волны с перламутровым кружевом пены на гребнях. И снилось иссиня-черное солнце. В зените.

Черное солнце стояло над пропастью. В пропасть каскадом сбегали террасы. На склонах террас — крутые ступени, льдисто блестевшие то ли стеклом, то ли действительно льдом. Неодолимый, тревожный соблазн пробежаться по этим ступеням... А за спиной, как обычно в такие минуты, плавал Затейник и, разжигая соблазн, подстрекал: «Ну, чего там! Вперед!..»

Появлялся Затейник непременно в сопровождении светового эффекта: где-то сбоку вспыхивал вертикально удлиненный отблеск и, мелькнув солнечным зайчиком, исчезал. Боковым зрением отблеск почти всегда удавалось поймать. Затейника — никогда. Однако воображение уверенно рисовало висящий в воздухе сгусток зеркальной субстанции, напоминающей ртуть. Оборачиваться бесполезно — все равно не увидишь. Но Затейник был за спиной: от него исходило ясное ощущение ртутно-подвижной тяжести.

Ну? Чего там?! Вперед!..

И начинался стремительный спуск по скользким ступеням. Безрассудный, безудержный бег... Подобные сны видят, наверное, молодые горные лошади. Полускачка, полуполет. Ветер в лицо. Дух захватывало, сердце бешено колотилось. Но страха не было. Ничего такого не было,

кроме вскипающей злости. И надежды, что пытка движением скоро закончится...

Сумасшедший бег давно стал привычным сюжетом коротких, но утомительных снов. Вернее сказать, полуснов, где явственно все осязаешь и довольно отчетливо мыслишь. А иногда даже мечтаешь о честном, настоящем сне. О нормальном, естественном сне, который, увы, приходил раз в трое-четверо суток, но зато был глубок и неосязаем, как смерть.

Нортон очнулся. Минуту лежал, не открывая глаз, ощущая голой спиной и затылком твердую плоскость, жадно вдыхал ночную прохладу. Грудь часто вздымалась. Голову до предела наполнил многозвучный звон, сердце продолжало бешено стучать. В белом небе ходили белые волны. В зените стояла апокалипсическая луна. Иссиня-черный кругляк ее был слегка на ущербе. Нортон поднял прозрачные, будто стеклянные, веки. Ничего не изменилось. Тот же дурацкий белый пейзаж — будь он проклят,— тот же черный кругляк — будь он проклят четырежды! Но тысячу раз будь проклято все Внеземелье!!!

Скрежетнув зубами, он рывком перевернул себя на живот. В глазах мгновенно (как это бывает в калейдоскопе) сложился яркий узор: разноцветье лохматых пятен, полос и кругов. Плотный ком застрявшего в ушах звонкого шума вдруг лопнул и расплескался какофоническим половодьем музыки и голосов. Глухо мыча, обхватив руками голову, Нортон перекатывался с боку на бок; мозг резонировал, отзываясь на работу едва ли не всех телецентров, радиостанций и радиомаяков континента!..

В конце концов он снова лег на живот и застыл. По опыту знал: ничто не поможет, пока не заставишь себя успокоиться. Он успокоился. Теперь надо сделать усилие и выбрать из этой сумятицы звуков и образов что-то одно — легче будет отбросить все остальное. Он выбрал торжественный хор под рокот органа. Он настолько уже изучил местный эфир, что мог почти безошибочно определить, откуда исходит трансляция. Выбор был неудачен — волна органно-хорового концерта шла со стороны Солт-Лейк-Сити, волна мощная, избавиться от нее всегда бывает трудно... Однако сегодня ему удалось подавить

сверхчувствительный мозговой резонанс неожиданно быстро.

Нортон привстал на руках. Огляделся. Была изумительно светлая ночь. Вернее, был поздний вечер — до полуночи оставалось часа полтора. Очень ярко, совершенно нормально светила луна, нормально квакали в разноголосицу лягушки и где-то в садовых зарослях ухала ночная птица. Он лежал на краю самой верхней площадки трамплина. Внизу, в спокойной воде бассейна, сияла вторая луна... Постороннему глазу, пожалуй, могло показаться, будто какой-то чудак в пестрых плавках принимает лунные ванны. Купальный халат, вероятно, свалился в бассейн. Счастье, что постороннего глаза не было... Нортон сел, свесив ноги с трамплина. Страшно хотелось прыгнуть. Он посмотрел на увитую стеблями ипомеи террасу дома и от прыжка воздержался.

Мышцы требовали силовой нагрузки, движения. Эта мучительная, ненасытная потребность не давала покоя ни ночью ни днем. Ночью особенно. Соскользнув с площадки, он задержал падение рукой и повис, покачиваясь, как обезьяна. Перебирая руками ажурные переплеты выгнутой стойки трамплина, проворно спустился к земле. Спрыгнул и побежал, хотя бежать здесь было неудобно — ноги вязли в песке. Бег по песку не доставлял удовольствия, и Нортон перескочил на низкий парапет, который вровень с пляжным песком тянулся вдоль длинной стороны бассейна. Прямой как стрела парапет привел его к полузатопленному полукругу ступеней схода к воде. В акробатическом прыжке перевернувшись на руки, он так, на руках, и сошел по мраморным ступеням в воду, и она неслышно сомкнулась над ним.

Он покружил у самого дна. Дно чуть светлело; в сумеречно-серой толще воды медлительно, сонно колыхались тончайшие занавеси дымчатого сияния. Поверхность, залитая лунным серебром, приятно лоснилась над головой глянцевым блеском... Нортон трижды пересек бассейн из конца в конец под водой и ни разу не всплыл на поверхность. Ненормально, конечно. Особенно если учесть размеры бассейна: семьдесят метров на тридцать. Бетонированного корыта более крупных размеров в Консфорте, пожалуй, и не найти...

Каким образом вообще удавалось ему ненормально

долго бывать под водой, Нортон не понимал. Удавалось, и все тут. Правда, потребность в дыхании на глубине ощущалась, но эта потребность скорее всего была рефлекторной — без вреда для себя он довольно легко ее подавлял. Странная способность обходиться подолгу без воздуха была одной из тех немногих его «ненормальностей», против которых он ничего не имел и которые даже был склонен использовать. Бывало (вот как сегодня), истерзанный «калейдоскопной игрой» зрения, слуха и обоняния, измученный полуснами, он спрыгивал в воду, опускался на дно и лежал, наслаждаясь подводным покоем. Удушье он начинал ощущать минут через сорок. Если двигался — через пятнадцать — двадцать. Когда он впервые заметил эту свою «ненормальность», подумал, помнится, с мимолетным не то интересом, не то омерзением: «И утопиться-то по-человечески, видно, теперь не сумеешь!..»

Он испытывал неодолимую тягу к воде, и его ночные купания тревожили Сильвию. Раньше он не стеснялся ночами шумно резвиться в бассейне: надо было себя утомить, насытить движением. То же самое делал он и теперь, но делал тихо и скрытно, глубоко под водой. Иначе Сильвия просыпалась, выходила из дома, обеспокоенно слушала всплески, доносившиеся из темноты. И кто знает, о чем она думала... В конце концов он улавливал «запах» ее тревоги и спешил покинуть бассейн. Словно был виноват перед ней. В чем? В том, что этот жалкий бассейн — одна из немногих радостей его мучительно-пестрого бытия?.. Нет, дело, конечно, не в этом. Он знал в чем. И знал превосходно. Увы, сквозь маску бывшего обыкновенного парня Дэвида Нортона проступало обличье монстра... Но (свидетель великое Внеземелье!) разве он виноват? Разве он ви-но-ват?!

Нортон слепо, яростно греб под водой. Он слишком медленно уставал, хотя вкладывал в ярость движений всю энергию мускулов. Он ненавидел неистощимую силу собственных мышц и дорого дал бы за возврат утраченной способности нормально уставать!.. Едва не врезавшись с ходу в бетонную стенку, он повернул и вознамерился было снова пройтись вдоль бассейна. Но вдруг ощутил, что это ему надоело. Выдохнул воздух, спиной опустился на дно и, раскинув в стороны руки, замер в объятиях водяной

невесомости. Словно в водяном гробу. Заживо. В очень просторном гробу — семьдесят метров на тридцать. Вместо крышки — дремотный блеск лунного серебра... Нет, он проявил малодушие только в одном: не решился уйти. Уйти, удалиться, чтобы избавить Сильвию от своего злосчастного присутствия. Это был бы самый правильный и самый честный выход, но это было выше его человеческих сил. Или нечеловеческих?.. Как бы там ни было, он не мог без нее...

Вода полыхнула пронзительно-синим огнем, плеснула в уши болезненно-острым визгом. Нортон инстинктивно сжался, зажмурил глаза, подождал. Синяя вспышка и визг повторились. Он, точно ошпаренный, вынырнул и, разогнавшись сильными гребками, с маху выбросился грудью на бетонную полосу парапета. Он мог бы, пожалуй, побить все мировые рекорды по плаванию. Да и не только по плаванию, и без скидок на возраст. Супермен, черт побери! При всем при том заурядная летучая мышь в состоянии выгнать его из воды.

Сидя на краю бассейна, он с опаской и злостью следил, как в надводном пространстве суетливо и на первый взгляд беспорядочно мечутся перепончатокрылые летуны,— кажется, их называют ночницами-рыболовами. То падая к самой воде, то разочарованно взмывая в лунное небо, рыбоядные зверьки напрасно шарили в бассейне чуткими лучиками эхолокаторов. Корма не было, и зверьки один за другим улетали. Стиснув зубы, он ждал, когда они наконец уберутся. Несколько раз его задевали буквально бьющие наотмашь лучи ультразвука. Он вздрагивал, ежился от пронзительной синевы и острого визга — жалкий, могучий, болезненно-раздраженный сверхчеловечек. Супермен, временами готовый заплакать — если б умел! — от отчаяния и жалости к самому себе...

Да, итоги были, мягко говоря, плачевными. Мир изменился, перестал быть родным. В том смысле, что он перестал быть привычно удобным. Как вывернутые наизнанку ботинки, если бы их удалось таким образом вывернуть. Впрочем, вздор. Какие могут быть претензии к миру людей у того, кто сам нечеловечески изменился?..

Минуту он сидел неподвижно, ссутулясь. И неподвижность успокоила его. Вспомнил: сегодня истекает год с тех пор, как он вернулся домой. Что ж... многие вер-

нулись по-другому — в запаянных наглухо специально прозрачных гробах. Или в специально непрозрачных — смотря по тому, что сделало с человеком Его Сиятельство Внеземелье. Или совсем не вернулись. Ему, Дэвиду Нортону, повезло. Если везением можно считать теперешнюю жизнь с двойным, будто у злодея, дном. На возвращение домой это мало было похоже.

Вдоль позвоночника пробежал зуд, и Нортон почувствовал тяжесть в висках и затылке. Остался в общем спокоен — знал, что за этим последует. Обвел глазами пухлую стену зелени на противоположном берегу бассейна: кроны деревьев, кусты начинали светиться и стекленеть. Странное величественно-бредовое зрелище: похоже на антикварную выставку люстр немыслимых габаритов. Зеленовато-сизое свечение листвы таинственно не отражалось на воде. Поверхность воды отражала — отражала ли? — нечто другое: где вдоль бассейна, где поперек, участками, скользили отрезки фосфорически-белых полос, создавая иллюзию... паркетной, что ли, текстуры всего водяного прямоугольника.

В небе тоже происходило что-то неладное, и напрасно Нортон старался туда не смотреть (он много раз это видел, но приучить себя с равнодушием относиться к причудам небесной метаморфозы до сих пор не умел). Атмосферный купол светлел, наполняясь переливчато-опаловым сиянием. Довольно красиво, однако небу родимой планеты абсолютно не свойственно... Картина быстро менялась: в глубинах воздушного океана вспухали гигантские призрачно-радужные пузыри и, деформируясь в созданной ими же тесноте, с каким-то хищным азартом безудержно расширялись, проникая друг в друга, словно каждый из них был обладателем неоспоримого права на господство в пространстве. Радужный шквал стремительно приближался, и в тот самый миг, когда цветное небо готово было рухнуть на землю, Нортон невольно втянул голову в плечи. Каждый раз он презирал себя за это, но каждый раз делал то же самое, не в силах справиться с ошеломлением, потому что буйство немыслимо ярких красок вдруг обрушивалось на него как удар шквального ветра. В этот момент он чувствовал себя в центре беззвучного взрыва, и опасность задохнуться или ослепнуть в красочном вихре обезумевшей стихии казалась ему реальной.

Чтобы вырваться из радужного урагана, нужно было подавить в себе ощущение вихревого движения усилием воли — очень своеобразным усилием, но уже хорошо отработанным практикой. Он так и сделал.

Небо угасло. На темной земле все еще оставались невесомые розовые купола, а в глазах плыли черные и зеленые пятна. Но это был финал, и Нортон облегченно перевел дыхание. Несколько секунд спустя в окружающий мир вернулось ночное спокойствие. В воде спокойно блестела луна; кусты и деревья, утратив прозрачность, мирно дремали... Было время, такие контрасты его потрясали. Теперь привык.

Разумеется, он сознавал, что его организм обладает странной способностью воспринимать кое-какие детали окружающего мира полнее и глубже, чем это доступно нормальным людям. Откуда свалилась ему на голову эта «способность», он не знал, однако она была для него отвратительна, как отвратителен для совершенно здорового человека бредовый мир сумасшедшего, он противился ей как умел и даже побаивался особо эффектных ее проявлений, которых не понимал. Мелочи, правда, он терпеливо сносил, хотя и они временами сильно ему досаждали,— будь то радужный шквал радиоволн, болезненно-острый укол ультразвука или мертвенно-синее, как чувственный образ тоски, мерцание кабелей электросистем. Невозможно свободно и просто ощущать себя дома, если, взяв в руки яблоко, видишь в нем (не глазами, а черт знает чем!) золотистый ход червоточины. Если бывают моменты, когда голова твоего вислоухого пса вдруг обрастет язычками сияния, нелепо и жутковато похожего на корону, и если магнитные бури (до которых тебе и дела-то нет никакого!) вызывают в твоей собственной голове такой кавардак, будто ты опрокинул в себя флягу бренди. Или, скажем, если в апреле по вообще непонятным причинам тебя начинает преследовать неестественная желтая окраска ландшафтов, а в мае доводят до бешенства мигрени перед грозой... Впрочем, «мигрень» здорово помогла в те первые двадцать четыре часа на Меркурии. Плоскогорье Огненных змей... Верно Дик тогда говорил, район был действительно очень тяжелый и пакостный. Гиблое место. Дурную славу этому месту создала в основном разведэкспедиция первооткрывателей Плоскогорья...

ПЛОСКОГОРЬЕ ОГНЕННЫХ ЗМЕЙ

За одну меркурианскую ночь Плоскогорье убило четверых меркуриологов и уничтожило два катера-шаролета. Погибла практически вся экспедиция. По обугленным трупам определили: убийца — высоковольтный разряд. Водитель третьего шаролета красочно описал момент катастрофы: стоило впереди идущей машине снизиться до критического в тех местах уровня — и «навстречу катеру из какой-то ямы выскочил огненно-голубой головастик, похожий на кобру в прыжке!..». Потом водитель долго ничего не видел, потому что был ослеплен вспышкой близкого взрыва, и едва сумел дотянуть до лагеря на своем утыканном осколками аппарате. То, что осталось от экспедиции, срочно эвакуировали, разведку временно прекратили — в длиннющую меркурианскую ночь было много других неотложных дел. Конечно, в длиннющий и адски горячий день забот было не меньше, но разведгруппу на Плоскогорье все-таки отрядили. Разведчики облазили множество ям и ничего подозрительного не обнаружили; даже бурение с отбором керновых проб сути зловещих событий не прояснило. А ночью снова трагедия: пытаясь выяснить, почему перестала работать смонтированная разведгруппой линия геофизических датчиков, погиб еще один шаролет. С этим решили покончить и опасную территорию попросту объявили «зоной ночной недоступности», запретив до лучших времен всякую самодеятельность в этом районе. Решение администрации хотя и вызвало ропот разведчиков-энтузиастов, но было абсолютно правильным. Рисковать людьми и техникой без особой на то необходимости — преступно, а на фоне главных задач промышленно-металлургического центра Меркурия — преступно вдвойне. Тем более что королевство Огненных змей никому, кроме искателей-первопроходцев, пока не мешало.

Шли годы, менялась администрация — запрет оставался, и постепенно привыкли к нему, как привыкали на этой планете к десяткам запретов иных — рук не хватало объять необъятное. И кто знает, когда наступили бы «лучшие времена», если бы не обнаружились доминионы проклятого королевства (еще два опасных в ночную пору участка) и если бы к одному из них близко не примыкал

богатый иридием рудник «Нежданный», которому надо было работать и ночью и днем. Временное перемирие с Огненными змеями, к радости энтузиастов и неудовольствию трезвых практиков, закончилось. Отложив текущие дела, энтузиасты бойко организовали группу технического содействия «Мангуст», усиленную ребятами из «Меркьюри рэйнджерс», и подготовили ночную штурм-операцию под названием «Конкиста». Но очень скоро «мангустадорам» пришлось убедиться, что наскоком змеиную крепость не взять: эффектная гибель хорошо оснащенного, как им представлялось, десантного вездехода (к счастью, безэкипажного) послужила сигналом к отбою. Отступив, стали думать, как быть. Штурм электрических площадей в сотни квадратных километров требовал опыта и соответствующего оборудования. Ни того, ни другого не было. Ведь никому и в голову прийти не могло, что на Меркурии доведется вступить в серьезную схватку с природным электроразрядником такой чудовищной энергоемкости и вдобавок неясного принципа действия,— геофизики лишь пожимали плечами. Тогда мудрецы из «Мангуста» решили испробовать в деле дистанционно управляемый тягач-вездеход, оснастив его «надежным заземлением», а попросту говоря, волочащимися сзади связками цепей и металлических тросов, настолько длинными, насколько это было под силу мощной машине. То самое, что Дик Бэчелор называл «подручными средствами». Н-да...

В штурмовой лагерь катер прибыл за два часа до назначенного срока операции. В районе лагеря царила глухая меркурианская ночь. Да и сам район, по словам общительного связиста-попутчика, был «глухоманью на отшибе». Этому можно было поверить. За время полета от полуденного Аркада до «вечерней границы» связист то и дело показывал ему, новичку, местные ориентиры, но лишь единственный раз они видели с высоты довольно крупную базу и уже знакомые по Аркаду участки «шахматных полей» — гелиоэнергетическую сеть рудничного комплекса «Менделеев». И после, когда машина прошла над изрезанной кинжальными тенями зоной терминатора, прошмыгнув очень красивую зону «розового луча» (прощальный привет хромосферы уходящего Солнца), и нырнула в глубокую, как океан, планетарную темноту, он не без подсказки того же связиста заприметил промелькнув-

шие на правом траверзе далекие огни опорной базы каких-то разведэкспедиций, а потом они шли над ночным полушарием еще три тысячи километров, и ничего, кроме двух вулканических факелов, редких вспышек проблесковых маяков прямо по курсу и неподвижных звезд наверху, он не видел...

Лагерь ему понравился. Везде и во всем здесь ощущался порядок. Но, когда был дан сигнал к началу операции и он увидел, как оборудован штурмовой тягач-вездеход, у него возникло сомнение... Люди едко перешучивались, скрывая тревогу, и лишь руководитель группы Джобер был полон загадочного оптимизма.

Затея, как показалось на первых порах, себя оправдала; механический мамонт, уволакивая свой невероятный шлейф, тяжело вылез на Плоскогорье и с упорством железного идиота стал ломиться сквозь кучи камней и клубы поднятой пыли, и жгуты ослепительно синих разрядов, и фейерверочные россыпи искр, и дымные столбы света направленных сверху прожекторов эскадрильи специально для этого случая роскошно иллюминированных катеров. Вслед за ним, осмелев, поползла самоходная установка с какой-то аппаратурой; экипаж — водитель и оператор. Водителем самоходки был Аймо Зотто по прозвищу Канарейка — любимец отряда «Меркьюри рэйнджерс», самый веселый десантник из всех десантников-весельчаков, каких только можно припомнить,— и его убила шаровая молния... Не хочется вспоминать, до чего он был скрюченный, страшный, этот Аймо, когда его принесли в бункер и неизвестно зачем уложили на стол походной операционной. Такого рода внезапности всегда болезненно бьют по нервам. И особенно сильно, если ты в непонятном для самого себя качестве представителя штаба с головой ныряешь в горячий котел незнакомой тебе обстановки едва ли не прямо с трапа доставившего тебя в этот ад межпланетного корабля и сперва, пытаясь сосредоточиться на изучении орбитальных снимков и карт проклятого Плоскогорья, слушаешь через полуоткрытую дверь звон гитары, смех и песни Аймо, а потом помогаешь вытаскивать из скафандра его неподвижное тело, и какой-то дурак самодовольно-траурным баритоном тебе говорит: «Вот так, Нортон, мы здесь и живем, здесь тебе не Юпитер, и ты, должно быть, у нас не задержишься...» — а те,

кто умнее, сжав челюсти, не говорят ничего, и это еще хуже... Да, он сразу невзлюбил Меркурий. Однако, насколько Меркурий был для него предпочтительнее Юпитера, знал об этом он один и ни перед кем не собирался отчитываться.

Он не мог найти себе места, пока не уснули ошеломленные несчастьем люди; потребности спать он не испытывал и, не зная, куда себя деть, молча сидел в скафандровом отсеке рядом с дежурным, который, как все, был чрезвычайно подавлен случившимся и почти с испугом поглядывал голубыми, как земное небо, глазами то на гитару Аймо, то на безмолвного представителя штаба. Гитара Аймо стояла кверху грифом в нише, где должен был висеть скафандр. Дежурный был молод и полушепотом объяснил, что Аймо не расставался с гитарой до самого входа в кессон и всегда оставлял ее здесь, чтобы сразу взять в руки, как только вытаскивал их из скафандра. Он не ответил. Дежурный, верно, задетый его равнодушием, тоже умолк. Но это не было равнодушием. Просто он не привык обсуждать очевидные вещи. И кроме того, хотелось хоть на минуту забыть веселого человека Аймо Канарейку, его коричневое лицо, смеющийся рот, коричневые руки с розовыми ладонями. Недавняя веселость Аймо выглядела неуместно, как улыбка на губах убитого хищником гладиатора. Он очень надеялся, что не Аймо предлагал сегодня Людмиле Бакулиной руку и сердце... Да, в наш респектабельный век все это напоминает бои гладиаторов. С той только разницей, что, когда впереди падает твой товарищ, ты испытываешь стыд оттого, что позволил упасть ему вместо тебя. Вот ведь в чем штука...

Он встал, подошел к стеллажам, где находилось десантное снаряжение, выбрал рейд-рюкзак средних размеров. Проверил работу выводного клапана: в подставленную ладонь выпало несколько тонких пластмассовых дисков — рейд-вешек. Диски вспыхнули пурпурно-красным огнем. Он вообразил себе светящуюся цепочку «кровавых следов», которая будет тянуться за ним — далеко ли? — в опасную зону, помрачнел, но, отгоняя тревогу, подумал, прикинув на глаз объем рюкзака: километров на двадцать этого хватит. Потом он невольно продемонстрировал дежурному, с каким проворством можно упаковаться в ска-

фандр, не пользуясь посторонней помощью,— навык, выработанный практикой в условиях невесомости.

Трудно сказать, на что он надеялся. На болевые спазмы в висках, возникавшие, как он не раз убеждался, когда ему доводилось бывать поблизости от высоковольтных источников напряжения? На интуицию, которой в последнее время стал доверять больше, чем показаниям точной аппаратуры? Аппаратура пока не сумела обезопасить людей на дьявольском Плоскогорье... Ошарашенный его приготовлениями дежурный спросил: «А... как же насчет разрешения командира?» Он тщательно укрепил рейд-рюкзак на спине, соединил кабель от клапана с коммутационной системой скафандра, ответил: «Нет нужды в таком разрешении. Я представитель экспертной группы штаба отряда, и мои действия командиру группы «Мангуст» неподконтрольны. Других вопросов нет?» Других вопросов не было, но лицо у дежурного было очень расстроенное. Он попрощался с дежурным взмахом руки — по пути рука привычно захлопнула стекло гермошлема — и вышел в кессон.

Дорогу, проложенную тягачом, следовало бы считать безопасной. По логике дела. Лично ведь наблюдал, как увешанное цепями чудовище, двигаясь напролом, гасило электроразряды, доказывая тем самым, что емкость задетых машиной грунтовых аккумуляторов не беспредельна. Но еще лучше он знал, что логика человеческих представлений далеко не всегда хорошо согласуется с логикой Внеземелья. Выйдя на эту дорогу, он выключил фару и подождал, пока его зрение приноровится к новым условиям.

Звезды струили на Плоскогорье невесомо-призрачный свет. Едва уловимо подсвечивал голые спины бугров белый фонарик Венеры, и кое-что перепадало от огромного, взметнувшегося над горизонтом жемчужно-лебединого крыла зодиакального сияния. На фоне «крыла» остро блестела звездочка ГСПС (главный спутник планетарной связи). Нет, полночная темнота Плоскогорья для человеческих глаз была не такой уж и непроглядной. Он обернулся. На кончике шпиля видной отсюда верхушки лагерной мачты спокойно мигал огонек маяка. Но это уже не имело значения. Его внимание было сосредоточено только на том, что впереди. А впереди ничего успоко-

ительного не было, и единственное, что он знал наверняка, продвигаясь вперед, так это то, что там погибло несколько человек. Он думал об этом без страха и сантиментов. Смерть других содержала в себе информацию, которую он хладнокровно, рационально был намерен использовать. О собственной гибели он не думал. Она была не менее вероятна, он всегда это чувствовал, но во время десанта никогда не думал о ней. Если случится непоправимое, его смерть рационально используют те, кто пойдет следом.

Первый сгусток огненной плазмы он встретил раньше, чем дошел до того места, где погиб Аймо. Меркурианская шаровая молния была похожа на светящийся апельсин, поверхность которого периодически искрилась голубоватыми блестками. Она парила сравнительно невысоко — не выше уровня его бедра. Минуту он внимательно разглядывал ее, на некотором удалении, с опаской, и ему показалось, будто бы у нее есть длинные, исчезающие тонкие жгутики и будто бы в такт появлению блесток она эти жгутики втягивает и выпускает, как парящая в воде медуза.

О повадках шаровых молний он мало что знал (и земных-то не видел, не говоря уж о меркурианских). Когда эта штука без всякой, казалось бы, на то причины вдруг шевельнулась и медленно поплыла, он попятился. Внезапно его охватила вспышка мрачного ожесточения. Плохо сознавая, что делает, он поднял камень... Тяжесть камня его отрезвила. Выронив камень, он обогнул «апельсин» и пошел дальше. Он был очень собой недоволен. Вспышка ожесточения была нелепой. Мало того, абсолютно непрофессиональной. За такие вещи ему доводилось отстранять от работы своих подчиненных. И теперь, встречая на пути светящиеся шарики, он разглядывал их с холодным вниманием и думал, что, если бы самоходка шла с погашенными фарами, Аймо наверняка остался бы жив... Один из крупных шаров наткнулся поблизости на обломок скалы. Взрыв был эффектный. Такого взрыва он не ожидал — его ослепило и обсыпало каменным крошевом. Да, шутки с плазменным сгустком энергии плохи...

Сквозь треск в наушниках шлемофона послышался голос: «Связь, Нортон, связь!» По начальственно-требовательным ноткам голоса он сразу определил, что это Джобер. «Нортон, немедленно возвращайтесь или я вы-

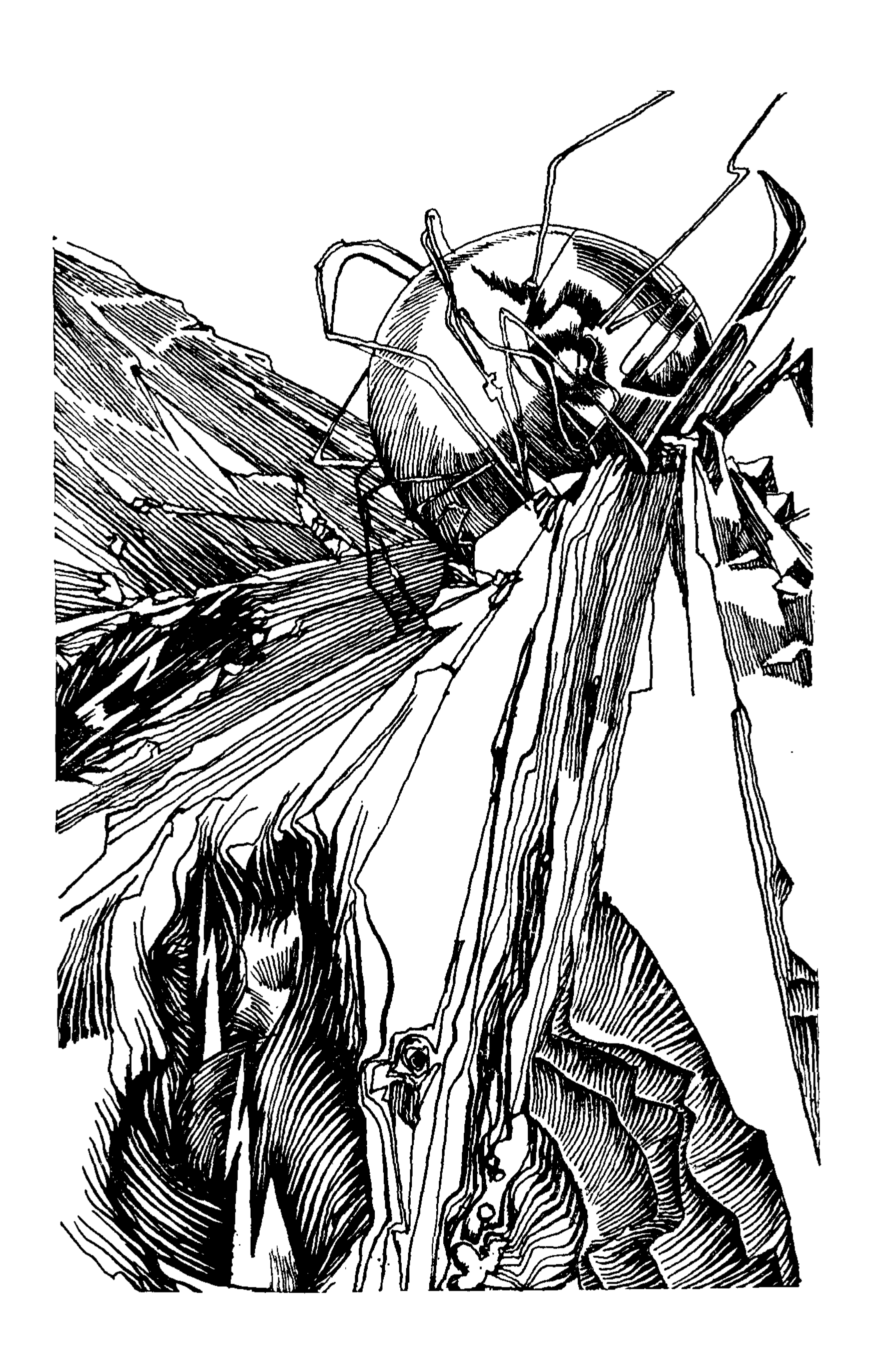
шлю катер!» Пришлось ответить успокоительно: «Все в порядке, Джобер. Слышимость великолепная». Взрыв негодования Джобера был равносилен взрыву шаровой молнии. Из всего, что пропустили через себя наушники, удалось лишь разобрать, что в полевых условиях командир группы не в состоянии обеспечить всех желающих операционными столами,— очень ценная информация. «Не дурите, Джобер. Катер мне помешает. Успокойтесь и просто поддерживайте со мной связь».— «Я не могу спокойно поддерживать связь с потусторонним миром!» — «Рекомендую вам это как эксперт».— «Мне нужны живые эксперты, Нортон!» — «В ваших силах помочь мне остаться в живых».— «Но как?!» — «Прекратить панику, не отвлекать меня пустой болтовней». Минутная пауза. «Нортон, учтите, я снимаю с себя ответственность за вашу безопасность».— «Учту, папаша...» — рассеянно ответил он, осторожно лавируя в поисках прохода между тремя плавающими шарами. Шары были голубого цвета и двигались чуть быстрее оранжевых.

«Джобер, полагаю, все, что я говорю, проходит на фонозапись, не так ли?» — «И даже то, что говорю я».— «Превосходно...» — «Вы что-то там нашли, Нортон?» — «Да. Я нашел, что ваша затея с тягачом никуда не годится».— «Где вы находитесь?» — «Недалеко от машины. Но пока несколько сзади нее. Иду вдоль «хвоста», спотыкаясь о цепи».— «Умоляю, не заходите вперед!» — «Именно это я и собираюсь сделать. Понимаете, Джобер, я встретил здесь уйму шаровых молний. Не меньше десятка. По цвету и по размерам шарики можно подразделить на два типа: оранжевые величиной с апельсин и голубые величиной с крупный грейпфрут. Видны хорошо и передвигаются в достаточной степени медленно, чтобы внимательный человек не мог их не заметить. Но вот что странно... Большинство шариков плавает невысоко над грунтом. В основном на уровне моего бедра. Реже — на уровне головы. И еще — почему-то им нравится плавать именно там, где прошел тягач. Я не заметил ни одного за боковыми пределами проторенной дороги и не вижу ни одного дальше носа машины. О чем это говорит, Джобер?» — «Да, о чем это говорит, Нортон? Вам оттуда виднее».— «О том, Джобер, что утюжить эти места тягачом вам запрещается. Стоит ли заменять одного убийцу

другим, прыгающего летучим?» — «Согласен. Но что же нам тогда разрешается? Быть на связи и, леденея от страха за вашу жизнь, уповать на то, что вам, быть может, удастся увидеть больше, чем вы увидели?» — «Ничего иного пока не могу предложить. Ожидайте, я вызову вас. А если не вызову... Во всяком случае, рейд-вешки укажут вам какой-то отрезок дороги, по которому безопасно пройдет самоходка с нужной для вашей группы аппаратурой. До связи».— «Нортон, честное слово, вы ненормальный!» Он не ответил. Работать в таких условиях хуже всего. Командир опергруппы ничего не смыслит в специфике десантной разведки, командир пустословит, командира приходится уговаривать.

Обойдя застывшую на лобастом бугре машину, обросшую, как голова Медузы Горгоны, хаотически торчащими во все стороны пучками прямых, изогнутых и спирально закрученных молниеотводов, он глянул вдаль и невольно остановился. Вид Плоскогорья его поразил. Королевство Огненных змей нежно и очень разнообразно светилось. Участками. Он затруднился бы передать словами то, что различали его глаза,— обращение к любым аналогиям было бы безрезультатным. Здесь, пожалуй, могла бы выручить только живопись неуверенных ассоциаций... «Пролетая над мрачной стеклянной планетой, Звездный лебедь случайно задел эту местность крылом, и на волнистостеклянную толщу грустного царства серых, сизых и черных теней в сомнамбулическом беспорядке просыпались перья-призраки и пушинки-фантомы...» Да, что-нибудь в этом роде... Минуту он простоял, размышляя, стоит ли будоражить начальство загадочным сообщением. Решил, что не стоит, и неторопливо спустился с бугра. Он не был уверен, что призраки Плоскогорья доступны глазам человека с нормальным зрением...

Он продвигался вперед чутко и осторожно, как зверь на охоте. Болевые сигнализаторы еще ни разу не проявили себя, и это его слегка беспокоило. Тем более что дно ложбины, в которую он спустился, было наклонным и вело куда-то все ниже и ниже. Ложбина вполне могла оказаться одной из тех ям, которых здесь так боялись. Взял поправку — стал забирать левее. К продолговатым буграм. Левее и выше. Внезапно боль в голове заставила резко присесть. Он вскрикнул, судорожно изогнулся и,



обхватив руками шлем (огромный пузырь, как ему показалось), скатился в ложбину.

Боль отпустила. В ушах бесновался голос Джобера — просил, требовал, умолял. «Какого дьявола вам от меня надо, Джобер?!» За время вдруг наступившей паузы он успел вскочить на ноги, осмотреться. Пылающая пурпуром цепочка ярких звезд шла вдоль косогора и обрывалась недалеко от подножия бугра. А под ногами уже успела скопиться кроваво-красная «лужица» мерно «капающих» из рюкзака рейд-вешек. «Вы живы?!» — прозвучал в наушниках несколько запоздалый не то возглас, не то вопрос, и ему показалось, что говорит кто-то другой, не Джобер. «Кто говорит?» — «Первый помощник командира группы Данилов».— «Привет, Данилов. А куда подевался Джобер?» — «Никуда он не подевался. Расшвыривает здесь фармацевтические ящики в поисках чего-нибудь успокаивающего».— «Великое Внеземелье! Ну оступился я, вскрикнул, умолк. Не буду же я ругаться на весь эфир через спутник связи! Ладно, не отвлекайте меня. Занят». Он посмотрел на спутник связи, выключил клапан рейд-рюкзака и подался на косогор. Надо было убрать тот слишком заметный отрезок пунктира — для безопасности тех, кто пришлепает следом...

Смутное убеждение, что там, у подножия продолговатого бугра, где кончался красный пунктир, затаилось опасное Нечто, вызывало скованность мысли, чем ближе он туда подступал, собирая рейд-вешки, тем плотнее его окутывал страх. Страх был унизительно примитивен — где-то на уровне инстинктивного страха у того довольно распространенного типа людей, которым трудно бывает заставить себя подойти к самому краю обрыва... Последние метры он полз, обливаясь потом, на четвереньках и буквально выковыривал из грунта неудобно-тонкие диски. Голова набухала тошнотворной болью, и он чувствовал, как у него начинают дрожать колени и руки; в глазах плыли пурпурные пятна двух последних рейд-вешек. Он потянулся к ним... и, оглушив себя собственным криком, резко отпрянул, упал на спину и, перевернувшись через горб рюкзака, увидел ослепительно голубую дугу и покатился куда-то, и рядом катились камни...

Его привел в чувство голос Джобера. В голове стоял

шум, но боли не было. Он лежал на дне ложбины, еще ниже того места, где в прошлый раз образовалась красная «лужица», все вокруг было спокойно. «Черт!..» — пробормотал он и сел. Голос командира группы взвился фальцетом: «Нортон, возвращайтесь немедленно!!! Долго вы будете издеваться над нами, паршивец вы этакий!» Разжав крепко стиснутый кулак в металлизированной перчатке, он убедился, что собранных дисков, к счастью, не выронил. Тихо сказал: «Пошел вон, Джобер. Где там менее впечатлительный первый помощник?» — «Нортон, я слушаю вас. Но вы должны извинить командира. Чем был вызван ваш чудовищный крик?» — «Вдохновением. Это был мой боевой клич». Он выбросил диски, отряхнул с перчаток пыль. «Послушайте, Данилов... А кто вам сказал, что здесь опасны именно ямы, а не, скажем, бугры? Вроде того, на котором остановился тягач?» — «Это утверждали очевидцы катастроф. Двух убитых меркуриологов тоже нашли в яме. Впрочем, да... они, конечно, могли и скатиться...» — «В том-то и дело. Как раз сейчас я нахожусь в одной из таких ям — метрах в тридцати пяти прямо по курсу, которым шел вездеход,— и превосходно в ней себя чувствую. Зато левее, взгляните на карту, тянутся три продолговатых бугра, и... похоже, они налиты энергией под самую пробку. Во всяком случае, первый из них определенно. Неподалеку от его подножия валяются две «шальные» рейд-вешки, но даже туда я не советую подходить. Буквально в нескольких сантиметрах от того места я наблюдал дугообразный электроразряд. По-видимому, в таких местах достаточно слегка потревожить грунт, чтобы нарушить там электростатическое равновесие. Подчеркиваю: вполне безопасен только путь, отмеченный рейд-пунктиром нормальной или повышенной плотности, «шальные» вешки не в счет».— «Понял, Нортон, спасибо. Но... простите... О вашем чутье ходят легенды. Как это вам удается?» — «Это детали, Данилов, которыми вы абсолютно спокойно можете пренебречь. У меня все. Маршрут продолжаю».— «Погодите, Нортон! Мы получили «вердикт» из штаба отряда. Касается вас...» — «Джобер чертовски оперативен. Ладно, давайте мне текст».— «Здесь всего одна фраза: «Эксперту штаба отряда «Меркьюри рэйнджерс» Д. Нортону предоставить возможность действовать так, как он сочтет нужным. На-

чальник экспертной группы Е. Гаранин». И... больше ничего».— «Этого достаточно. Спасибо, Данилов. До связи».

Во время беседы с первым помощником, обходя бугры и придерживаясь низин, он успел перебраться из одной ложбины в другую и оставить за спиной новые десятки метров рейд-пунктира. Теперь, полагаясь на болевые сигнализаторы в голове, он шел вперед гораздо бодрее — почти уверовал в то, что он и есть тот самый «комплексный блок разведочной аппаратуры спецназначения», которого так недоставало группе. «Автономно действующий образец, оснащенный манипуляторами». Но скоро пришлось столкнуться с неприятным открытием: он стал хуже видеть. Нет, правильнее сказать: стал видеть иначе. Сперва ему показалось, будто все вокруг окутала фосфорически-голубоватая дымка. Что-то вроде легкой светоносной завесы, довольно прозрачной, но со своими законами оптического преломления: детали рельефа, особенно ближние, так причудливо искажались от малейшего поворота головы, что сплошь и рядом трудно было понять, какие же они на самом деле — вогнутые, плоские или выпуклые. Присмотревшись, он понял: иллюзию дымчатого марева создавало плавное колыхание сети или, лучше сказать, системы струящихся во всех направлениях тончайших, как паутина, волокон таинственно невесомой и едва уловимой зрительным ощущением слабо люминесцирующей субстанции... Он долго разглядывал новый облик ландшафта. Узлами паутинообразной «сети» были бугры — у их подножий она достигала наибольшей концентрации, а в низинах почти не просматривалась. Подозрение, что именно бугры насыщены энергией, перешло в уверенность. С одной стороны, это как будто упрощало задачу маршрута, но с другой — искажение близких деталей рельефа сильно ее усложняло. Попадались места, где он с трудом различал даже то, что было под ногами...

За двенадцать часов он сумел одолеть не больше восьми километров. Несколько раз мучился болью в «электрических тупиках», когда забредал в слишком узкие промежутки между буграми, возвращался и снова искал безопасные «коридоры», оставляя рейд-пунктир только там, где боли не чувствовал. На восьмом километре пережил поучительно неприятный момент: прыгнув через какую-то ерундовую трещину, сослепу угодил в кучу камней, и они

покатились лавиной, которая вызвала слабое сотрясение грунта, а сотрясение, в свою очередь, вызвало на ближайшем бугре вспышку такого мощного электроразряда, что минуту глаза не видели ничего, кроме сумятицы радужных пятен. Едва эти пятна растаяли, он увидел себя в окружении шаровых молний, и пришлось проявить спортивную резвость, чтобы итог игры с опасными шариками в «кто кого перегонит» был в его пользу. Потом он нашел просторную чашеобразную яму и долго в ней отдыхал. Электричеством здесь и не пахло, глазам ничего не мешало, но голова болела. Голова у него разболелась просто от голода и усталости, дальше идти с такой головой не было смысла. Яма была идеально круглая и очень большая (метеоритного, видимо, происхождения), он добросовестно ее обследовал и вызвал катер...

Итогами его работы специалисты группы «Мангуст» остались довольны. Рейд-пунктир позволил им беспрепятственно протащить на этот участок массу всевозможной аппаратуры и в конце концов получить точную информацию об электрических свойствах всего Плоскогорья. Коварным буграм зачем-то присвоили его имя: куполовидные бугры стали называть «нортонами», продолговатые — «нортвенами», и каждый бугор Плоскогорья получил свой номер, словно это был уже планетный инвентарь. Встреч с «мангустадорами» он избегал, потому что при этом всегда было много тягостных сантиментов, и спецы разного профиля по-разному пытались ему объяснить «энергетический механизм» Плоскогорья. Восхищались, какие замечательные конденсаторы эти нортвены и какая у них уникальная кристаллическая структура, поясняли, как они накапливают энергию в вечернее время меркурианских суток, и как разряжаются утром, и как сложно участвуют в этом все виды излучений Солнца и плазма его Короны, и даже слабая атмосфера Меркурия, насыщенная атомами испарившихся металлов; а кое-кто из спецов делился мыслями о проектах унификации даровой энергии в промышленных целях, считая, что созданные самой природой «планетарные электростанции» гораздо совершеннее построенных людьми гелиоэнергетических комплексов. Он не сомневался, что все это важно в научно-технической перспективе, но это́ было уже не его дело. В то время он искренне полагал, что это его уже не

касается. Ему вполне доставало других забот. И он совершенно рассвирепел, когда узнал, что Плоскогорье убило еще трех человек. Год спустя администрация вновь объявила территорию Плоскогорья и два других участка подобного типа «зонами утренней, ночной и вечерней недоступности», распорядилась законсервировать рудник «Нежданный», срочно эвакуировала людей и запретила там все методы разведки, кроме дистанционно-технических. Крутой поворот в отношениях к Плоскогорью он воспринял довольно-таки равнодушно. Но когда узнал о причине спешно принятых мер, по-настоящему испугался. Данные статистики космического сектора здравоохранения свидетельствовали: у большинства разведчиков Плоскогорья рождались мертвые дети. Первое подозрение пало на какие-то малоизученные комбинации электрочастот, но это уже детали. Такого отчаянного испуга, как тогда, он ни разу в жизни не испытывал. До сих пор ощущение этого сидит в нем ледяной занозой...

БЫТ ВО ЛЖИ

Над бассейном, бесшумно помахивая крыльями, пролетела ночная птица. Нортон проводил ее взглядом и заодно осмотрел небо — нет ли где летучих мышей. Промелькнула еще одна птица, но перепончатокрылых не было. Он остался сидеть. Он обсох, и плавать уже не хотелось; сидеть ему было уютно. Задрав голову и пошевеливая ногами в воде, он долго смотрел на луну. Хотя понимал, что это рискованно. Моргнуть не успеешь, как снова провалишься в изнурительный полусон... Понимал и смотрел.

Почти все лучшее в жизни было связано у него с Луной. С лунными космодромами, базами и, конечно, с друзьями, которые там... Пестрый табор, исходная точка, трамплин для молодецких набегов по всем направлениям Внеземелья. Так ему представлялось когда-то. Теперь он даже не тосковал. Знал и был тверд в своем знании: мосты сожжены. И навсегда. Он сам их сжег не колеблясь — будь оно проклято! — и ни о чем не жалел. Иногда, правда, что-то болело. Особенно в лунные ночи. Слишком много лунных и звездных ночей... Да, он слишком привык

к борьбе с Внеземельем. Скучал. По этой борьбе. Внеземелье он теперь ненавидел. Боялся? Что ж, можно сказать и так. Не совсем справедливо так говорить, но зато избавляет от мерзостной тонкости оправданий. Он упорно боролся, сумел кое-что сделать, но в конце концов проиграл. Вот и все... В пылу борьбы не заметил, когда романтику соперничества с Внеземельем потеснила экспансия иного свойства. Вслед за разведчиком-первопроходцем густым косяком пошел деловитый монтажник-строитель, добытчик, промысловик — Земля решительно, быстро втянула доступные ей уголки Внеземелья в орбиту своей экономики. Человечеству, дескать, иначе нельзя, не выжить. Все это верно и справедливо, но... Но почему итог внеземельной экспансии заранее предполагается блистательно победным? Человек намерен все взять и ничего не отдать — к иному себя не готовит. Земля плюс просторное Внеземелье представляется людям в виде обыкновенной арифметической суммы; было мало, стало несравненно больше, а будет, знаете ли, бесконечно много. Не все догадываются, что это не так, что здесь берет свое высшая алгебра плохо вообразимых последствий. О том, что это не так, он и сам догадался не раньше, чем почувствовал эту алгебру на собственной шкуре...

Нет, добиваясь возврата на Землю, он не испытывал угрызений совести. Внеземелье ясно и жестко дало ему знать, чтобы он убирался туда, откуда пришел. Он так и сделал. А тем, кто остался, он желает всего наилучшего.

Он смотрел на луну, вспоминал их и желал им всего наилучшего. Крупных успехов, ярких побед. Все они славные парни, волевые, отважные, стойкие, и вполне заслуживают побед. Но лично он с этим покончил. В блистательную победу над Внеземельем он больше не верил. Отработать в Пространстве положенный срок было общественным долгом, и он его выполнил, но верить или не верить — это, в конце концов, его личное дело. Конечно, найдутся такие, кто будет его презирать за то, что он, Дэвид Нортон, специалист экстракласса, предпочитает сидеть на краю уютного бетонного корыта, болтать ногами в воде и глазеть на луну со дна уютной земной атмосферы. Ну что ж... Отнестись уважительно или, напротив, при встрече руки не подать — это ведь тоже личное дело кого-то. Кого-то из тех, кто продолжает мнить себя там,

в Пространстве, хозяином и еще не успел сокрушительно проиграть...

Нортон вдруг ощутил за спиной чье-то присутствие, слегка насторожился. Пляжной полосы здесь не было, близко к бассейну подступали кусты каликанта. За кустами были молодые вязы, и Нортон, не оборачиваясь, уверенно предположил, что тот, чье присутствие он уловил, находился под вязами. Да, запах скорее всего исходит оттуда... Собственно, это не запах, если говорить строго, однако дать более точное определение предмету подобных своих ощущений Нортон не мог. Его мало интересовало, имеет ли эта его способность ощущать на расстоянии достаточно крупные одушевленные объекты хоть какое-нибудь отношение к обычному механизму восприятия запахов. Не все ли равно — как и посредством чего? Просто он давно убедился, что, сам того не желая, своеобразно чувствует запах живого (живозапах, если угодно), как чувствует стрелка магнитного компаса глыбу металла. Убедившись, вынужден был примириться, хотя живозапахи по большей части не доставляли ему удовольствия. Терпимо «пахли» немногие из людей. Приятно «пахли» только Сильвия, дети и, как ни странно, собаки. Сильвия «пахла» уютно и как-то невыразимо удобно... Нет, живозапах там, за кустами, был не ее...

Нортон припал плечом к парапету — над головой мелькнуло тело огромной кошки и с шумом обрушилось в воду. Нортон сел, посмотрел на зверя. Ошеломленно проплыв по дуге, кугуар выбрался из бассейна, и было слышно, как с него льет вода. Нортон вытер ладонью забрызганное лицо и сказал:

— Хороший ты парень, Джэг, но дурак.

Зверь встряхнулся. Мокрый мех блестел под луной.

— Иди сюда.

Кугуар не удостоил его взглядом.

— Кому сказал, топай сюда!

Зверь медленно подошел. Нортон потрогал пуму за круглые мягкие уши, почесал под мордой влажную шерсть, как чешут домашней кошке. Кугуар принял ласку с достоинством. Морда красивая, белая на конце. Глаза как желтые угли.

— Ладно, не обижайся. Сам виноват.

Подумал: «Никак примириться не может, что я бы-

строе его. Все-таки пробует... Ну пробуй, ушастик, пробуй. Мы теперь никогда не сумеем застать друг друга врасплох, и с этим тебе уже ничего не поделать. И мне...»

— Такие вот дела, ушастик... Но шуметь по ночам я тебе запрещаю. По ночам надо тихо играть. Понял?

Зверь, широко открыв пасть, издал звук, похожий на протяжный стон и капризный зевок одновременно. Блеснули клыки.

— Не притворяйся, великолепно все понимаешь. Ты почти так же умен, как старина Голиаф. Ведь правда?

Кугуар презрительно фыркнул, потянулся, выпустил и спрятал когти.

— Н-ну...— неодобрительно произнес Нортон.— Только не важничай. Быть сильнее вовсе не значит быть умнее. Скорее даже наоборот. И в этом смысле Голиафу мы с тобой не соперники. Голиаф не бродит ночами в зарослях, как ты или я, не шумит, не лает на луну, хотя собакам это очень нравится. Спит себе и видит приятные сны. Он умница, он понимает: в этом доме лунатиков хоть отбавляй, а Сильвия у нас одна, и тревожить ее по ночам никому не дозволено. Ясно?

Услышав имя хозяйки, Джэг повернул морду в сторону дома. Сел на задние лапы.

— Умница,— похвалил Нортон.— Вот теперь мы с тобой поиграем.

Он снял с кугуара ошейник, вскочил. Зверь нетерпеливо крутился.

— Нет, играть пойдем на ковер. Ну, вперед!..

Джэг прыгнул в кусты.

«Ковром» служила ровная, как стол, поляна, со всех сторон окруженная вязами. Когда-то здесь был замечательный корт, но потом по просьбе Сильвии Нортон оборудовал площадку для тенниса в той части садового парка, где росли фруктовые деревья,— Сильвии нравились китайские яблони в цвету. Он сделал все так, как она пожелала, хотя китайские яблони лично у него вызывали больше недоумения, чем восторга. Деревья-хамелеоны. Утром стоят белые, вечером — пламенно-алые, и невозможно понять, какие же они на самом деле... Старый корт он засеял травой, и теперь зто был почти идеальный борцовский ковер.

Роль рефери сегодня была отдана луне.

Джэг нетерпеливо подпрыгивал, катался в траве, как ошалелый котенок. Под луной его светлое брюхо казалось голубоватым... Нортон подал сигнал — хлопнул себя по бедру. Джэг замер. Посмотрел на соперника желтыми углями глаз, выгнул спину и, опустив голову, пошел боком, пугая. Прыгнул...

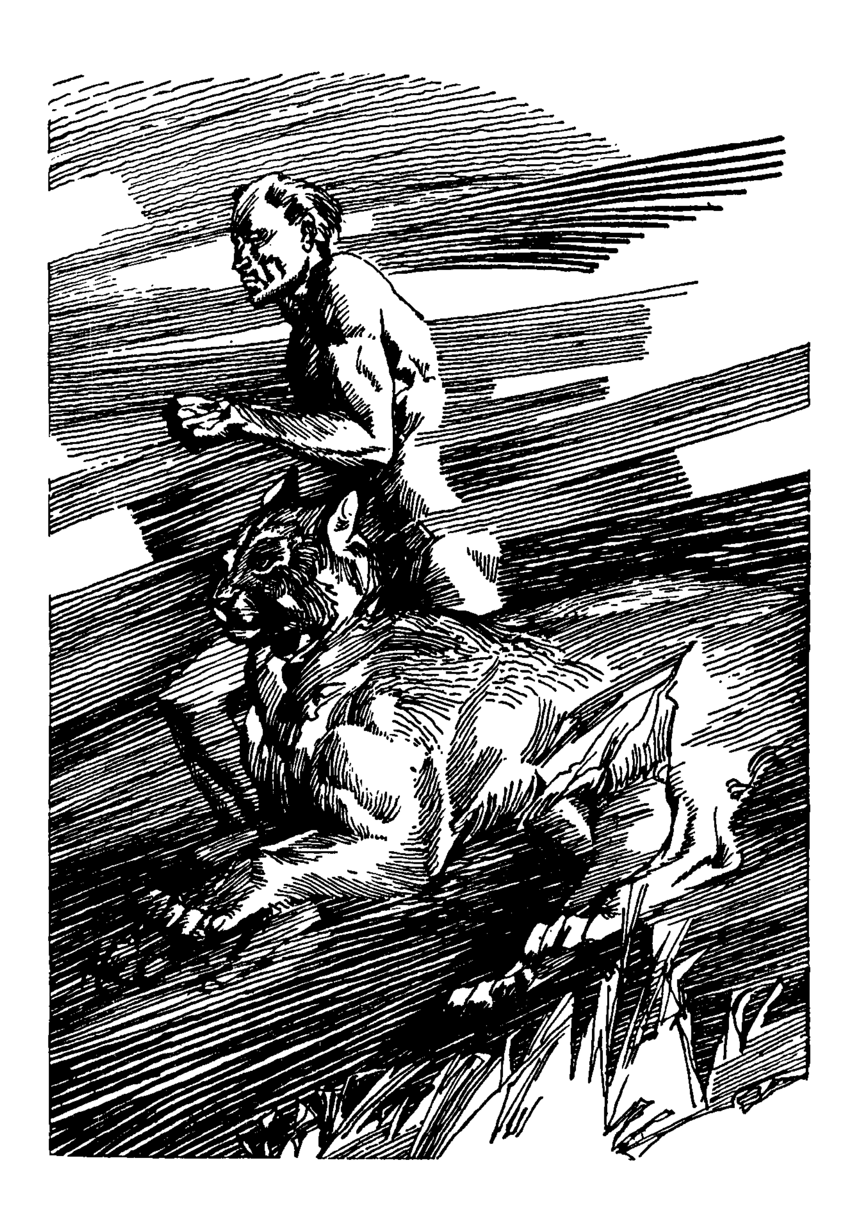
Прыжок кугуара Нортон видел, как в фильме с замедленным эпизодом: зверь плавно вставал на дыбы, задние лапы вытягивались, а затем с непостижимой для такого массивного тела легкостью отрывались от земли, и наступал момент грациозно-мягкого, как в невесомости, полета... Вот так всегда. Ничего не стоило уклониться от нападения. Игра не на равных... Единственный выход — усилием воли сдержать, приглушить эту сверхненормальную скорость реакции нервов и мышц.

Эк! Нортон принял на грудь девяностокилограммовую кошку, упал. Закипела борьба.

Соперники были одной весовой категории, и схватка шла с переменным успехом. Стремительный каскад прыжков, падений, кувырков, увертоk. Возились радостно, самозабвенно, до хрипоты в дыхании. Пока небесный рефери не скрылся за вершинами деревьев.

Потом носились друг за другом по всему парку. Почти бесшумно. Петляли между деревьями, прыгали через шезлонги, надутые воздухом туши мягких скамеек и полосы цветников. Оборвали гамак. В садовом парке им было тесно. Перемахнули живую изгородь и умчались в сопредельную территории виллы дубовую рощу. Здесь просторно, можно побегать вдоволь. Но скоро им помешали: по бетонному полотну соседней автострады прошуршал элекар.

Свет фар лизнул стволы деревьев низом, погас: элекар юркнул за поворот. Нортон вспомнил, что завтра в Копсфорте начало Большого родео. Постоял прислушиваясь. Окликнул Джэга и повернул обратно. Веселью конец. В той стороне рощи, где проходил канал, приезжие разбили временный спортивный лагерь, и лучше было отсюда уйти. Решительно незачем кому-то видеть его полуголым. Да еще в сопровождении кугуара... Недавно Джэг нашалил: загнал на дерево инспектора местного водоснабжения. Инспектор — солидный, уважающий себя человек — очень рассердился, как только ему подсказали, что пумы



отлично лазают по деревьям, и в отместку неделю продержал виллу на голодном «водяном пайке». Будто знал, что супруга хозяина виллы добилась от мужа твердого обещания избегать особо острых конфликтов с городскими властями. К счастью (для себя самого), блюститель водного режима экономии переменил отношение к Джэгу и теперь, посещая виллу, непременно требовал показать ему «льва». Называл его «молодым игривым балбесом», норовил потаскать за ошейник, но при этом так громко и весело говорил, потел, быстро двигался и так оглушительно хохотал, что даже мудрый, уравновешенный Голиаф начинал угрожающе скалить зубы.

Нортон ласково потрепал кугуара по шее. Вперед!.. Разогнавшись бок о бок, человек и зверь синхронно перемахнули живую изгородь.

Луна успела уйти, но в парке было светлее, чем в роще. Джэг катался в траве, бил хвостом. Явно надеялся, что человек продолжит игру. Ненасытная жажда движений...

— Нет,— сказал Нортон.— Петухи, брат, пропели. И перестань крутить помелом, шабаш окончен. К вольеру!

Было жаль оскорблять дикую грацию зверя ошейником и решеткой вольера, однако пора. Запирая вольер, Нортон чувствовал неудовольствие Джэга. Подумал: «Не слишком ли много у нас с ним похожего?.. Надо будет пошарить на кухне и принести этому малому его любимый бульон с куриными потрохами». Вернулся к бассейну, без всплеска ушел под воду, поплыл у самого дна.

Обычно после такого щедрого перерасхода мышечной энергии наступало что-то вроде внутренней разрядки, благотворное влияние которой ощущалось и в последующий день. Сегодня мышцам изрядно досталось, но не было ни малейшего, пусть даже призрачного, умиротворения. Давила горькая, злая и в то же время какая-то мутная, вялая тяжесть. Может быть, так ощущается безысходность?.. Он наткнулся на утонувший халат, подхватил его, всплыл у трамплина. Тщательно выжал халат, натянул на голое тело, побрел к дому. Подходя, запахнул полы и стал машинально застегивать пояс. Наконец поймал себя на нелепости всех этих действий, остановился.

Луна ушла, и в потемневшем небе ярче проступили звезды. На звезды он не смотрел. Глаза безучастно сле-

дили за мягкими переливами синего света на полу открытого в сад летнего холла. Мыслей не было. Мозг пуст, как грот на берегу моря в часы отлива. Это не удивило его. В последнее время он часто бывал так рассеян. Вероятно, стал уже привыкать к никчемности своего бытия. По прихоти удручающих его самого обстоятельств он утратил какую-то элементарно простую, но жизненно необходимую связь с миром людей и теперь не знает, чем ее заменить. Да, чем заменить? Бассейном? Ночными прогулками с Джэгом?..

Нортон вошел в дом. Вкрадчиво, мягко, как зверь в нору. Неслышно пересек летний холл, по ворсистым ступенькам внутренней лестницы спустился на нижний «подземный» этаж, где расположены все хозяйственно-бытовые и спортивные помещения виллы. Автоматически открылись створки дверей, вспыхнул свет, в котором Нортон не слишком нуждался. Внеземелье наградило его способностью видеть во мраке. Это не значит, что он вообще не чувствовал темноты. Чувствовал. Как темно-серую, но в то же время стеклянно-прозрачную массу. И чем плотнее был мрак, тем больше суживалось поле зрения,— он видел как бы в «узком луче». То есть различал все достаточно четко лишь в том направлении, куда падал взгляд. Правда, он плохо видел вдоль магнитных линий планеты — с юга на север и с севера на юг,— но готов был с этим мириться.

Уже не заботясь о тишине (знал: отсюда наверх не долетает ни звука), быстро прошел коридор, пылающий синевой искусственного лазурита, и оказался на «банном дворе». Впрочем, это просторное круглое помещение с фонтаном Сильвия называет «римским залом». Не зал, а сама стерильность — блеск, белизна. Мраморные скамьи (под антик), ниши с белыми вазами, горельефы на стенах (тоже под антик), блестящие чаши и высокие узкие зеркала. «Что ж,— подумал Нортон, срывая с себя мокрый халат,— у обитателя этой норы когда-то был вкус к обыкновенным радостям жизни». Халат, с силой брошенный в сторону, сбил с треножника чашу, и она покатилась звеня.

Рядом внезапно открылась дверь предбанника сауны. Он быстро взглянул туда и вздохнул с облегчением. Никого там не было. Просто он сам подошел к двери слишком близко... Он почему-то боялся увидеть Сильвию.

Здесь, в такой час. И теперь, когда все объяснилось и этот нелепый испуг миновал, он почувствовал гнев. Тоже нелепый, абсолютно беспричинный. Да, да, беспричинный, черт побери! Никаких причин не было. Ни малейших. Кроме одной. Кроме той, что он вернулся на Землю уродом и, забившись в комфортабельную нору, ежечасно, ежеминутно чувствует свое уродство и знает, что с этим уже ничего не поделать!.. Ладно, оставим. В конце концов, это похоже на истерию. Пора брать себя в руки. В самый раз... Он поднял халат, бросил его на скамью, направился в душевую.

Молочно-белый пузырь душевого бокса, усеянный изнутри пластмассовыми бородавками форсунок, светился так ровно, что вогнутость его стен трудно было заметить,— казалось, форсунки свободно парят в фосфоресцирующем тумане. Чуть приподнятая над полом площадка, покрытая искусственной травой, напоминала кругло вырезанный пласт свежего дерна. Нортон перескочил на нее прямо с порога, охнул от удара твердых, как копья, ледяных струй,— мелькнули сорванные колпачки форсунок. Напор воды был ужасен — Нортон едва сохранил равновесие. Перемудрил вчера с регулятором водонапора!.. Площадка медленно поворачивалась, Нортон рычал, защищая руками лицо от бешено бьющей воды, и никак не мог уяснить, нравится ему это новое развлечение или не нравится. Струи, казалось, вминали ребра и резали холодом. Это вполне могло кончиться синяками.

В гардеробной он осмотрел себя в зеркале. Грудь, спина горели как от ожога. Все в порядке, синяков нет. Но собственное лицо ему не понравилось. В сущности, никогда оно не нравилось ему и прежде — скуластое, жесткое. Но раньше оно хотя бы не выглядело настолько суровым. Сжатые в полоску губы, цепкий взгляд серых, чуть глубже, чем нужно, сидящих глаз... Надо быть хоть немного повеселее. Он заставил себя улыбнуться. Получилось так мерзко, что он отвернулся и больше в зеркало не смотрел.

Неудачный опыт с улыбкой больно задел его. Там, в Пространстве, он мог позволить себе не улыбаться, если ему не хотелось. Настроение снова упало. Он чувствовал, что опять погружается в состояние желчного самосозерцания, остро приправленного чем-то похожим на нена-

висть. Какая-то совершенно бесплодная, неразумная ненависть, как если бы он ненавидел воздух, которым дышал... Впрочем, возможно, что состояние это было просто сродни инстинктивному неудовольствию зверя, горло которого взято в ошейник. Видно, не зря сегодня там, у вольера, он подумал о сходстве между собой и Джэгом. «Оба мы любим суп с куриными потрохами,— думал он.— Оба в ошейниках. И ночью и днем ходим на поводке обстоятельств. Оба мы притворяемся. Джэг притворяется матерым хищником, я — добропорядочным отставником... Но Джэг способен обмануть лишь чудака инспектора. Я старательно обманываю всех. Начиная с себя. Жизнь моя пропитана ложью. Быт во лжи!..»

В голове у него неприятно шумело, и он наконец обратил на это внимание. В предчувствии чего-то недоброго обошел комнату, гадая, что с ним происходит. Может быть, заболел? Чепуха. Никогда ничем не болел.

Мягко светились углы потолка. На полу — имитация мехового ковра, якобы сшитого из тигровых шкур. В зеркальной стене отражалась вся комната — почти пустая, казавшаяся квадратной от зеркального удвоения. Кроме круглого дивана «шляпка подсолнуха», никакой другой мебели не было. Одну стену полностью занимал гобелен с изображением кавалькады (пышная свита какого-то короля). Гобелен настоящий, средневековой работы,— семейная реликвия Полингов. Реликвия кое-где была немного потерта, но все еще впечатляла знатоков старинных ремесел. На фоне изящного гобелена мрачным идолом торчала реликвия Нортонов — потускневшие от времени рыцарские доспехи. Клюворылый шлем украшен черным плюмажем. Согласно семейному преданию эти доспехи когда-то принадлежали одному из предков рода Рэли — Нортонов. Пустотелый «предок», опираясь железом перчаток на рукоять чудовищного меча с волнистым лезвием, много лет добросовестно охранял скрытый в стене шкаф для одежды. Рукоять доходила рыцарю до подбородка. Нортон приблизился к «предку», поправил слегка покосившийся меч — суставы доспехов отозвались унылым скрипом. Что делать, сэр, боевой звон оружия навсегда запрещен. Во веки веков. Аминь!

Вдруг Нортон заметил, что там, где он коснулся меча, лезвие заблестело сильнее. Он взглянул на ладони, на-

хмурился: сквозь кожу буквально сочился ясно видимый блеск... Вслед за этим он почувствовал сильный озноб. Потом его бросило в жар — горячая волна быстро прошла от затылка к ногам,— Нортон в недоумении выпрямился. Постоял, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Такого еще не бывало... После «температурной» волны пошла волна уже совсем другого рода: от онемелых ступней словно бы начал подниматься кверху уровень кипящей крови, попутно омывая внутренности болью. Голову распирал многоголосый звон, и Нортон, ощутив себя очень скверно, вдруг почему-то решил, что, как только уровень жгучей боли достигнет мозга, произойдет катастрофа. «Неужели... конец?» — тоскливо подумал он.

На мгновение боль вошла в мозг и сразу угасла. Звон пропал. Все внутри как-то по-особенному онемело — сердце, казалось, вот-вот остановится. Было страшно пошевелиться. Нортон увидел свое отражение в зеркале, обмер. Он весь блестел. Как металлическая болванка...

Он и «предок» — оба блестели. Но блеск потомка был ярче. Все тело с головы до пят как бы переливалось слоями текучего блеска, мерцало зеркальными пятнами. Слой зеркальной субстанции был не везде одинаково плотен, и сквозь это мерцание Нортон мог разглядеть свой загар, хорошо различал пестрый орнамент на плавках. Он медленно, трудно приблизил к лицу непослушные руки и увидел, что блеск неохотно, как вязкая ртуть, стекает с поверхности рук и тянется шлейфом. Возникло сумасшедшее желание не мешкая стряхнуть с себя блистающую пакость. Смутно чувствовал: превозмочь странную скованность мышц удастся лишь с помощью не менее странных и еще незнакомых ему усилий. Скорее интуитивно, чем сознательно, он плавным (поневоле) жестом поднял руки над головой, мучительно потянулся, и ему показалось, будто мягкая катапульта толкнула его в потолок.

Он встретил потолок ладонями, спружинил, и его перевернуло вниз головой. Увидев под собой макушку шлема с черным плюмажем, он только теперь испытал потрясение, осознав наконец, что происходит. Он парил, как прежде ему доводилось парить в невесомости... Потрясение, видимо, смяло, разладило этот немыслимый, противоречащий земной природе импульс подъемной силы сверхъестественного полета, и Нортон, успев извернуться в воздухе

кошкой, рухнул на четвереньки. Нога задела доспехи, что-то грохнуло за спиной, и секунду спустя нечаянный летчик заработал удар по затылку рукоятью меча. Нортон поздравил себя с посвящением в рыцари, мельком подумал: «Бурный финиш, однако!» Привстал на руках, отшатнулся: рядом медлительно колыхалось перекошенное полотнище слабого блеска, словно язык серебристого пламени,— должно быть, остатки блестящего слоя, соскользнувшего с тела при взлете. Нортон попятился на четвереньках, вскочил. Не отдавая себе отчета, что делает, схватил меч, обеими руками поднял над головой и рубанул полотнище блеска наискось... и лезвие странно увязло в призрачной сердцевине. Остервенев, он стал вытаскивать его оттуда рывками, но меч подавался назад неохотно, будто застрял в смоле. В последнем рывке Нортон не удержал равновесие и оказался вместе с оружием на полу. Снова вскочил. Руки дрожали. Его трясло от бешенства и унижения. Блеск угасал...

Нортон минуту следил за его угасанием налитыми кровью глазами. Потом отбросил оружие в сторону — меч глухо брякнулся на ковер.

«ТРОПА СУМАСШЕДШИХ»

Был пятый час утра, когда он почуял какое-то неудобство. Поерзал в кресле, пытаясь избавиться от неприятного ощущения. Не удалось. Странно... Был бы в этом хоть какой-нибудь смысл, он помолился бы сразу всем звездам, вместе взятым, и сказал бы им, что на сегодня с него довольно!..

Он сидел в своем кабинете на втором этаже за рабочим столом и смотрел на большую тетрадь в черной обложке. Тетрадь, которую он никогда никому не показывал, прятал в секретном сейфе стола, и знал о ней, кроме него самого, разве только один Голиаф. Сегодня в ней появилась очередная запись...

Год назад тетрадь называлась просто — «дневник», хотя дневником в общеупотребительном смысле она не была. Скорее была каталогом всяческих проявлений уродства, которое он притащил в себе из глубин Внеземелья, и в конечном итоге вполне заслуживала названия «Черная

книга». Тайком от жены он заносил в эту книгу все свои «ненормальности». И даже пытался как-то классифицировать их. Он полагал, что здесь, на Земле, дела пойдут по-другому и «ненормальностей» будет меньше. Лелеял надежду, что в земных условиях все это постепенно заглохнет. Зря он надеялся. Дела пошли не так, как он ожидал. Скверно, в общем, пошли дела...

Он захлопнул тетрадь, сжал зубы до боли в скулах. Сегодняшний блеск в гардеробной его доконал. Досада, растерянность, и никакого желания думать. Да и о чем, собственно, думать?

Блеск на ладонях он видел и раньше. Впервые — после десанта на Умбриэль, где едва не отморозил руки из-за неисправности обогревательных элементов в перчатках скафандра. Помнится, уже тогда он правильно увязал появление блеска с действием холода и к низким температурам стал относиться с опаской. Впрочем, ему там пришлось ко многому относиться с опаской. Было в Пространстве кое-что и похлестче... Стоп! Что было, то было. С тем, что было, покончено. И больше не будет. Но здесь...

Может, плюнуть на все и шагнуть наконец к мудрецам с учеными степенями? Помогите, дескать, инвалидствующему герою Внеземелья избавиться от... сам-не-знаю-чего. Сразу услышат. Обрадуются. Налетят со всех континентов. На каком-нибудь острове воздвигнут в честь твоего уродства целый научно-исследовательский комплекс НЕЗНАМЧЕГО, окружат тебя частоколом шприцов, пушками микроскопов, блоками анализаторов, прихлопнут колпаком с проводами, и превратишься ты из несчастного инвалида в лабораторную колбу с «восхитительно феноменальными свойствами». И тебе не останется ничего другого, кроме как верить во всемогущество какого-нибудь лысого институтского корифея с величественными жестами и невнятным произношением. А потом, этак лет через десять, когда его лаборантка наивно поделится радостной вестью, что корифею в конце концов удалось вытяжку из твоих гормональных желез использовать для «регуляции половых признаков плодовой мушки дрозофилы», ты все поймешь и попытаешься оттуда удрать. Тебя, конечно, поймают и будут хором стыдить. Н-да...

Он открыл стол, отодвинул фальшивую стенку, швыр-

нул тетрадь в сейф. Большим пальцем левой руки коснулся прозрачной пластинки замыкающего устройства. Пластинка брызнула светом, щелкнул замок. Надежный замок: открыть его мог только узор кожных бороздок пальца хозяина.

Ощущение странного неудобства усилилось. Нет, пожалуй, тетрадь была ни при чем... Откинувшись в кресле, Нортон с недоумением и неудовольствием стал искать другую причину.

Сидел он мягко, удобно, в привычном кресле, за привычным столом. Было тихо. На нем были удобные шорты, пестрая тенниска из очень приятного скользкого материала, серебристые и тоже очень удобные кеды. Воздух свеж, в меру насыщен цветочным запахом. Кабинет просторный — шестигранником — в виде беседки; залитые синим свечением стены и потолок декорированы узорами черной решетки, живописно увитой комнатной зеленью. Над головой уютно сияла линза светильника. С правой стороны решетки не было — там начинался песок скрытого темнотой океанского пляжа, а в отдалении стояла подсвеченная прожекторами группа высоких пальм; лучи прожекторов озаряли шевелящиеся в дюнах панцири: армия морских черепах выползала из прибрежных вод, оставляя на песке ребристые борозды, похожие на следы вездеходов,— черепаший десант захватывал плацдарм для кладки яиц. Нортон поднялся. Ощущение неудобства переходило в тревогу... Он резко повернул регулятор громкости — в комнату ворвался грохот океанского прибоя. Тяжелые волны звучно дробились о невидимые в темноте гребни барьерного рифа и, шурша, накатывались на песок. Нортон выключил звук. Повел головой из стороны в сторону, словно принюхивался. Распахнул кабинетную дверь. У порога стоял Голиаф — пес-полукровка с внешностью пойнтера: висячие уши, пятнистые (черное с белым) бока. Пес смотрел на хозяина преданным взглядом. Нортон шагнул за порог, собака посторонилась. Прыгая через ступеньки, Нортон взлетел по внутренней лестнице на третий этаж (если можно назвать этажом верхнюю террасу под открытым небом).

На террасе царила предутренняя мгла. Томно пахли цветы неизвестных Нортону редких растений, фигурная лужа декоративного бассейна как зеркало отражала чуть

посветлевшее небо. Все остальное тонуло в подсиненной полутьме, и нормальный глаз человека различал бы здесь только неясные пятна, силуэты и контуры. Нортон мог бы читать здесь газету. Встревоженно озираясь, он побродил между стойками, несущими раму шатрового тента. Перепрыгнул узкий участок бассейна и, растолкав по пути плетеные кресла-качалки, замер у борта восточного края террасы.

Где-то далеко занималась рассветная полоса: ее едва было видно сквозь плотный ряд пирамидальных тополей, стоящих у соседней виллы. Нортон смотрел на восток. Сосредоточиться мешали какие-то звуки. Он оглянулся. Источником звуков был Голиаф — пес лакал из бассейна. В зеркале воды дрожало отражение мраморной чаши. Нортон еще раз внимательно посмотрел на частокол тополей и направился к центру террасы, где возвышался стеклянный футляр над колодцем подъемника. Проходя мимо чаши, взглянул на торчащий из нее пышный куст — предмет садоводческого тщеславия жены, сказочно прекрасная синяя роза...

Видеотектор висел на стенке футляра подъемника. Нортон поднял прозрачную полусферу. Секунду поколебался и набрал индекс виллы соседей. Замерцал экран.

— Один момент!..— откликнулся голос, по которому трудно было сразу понять, кто говорит — женщина или мужчина.

Экран оставался пустым.

— Да, слушаю!

Нортон знал, чей это голос. Поморщился.

— Пригласите Бена. Или Эллен. Если они, конечно, не спят.

— Бен, к сожалению, в отъезде. Эллен, к сожалению...

— Алло! — завопил женский голос. На экране возникло красивое, но заплаканное лицо подруги Сильвии Эллен.— Ты, Дэвид? Почему я не вижу тебя?

— Здесь довольно темно.

— Я сама хотела связаться с тобой. Только что. Бегаю как сумасшедшая, реву и не знаю, что делать. Ник!..— Остальные слова утонули в рыданиях.

— Что — Ник? — резко спросил Нортон.

— Я проснулась,— заговорила, давясь слезами, Эллен,— вышла в летний холл, где любит спать Ник, и

увидела, что... что его там нет!.. Я обегала весь дом, обегала сад, звала, кричала. Мальчишка как в воду канул! Вот только что Гед меня «обрадовал»: Ник угнал элекар!

— Чей элекар?

— Гед приехал вчера и бросил свою колымагу на садовой аллее... знаешь ведь ты братца моего мужа! Поленился загнать в гараж! Вот Ник и... Видно, шорох скатов меня разбудил. Мой элекар не заряжен, Бен в отъезде, и мы тут совсем без колес. Собиралась вызвать тебя и дежурного по охране порядка, но ты меня опередил. А мальчик где-то сейчас...

— Куда он мог?.. Перестань наконец реветь!

— Да откуда ж мне знать?! Просто взял и угнал!..

— Восьмилетние мальчишки элекары просто не угоняют — у мальчишек возраста Ника всегда есть дела. Он куда-нибудь вообще собирался? Чем твой малыш забивал себе голову последние дни?

— Аквалангом.

— Что?..

— Гед обещал ему акваланг. Привез. Особая модель... ну специально для детей. И съемочная камера такая... пузатая, для воды.— Всхлипывая, Эллен произносила слова машинально, как в трансе.— Вчера они полдня возились в бассейне — снимали друг друга. Слышала, Гед говорил малышу, что скоро возьмет его на какие-то Северные озера. Сочинял, будто бы в каждом из них можно увидеть чудовище — вроде морского Змея. Ник, разумеется...

Она внезапно исчезла с экрана. Нортон знал почему. Когда появилась опять, лицо ее было страшным.

— Я не... я не нашла!!! — Она задыхалась.— Акваланг!..

— Ясно. Камера — тоже?

Кивнула. Говорить не могла — душили слезы.

— Слушай меня, Эллен!..

— Но... но ведь он не поехал на Север, Дэвид?!

— У нас в округе немало своих водоемов. Слушай меня. Пусть Гед мчится на виллу Генри, берет его элекар — у Генри надежная скоростная машина — и, не теряя ни минуты, прочесывает западное направление, вплоть до Бизоньих озер. А ты свяжись с главным дежурным ночных постов, коротко объясни ему положение.

Пусть они поднимут поисковый «блин» — или что там будет у них под рукой — и пройдутся над южной автострадой до Соленого озера. Я беру на себя северо-запад. Гед не менял свою колымагу?

— Та же... серебристо-розовая, ты узнаешь ее, Дэвид!

— Ну?

— Ты догонишь Ника, ведь правда?!

— Успокойся, время у нас еще есть. До рассвета мальчишка в воду не сунется.

— Он так любит тебя!..

— Все! — оборвал ее Нортон.— Действуй как я сказал. Перемахнув увитый плющом бортик террасы, он принял в воздухе нужную позу, мягко упал на газон.

В гараже он быстро убрал дистанционные кабели, соединявшие элекар со стендом автоконтроля и щитком подзарядки. Не открывая дверцу, прыгнул за руль. Ударом ладони выключил блок «безопасной езды» и крякнул с досады: предательски вспыхнули и замигали ярко-оранжевые глазки сигналов — четыре спереди, четыре сзади,— такая иллюминация способна растормошить даже самого сонного блюстителя дорожного порядка. Нортон спрыгнул с сиденья, схватил какой-то попавшийся под руку стержень и с хрустом всадил его в первый глазок. Так же безжалостно раздавил и все остальные. Под ногами путался Голиаф. Нортон швырнул стержень в сторону, вскочил за руль и, не зажигая фар, резко тронул машину с места. Матери Ника он солгал — времени в запасе не было. Если мальчишка махнул в Старый Карьер — не было ни одной лишней секунды.

Белый элекар, прошелестев скатами, скользнул вдоль темной аллеи как призрак. Однако на выезде услужливый автомат — будь он неладен! — залил ярким светом весь участок перед воротами.

Срезая углы на пустынных перекрестках, Нортон гнал машину кратчайшим путем. С недозволенной скоростью. Городок спал. Небо светилось, но земля еще дремала в синеватой мгле. Впервые за много дней Нортон взглянул на часы: циферблат показывал пять двадцать две... Слегка удивившись, что продолжает чувствовать живозапах собаки, он оглянулся. Голиаф лежал на заднем сиденье.

Небольшой участок окружного шоссе он проскочил,

выжимая педаль скорости до упора. Мелькнул указатель поворота на северо-западную магистраль. Из поворотного виража машина, отчаянно вереща скатами, вынеслась с таким сильным креном, что какое-то время шла на двух левых колесах. Нортон вывел ее на белую линию «магистрального хода», или, как здесь говорят, на «фитиль». Теперь оставалось переключить питание мотора с аккумуляторов на питание высокочастотным током от кабеля, проложенного вдоль автострады под «фитилем». Он так и сделал — скорость ощутимо возросла.

Элекар, с гулом рассекая воздух, мчался по прямой. Автострада была совершенно пустынна. Включив блок водителя-автомата, Нортон оставил руль. Все, делать пока больше нечего... Он оглянулся: бешеный ветер согнал Голиафа на пол. Нортон окликнул его, перетянул за ошейник на переднее сиденье, рядом с собой; пес благодарно лизнул ему руку.

— Ну куда понесло твои дряхлые кости? — Он погладил собаку.— Почуял, видно, беду... Верно, дружище. Ник-непоседа опять отколол сногсшибательный номер.

Голиаф посмотрел на хозяина, привстал, потянулся мордой к ветровому стеклу.

— И все-то ты понимаешь. Да, сорванец махнул, должно быть, в Старый Карьер...

«Скверно,— подумал Нортон.— Скверно, если он махнул туда».

Справа тянулась равнина. Кое-где на равнине разбросаны горки с плоскими, как стол, вершинами. Слева по ходу мелькали идеально ровные ряды деревьев — плантация азимины. Проплыли мимо выпуклые корпуса фруктового заводика, чем-то похожие на кофейный сервиз. Потом зеленый массив повернул в сторону от автострады, мелькнула и затерялась в полях блеснувшая глянцем узкая лента канала. Дальше пошли кормовые угодья; усадьбу скотоводческого комплекса можно было угадать по торчащему над шапками зелени куполу водонапорной башни. Заря успела выкрасить купол в розовый цвет. Светало быстро. Впереди розовела гряда голых холмов.

Нортон пристально всматривался сквозь ветровое стекло. Ни одного элекара на полотне автострады он до сих пор не заметил, и это его беспокоило. Либо мальчишка успел перевалить гряду, либо гнал в другом направлении.

Последнее было бы предпочтительнее, однако Нортон не сомневался, что сорванец выбрал именно Старый Карьер. Во-первых, сравнительно близко (Ник был слишком нетерпелив). Во-вторых, несравнимо страшнее (Ник был ужасно самонадеян в вопросах личной отваги). Светлая красота Бизоньих озер или, скажем, пустынная величавость Соленого озера вряд ли могли соблазнить отважного аквалангиста. Уж где и водиться подводному чудищу, как не в глубинах мрачного водоема в Старом Карьере.

Автострада заметно пошла на подъем; залитая рассветным румянцем гряда приближалась. Нортон пытался представить себе расстояние между собой и юным искателем приключений. Три минуты, которые были потрачены в переговорах с Эллен, он наверстал за счет повышенной скорости до выхода на магистраль.

В гонке по автостраде он ничего не выигрывал. Знал: элекар Геда был точно такого типа, как и его собственный,— модель «Торнадо» последнего выпуска,— и Ник, разумеется, гнал машину тоже на «фитиле». Шустрый малец научился лихо водить элекар. Кстати, не без его, Нортона, соучастия... Малец впереди минут на десять — двенадцать как минимум, иначе его элекар удалось бы заметить на этом отрезке пути.

Двенадцать минут... Черт, много! Наверстывать их придется на старой грунтовой дороге в глубоком ущелье — скверной, по счастью, дороге,— но все равно: двенадцать минут слишком много. Этого молодца надо перехватить до выхода из ущелья в каньон. Не так это просто... Даже если выжать из машины все, на что она только способна. И даже если Ник не выключит блок «безопасной езды». Выключит — непременно куда-нибудь врежется...

Элекар стремительно брал пологий подъем. Холмы придвинулись к полотну автострады. Подъем кончился, холмы расступились, и элекар вылетел на простор каменистого плато. Затопленное утренней тенью плато неискушенному глазу могло показаться широкой равниной, и путник, едущий в этом направлении впервые, невольно хватался за рулевую баранку, когда автострада вдруг выносила машину на виадук, повисший над пастью каньона.

Нортон смотрел вперед, томясь бездействием. Он ни-

чего не мог предпринять. Во всяком случае, до того места, где предстояло покинуть роскошную магистраль: там, за виадуком, был очень удобный асфальтированный съезд в ущелье на очень плохую грунтовую дорогу... Городские власти специально не занимались ремонтом этой дороги, чтобы меньше было охотников ездить на элекарах в каньон. Но вряд ли в Копсфорте нашелся бы хоть один гражданин, который ни разу не побывал в Старом Карьере. Граждане Копсфорта необыкновенно любознательные люди. И безмерно отважные. Пикник под скалами, каждая из которых в любой момент может упасть тебе на голову, содержит в себе, очевидно, идею пробного камня для проверки качества «мужской закваски». При этом бессмысленный риск почитают за метод сознательного воспитания отваги. Одно из самых, пожалуй, загадочных свойств человеческой психики на современной Земле. Именно на Земле, потому что космодесантнику, всегда точно знающему, ради кого или ради чего рисковать, готовность рискнуть «вхолостую» казалась абсурдом.

Мало того, риск (как, впрочем, и все остальное здесь, на уютной Земле) подвержен влиянию моды. Удивительно видеть все это свежему глазу. Риск, который сам по себе прост и суров, как обнаженный клинок, зачем-то стараются прицепить к бутафорским перевязям в духе традиций «старых добрых времен». Модным стало, к примеру, устраивать мрачные пикники в штольнях давно заброшенных шахт, где все держится на одном честном слове. Или испытывать крепость собственных нервов и мышц, разгуливая по гнилым этажам отживших свой век небоскребов, которых еще не успели снести. Проникать в обомшелые лабиринты забытых, а часто и полузатопленных сооружений военного назначения, порой нашпигованных всякими подлыми штуками сверх всякой меры. Бывало, любители проржавленных сувениров украшали свои гостиные такими «коллекциями», что приходилось вызывать десант саперов или команду специалистов-дезактиваторов. В лучшем случае отделывались испугом. В худшем — взлетали на воздух целыми семьями, иногда прихватывая с собой и ни в чем не повинных соседей. Или смертельно травились какой-нибудь дрянью, повергая в трепет кошмарного ожидания жителей близлежащих кварталов.

Просто диву даешься, сколько всевозможной пакости было настряпано в «старые добрые времена» с единственной целью: угробить достаточно рациональным путем как можно больше народу. Высший распорядительный орган объединенных наций до сих пор вынужден содержать специализированные отряды десантников «Вэри дейнджроуз!» — «Очень опасно!». Молодцы из ВДОО — в серебристой форме с эмблемой «Веселого Роджера» на рукавах — уже давно занимаются розыском и ликвидацией тайных хранилищ на территориях бывших очагов секретного изобретательства и производства оружия самого разного типа. Давно и усердно, а конца этому что-то еще не видно. Лет пять назад в одном из выпусков телевизионных последних известий был показан телерепортаж со спутника «Порт-1» о конечном этапе ликвидации найденных запасов какого-то адского вещества под кодовым названием «заливное тетушки Мэри», созданного в некогда существовавшей сверхсекретной лаборатории военно-морских исследований «Эйч-Сэпрайз». От причалов «Порта-1» в безвозвратный полет в сторону Солнца отправился дряхлый танкер «Амалия». С великими предосторожностями, под конвоем кораблей-барражировщиков ВДОО. Трюмы и танки «Амалии» были набиты контейнерами, похожими на автоклавы. Двухсот автоклавов-контейнеров с буквами ЗТМ на лоснящихся желтых боках было достаточно, чтобы превратить всю воду таких водоемов, как Мексиканский залив или Черное море, в студень. Полного груза «Амалии» хватило бы на Атлантический океан... А недавно с еще большими предосторожностями в безответные глубины Солнца сбросили какую-то другую смертельно опасную пакость под названием «табачок дядюшки Джона». Сбросили вместе со всей эскадрильей транспортных кораблей, принимавших участие в этой, говорят, сложнейшей операции.

Н-да, с какой только мерзостью не пришлось иметь дело парням из ВДОО! «Молоко гуннов», «перцовый дым», «нейтронный подкидыш», «крылатые стрелы», «глаз Сатаны», «меч Израиля», «преторианские колокольчики», «мяо хэньхао», «стопа великого кормчего»... Остатки бывших арсеналов человеконенавистничества сплошь и рядом обезвреживались ценою жизни. Но чистка планеты продолжается; есть основания думать, что не все

гнойники обнаружены и должным образом обработаны. К сожалению, часто бывает: находят их первыми те, кто к такого рода находкам совершенно не подготовлен. Любителей совать нос в затхлые щели не убавилось даже после нескольких предупредительно-разъяснительных кампаний. Но хоть перестали трогать руками всякие штуки сомнительного происхождения и об особо подозрительных находках торопились уведомить органы ВДОО. Выработалась некая форма корректного поведения: просто лазили, наслаждаясь риском, глазели, устраивали пикники, но ничего не трогали. Словом, «посещали».

На общем фоне повального увлечения риском визиты в Старый Карьер выглядели сравнительно безобидно, однако в принципе это явление того же порядка: граждане Копсфорта не отставали от моды. А кое-кто из тщеславных отцов, страдавших гипертрофированным чадолюбием, вроде Бена, считали чуть ли не отцовским долгом хоть раз показать своему малолетнему отпрыску эту дыру в самой что ни на есть опасной близости. И отпрыски, еще более тщеславные и любознательные, чем их отцы, отлично запоминали дорогу. Правда, соваться в каньон в одиночку до сих пор отваживались мальчишки не младше двенадцати лет. Ник рисковал установить абсолютный рекорд нижней возрастной границы для одиночных посетителей карьера. Папа — известный специалист по производству кисломолочных продуктов, обожавший молоть всякий вздор о «штаммах мужской закваски» и непременно со ссылками на историю,— рехнулся бы с перепугу, узнав, куда потянула сегодня «закваска» его восьмилетнего сына...

Каньон, как всегда, возник неожиданно. Элекар вылетел на виадук: замелькали, сливаясь в полосы, розовые блики отражателей на парапетах — в свете утра виадук выглядел как сиреневая линейка с отблескивающими краями, повисшая над фиолетово-синей пропастью.

Перемахнув каньон, Нортон выждал немного и взял управление на себя. Время бездействия кончилось: приближался поворот в ущелье. Вот он, асфальтированный съезд. И щит с надписью: «Не съезжайте вниз, если не хотите попасть в аварийную ситуацию!»

Нортон поставил ногу на тормозную педаль. Но не нажал — внезапно принял другое решение. Элекар, не

сбавив скорости, промчался мимо; Нортон посмотрел в ущелье: петляя по склону, вниз уходила дорога на Старый Карьер. Обозримый участок дороги был пуст, но едва уловимо припудренный пылью воздух сказал Нортону все...

Показался следующий поворот. Нортон вошел в него почти на полном ходу, чуть не задев накренившейся машиной стойку рекламного щита, и сразу выжал педаль скорости до упора. Шоссе капризно извивалось между скалами, но это было превосходное шоссе. Пока мальчишка петляет внизу по ухабам, на хорошем шоссе можно выиграть время. Правда, попасть отсюда в каньон — проблема. Неподалеку от смотровой площадки (куда, собственно, и проложено это шоссе) есть очень рискованная дорога в ущелье. Вернее, нет там никакой дороги. Просто каскад горных спусков, который вполне справедливо называли «тропой сумасшедших». Несмотря на строгий запрет, по «тропе» иногда съезжали наиболее отчаянные из мотоциклистов-лихачей.

Последний изгиб — и лента шоссе вынырнула на пологий спуск вдоль скалистого гребня. Смотровая площадка как на ладони. Полукруглая, с поручнями. Коттедж механика и мачта-опора подвесной канатной дороги. На канатах — разноцветные котелки-кабинки для любителей прогуливаться над каньоном. Сам каньон открывался гораздо ниже, в полутора километрах отсюда, и все еще утопал в фиолетово-синей мгле...

Спуск на «тропу» был перекрыт огромной катушкой из-под кабеля. Нортон подъехал, сдвинул препятствие передним бампером — катушка с треском перевернулась, гулко покатилась вниз. Элекар, поскрипывая, переваливаясь с боку на бок, сполз по склону в засыпанную щебнем ложбину. Потревоженный щебень пришел в движение, и элекар заскользил к обрыву в потоке мелких камней. В опасной близости от обрыва Нортон вывел машину из русла осыпи, свернул на лепившийся вдоль расселины узкий карниз. До того узкий, что левый борт элекара со скрежетом чиркал о выступы скал. Нортона это не беспокоило — был уверен: проехать здесь можно. Его беспокоила переправа. Впереди, где обрывистые края расселины сближались, виднелся пешеходный мостик, сооруженный монтажниками подвесной дороги для своего

удобства, но для езды на четырех колесах отнюдь не приспособленный. Две плотно подогнанные друг к другу железобетонные балки — вот все, что там было. Узковато для элекара...

Карниз пошел под уклон. И весьма кстати — мостик виден теперь замечательно. Надо брать его с ходу. Мало кто из лихачей-мотоциклистов решался на это — обычно переводили машину руками. И ничего удивительного: загреметь оттуда в расселину проще простого... Перед мостиком небольшая площадка. Ровная, к счастью, как стол, но почти такая же по размерам. Вся надежда на точный прицел, крутой поворот и хорошую скорость. Карниз стал пошире, можно начинать разгон. Да, отсюда будет в самый раз... Нортон мысленно отрепетировал предстоящий маневр, столкнул собаку с сиденья на пол, увеличил скорость.

— Зря ты ввязался в эту историю, Голиаф.

Слившись с баранкой руля, он вел машину к заранее выбранной точке в центре площадки. Старался ни о чем не думать — действовал на уровне инстинкта, автоматизма, чутья. Площадка стремительно приближалась... Резкий поворот вправо — сильный крен, пронзительный визг амортизаторов, выход на два колеса. Нортон успел ощутить, как вздрогнула железобетонная балка. Спасибо, проехали... Элекар грохнулся брюхом на другой берег расселины, лихо подпрыгнул. Заставив машину выровняться, Нортон бросил ее вниз по склону.

Склон гладок и крут. Пожалуй, это был самый гладкий участок на пути в ущелье (не считая лысой макушки лежащего ниже базальтового купола). Но это был островок, со всех сторон окруженный обрывами, диким нагромождением скал, и съехать отсюда можно разве только по воздуху — никаких иных, даже самых плюгавеньких мостиков нет.

Скорость росла.

— Приготовимся, Голиаф!..— крикнул Нортон. Голос его утонул в шуме встречного ветра.

Элекар взвился в воздух с уступа скалы, как с трамплина, и на несколько долгих мгновений Нортон попал в объятия невесомости.

Приземление состоялось на скате каменного горба. Удар был скользящим, однако тяжелым, заскулил Го-

лиаф, Нортон едва не вышиб лицом ветровое стекло. «В прошлом году здесь разбился мотоциклист,— подумал он, яростно действуя тормозом и рулем.— Но никто еще не пробовал разбиться здесь на элекаре». Машину так занесло, что какое-то время она с отвратительным визгом скользила по склону боком, точно склон был покрыт слоем льда, присыпанного шлаком.

Снова скорость и снова шум встречного ветра. Спуск вел в неглубокую седловину. Брызнув щебнем из-под колес, элекар вылетел на покатую, голую, всю в мелких трещинах поверхность базальтового купола. Нортон мельком взглянул вверх, на освещенные первыми лучами солнца зубцы вздыбленных скал. Нити канатов с кабинами-котелками пересекали пространство над головой наискось и уходили в синюю мглу. Какие-нибудь минуты назад он был на том уровне, где высилась мачта-опора, и это ему самому казалось невероятным...

Нортон безжалостно гнал машину вперед. Обилие крупных камней раздражало — падала скорость. Но другого пути просто нет. Проникнуть в ущелье можно было только через заброшенный оловянный рудник...

Преодолев головокружительный спуск, он выбрался наконец к руднику. По уплотненному временем отвалу породы съехал в овраг — рудничного, видимо, происхождения. Овраг брал начало от полуобвалившегося входа в штольню, расширялся к отвалам, а ниже по склону суживался до размеров транспортной траншеи, круто сбегавшей в расселину, которая (Нортон знал это) выходила прямо в ущелье. Дно оврага усыпано щебнем и кучками хрусткого мусора цвета ржавчины. Судя по некоторым признакам, когда-то здесь был фуникулер — вагонетки с рудой, очевидно, сползали от штольни к дороге в глубине ущелья. Нортон уверенно бросил машину в каменный желоб траншеи — именно этим путем недавно вывезли в местный музей какой-то рудничный механизм столетнего возраста.

Элекар, подпрыгивая, как норовистый конь, нырками скатывался по горбатому склону. Нортон с опаской оглядывал почти отвесные стены расселины, покрытые сетью трещин. Прочность стен не внушала ему никакого доверия. Вдруг он резко затормозил и выпрыгнул из машины. Следом выпрыгнул Голиаф. Уже синел побли-

зости выход в ущелье — тянуло сыростью, долетали журчащие звуки ручья. И на полпути к подножию ската — последнего ската к старой дороге! — громоздился завал. Пропади оно пропадом!..

По левую сторону лежал у стены обломок скалы, похожий на перевернутую кверху днищем длинную лодку, по правую — просто массивная круглая глыба и осколки поменьше. Завал, в общем-то, невелик. Быстро его осмотрев, Нортон решил брать препятствие с ходу. Обломок отлично пройдет под колесами слева. Но глыба... Не теряя времени, Нортон поддел руками крупный осколок, крякнул, придвинул к глыбе вплотную. Наскоро соорудив из камней нечто вроде въездного пандуса для правых колес, он смахнул пот с лица и уж было намерился кинуться вверх по склону к машине, как вдруг залаял Голиаф. Нортон взглянул на собаку. Перевел взгляд в ущелье — и на секунду застыл. Он опоздал!.. Дорога внизу отражала пляшущий свет,— несомненно, свет фар приближающегося элекара!..

СТАРЫЙ КАРЬЕР

Розовый элекар промелькнул мимо расселины. Нортон взбежал вверх по склону, прыгнул за руль. Поймал за ошейник Голиафа и, швырнув его на пол, рывком убрал тормоз и с разгона бросил машину через завал. Мгновение судорожного взлета, крен в полете, сильный удар и грохот в момент приземления — он едва почувствовал это. Элекар вынесло в прозрачную синеву ущелья. Крутой поворот влево перед обрывом. Тормоз, отчаянный скрежет колес. На повороте он так рванул машину об угол бетонированной платформы, что с треском проломился борт,— все это слепо скользнуло мимо сознания — лишь бы выдержали колеса и вынес мотор.

Дорога была отвратительная, но это была дорога. Расчетливо, хладнокровно он вел с ней поединок за скорость. Ему казалось, будто он не видит ничего, кроме размашистого мелькания световых миражей от фар ушедшего вперед элекара, хотя видел и чувствовал многое: каждый ухаб, летящие под колеса спуски и повороты, громады утесов, глубокий и пугающе близкий уже срез ущелья —

выход в каньон. Расстояние между элекарами сокращалось медленнее, чем он ожидал, и это стало внушать ему подозрения. Он понимал: мальчишка не мог отключить блок «безопасной езды» (без помощи автомата восьмилетний лихач давно бы свверзился на дно ущелья), но, с другой стороны, блок не позволил бы развить такую скорость при таких дорожных условиях — нажал бы на тормоза. Да и сам мальчишка нажал бы, он не дурак — видит, конечно: дорога идет под уклон и успела уже «накатить» элекару опасную скорость. Выходит, просто нечего нажимать?.. Нортон представил себе судорожно вцепившегося в баранку руля насмерть перепуганного ребенка...

Скалы внезапно раздвинулись — открылся каньон. Дорога вывернула на прямолинейный спуск, и Нортон впилея взглядом в розовый элекар, стремительно выходивший к подножию склона. Ник рулил стоя. Было видно, как трясутся на быстром ходу его плечи, темноволосая голова и тонкие локти, завихрения воздуха теребили подол голубой рубашонки. Сжав зубы, Нортон гнал вниз в совершенном отчаянии. Предпринять что-либо он был бессилен: розовый элекар с опережением в сотню метров уже выкатывался на Губу — плоский мыс, выпяченный в пространство каньона, будто оттопыренная губа великана, окунувшего каменный подбородок в озеро. Подозрение насчет тормозов оправдалось. Машина неслась вдоль Губы, виляя на прямой дороге: мальчишка знает, что надо остановиться (ведь это место служило стоянкой для транспорта и дальше ходили только пешком), но катит вперед — не может решить, как ему быть со своей разогнавшейся колымагой. Действительно — как? Хоть бы мотор выключить догадался!.. Нортон гнал на пределе, выигрывал метры, буквально физически ощущая страх и беспомощность малыша. Справа — ровная площадка и обрыв к воде. Слева — тоже площадка, но в окружении скал, и вдобавок на ней рытвины, россыпь крупных обломков и даже брошенный кем-то колесный домик-прицеп с разбитым окном. А впереди, где кончалась Губа, огромный щит люминесцировал предупреждением: «Дороги нет. Очень опасно!» — и красно-белые трубы шлагбаума перекрывали выезд на дорогу в Старый Карьер. Черт, ведь никакого шлагбаума раньше здесь не было!..

— В воду, малыш, в воду!!! — заорал Нортон, осознав наконец, что это единственный, хотя и крохотный, шанс.— Руль вправо!

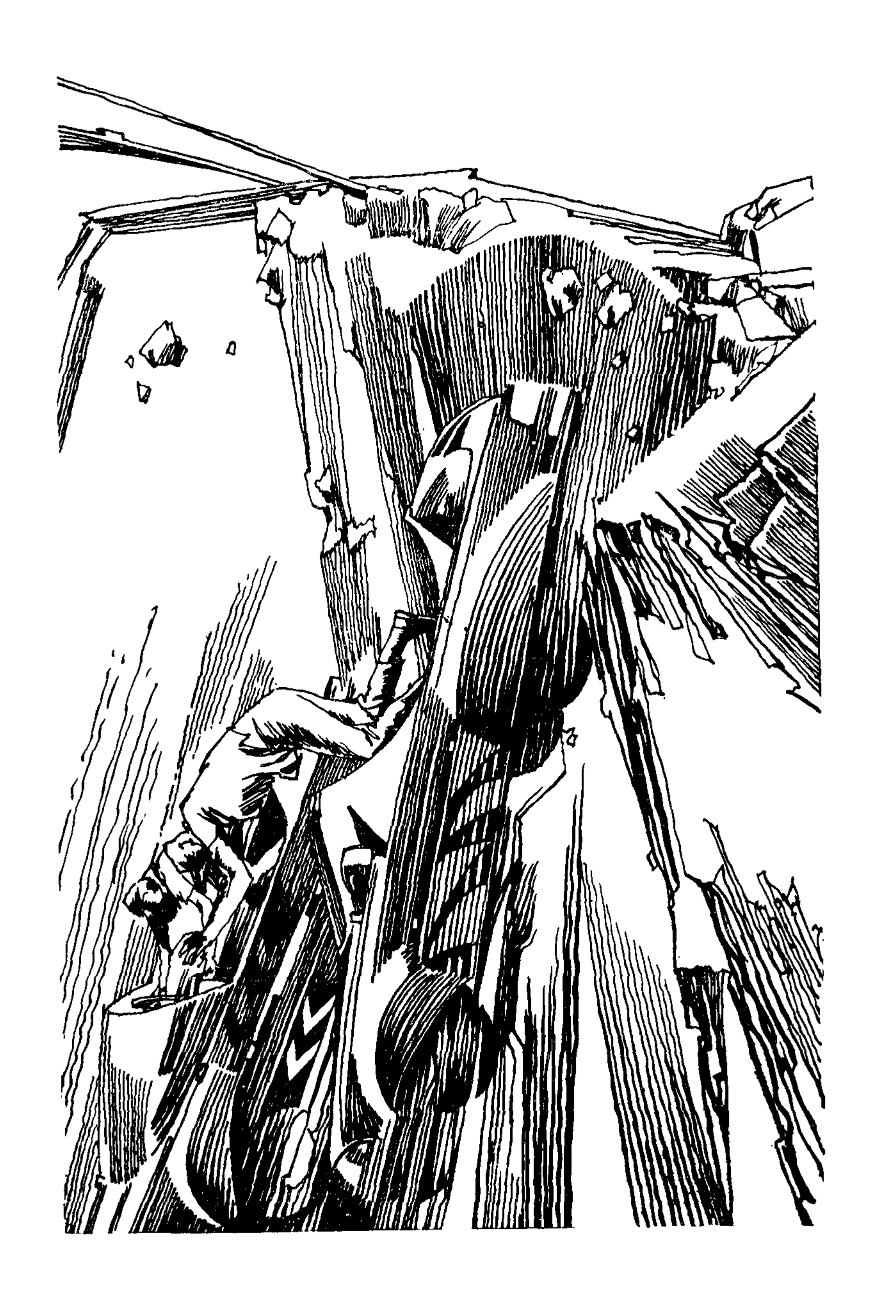
Мальчишка, панически озираясь по сторонам, мчался к шлагбауму, словно собрался брать его на таран. Нортон вдавил ободок звукового сигнала — отвратительный хрип. Удар кулаком — напрасно, сигнал не работал. Да что там сигнал — шлагбаум в нескольких метрах! Острое чувство вины резануло как лезвием; Нортон сжался, оцепенев за рулем, и готов был зажмуриться — не мог на это смотреть!..

Неожиданно розовый элекар шарахнулся влево — Нортон расширил глаза: Ник опасно повис на баранке. В каком-то немыслимом вираже элекар обогнул полосатые трубы (силой инерции Ника сбросило на пол), накренясь, почти на боку, скользнул по стене пешеходного лаза и, завершая зигзаг крутым поворотом, с грохотом вылетел на дорогу. Нырнул под уклон и пропал. «Вот это логика!..» — опомнившись, успел подумать Нортон, притормозил и в последний момент повторил маневр автомата. Бешеный рывок, треск раздираемого борта.

Вывернув под уклон, Нортон молниеносно оценил обстановку. Огибая стену утеса, дорога шла вдоль обрыва, совершенно отвесного, и была на этом участке широкой — вполне могли б разминуться два тяжелых грузовика. Но щит не лгал, у поворота на Старый Карьер дороги действительно не было — полгода назад обвал буквально срезал дорожный уступ. Остался, правда, узкий карниз, который все же давал возможность туристам пройти над обрывом за поворот. Пройти! Мальчишку несло туда на колесах... Вот он снова медленно выползает к рулю,— должно быть, его слегка оглушило. Ну сорванец!..

С быстродействием автомата Нортон сортировал в уме детали происходящего. Ника он превосходит в скорости вдвое — мало. Борт дребезжит — ерунда. Что-то колотит в днище машины на уровне шасси — опасно, однако рулю она подчиняется — огромное ей за это спасибо. У мальчишки он на хвосте — догнать успевает. Но объехать...

Откинувшись за рулем, Нортон вышиб ногой ветровое стекло, прицелился в хвостовые огни элекара. Пять метров, четыре, три с половиной... пора! Он вскочил на капот и



с наклоном к потоку воздуха прыгнул вперед. Падая в отделение кузова за спиной Ника, увидел летящий навстречу обрез дороги. Ник тоже увидел — бросил руль, заметался; Нортон одной рукой поймал его за рубашку, другой крутнул баранку руля вправо. Задняя машина с лязгом соприкоснулась с передней, толчок — Нортон едва устоял на ногах и в этот момент ощутил разверзшуюся пустоту под колесами. Сдавленный крик ребенка...

Медленно (как Нортону показалось), постепенно увеличивая крен, машина стала валиться с обрыва. Хладнокровно определив направление для броска, он с силой вышвырнул Ника из кузова элекара — подальше от берега — и мгновение спустя выпрыгнул сам. Привычным движением ног (как в условиях невесомости) развернулся вниз головой, поймал взглядом Ника, крикнул:

— *Сожмись!..*

Тельце мальчишки, летящего в воздухе «крабом», неуверенно съежилось, и Нортон увидел его отражение в глянцево-черной воде.

Грохот тяжкого всплеска рухнувших элекаров. Вздыбленная — точно во время подводного взрыва — волна встретила Нортона хлестким ударом и, утопив, завертела. Кружась в кипящем котле побелевшей до молочного цвета воды, он пытался представить себе, насколько удачно финишировал Ник. Всплыл, осмотрелся. Снова нырнул. Сквозь быстро тающий слой пузырьков опустился пониже и наконец разглядел голубое пятно...

На поверхности он поднял мальчишку над головой, встряхнул — руки и ноги Ника безвольно мотнулись. Сжав зубами подол голубой рубахи, Нортон забросил легкое тельце на спину и на гребне поднятой перед собой волны устремился к внутреннему берегу залива — ему казалось, что еще никогда он так не спешил.

Огромная полость полузатопленного карьера. Неровные стены этой чудовищной ямы ниспадали к заливу амфитеатром ступеней-террас. Нортон нащупал руками край берега, покрытого слоем воды, выбрался, перевернул Ника вниз головой и энергично потряс за ноги. Мальчишка пошевелился. «Все в порядке,— думал Нортон, укладывая его на обломок скалы.— Легкий шок. Как-никак, а высота обрыва метров двадцать...» Ник приподнялся, ошалело повращал глазами, сел. Глаза у него были

синие, с длинными, как у девчонки, ресницами. Очень похож на мать.

— Привет, аквалангист,— сказал Нортон, вытирая лицо ладонью.

— Салют, Дэв...— глухо произнес Ник и тяжело закашлялся.

— Не ушибся?

— Нет.

— Полежи,— посоветовал Нортон.— Голову вниз.

Он отвернулся и посмотрел на обрыв. Представил себе траектории падения элекаров. Машина Ника упала в воду удачно — в стороне от того опасного места, где обвалился дорожный карниз. Вторая рухнула у самого подножия обвала: над водой светлел застрявший на клыке скалы белый обломок задней части кузова. Могила старика Голиафа... Нортон почувствовал в горле тугой ком. Надо же было так растеряться, чтобы совсем забыть про собаку! Ну что мешало выбросить пса из машины в воду где-нибудь по дороге?! Н-да, год безделья — и вот результат: утратил способность быстро и правильно соображать в критических ситуациях...

Кашляя, Ник пояснил:

— Это потому, что я немного напился холодной воды.

«Он немного напился!» — подумал Нортон. Стянул через голову мокрую тенниску.

— А где Голиаф? — неожиданно спросил Ник. Нортон выронил тенниску.— Я слышал, он лаял там, на дороге. Может, мне показалось...

— Нет, тебе не показалось. Голиаф был со мной в машине. Видишь тот белый кусок элекара?

Мальчишка заплакал. Нортон смотрел на него, выжимая воду из тенниски.

— Довольно реветь. Будь мужчиной.

— Мне-е... жа-а-алко...— сипел Ник, размазывая слезы.

— Мне тоже.— Нортон надел тенниску.— Ладно... успокойся. Голиаф погиб нормально — выручая друга из беды. Такой поступок достоин уважения, но не слез. Понял?

— По... понял...

— Вот и отлично. Разденься, я помогу тебе выжать одежду. Ты, видать, продрог.

— Н-нет...— Ник стал раздеваться. Вид у него был хмурый, брови насуплены.

Нортон взял его себе под мышку и перенес с мелководья на берег. Сбросил кеды, вытряхнул из них воду, обулся. Было совсем светло. Солнце озаряло верхние утесы карьера.

— Ты кем будешь, когда вырастешь, Ник?

Тот взглянул на него исподлобья.

— Я ведь уже говорил тебе, Дэв! Буду космодесантником.

— Да, это я слышал. Но разве мало других интересных профессий у нас на Земле?

— Десантники ВДОО? — Ник вздохнул. Серьезно сказал: — Нет, с этим у меня ничего не выйдет. Пока я вырасту, все тайники пооткрывают.

— Не отчаивайся. Мальчишкам всегда почему-то казалось, что ничего такого... героического им уже не достанется.

— А потом?

— Что потом?

— Ну... им всегда доставалось?

— Доставалось. Всегда. И еще как!.. Ну вот, все почти сухое, одевайся, и пошли.

— Куда? — спросил Ник.

— Что значит — куда? Наверх, разумеется. И вот что, парень... Твоей матери совсем не обязательно знать, как мы с тобой летели с обрыва.

Нортон поднял голову: кабинки канатной дороги двигались. Некоторое время он молча следил за бегущими в лазурном небе разноцветными котелками.

— Готов держать пари,— пробормотал он,— к нам в гости едет старина Берт.

— Это у которого изо рта вылетает огонь? — возбужденно полюбопытствовал Ник.

— Гм... Насчет огня я не уверен. А вот то, что у него иногда вылетают крепкие выражения, мне известно. Но ты его не бойся, он человек справедливый.

— Я никого не боюсь,— насупившись, заявил Ник.

— Правильно,— одобрил Нортон.— Чего ради ты должен кого-то бояться.

— Эй, бродяги! — гулко пророкотал сверху голос, усиленный радиомегафоном. Канатная дорога остановилась.

Красная с белыми пятнами, как перевернутая шляпка мухомора, кабинка пошла вниз, разматывая подвесные тросы. Повисла метрах в пяти над землей. Человек в белой панаме и в солнцезащитных очках, опершись руками о край своего «мухомора», хрипло выкрикнул уже без усилителя: — Какого дьявола вы притащились сюда?! В такую рань!

— Сними очки, Берт,— откликнулся Нортон.— Они мешают тебе узнавать старых приятелей.

— Дэв? Семь тысяч чертей!..— Берт снял светофильтры.— Клянусь ареной Большого родео, уж тебя-то я меньше всего ожидал встретить в этой дыре!.. А что за микроб рядом с тобой?

— Отважный парень. Ему надо было проверить, какая живность здесь водится.

— Ах, чтоб мне лопнуть! — изумился Берт.— Живность! Да какая тут живность, в этой помойной яме?! Тут даже змеи давно с тоски передохли. Однако, я вижу, вы успели добавить мусора в мое хозяйство?..

— Извини,— сказал Нортон,— так у нас вышло.— Он пожалел, что не столкнул обломок элекара в воду. Теперь эта история выплывет наружу, как пить дать.

— Ладно, туристы,— прохрипел Берт,— поднимайтесь сюда, я опущу вам другую кабину. Никак я не думал, что в день Большого родео кому-нибудь вообще придет в голову лазить в каньон!

— И я удивлен, что сегодня ты не в Копсфорте.

— Черта с два! Механиков на канатке трое, а дежурить выпало мне. С тех пор как здесь гробанулся тот ненормальный мотоциклист, власти города учредили дежурство даже по праздникам. Эти умники полагают, будто мне под силу угнаться на своей хромой ноге за мотокретинами!

Берт был явно не в духе, и Нортон решил промолчать.

Он и Ник осторожно взобрались по доломитовым глыбам на полуразрушенную террасу, прошли под «канатку» и влезли в спущенную для них кабину. Кабина взлетела вверх и пошла, поскрипывая, вдоль каната. Ник восторженно вертел головой. Нортон разглядывал с высоты путь, которым съехал сюда, чтобы выручить малыша и убить Голиафа...

— Дэв, ты будешь выступать на родео? — спросил Ник.

— Нет.

— Почему? Ты бы их всех запросто победил.

— Вот поэтому мне и нельзя. Если мы заранее знаем, что я могу их запросто победить, то моя победа будет нечестной. Ведь правда?

— Правда... Но очень хочется, чтобы ты стал чемпионом Большого родео.

— Зачем? Чтобы тебе можно было хвастать перед мальчишками, что с чемпионом Большого родео ты на короткой ноге? Обойдешься.

— Обойдусь.— Ник тяжело вздохнул.— А ты подаришь мне еще одну поющую палочку?

— А где та, которую я тебе... на прошлой неделе?

— У меня взял ее Гед.

— А зачем ты отдал?

— Он мне обещал подарить акваланг.

— Ясно... И больше ты палочку эту не видел?

— Нет. Он сказал, что берет ее на не... неопределенный срок. Это на сколько, значит?

— Это значит — почти насовсем.

— Плохо...— проговорил Ник.— Ты не обижайся, Дэв. Я, конечно, виноват. Ведь ты говорил, чтобы я этой палочкой перед взрослыми не хвастался... А я опять похвастался. Я и сам не знаю, почему у меня так всегда получается...

— Хвастовство — самый большой твой недостаток. А кому еще, кроме Геда, ты хвастался? Отцу? Матери?

— Да... Но мама не захотела смотреть и сказала, чтобы я не лез к ней со всякой чепухой. Папа посмотрел и сказал, что всякие такие штуки ему давно уже знакомы. Что ему приходилось видеть телеприемники даже в собачьих ошейниках. А Гед когда посмотрел, то сказал, что подарит мне акваланг, если я ему расскажу, как ты сумел это сделать. Но я ведь не знаю, что ты с ней сделал. Когда я принес тебе палочку, ты просто покрутил ее в руках, потер ладонями, и она стала петь и показывать... Ты не обижайся, Дэв, ладно? Мне очень хотелось акваланг. Теперь вот ни палочки, ни акваланга...

— Понятно... Ладно, ты не горюй. Будет тебе акваланг. Но с одним условием... Впрочем, с двумя. Плавать

только со взрослыми. Элекаров не угонять. Слово даешь?

— Честное космодесантское!

— И хвастать больше не будешь?

— Я постараюсь...

— Постарайся. Ну вот и приехали. Вылезай.

Смотровую площадку заливало солнце. Здесь было тепло. Нортон, щурясь, взглянул на шоссе, увидел вынырнувшую на спуск лимонно-желтую машину и узнал элекар Генри... Так, значит, Гед пораскинул мозгами и догадался, что на Бизоньи озера Ник не поедет. У этого малыша догадливый дядюшка...

— Ну, чего стоишь? — сказал он Нику.— Беги встречать дядю.

Ник побрел. С оглядками, неуверенно.

— Беги, беги! Пусть дядя видит, что с тобой ничего не случилось, и хоть немного убавит скорость.

Ник побежал.

Звеня ключами, прихрамывая, подошел Берт. Рубаха небрежно распахнута на загорелой костистой груди. Лицо у него было крупное, мятое и небритое. Серебрилась щетина. Он посмотрел на шоссе, кивнул и спросил:

— Вроде бы Генри несется?

— Нет. Машина его, но едет не он.

— Нервное сегодня утро... Малец-то чей?

— Сын Бена. А в машине — дядя мальца, брат Бена по имени Гед.

— Приезжий, значит? Что-то не знаю такого...— Берт снова взглянул на шоссе и кивнул: — Встретились родственнички, разговаривают.

— Пусть поговорят. Им есть о чем... Малыш угробил дядин элекар.

— Шустрый малец!

— Хороший мальчишка. Но чересчур отважный.

— Пороть надо,— заявил Берт.— Не мальчишку пороть, а мать его. Да и отцу не мешало бы всыпать. Знаю я эту семейку.

Нортон не стал возражать. Берт посмотрел на него и сказал:

— А ты меня сегодня здорово пугнул. Гляжу в окно и гадаю: кого это черти несут сюда на белом элекаре? Из дома вышел — исчез элекар!.. Но слышу: треск стоит на «тропе сумасшедших». И катушки на месте не видно,

только пыль вьется. У меня все внутри так и оборвалось. Ну, думаю, кто-то в расселину ухнулся... Поковылял туда, спустился к самой расселине — нет нигде элекара!.. Я прямо обалдел. Ты что по воздуху ее перепрыгнул, щель эту?

— Почему же по воздуху. А мост?

— Но ведь там на четырех колесах не...

— На четырех, конечно, нельзя, на двух можно.

— С ума сойти!.. А дальше?

— Дальше... Да, пришлось и по воздуху. Когда выбора нет, и по воздуху прыгнешь.

— Ловок... Рассказать кому — не поверят.

— А ты не рассказывай,— посоветовал Нортон.

— И в мыслях не было. Мне моя репутация дороже.— Берт поковылял к дому. Приостановился, бросил через плечо: — Кофе готов. Заходи, позавтракаем.

— Спасибо, зайду.

Нортон снял кед, вытряхнул из него мешавший ноге острый осколочек доломита. Заметил, как дядя Ника, оставив мальчишку в машине, засеменил на смотровую площадку. Фигура у него была несуразная. В костюме ковбоя с эмблемой спортивного клуба на рукаве он выглядел нелепо. Точно лимон, напяливший на себя ковбойскую шляпу. Он был моложе своего брата, но раза в два шире в объеме: над туго затянутым ремнем выдавался отнюдь не спортивный живот. Лицо круглое, несколько одутловатое, глазки водянисто-светлые, быстрые. Нортон обратил внимание: Гед, приближаясь, обошел его тень, словно боялся на нее наступить.

— Я даже не знаю, какими словами выразить вам свою благодарность!..— смущенно заговорил Гед. Держался он робко, руки его двигались — он не знал, куда их девать.— Тем более что чувствую себя до некоторой степени виновным в этих событиях...

Нортон обулся, пошевелил ногой, проверяя, нет ли еще чего-нибудь твердого. Недовольно поморщился — от этого человека исходил пренеприятнейший живозапах. Почему они всегда так омерзительно «пахнут» — Бен и его братец?..

— Вы не ранены? — участливо спросил Гед.— Могу ли я что-нибудь для вас сделать?

— Да. Оставить меня в покое.

Нортон потер испачканное пылью колено и побрел к открытой двери дома, откуда несло запахом кофе. Гед, словно загипнотизированный, двинулся за ним. А мальчишка, позабыв все свои неприятности, стоял за рулем неподвижного элекара, как за штурвалом, и орал какую-то маршевую песню.

Семенивший сзади Гед торопливо забормотал:

— Я хотел бы... Нортон, послушайте!.. У вас разбилась машина, и я... Мне вас подождать?

— Не советую,— тихо сказал Нортон.— Вы меня не дождетесь...

ОТЧУЖДЕНИЕ

Прислонив мопед к дереву, Фрэнк сдвинул на затылок широкополый стетсон и обвел взглядом увитый зеленью дом. Было тихо и солнечно. В садовом парке по-утреннему хлопотливо щебетали птицы. Дом молчал. Фрэнк, взявшись руками за поясной ремень (как шериф из старого фильма), побрел в обход — по кромке газона. Было странно, что его не встречал, как обычно, приветливый Голиаф.

Никогда он не чувствовал себя на этой вилле уютно. Сегодня тем более. Сегодня вдобавок он ощущал себя так, словно ему предстояло пройти здесь каверзный полигон, необычность которого усугубляется тем, что под мышкой нет бластера и надо следить за выражением своего лица. Ни Вебер и никто другой не учили его следить за выражением своего лица. А зря. Полигон под названием «Оперативная мимика» был бы кстати...

Не доходя до бетонированной щели гаража, он заметил две отчетливо видимые на зеленом ковре газона вмятины, остановился. Осмотрел заросшую плющом декоративно-дырчатую стену дома и, придержав шляпу рукой, поднял глаза на огражденный бортиком козырек верхней террасы.

По наклонному пандусу он спустился в гараж. Машины Дэвида не было. Золотистый элекар Сильвии был на месте. Под ногами хрустело стекло. Фрэнк представил себе, как стоял элекар, и понял происхождение двух удлиненных россыпей стеклянных осколков. Помятый га-

зон, разбитые глазки сигнальной системы блока «безопасной езды», в беспорядке брошенные кабели... Фрэнк рванул одну из боковых дверей гаража, взлетел по внутренней лестнице на второй этаж дома. Обегал все помещения, заглянул в распахнутую дверь кабинета; выскочил на террасу, спустился на первый этаж и обошел летние холлы. Везде был порядок. В вазах стояли свежие цветы; огромный букет белых и розовых гладиолусов был еще мокрый... Успокоившись, Фрэнк отправился на кухню, приоткрыл дверь и увидел сестру.

Сильвия, что-то бормоча себе под нос, священнодействовала у кухонного агрегата. На столе в расписном фарфоровом блюде уже высилась горка вафельных трубочек с кремом. Агрегат мигал кружка́ми и полосками световых сигналов, шелестел и периодически щелкал чем-то похожим на блестящие челюсти тостера.

— О, бэби! Какой ты красивый! Этот костюм тебе очень идет.— Она улыбнулась.— Настоящий ковбой!..

Он молча смотрел на нее. Она заметно осунулась, постарела. Рыжая, руки в веснушках... Сделал усилие над собой, улыбнулся:

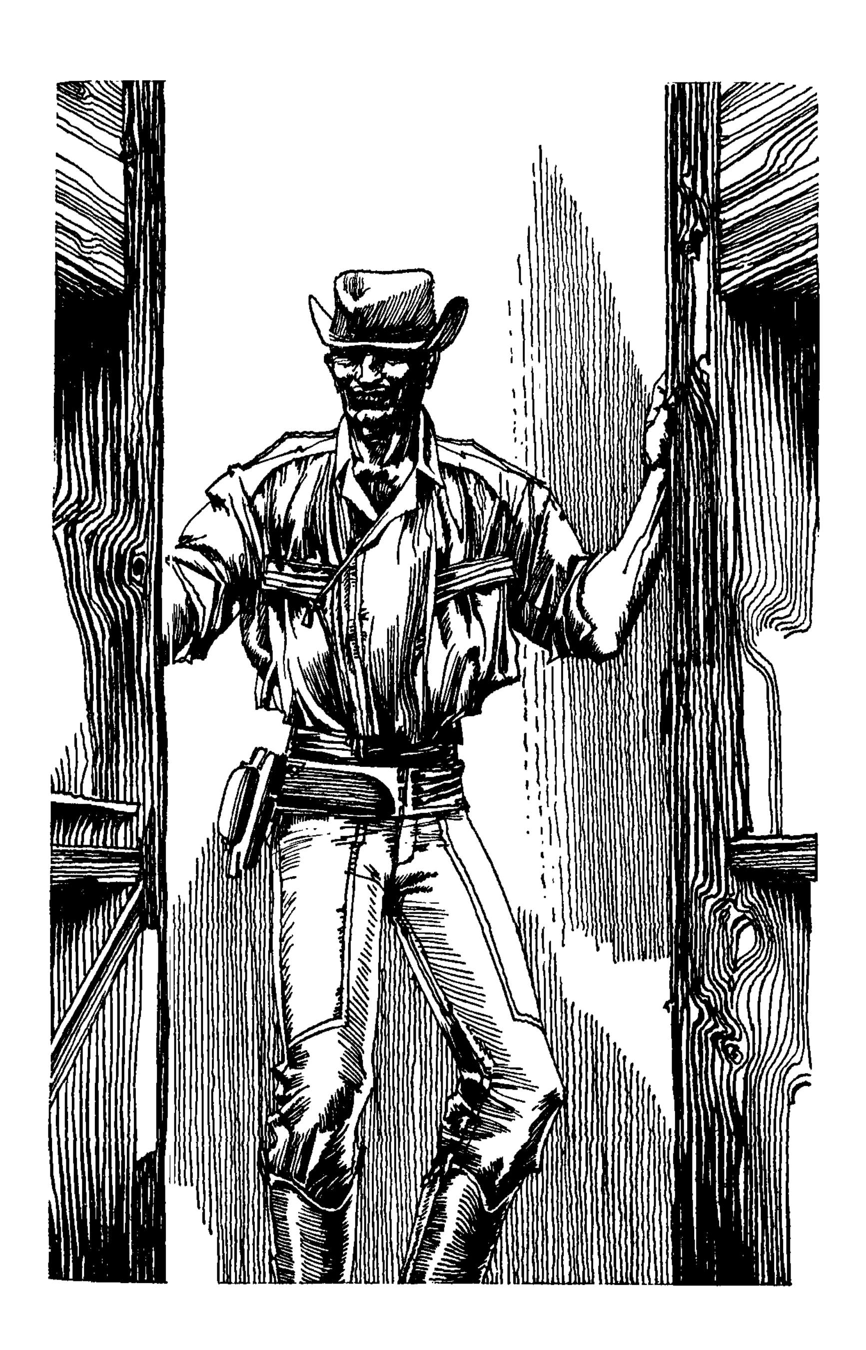
— Привет, мом! Как поживаешь?

— По-старому, бэби, по-старому. Все у нас как и прежде, без изменений.— Она подошла и ласково потрепала его по щеке. Ей очень нравилось, когда он называл ее «мом».— Ты такой красивый и представительный! Но мрачный... Нет? Значит, мне показалось. Ты просто, наверное, озабоченный. Трудно тебе в твоем Управлении, бэби?..

Он успел затолкать в рот вафельную трубочку и теперь на все ее вопросы отвечал только мычанием и неопределенными жестами.

Счастливо улыбаясь, она упрекнула его:

— Бэби, ты как ребенок! Тебе полагается снять шляпу и пойти вымыть руки. Любой воспитанный человек на твоем месте давно уже сделал бы это.— Она включила какие-то кнопки, агрегат ухнул и тонко завыл.— Я очень рада твоему приезду. Я знала, что в день Большого родео непременно увижу тебя, и решила приготовить на сладкое к завтраку твои любимые «фафлики»... В последнее время я редко стряпаю сама — обычно мы пользуемся доставкой горячих блюд на дом, сервис у нас в этом смысле выше



похвал. Но сегодня решила тряхнуть стариной и поспорить с искусством дипломированных кулинаров... Ты намерен участвовать в скачках?

— Да. В качестве созерцателя.

Не снимая шляпы, он таскал «фафлики», слушал ее болтовню и сообразно обстоятельствам кивал или пожимал плечами. И внимательно разглядывал сестру, выбирая моменты, когда она на него не смотрела.

— У тебя правда все в порядке, мом? — спросил он, стараясь придать своему голосу оттенок беспечности.

— Разумеется! — Она продолжала манипулировать кнопками агрегата.— Почему ты решил об этом спросить?

— Давно не видел тебя. Естественно, интересуюсь... И если когда-нибудь вдруг случится, что тебе понадобится моя помощь, ты получишь ее немедленно.

Она сделала движение головой, будто хотела взглянуть на него, но это движение осталость незавершенным.

— Ты всегда был добр ко мне и внимателен, бэби, и я благодарна тебе. Но... с чего ты взял, что мне нужна будет помощь?

— Я ведь сказал: если... Жизнь штука сложная, мом. Работа в Управлении окончательно убедила меня, что современное бытие полно неожиданностей. Причем не все из них приятного или хотя бы достаточно безобидного свойства.— Он слизнул крем.

— Ты знаешь...— теперь она на него посмотрела,— мне все это как-то не очень нравится.

— Мне тоже. Но это, видимо, выше наших эмоций.

— Я не о том... Твоя работа делает тебя излишне мнительным.

— Ничего подобного. Моя работа делает меня рациональным. Дэв дома?

— Нет. Но через час будет здесь, и мы сядем завтракать. Буквально за минуту до твоего появления я говорила с ним по видеотектору. Дэв сказал, что у него испортилась машина где-то в районе смотровой площадки каньона.

— Да? Чего ради его туда понесло? Он что, каньона не видел?

— Туда зачем-то понесло соседского мальчишку, и Дэву пришлось его догонять.

— Догнал?

— Разве могло быть иначе? Правда, мне неизвестны подробности. Дэв о них умолчал. Ты ведь знаешь его...

— Я его знаю.— Фрэнк взял еще один «фафлик».— Ну ладно, не буду тебе мешать. Ты когда управишься со своими делами?

— Думаю, получаса мне будет достаточно. Пойди проверь, хороша ли вода в бассейне. Только не слишком перегревайся на солнце.

— Постараюсь...

Фрэнк вошел в кабинет Нортона. Дверь он оставил открытой, как было. Сел в кресло, облокотился о стол и прислушался. Дом будто вымер. Справа жирно лоснилось большое болото с зеленой водой. Фрэнк, задумавшись, остановил на нем взгляд. В отдалении — худосочные заросли. На переднем плане (едва ли не возле стола) бродили по мелководью какие-то крупные длинноногие птицы; одна из них, оттопырив крыло, усердно чесалась. «Второй канал девятой стереопрограммы,— подумал он.— Нескончаемые видеоландшафты с живностью для закоренелых меланхоликов...»

Он открыл стол, покопался в нем и быстро нашел фальшивую стенку. Так, интуиция не обманула его...

Отодвинув стенку, он обнаружил сейф. Коснулся пальцем пластинки замыкающего устройства — пластинка брызнула светом, но замок не сработал. Ясно: замок типа «Дактилоцензор». Очень модный замок. Быстродействующий, удобный. Одно неясно: почему владельцы маленьких тайников считают эти замки абсолютно надежными. Впрочем, прятать дневники от любопытного глаза домашних можно, конечно, и под такими замками. Посмотрим, что доверил «Дактилоцензору» Нортон... Вынув из кармана эластичные перчатки, Фрэнк аккуратно натянул их на руки, поднес к губам, подышал на пальцы. Эти перчатки с «пальчиками» Нортона ему за три с половиной минуты изготовили в лаборатории дактилоскопии в перерыве между двумя вчерашними заседаниями следственной группы. Втайне от шефа. Достаточно было сунуть под нос ребятам жетон, и его снабдили не только перчатками, но и съемочной камерой типа «Видеомонитор» новейшего образца — камера замаскирована в коробке карманного фонаря... Шеф узнает — позеленеет от ярости. Шеф полагает, что такого субъекта, как Нортон, можно «рас-

крыть», методически припирая к стене душеспасительными беседами...

Сейф находился в левой тумбе стола, Фрэнк сунул туда левую руку и открыл замок первым же прикосновением. Вынул из тайника тетрадь в черной обложке. Больше ничего там не было. Он перевернул обложку и узнал своеобразно размашистый почерк Дэва. Выбрал несколько абзацев наугад, прочел, тихо присвистнул. Два вчерашних утомительных заседания следственной группы не стоили и одной страницы этой тетради... Он выхватил из заднего кармана джинсов плоскую коробку «Видеомонитора», нажатием на торец корпуса открыл глазок объектива, вытащил из камеры три тонкие телескопические ножки и поставил трехногого «паука» объективами вниз в центре стола над тетрадью. Прислушался. В доме было по-прежнему тихо. Фрэнк включил «фонарную» кнопку — ослепительно голубой свет вспыхнувшей линзы залил первую страницу. С этой же кнопкой связан включатель съемочного механизма...

Не снимая перчаток, Фрэнк перелистал под объективом исписанные страницы, выключил камеру, быстро привел ее в добропорядочный «фонарный» вид, сунул в карман. Затем пробежал глазами несколько страниц ошеломляющего текста. Не все понятно, но даже того, что ему удалось уяснить, было более чем достаточно. Последняя страница подействовала на него как удар по затылку. Непослушными руками он водворил тетрадь на место. Бедная Сильвия!.. Однако держится она великолепно... Не знает?.. Вздор! Как это можно — жить рядом с чудовищем и ничего о нем не знать! Знает, все знает! А если не все, то о многом догадывается. И терпит. Любит его и на все это попросту закрывает глаза. Попросту? Может быть, в ужасе?.. Нет, она ведь с ним... добровольно. А, дьявол! Но как же все-таки быть? Попытаться уговорить ее уехать отсюда? Хотя бы на время?.. Но о каком, собственно, времени... Это конец! Тут такая теперь свистопляска поднимется!..

Фрэнк запер сейф, снял перчатки, взглянул на часы. Половина восьмого. Минут через тридцать Нортон должен быть здесь. Надо избавиться от «Видеомонитора». Этот дьявол в образе человека способен почувствовать даже миниатюрный аккумулятор. Не исключена возможность,

что он способен и мысли угадывать. Нет, вряд ли. Это было бы слишком... Но осторожность не помешает. Ведь черт его знает, на что он еще способен!..

Чтобы не встретиться с Сильвией, Фрэнк вышел из дома через гараж, сел на мопед и, выкатив за ворота, повернул в направлении городской станции технического обслуживания элекаров. За полчаса он успеет съездить туда и обратно. Шоссе было влажным после утренней поливки; умытые кусты сирени, идущие зеленой изгородью по обеим сторонам дороги, свежо блестели. Фрэнк машинально вывел мопед на «малый фитиль» у обочины и перевел питание мотора с аккумуляторов на «даровую» энергию кабеля. У большого щита с рекламой о прелестях отдыха на Бизоньих озерах его обогнал открытый, дико разрисованный элекар с юнцами и девушками. Молодежь невоспитанно хохотала, указывая пальцами на двухколесного ковбоя. Пока машина не скрылась, было видно, как они там падают друг на друга от хохота. Фрэнк остановил мопед и, растопырив ноги, уткнулся лицом в сложенные на руле руки. Карман чувствительно оттягивала камера «Видеомонитора». Она была тяжелая, как булыжник. По дороге туда он не чувствовал этого, но сейчас камера стала вдруг тяжелой и неудобной. И мысли стали тяжелыми и неудобными. Он не думал, что будет именно так. Он ни секунды не колебался, когда перелистывал перед объективом «Видеомонитора» записи Нортона, а теперь его угнетало мучительно-двойственное ощущение. Не надо было обладать особо развитой проницательностью, чтобы во всей полноте представить себе ценность полученной... нет, похищенной информации. Но в то же время он совершенно отчетливо сознавал, что похитил ее не к добру. Эта карманная мина способна вдребезги разнести семейный уклад четы Нортонов. Способна опрокинуть, сломать, искалечить многое из того, что людям дорого и привычно. Превратить, скажем, Консфорт в зону СК, сестру — во врага. Какая по счету зона? Шестая? Н-да... На Памире седьмая. Восьмая на Адриатике, девятая в Калифорнии. Н-да... И суток не прошло с тех пор, как он донимал ни в чем не повинного Вебера экстраполяцией мрачных предположений...

Неожиданно для самого себя он выхватил из кармана блестящий параллелепипед «Видеомонитора», отшвырнул

в кусты. Даже не посмотрел, куда улетела эта мучительно неприятная штука, только слышал, как зашуршала листва. Легче ему не стало. Он не знал, что с ним происходит. Он был холодно спокоен, но чувствовал, что где-то недалеко от границы спокойствия бродит волна сумасшедшего гнева. Слепого, безадресного. Развернув мопед на пустынном шоссе, он покатил в обратную сторону. Все, что он делал, происходило почти машинально. В голове и в кармане теперь было пусто, размышлять не хотелось. Уж раз он не в силах исполнить священный свой долг, то размышления по этому поводу тем более не имели смысла. В конце концов, в его служебном задании не предусмотрена работа с «Видеомонитором». Напротив, строго запрещена. Ему вменили в обязанность выявить причастность Нортона к «черным следам» и попытаться склонить этого дьявола то ли к вынужденной исповеди, то ли к добровольному покаянию. И больше ничего. Ничего больше.

Фрэнк оставил мопед на траве и направился к летнему холлу по дорожке, пестро выложенной пластинами разноцветного туфа. Не дойдя до порога, опустился в надувное кресло. Он ощущал себя так, словно и сам был накачан холодным воздухом. Странная невесомость тела, мыслей и духа... В кронах деревьев щебетали птицы. Он сидел, надвинув шляпу на глаза. Ему не хотелось ни видеть здесь ничего, ни слышать...

В летнем холле что-то заскрежетало. Зазвенела посуда.

Голос Сильвии:

— Вода не слишком холодная, бэби?

Приподняв шляпу, он огляделся. Ответил:

— Нет, мом. Вода превосходная.

...Нортон развернул элекар Берта на берегу канала, включил водитель-автомат, нажал кнопку «обратного хода» и выпрыгнул через борт. Все вокруг было тошнотворно желтым: небо, кусты и деревья, трава и вода. Вдобавок небо отливало глянцем, и этот неравномерный призрачный блеск делал небо похожим на повисший над головой океан ананасового желе... Нортон продрался сквозь придорожные кусты. Его покачивало. Сквозь просветы между деревьями блестела ядовито-желтая вода. Он лег на траву и уставился в небо. Летом такого он еще не испытывал. В апреле дьявольская желтизна мучила каж-

дые три-четыре дня, но потом вдруг прекратилась, и, помнится, он с надеждой подумал, что это уже навсегда. С таким же успехом он мог бы надеяться, что вслед за апрелем наступит февраль.

Затылку мешало что-то колючее. Нортон сунул под голову руку, вынул засохшую ветку, отбросил в сторону. Безобидное движение вызвало тошнотворные колебания небесного глянца, и Нортон старался больше не двигаться. Желтое небо утомляло глаза, но он не позволил себе смежить веки — знал: будет хуже. Впрочем, и так было нехорошо...

В какой-то неуловимый момент глянцевый блеск помутнел и рассыпался. Пошел сверкающий снег. Казалось, ветер принес откуда-то громадное облако рыбьей чешуи, разметал его наверху, а потом этот мусор стал падать на землю, сверкая под солнцем. Желтое небо сменил глубокий коричнево-йодистый фон, ничего, кроме «фона» и «снега», не было видно, и Нортон почувствовал себя совершенно беспомощным, как слепец. Он опустил усталые веки — теперь это уже не имело значения: «снегопад» продолжался.

Уши заложило чем-то непробиваемо плотным, и он, цепенея от страшного подозрения, подумал, что внезапная глухота слишком похожа на... Нет! Только не это! Он готов вытерпеть все, что угодно, только бы на Земле его не нашло то, от чего он сбежал...

Тишина звенела, странно покачиваясь, и постепенно он успокоился. Та тишина, которой он боялся, никогда не звенела. Та была абсолютно мертвой — мертвее представить себе невозможно. Да, все в порядке — сегодняшняя тишина звенит. Очень тонко, едва уловимо... И где-то в самой ее сердцевине словно бы часто-часто лопались липкие пузыри и торопливо шелестела пена. Разговорчивая такая пена, как шепоток безумца...

Сверкающие снежинки-чешуйки мягко и липко лопались над головой, засоряя пространство серыми клочьями торопливого шелеста. Разной плотности мутные тени и коричнево-йодистые пятна... И как будто бы из всего этого кристаллизуется чье-то коричнево-бронзовое лицо — в перевернутом виде, наполовину скрытое тенями, наполовину освещенное колеблющимся пламенем... Не лицо, а скорее намек на него — громоздкое, диковинно-живописное со-

четание теней и отсветов бронзы. Нельзя сказать, чтобы это смутно различимое лицо было придвинуто слишком близко, но почему-то хотелось хотя бы слегка от него отстраниться. Как и тогда, в прошлый раз... Он попытался связать в один узел все свои сиюминутные чувства — томило злое желание разобраться и в конце концов подавить в себе рецидив недоверия к вещественной зримости... нет, не то слово...— ощутимости? — да, ощутимости образа. Тем более что в необычном лице было нечто обычное и даже знакомое... Он сделал попытку сосредоточить внимание только на том, что ему показалось знакомым. Эдуард Йонге? Тэдди?.. Торопливый шелест-шепоток безумного эха достаточно внятно повторил его нетвердую мысль: «Эдуард Йонге? Тэдди?..» Бронзовое лицо, кажется, дрогнуло. Нет, он не был в этом уверен. Но шелест-ответ, мгновенно распространенный ошалело качнувшимся эхом, плеснул в мозг резонансной волной: «Жан? Лорэ? Нет, ты не Жан... Кто ты, не улавливаю, не могу понять!..» Эхо было насыщено беспокойством. Тени и отсветы чуть переместились (диковинно подсвеченные куски бронзы словно бы ожили), и лишь теперь он догадался, чье это лицо. Оно отличалось своеобразием черт — смесь европейского с азиатским. Своеобразие было весьма привлекательным. Да что там — даже красивым. Среди ребят «Лунной радуги» Тимур Кизимов выделялся броской красотой...

«Извини, Тимур, сперва я принял тебя за другого...» — нерешительно подумал он. Просто так подумал, на всякий случай. И вздрогнул, захлестнутый новой волной ответного резонанса.

«Нортон?.. Вот сюрприз! Не ожидал... Но, как говорят начинающие поэты, рад эфирному свиданию с тобой».

«Я тоже. Вверх ногами, правда... Вздор какой-то...»

«Отчего же вздор? Ведь мы с тобой антиподы. Лорэ, к примеру, у меня всегда на боку...»

«Я не о том. Все это вздор вообще... Болезненные судороги мозговых извилин».

«Молодец. Очень толково объяснил... У тебя, вероятно, это впервые? Не готов поверить в эфирную встречу?»

«Не знаю, Тим. Но это не впервые. Два раза был Йонге. Желтизна... несколько раз. Тэдди — два раза».

«Хорошо видел? Ясно?»

«Это можно назвать словом «вижу»?.. Тогда нет. Как тебя».

«Вот чудак! Откуда мне знать, как ты видишь меня!.. Тебя, например, я вижу скверно. Узнал скорее интуитивно, чем визуально... Так что у тебя с Эдуардом?»

«Да ничего... Мне кажется, Тэдди был взбешен. Ругался. По крайней мере, я это так ощутил».

«Ругался? Йонге? Невероятно... А ты?»

«Я молчал. То есть... ну... сам понимаешь».

«Диалог, значит, не состоялся... А знаешь, мой милый... ты и Йонге — два чудака! Ведь это же превосходная дальняя связь».

«Мне и Йонге связь не нужна».

«Да? Ну прости... Я и забыл, что вы друг с другом не очень-то ладили. Еще тогда я не мог понять почему. Правда, ходила какая-то сплетня, будто бы ты оставил Йонге в хвосте своей внезапной женитьбой...»

«Мы ладили, Тим. Только нам никакая связь между собой не нужна. В сфере моего воображения ему просто нечего делать. Так же, как мне... в его...»

«Ладно, Дэв, с тобой все ясно. И меня ты, конечно, считаешь продуктом собственного воображения...»

«Но хотелось бы, Тим, чтобы это была действительно честная «дальняя связь»...»

«Кстати, Лорэ тоже не верил и недавно приехал ко мне на Памир выяснять отношения лично».

«Поверил?»

«Думаю, да. Ты бы видел, как он на меня посмотрел, когда я, словно бы мимоходом, обронил кое-какие фрагменты наших «эфирных бесед»!.. Впрочем, есть и другие способы перепроверки. Скажем, по почте. О, придумал! Я отправлю тебе карточку-квитанцию, которая удостоверит факт сверхдальней церебролюбительской связи. И знаешь, что я на ней нарисую? С одной стороны, рукопожатие континентов, с другой — систему Урана. Но в образе Оберончика там будет этакий плешивый череп с дыркой на лысине и с двумя косточками крест-накрест...»

«Заткнись!»

«Это ты мне или своему воображению?»

«Заткнись, говорю!..»

«Кстати, Дэв, как будет в нашем случае правильнее: говорю или чувствую?»

«Правильнее будет: думаю, мыслю».

«Умница. Вот и давай, мыслитель, посоветуемся, как нам дальше жить...»

«Повеселее ничего придумать не мог?»

«Ах ты, телячий хвост! Повеселее!.. Не развеселит ли тебя новость, что Управление космической безопасности очень интересуется старыми оберонцами?»

«Да? Я так и думал... Все утро я только об этом и думаю».

«Понятно...»

«Что понятно?»

«Ну прежде всего то, что наши мозговые извилины неплохо настроены в унисон. Отсюда и связь... Ладно, дело в другом. Суть дела, видишь ли, в том, что нас на Земле всего четверо, но каждый из этой четверки предпочитает мыслить, упрятав голову в песок...»

«Погоди, погоди!.. Сдается мне, ты абсолютно убежден, что все четверо... одинаково...»

«Нет, ты не просто мыслитель, Дэв, ты выдающийся мастер этого дела!.. Впрочем, каждый из нас, по-видимому, воображал себе, что именно он самый феноменальный урод на планете. И каждый страдал в одиночку. Мыслители...»

«Предлагаешь страдать коллективно?»

«Я предлагаю что-то решить. Ведь так продолжаться дальше не может. Хотя бы по той весьма заурядной причине, что наше уродство уже не секрет для космической безопасности».

«А что они, собственно, знают?»

«По крайней мере, им известно даже то, чего не было известно до недавнего времени мне».

«Ты мог бы выразиться яснее?»

«Видишь ли, каждый из нас знает все о себе и ничего об остальных. Функционеры из космической безопасности знают хотя и не все, но понемногу о каждом. О тебе, правда, речь пока не идет. Но стоит ли рассчитывать на то, что там работают дураки?»

«Нет, не стоит...»

«Я тоже так думаю. Не сегодня завтра и тебя зацепят. Просто так тебе не отсидеться в твоей коровьей крепости.

Вместо того чтобы сообща обдумать свое положение, мы ломаем друг перед другом комедию. Вот ко мне приехал Лорэ... О чем, ты думаешь, мы говорили? О погоде. Об эволюции климата Средней Азии и Средиземноморья. И если не считать моего ответа на его вопрос, почему я до сих пор не женат, никакой новой информацией обо мне он не обзавелся. Я понимал, что́ его привело на Памир, но сам он не сказал мне об этом ни слова. Зато я очень подробно узнал, как менялся климат на Адриатике в период между палеогеном и антропогеном... А о том, что этот адриатический климатолог способен демонстрировать перед публикой великолепные образцы «черных следов», я узнаю в Управлении космической безопасности. Кстати, Дэв, как с «черным следом» дела обстоят у тебя?»

«Может, сначала ты объяснишь мне, что это такое?»

«Именно это я и имел в виду, когда напомнил, что мы обожаем ломать друг перед другом комедию. Но ты не смущайся и продолжай. Положение обязывает».

«А знаешь, мой дорогой, в чем разница между нами? Между парочкой «я и Лорэ» и парочкой «ты и Йонге»?»

«Впервые ты заговорил со мной поучающим тоном...»

«Разница в том, что Йонге и ты еще не женаты, а я и Лорэ, как нарочно, до сих пор еще в состоянии брака».

«Насколько я понимаю, ты хочешь сказать, что вам искать выход труднее, чем нам?..»

«Ты очень правильно понимаешь. Для неженатого ты просто невероятно смекалист и проницателен... Ну что ж, пусть удача сопутствует тебе в поисках выхода».

«Спасибо. Но с тех пор, как мы оказались перед входом в зону СК, куда нас прижали, я утратил веру в удачу. Мы стоим у самых ворот и смотрим на них такими глазами, как будто эти ворота не имеют к нам никакого касательства. «Вы, случайно, не знаете, для кого приготовлена эта новая зона спецкарантина?» Слушай, Дэвид, ты притворяешься или действительно не понимаешь, что новая зона приготовлена для тебя?»

«Говорят, поэтами рождаются, а ораторами делаются. Ты счастливый человек, Тим. И поэтом родился, и оратором сделался...»

«Шизофреником я скоро сделаюсь. И немалая заслуга

в этом будет твоя и Лорэ. Эх, знать бы все это заранее!.. Я долго еще флиртовал бы с мадам Внеземелье».

«Как это делает наш упрямый и самоотверженный Золтан Симич?»

«Золтан... Золтан уже ничего не делает...»

«Шутишь?..»

«Вчера сообщил мне один мой друг... из УОКСа. И ситуация-то, в общем, была как будто нехитрая... Трехместная коробочка пошла на вынужденную в Горячих Скалах... ну выручали ее и нарвались на кольцевую могилу. В тех местах это раз плюнуть...»

«Понятно... И сколько?»

«Двое. Золтан и его напарник».

«Н-да... Тело Золтана удалось найти?»

«Там не находят, Дэв. Когда проваливается этакий серповидный участок метров пятьсот шириной, там ничего не... Кроме лавы, естественно, и перегретых газов, паров. Кислотных, серных, ртутных, рутениевых... всяких. Взрывы бухают. Видимость — ноль... Одним словом, каша. И никакими локаторами...»

«Знаю, Тим. Даже знаю, что и тебе довелось этого блюда отведать. Но ведь ты как-то выкрутился?..»

«Мне повезло — моим напарником был Йонге. Вот вдвоем и выкрутились... Совершенно нелепое происшествие. Едва мы вывели из опасной зоны группу афродитологов, у одного из них лопнуло что-то в системе воздушного обеспечения. Из атмосферы, видимо, кое-что просочилось в скафандр, и парень так отравился, что стал способен на мелкие чудеса. Схватил ни с того ни с сего камнерез и пропорол багажный отсек дисколета... Ну пришлось побегать за ним, и он затащил нас в «кольцо». А там уже все шевелилось... Еле поймали! Хорошо, Эдуард догадался треснуть его по затылку. Да так треснул, что бедняга только на базе очнулся. Потом медикологи говорили, что потеря сознания и спасла его. А вот как нам вообще удалось уйти оттуда живыми, этого ни один медиколог тебе не расскажет. Золтану не удалось... И сегодня я не в состоянии избавиться от мерзостного ощущения. В том смысле, что не следовало торопиться в отставку. В конце концов, будь я напарником Золтана, все сложилось бы по-другому...»

«Это тебе только кажется. Бьешь копытом о землю,

забыв, что уже не рысак. Тоскуешь... А ведь, по сути дела, само Внеземелье перечеркнуло твою служебную визу на выход в Пространство. Чего же ты мечешься там, у себя на Памире, как метался некогда между «Меркьюри рэйнджерс» и «Утренней звездой»? Не потому ли, что, получив нокаут от Внеземелья, ты еще не нашел в себе мужества это признать?»

«А вот мое мужество, Дэвид, лично тебя ни с какой стороны не касается».

«Правильно. Потому и не спрашиваю тебя, отчего это ты так поспешно удрал из Дальнего Внеземелья. И вовсе не любопытствую, много ли экранов ты перебил. Хотя бы, скажем, только на «Голубой пантере».

«Чего ты от меня хочешь?!»

«Не волнуйся, мой милый, в твоем возрасте вредно. В нашем возрасте было бы лучше, конечно, беседовать о погоде. Однако, насколько я понял, во-первых, в тебе эта тема не вызывает ответного энтузиазма. А во-вторых... Ты так темпераментно призывал к откровенности, что рассчитывать на апатию собеседника тебе уже не приходится. Чем больший камень бросаешь в болото, тем меньше шансов уберечься от брызг».

«Мораль? Не бросай камень в болото, если там сидит Нортон?»

«Кто-то минуту назад меня информировал, что Нортон в болоте не одинок. А знаешь... мне начинает нравиться эта странная «дальняя связь». Похоже на то, как если бы нас посадили друг перед другом на стулья, не забыв привязать одинаково прочными ремнями желтого цвета. Хочешь не хочешь — надо беседовать...»

«А... входишь во вкус. Насчет ремней это ты верно заметил. Пока нас ремни держат в узде, можно плевать друг другу в лицо без риска, что собеседник поднимется и уйдет, хлопнув дверью?»

«Ищешь ссоры?»

«Нет. Просто хочу, чтобы ты наконец изложил мне свою точку зрения. Глупо ссориться, сидя в одном болоте».

«Это, пожалуй, самое умное из того, что я от тебя сегодня услышал».

«Да? А что от тебя сегодня услышал я? Томный призыв к сохранению нашего причудливого статус-кво?

Давайте, дескать, ребята, втянем конечности в панцирь, и дело с концом... Я уже не говорю о том, что это вообще никакое не решение нашей проблемы, но панцирь... покажи-ка мне его! У тебя у самого есть этот панцирь? Или ты, унаследовав вязкую англосаксонскую традиционность, инстинктивно считаешь панцирем собственный дом?!»

«Ну а в тебе, я вижу, бурлит неугомонная пылкость Востока. Панцирь — это прежде всего наше самообладание. Пора бы тебе отличать свойства десантника... бывшего, правда... от свойств черепахи».

«А тебе зону СК, будущую, правда, от безмятежного существования глубокоуважаемого ветерана».

«Стоит ли так... прямолинейно, Тимур?.. Какая, собственно, надобность им изолировать нас?»

«Найдут. Если мы сами откажемся от обсуждения этой надобности».

«А, вот как! Ну, давай покопайся в нашем болоте, поищи аргументы для причин изоляции. Начинай».

«Безопасность общества — высший закон».

«Этот твой аргумент основан на доводе, который сам еще требует доказательства. Ты опасен для общества?»

«Я?.. Что за чепуха! Нисколько».

«И я неопасен. Я опасен для состояния нервной системы своей жены, но не для общества в целом. А это другое дело. Жена — самостоятельный человек и может в любой момент свободно уйти... Я не думаю, что у Лорэ и Йонге в этом смысле все обстоит по-иному».

«Но так думаем только мы — четыре жалкие единицы всего земного сообщества...»

«К счастью, не только мы. Нам выданы бессрочные пропуска на планету Земля и копии актов обязательного медосмотра для бывших работников Внеземелья. В сумме, Тим, это серьезный юридический документ. И чтобы упрятать нас в зону СК, обществу потребуется ни много ни мало — кардинально пересмотреть соответствующие законы Мировой Конституции. Это не просто...»

«Но возможно».

«А на каком основании? Мы ведь не заразные, как «резиновые паралитики», и не чокнутые, как «синие люди». За десять лет мы никого не заразили и никому не причинили ни малейшего вреда. Напротив, были полезны для общества. Десять лет, по-моему, вполне достаточный

срок гарантии. Хотя бы просто для того, чтобы нас оставили в покое».

«А по-моему, Дэв, ты упускаешь из виду одно принципиально важное обстоятельство. Мировая Конституция как регулятор общественных правоотношений существует исключительно для людей. О нелюдях там не сказано ни единого слова. Как быть?»

«На этот вопрос я отвечу не раньше, чем будет доказано, что я действительно нелюдь».

«Ну а... если?.. За доказательствами далеко ходить не придется. Наши биоэнергетические параметры временами чудовищно отличаются от тех же параметров нормальных людей. Разве этого не достаточно для юридической аттестации понятия «нелюдь»? И чего в таком случае стоит вся твоя казуистика?»

«А твоя?.. «Чудовищно» — сильное, конечно, слово, но это еще не критерий. Грамотная аттестация понятия — дело сложное, тонкое и трудоемкое».

«Что ж, применят критерии посолиднее».

«Но их пока нет. И вопреки твоему убеждению, Тим, за ними придется ходить далеко. А главное — долго».

«Я думаю, дождемся... Мы очень медленно стареем, Дэв. Внешне мы выглядим почти точно так, как десять лет назад. Никто не верит, что мне сорок шесть... Люди уже начинают обращать на это внимание».

«А мне каково? Жена на три года моложе меня, а выглядит старше. Кое-кто уже начинает себе позволять неуместные шутки по этому поводу».

«Долгожители... Будь оно проклято! И если бы не мальчишки, которых у меня две сотни... Устал я, Дэв. Странно как-то устал. Хотелось бы знать, сколько мне там отпущено... щедрой рукой Внеземелья».

«Может быть, много, Тим. А может быть, и с воробьиный нос... Так что не суетись. В отличие от нормальных людей мы ничего не ведаем ни о будущей жизни своей, ни о будущем своем конце. Вот это, видимо, серьезный критерий для аттестации понятия «нелюдь»... Вполне может случиться, что завтра мы протянем ноги из-за какой-нибудь ерунды. Скажем, во время магнитной бури. Или от слишком холодной воды...»

«Или от жгучего любопытства своих соплеменников. Н-да... Хорошо угадать бы ровно в тот день, когда

юридически мне запретят называть себя человеком».

«Если так, жить тебе долго. Потому что, когда наконец нас раскроют, мы войдем в полосу чертовой уймы юридических казусов. Правоведы будут здесь разбираться сто лет... И знаешь, чем это может закончиться, Тим? Парадоксальным на первый взгляд и очень для нас любопытным определением!..»

«Оставят за нами Права Человека, признав, что мы безопасны для общества?»

«Мало того! Признают, что общество опасно для нас!.. Ведь если отбросить предвзятость, то, по сути дела, так оно и есть!»

«Ах, черт побери! Да не все ли равно, как нам будет предложено выйти вон из рядов человечества — шагом назад или шагом вперед?! Кто мы такие без общества? Вне его? Нули. Экскременты Дальнего Внеземелья...»

«Ну хорошо... Впрочем, хорошего мало. Каковы твои намерения?»

«Еще не знаю. Вся беда в том, что я ничего еще не знаю... Одно бесспорно: жить так дальше нельзя. Я уже ощущаю потребность сделать попытку установить с обществом обоюдочестный контакт. Я плохо себе представляю, когда и с чего тут можно начать, но я подумаю... и попытаюсь».

«Попытайся. Тебя грызет ностальгия определенного рода... Полагаешь, меня она не грызет? Но между нами та разница, что ты питаешь надежду как-то избавиться от нее, а я — нет. Я вижу: тут уже ничего не поделать... Согласно каким-то законам развития общество периодически плавится, как металл, и в переплавке, естественно, отторгается шлак. Тимур, хочешь ты того или нет, но мы с тобой отработанный шлак нашего общества. Слово «тимур» на языке одной из ветвей твоих предков, кажется, означает «железо»? Теперь твое имя звучит как насмешка...»

«Оставь мое имя в покое. Моя надежда — это все-таки надежда. А что остается тебе?»

«Я буду противиться ненужным, на мой взгляд, контактам. Независимо от того, какие общественные институты попытаются мне их навязать. Не хочу... Не верю в обоюдочестный контакт. Он просто не может быть обоюдочестным. Несложно представить себе, до какой степени

здесь неравно соотношение интересов... К сожалению».

«Я хотел бы надеяться, что абсолютное тождество нравственных качеств нашей четверки и общества в целом не исключает возможности компромисса».

«Компромисс? То есть расскажешь о мелочах типа цереброЛюбительской связи, электромигрени и «черных следов», утаив остальное? И при этом отчаянно попытаешься убедить сограждан планеты, что твоя откровенность по поводу неприятностей Дальнего Внеземелья в принципе бесполезна для общества, но была бы очень вредна для тебя самого? Полагаешь, это твое заявление даст тебе право остаться в рядах человечества? Черта с два, как сказал бы один мой приятель. И в конце концов, соблюдая свои интересы, общество непременно вернет тебя в Дальнее Внеземелье и вновь заставит барахтаться в жуткой трясине того состояния, выбраться из которого тебе в свое время стоило... сам знаешь чего. И когда ты там превратишься в объект бесконечных, неимоверно болезненных для тебя и, как потом выяснится, бессмысленных, никому не нужных экспериментов...»

«...Поймешь наконец, что условия для обоюдочестных контактов самой природой нашего гнусного положения просто не предусмотрены. Тот редкостный случай, когда смирение равносильно сопротивлению».

«Ты думаешь, я не ломал над этим голову дни и ночи? Однако альтернативы не вижу».

«Как там записана твоя вилла в адресной книге Копсфорта? Вилла «Эдвенчер»?[1]»

«Да. Ну и что?»

«Ничего... Назови ее: вилла «Элиэнейшн»[2].

Нортон опоздал к завтраку на полтора часа.

Он кивнул, здороваясь с Фрэнком, и ничего ему не сказал. Извинился перед Сильвией за опоздание и сказал ей, что она сегодня выглядит великолепно. Ушел в душевую, быстро вымылся, переоделся. Сел к столу.

За столом говорили мало, и почти весь завтрак прошел в молчании. Нортон похвалил еду, заметив, что на этот раз Сильвия превзошла сама себя. Ел он, по своему обыкно-

---

[1] Эдвенчер — приключение *(англ.)*.
[2] Элиэнейшн — отчуждение *(англ.)*.

вению, размеренно, как автомат, и по отсутствующему выражению его лица невозможно было понять, что же он при этом чувствует на самом деле. От него разило холодноватым запахом одеколона. «Антарктида»?» — подумал Фрэнк. Надо было что-то говорить, и он спросил о программе Большого родео. Нортон ничего об этом не знал. Видимо пытаясь поддержать разговор, Сильвия спросила брата, на чем он приехал.

— На элекаре,— ответил Фрэнк.

— Тогда откуда у тебя мопед?

— Я бросил свой элекар на станции техобслуживания. Была очередь на подзарядку, ждать не хотелось. Прокатный парк элекаров пуст — мне объяснили это большим притоком туристов и предложили взять хотя бы два колеса... Передай мне, пожалуйста, перец. Благодарю... Конечно, смешно гарцевать на мопеде в этом костюме, однако иного выхода не было.

— Ты можешь взять мою машину. Она, правда, женской модели...— Сильвия посмотрела на мужа.— Дэв, а что случилось с твоим элекаром?

Нортон промокнул губы салфеткой. Ответил:

— Надоел он мне. Заведу, пожалуй, другой. Джега ты покормила?

— Ну разумеется. Почему не видно нигде Голиафа?

— Я оставил его там... у Берта.

— Оставил обнюхивать поломанный элекар?

— Берт жаловался, что ему на дежурстве тоскливо. Места себе не находит от злости. Такому страстному болельщику, как Берт, наблюдать родео только на экране... Да, его можно понять.

— Да,— ровным голосом сказала Сильвия.— Его понять можно.

Фрэнк и Нортон одновременно взглянули друг другу в глаза. Фрэнк перевел взгляд на сестру. Она сыпала, сыпала, сыпала перец себе в тарелку. Фрэнк опустил глаза. В голову ударила волна слепящего бешенства, и несколько секунд он ничего не видел. Первым желанием было швырнуть нож и вилку на стол, подняться, уйти. «Да, Полинг,— сказал шеф,— в таком состоянии вам лучше встать и уйти».— «Не доводите дело до крайностей,— посоветовал Никольский.— Вам действительно... гм... луч-

ше встать и спокойно уйти». Фрэнк медленно отодвинул тарелку. Машинально взял «фафлик» и с хрустом откусил половину. Пожевал. Нортон крутил в руках салфетку и смотрел на него.

Кое-как покончив с завтраком, Фрэнк надел шляпу и побрел в парк. Надо было взять себя в руки, привести в порядок эмоции. Нортон что-то учуял... Ну разумеется. Ведь этот монстр по какому-то там «живозапаху» ощущает человеческую к нему неприязнь.

Фрэнк постоял у вольера, глядя сквозь прутья решетки на кугуара. Джэг спал под навесом, вытянув лапы. Умаялся за ночь, бедняга. Живая игрушка для этого дьявола...

Мимо прошел Нортон в купальном халате.

— Остановись, Дэвид.

Нортон остановился. Бросил через плечо:

— Ну?..

— Нам необходимо поговорить.

— О чем?

— О чем получится. Но хотелось бы — о смысле жизни.

— Модная тема... Ну что ж, начинай.

— Не здесь. Не нужно, чтобы это видела Сильвия.

— Хорошо. Тогда через час. Я немного поплаваю, а через час встретимся в кабинете. Если хочешь, поплаваем вместе.

— Благодарю,— сказал Фрэнк,— но после плотного завтрака мне это будет во вред.

Нортон ушел.

Фрэнк от нечего делать поднялся на верхнюю террасу дома. Рассеянно посмотрел на едва видимую за кронами деревьев верхушку башни телевизионного ретранслятора. Сзади прошелестел подъемник.

Голос Сильвии:

— Бэби, ты обратил внимание, как расцвела наша красавица?

Фрэнк подошел, посмотрел на синюю розу. Спросил:

— Ты давно никуда не ездила, мом. Хотелось бы тебе побывать... скажем, в Австралии?

— Да? А почему тебе пришла в голову мысль именно об Австралии?

— Недавно оттуда вернулся один мой приятель. Австралия произвела на него сильное впечатление. Он просто в восторге...

Сильвия задумчиво разглядывала розовый куст.

— Мне одно непонятно,— сказала она.— Если Дэвиду и тебе зачем-то нужно отправить меня куда-нибудь подальше, то почему не пришла вам в голову мысль об Антарктиде?

— При чем здесь Дэвид? — удивился Фрэнк.— То есть... я хочу сказать...

— Не надо, бэби, я понимаю, что ты хочешь сказать. А Дэвид при том, что буквально несколько минут назад, отправляясь в бассейн, предложил мне увлекательный круиз вокруг Европы. Континент другой, но идея, видимо, та же... Бэби, все это мне очень не нравится. Я чувствую, от меня что-то скрывают.

— Мом!..— озабоченно произнес Фрэнк.— Тогда тебе просто необходимо принять предложение Дэвида. Вероятно, Дэвид знает, о чем говорит...

— Вероятно, знаешь и ты. Одна я ничего не знаю...

— Мне известно слишком мало, чтобы мы с тобой могли отчетливо поговорить на эту тему. Однако, мом, тебе не следует пренебрегать предложением Дэвида. И моим советом уехать отсюда на время. Плохих советов я никогда тебе не давал.

— Спасибо, мой мальчик, но твой совет напоминает мне кота в мешке. То же самое можно сказать о предложении Дэвида...— Сильвия вздохнула.— Только что я разговаривала со своей подругой Эллен, и она зачем-то просила меня побывать у нее. Я ненадолго... Надеюсь, за это время вы с Дэвом поссориться не успеете?

— Что за вопрос! Делить нам с Дэвидом, в сущности, нечего...

— Кроме забот о моем увлекательном отдыхе. Ладно... Прошу вас, будьте благоразумны.

Сильвия ушла. Через минуту Фрэнк увидел, как, сверкнув на солнце, нырнул в аллею золотистый элекар. Фрэнк еще раз взглянул на башню телевизионного ретранслятора, спустился с террасы. Он не знал, куда себя девать.

В назначенный час он вошел в кабинет Нортона

и застал в нем стереотелевизионный ландшафт не то Гренландии, не то Антарктиды. Вздымая огромные волны, куски ледника бесшумно падали в воду. Хозяин сидел за столом. Выпростав руки из-под наброшенного на голые плечи халата, он указал визитеру на кресло, неуютно стоящее метрах в двух от стола, сухо проговорил:

— Прошу. И к делу. Я очень не расположен к долгой беседе. Нет, нет, ближе не придвигайся! Прости, разумеется, но ты сегодня невыносимо...— Нортон поморщился,— как никогда...

Фрэнк принял в кресле удобную позу, подумал, стоит ли соблюдать этикет — снимать перед хозяином шляпу, и, решив, что не стоит, сказал:

— С обонянием у тебя полный порядок.

— Ничего,— сказал Нортон,— жить тошно, но можно.— Полюбопытствовал: — Ну а у вас там... как с обонянием?

— А у нас все наоборот: жить можно, но тошно. Обоняние наше, естественно, другого класса, но гораздо шире по человековедческому диапазону...

— Многозначительно... А что еще ты мог бы к этому добавить?

— А надо ли что-то еще добавлять, уж раз я здесь... с полуофициальным визитом?

Собеседники долго смотрели друг другу в глаза. Нортон выглядел совершенно спокойным. Его спокойствие озадачило Фрэнка.

— Полу...— проговорил Нортон.— Это как понимать?

— Понимать так, что к тебе и твоей жене относятся бережно.

На мгновение глаза Нортона неприятно сузились.

Фрэнк мысленно похвалил себя и добавил:

— Кстати... ты верно решил, Девид: на какое-то время Сильвию надо отправить подальше. Похоже, ей не очень-то улыбается вояжировать вокруг Европы, но ты обязан настоять.

— Еще что я обязан?

— Еще ты обязан понять, что круг замкнулся. Ты и твои товарищи — знаешь, о ком идет речь,— нами полностью расшифрованы, и с этим надо считаться.

— Так уж и расшифрованы?

— Каким-то образом вам удалось обойти рогатки спецкарантина, и вы решили, что можно разыгрывать эту партию дальше. Нет, Дэвид.

— Позиция в этой партии такова, что на месте администрации вашего Управления я согласился бы на ничью.

— Ничейного результата не будет.

— Как знать...

— Не будет, Дэвид. Просто потому, что этого не может быть по всем параметрам современной жизни. В прошлом веке подобный фокус тебе, вероятно, удался бы. Но теперь общественно-политическая тактика иная.

— Опять многозначительная фраза.

— Но ведь по меньшей мере наивно рассчитывать, что общество равнодушно пройдет мимо такого экстравагантного факта, каким представляется ваша четверка.

— Четверка? — переспросил Нортон.

— Да. Золтан Симыч погиб, а Меф Аганн для нас пока под вопросом...

— Как давно погиб Симыч?

— Около шестидесяти часов назад.

— Тело найти удалось?

— Нет.

— Плохо...— пробормотал Нортон.

— Почему? — спросил Фрэнк с любопытством.

— Если бы в вашем распоряжении оказалось мертвое тело, может быть, вы оставили бы в покое живых.

— Не думаю...

— В этой ситуации меня как-то мало интересует, что думаешь ты,— заметил Нортон рассеянно.— Уж лучше придерживайся официальных рамок своей миссии. Кстати, в чем она состоит конкретно?

— Я должен предложить тебе войти с нами в контакт немедленно и на добровольных началах.

— И это все?

— Администрация считает, пока достаточно.

— Пока... Ты думаешь, такая миссия может иметь хоть какой-то шанс на успех?

— Ты уже дал мне понять, как мало интересует тебя то, о чем думаю я. Моя задача: информировать тебя о нашем открытии и сделать соответствующее предложение. Свой отрезок пути я прошел.

— Ну, положим, я согласился на добровольный контакт. Что за этим последует?

— Очевидно, здесь возможен только оптимальный вариант: тобой займется наука.

— Но ведь я не какой-нибудь механизм, чтобы меня можно было запросто разобрать на мелкие части, обследовать до молекул и собрать обратно.

— Вряд ли это будет выглядеть настолько драматически. Существуют методы иного...— Фрэнк не договорил. Подумал: «Здесь логика на его стороне...»

— Я вижу, ты в затруднении,— сказал Нортон.— Не потому ли, что администрация вашего Управления внимательно изучила акты медикологической экспертизы и ничего примечательного в них не нашла? Н-да... В итоге ни ты, ни твоя администрация не вправе предвосхищать благополучные выходы из моего положения, а тем более выдавать мне успокоительные авансы.

— Тем самым, Дэвид, ты заводишь беседу в тупик. Но именно тебе предстоит из него выбираться.

— Конечно. Ведь именно надо мной нависла угроза быть разобранным на молекулы... Я намерен сделать вам контрпредложение...— Нортон посмотрел куда-то мимо собеседника.— Предлагаю джентльменский договор. Вы не досаждаете мне при жизни, а я завещаю вам свое бренное тело. Вот тогда и копайтесь в нем как хотите и чем хотите... Завещаю вместе с дневником наблюдений, в котором обязуюсь отразить все особенности своего... гм... странного бытия.

Помолчали. Нортон спокойно спросил:

— Ты не слишком разочарован?

— Дело не во мне,— ответил Фрэнк.— Я подумал о разочаровании, которое постигнет тебя.

— Когда мое предложение будет отвергнуто? Ты за меня не волнуйся.

— А я за тебя не волнуюсь.

— За Сильвию?

— Кроме Сильвии, есть планета Земля...

— Для планеты я неопасен.

— Готов поверить. Но ты почему-то не хочешь этого доказать.

— Право что-либо доказывать предоставляю вам. В конце концов, это ваша служебная обязанность.

— Здесь надо добавить: и человеческий долг. Именно в этом плане я был намерен говорить с тобой. Как личность с личностью.

— Такая дискуссия заведет нас в тупик. Ситуация, в которой оказались мы с тобой и распорядительные органы твоего Управления, выходит за рамки ныне существующей морали. Это нас удручает, но не должно удивлять. Предусматривать такого рода ситуации разуму человека было пока несвойственно.

— Верно,— согласился Фрэнк.— Однако разуму человека также несвойственна и бездеятельность в любых ситуациях.

Нортон угрюмо взглянул на него. Процедил:

— Во всяком случае, на вашу бездеятельность мне рассчитывать не приходится...

— Вот поэтому твое контрпредложение не имеет практической ценности. И если каждый из вашей феноменальной четверки изберет для себя ту же позицию... Что получится, Дэвид?

— За каждого из четверки я не ручаюсь. Контрпредложение я сделал только от своего имени.

— Одного себя пытаешься противопоставить всему человечеству? Надеешься выстоять в этой борьбе?

— Я предлагаю мир, а ты говоришь о борьбе... Кстати, само человечество не готово к этой, с позволения сказать, борьбе.

— Даже так?.. А на чем основан этот твой, с позволения сказать, оптимизм?

— Для борьбы нужен повод. Общество не может бороться со мной без всякого повода. Я полноправный член общества, уважаю его законы и обоснованно считаю, что законы должны меня, полноправного, защищать. Я выражаюсь достаточно ясно?

«Полноправного...— подумал Фрэнк.— Вот в чем тут соль!..»

— Твое юридическое полноправие ни у кого не вызывает сомнений,— ответил он.— Но вот биологическое...

— О юридическом праве я знаю,— перебил Нортон.— А вот о биологическом впервые слышу. Я рожден на Земле и от земных отца и матери. Так что катитесь вы от меня со своими сомнениями...

— А если вдруг выяснится, что твоя природная сущность не адекватна биологической сущности человека? Допустим. И что тогда?..

— ...Тогда мне ничего другого не останется, как предъявить обществу свои претензии по самому большому счету! — подхватил Нортон.— Ведь это оно послало меня за пределы родной планеты. Ведь это для его благополучия мне приходилось трудиться во Внеземелье, рискуя собственной головой. Вдобавок ваше Управление как общественный институт не сумело обеспечить мне космическую безопасность. Так кто же будет в конце концов виноват, если обнаружится моя биологическая неадекватность?!

— Никто, естественно. Однако все мы будем виноваты, если не сумеем оградить людей от угрозы изменения природной сущности человека.

— Ограждайте. Разве я против? Но лично себя я не позволю считать нелюдью. Независимо от того, нравится вам такая моя позиция или не нравится. Для человечества и для планеты в целом я абсолютно безопасен. Не будь у меня такой уверенности, я никогда не решился бы вернуться на Землю. То же самое можно сказать и о каждом из нашей четверки. И в этом смысле я готов поручиться за каждого хоть головой... Впрочем, довольно. Я тебя честно предупреждал: дискуссия заведет нас в тупик. Нет, нет, довольно! К тому же ты интервьюируешь меня, в сущности не имея на это права.

— То есть как?..— Фрэнк слегка растерялся.

— А вот так. Сначала нужно предъявить мне свидетельства моей биологической неадекватности, а уж потом затевать разговор.

— Они у нас есть.

— Палочка, которую вам удалось выманить у мальчишки?

— Хотя бы. Она побывала у тебя в руках, и отсюда ее совершенно необъяснимые свойства.

— Опасные для человечества?

— Вероятность этого исключать мы не вправе...

Нортон демонстративно перевел взгляд на телевизионный стереоландшафт. Почти у самого стола неслышно суетились передние ряды колонии пингвинов. «Первый

раунд закончился с преимуществом Нортона»,— мысленно прикинул Фрэнк.

— Я вижу,— сказал он,— ты не равнодушен к зрелищам на экране. Но не вижу, как это можно было бы совместить с дикой вспышкой твоего экраноненавистничества во Внеземелье...

— О чем речь? — спросил Нортон, не повернув головы.

— Хочешь сказать, что об этом ты не имеешь понятия... Ладно. А о «черных следах» ты имеешь понятие?

— «Черные следы»? — Нортон искоса взглянул на Фрэнка.— Это что за диковина?

— Это такая диковина, которая... В общем, да, ты можешь отвертеться от любых улик. В том числе от поющей деревяшки. Но есть, по крайней мере, одно свидетельство твоей биологической неадекватности, от которого тебе не уйти, сам знаешь. Я имею в виду «черный след».

Обратив лицо к собеседнику, Нортон сурово спросил:

— Где ты видел «черные следы»?

— Я их не видел.

— Тогда о чем разговор?

— Все о том же.

— Тема нашего разговора исчерпана.— Нортон поднялся.

Фрэнк, продолжая сидеть, кивнул на заснеженный берег с пингвиньей компанией:

— Экран менять приходилось?

— Нет,— прошипел Нортон.— Не приходилось.

— А если пощупаешь этот берег руками, придется?..

В глазах Нортона — где-то в самых зрачках — застыло холодное пламя.

— Я доставлю тебе удовольствие,— тихо сказал он,— пощупаю этот берег руками. Но после...

Нортон вышел из-за стола и, погрузившись в толпу пингвинов по грудь, подступил к телевизионной стене вплотную. Халат, соскользнув у него с одного плеча, остался висеть на другом, и сквозь призрачно-трепетный слой розового с голубым ореолом свечения, порожденного потревоженным стереоэффектом, Фрэнк мог разглядеть левую половину мускулистого загорелого тела и пестрые

плавки. Было слышно, как Нортон демонстративно похлопал по стене ладонью. «До чего же часто подводит людей излишняя самоуверенность...» — подумал Фрэнк.

Оставляя за собой тающий шлейф розово-голубых ореолов, Нортон выплыл из зоны действия стереоэффекта. Натянул на плечи сползший халат, резко спросил:

— Ну и что?

Фрэнк молча смотрел на заснеженный берег, на белые купола антарктических гор.

— Я спрашиваю: что?

— Ничего,— вяло отозвался Фрэнк.— По-видимому, ошибка...

— Если вы приходите ко мне с ошибками, то я не слишком высокого мнения о работе вашей организации.

— Я тоже. Правда, по другому поводу...

— Желаю тебе приятного времяпрепровождения.— Нортон вернулся за стол.— Говорят, Большое родео в этом году будет на редкость помпезным, не пропусти чего-нибудь интересного.

— Постараюсь... Будь добр, запроси станцию техобслуживания. Прошел ли там подзарядку мой элекар?

— Запрашивай сам.— Нортон переключил клавиши.

С потолка бесшумно опустилась изогнутая штанга и повернулась конусным наконечником в сторону Фрэнка. По штанге соскользнула сверху коробка видеотектора. Фрэнк набрал индекс, и на экранчике появилась смуглая женщина с оранжевыми волосами и сильно накрашенными оранжевой помадой губами.

Блеснув белками глаз, женщина неожиданно произнесла густым баритоном:

— Справочный пункт. Слушаю вас.

— Добрый день,— сказал Фрэнк.— Я оставил вам на подзарядку свой элекар.

— Пожалуйста, назовите номер машины, серию.

Фрэнк назвал.

— Даю диспетчера сектора подзарядки.

На экране возникла потная физиономия Лангера.

— Элекар модели «Юпитер»? — осведомился «диспетчер».

— Да.

— Великолепная у вас машина! — рявкнул Лангер.— Предлагаю обмен на «Кентавра». Соглашайтесь!

— Нет,— сказал Фрэнк и подумал: «Ну артист!..»

— Жаль!.. Что ж, забирайте, готов ваш «Юпитер».

— Прошу прислать машину по адресу: Дубовая роща, первая линия, вилла «Эдвенчер»... Впрочем, этот маршрут есть в блоке памяти элекара. Нажмите пятый клавиш, и все дела.

— Пятый? Сделаем. Встречайте машину.

— Благодарю вас.

Откинувшись в кресле, Фрэнк наблюдал, как штанга втягивается в потолочный люк, и живо представлял себе, как действует в эту минуту Лангер. Вот он отправляет «Юпитер» на виллу. Вот связывается по видеотектору с операторским постом местного телетранслятора, и на экранчике появляется физиономия Кьюсака со следами неудачного визита к Йонге. Лангер коротко бросает напарнику: «Раздевай!..» Кьюсак едва уловимо кивает, подает команду диспетчеру телетранслятора, и теперь в любое мгновение...

С телевизионной стеной что-то произошло. Фрэнк вскочил. Нортон тоже вскочил, халат слетел с плеч. Стереоизображение словно бы съежилось, утратило глубину, экран превратился в стеклянную плоскость, и на белом от снега антарктическом берегу точно в том месте, где Нортон хлопал ладонью, контрастно выступили угольно-черные отпечатки левой пятерни...

— Любопытно,— сказал Фрэнк, встретившись глазами с Нортоном.— Знаешь, я ведь впервые вижу «черные следы» в натуре.

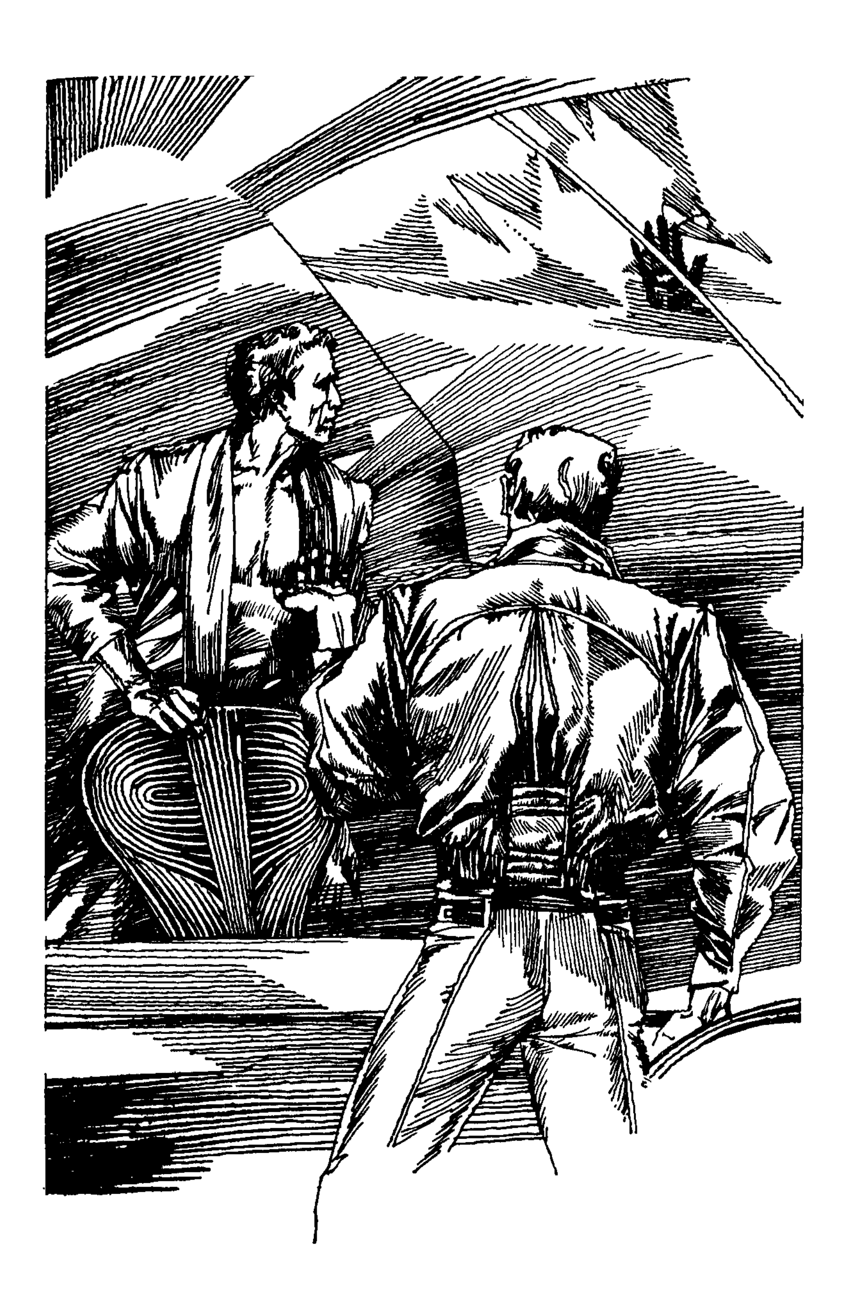
Нортон молча выпрыгнул из-за стола. Оттолкнул Фрэнка, схватил кресло и, размахнувшись, с силой всадил его в экран.

Посыпалось стеклянное крошево.

— На «Лунной радуге» ты разбивал экраны деликатнее,— заметил Фрэнк.

— Вон! — яростно прошептал Нортон.— Пока я не разбил твою голову...— Он сделал руками что-то вроде отталкивающего жеста: — И чтоб никогда!.. Ни ногой!..

Фрэнк обомлел: под мышками у Нортона непонятно блеснуло. В ноздрях тоже чудился металлический блеск. И во рту словно зеркальные зубы!.. Искаженное гневом



и блеском лицо... Фрэнк невольно попятился. Потрясенный, он только теперь со всей полнотой осознал, кого расшевелил и что затронул...

На нетвердых ногах он сошел в летний холл. Непослушными пальцами набросал для Сильвии записку какого-то душераздирающего содержания. Скомкал, сунул в карман. Кое-как взял себя в руки и торопливо написал другую. Умолял сестру немедленно покинуть Копсфорт, приглашал к себе. Сунул записку под вазу с гладиолусами. Вышел из дома, сел на мопед и, не разбирая дороги, покатил на выезд. У ворот наткнулся на длинный, оливкового цвета элекар и не сразу сообразил, что это «Юпитер». Завалил мопед в заднее отделение кузова, опустился в кресло водителя, тронул машину с места.

Зеленый коридор шоссе. Ветер с шорохом обтекал ветровое стекло, монотонно шелестели скаты.

Промелькнул мимо памятный щит с рекламой о прелестях отдыха на Бизоньих озерах. Фрэнк резко затормозил, дал задний ход. Не открывая дверцу, выпрыгнул из машины, полез в кусты. Под кустами было сумрачно, грязно от размокшей земли. Он весь перепачкался, пока нашел коробку «Видеомонитора».

Лангер и Кьюсак ждали его, как и было условлено, у видеотекторного павильона станции техобслуживания. Ждали порознь. Кьюсак любезничал с двумя дамами под белым тентом кафетерия. Лангер стоял на тротуаре под солнцем, и в руках у него поблескивали бутылки. Заметив подъезжающий «Юпитер», он поставил бутылки у ног и подпер кулаками бока. В пестрой рубахе навыпуск и в светлых шортах он выглядел как боксер тяжелого веса, напяливший на себя одежду подростка; пот лил с него в три ручья.

— Жарища!..— сказал он Фрэнку.— Ну... как дела?

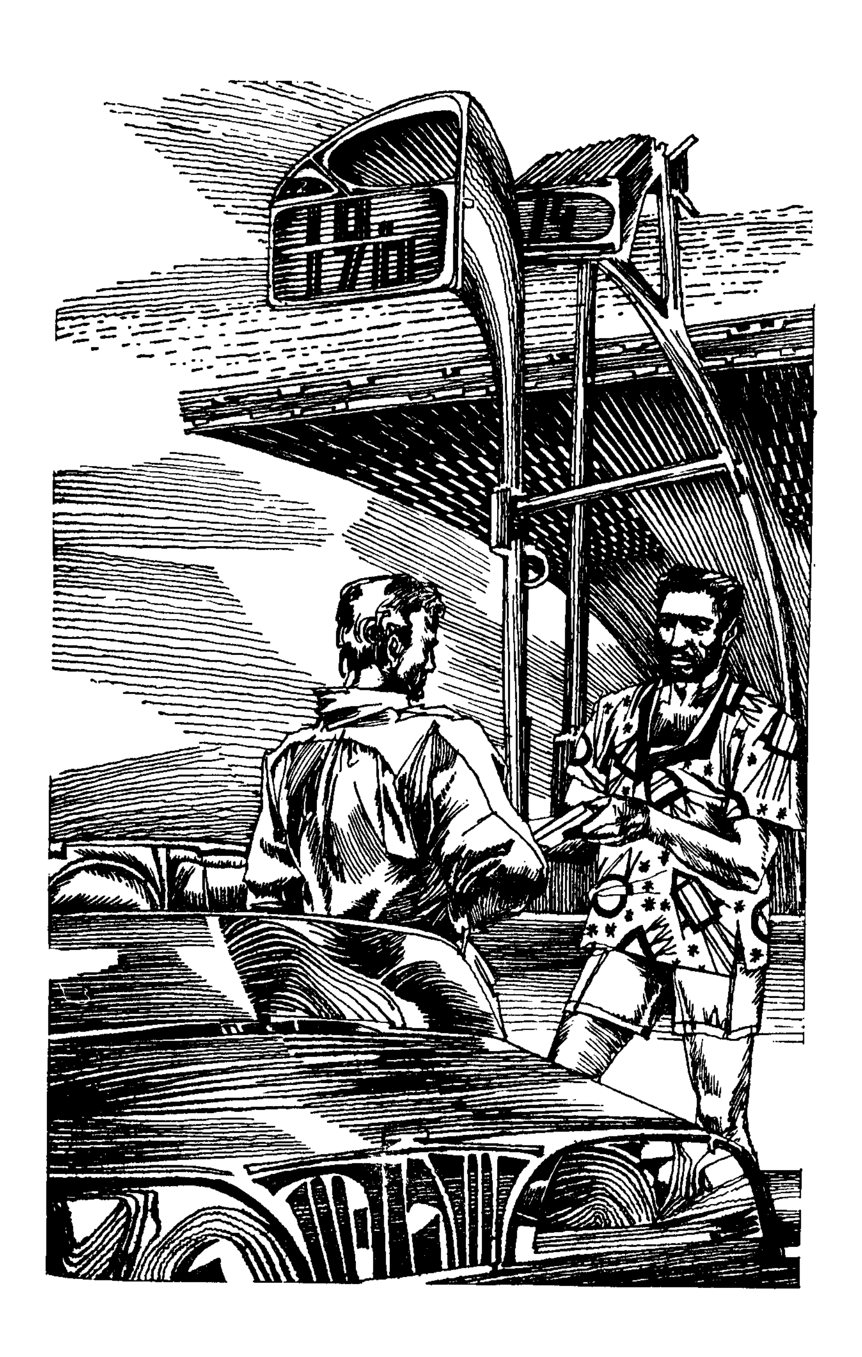
Фрэнк молча перебросил «Видеомонитор» Лангеру, закрыл глаза и обессиленно откинулся на сиденье.

— Эта «корзина» с уловом? — тихо поинтересовался Лангер.

— Спрячь в карман,— не открывая глаз, пробормотал Фрэнк,— и не отдавай мне эту штуку, даже если я захочу отобрать ее у тебя.

— Понятно. Значит, не зря...

Фрэнк слышал, как Лангер выволок из кузова мопед



и сказал Кьюсаку: «Отведи коня нашего чемпиона в стойло». Потом услышал, как забулькала вода. Усилием воли он стряхнул с себя оцепенение. Открыл дверцу, вышел из элекара. В ногах не было привычной твердости.

Лангер, запрокинув голову, опоражнивал бутылку из горлышка. Взглянул на товарища, поперхнулся.

— Ах, чтоб мне треснуть!..— проговорил он.— Хаста спустили с лестницы, а тебя, похоже, прямо через мусоропровод!..

— Что у тебя в бутылке? — спросил Фрэнк.

— Холодная минеральная.

— Полей мне на руки.

Лангер взял вторую бутылку, полил. Остаток вылил себе за пазуху, рыча от удовольствия. Фрэнк стряхнул воду с рук вялым движением и вдруг замер, уставясь на них, словно впервые видел. Лангер внимательно посмотрел на него. Фрэнк пошел в обход элекара. Машинально обогнул распахнутую дверцу, сел на край проема в кабине — между пультом и сиденьем водителя,— нажатием кнопки вскрыл дохнувшую холодом полость походного бара, вынул салфетку. Вытирая испачканные на коленях джинсы, он слышал, как вернувшийся Кьюсак сказал что-то Лангеру тихо и неразборчиво. Но ответ Лангера он разобрал:

— Оставь его в покое. Ему не до этого. Кстати, нам тоже... Ты, красавчик, и так слишком заметен в среде мирных граждан Консфорта.

— Не остри,— отозвался Кьюсак.— В этот раз работа проделана, я бы сказал, на редкость элегантно... Ладно, поехали. Кто за рулем?

— Я за рулем. Чемпион сядет рядом со мной, ты сзади... Сели? Поехали!

Элекар набрал скорость, нырнул в тенистый радиус городского шоссе. По ветровому стеклу побежали отблески.

На окраине Консфорта Лангер круто взял вправо, лихо прошел поворот. Мелькнул указатель: «Аэропорт 15 км».

«Юпитер» пожирал шоссейное полотно со скоростью авиетки.

«Работа была элегантной,— сжав зубы, думал Фрэнк.— На редкость».

— Ты чего приуныл? — Лангер подмигнул Фрэнку.— Взгляни на своего коллегу...— Он указал кивком на Кьюсака.— Шар земной катится в новую эру, а для этого субъекта жизнь продолжается в старом темпе.

Тронув несколько клавишей в нужной последовательности, Лангер выхватил из-под пульта зажим с бородавками ларингофонов, нацепил себе на шею. Перед ветровым стеклом вырос блестящий стержень антенны и, покачиваясь, засвистел в потоке встречного воздуха.

— Улей, улей, я пчела! Как прием?

— Как у невропатолога,— недовольно ответил голос Гейнца из пультового чрева.— Раздевайся быстрее!

— Ты, Задира, с нами поласковее. Мы на обратном пути, так что готовьте свою колымагу к старту.

— Это сделаем. Ты лучше скажи, что мне домой передать. Носорог и восточный Журавль там от нетерпения уже по потолку вышагивают.

— Передай: болото прошли, хвосты не намокли, никто не простудился. Чемпион в седле. Домой везем корзину лягушек. У меня все. Конец.

— Понял тебя, пчелка, понял! Поздравляю! Конец.

Лангер выключил связь.

Фрэнк покосился на исчезающий стержень антенны, сказал:

— Насчет корзины ты, наверное, зря... А впрочем, ладно. Пусть шеф переварит это заранее.

— Что он должен переварить?

— Я пустил камеру в дело без его ведома.

— Без его ведома...— Лангер бросил на Фрэнка сочувственный взгляд.— При мне Носорог разрешил ребятам технической службы соорудить для тебя спецперчатки и выдать «Видеомонитор».

— Шутишь?..

— Напротив. Потому и сказал тебе откровенно, чтобы ты избавился наконец от иллюзий насчет вероятности шуток в нашей системе.

Фрэнк промолчал.

— Нортон не только личная твоя забота. Нортон — забота теперь всего земного сообщества. Вот и веди себя соответственно. Не надо все взваливать на свои могучие плечи. В том числе и нагрузку нравственных отношений. Эх, молодость!..

— Ничего,— сказал Фрэнк.— Говорят, это быстро проходит.

...Впереди, грациозно закинув искрящиеся рога на спину, с легкостью призрака мчался Звездный олень. Ветер донес его крик:

— Блеск Вселенной! Океаны Пространства!.. Когда тебя ждать на звездной дороге, товарищ?..

Фрэнк угрюмо смотрел сквозь ветровое стекло.

Конец первой книги

— Устала, малышка? Взять тебя на руки?

— Нет, папа, нет. Пап, привези мне, пожалуйста, тайну.

— А зачем тебе тайна?

— Самое интересное на свете, вот!

— Кто сказал?

— Мама сказала.

— В следующий раз ты ей ответь: самое интересное на свете — жизнь. А тайна... просто она делает интересную жизнь еще интереснее.

КНИГА ВТОРАЯ

МЯГКИЕ ЗЕРКАЛА

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

Вместо пролога

За окном бесновалась пурга. Где-то там, во тьме кромешной, с разбойничьим посвистом закручивались и налетали на стекло тугие снежные вихри. В холле было тепло, сумеречно и уютно. Поверхность стекла, словно широкое черное зеркало, отражала трепет каминного пламени. На деревянной стене тикали ходики — обыкновенное цифровое табло, оснащенное звуковым имитатором тиканья и ежечасного боя. Трещали поленья, пахло сосновой смолой.

Наслаждаясь уютом просторного кресла, покрытого медвежьей шкурой, Альбертас Грижас, вытянув ноги в домашних туфлях, перечитывал Гоголя. Ноги приятно гудели. На лыжной прогулке ветер выдул из головы все сегодняшние заботы. А в операторской (после вечерней настройки аппаратуры на потребу завтрашнего утреннего медосмотра) заодно вылетела из головы и половина забот на сутки вперед. Легкость в мыслях необыкновенная. Думать о собственно медицинских делах не хотелось. Чего ради? Здешние витязи одинаково безнадежно здоровы. Как на подбор. С ними дядька Беломор. В секторе К медицина сместилась в спортивную плоскость: велотреки, лыжи, бассейн, бокс... и все остальное. В секторе П обстановка почти адекватная. В разговорах с коллегой из сектора П медицинская тема давно соскользнула в область профессиональных воспоминаний. Так недолго и квалификацию потерять... Хорошо было Гоголю. Перо и бумага — вот все, что ему было нужно для ежедневной практики.

Знакомая с детства, но подзабытая в зрелые годы

повесть «Вий» увлекала теперь не сюжетными перипетиями, но музыкальностью литературного ритма. Музыка в прозе. Были в ней и свои аллегро эмоциональной напряженности и адажио спадов. «Гроб грянулся на середине церкви... Сердце у философа билось, и пот катился градом; но, ободренный петушьим криком, он дочитывал быстрее листы, которые должен был прочесть прежде». Книга выпущена давно — одно из последних изданий на бумаге целлюлозного происхождения,— и было занятно при свете камина разглядывать моноплоскостные, с примитивной техникой озвучивания иллюстрации. Пейзажи, красивый и статный философ Хома, совершенно прелестная панночка-ведьма, «групповые портреты» каких-то оккультных существ — от преисполненных высокомерия демонов тьмы до некротической нечисти рангом ниже...

Под потолком блеснула зарница.

— Телевизит разрешаю,— произнес Грижас обычную формулу для автоматики двусторонней видеосвязи.

Визитер не явился.

Грижас обвел глазами слабо освещенный пламенем камина холл, посмотрел в потолок; резные деревянные балки, казалось, подрагивали под натиском непогоды. В конце концов, кто-то мог ошибиться в выборе индекса абонента видеосвязи. Но в таких случаях телевизит отменяется вспышкой синего светосигнала. Ни визитера, ни вспышки.

Грижас взглянул на розовые цифры часового табло и с сожалением отложил книгу — время позднее, без малого полночь. Взялся за подлокотники, собираясь покинуть кресло, да так и замер с открытым ртом и поднятыми бровями. Перед ним прямо из воздуха вылепилось рослое, широкоплечее привидение...

На первый взгляд это был классический средневековый фантом, от макушки до пят укутанный в белое. Неровные (сделанные, видимо, наспех) прорези для глаз несколько портили общее впечатление.

— Добрый вечер,— проговорил фантом на английском. Голос глухой, неприятно гундосый — будто от сильной простуды.

— Добрая полночь,— поправил Грижас. На русском. Из принципа. И, развлекаясь, добавил: — Милорд.

Двуязычная речь побудила к действию (в этих стенах,

пожалуй, впервые) автоматику экспресс-переводчика. Было слышно, как лингверсор, шурша и вибрируя, в панике подбирал для голоса визитера адекватную матрицу простудно-гундосого тона. Деликатный фантом (явно вразрез с обычаями нагловатых призраков англосаксонской замковой популяции) бормотал извинения:

— Прошу простить великодушно. В столь поздний час...

И в этот момент зазвучал имитатор часового боя: бам... бам... бам... Полночь. Грижас с удовольствием ощутил себя в атмосфере милого домашнего телеспектакля.

— Ничего,— сказал он.— Возникли вы даже чуть раньше срока, традиционного для некротических таинств. Приветствую вас в моем... гм... на моей охотничьей вилле. Садитесь. Присядьте там... э-э... у себя в преисподней.

— Спасибо, я постою. Поверьте, я чувствую неловкость...

— Пустое, сударь, пустое! — Беспечным взмахом руки Грижас поторопился смягчить ситуацию.— Меня как медика больше волнует ваш носоглоточный дефект. Надеюсь, не простудного характера?

— Нет, к медицине это не имеет касательств. Зажатый пальцами нос — вот и все.

— Баба с возу — кобыле легче.— Прощупав взглядом белую фигуру гостя, Грижас спросил: — Балахон, сооруженный вами из постельного белья, и все другое наводят на мысль, что вопросы типа «с кем имею честь?» бесполезны, не так ли?

— Сожалею, но пусть мое имя останется в тайне. И пусть мой английский вас не смущает. Я вынужден камуфлировать свою речь неродным языком. Не надо, чтобы вы опознали мой голос.

Тройная мера предосторожности: искаженный «простудой» неродной язык в сочетании с переводом. Остроумно. Однако не слишком ли много для телеспектакля домашней режиссуры?..

Заинтригованный Грижас чувствовал: визитер до конца намерен упорствовать в этой игре. Тем любопытнее было бы попытаться его опознать. Полночный курьер потустороннего мира стоял спокойно и прямо — двухметровым белым столбом. Чей рост? Леонида Хабарова? Де-

ниса Лапина? Егора Бакланова? Михайленко? Круглова?.. Здесь почти все такого же роста. По крайней мере более половины. На редкость рослый народ. Упрямый вдобавок. И с пресловутой сибирской амбицией. Сибирь — это, конечно, пуп Земли. Если не пуп Вселенной.

— Занятно, сударь, занятно... А если мне все же удастся вас опознать?

— Надеюсь, что нет. Сохраняя инкогнито, я оберегаю ваше спокойствие.— Грижас не сдержал улыбки; гость добавил: — Не надо, чтобы наш мимолетный контакт обернулся для вас чем-то вроде серьезного происшествия детективного свойства...

В словах визитера Грижас уловил намек. Суть намека осталась, правда, в тени, но почему-то вспомнилась загадочная, восьмилетней давности история с «чужаком» на борту «Лунной радуги». Нет-нет да и вылезет эта колючка-воспоминание — ни к месту, ни ко времени. Бесполезная как прошлогодний снег. Вылезет и кольнет в старую ранку неутоленного любопытства...— дьявол бы заарканил эту историю со всеми ее потрохами!

— Если у вас ко мне дело, милорд, дальновиднее было бы появиться с открытым забралом.

— Не уверен.— Визитер переступил с ноги на ногу, и складки экстравагантного одеяния колыхнулись.— Прошу и более того — рекомендую принять мою маскировку как должное. Тем самым вы избавляете себя от ненужного перерасхода интеллектуальной энергии, а меня от вполне вероятного выговора по служебной линии.

Это был деликатный, но достаточно откровенный нажим.

Грижас прищурился:

— А, собственно, кому и чему вы служите?

— Людям. Прогрессу.

— Похвально. Я тоже. А на каком участке, если не секрет?

— Секрет. Мой участок — Международное управление космической безопасности, Восточный филиал.

— Вот как!..— протянул Грижас, меняя тон разговора.

— Очень досадно, что наши участки соприкоснулись,— посетовал визитер.— Мне нужна консультация. По вопросам физиолептики.

— Физиолептики?.. А конкретнее?

— Более конкретно речь пойдет о физиолептической карте.

— Единая ФЛК вашего организма находится, как и положено, в ФЛ-картотеке. И довольно далеко отсюда — в отделе контроля и диагностики Международного центра космической медикологии. Вы должны это знать.

— Я это знаю. Меня интересует, чьи ФЛ-карты есть у вас. Здесь, на месте. Ведь проводите вы какие-то записи на профилактических медосмотрах.

— То, что есть у меня, нельзя называть ФЛ-картами. Всего лишь фрагменты. Биоритмика, основные физиологические параметры... Единые ФЛК здесь просто без надобности. Здесь не клиника и даже не курорт. Хотя, если честно, обстановка здорово смахивает на курортную.

— Мне бы ваш оптимизм,— печально прогундосил гость.

— Что может быть проще! — немедленно подхватил Грижас.— Если уровень вашего настроения прямо зависит от таких мелочей, как объемная кардиосъемка или, скажем, анализ энцефалоритмики, я буквально за тридцать минут верну вам утерянный оптимизм. К обоюдному нашему удовольствию.

Визитер не ответил. «Служба космической безопасности в тупике,— подумал Грижас, наблюдая неподвижность складок маскировочного балахона.— Усиленно соображает, как быть». Пауза неприятно затягивалась.

— В конце концов, я профессиональный медик. Понимаете? В рамках врачебной тайны всегда найдется место для личных и даже ведомственных секретов.

— Дело не во мне,— ответил гость.— Видите ли, я обязан был самостоятельно получить ФЛ-карту одного из ваших подопечных. То есть все физиологические данные, которые отражали бы состояние его организма за последние двое суток.

«Значит, втайне подготовили аппаратуру,— подумал Грижас.— Канал регистрации, ФЛ-монитор... И не вышло. Самостоятельность!»

— Шпионаж на биотоковом уровне? — спросил он, щурясь.— На гармональном?

Гость шутку не принял:

— Ничего противозаконного! Ни один нормативный параграф Мировой Конституции при этом не пострадал.

— Пострадал здравый смысл. Надо было заранее предусмотреть участие специалиста в делах абсолютно для вас экзотических... Ладно. Так что там не получается с «нелегальной» физиолептикой?

— Не сработал мой ФЛ-монитор. Вчера вечером согласно инструкции я нажал кнопку включения. Вспыхнул зеленый светосигнал — все было в порядке. Завтра утром ФЛ-монитор должен был отключиться автоматически. Но это произошло сегодня. Перед сном я пошел взглянуть на светосигнал и увидел вместо зеленого красный. Вот коротко...

Грижас сочувственно покивал:

— Инструкция, кнопка, пришел, увидел, зеленый, красный. Н-да... Осмотреть ваш ФЛ-монитор я, по-видимому, не смогу. Наверняка он тщательно замаскирован в недрах какой-либо другой аппаратуры и к нему просто-напросто не доберешься. Я прав?

— Совершенно.

— Остается одно: использовать мой монитор. Завтра, где-нибудь во второй половине дня, я выберу время и составлю подробную «опись» физиологии интересующего вас человека. Причем сделаю это в достаточной степени профессионально и — заметьте! — легально.

— Во второй половине дня будет поздно.

— Почему?

— После полудня этого человека здесь не будет.

— Вы уверены? — позволил себе усомниться Грижас.

— Да. Его ФЛ-карту вы должны записать во время утреннего медосмотра, не позже. И постарайтесь сделать так, чтобы это не очень насторожило его.

— В чем смысл такой перестраховки?

— Не надо его волновать. Пусть он об этом не думает. Ему предстоит серьезное дело.

— Даже так... Но ведь тогда вы просто обязаны обсудить предстоящее дело со мной. Как с медикологом.

— Нет, не обязан. Я понимаю вашу тревогу, но, поверьте, не нам обсуждать аспекты этого дела.

Минуту Грижас молчал, обдумывая ситуацию. Занятная встреча с фантомом нежданно-негаданно обернулась

детективной историей слишком тревожного свойства. Было ясно: «подопытный кролик», избранный для какого-то секретного мероприятия, к службе космической безопасности отношения не имеет. Мероприятие это, бесспорно, таит в себе риск для здоровья, иначе субъекту под балахоном не было бы никакого смысла стараться заполучить физиологические характеристики «кролика» накануне событий. Замысел прост: сравнить две свежие ФЛ-карты «кролика», записанные до событий и после. Одно не ясно: что побудило службу космической безопасности затевать это дело без участия медиколога? А впрочем...

— Кто планировал ваше задание? — спросил Грижас.— Мне важно знать, был ли в составе инструкторов хотя бы один медиколог?

— Был, разумеется. И не один.

— И еще вопрос. Человек, которому вы намерены отвести роль подопытного кролика, дал на это свое согласие?

— Видите ли... Ну, в общем, пусть это вас не волнует. Принуждать его никто не намерен. О деле он, естественно, знает, хотя и не во всех пока подробностях.

— Ну хорошо... Хотя хорошего нет и в помине. Да, в такой обстановке, я чувствую, будет полезно иметь в руках его свежую ФЛ-карту...

— Полезно — не то слово. Вы обязаны ее иметь.

— Между прочим,— сухо заметил Грижас,— приказывать мне имеет право здесь только один человек: Ярослав Иванович Валаев.

— Безусловно. Я лишь пытаюсь вас убедить. И полагаю...

— Правильно полагаете, я сделаю все необходимое. Так кто же этот мой... а заодно и ваш подопечный?

Гость выдержал паузу, тихо ответил:

— Андрей Тобольский.

На секунду Грижас оцепенел. Понадобилось несколько мимических усилий, чтобы захлопнуть приоткрытый рот и привести физиономию в порядок.

— Что-о-о?..— Он поднялся из кресла, прошел сквозь объемное изображение визитера — туда и обратно.— Шутить изволите?

— Это была бы неумная шутка,— возразил призрак.

Грижас взглянул на него и поворотом каминного канделябра отрегулировал пламя на потрескивающих поленьях.

— Простите, сударь, но... в своем ли вы уме?

Гость промолчал.

— Невольно берут сомнения: известно ли вам, кто такой Андрей Васильевич Тобольский и какую роль он здесь выполняет?

— Помощник Валаева. Здесь — второе по значимости лицо.

— А это как посмотреть. В шахматной партии ферзь тоже вторая по значимости фигура.— Грижас спрятал руки в карманы пижамы.— Остроумно задумано. Разыгрывая какую-то свою комбинацию, ваше ведомство намерено сделать рискованный ход нашим ферзем... Я решительно против участия Тобольского в любого рода авантюрных делах. Даже если риск минимален.

— Вот поэтому, Альбертас Казевич, мы, предвидя вашу позицию, и не хотели доставлять вам лишнее беспокойство. По моей вине, извините, не получилось.

— Вы — нам, мы — вам...— Грижас поморщился.— Словно мы не в одном коллективе. Словно я должен быть озабочен нашей общей безопасностью больше, нежели вы, функционер безопасности. Даже странно... Понимаете? Странно!

— Но это не помешает вам записать ФЛ-карту, ведь правда? А чтобы не было впечатления, будто вас водят за нос, вы можете в любой момент обсудить с Ярославом Ивановичем подробности нашего разговора.— Визитер, колыхнув белыми складками, осторожно добавил: — В любое время, когда вам будет удобно.

— Не беспокойтесь, будить Валаева сейчас я, конечно, не стану. Так говорите, он в курсе вашей затеи с Тобольским?

— В необходимом объеме.

«Это несколько меняет дело»,— подумал Грижас.

— Разумеется, я сознаю особую важность секретных мероприятий вашего ведомства,— сказал он, стараясь придать своему голосу добродушную интонацию. Добродушия хватило только на одну фразу.— Однако заранее предупреждаю: без специального на то распоряжения Валаева ни ФЛ-карты, ни ее копии вы от меня не получите

ни под каким видом. А вот под этим...— Грижас ткнул пальцем перед собой,— тем более.

— Получателем ФЛ-карты буду не я. Мне она не нужна. Главное — обеспечить ее существование в натуре. Позвольте пожелать вам всего доброго.

— Будьте здоровы.

Фигура в белом истаяла в воздухе.

— Оч-чень з-занятно...— процедил Грижас, тиская подбородок.— Один-двенадцать, откуда был телевизит на мой канал видеосвязи в пределах этого часа?

Твердый голос автомата-бытопроизводителя (чистый и ясный по контрасту с невнятным произношением визитера) коротко отчеканил:

— Данных нет.

«Чудеса,— подумал Грижас.— Впрочем, следовало ожидать».

На всякий случай спросил:

— Память у тебя в порядке?

— Память функционирует нормально,— четко сказал автомат.

— Запроси память видеосвязи центрального узла.

Узел ответил глубоким контральто:

— Телевизита на ваш канал в пределах этого часа не было.

Чудеса продолжались. Грижас дал автоматам отбой. Несмотря на неаккуратные дырки для глаз, фантом, надо это признать, был все же классический. Никаких следов не оставил. Кругом по нулям... И если бы не имя Андрея Тобольского, можно было бы поаплодировать мастерству конспирации и спокойно отправиться спать.

Направляясь к стене, Грижас щелкнул пальцами, прошел в образовавшийся проем; вспыхнул свет, и стена неслышно зарастила проем за спиной. В кабинете-приемной ему нечего было делать, и он, утопая по щиколотку в упруго-мягком ковровом покрытии, пересек помещение и уж было собрался пройти прямиком в операторскую, но неожиданно для себя — почти инстинктивно — остановился и замер, напрягая слух. Ничего не было слышно, кроме едва уловимого дыхания вентиляции. Однако... да, он готов был поклясться, что остановил его какой-то особенный звук. Остановил и пропал. Глаза поспешно ощупали кабинет — рабочую мебель, ребристые стены

спокойного желтого цвета, медицинский лежак, стол с двумя боковыми дисплеями, прозрачные сейфы фармакотеки — и задержались на лоснящейся глянцем крышке лючка горловины утилизатора. Тихое такое, монотонное урчание перед тем, как исчезнуть, исходило, конечно, оттуда. Утилизатор имеет обыкновение урчать, как сытый кот, когда ему в этот лючок чего-нибудь сбрасывают... Грижас подмигнул глянцевой крышке и заглянул в бокс, в котором держал постоянно небольшой запас белья для медицинского лежака. Не хватало двух простынь и чехла для изголовья. Дырки в чехле расторопный субъект, понятно, проделал вот этими ножницами. Теперь все понятно. Теперь понятны и трюки с внутриканальным телевизитом, и загадочный кретинизм автоматики. И даже то, почему поздний гость отказался присесть во время беседы: хозяин мог узнать свое кабинетное кресло.

— Один-двенадцать, откуда был телевизит по внутренней системе моего канала?

— Из кабинета-приемной.

— Кто запрашивал телевизит?

— Человек без лица.

— И никаких других примет? Ну-ка, поройся в памяти.

— Человек был с глазами.

— О дева Мария!..— простонал Грижас.— Ладно, отбой.

Подойдя к двери операторской, Грижас спросил:

— Кто пытался пройти в операторский зал?

— Попытка девы Марии пройти в операторский зал была безуспешной.

Грижас как-то даже не сразу понял, о чем речь. Постоял, соображая.

— Словосочетание «дева Мария» из памяти убери. Вместо понятия «человек без лица» употребляй «гость».

— Задание принял.

— Какие цифры опробовал гость? Покажи.

Автомат высветил на замке комбинацию цифр. Грижас хмыкнул.

Это был год его рождения. Популярнейшая из цифровых комбинаций, которыми пользуются для кодирования своих замков простаки.

— Гость требовал от тебя каких-либо услуг?

— Гость потребовал выбрать и дать на дисплей изокопию практического руководства по физиолептике.

— Да? И что же ты ему подсу... э-э... предложил?

— Изокопию монографии А. М. Леонтьева «Физиолептика в клинической практике».

— Лихо!.. Сколько времени гость провел у дисплея?

— Тридцать четыре минуты.

Солидно... Парень, видать, волевой, упрямый. Более получаса потел в дурацком своем балахоне над сложнейшими текстами. Безумство храбрых...

Грижас раскодировал замок. Переступил порог операторской, привычно окинул взглядом круглый, почти шарообразный зал. Слева — пять контрольно-диагностических кресел, справа — столько же терапевтических. По стенам плотно, как соты, лепились янтарно-желтые пятиугольники — от пола, который был много ниже кресельных террас, радиальных мостиков и дисковидной центральной площадки, до маленького фиолетового потолка, больше похожего на крышку для чайника. Стены-соты неравномерно излучали золотистый свет, усиливая яркость россыпями ослепительных пятен то на одном сегменте, то на другом, в результате чего здесь всегда возникает престранное впечатление: будто находишься внутри сфероидального улья, где в жутковатой тишине обеспокоенно роятся мириады светящихся пчел какой-то особенно молчаливой породы.

На центральной площадке, как на раскрытой ладони, одинокое кресло. Грижас сел. Зашипела пневматика, край площадки стал подниматься довольно широким кольцом — образовалось нечто вроде кругового борта. Вдоль борта пошла волна металлического шороха, блеска: защитное покрытие как-то очень хитро распалось на серповидные пластины и схлынуло вниз, обнажив кольцевой ротопульт во всем его многоцветном великолепии. Двигая подлокотником кресла как рукоятью, Грижас задумчиво повращал ротопульт на больших и малых оборотах, хотя особого повода к размышлению не было. Схема предельно проста: вмонтированные в спальный диван Андрея Тобольского датчики — канал регистрации — ФЛ-монитор. В принципе это все. Служба космической безопасности заблудилась буквально в трех соснах. Для нужд нелегальной ФЛ-записи по логике достаточно подключить сек-

ретный ФЛ-монитор в канал регистрации там, где удобно. Скорее всего они так и сделали — это немногим сложнее, чем врезать дополнительный кран в водопроводную трубу. Теперь выясняется, что «кран» у них не работает. Вчера работал, а сегодня, видите ли, нет. Довольно странно... Остается проверить «водопровод».

Грижас притормозил ротопульт, подогнал поближе нужную секцию, по привычке размял пальцы над клавиатурой сенсорно-кнопочного управления, как это делают пианисты. Но стоило скользнуть взглядом по радужной мозаике светосигналов, руки сами собой опустились. Хотелось смеяться. Дело приобретало анекдотический поворот. Кстати, об этом следовало бы догадаться сразу... Сегодня в спальне Андрея Тобольского включен сонотрон и, естественно, канал регистрации до предела забит помехами. Отфильтровать такую уйму помех вряд ли под силу даже ФЛ-мониторам высшего класса.

Для пробы Грижас подал команду на кардиорегистратор и включил панорамный экран. Стены-соты заволокла дымка, тишину в зале нарушил гулкий ритмический перестук. Дымка рассеялась, и за ней обнаружилась зеленоватая пространственная глубина, так густо испещренная импульсами сонотронного происхождения, что взгляду трудно было сквозь них пробиться. Грижас задействовал фильтр — многоцветье импульсов потускнело, и в панорамном пространстве возникло стереоизображение ритмично шевелящейся глыбы. В мутно-зеленой воде шевелился, пытаясь всплыть, радужный гиппопотам... Меняя спектрозональную окраску изображения, Грижас без особого интереса осмотрел сердце Андрея Тобольского со всех сторон. Дуга аорты. Легочный ствол. Левый желудочек. Правый. Венечная пазуха... Идеально здоровое сердце. Ни малейших к нему претензий. Одно непонятно: с какой стати Тобольский включил сонотрон? К услугам сонотроники никогда не прибегал, а вот сегодня — извольте принимать наглядное свидетельство его нервозности?.. Из отдельных штрихов складывается какая-то зловеще-детективная картина: служба космической безопасности, тайна рискованного мероприятия, нелегальная физиолептика, Тобольский и, наконец, искусственный сон.

Грижас тревожно задумался.

ЧАСТЬ I

УБИТЬ МИЛОСЕРДИЕМ

Они заблудились. Это было смешно — заблудиться в аллеях дендрария. Впрочем, не очень. Теперь они опоздают на первый вечерний рейс иглолета.

Аллея маньчжурских аралий сошла на нет, затерялась в зарослях канадского тиса. Дальше, среди частокола стволов бамбука, начиналась тропа. Он посмотрел на часы, огляделся и узнал это место. Поблизости должен быть пруд.

— Ты не устала, малышка? Хочешь, я понесу тебя?

— Нет, папа, нет, я сама! — Вдруг она присела на корточки: — Гляди, я гриб нашла! Смешной какой! Синий-синий!

— Это не гриб. Это мяч. Кто-то его потерял.— Он поднял мяч из травы и несколько раз стукнул о землю.— Мой веселый, звонкий мяч, ты куда помчался вскачь?..

— Красный, желтый, голубой, не угнаться за тобой!.. Пап, гляди! Гуси-лебеди! Там! — Она растопырила ручонки крылышками.

Да, это пруд. На темной воде белые лебеди. Высоченные араукарии, кисточки кипарисов, радиальнострельчатые шары экзотической ксантореи... Красиво. Декоративно красиво. Над белопенными кронами цветущих эндохордий — купол садового павильона, облитый лучами низкого солнца... Волшебно, ненатурально красиво. Фриз павильона жарко отсвечивал позолотой.

— Сегодня нам здорово попадет,— сказал он.— От Ирины Леонтьевны.

— Не попадет,— серьезно сказала она.— Ирина Леонтьевна добрая, она всех детей любит. А их мамов и

папов тоже любит. Гляди-ка, цветочек!.. Дай мне, я хочу, чтобы он был мой.

— Нет, малышка, нельзя. Он живой и растет.

— А как его зовут?

— Так же, как и тебя.

— Лилия Тобольская?

— Просто лилия. Тобольская — ведь это твоя фамилия.

— А сколько ему годиков?

— Дней скорее всего... Не знаю. Зато я знаю, что вон тому дереву — видишь? — столько лет, сколько тебе. Ну, может, чуточку больше.

Он поднял дочь на плечо и показал ей серебристо-голубоватую жиденькую крону молодого деревца.

— Его тоже зовут как меня?

— Его зовут «кавказский холодоустойчивый эвкалипт». Четыре года назад его здесь вырастила твоя мама. Ее дипломная работа...

Дипломная работа Валентины росла неважно.

Раздался резкий щелчок, повторенный выхлопом эха над темной водой. Он посмотрел в сторону гор, одетых в лохматые бурки зелени, на заснеженную вершину с башней катапультера местного иглодрома, заметил мелькнувшую в небе продолговатую искру. Он успел привыкнуть к сегодняшней безмятежности, и этот резкий щелчок был некстати. Лучше бы его не было.

Улетали они вторым рейсом вечернего иглолета сибирского направления.

До приглашения на посадку оставалось менее получаса, и разыскивать детский сектор на ярусах многолюдного здания иглопорта не было смысла. К удовольствию Лилии. Шар солнца уже коснулся расплавленной полосы горизонта, пылали крылатые облака, и было приятно смотреть, как багровеет небо и сгущается в низких долинах дымчато-сизая мгла. Они наблюдали закат, сидя в остекленном раструбе экспресс-кафе. Лилия выпила целый бокал молочного киселя, он — два бокала кумыса. Закат был роскошный. Кафе называлось «Восход». Потом эскалатор вынес их в галерею с двумя уровнями перронов; снаружи проник сквозь стекло прерывистый вой «виа-виа-виа...», и Лилия, не спросив позволения, соскочила с дорожки и бросилась к смотровому окну.

Чаша посадочного котлована пульсировала желтыми волнами светосигналов. За пределами чаши — освещенные прожекторами утесы. В трещинах сверкал снег, вспыхивали маяки, а еще дальше и выше громоздились в темное небо дисковидные секции башни катапультера. Вой смолк. Над котлованом золотисто блеснуло длинное тело бескрылого лайнера — хлесткий удар потряс галерейные стекла. Иглолет вертикально скользнул в причальный колодец — оттуда с грохотом вырвался столб пара; объявили прибытие иглолета с Камчатки. Больше смотреть было не на что.

— Змей Горыныч,— сказала Лилия.

На ее слова обратили внимание, нашлись комментаторы: «Смотрите, как интересно интерпретирует свои восприятия этот ребенок!» — и он почувствовал отцовскую гордость. Объявили посадку. Он взял дочь на руки и вместе со всеми заторопился к перрону, вдоль которого уже лоснились, как мыльные пузыри, кабины лифтов.

Стремительный спуск. Вагон тоннельного пневмотранса. Посадочный зал — очень высокий, многоярусный, яркий, с оранжевыми спиралями вокруг эскалаторных виадуков. Тамбур-потерна, в котором всегда стоят запахи перегретых металлопластиков, смазки. Залитый розовым светом люк лайнера, стерильно-белая внутренность салона, мягкие глыбы противоперегрузочных кресел, качающихся на осях и щелкающих при малейшем движении. Наконец, жужжание герметизаторов, холодок вентиляции, последние советы бортового радиоспикера и первые толчки на старт-люнете в пусковом канале катапультера. Все это едва уловимо проскальзывало мимо сознания — он приятно был озабочен одним: удобствами для малышки. Даже на взлете все еще не хотел расставаться с ощущением безмятежности, но характерный рывок при выходе из канала, гул водородного двигателя и легкие перегрузки решительно дали понять: сегодняшний замечательный день подходит к концу... Вспыхнула надпись: «Высота 105 км, приготовиться к невесомости». Он распахнул противоперегрузочный кокон соседнего кресла — Лилия мигом перебралась к нему на руки. Как и всегда после старта, она выглядела несколько ошеломленной. Обхватив его шею ручонками, уткнулась в плечо.

— Не испугалась, малышка?

— Н-нет...

— Молодец. Смотри: включили обзорный экран. Видишь, какие яркие звезды.

Она посмотрела на звезды, как смотрят дети на снег в разгул метели. Отвернулась, притихла. Загорелое личико стало спокойно-сосредоточенным, веки слипались.

— Папа, ты завтра уедешь?

— Да. Завтра... Ты не скучай без меня, ладно? Я постараюсь почаще встречаться с тобой на экране видеотектора.

Вдруг она встрепенулась, возбужденная какой-то мыслью:

— Пап!..

— Ну?

— А можно, ты возьмешь с собой и меня?

— Видишь ли, маленькая... Мама приедет и тебя не застанет. Получится нехорошо, ведь правда?

Она кивнула. Плотнее прижалась к плечу — слева, где сердце.

Отработав маршевый участок пути, двигатель смолк. Мгновения невесомости — иглолет выбрался на вершину своей баллистической траектории и словно остановился. Повис в пространстве, усеянном глазами звезд. Девочка спит, над ее колыбелью склонилась Вселенная. Будь осторожна и ласкова, Звездная Мать, у тебя на плече молодая звезда — твой ребенок...

Андрей открыл глаза в полумрак спального грота. Вышел из состояния сна легко. Будто и не спал вовсе. Ерунда — спал. И спал, хвала сонотрону, приятно. Сонотроника — превосходная, оказывается, вещь. Жаль, не знал этого раньше... Механически усвоил на лекциях принцип работы сонотронных систем и после экзамена не помнил почти ничего, кроме основных приемов пользования. Помнится, аудиторию позабавил способ нейтрализации навязчивых снов: перед уходом в дремотное царство Морфея надо было, тронув кнопку у изголовья, думать о разных растениях. Лучше всего — о цветах. В итоге, фантасмагорический коллаж тяжелых, с переживаниями сновидений, от которых иногда просыпаешься в холодном поту, обязательно подменялся реалиями

спокойных воспоминаний. Воспоминаний во сне. Он никогда не пользовался услугами сонотронной техники, но вчера, минуту поколебавшись, решил попробовать. Не потому, что побаивался ночного кошмара, а так... Не хотелось видеть во сне Валентину. Нажав кнопку у изголовья, стал добросовестно думать о разных растениях. Ирония обстоятельств: думая о растениях, он не мог не думать о Валентине... Сонотрон не подвел. Она не приснилась, и впервые в жизни он был этому рад. Вот до чего дошли дела... Ну что ж, дела, значит, дошли теперь и до этого.

Едкая горечь обиды и гнева разлилась в груди. Сжав зубы, Андрей повернулся на бок, отшвырнул одеяло, приказал себе успокоиться. Без одеяла он чувствовал, как над постелью циркулирует холодный воздух. За пределами грота в лунном сиянии голубела лесная поляна. Таежная. Поляна была под снегом. Под снежными шапками были голые ветви двух старых берез, лапы темнеющих за ними пихт и черный навал бурелома. Рослые пихты стояли стеной, но даже эта стена не могла заслонить богатырских верхушек кедровника. К березам пробиралась рысь. Он долго смотрел на нее. Снег был мягкий, рысь пробиралась с трудом, оставляя в сугробах хорошо заметную борозду.

Тонко заныл сигнал будильника. Андрей по привычке пружинно сжался перед тем, как вскочить, но вспомнил: торопиться некуда. Вдобавок надо пройти медосмотр. Проходить его лежа в постели менее хлопотно.

Он провел ладонью по голой груди. Горькая муть еще не осела.

* * *

Что-то надо с этим делать, Валентина. Но что? Мне одному все равно ничего не решить. А решать вдвоем ты почему-то не захотела. Чем объяснить твое нежелание встретиться? И это нелепое бегство... Разлюбила?.. Приди и скажи об этом открыто и внятно. За пять лет ты хорошо изучила меня и могла бы не опасаться, что я устрою тебе неприятную сцену — обезумею от ярости или стану валяться в ногах, просить, умолять. Знала, что ничего этого не было бы, и знала отлично. Не моей, значит, слабости

опасалась — своей? Еще не уверилась в правоте своего состояния чувств?.. Похоже. Иначе ты поступила бы по-другому, я ведь тоже знаю тебя... Ладно, подумай и разберись. Время есть. До моего возвращения. Будем обдумывать и разбираться порознь, уж раз ты так захотела. Правда, мне разбираться особенно не в чем. Люблю тебя и безумно боюсь потерять. Понимаешь? Безумно!..

До мельчайших подробностей помню все, что у нас было общего. С того самого дня, когда я бродил, как лунатик, по аллеям дендрария и как губка впитывал ботанические сведения, которые ты с наивностью строгой школьной учительницы старалась втиснуть нам в черепные коробки всем поровну. Впервые в жизни покорно, как теленок в стаде, я прошел с экскурсионной группой от начала до конца. А когда эта группа ушла, тут же включился в другую — чтобы слышать твой голос. Чтобы ловить на себе настороженно-строгие взгляды твоих карих с зеленой крапинкой глаз. Это меня волновало... Я чуть-чуть опоздал — ты успела уже представиться экскурсантам,— и мне захотелось угадать твое имя. На счастье. Мысленно перебрал десятки имен — и простых, и редкостных, и экзотических — и почему-то выбрал Диану. Для страховки подумал, что если ты не Диана, то хотя бы одно из имен, подсказанных мне интуицией, будет твое. Увы, среди них не было Валентины... Я смотрел, как блики прокалывающего листву солнца загадочно меняют выражение на твоем таком очаровательно строгом лице, дрожат на темных твоих волосах, и в золотисто-дрожащем этом узоре мне чудился некий таинственный иероглиф судьбы. В простой и милой прическе «Аленушка», в холодноватых (до резкости) и красиво (до жути) удлиненных глазах чудилось нечто языческое...

А потом были лунные блики на море. Был крошечный остров — голые камни, нагретые за день. Мы приплыли па эти камни прямо в одежде, выбрались, тяжело дыша, с нас текло, твои босоножки торчали у меня из карманов, а свои полукеды я утопил — мы вели себя как сумасшедшие. Где-то зудел катер, чьи-то голоса упрашивали нас вернуться обратно, ты не ответила, я обнял тебя, сильно, бережно, благодарно, и ощутил, как бьется твое сердце, участилось дыхание. Мокрые волосы блестели под луной, казались совершенно черными и пахли морем, в лунном

блеске голые плечи были призрачно-белыми, призрачный свет на запрокинутом белом лице, на губах, неожиданно полуоткрытых, теплых и нежных...

* * *

— Доброе утро,— донеслось со стороны изголовья.— Если позволите — дистанционный вариант медосмотра.— Голос тихий и скользкий, как шелест шелковой ткани.— Вы готовы?

Из медицинского бокса выполз пенал и, повернувшись, вывалил на постель содержимое. Андрей нашарил мягкий шлем, усеянный бородавками датчиков, молча надел. Ощущая холод металла, натянул довольно тугие носки и перчатки.

— Музыку? Новости? — заботливо прошелестел автомат.

— Да, новости Внеземелья. Голос мужской. Без экрана.— Андрей уставился в потолок. Под сводами грота ничего не было видно, кроме тускло блестевших кончиков сталактитов.

Внеземелье изобиловало новостями. О том, какие корабли из каких портов стартовали, что несли и где финишировали, Андрей слушал вполуха. Слабой улыбкой отреагировал на сообщение о подходе «Байкала» к лунной системе Сатурна — мало того, что новость запаздывала, агентство Информвнезем умудрилось лидер-контейнероносец «Байкал» назвать балкер-трампом.

Внимательно прослушал бюллютень научно-космических новостей. Меркурианский филиал НИИ физики Солнца соблаговолил наконец прокомментировать результаты Девятой солнечной экспедиции. Капсанеры (спецкорабли-солнечники) «Иван Ефремов» и «Владимир Шаталов» прошли сквозь Корону по так называемой «ныряющей трассе», благополучно вернулись к причалам орбитального порта «Солитон МС-терминал» и доказали тем самым осуществимость полетов автоматических гелиостанций на «глубоких» орбитах. Разработчики проекта «Кибер-Феникс» могли торжествовать. Другое сообщение касалось загадки «слепого луча» на Венере. Это уже пятый случай внезапной (кратковременной, к счастью)

потери зрения сразу у всех членов экипажа атмосферной станции «Экватор В-2». Попытки отождествить причину «мини-слепоты» с теми или иными явлениями в атмосфере Венеры успеха пока не имеют. Н-да... Завершила основной объем исследований Первая комплексная разведэкспедиция в системе Плутона — рейдер «Лунная радуга» готов к возвратному старту. Двойная планета ничем особенным разведэкспедицию не удивила (будто бы кто-то ждал от Плутона чего-то особенного) — морозные сумерки, глубокие снега, алмазный лед с пузырчатыми полостями. Особенным был сам по себе рейд-бросок в Зону Мрака — беспримерный по дальности, новизне и отваге.

Вновь появилась в эфире заглохшая было рубрика «Линза криминалиста». Сообщение информотдела Западного филиала Международного управления космической безопасности и охраны правопорядка (МУКБОП): инспекторами стартового коридора маршрутов Луна — Венера — Меркурий наложен арест на рейсовую визу балкер-трампа «Гоулдн газел», уже готового к выходу из аванпорта орбитально-лунного терминала «Скайрафт». Причина: обнаруженный на борту смаглерский груз (контрабандный) коньячного спирта. При спецдосмотре корабельных трюмов ранен выстрелом в спину сотрудник МУКБОПа Джордж Эгул. «Ниче-го себе!..» К месту событий подошел спидджаммер «Агьюмент» — крейсер службы космической безопасности. В трюме, где было совершено покушение, найден тайник. Содержимое тайника: импульсный лучемет системы паллер и девять пакетов галлюциногенного препарата. Корабельная команда «Гоулдн газел», возмущенная преступной вылазкой затесавшегося в ее ряды смаглера, оказывает следствию добровольную помощь. Должностными лицами службы космической безопасности предъявлен ордер на арест младшему шипшандлеру терминала «Скайрафт» Калу Хизну. Младший распределитель буфетных заказов обвиняется в незаконном приобретении и хранении вредного для здоровья людей минерала «венерины слезы», повсеместно изъятого из ювелирного обращения соответствующими органами ООН. Свою причастность к драматическим событиям в трюме балкера Хизн отрицает. Следствие продолжается. Руководитель следственной группы отнес преступление на борту «Гоулдн газел» к разряду особо опас-

ных и предупредил Управление объединенного космофлота Системы (УОКС) о безусловном существовании связи между выстрелом в трюме и фактами смаглерских сделок в снабженческом секторе терминала.

Иными словами, директорату УОКСа дали понять: ротозейство администрации терминала Управлению космофлота дорого обойдется... Ну что ж, смаглеров изобличат и накажут, гнойник будет вскрыт и санирован. Будет насильно развязан еще один грязный, запутанный узелок где-то когда-то чем-то или, может быть, кем-то изломанных человеческих судеб. Скорее все-таки чем-то. Намеренно изломать судьбу человека в условиях теперешнего уровня цивилизации далеко не просто — развернуться носителям социально вредных «талантов» особенно негде. При всем при том смаглерский промысел существует. Пусть хилый, мелкомасштабный, но существует. Говорят: наследие прошлого. Прошлое — это такая ширма, за которой удобно устраивать свалку для наиболее острых неприятностей настоящего. Любовь и нежность, кстати сказать, тоже наследие прошлого. Любовь и нежность к любимой, к голубоглазой Земле, к ребенку, зверюшке, растению... Любовь к стяжательству — да еще с оружием в руках — это, наверное, разновидность маниакального психоза.

Вторая половина выпуска новостей — обзор экономической, культурной жизни Внеземелья. Сообщение о делах на Меркурии, как и всегда, напоминало хвалебную оду. Меркурий — гордость Земли; крупнейший во Внеземелье металлургический комбинат, растущий как на дрожжах комфортабельный мегалополис Аркад с трехсоттысячным населением. По объему промышленного производства меркурианский жилищно-индустриальный плацдарм давно «натянул нос» плацдармам Венеры, Марса, Луны, и все там, естественно, вертится вокруг комбината... О положении дел на верфи «Вулкан», флагмане орбитальных верфей Меркурия, сообщили скупо: «люстровый» суперконтейнероносец «Тобол» и однотипный его собрат «Лена» (правильнее было бы сказать: его систер-шип) выйдут на ходовые испытания в конце текущего года. И ни слова о том, что помешало выпустить эту пару сверхкораблей хотя бы в резервные сроки. Зато включили в обзор информацию для гурманов: коллектив опытно-производ-

ственного объединения «Плод» преподнес корабелам «Вулкана» хороший подарок — новый урожай цитрусовых местной плантации. Именно цитрусовыми занимается на Меркурии Валентина...

Сообщение из Приземелья: Луна готовится отметить юбилей основания первого в истории человечества внеземного города, заложенного сто лет назад на равнинном участке Моря Спокойствия. Город?.. Речь, по-видимому, идет о двух городках — Гагарине и Армстронге. Впрочем, согласно «Истории внеземной космодромии» уже с момента закладки оба лунно-экспедиционных городка не были полностью автономны, поскольку обслуживал их один космодром и общий командно-телеметрический комплекс. А лет сорок спустя обитаемый регион Моря Спокойствия действительно превратился в интернациональную базовую систему четырех плотно связанных между собой городов: Гагарина, Армстронга, Леонова и Королева. В последние годы их поглотил плацдарменный мегалополис, и теперь потерявшие коммунальную самостоятельность города образовали нечто вроде четырех главных районов не слишком-то удачно распланированной, но достаточно комфортабельной столицы Луны. В Гагарине обосновался штаб космодесантных формирований и разведэкспедиций УОКСа, в Леонове — сектор летного состава объединенного космофлота, Армстронг мало-помалу превратился в центр по всестороннему обеспечению научно-исследовательских организаций и групп Внеземелья, а Королев сосредоточил в себе учреждения, которые координируют деятельность планетарных и орбитальных верфей. Очевидно, поэтому бывшие города все еще называют «городами» или даже «базами», и никого не смущает новый статус главрайонов лунной столицы. Итак, старушке стукнуло сто... Диктор Информвнезема устал рассказывать о прибывающих делегациях. Судя по количеству гостей, в столице намерены произвести триумфальное шествие или гостиничный кризис. Естественно, самая крупная делегация ожидается от УОКСа. Именитые делегаты от Управления космофлота будут развешивать мемориальные доски, резать красные ленточки, аплодировать, приятно и широко улыбаться, а в кулуарах незаметно для окружающих выслушивать доклады спецреферентов о ходе следствия на «Скайрафте» и тут же,

буквально за спинами веселящихся, вникать в очередные сверхнеотложные дела, которые в этом гигантском ведомстве возникают ежеминутно...

Спортивные новости Внеземелья он слушать не стал. Финальный бой боксеров полутяжелого веса ему удалось посмотреть во вчерашнем выпуске, а все остальное мало его волновало.

Повернув голову, отыскал взглядом рысь. Охота была удачной — зверь нес в зубах глухаря. Издали мертвая птица походила на растрепанный черный зонт... Он вспомнил морозную ночь, когда по собственному недомыслию застрял в тайге и боялся, что медведь-шатун найдет его раньше, чем люди. Ему не было и девяти лет, однако хватило ума не удаляться от поломанных эленарт, не делать попыток выбраться из заснеженных дебрей самостоятельно, и участники ночного поиска (в основном работники зверофермы) очень его за это хвалили: след машины упростил им задачу. Они еще не знали, какой удар ожидает их утром: спасенный ими юный шалопай, сын руководителя селекционной лаборатории зверофермы, ухитрился выпустить на свободу красношерстного соболя по кличке Рубин — едва ли не единственного в мире соболя с изумительным по красоте и драгоценнейшим по достоинству темно-алым мехом. Срочно были организованы розыски, но таежный участок, где он выпустил эту живую драгоценность из багажника эленарт, накрыла пурга; поисковая группа вернулась с пустыми руками... Решив избавить своего любимца от пожизненного заточения в лабораторной клетке, он самонадеянно полагал, что логика добрых намерений обладает свойством неуязвимости и уже одно это дает ему право не пасовать перед грозным неудовольствием взрослых. Выдержал, не спасовал.

А потом, неделю спустя, из соседнего лесничества прикатила винтогусеничная машина, и отец заставил его влезть в заиндевелый кузов — взглянуть на последствия добрых намерений. У него потемнело в глазах, когда он потрогал мертвое тельце Рубина, холодное и твердое, как полено... Рожденный в клетке не имел представления, как вести себя в зимней тайге, и дорого заплатил за миг свободы, в которой ничего не смыслил. Зверька оторвали

от сытной кормушки, а вместо нее дали свободу, в которой он не нуждался. «Свобода нужна тому, кому она нужна,— сказал отец.— Знакомство с будущей своей профессией ты начал с ошибки». Освободитель забился в самый темный угол гаража и просидел там весь вечер. «Ты уже знал, что жестокость — это очень нехорошо,— сказал отец.— Теперь ты знаешь, что можно убить милосердием». Да, теперь он это узнал. Он сидел в темноте, и слезы капали ему на руки, горячие слезы на озябшие пальцы. Плакал и видел себя руководителем селекционной лаборатории на Луне. У него был шикарный белый скафандр, сверкающий блестками желтых и пурпурных катофотов, с эмблемой биологов. Отчетливо видел уютную зверoферму в оборудованном под оранжерею лунном цирке, сочную зелень, черное небо и жгуче-йодистые лучи солнца, ослабленного светофильтровой защитой, пахнет фиалками, и никакого запаха со стороны вольеров и клеток, и никаких клеток, а просто красные соболи среди незнакомых растений, сто рубиновых соболей, и всю эту сотню красавцев он решает отправить в подарок отцу, родной звероферме, и вот серебристый биоконтейнер везут к лунодрому на платформе многоколесного вездехода, но по пути какой-то мальчишка (тоже в белом скафандре) из жалости к пленникам выпускает их на бугристой равнине Моря Спокойствия, и они гибнут без воздуха все до одного...

— Пожалуйста,— прошелестел над ухом голос медавтомата,— сделайте полный выдох в приемник газоанализатора.

Андрей нащупал трубку приемника, дунул — внутри прибора взвизгнули пленки мембран. Он чувствовал: медосмотр тянется дольше обычного.

В первый прилет Луна поразила его обыденностью ландшафтов. Они оказались такими, какими он их представлял себе в детстве. Или почти такими. Быть может, поэтому всякий раз его искушала идея: выкроить время и побродить в одиночестве по каменистой равнине где-нибудь вдалеке от столичного мегалополиса. В скафандре, расцвеченном катофотами. И всякий раз, покидая Луну, он сожалел, что снова как-то не выпало случая осуществить эту свою пустяковую в принципе, но не очень

простую по исполнению прихоть. Прихоть туриста. К услугам туристов — роскошные гостиницы в столичном центре и «блуждающие отели» вне мегалополиса. Коттеджи, шале и бунгало в обеспеченных воздухом зонах каньонов, ущелий, цирков, террас. Наконец — галерейные поезда, экскурсионные вездеходы и катера. Все что угодно — пожалуйста. Кроме скафандров. Скафандры современных вакуум-лунных моделей высшего класса на спецучете в контрольных органах службы космической безопасности, и пользуются ими только те, кому положено. Он не был туристом, но и прямого отношения к работам на лунной поверхности не имел.

Далеко не все правила лунного быта ему нравились. Однако не было среди них более тягостного, чем обязательный трехсуточный «арест» в зоне спецкарантина СК-1.

Для членов семей косменов, оторванных друг от друга работой на разных объектах, администрация Совета по освоению Внеземелья внедрила так называемый «совпадающий график рабочего и отпускного цикла». Что и говорить — хорошо, удобно: гарантированный для супругов отпуск в три с половиной месяца на Земле плюс примерно два месяца времени, набегавшего в лунной столице по «совпадающему графику». Но, бывало, синхронность прилета или отлета супругам не удавалась, и отсрочка свидания действовала им на нервы. Обидно, конечно. Выйдешь, допустим, из спецкарантина, а твоя половина, только что прилетев, предположим, с Меркурия, начинает томиться в зоне СК первые сутки. Нет повести печальнее... И ничего не остается, кроме взаимных телевизитов. Можно, правда, проникнуть в предзону СК и посмотреть друг на друга сквозь стеклянную стену. А если во время свидания дашь понять медикологам, что готов разнести эту стену в куски, к тебе, пожалуй, и выпустят на часдругой твою Джульетту в пленочном медскафандре с волочащимися сзади вентиляционными рукавами. Можешь обнять ее гладкие, теплые под тонким эластиком плечи, поцеловать в стеклянную выпуклость гермошлема — будь оно проклято!.. Одного такого свидания им с Валентиной было достаточно, чтобы потом никогда не тревожить друг друга в дни карантина.

В прошлый раз все складывалось вроде бы нормально.

По крайней мере, в его представлении. Простившись с дочерью в Ангарском интернате, он вылетел в Сулан-Хэрэ и утром был на Гобийском космодроме. Поднялся ветер, воздух порыжел от пыли, и среди отъезжающих прошел слух, будто бригада запуска на лазекторной станции земного базирования зачехлила свою батарею внешне-принудительного разгона, а потому старт лихтера «Метеор-27» отменен. Ничего подобного — «Метеор» принял на борт заполненный пассажирами сектейнер и точно в срок вывел его на орбиту. Зато на орбите болтались четыре часа в ожидании лунно-маршрутного тендера, с борта которого сообщили, что гобийский сектейнер они подберут после сахарского и флоридского. Вдобавок около получаса пришлось ожидать, пока лазекторная станция-автомат орбитального базирования займет удобную позицию по отношению к тендеру, и вот наконец пошли на разгон. По дороге к Луне, как обычно, пассажиров пытались развлечь музыкальной комедией. Фильм был старый и глупый, никому не хотелось смотреть. Парочка молодоженов, сидевшая слева, спорила, какой из сектейнеров имеет большие шансы первым попасть на лунный лихтер. Он, думая о своем, не обращал на это внимания, однако молодожены втянули его в разговор, и они в конце концов познакомились. Свадебное путешествие в Приземелье стало обычным явлением. Молодые люди хотят потрогать лунные скалы собственными руками. Стоит только начать...

«Совпадающий график» был рассчитан для них с Валентиной почти идеально. Лайнер «Молдавия» прибыл с Меркурия двое суток назад, и Валентине оставалось быть узницей спецкарантина до завтрашнего полудня. Он с трудом подавил желание незамедлительно нанести ей телевизит, снял трехкомнатный «люкс» в любимой ею гостинице «Вега» на привычном уже седьмом этаже, сообщил свой лунный индекс в информбюро городского справочного центра и, не зная, куда себя деть, подался было к бассейну. Не дошел. Слишком много друзей и знакомых. «Привет!» — «Салют!» — «Как дела?» — «Превосходно».— «К нам зайдешь?» — «Вот дождусь Валентину, а там будет видно».— «Когда улетаешь?» — «Только что прилетел».— «Неделя, значит, в запасе?» — «Меньше». Он вернулся в гостиницу, принял душ

и перед сном довольно рассеянно просмотрел вечернюю программу новостей. Что-то его непонятно тревожило и угнетало. Никого не хотелось видеть. Кроме жены. Кажется, с ним такое впервые... Махнув рукой на условности, связался с зоной СК и затребовал телевизит. Сейчас его устроил бы даже видеотекторный разговор, но, к сожалению, время было упущено. Информавтоматика с речевым дефектом на букву «р» выдала справку: «Зона СК-1, четвегтый. Валентина Николаевна Тобольская (лунный индекс такой-то) отдыхает после вечегних физиопгоцедуг. Извините, пгосим не беспокоить».

В девять утра его разбудил щелчок телепочты. От Валентины?.. Выхватил из приемника изокопию. Это была изокопия его служебного расписания на лунную пятидневку. Единственное дело на сегодня — визит к Морозову в Леонов, и дело в отличие от остальных, обозначенных в расписании, странное... Придется съездить. Хотя и не ясно, за каким лешим... Одно понятно: директор внеземельно-экспертного отдела УОКСа не станет организовывать личную встречу по пустякам. Тем более с человеком, работа которого не соотносится с кругом задач морозовского офиса. Ладно, это даже кстати. Будет чем занять себя до полудня.

Из Леонова в столичный центр он возвращался другим путем — радиально-пассажирской артерией пневмотранса скоростного уровня. Так быстрее. На перегоне в двадцать пять километров было всего четыре станции: Леонов, Зоопарк, «Вега», «Форум». Он представил себе, как войдет в номер и сразу почувствует тонкий запах «Жасмина» — ее любимых духов... А потом они поднимутся в ресторан, и за обедом он, копируя голос и жесты Морозова, в анекдотическом виде изобразит для нее результаты визита в леоновский сектор. Результаты действительно смахивали на анекдот: он и моргнуть не успел, как Морозов взвалил на него — постороннего, в сущности, человека — обязанности эксперта и подсунул ему документы какого-то дряхлого «кашалота» первобытной серии А. «Ну что вам стоит, голубчик? Дело несложное и, честно говоря, формальное. Много времени это у вас не отнимет. Составите общий диагноз, распишетесь — и домой».— «Простите, а как посмотрит на это мое руководство?» —

«Все согласовано, не беспокойтесь». Ну что ж, хотя бы в этом смысле гора с плеч.

Валентины в номере не было. Он посмотрел на часы и ощутил новый укол вчерашней тревоги. Зачем-то полез под холодный душ. Потом просматривал навязанные Морозовым документы — медленно, долго и не очень внимательно. Уклоняясь от телевизитов, с готовностью откликался на каждый вызов по видеотекторному каналу. Вызывали коллеги, друзья. Просто так и по делу. Ссылаясь на занятость, быстро свертывал разговор. Снова ждал. Неизвестно чего. Наконец решил идти обедать один. У двери его задержал робкий вызов... Обернувшись через плечо, он минуту смотрел на чистую плоскость видеотекторного экрана. Экран так и не выдал картинку, а у него не возникло желания заводить разговор с пустотой.

Обедал он в обществе Герхарда Хлоппе, иммуногенетика лунного Биоцентра. Спокойный рыжий человек с крупным носом, однокашник Валентины. Хлоппе что-то спросил про нее, и что-то он ответил ему невпопад. Из головы не выходил этот странный видеотекторный вызов.

Не заглядывая в номер, он спустился вниз и вышел на площадь имени 12 Апреля. Чтобы меньше было случайных встреч, взял левее — под стеклянную колоннаду музея космонавтики, вдоль залитых светом витрин с экспонатами. Заметив группу идущих навстречу людей, свернул под арку между витринами с «Луноходом-1» и «Луноходом-2». В глубине выставочного зала возвышался один из первых лунно-маршрутных тендеров; створки вакуум-трюма добротно реставрированного лунника были открыты. К тендеру вела аллея изящно выгнутых, как шеи плезиозавров, клинозахватных держателей, на которых покоились выполненные в натуральную величину копии орбитальных модулей «Востока», «Восхода», «Джеминай», «Союза», «Салюта», «Скайлэба», «Аполлона», «Сибири», «Гермеса», «Зари»... Он много раз все это видел, но в отличие от большинства посетителей музея никогда не испытывал перед старой техникой благоговейного трепета. Тесные, примитивно оборудованные и практически ничем не защищенные бидоны — вот что это такое, уж если говорить начистоту. Он думал только о людях и каждый раз, проходя аллеями орбитальной техники прошлого, поражался великой гордыне и дерзости

тех, кто начинал осваивать Внеземелье. Витязи космоса. Даже в Приземелье они могли надеяться только на самих себя — в любом случае ждать оперативной помощи было неоткуда. Ни тебе службы космической безопасности, ни космодесантных групп, ни гулетов мобильного базирования, ни спасательных крейсеров...— ничего, ровным счетом. Они бо не стенами оградн град, но мужеством живущих в нем. Крепкие нервы, сила, отвага, песни и вера в удачу. Натуральная «Илиада»... Соблазнительно думать, что современные космопроходцы их прямые потомки.

У выхода из музея он заглянул в видеотекторный холл. Кабины стилизованы под гермошлемы. Людей в холле не было. Вошел в кабину с оглядкой, словно прятался от кого-то, торопливо сел — и зеркальная полусфера, щелкнув, захлопнулась за спиной. Только теперь осознал, что инстинктивно ищет уединения. Вспыхнул свет, звякнул сигнал приема, и на экране возник темноволосый малый с озабоченным лицом. Загорелые твердые скулы (на левой — шрам, память о Гималаях), на щеках — ямочки, которые так нравились Валентине... Он без всякого удовлетворения осмотрел свое изображение, машинально поправил прическу — экранный субъект повторил его жест. Как поживаете, Андрей Васильевич? Не по душе мне твой сегодняшний вид... Он вызвал справочное информбюро, и ему сообщили, что индекс В. Н. Тобольской зарегистрирован в отеле «Денеб». Это было уже серьезно...

Трудно припомнить, о чем ему думалось на пути к «Денебу». Открытый вагон монорельса, ветер в лицо. Ни о чем хорошем, по крайней мере, думаться не могло. Перед глазами мелькали плавно изогнутые и угловатые пересечения пронизанных солнечным светом стеклянных поверхностей, гигантские витражи, зеркальные арки, мелькали деревья, кусты, целые острова тропической зелени, «хрустальные вазы» административных зданий, ячеистые фасады многокорпусных зданий академгородка, аллеи скульптурных ансамблей, крытые чаши бассейнов, многоцветье прозрачных этажей запруженного людьми делового квартала, пузыри стадионов. Пространство обзора вокруг монорельсовой трассы то сужалось до размеров тоннельных стволов, то вдруг распахивалось так широко, что были видны едва ли не все ярусы жилых,

промышленных и подсобных уровней мегалополиса, узорная пестрота подвижных лент тротуаров, исполинские свечи надувных и блестящие иглы металлических башен-опор, светлые трубы путепроводов, изящные виадуки, повисшие над кратерами, громоздко-ступенчатые полидуки. А потом замелькали развороченные недра обширнейших стройучастков, котлованы, заполненные отрядами строительных механизмов, карьерные ямы...— верный признак того, что вагон подходил к Гагарину. Очертив дугу поворота, нить монорельса втянулась в тоннель, побежала вдоль темных скалистых откосов и внезапно вынеслась на зеленую линию городского проспекта, плотно сжатого с обеих сторон кристаллами высотных зданий и утонувшими среди них куполами и ангарного типа полуцилиндрами старых построек. Единственное в Гагарине грибообразное сооружение — отель «Денеб».

Номер Валентины выглядел необитаемым. Пусто... Но это был ее номер: в воздухе чувствовался запах жасмина. Возле дивана он подобрал помятый и еще влажный от слез платок. Сел и, сжав в кулаке этот пропитанный горем комочек, оцепенело задумался. Стены спальни были густо оклеены пленочно-тонкими, как почтовые марки, полосками дистанционных радиоиндикаторов на жидких кристаллах — неяркая радуга мерцающих цифр. Лиловые — календарь. Розовые — часы, минуты, секунды. Красные — показатели температуры, голубые — давления, синие — влажности... и так далее. Пленочными «радиомарками» обычно оклеивают свои куртки егеря, лесники, геологи, агрономы... словом, люди полевых профессий. Он вспомнил, как во время прошлого отпуска, когда они втроем готовились к поездке на Соловецкие острова, Лилия, к ужасу Валентины, сплошь залепила радиоиндикаторами всю их одежду... Блуждая взглядом по стенам, он был уверен, что здесь невозможно было ей об этом не вспомнить. Задохнувшись, поднялся рывком. Посмотрел на часы. Нетрудно было сообразить, где искать Валентину. До отхода сектейнера на первый вечерний лихтер остается десять минут...

Уступая дорогу, люди шарахались в стороны. Благо в разудалой космодесантской среде эта дикая спешка никого не смущала — навидались тут всякого. Многие узнавали его, вслед неслись приветствия, шутки и возгласы

тина: «Ну дает форсаж альбатрос!» Вероятно, узнали его и на вахте грузоперевалочного сектора, потому что, когда он, едва ли не кубарем скатившись по эскалатору нижнего уровня, с ходу перемахнул в контейнерный зал через блестящие перекладины ограждения и помчался вдоль штабелей, никто не сделал попытки его задержать. А пусть бы попробовали... Пригибаясь, чтобы не врезаться головой в манипуляторы электропогрузчиков, свернул к перрону и, заприметив светосигнал отправления, мигом вскочил на платформу порожняка, вцепился в крепежный бандаж. Успел! Рывок был страшный; бандаж самортизировал, но все равно он почувствовал резкую боль в левой ладони. Абсолютно темный тоннель: оглушительный грохот, вой пронизывающего до костей ледяного ветра, уколы песчинок в лицо, лязг и скрежет, и нечем дышать. Зато быстрее пассажирского пневмотранса. Ударно-резкое торможение — снова острая боль в руке. Свет, перрон, штабеля космодромной грузоперевалки. С трудом разжал окоченевшие пальцы, спрыгнул. Открытый рот и выпученные глаза вахтера. Кабина лифта, эскалаторы вокзальных ярусов, галерея номер тринадцать. Перрон. Полосатый, как зебра, сектейнер, оранжевые сигналы минутной готовности к выходу в шлюз — оба люка еще открыты...

У заднего люка налетел на кого-то, встретил внимательный взгляд диспетчера. Диспетчер кивнул и сказал: «Да, она там... Могу задержать выход в шлюз на пятнадцать секунд». Пятнадцать... Достаточно, чтобы заскочить внутрь сектейнера и увидеть ее расширенные глаза...

Он вынул платок, промокнул окровавленную ладонь: «Спасибо, не надо». Постоял, провожая взглядом медленно уходящий сектейнер. Круглые створки первых ворот шлюзования распахнулись. За вторыми — космодромное поле... И вдруг — мучительно ясная и нестерпимо жестокая мысль: дурацким своим милосердием минуту назад он убил, поломал, изуродовал все, что связывало его с Валентиной. Вместо того чтобы крепко взять ее за руку, удержать!..

Круглые створки сомкнулись. Он выпускал ее. Выпускал на равнину Моря Спокойствия...

Сдержав стон, Андрей шевельнул головой — эластичный шлем съехал набок. Нет, это было не отчаяние. Гораздо проще и хуже. С отчаянием он как-то сразу

и довольно решительно справился — без особых раздумий и сантиментов грубо подмял под себя, чтобы можно было нормально... если не жить, то хотя бы работать. Слишком много зависело от качества его работы — жизнь сотен людей. Но бывали моменты (вот как сейчас), когда казалось, будто игра идет только в одни ворота: слабость одолевает силу. Мозг жгло обидой. На нее, на себя... Где-то рядом блуждает одинокий, тоненький и до леденящего ужаса беззащитный голосок дочери: «Огуречик, огуречик, не ходи на тот конечик. Там мышка живет, тебе хвостик отгрызет...» Андрей почувствовал, как немеет лицо.

Со стороны изголовья:

— Извините, Тобольский... вас что-нибудь беспокоит?

— Нет,— резко ответил Андрей. До него не сразу дошло, что это голос не автомата.— А в чем дело?

— Сущие пустяки, Андрей Васильевич,— сущие...— проворковало изголовье голосом медиколога.— Меня позабавила аритмия вашего пульса. Впрочем... Вот теперь почти норма. Никаких претензий к вам не имею. Вы, кажется, что-то хотели сказать?

— Да. Вы не однажды нас уверяли, что сонотрон — это не столько безвредно, сколько полезно и даже приятно. Вчера мне в голову пришла фантазия проверить ваши рекомендации.

— Так. Ну и что же?

— А то, что сегодня, Альбертас Казевич, я ощутил интерес вашего сектора к моей вполне заурядной в медицинском плане особе. Ощутил с понятным недоумением.

— Рассеивать недоумения — моя святая и приятная обязанность. Сонотрон ни при чем, виноват ваш предстоящий отъезд. Когда вернетесь обратно, вам снова придется, увы, потерять на меня до получаса личного времени. Удовлетворены ответом?

— Пожалуй... да.

— Могу быть чем-то полезен еще?

— Пожалуй, нет.

— Всего вам доброго. Будьте здоровы!

Андрей сорвал с себя медицинскую амуницию. Накинул на плечи свой старый боксерский халат.

В холле было светлее, чем в спальне: снежно-лунный ландшафт за пределами грота был здесь раза в два шире.

Андрей отодвинул на край стола документы, открыл коробку портативного фотоблинкстера — над зеркалом отражателя пошли, сменяя друг друга, стоп-кадры стереоизображений Лилии. Вот она в белой шубке — обнимает пушистую лайку. Вот на санках: головой в сугроб!.. На празднике проводов русской зимы: счастливая, розовощекая, еле держит обеими руками расписной деревянный ковш в виде жар-птицы — приз за смелость (вместе с мальчишками старшего возраста брала приступом снежную крепость под ужасающий грохот шутих). Валентина боялась, и ему пришлось ее успокаивать, а она не спускала с дочери напряженного взгляда и была такая красивая, что он заново в нее влюбился — четкий профиль, румянец, поджатые от волнения губы, узел темных волос на затылке...

* * *

Сверкнула зарница телевизита. Андрей поднял бровь. В холле стоял блондин в полетной форме координатора: желтые брюки, черный свитер, серебристая эмблема — зигзаг импульса на фоне стилизованного цветка магнолии. Узнав Копаева, Андрей отвернулся. Машинально переключил фотоблинкстер — возникло изображение дочери, сдувающей пух с одуванчика. Он вспомнил, как летел пух и какое это было для нее открытие, захлопнул коробку прибора, сунул в дорожный портфель. Туда же сунул мандат, выданный ему экспертным отделом УОКСа, сложил документы. В сторону Копаева он не смотрел. Когда на столе ничего не осталось, щелкнул замком, отбросил портфель на толстый мшистый ковер. На сегодня с этим покончено. Слегка размяться, позавтракать — и в бассейн...

Снимая халат на ходу, прошел мимо Копаева (долготерпение визитера выглядело навязчивым), оглянулся. Визитер поднял руку, задумчиво почесал бронзовое от загара ухо. Мгновение Андрей колебался, но именно в это мгновение Копаев исчез. «Вот и ладно»,— подумал Андрей, отодвигая дверь бытового отсека. Неделю назад этот бронзовоухий блондин отравил ему радость спортивной победы. В бытотсеке горьковато-терпко пахло сосновым экстрактом, издалека доносилось по трубам биение пульса

гидрораспределительного узла. Бросив халат в лючок освежителя, Андрей натянул боевые перчатки и вызвал манекена боксерского тренажера на позицию спарринга.

Ложный выпад, удар и маневр. Слишком близко, не прозевать бы ответ манекена... Защитный финт, нырок под перчатку. Удар!.. Нет, не достал — реакция у машины отменная. Обмен ударами. Серия. Форсинг!!! Прямой в корпус! Ну вот и отлично!.. В последнее время он делал успехи, и никто не мог понять почему. А ведь это из-за нее... Он выходил на ринг с таким чувством, словно она была среди зрителей, и проводил бой так жестко и агрессивно, будто хотел этим что-то ей доказать. И особенно агрессивно, если вспоминал те два дня прошлогоднего зимнего отдыха под Уссурийском.

* * *

Ей было там все не по вкусу. В первый день она сидела в кресле-качалке на открытой веранде дома турбазы, укутанная в меховой плед, с непонятной печалью разглядывая заснеженные деревья; второй день был не лучше. Он не знал, как себя с ней держать, и ему захотелось уйти на лыжах куда-нибудь одному. В конце концов он так и сделал. По лыжне вдоль дороги в лесу за турбазой, мимо егерского кордона, через поляну с заметенными снегом стожками сена и дальше к речке. Сперва он услышал на берегу лай собаки, потом увидел юношу в большой не по росту егерской куртке, а у берега — тонущего в полынье оленя. Юноша (почти еще мальчик, но уже со светлым пушком на подбородке) бестолково пытался вывернуть из-под снега тяжелый сук. «Помогите! — в полном отчаянии, задыхаясь, выкрикнул бородатый мальчик.— Не поможете — Лехе крышка!..» Этого не надо было объяснять. И без того было видно, что Лехе крышка: животное из последних сил бултыхалось среди осколков льда в черной воде, судорожно вскидывая ветвисторогую голову. Он сбросил лыжи и постоял, оценивая ситуацию. Ничего полезного под рукой. Лед хрупкий и тонкий, как оконное стекло, не подползешь... Он снял свитер: «Подержи»,— сунул в руки ошеломленного паренька, разулся и кинулся напролом в ледяную кашу. Вода обожгла огнем.

Небольшой пятнистый олень был красив, но дела его

были плохи: на шее рана, перелом задней ноги. Зверь лежал на снегу и не пытался подняться. «Что делать? Ведь пропадет! Ну что я теперь буду делать?..» — панически причитал паренек. «Прекрати,— сказал он, обуваясь.— Волосы отрастил на лице, а что делать — не знаешь. Это кто твоего Леху на лед загнал?» — «Росомаха».— «А собака куда подевалась?» — «Звать отца побежала».— «Отец где?» — «Ушел на Оленью сопку».— «Далеко отсюда?» — «Километра два... На вас вся одежда обледенела. Возьмите куртку».— «Возьму. Твое имя?» — «Валентин».— «А имя отца?» — «Николай».— «Очень приятно... Надень мой свитер, Валентин Николаевич, и дуй на кордон. Лети стрелой. Эленарты на кордоне есть?» — «Есть! С прицепом!» — «Дай вызов ветеринару, прихвати для рогатого друга теплое одеяло и мигом обратно». Валентин ловко вбил сапоги в эластичные боты подростковых пневмолыж, пропал в снежном вихре. Он посмотрел ему вслед, взвалил оленя на плечи: «Спокойно, Леха, спокойно!» — и, неуверенно переставляя задубевшие ноги, тоже подался на косогор.

Валентин не подвел — две трети пути до кордона ехали на грузовом снегоходе. Прибывший на санитарном «блине» ветеринар — маленькая розовощекая женщина по имени-отчеству Валентина Николаевна (мир тесен!) — осмотрела Леху, нахмурилась и сказала, что гарантирует «больному» жизнь «только в стационаре». Он не видел, как увозили «больного», потому что в этот момент парился в сказочно-замечательной баньке, которую спроворил для него подоспевший егерь, отец Валентина (кстати, звали его Николай Валентинович). Они подружились. И какое-то время спустя — уже на Луне, в своем секторе,— он получил от Валентина и Николая радиограмму: «Леха выжил, поправился, шлет привет, благодарность спасителю, с удовольствием присоединяемся, обнимаем»,— а поскольку радиограмма была без пометки «Лично», расторопная администрация сектора возбудила ходатайство о награждении Андрея Тобольского медалью «За спасение человека», и ему пришлось объясняться... Но это потом. А тогда, после баньки, он вернулся к жене и застал ее в ультрамеланхолическом настроении. С вымученной улыбкой она вдруг сказала: «Подруги тобой восхищаются и, я уверена, завидуют мне. Но они ведь не знают, что,

кроме всего, ты еще очень обыкновенный... Ну почему ты такой обыкновенный?.. Может быть, таким тебя делает твоя работа?» Гм, работа... Ну что работа? Замечательная работа. Не хуже любой другой.

В то время странные выпады Валентины не задевали его. Престижный уровень его профессии — один из самых высоких после суперпрестижной профессии космодесантника, и здесь было не о чем говорить. Он решил, что она необдуманно повторила чьи-то чужие слова, удивился, но не подал виду и вскоре про это забыл. И никогда бы не вспомнил, если бы... Н-да... А вспомнил, к несчастью для своих соперников по боксу, в самом начале здешнего чемпионата и три боя подряд выиграл нокаутами. Остальное зависело от финальной встречи с Копаевым (этого парня подбросили им из резерва вместо ушедшего в отставку координатора). Зная манеру Копаева быстро передвигаться и наносить прямые жесткие удары на дистанции, он задумал достать соперника в ближнем бою. Предчувствовал, как это будет. Первый раунд — разведка, второй — уход в защиту с редкими контратаками, начало третьего — сближение, форсинг, переходящий в ошеломительный спурт, выбор момента для ложного выпада левой и правой в корпус — коротко, точно. Задумано было неплохо, но ближнего боя не получилось. Получился балет. Публика потешалась. Они кружили по рингу как танцевальная пара: Копаев обманчиво маневрировал, скользя ужом, играя перчатками, пятясь, легко уходил от инфайтинга, жестких ударов не наносил вообще, а он, сбитый с толку необычными для бокса телодвижениями соперника, никак не мог сосредоточиться на атаке, и слишком поздно дошло до него, что Копаев просто валял дурака. Жаль, что дошло за пять секунд до финального гонга. А когда вручили пояс с чемпионской пряжкой, хотел отказаться, но уловил настроение окружающих и не стал его портить. Настроение было веселое.

Андрей покончил с бритьем и, выйдя из душевой, так лихо свистнул, что гардеробная перепонка распахнулась во всю длину с треском развернувшегося парашюта. Он натянул синие брюки, вскрыл свежий пакет с белыми свитерами. На груди поблескивала золотая эмблема — цветок стилизованной лилии и парящий над ней альбат-

рос. Постоял перед зеркалом, вызвал на связь диетолога, распорядился доставить завтрак в каюту. Взглянул на часы. Торопиться некуда — до старта люггера больше трех с половиной часов. Возник соблазн: выйти на лыжную горку «поймать ветерок». Нет, Грижас не даст. Поднимет скандал и не даст. Даже пройтись по лыжне не позволит, хотя там ее пропахали настолько, что ездить противно. Вчера не позволил. «Сделайте милость, Андрей Васильевич, разрешите своему организму стабилизироваться после рабочей нагрузки. На двое суток я за́прещаю вам все виды силовых разминок. Бассейн и только бассейн. Но и в воде без всяких спортивных фокусов». Ладно, бассейн. Тоже неплохо. А что касается «фокусов» — это Грижас как-нибудь переварит, ему не впервой.

Андрей рассовал бытпринадлежности в гнезда фиксаторов, вышел.

ОРЛЫ МУХ НЕ ЛОВЯТ

Пока он отсутствовал, автоматы-уборщики сделали свое дело: искусственный мох был промыт и аккуратно причесан, свежо и опрятно пахло геранью. Из спального отделения исчезло белье. Рабочие стол и кресло тоже исчезли — в холле, кроме портфеля, ничего не было. Портфель не значился в программном регистре уборщиков.

— Тринадцать-девять,— произнес Андрей формулу обращения для автомата-бытопроизводителя.— Завтрак.

Метровый участок ковра вспучился, неприятно зашевелился (словно там задергалось что-то живое), мох сошел пухлыми складками и, пропустив наружу матово-белую полусферу, снова сомкнулся вокруг ножки подъемника.

— Кресло,— добавил Андрей.

Ковер повторил неприятное шевеление. Усевшись, Андрей ощутил последнюю судорогу кресла, подумал: «Гармония между вещами и человеками». Ударом пальца о край полусферы заставил ее распахнуться: раскрылась подобно бутону нимфеи. Приятный сюрприз: в хрустальном вазоне живая ветка расконсервированного багульника. Не успел он наполнить бокал кумысом — тишину под сводами грота разогнали прозрачные, как весенняя ка-

пель, звуки клавира Гайдна. Завтрак был сервирован хрусталем алмазной огранки. Давно бы так. Металл надоел... О, салат из омаров!

— Тринадцать-девять, будь любезен... окно.

(Хрусталь, омары и Гайдн располагали к некоторому изяществу манер.)

Лунный блеск таежной поляны угас — за пределами грота распахнулась звездно-черная пропасть.

В стекловидных толщах диковинно вогнутых деталей интерьера каюты потекли ручьи рубиново-красных огней (в спальне — медово-оранжевые). Будто сидишь в огненной полости раскаленного до свечения кварцевого массива. И будто бы свежесть воздуха объясняется тем, что открытая в звездную бесконечность сторона этой полости пропускает сюда космический холод.

Под прямым углом к траектории орбитального радиус-хода ничего, кроме звезд, не было видно. Андрей пил кумыс и смотрел, как драгоценный ковш Большой Медведицы медленно заваливался кверху дном. Ось этого медлительного, малозаметного для глаза переворота проходила через крайнюю звезду ковша — Дубхе (сегодня, как и вчера, она держалась у левого среза окна-экрана). Парадокс профессии космонавта: чаще всего имеешь дело как раз с неподвижными звездами. Во время крейсерского хода практически полная неподвижность звездной сферокартины утомляет молодых пилотов-стажеров больше, чем все остальное,— шестичасовое однообразие крейсерских вахт они пытаются скрасить разными способами. Он старался не вмешиваться. Сами должны усвоить: любые способы бесполезны. Кроме одного: ни на минуту не терять ощущение скорости. Но для этого надо родиться пилотом.

Лично ему повезло окунуться в романтику летного дела в достаточно раннем возрасте, когда все воспринимается свежо и остро. Замечательное было время. И место. Под названием Еланья Гарь.

* * *

Индекс таежной базы Службы Леса он до сих пор помнил: АДО-15-ЗАТОН. Олег Потапов, один из пилотов-барражировщиков десантного отряда лесной противо-

пожарной охраны, любил давать этому индексу разные шутейные толкования и в первые дни их знакомства выдал такое: «Андрей — Длинноногий Оболтус пятнадцати лет. Зануде Андрею Тобольскому Оттяпали его любознательный Нос». Он не обиделся. Всерьез оболтусом никто его не считал, занудой — тоже, ростом и комплекцией он был с Олега, а то, что Олег прибавил к его возрасту лишний год ему льстило. На самом же деле индекс АДО-15-ЗАТОН означал: пятнадцатый авиадесантный отряд, Западно-Ангарский территориальный округ наблюдения. База отряда располагалась севернее зверофермы. Высокий берег быстрой речки Каменки (в солнечную погоду над водой выпрыгивали хариусы), высокое, похожее на островерхое яйцо, сине-белое здание главного корпуса базы, белые домики, овал турбодрома, ангары, авиатехника на стоянках, а над верхушками сосен — чаша антенны связи со спутниками серии «Тайга». Отец, наведываясь в Еланью Гарь, брал сына с собой и был рад, что его Андрей проявил любопытство к охране лесного хозяйства (ведь чем-то надо было заинтересовать подростка, который, после драматического умертвления Рубина, упорно сторонился зверофермы). Летом отцу было не до Еланьей Гари, и сын зачастил на базу самостоятельно. Увлекли его не Служба Леса и не охрана лесного хозяйства сама по себе, а турболеты десантников. К маломощным «ласточкам» лесников и «сенильгам» биологов особой тяги он не испытывал. Его воображением целиком овладели мощные огненно-красные «медведи» десантников ЛППО с выдвинутыми вперед блистерами кабин и четырьмя навесными бомбоцистернами. Раньше он видел такие машины только в небе — за характерную форму местные жители называли их «контрабасами» — и теперь был счастлив, когда его брали в патрульный полет. А его брали. И часто. На высотных авиалайнерах ему уже доводилось летать, но это было неинтересно — просто летающий фильмотеатр (вошел в Братске, посмотрел фильм, вышел в Крыму — чего особенного?). Другое дело на турболетах. Он задохнулся от неожиданности и восторга, когда впервые увидел на крутом вираже, как ухнул вниз горизонт, справа разверзлась голубая небесная пропасть, а слева вдруг поднялся стеной и громоздко стал поворачиваться неоглядный, пухлый, весь в зеленоворсистых

буграх и складках величественный ковер тайги, потом быстрее, быстрее — и понеслись мимо с невероятным наклоном белые домики, сине-белый пузырь главного корпуса, поляны с малинником Еланьей Гари, блеснула солнечным отражением излучина Каменки... Набрав высоту, Олег довернул машину по курсу, улыбнулся весело (нос пуговкой, глаза хитро сощурены, брови белесые), зафиксировал правую рукоятку управления и со словами: «Ну, как оно, елки-горелки?» — потрепал его по темени шлема и указал в ту сторону, где можно было разглядеть поселок зверофермы. «Нормально»,— ответил он сдержанно, хотя внутри у него все звенело, смеялось и пело в едином хоре со свистом моторов и гулом обтекающего блистер кабины воздуха. С той минуты, когда на него натянули комбинезон из огнеупорной ткани (блестящий и скользкий, как ртуть, с эмблемой «медвежья голова» на рукаве), надели шлем и усадили в кресло второго пилота, он почувствовал себя взрослым мужчиной и уже не собирался сдавать завоеванные в мире взрослых позиции. «А что же ты, парень, притих и не просишь у меня поводить турболет?» Он недоверчиво посмотрел па Олега: «А можно?» Потапов хмыкнул: «Нельзя, конечно, «медведь» не учебная спарка. Вот что... в полете я позволяю тебе легонько держаться за рукоятки дубль-управления, привыкай. Пусть будет так, как будто я инструктор, а ты стажер на провозных полетах. Уловил?» — «Да, командир»,— ответил он сдавленным от волнения голосом, продвинул руки в перчатках дальше по желобам подлокотников и с трепетом ощутил, как под пальцами задышали диффузоры и гашетки рукояток дубль-управления... «Бери плотнее. Ты должен чувствовать все, что я делаю, и сопоставлять это с динамикой инерционных сил на маневре и поведением машины. На приборы поглядывай. Кстати... практикантка-микробиолог Ольга Тобольская твоя сестра?» — «Двоюродная. А что?» — «Кузина, значит... Нет, ничего. Внимание, стажер: наш район барражирования. Выходим на горизонтальную «пилу» патрульного наблюдения в своем квадрате. Добираем высоту... Как называется? Верно, в летной парактике это горка. Уловил, куда утонули гашетки? Молодец. Делаем доворот на тридцать градусов. Уловил? Превосходно. Вот так у нас с тобой и пойдет».

Так у них и пошло. Лето выдалось жаркое, сухое и напряженное, полетов было много. Из соседнего округа поступали тревожные радиосводки. «Этот участок тоже как пороховой погреб,— бормотал Олег на «пиле», оглядывая с высоты лесные массивы.— Чиркни молния — лес полыхнет, елки-горелки, ахнуть не успеешь...» Занятый наблюдениями, пилот все чаще доверял стажеру в парном полете самостоятельно «тянуть пилу». Он «тянул» и все реже слышал от командира: «Ты мне, фокусник, на малых углах доворота крен не закладывай!» или «Устрани тангаж, авиагоризонт у тебя перед носом». В воздухе он за месяц освоил технику барражировочного пилотирования и страшно жалел, что нет у него наземного тренажера. В качестве тренажера иногда он, правда, использовал турболет на стоянке (если ему удавалось украдкой забраться в кабину под солнцезащитным чехлом), но ведь там никаких учебных средств не было, кроме «Руководства по эксплуатации турболетов» и собственного воображения. За рукоятками управления фантазия уносила его в стратосферу, где начиналась дорога к звездам... В конце концов он дошел до того, что стал обдумывать и выполнять фигуры высшего пилотажа во сне. Однажды, застав его в кабине «тренажера», Олег пристально на него посмотрел и сказал: «Ты, парень, это мне брось. Ну-ка, марш по малинникам бегать, купаться, хариусов ловить!» Ага, по малинникам... В прошлый раз ягод набрал, так Олег всю малину Ольге отнес, а она с подругой целую банку слопала и жаловалась потом, что у нее от малины голова болит. И чего командир в ней, в задаваке этой, нашел?!

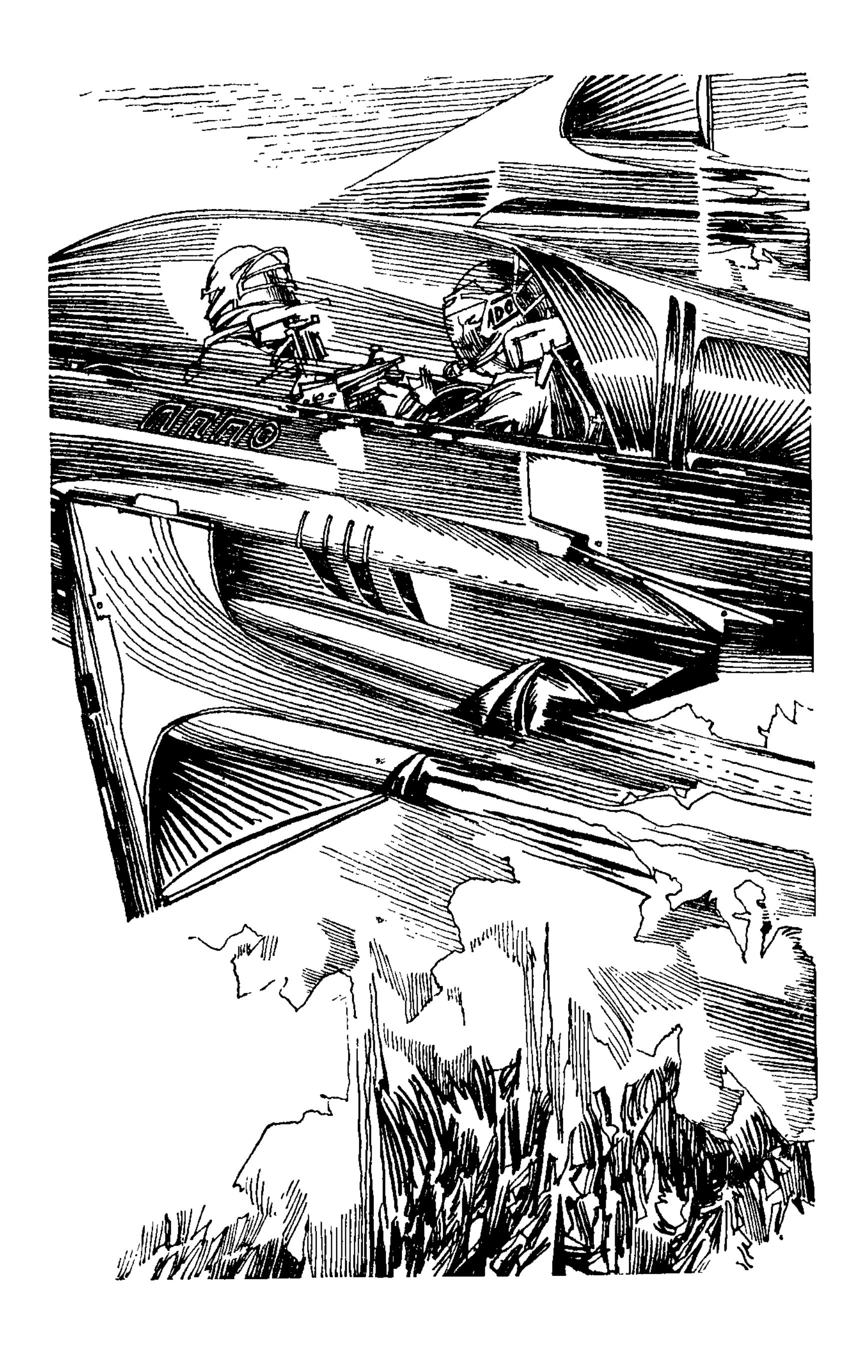
Многое прояснил случайно услышанный разговор двух десантников. Парень по имени Аркаша (юркий такой, гибкий, с усиками) говорил про Олега другому по имени Гоша (негибкий как бочонок): «Зря он Ольгу на прицел берет. С его-то пуговичным носом!.. Вчера танцую с ней в баре, так он меня в сторонку оттер и с притворным сочувствием спрашивает: «К чему бы это, Аркаша, твою фамилию на табло приказов высветили?» Пока я бегал на табло смотреть, он ее провожать увязался... Не знаю, как быть. Делать предложение сразу — опасно. Илья не советует: «Трем,— говорит,— она уже отказала, и в тебя по инерции тыквой запустит». А ты мне, друг Гоша, что

посоветуешь?» Друг Гоша неопределенно хрюкнул, а Аркаша куда-то заторопился. Нет, после такого свидетельства загадочной популярности кузины в Еланьей Гари бездеятельно наблюдать, как мается командир, было уже невозможно. Он проник в главный корпус, разыскал Ольгу в секторе микробиологов и вежливо попросил ее выйти замуж за Олега Потапова (на таком уровне вежливости он с ней еще не общался). Ее «соболиные» (по выражению механика Феди) брови взлетели кверху, и она очень ласково осведомилась: «Тебе головку на солнышке не напекло?» — «Не напекло. Он тебя любит».— «Он что... сватом тебя прислал?» — «Я сам пришел».— «Покатал он, значит, тебя на своем «контрабасе», ты и растаял. Моя ты лапочка!..» — «Ничего я не растаял. Знала бы ты, какой человек Олег Потапов!..» — «Какой?» — «Ну такой... надежный, прочный».— «На разрыв? Сжатие? Скручивание?» — «Ты не крути. Сказала бы прямо: согласна выйти замуж за Потапова или нет».— «Представь себе, нет. Даже за Потапова».— «Задавака ты, Олька... Ну и ладно, и пересчитывай своих микробов в пробирке. Олег запросто себе другую жену найдет». Зеленые ее глаза от злости еще больше позеленели. Ушел он ни с чем. А назавтра Олег вдруг улетел на патрулирование один. Бывший стажер все понял, поплелся на речку и долго сидел на камнях, разглядывая в воде белесое небо. В полдень, сдав смену, пришел Олег, молча сел рядом и стал бросать камешки в воду. Потом сказал: «Зря ты, парень, это затеял. Мы с Олей сами как-нибудь разберемся что к чему. Помощники здесь неуместны... И не задавака она. Красивая, умная, гордая девушка. Добрая, славная... Понял?» — «Понял. Добрая... Всегда норовила меня крапивой стегануть».— «Ну что ж... крапиву мы с тобой заслужили, елки-горелки... Ладно, стажер, выравнивай крен. Купаться, обедать и отдыхать! В пятнадцать тридцать — предстартовая экипировка».

Ровно в шестнадцать ноль-ноль снялись с точки и по рекомендации синоптиков взяли северо-западное направление. Сначала видимость была превосходная — как говорят авиаторы: в небе два солнца. Потом появилась двухслойная низкая облачность. Он вел турболет под кромкой верхнего слоя, то и дело задевая блистером сизые клочья пара, а внизу проносились небольшие свинцово-

серые облака. Машину потряхивало. Когда нижние облака стали крупнее и гуще, Олег пробормотал: «Сложнячок!..» — взял управление на себя, включил экран с автокартой синхронно-маршрутного сопровождения. «Стажер, глядеть в оба!» Стажер глядел в оба и правее по курсу первый заметил между двумя облачными слоями как бы выступ третьего слоя — пелену белесого марева. Олег бросил машину в разрыв облаков, на вираже обогнул мутную стену дождя. На дне полукилометровой пропасти расстилалась помрачневшая тайга, а впереди поднимался к облакам хорошо заметный в этом царстве темно-зеленых, синеватых и свинцово-серых красок широкий белесый столб дыма. «Очаг, командир!» — взволнованно выкрикнул он. Олег не ответил. Они обошли очаг по эллипсу на малой высоте и видели сквозь клубы дыма багровые пятна. Тускло блеснула задымленная лента речушки. Снизившись над водой, они обогнули пылающий берег — оттуда летели в воду горящие сучья. «Все ясно, стажер. Будем блокировать главное направление огня и юго-западный контур». Он не успел вникнуть в слова командира — перегрузка вжала его в амортизаторы кресла. Стремительный набор высоты, боевой заход прямо с дуги разворота, прицельное пикирование, сброс бомбоцистерны (машину дернуло), великолепный маневр ухода перед стеной дыма в косую петлю... Турболет выровнялся. «Ну как, стажер?» — «Класс, командир!» — «Ты вниз посмотри, вниз!» Он посмотрел. Там, куда улетела оперенная стабилизаторами бомбоцистерна, распухал гигантский белоснежный спрут — вытягивал бугристо-белые щупальца в направлении удара, а из каждого щупальца веером рассыпались по сторонам и взрывались фейерверочно-пышными хризантемами клочья белопенной массы, и все это шевелилось и пучилось... Еще две атаки — и новые два «спрута», порожденные взрывом кассетных пенозарядов, накрыли большой участок пожарища. Последнюю бомбоцистерну Олег послал в центр очага (дыму сразу стало меньше), покружил для видеосъемки, поднял машину над облаками.

Внизу ослепительно белела под солнцем обширная облачная равнина, далеко на востоке были видны похожие на холмы кучево-дождевые облака уходящей грозы. Олег вызвал базу, передал координаты очага и видеозапись



результатов бомбометания. База поблагодарила экипаж «семерки» за оперативность и сообщила, что отправляет в район очага дежурную эскадрилью «медведей» с группой десантников. «Ну вот, стажер, десант после нас прихлопнет остатки, и дело с концом. Ощущаешь, насколько легче стала наша «семерка»? То-то!.. Бомбогруз — половина полетного веса. А теперь хоть фигуры высшего пилотажа выписывай. На петлю выйти не сдрейфил бы?» — «На прямую Нестерова? Разрешение будет — выйду».— «Значит, дело только за разрешением?! — Олег смеялся.— Имя-отчество Нестерова вспомнишь — так и быть, разрешу».— «Чего вспоминать, я и не забывал. Петр Николаевич его звали».— «Надо же!.. Ну, валяй, пробуй».— «Какие будут инструкции, командир?» — спросил он, чтобы выиграть минуту, подавить внезапный наплыв волнения. «По инструкции мертвую петлю не сделаешь,— сказал Олег.— Наверху не попади в режим сваливания, а внизу не провались в облака — вот и вся инструкция.— В шутку добавил: — А если провалишься — больше полутора тысяч метров просадки не допускай, потому что это будет уже посадка. Понял?» — «Да, командир»,— серьезно ответил он и, покосившись на авиагоризонт, заставил машину круто взмыть по дуге... Петля получилась (ни сваливания, ни просадки). Олег словно бы не поверил: «Ну-ка, ну-ка, еще раз! Петля, выход на горку и на прямую через переворот». Он удачно сделал и это. «Обалдеть...» — проговорил Олег и всю дорогу до базы насвистывал. А во время переодевания в экипировочной вдруг сказал: «Комплекс высшего пилотажа выполняют в конце второго года специального обучения. Ты у нас феномен... Тебе, парень, прямая дорога на космофлот. Там таких обожают. Ишь, глаза заблестели!.. Хочется?!» — «Еще бы! Только ничего, наверное, из этого не выйдет...» — «Вот те раз!.. Откуда сомнения?» — «Пока я вырасту и выучусь, там вместо пилотов одна автоматика будет».— «Кто сказал?» — «Я где-то читал».— «А... Ну, писать об этом начали еще до того, как Юрий Гагарин над планетой поднялся. Уловил?» — «Да».— «Тут сомневаться можно только в самом себе. Не каждому хватит смелости надолго уйти в Дальнее Внеземелье. Мне, к примеру, там было бы... неуютно. В корабле месяцами... как в железной бочке. Окна и те ненастоящие. Звездно-черная жуть без

конца и без края, искорки ненормально далеких миров, до которых ни на каких кораблях и в сто лет не добраться, и ты это лучше всех понимаешь... Мне ветер нужен, а не сквозняк вентиляции. Дождь, а не душ. Светлое небо, деревья, трава... Ну как, не отпала охота идти в межпланетку?» — «Нет, командир».— «Ладно. Считай, этого разговора не было. А с межпланеткой я тебе помогу».

Обещание командира он пропустил мимо ушей почти без задержки. Через три года он, безусловно, сам поступит в Иркутскую межпланетку — летно-инженерный вуз космонавтики, и странно думать, что здесь могла бы понадобиться помощь со стороны. Но уже в середине августа на турбодроме нежданно-негаданно приземлилась машина ошеломительной красоты. Поглазеть на остроносое синевато-глянцевое диво сбежалось все население базы. Это был космодесантный катер «Буран» (сами космодесантники, впрочем, называют свои катера драккарами), новое изделие Красноярского комбината космической техники. Потрясенный, он не мог оторвать взгляда от драккара. Было в «Буране» этакое благородство осанки голубя-сизаря, помноженное на стремительность линий стратосферного гиперзвуковика. Пилот «Бурана» (уже без гермошлема, но еще в высотном костюме), улыбаясь, о чем-то разговаривал с Олегом. Олег увидел своего стажера, сделал знак подойти, а он не сразу понял, что это ему, и стоял столбом, пока зрители не расступились перед ним двумя шеренгами. «Знакомься: Борис Аркадьевич Фролов — пилот-инструктор Иркутского вуза космонавтики». Фролов — кряжистый человек с круглым лицом (массивный раздвоенный подбородок, рыжеватые брови, массивные веки, прищур которых не мог скрыть колючего взгляда рысьих глаз) — пожал ему руку и вежливо спросил: «Хотите, юноша, осмотреть кабину?» Еще спрашивает! «Мне там ничего не трогать?» — «Сколько угодно. Трогать, знакомиться, включать любые системы... все можно. Вот только сниматься с точки нельзя — без меня не получится».

По просьбе Олега, направленной ректорату Иркутского вуза космонавтики, Фролов прибыл сюда на «Буране» со сказочным, но вполне конкретным заданием: «Обеспечить пятидневную программу провозных полетов для

спецабитуриента А. В. Тобольского. Отчет представить по форме СА-МГ». И уже на следующий день спецабитуриент был упакован в высотный костюм и в состоянии некоторой ошалелости препровожден в кабину драккара... Накануне Фролов беседовал с ним — рассказывал о свойствах новой машины, об особенностях пилотирования, а у него перед стартом все это словно бы вылетело из головы. В голове ничего, кроме напутствий, которые взволнованный Олег нашептывал ему в экипировочной. «Фролов даже мне не сказал, какая программа у вас на сегодня. Тебе говорил?» — «Нет, командир».— «Темнит... Ну что он может придумать? Ну поднимется километра на три и погоняет тебя по «коробочке» вокруг базы. Ерунда. Завтра, конечно, придумает что-нибудь посложнее. Ты не робей. Принцип пилотирования почти тот же. Одно плохо: с реверс-моторами ты незнаком... Ладно, Фролов подскажет. Инструктор он — каких поискать... Кстати, Фролова в полете будешь называть Второй, а он тебя — Первый. Просторного неба, Первый, сверхзвуковых скоростей и успеха!..»

В ста километрах севернее базы команда Бориса Аркадьевича: «Первый, закрыть гермошлем, проверить кислородную маску». Закрыл, проверил, доложил. «Принял. Уходим в свой эшелон». Фролов почти вертикально рванул катер вверх с таким ускорением, что у Первого перехватило дыхание. Уже на сверхзвуке?! Вот это да-а!.. Скорость стремительно возрастала. Горизонт расширился, в потемневшем небе жарко пылал на востоке солнечный диск. Простор необъятный, а тело будто налито свинцом... Перегрузка исчезла внезапно. В шлемофоне деловитый голос Фролова: «Тридцать пять километров — наша рабочая высота. Первый, взять управление на себя, доложить параметры полета». С удивившим его самого спокойствием он взялся за рукоятки, скользнул глазами по индикаторам, выхватил для доклада главное. «Принял, Первый. Начинайте произвольный полет». Этого распоряжения он просто не понял. Покосился на неподвижные руки Фролова и беспризорные рукоятки дубль-управления: «Не понял, Второй. Что мне делать?» — «Все, что хотите.— Лица инструктора не было видно за отблесками на стекле гермошлема.— Вот небо, вот машина, делайте что угодно. Меня здесь как будто нет. Ниже двенадцати

километров не опускайтесь. Потолок — сорок. В скорости не ограничиваю, в маневрах — тоже».

Произвольный полет... Роскошь, которая на «медведе» была ему недоступна. Делай что хочешь!.. А чего ты хочешь? Перво-наперво — взять дозволенный «потолок» разгоном на форсаже. Да? Подождешь... Он одернул себя и попробовал, снизив скорость, поманеврировать реверс-моторами. Плохо... Машина рыскала, кренилась, и не было никакой возможности удержать ее от скольжения. Пока выравнивал — потерял километр высоты. Ну-ка, еще раз!.. На девятой попытке освоить реверс-маневр он коечто понял. На десятой «Буран», вздрагивая и раскачиваясь, позволил ему, наконец, выполнить зависание. Вдохновленный первым успехом, он добрал высоту и попытался выполнить переворот на горке. Однако сделал что-то не так: перегрузка резко возросла и в положении «вверх брюхом» машина попала в режим сваливания. Инстинктивно он на какой-то момент зафиксировал обе гашетки, соображая, как быть. Ничего дельного не придумал и потянул гашетки на себя. «Буран» вздрогнул и самопроизвольно начал вращаться вокруг продольной оси. Этого не хватало!.. Гашетками на себя, от себя, рукоятками вправо, влево — никакого эффекта. Продолжая вращаться, машина все ниже опускала нос, теряла скорость. Голова у него пошла кругом. Он ничего не понимал: машина казалась неуправляемой, инструктор — спящим... Внезапно его осенило: реверс-моторы! Стоило зафиксировать системы горизонтального и вертикального управлений ближе к «нейтралке» и слегка подработать реверс-моторами — «Буран» прекратил вращаться и вошел в режим устойчивого снижения, скорость росла. То, что надо! Ну-ка, опять на себя... Машина легко подчинилась. Он вывел катер в горизонтальный полет, немного расслабился, отдыхая. Потом без труда сделал бочку и, не успев удивиться собственной наглости, лихо выполнил три прямые петли кряду. Подумал, на вираже: «Жаль, нет на такой высоте инверсионных следов»,— бросил машину в штопор, погасил вращение реверс-моторами и от избытка чувств вывел дракар из пикирования на таком крутом развороте, что потемнело в глазах. Горка, спираль, полупетля, косая петля... Он купался в небе, как в море, наращивал силу и скорость воздушных своих «кувырков»

и уже не думал во время маневров — руки действовали сами. В переменном свисте моторов ему слышалась музыка. Замечательная машина! Скоростная, маневренная!.. И вдруг: «Первый, достаточно! Определитесь. Курс — на базу».

После посадки Фролов помог ему освободиться от гермошлема и, царапнув взглядом рысьих глаз, вежливо осведомился: «Желаете, юноша, поступить на учебу в наш вуз?» — «Конечно. Вот закончу школу — и сразу...» — «Ну, три года — это не совсем «сразу»... А если прямо сейчас? К первому сентября?» — «Разве... можно?» — «В общем — нельзя. В специальных случаях — можно». В специальных... Он не верил собственным ушам. И только теперь дошло до него значение этого странного слова — «спецабитуриент»...

Раздеваясь в экипировочной, он услышал характерный свист родной «семерки». «Потапов вернулся»,— пояснил он Фролову. Инструктор молча взглянул на него. Вбежал Олег, снимая шлем на ходу, и прямо с порога: «Ну, как первый полет?» — «Последний,— ответил Фролов.— Хотел тут неделю в вашей Каменке понырять — не вышло». У Потапова вытянулось лицо. Фролов добавил: «Ты прав, его надо брать». Олег просиял: «Ну, Андрюха!.. Я что говорил?! Самородок!» — «Стоп! Ты ему этим голову не забивай. У меня таких самородков в молодежной группе желторотого курса... знаешь сколько?» — «Радоваться должен».— «А я и так радуюсь изо всех сил. И больше всего — перед встречей с родителями каждого самородка».— «Надевай, Боря, свою парадную форму и топай. Ты лицо официальное, тебя бить не станут».— «Спасибо, успокоил. Да, кстати... В полеты больше его не бери. Я запрещаю. Сложно потом переучивать». Фролов перекинул полотенце через плечо, сунул под мышку ласты и, уходя, бросил виновнику этого разговора: «Салют, курсант!» Виновник, несколько ошарашенный происходящим, ляпнул: «Салют, Второй!» Олег с треском расстегнул на себе комбинезон. «Ты вот что, парень... Называй его командиром. Он теперь у тебя командир».— «Я буду называть его Борисом Аркадьевичем».— «Видишь ли, я еще не Отелло, а ты уже не Дездемона. Уловил?»

Вечером того же дня на улице Садовой поселка зверофермы в доме Тобольских царила тихая паника. После

каждой фразы Фролова отец вскакивал с кресла, нервно прохаживался по гостиной и все твердил: «Ты только не волнуйся, Татьяна, последнее слово за нами». Мать сидела неестественно прямо и, не замечая, что любимая ее белая оренбургская шаль соскальзывает на пол, молча переводила напряженный взгляд с отца на Бориса Аркадьевича и обратно. Фролов был великолепен в светлой парадной форме пилота с изображением головы орла на рукаве и эмблемой УОКСа на левой стороне груди (в центре голубого пятиугольника — пятиконечная звезда с золотым солнцем, в лучах которого парил альбатрос). Вложив кассету в приемник демонстратора стереотелевизионной стены, Борис Аркадьевич пил компот и давал пояснения кадрам из жизни Иркутского летно-инженерного вуза. Жизнь прославленного вуза была многогранной. На язвительные реплики отца Фролов отвечал обезоруживающе мягкой улыбкой, поддакивал: «Ну разумеется, судьба сына в ваших руках!» — и продолжал гнуть свое. А если в репликах начинали проскальзывать агрессивные нотки, искусно менял тему. Интересовался в основном проблемами пушного звероводства, обнаруживая при этом редкостную для авиатора эрудированность (недаром битых три часа выпытывал у своего подопечного подробности о занятиях родителей). Не обошлось без конфуза: кивнув на чучело ондатры, Борис Аркадьевич застенчиво признался, что бобров обожает с раннего детства. «Впрочем...— сделал он попытку сманеврировать, заметив отрицательно-сигнальный жест подопечного,— впрочем, я э-э... без очков. Это, кажется, выдра? — И окончательно угробил удобную тему дополнением: — Великолепный экземпляр пушной фауны!» Сигнализацию отец увидел в зеркале — сигнальщику было предложено «погулять в саду, пока беседуют взрослые».

Провожая Фролова к взятому напрокат у начальника базы роскошному элекару, он услышал от Бориса Аркадьевича: «Думаю, все будет в порядке».— «И я так думаю. Я своих родителей знаю...» Фролов посмотрел на него, забросил подаренное отцом чучело ондатры на заднее сиденье, сел за руль. Низ подставки чучела «украшала» ядовито-зеленая надпись: «Знатоку пушной фауны на память». «Это что!..— проговорил Фролов.— В аналогичных обстоятельствах навязали мне как-то в подарок

роботронный буфет-самоход. Куда ни выйду — этот проклятый ящик за мной своим ходом... Решил я его утопить. Столкнул в Ангару — уплыл он. А потом случился у нас пикник на реке, по течению ниже. Вошел я в тайгу сухостоину для костра завалить, и вдруг откуда ни возьмись мой «утопленник»! Ступоходы мхом обросли, ящик — поганками. «Привет,— говорю,— кикимора болотная!» Он голос узнал, обрадовался да как припустит за мной, гремя посудой... Так что я из-за вашего брата в переплеты и посерьезнее сегодняшнего попадал. Я не в претензии, была бы польза. Ну... до встречи в Иркутске?» — «До встречи!» — «Салют, курсант!» — «Салют, Борис Аркадьевич!»

Да, своих родителей он знал, и на расширенном семейно-родственном совете не очень-то волновался. Дядя Степан, брат отца, инженер-генетик, недоумевал: «Ничего не понимаю. В нашем роду, насколько я могу припомнить, авиаторов не было!..» Тетя Аня, жена дяди Степана и сестра матери, специалист по бытовой роботронике, все понимала, кроме одного: «Мне одно неясно: кто позволяет руководству Иркутского вуза эксплуатировать потенциалы детской романтики?» Мать безмолвствовала. Ей, школьной учительнице, все было ясно с самого начала: сын покидает родительский дом... «Не наступайте вы ему на ноги! — кипятилась Ольга.— Пусть идет своей дорогой. Свернуть заставите — он возненавидит здесь все и вся, попомните мое слово. Из любви к авиации он же меня — сестру родную, можно сказать, чуть замуж не выдал за курносого Потапова!» — «Прекрасная была бы партия,— сказал дядя Степан, но тут же съежился под Ольгиным взглядом.— Ну ладно, Оленька, ладно. Ты у нас человек взрослый, самостоятельный».— «А ты, Андрей,— спросил отец,— тоже мнишь себя самостоятельным, взрослым?» — «Нет еще...» — «И сочтешь себя обязанным подчиниться решению семейного совета?» — «Да. Но я не буду обязан считать неправильное решение правильным».— «Где логика?» — «Отец, ты мне рассказывал, что наши предки — тобольские казаки. Помнишь?» — «Да. Ну и что?» — «А то, что казаки с детства учились верховой езде, с малых лет хорошо владели оружием, парусом, веслами».— «Теперь иные времена. Парни твоего возраста прежде всего должны овладевать зна-

ниями».— «Овладевать знаниями меня приглашают в летно-инженерный вуз».— «Не рано ли?..» — «Овладевать знаниями?» — «Я имею в виду: не рано ли ты выбрал профессию?» — «Вспомни свое детство, о котором ты мне рассказывал».— «Ну, знаешь... детская возня с животными — это совсем не то, чем я сейчас занимаюсь как профессионал. А ведь ты — в свои-то четырнадцать лет! — уже пилотируешь турболеты!» — «Отец, а кто тебе говорил, что будущая моя профессия — пилотировать турболеты?» — «Н-не понял...» — «Я буду пилотировать космические корабли!»

Этот день запомнился ему на всю жизнь. «Слышала, Таня, ответ сына?» — спросил отец. «Ответ не мальчика, но мужа...» — сказала мама и вдруг заплакала. Все оцепенели. Раньше никто не видел ее плачущей. Он бросился к ней, обнял, но не мог произнести ни слова — перехватило горло. «Ничего, Андрюша, это я так...— Мама улыбнулась сквозь слезы.— Очень внезапно ты повзрослел. Мы с отцом не успели к этому подготовиться, извини...» — «А не слишком ли, Таня? — Отец поднял бровь.— Мы, давшие ему жизнь, должны перед ним извиняться?..» — «Должны. И за себя, и за всех дающих жизнь, которые судят о жизни как о предмете. А она ведь *явление*, Вася!» Отец так и замер — с поднятой бровью. Мама выпрямилась, машинально поправила белую шаль на плече. «Муж мой любезный... В нашем скворечнике вырос орленок. Мы не поняли этого и предлагаем ему ловить мошек вокруг зверофермы. А он уже в небе».— «Выходит, Танечка, мы и предлагать ему теперь ничего не смеем?» — «Орлы мух не ловят, Вася!»

Как издревле повелось на Руси, благословили родители доброго молодца на дела богатырские. Провожали его так, словно не в Иркутск ему предстояла дорога, а куда-то за тридевять земель. А потом он настолько часто бывал дома (каникулы, праздники, отпуска), что родителям уже не приходило в голову жаловаться на свою родительскую судьбу. Иногда они наведывались к нему в Иркутск. Наведывался и Олег Потапов, но каждый раз бывший стажер с огорчением узнавал, что у Олега и Ольги все по-старому. Три года у них ничего не менялось, и наконец Олег не выдержал — подался на Камчатку пилотом в отряд вулканологов. И вдруг — точно обухом по голо-

ве — сообщение: Олег погиб. Он не поверил. Невозможно было в это поверить. Он обратился в деканат, получил трехдневный отпуск, вылетел в Петропавловск-Камчатский. Навел справки. В вестибюле госпиталя увидел Ольгу и по ее лицу догадался: Олега вырвали из лап клинической смерти, но дела плохи. «Оля, как он?» — «Плохо, Андрюша. Самое страшное позади, но... сильнейший токсикоз, ожоги. Лицо, глаза...» — «Как случилось?» — «Он и еще один, вулканолог... не успели взлететь. Накрыло их неожиданным выбросом из какой-то боковой трещины — раскаленные газы...» Увидеть Олега ни ему, ни Ольге не разрешили. «Вот подготовим его к свиданию — тогда пожалуйста,— сказал главный врач.— Зрение восстановим, лицо сделаем красивее прежнего. Весь будет как новенький. А теперь — по домам, молодые люди, по домам. Единственный способ помочь ему — нам не мешать». Он вернулся в Иркутск. А Ольга осталась. Насовсем.

Она и Олег пригласили его на свадьбу весной. Самое напряженное время учебы... Он не мог прилететь — отпуск ему не дали. А когда он, поздравляя молодую пару по видеотектору, увидел лицо Олега крупным планом — сделал над собой усилие, чтобы не выдать смятения чувств, и втайне был рад, что с отпуском ничего не вышло. Нет, лицо Олега не было уродливым — медикологи постарались. Но это был другой человек. Даже голос... Дикция изменилась. Только жестами «новый» Потапов напоминал прежнего. «Вот ведь, курсант, натура людская,— сетовал Олег, когда они наконец встретились.— Всю жизнь мечтал иметь такой профиль. А заимел, глянул в зеркало — на медикологов кидаться стал: «Сдирайте все напрочь! Лепите мне мою родную курносую физиономию!» Ну они, конечно, Ольгу на помощь. Она меня увидела — как заплачет! «Не надо,— говорит,— Олежек, ничего менять. Я тебя и таким... красавчиком всю жизнь любить буду. Сына тебе подарю. Курносенького!» Вижу я, что ей здорово не по себе, и наотрез от ее любви отказываюсь, недоумок. Дошел до того, что руки хотел на себя наложить. А Оля — ни шагу назад, стоит на своем. Благодаря ей смирился я со своим новым фасадом, привыкаю». Слушая Олега, он думал, как мало, оказывается, знает сестру. Великое чудо — русская женщина...

* * *

Три коротких гудка. Андрей поднял глаза на часовое табло: девять утра корабельного времени, смена орбитальных вахт.

— Тринадцать-девять. Пилотажную рубку. Без обратной видеосвязи.

Бокал в руке вспыхнул радугой искр — перед столом возникло яркое стереоизображение двух пилотов-стажеров. Тяжелая экипировка (золотистые панцири противоперегрузочных костюмов и шлемы) делала парней похожими на крабов, угнездившихся в малахитовом футляре ложемента-спарки. У обоих позы и выражения лиц одинаковы, в глазах любопытство, рты приоткрыты. Андрей усмехнулся: Титан произвел на молодежь сильное впечатление. По лицам, шлемам и панцирям ползли багровые отсветы. Да, красочный лик Титана способен потрясти кого угодно. Тем более на сфероэкране как бы распахнутой в пространство пилотажной рубки.

— Вахта, связь.

Глаза вахтенных метнулись по сторонам в поиске изображения говорящего. Ложемент-спарка, блеснув наклонными цилиндрами амортизаторов, моментально совершил на поворотном круге полный оборот для обзора. Секундное замешательство. Привыкшая к видеосвязи молодежь чуточку растерялась:

— Пилотажная рубка «Байкала», вахта радиус-хода...

— На вахте?

Узнали голос — и едва ли не хором:

— Первый пилот-стажер курсант Алексей Медведев!

— Второй пилот-стажер курсант Олег Казаков!

Постарался придать голосу твердость и строгость:

— Первому доложить параметры орбитального хода.

Было видно, как стажеры ищут на сфероэкране и обшаривают глазами подвижные строчки цифро-буквенных формуляров полетной экспресс-информации. Медведев докладывал громко, с удовольствием и в основном грамотно.

— Хорошо,— похвалил Андрей.— Но много. Скажем, радиационная обстановка на витке — забота не наша, предоставим это координаторам. Казаков, скорость сокращения дистанции между «Байкалом» и орбитальной базой?

— Пять тысячных метра в секунду. Около двадцати метров в час.

— А допустимая?

— Не более одного...

— Почему в докладе об этом ни слова?

Медведев потупился. И вдруг с плохо скрытой надеждой:

— Разрешите снять блокировку с двигателей коррекции?

— Отставить! Коррекция через три с половиной часа. После причаливания и старта люггера.

— Тогда действительно нет смысла...— признал Медведев.

— Коррекцию проведете под руководством второго пилота Дениса Федоровича Лапина. Я покидаю борт «Байкала».

Парни переглянулись. Медведев сказал:

— Командир, мы не спрашиваем куда и зачем...

— И правильно делаете.

— Но есть ли надежда, что вы куда-то не очень надолго?

— У вас, повторяю, вместо меня пока будет Лапин. Ровно в десять, как обычно, капитанский час, вахтенная перекличка. Докладывать грамотно — не опозорьтесь перед капитаном. В общем, все как на вахтах крейсерского хода. Кроме экипировки. Я понимаю, вам по душе сверкающие доспехи, но другие наши пилоты-профессионалы, боюсь, этого не поймут. На орбитальном дежурстве противоперегрузочная экипировка выглядит несколько... экстравагантно.

На лицах стажеров обозначилось состояние, близкое к панике.

— Вы даже не представляете, как вам обоим к лицу обычный полетный костюм. Салют, курсанты! Конец связи.

— Салют, командир! Связи конец.

Андрей поставил бокал среди хрустальной посуды, долил кумысом и принялся за еду. Посмотрел на ковш Большой Медведицы в экранном окне, приказал:

— Тринадцать-девять. Передний обзор.

Всю ширь обзорного поля заполнила собой дымящаяся

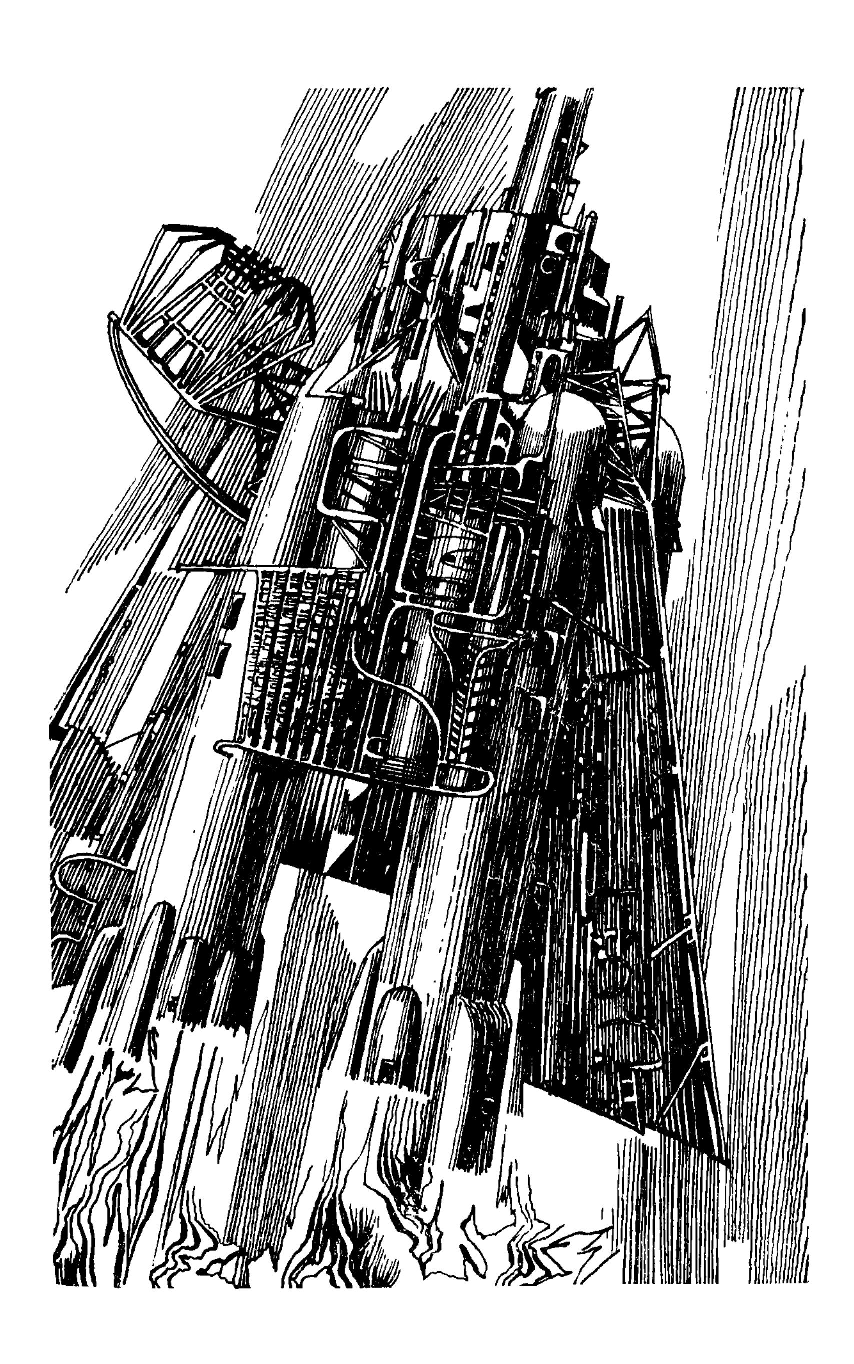
выпуклость багровой атмосферы Титана. Красновато-оранжевый цвет плотной, как у Земли, газовой шубы создавал иллюзию, от которой сердце невольно сжималось в тревоге,— иллюзию мирового пожара. Казалось, «Байкал» совершает радиус-ход над планетой, застигнутой в момент уничтожительной войны. Крупнейший спутник Сатурна, медленно меняя панораму очень расплывчатых багрово-дымных уплотнений в глубинах газовой — почти полностью азотной — оболочки, неторопливо поворачивался навстречу орбитальному движению корабля. Словно демонстрировал глобальность внутриатмосферного пожарища, а заодно — свою планетарногромоздкую неохватность. Живописной противоположностью этому царству багровых красок был красиво переливающийся в верхнем, разреженном слое атмосферы шелковистый ультрамарин фотохимической дымки: местами с голубым отливом, местами — с фиолетовым и густо-синим, как павлинье перо. По мере движения корабля голубые, синие и фиолетовые расплывы то вытягивались в широкие, но быстро тающие эфемерные арки, то преобразовывались в гигантские и тоже эфемерные трехцветные пятна. Кое-где сквозь дымку просвечивали самые яркие звезды. Прямо по курсу «Байкала» с опережением в полкилометра шел спутниковый комплекс «Титан-главный» — флагман орбитальных баз лунной системы Сатурна, или попросту ФОБ на языке сатурнологов. Андрею вспомнилось, как вчера утром, после корректировки сближения, штурман «Байкала» Иван Ермаков отпустил по адресу ФОБа: «Сдается мне, эта штука сбежала из духового оркестра». А кто-то добавил: «И по пути разнесла продовольственный склад. Иначе откуда на ней такая прорва бидонов, бутылок, сосисок, колбас и консервных банок!..» Шутка была заразительна: теперь ему тоже казалось, будто безектор ФОБа «здорово смахивает на ненормальных размеров корнет-а-пистон», окруженный четырьмя бидонообразными громадами боковых корпусов и обильно увешанный пристройками самой причудливой формы, которые портили вакуум-архитектурную композицию этого впечатляющего космотехнического комплекса.

Верх спутника был освещен солнцем, и все там невыносимо блестело, а правый (ближайший к «Байкалу») корпус, куда прямые солнечные лучи не доходили, был

залит сиянием фар, соффит-панелей, бестеневых фейер-жекторов, усеян разноцветьем светосигналов. Хорошо видны распахнутые вакуум-створы, лацпорты, обнаженные вакуум-палубы с ребрами параванов и причальных фиксаторов, квадратные отверстия потерн трюмного шлюзования, похожие на спрутов механизмы разгрузочных шиплойдеров, двухъярусные аппарели с лихтерами, тендер-шлюпками и катерами в стартовых желобах, прозрачные колбы и торы диспетчерских ренделей, пузырьки кабин вакуумного обслуживания. ФОБ готовился к дистанционной переброске доставленного «Байкалом» груза. С Титаном все будет, наверное, просто. А вот как скоро управятся с челночной разгрузкой у Дионы и Реи — трудно сказать. Работы недели на две... Если не на три.

Андрей неторопливо жевал, разглядывая щедро иллюминированный ФОБ и отмечая, что изменилось в нем за год. Изменилось многое. Сверкал на солнце парус новой антенны ДС (дальняя связь). Дополнительные пристройки, которых не было прежде, густо, как пеньки опятами, обросли разнообразным оборудованием. Везде были натыканы штанги и мачты, чаши лидаров, странно мерцающие синими блестками шары на тубусных удлинителях, собранные в гроздья кристаллоподобные блоки, каких-то приборов. И еще там торчала в разные стороны всякая всячина. ФОБ начисто потерял силуэт корабля...

Семь лет назад этот космотехнический монстр не был ФОБом, а назывался «Дунай» и представлял собой экспериментальный корабль — первый из кораблей класса МКК-ДВС (скоростной многокорпусный контейнероносец для Дальнего Внеземелья). Проект МКК вызывал ожесточенные споры: скептики опасались вибрации боковых корпусов. И, как показали ходовые испытания «Дуная», опасались не зря: вибрация на два порядка превысила допуск. Даже скептики не были рады своей правоте — в конце концов Земле не нужна правота неудачи. Земле был нужен рентабельный космотранспорт для надежной связи с базами Дальнего Внеземелья. Рентабельный — значит более скоростной и более грузоемкий. То есть речь шла о строительстве многокорпусных сверхкораблей типа «люстра». Но результат испытаний «Дуная» кое на кого подействовал подобно ушату ледяной воды.



Узел противоречий вокруг проекта МКК-ДВС затянулся туго. С одной стороны, экономически соблазнительные преимущества лайнеров типа «люстра» в сравнении с однокорпусными лайнерами типа «моно». В том числе — неслыханная простота погрузочно-разгрузочных операций. Принять на грузовой орбите Луны предварительно загруженные контейнерами корпуса, быстро соединиться с ними в компактную «люстру», быстро доставить по назначению и так же быстро освободиться от них — что может быть проще? С другой стороны, фиаско «Луная». Чем больше увеличивали жесткость конструкции, тем сильнее «люстру» трепала вибрация. Дело дошло до того, что кое-кто из признанных авторитетов в области космического кораблестроения публично отрекся от идеи «люстровых» сверхкораблей. Дескать, идея опередила свой век. Стереотип ситуации, известной по притче о лисе и винограде... В этот период произошла — в который раз! — очередная вспышка интереса к экспериментам по транспозитации материальных объектов через гиперпространство (от космофизической станции «Зенит» до космолаборатории «Дипстар»), хотя энергозатраты при таком способе транспортировки каждого килограмма полезной массы превосходили всякое воображение. Гиперпространственный виноград тоже был зелен. Тем не менее грозовая туча над проектом МКК-ДВС продолжала сгущаться. Комитет по освоению Внеземелья вынужден был притормозить финансирование проекта. Однако Сибирское отделение Главного конструкторского бюро УОКСа решительно этому воспротивилось. Проведя скрупулезный анализ ходовых испытаний «Дуная», оно объявило, что берет на себя всю программу нового проектирования и подготовки строительства «люстровых» кораблей. Финансовый тормоз был снят в мгновение ока. Во-первых, сибирякам по давней традиции доверяли, а во-вторых, и наверное в главных, Земля привыкла вкладывать средства туда, где берет верх правота удачи.

И удача пришла. Причину вибрации устранили довольно просто: вообще отказались от жесткой конструкции. В результате новый экспериментальный МКК «Енисей» с его полужестким каскадно-люстровым сочленением трех концентрических ярусов вызвал в среде пилотов скорбное замешательство. Пилоты буквально шарахались

от предложений участвовать в ходовых испытаниях новорожденного сверхкорабля. «Меня — водителем этой трясучки?! Да ни за что!» — «Простите, я не умею летать на театральных люстрах».— «Прошу извинить, но вы не по адресу: мы с Аликом не циркачи. Правда, Алик? Мы с Аликом профессиональные пилоты. И мы никогда не мечтали выйти на старт в плетеной корзине, размерами в стадион. Скажи ему, Алик. Скажи им всем, что мы не летаем в суперавоськах». Преодолеть психологический барьер мог не каждый, и ничего предосудительного в этом нет. Первым преодолел Валаев. Надо было видеть его лицо за минуту до старта. Скулы в буграх желваков, глаза сужены, а от холодного взгляда острых, как гвозди, зрачков мороз вдоль спины продирал. На двадцатой секунде отсчета готовности они с Валаевым, полулежа в спаренном пилот-ложементе, не сговариваясь, повернули головы, чтобы взглянуть друг на друга. Валаев сказал: «Пустое болтают, Андрюша. Мы научим эту махину летать. И заодно научимся сами». Он ответил кратко: «Научимся». А за пять секунд до нуля добавил: «Орлы мух не ловят».

Валаев был прав: летать на «люстровых» МКК надо было учиться. Простейшие маневры (скажем, коррекция в картинной плоскости), исполнить которые на конструктивно жестком кораблике — раз чихнуть, на полужесткой махине бросали пилотов в пот. «Енисей» казался игрушкой инерционных сил, и управлять его изменчиво-гибкой архитектурой казалось делом немыслимым — при любом маневре чувствуешь себя как в тарелке с колышущимся студнем. А на маневре глубокого торможения, когда гигантская «люстра» медленно выворачивалась наизнанку всеми тремя ярусами, возникало чуть ли не ощущение катастрофы. Потом привыкли, появился опыт. И стоило наловчиться «свинчивать» трубки допустимых траекторий на заданных участках полета — сразу почувствовали себя королями Пространства (никто еще на таких скоростях не ходил). С удовольствием накатали на «Енисее» двенадцать астрономических единиц, приобрели навыки и дипломы пилотов-люстровиков. Валаев был вскоре назначен капитаном «Байкала» — первого из серийных «люстровых» контейнероносцев. Серия продолжена закладкой на верфи «Вулкан» целой флотилии МКК-ДВС: «Лена», «Тобол», «Иртыш», «Вилюй», «Ангара»,— сибиряки свое

слово сдержали. «Енисей» перешел в собственность учебно-тренировочного депо УОКСа, а бедняга «Дунай», который геройски вынес на испытательных полигонах все, что обязана вынести экспериментальная модель, был передан комплексной экспедиции сатурнологов под орбитальную базу. К неописуемой радости истосковавшихся по комфорту ученых. Героическое прошлое «Дуная» их нисколько не тронуло — тому свидетель новое имя бывшего корабля. Не имя, а прямо собачья кличка — Фобик-бобик... В предыдущем рейсе, когда пришлось помочь сатурнологам демонтировать группу главного двигателя «Дуная», чтобы освободить безектор под склады и мастерские, весь экипаж «Байкала» чувствовал себя как на похоронах. Это даже неплохо, что силуэт теперешнего ФОБа мало напоминает «Дунай». Патриарх «люстровых» кораблей умер — да здравствует король баз орбитальных Дальнего Внеземелья.

Свечение верхнеатмосферного слоя Титана померкло. Андрей оглядел сизую полоску возникшего впереди терминатора, перевел взгляд на прямую и тонкую, как лезвие шпаги, зеленовато-жемчужную вертикаль над пепельной линией горизонта. Лезвие, угрожая зениту, медленно поднималось в черное небо. Выше и выше... Наконец, нежно вызолотив горизонт, всплыл драгоценный «эфес». На первом этапе восхода «эфес», наливаясь золотистым сиянием, мало-помалу перевоплотился в огромную двояковыпуклую линзу (очевидно, за счет отражения в средних слоях атмосферы Титана). А когда этому неуклонно продолжающему распухать линзовидному образованию стало тесно в своем объеме, оно распустило по горизонту далеко в обе стороны великолепные светло-оранжевые «усы» и выперло над побронзовевшей зоной терминатора широченным золотисто-желтым холмом. Холм быстро рос. И словно в подтверждение того, что нет в Природе масштабов, которые невозможно было бы превзойти, исполинский холм постепенно превратился в округлую грандиозную гору, заслоняющую едва ли не половину титанианского неба, вертикально исполосованную пухлыми складками и жгутами сизых, мутно-желтых, мутно-зеленых и кофейно-коричевых дымов. Его Супервеличество Сатурн!.. Потягивая кумыс, Андрей с интересом — хотя не раз это видел — дожидался полного восхода полосато-пухлой громадины.

Не хотел пропустить «эффект наползания», который всегда впечатляет. Тем, кто видел только восходы Луны над Землей (или даже Земли над Луной), этот эффект неизвестен по причине миниатюрности ночного светила. А вот при восходе Юпитера или Сатурна возникает иллюзия, будто планета-гигант, едва приподнявшись над горизонтом любого своего достаточно близкого спутника, норовит проползти над твоей головой ниже тучи. Фантасмагорическая эта картина — невыразимо зрелищное противостояние двух громадных миров. Чем не награда для тех, кто летает?

Как только «Байкал» провалился в тень планетоида, Андрей перевел взгляд на поверхность Титана. Подсвеченная Сатурном, она по-прежнему имела дымчатый вид, но теперь, лишенная богатства пылающих красок, несколько напоминала очень старый, вылинявший и очень потертый ковер. В глубинных слоях атмосферы вздрагивали фиолетовые зарницы. Он пошарил глазами в поисках люцифериды (без особой, впрочем, надежды найти). Явление, говорят, не такое уж редкое, но в прошлый раз увидеть не удалось. Может, сегодня?..

Полыхнула малиново-красная молния — личный телезапрос Беломора.

— Телевизит разрешаю,— поспешно сказал Андрей и поднялся.— Салют, капитан!

В кресле напротив сидел Валаев.

— Сядь,— сказал капитан.— Салют.

У Валаева были русые волосы, крупные черты лица, большие руки, силы невероятной, и шафрановая от загара кожа. По контрасту с белым свитером и светлыми волосами кожа казалась темнее, чем на самом деле.

— Поздно поднялся? — спросил Валаев (должно быть, его удивил поздний завтрак).

— Нет,— ответил Андрей.— Но торопиться мне вроде бы некуда.

Помолчали. Валаев вертел между пальцами что-то похожее на большую бронзовую монету с дыркой посередине. Размышляя, он непременно вертел или мял что-нибудь в правой руке — к этому давно все привыкли. Прозвищем Беломор капитан обязан именно собственной правой руке. Расхожее мнение, будто прозвище связано с местом рождения капитана, было ошибочным,— он вел

свою родословную от потомственных лесорубов на Енисее, а Белое море увидел впервые пять лет назад, во время отпуска, и не любил об этом вспоминать, потому что спортивно-ледовый переход на пневмолыжах с Кольского полуострова на Канин Нос окончился для Валаева плохо: санитарный «блин» вывез его на материк. Сняли с трассы, правда, и всех остальных. Андрей, участник перехода и очевидец «беломорского инцидента», никому, разумеется, ничего не рассказывал, но шила ведь в мешке не утаишь, и прозвище Веломор ушло за Валаевым во Внеземелье, прилепилось — не отодрать...

— Пять минут тебе сроку,— сказал Валаев. Исчез. К этому тоже давно все привыкли: «получить петуха» — значит иметь максимум времени, которое капитан выделял подчиненным для полной готовности к деловому общению.

* * *

...Когда Валаева увозили на материк, Наталья Мешалкина, фильмооператор группы спортивно-ледового перехода, плакала в два ручья и всем жаловалась, что ей кругом не везет и что «вокруг одни, одни, одни неприятности!». Этого никто не отрицал. Из-за нее экспедицию лихорадило с первого дня. Начать с того, что двое парней (оба — Вадимы) ввязались в поход вовсе не из желания белый свет посмотреть и себя показать и, уж подавно, не из любви к пневмолыжному спорту. Белый свет для Вадимов сошелся на Мешалкиной; друг на друга парни смотрели волком (выяснилось это, к сожалению, поздно) и показали себя паникерами, когда в погоне за «впечатляющими кадрами» Наталья слегка заблудилась среди живописных торосов. Двое суток никто в лагере глаз не сомкнул, пока опять не собрали беспокойную троицу вместе. Мешалкина потеряла свои пневмолыжи, а потом ухитрилась сломать и комплект запасных. Каждый день она что-нибудь теряла на ходу или забывала на стоянках, вечно у нее что-нибудь рвалось и ломалось, постоянно отказывали моторы пневмолыж, радиобраслеты, обогрев палатки. Безотказно работал только видеосъемочный аппарат. Пробовали взять над ней коллективное шефство, однако, наткнувшись на желчное сопротивление влюб-

ленных Вадимов, отступились. Но после того как они все втроем ухнули с головой в полынью, шефство над Мешалкиной поручили Валаеву. Ярослав сверху вниз вопросительно посмотрел на влюбленных парней. Парни не возражали. Дела у Натальи пошли на лад, и несколько дней группа дышала свободно. До встречи с белым медведем. Никто не заметил, как этот очень опасный гость подобрался к стоянке. Никто, кроме неутомимой охотницы за «впечатляющим кадром». Зверь не оставил ее без внимания, и визг новоявленной фото-видео-Артемиды разбудил Арктику...

Андрей помнил в деталях, как нагнал в два прыжка и треснул лбами Вадимов, рвавших друг у друга из рук карабин. Свалил их на лед, отобрал карабин, потому что стрелять было поздно: медведя не было видно за широкой, размерами с дверь служебного люка, спиной бегущего впереди Валаева, а на крик: «Ложись!» — Ярослав не среагировал, но зато упала Мешалкина, и безоружный Валаев, перепрыгнув через нее, оказался нос к носу с косолапым, и никому, кроме Андрея, не довелось увидеть вблизи валаевский удар. Так ударить можно было только кувалдой! Если бы Андрей не видел этого собственными глазами, никогда бы не поверил, что есть на Земле человек, способный убить крупнейшего хищника суши ударом голого кулака!.. Похоже, не сразу поверил в это и сам Валаев — после того, как зверь осел и медленно повалился на бок, у Ярослава было неузнаваемо озадаченное лицо. Подбежавших товарищей он обвел виноватым взглядом — дескать, видите, как нехорошо получилось...— и, прихрамывая (медведь успел-таки зацепить бедро когтями), побрел в сторону. А получилось действительно нехорошо, и оправдываться перед инспектором спортивно-туристского объединения «Северное сияние» было нечем. Инструкции нарушались, группа отстала от графика, имели место опасные для жизни людей происшествия, человек ранен, медведь издох, оружия с зарядами снотворного действия применить не сумели. Официальное резюме: «Ввиду слабой подготовки к ледовому переходу спортивно-туристскую группу с трассы перехода снять, инвентарь утилизировать». Неофициально инспектор добавил: «Шуметь не надо, протесты вам не помогут. Ухлопали мишку? Ухлопали. Виновника отправили на

материк — там его наградят медалью «За спасение человека», но это... (Андрей поймал на себе ускользающий взгляд голубых инспекторских глаз), но это еще не гарантия безопасности для арктической фауны в нашем районе. Всего вам доброго! Желающих принять участие в авиаэкскурсии к Северному полюсу прошу подойти ко мне».

Лететь на Северный полюс Андрей не захотел. Без Ярослава ему никуда не хотелось. Он вылетел в Шойну и посетил почти совершенно безлюдный госпиталь, где томился Валаев. Погода в Шойне была на редкость плохая (пуржило нещадно), и Валаев, чтобы совсем не испортить другу и без того неудачно начатый отпуск, прогнал его к Черному морю. Андрей улетел на Кавказ в отвратительном настроении. Но все прошло, как только он познакомился с Валентиной... А потом прилетел на Кавказ Ярослав. Прилетел не один. Ее звали Александра Ивановна (в валаевской интерпретации — Ася). Это была очень рослая молодая особа (орлы действительно мух не ловят), чуточку озорная, но бесконечно добродушная. Ее добродушие обезоружило гораздо менее общительную Валентину. Сам себе веря, Валаев придумал легенду о том, что именно Ася, специалист-диетолог шойнинского здравпункта, сумела в недельный срок залечить его «арктическую царапину». Стрела Амура вонзается глубже медвежьих когтей... Едва Ярослав успел поджарить на черноморских пляжах беломорский шрам, из УОКСа пришла депеша: «Валаеву, Тобольскому, первому и второму пилотам балкера «Фомальгаут», прибыть в Калугу для участия в работе коллегии летного сектора Восточного филиала Управления объединенного космофлота Системы». Как снег на голову. Поскольку снег упал с вершины административного Олимпа, первому и второму пилотам не оставалось ничего иного, как прервать свой лучший в жизни отпуск и сказать любимым: «Прости». В прощальный вечер Валаев сначала вымотал всех декламацией скорбных элегий (самой жизнерадостной в его репертуаре была элегия Пушкина «Безумных лет угасшее веселье...»), а затем неожиданно рассмеялся и выдал идею одновременных свадеб в самом начале зимнего отпуска. Идею подхватили с энтузиазмом. Да, было бы здорово — обе свадьбы одновременно, зимой, с тройками и бубен-

цами, и чтобы пар от бешеных белых коней, чтобы шумно и весело, и друзья со всех континентов планеты, ковры на снегу, костры, молодецкие игры!..

Ничего из этого не вышло. Свадьбы состоялись раньше — осенью, потому что о зимнем отпуске не могло быть и речи: в Калуге Валаев дал согласие сформировать и возглавить летный экипаж для ходовых испытаний экспериментального «Енисея», и уже две недели спустя три десятка отборных парней (в том числе и будущий первый пилот «Енисея» — Тобольский) были командированы на Урал в Центр имени космонавта Виталия Севастьянова — самый академический из существующих центров переподготовки летного состава УОКСа. Очень трудно шла переподготовка вначале. На первых порах знакомство с главными техсистемами экспериментального «люстро́вика» вызывало у курсантов нечто вроде головокружения. Потом освоились, стало полегче, и к сентябрю семьи многих курсантов обосновались по соседству с территорией Центра — в городке с живописным названием Новая Ляля. Живописным, кстати, и красочным тут было все: пузырчатая архитектура городских зданий, забавно разрисованные вагончики старинного монорельса, тронутые багрянцем лесистые берега речки Ляли, голубые купола Дворца Космонавтов, белые — Центра, синеватая вертикаль далекой башни катапультера местного иглодрома. Валентину и Асю Новая Ляля очаровала, и торжества по случаю бракосочетания решено было отметить здесь. С той поры... да, пять с хвостиком. Говорят, брак помогает человеку найти то, что ему нужно. Может быть, это и верно, если искать начинают задолго до брака. Ярослав нашел то, что ему было нужно, счастлив вполне. Любимая работа, Ася, двое сыновей-близнецов и ни одной семейной проблемы...

* * *

Андрей взглянул на часы, бросил салфетку на стол и приказал бытавтомату все это убрать. Ковер едва успел успокоиться — Валаев материализовался из воздуха.

— Как самочувствие? — полюбопытствовал он, все так же разглядывая монету с дыркой.

— Самочувствие?..— переспросил Андрей.

Капитан пошевелился в кресле — на белом свитере золотом блеснула эмблема: цветок стилизованной лилии и буква К.

— Самочувствие великолепное, благодарю. Как ваше?

— Можешь не выкать, мы не на вахте. Как настроение?

Андрей посмотрел капитану в лицо:

— А на кой леший тебе мое настроение?

— Когда первый пилот уклоняется от телевизита координатора, это меня интригует.

— Он что... пожаловался?

— Ты должен его принять.

— А это уж как мне захочется,— сказал Андрей.— Тем более что с сегодняшнего утра я не только не первый — вообще не пилот. Минимум на неделю.

— Ну за что такое мне наказание — командовать сибирским экипажем? — вслух подумал Валаев.

— Очень жаль, но с сегодняшнего утра я всего-навсего представитель экспертного отдела УОКСа.

— А я всего-навсего представитель снабжения. Целое утро пытался втемяшить главе хозяйственной службы «Титана», что пластик с дырками пенится быстрее монолитного и что технологи базовых строек будут в восторге.— Капитан подбросил в ладони дырчатый диск.— А координатор Аверьян Копаев всего-навсего представитель МУКБОПа...

— Да?! — Андрей поднял бровь.— Чем я вызвал к себе любопытство службы космической безопасности?

— Вероятно, он сам тебе скажет.

— Не знаешь?

— К сожалению.

— И не догадываешься?

— По-моему, это связано с твоими экспертными делами.

— На танкере?! Что за чушь!.. Кому нужен доисторический «кашалот»?..

— Сатурнологам. Под орбитальную базу.

— Спасибо за информацию.

— Переваривай на здоровье.— Валаев там, у себя, смотрел куда-то вбок.

— Я без иронии,— пояснил Андрей.

— У тебя на окне передний обзор?

— Да. Ну и что? — Андрей перевел взгляд на окно. В океане йодисто-коричневой под сиянием Сатурна дымки всплывал, как призрачный остров, громадный, нежно светящийся пузырь.

— Люциферида...— сказал капитан.

На аппарелях ФОБа переполошенно замигала светосигнализация; со стартовых желобов упали две ртутные капли и, выбросив параллельно вперед узкие струи лилового пламени, быстро пошли наискось вниз, в атмосферу Титана.

— Беспилотчики,— определил Валаев.— Ушли на пузырь.

— Поздновато,— сказал Андрей.— Много времени потеряют на реверс-маневр. В атмосфере — тем более.

— Успеют. Крупные люцифериды иногда светятся долго. Все зависит от высоты и мощности столбового внутриатмосферного выброса. Ну того... на верхушке которого, как полагают, и образуется нечто вроде хемилюминесцентной зоны.

— Выходит, сами толком не знают?

— Чего не знают сегодня — завтра узнают. А чтобы узнали быстрее и больше, я готов возить им сюда кого угодно и что угодно. Ученых, спецов и десантников, одежду и фрукты, нефть для пищевых синтезаторов, новые фильмы, цветы и консервы. Любое оборудование, любые материалы — как с дырками, так и без оных. Ради этого стоит летать, а?

Андрей не сводил глаз с лица капитана. Для Ярослава это была уникально патетическая речь.

— Ради этого мы и летаем,— заметил Андрей.

— Вот и летай. В эксперты я тебя больше не отпущу. Первый раз и последний. Не твоя работа. Тем более если в ней замешан МУКБОП. Ты прирожденный «люстровик», гений скоростного пилотажа. Недаром коллегия прочит тебя в капитаны на «Лену» или «Тобол» — в принцах, брат, ходишь... Ты меня знаешь, я не люблю сорить комплиментами, но твой маневр глубокого торможения с выходом на Титан — голубая сказка пилота.

— Я тебя знаю,— перебил Андрей.— И теперь понимаю, кого из нас двоих ты успокаиваешь. Мне в это дело тоже внести свою лепту? Или как-нибудь обойдешься?

Несколько мгновений собеседники молча разглядывали друг друга. Валаев поднялся. Следом поднялся Андрей.

— Ладно,— сказал капитан.— Люцифериду видел — будем считать это хорошим предзнаменованием... Что передать?

— Копаеву? Пусть приходит.— Андрей посмотрел на часы.— Бассейном придется пожертвовать.

— Не надо жертв. Все заняты подготовкой к разгрузке, и никого, кроме вас, голубчиков, в воде не будет. Попрощаться зайдешь?

— Да. Непременно.

— Салют!

— Салют, капитан!

НОКДАУН

Андрей приказал бытавтоматике переправить портфель на причал пассажирской вакуум-палубы, шагнул из каюты в зеркальный тамбур, и раньше, чем створки двери распахнулись с другой стороны, инстинктивно сощурился.

За пределами тамбура искрилась под солнцем водная ширь. Байкальская панорама. Ветер дул прямо в лицо, на горизонте синели горы восточного берега. Было видно, как ветер трогает воду — участками. В этих местах вода морщилась и темнела. Шагая вдоль заметно изогнутой анфилады открытых в сторону озера гротов с высокими сводами, Андрей впервые подумал, что без панорамы Байкала высоченные коридоры тороидальных ярусов корабля наверняка производили бы странное впечатление. На однокорпусных кораблях люди привыкли к интерьерам более экономных пропорций.

Анфилада полузатопленных солнцем гротов окончилась, Андрей вошел в сумеречное пространство ренделя. Постоял у комингса горловины шахты пониженной гравитации, чтобы привыкли глаза; плиты настила вокруг горловины мерцали синими искрами, по стенкам шахтного ствола бродили фиолетовые блики, и почему-то вспомнился «Фомальгаут», на котором шахты-атриумы для межэтажных сообщений всегда были ярко освещены. Правда, атриумы «Фомальгаута» не так глубоки. Он посмотрел на

часы и понял, что неосознанно тянет время. Не хотелось быть в бассейновом зале раньше Копаева.

Автоматика, сбитая с толку неподвижностью человека, дала «окно» во весь купол ренделя. Заслоняя собой обзорное поле, стеной стояло дымчатое полушарие Титана; верхний край атмосферы нежно порозовел. Прямо над головой висел расцвеченный светосигналами ФОБ. Как летучая мышь под сводами звездной пещеры. Андрей покосился влево — на устремленный ввысь иллюминированный алыми и голубыми огнями безектор «Байкала» — и подумал, что после шуточек штурмана эта «индустриального» вида громадина, облитая призрачно лоснящимся защитным слоем стекловидного керамлита, до смешного напоминает пучок многорегистровых саксофонов. Призрачные облака Титана и диковинно-призрачная конструкция в призрачном свете Сатурна... После солнечных гротов нужна была минута-другая, чтобы поставить все на свои места — вернуть этим «призракам» права на вещественность и, наоборот, осознать, что эффектная панорама Байкала — иллюзия, стопроцентный обман. Человек в обнимку с иллюзией тверже в ногах.

Андрей спрыгнул в атриум. Падая, услыхал, как в глубине зашумел воздух.

В карпоне среднего яруса воздушный вихрь аккуратно снес его на финиш-площадку. Здесь тоже было безлюдно. В «окне» бокового обзора были видны порозовевшие в свете титанианского утра навесные цилиндры контейнероносных и танкерных корпусов (на жаргоне техников-экзоператоров — «минареты»). Танкерный «минарет» под номером восемнадцать дал течь: переднюю муфту сорвало вместе с импульсным маяком и среди грязно-зеленых потеков на облицовке желтел нарост заледеневшей пены. Химический, видимо, груз. Андрей представил себе, каково приходится каскадным системам на этапах разгона и торможения, и посочувствовал экзоператорам. Пилоты и экзоператоры хорошо понимают друг друга. Общий враг — перегрузки. Во время маневра, когда пилоту невозможно использовать все средства противоперегрузочной защиты (иначе просто не чувствуешь динамику корабельных масс), экзоператоры выполняют функции ассистентов и, бывает, тоже выходят из-под защиты. А после маневра им, беднягам, вдобавок прихо-

дится ползать по «люстре» — приводить поле битвы в порядок. Те пилоты, про которых экзоператоры говорят *наш пилот,* могут считать себя профессионалами очень высокого класса.

Андрей еще раз взглянул на часы. Пожалуй, Копаев на месте. Пора...

В глубину карпона, где светились отверстия ветротоннелей, вел пологий пандус. Разбег под уклон, прыжок головой вперед в гофрированную трубу тоннеля под номером десять, ощущение невесомости и весомый удар плотных струй воздуха сзади. Принудительный ветро-полет.

Тоннель расширился, скорость заметно упала. Андрей летел вдоль прямоугольного коридора с прозрачными полом и левой стеной. Вверху и справа тянулись красочные витражи — композиция на спортивные темы. Сквозь блики на полу просматривались четыре этажа ветротранспортных коридоров — на самом нижнем плыла в обратную сторону фигурка в оранжевом комбинезоне. В спортзалах, проплывающих слева, никого не было. Команда занята работой по авральному расписанию, пассажиры покинули борт еще вчера.

Финиш-площадка мерцала синими звездами. Андрей по инерции сделал пробежку и, ощущая, как с каждым шагом набирает вес в поле искусственной гравитации, свернул в потерну с кинематическими витражами: пузатые каравеллы по-утиному переваливались с борта на борт среди крутобоких волн, и крутолобые дельфины грузно перелетали над волнами по крутым траекториям. В конце потерны сиял широкий овал. На подходе Андрей привычно сощурился. Овал распахнулся — в глаза ударило солнце...

Он прошел по тропе под глянцевито-зелеными полотнищами листьев искусственных бананов. Короткая тропа вывела на дорожку, исполосованную тенями от решетчатого навеса. Справа — деревянные жалюзи аэрария, слева — шеренга невысоких пальм. На стволах были пучки рыжеватого грубого, как медвежья шерсть, ворса и жесткие веерообразные листья. Благодаря Валентине он коекак научился распознавать виды пальмы и теперь каждый раз вспоминал, что эта шеренга состоит из «хамеропсов приземистых». Искусственные листья бананов выглядели живыми и сочными, а настоящие, живые хамеропсы, на-

против, казались отштампованными из пластиката. Красоты в них было немного. Основное достоинство — безразличие к перегрузкам (лишь бы не повыдергивало из корневых стаканов).

В аэрарии он, бросив взгляд на пустующие диванчики и шезлонги, зашел в гардеробный павильон, быстро разделся. Решетчатый потолок пропускал свет и тепло, в павильоне стоял запах нагретого дерева. От жалюзи веяло прохладой — он чувствовал это голыми ногами. Холодок натягивало из бассейна. Температура воды наверняка ниже нормы. И превосходно. Застегивая ремень на плавках, он поглядел в щели между пластинами жалюзи. Сквозь прозрачную воду желтело дно. Противоположной стенки бассейна не было видно, потому что блеск натуральной воды сливался там с блеском иллюзорной лагуны атолла; на круговой песчаной косе торчали высокие пальмы. Непривычно тихо в бассейне — ни единого всплеска.

Из аэрария он выбрался по винтовой лестнице на трамплин и только теперь увидел сверху Копаева. Представитель МУКБОПа лежал на парапете животом вниз, одетый, и, подперев голову кулаком, смотрел в воду. Андрей невольно перевел глаза на то место, где вчера был пляж, и глазам не поверил. Вчера (сразу после корректировки орбиты) он сам наблюдал, как трое сменившихся с вахты парней, весело орудуя пневмохоботами монитора, наваливали в пляжное корыто гранулированную пластмассу, и потом, когда он, потеряв терпение, спрыгнул в бассейн (еще не залитый даже наполовину), они кувыркались, опрокидывая друг друга на кучи пластмассового гороха, голые или в плавках, и громко вопили, потому что «горох», извлеченный из нижнего бункера, не успел прогреться и был как лед. А сегодня насыпка куда-то исчезла.

Копаев увидел его, помахал рукой. Одетый Копаев и оголенный, словно ограбленный, пляж вызвали чувство досады. Он раскачал доску. Сильный толчок. Тройное заднее сальто, всплеск. Вода была ледяная, как в проруби. Чувство досады прошло.

— Здравствуй,— сказал Копаев.— Доброе утро.

— Привет.— Андрей ухватился за поручни трапа, выпрыгнул из воды. Оставляя на парапете влажные отпечатки ног и роняя капли, подошел к Аверьяну Копаеву. Увидел портфель — обыкновенный дорожный портфель — и

подумал: «Уж не попутчика ли я себе приобрел? Или, может быть, компаньона?» Сел и спросил: — Так о чем разговор?

— Голый одетого не поймет,— без улыбки пошутил Копаев и стал раздеваться.— Мокрый сухого тем более.— Он бросился в воду. Шумно поплыл к трапу, вылез. Андрей смотрел на него. Копаев ладонью смахнул капли с лица, сказал: — Я сейчас...— Пришлепал, фыркая, сел рядом и зачем-то пригладил мокрые светлые волосы.— Мне представляться не надо?

— Нет,— сказал Андрей,— не надо.

— Вода ледяная, некому подогреть... Я, видимо, должен перед тобой извиниться.

— За холодную воду?

— За слишком ранний телевизит. Я здесь новичок и... Ну, словом, не все еще тонкости корабельного этикета мне...

— Ладно, оставь.

Андрей смотрел на иллюзорный ландшафт. Листья несуществующих пальм пошевеливал несуществующий ветер. Искусственное солнце уступало по яркости настоящему, но справлялось со своими обязанностями неплохо, давало хороший загар. Рядом сидел хорошо загорелый Копаев, который неплохо справлялся с чужими обязанностями (штурман считал Аверьяна одним из лучших координаторов). Служба космической безопасности, надо признать, добротно готовит и конспирирует своих людей.

— До старта люггера два с половиной часа,— проговорил Копаев.— Давай думать, кому лететь на Япет.

Андрей поднял бровь. Сухо ответил:

— Полетит тот, кому поручена работа эксперта.

— Андрей, тебе поручили мою работу.

«Жаль,— подумал Андрей. Он был настроен свидеться с капитаном «Анарды».— Любопытно, однако, чем привлек их внимание старый танкер?»

— Сам понимаешь, экспертиза на танкере никому не нужна,— добавил Копаев.— И так ясно: «кашалот» давно устарел, его надо списывать.

— Н-да. Ну что ж... Ведь не стану я, в самом деле, препятствовать работе функционеров космической безопасности.— Андрей поднялся.— Приятного тебе полета,

синхронной безекции. Капитану и орбитальной команде теплый привет.

Перед прыжком в воду он помассировал мышцы плеч и груди. Копаев смотрел на него снизу вверх.

— Документы!..— вспомнил Андрей.— Тебе все отдать?

— Прошу, сядь. Разговор впереди.

— О чем? Я ведь сказал: мешать не намерен.

— Да. А помочь?

— Помочь? — Андрей покосился в сторону собеседника.— В каком смысле? Кому?

— В прямом смысле. Мне, себе, своим детям. Человечеству.

— Погоди насчет человечества. Ты предлагаешь мне быть твоим ассистентом?

— Нет. В слова про то, что тебе поручили мою работу, вложен буквальный смысл.

— Позволь, позволь... Морозов был в курсе?

— Нет. Но утвердил тебя экспертом по нашей просьбе.

Андрей молча сел.

— Правда, это вовсе не значит, что мы затянули последнюю гайку,— продолжал Копаев.— Ты не сотрудник МУКБОПа и... как говорится, вольному воля. Скажу откровенно: я не в восторге от перспективы уступать тебе свое рабочее место и был бы рад твоему несогласию. Но руководство оперативно-следственного отдела считает, что у меня меньше шансов добиться нужного результата на танкере, чем у Андрея Тобольского.

«Вот это маневр!..» — подумал Андрей, разглядывая собеседника в упор. Вид у Копаева был действительно невеселый.

— Осталось узнать,— добавил Копаев,— как смотрит на рекомендацию нашего ведомства сам Тобольский.

Андрей помолчал. Аверьян сидел неподвижно и глядел на воду. Лицо его было теперь совершенно бесстрастным.

— Серьезное ведомство,— проговорил Андрей.— Если мы не прислушаемся к рекомендациям его руководства, зто, по-видимому, не сделает нам чести... Но учти, я ставлю условие. Полная откровенность с твоей стороны, предельная ясность. Я никогда не затевал возни за чужой спиной и терпеть не могу, если ее затевают за моей собственной.

Глаза Копаева изменили направление взгляда — уставились куда-то вдаль.

— Я обязан предупредить,— сказал он.— Возможно, дело будет для тебя тяжелым.

— Риск?

— Не думаю. Вряд ли. Хотя и это не исключено... Нет, я имел в виду сложности иного порядка. Пилоты УОКСа, как правило, плохо себе представляют нашу работу.

— Кто виноват? Все у вас под замком, под секретом. Я и настоящего паллера никогда в руках не держал.

— Понимаю.— Аверьян покивал.— В голове у тебя детективная каша. Темные коридоры старого танкера, паллер под мышкой, погони, стрельба... Вот только гоняться там будет не за кем. На борту «Анарды» один человек. Да и тот — капитан.

— Ты... серьезно? На танкере один Меф Аганн?!

— По данным сектора орбитальной эксплуатации.

— Да они что там, в секторе, совсем обалдели! — взорвался Андрей.— А куда МУКБОП, леший бы вас побрал, смотрит?

— Не кричи,— попросил Копаев и повел глазами по сторонам.— Ревешь как мамонт.

— Плевать на ваши секреты! — прошипел Андрей.— Бросили человека одного на орбитальном приколе! А ну-ка тебя в ржавую, грязную бочку, и чтоб на борту никого и миллионы километров до ближайшей базы?!

— Вот и составь ему компанию. Повезет — узнаешь причину его добровольного одиночества.

— Добровольного? — переспросил Андрей.— Чушь! Позволь не поверить.

— Нет уж, позволь не позволить. Факты.

— Какие факты? Откуда?

— Из карманов твоего родного УОКСа. Как желаешь — вразброс, по порядку?

— Ладно... давай по порядку.

— Загибай пальчики. Год назад «Анарду» снимают с юпитерианской линии и загоняют сюда — на прикол у Япета. Команда согласно вашим традициям ритуально прощается с кораблем и, уронив скупую мужскую слезу, переходит на борт «Соймы»...

— С кораблями прощаться тебе приходилось?

— Бывает, с кораблями прощаются гораздо сентимен-

тальнее, чем с людьми... Так вот, среди тех, кто вернулся на «Сойме» в Леонов, капитана «Анарды» не было. Вашей администрации, которая имела в виду торжественно проводить ветерана Дальнего Внеземелья на заслуженный отдых, оставалось развести руками. Загни первый палец.

— А что же администрация Сатурн-системы?

— Ничего. «Титан-главный» несколько запоздало сообщил на Луну, что Аганн самодеятельно развернул на «Анарде» подготовительный комплекс работ. Не дожидаясь актов списания и передачи, проводит очистку танков, стерилизацию и полуконсервацию кают, демонтаж полетного оборудования, мелкий ремонт...

— И все один? Без участия орбит-команды?

— От услуг орбитальной команды он вежливо отказался. Загибай второй. Мало того, Аганн обещал к прибытию стройбазовых монтажников закончить подготовительные работы едва ли не в полном объеме.

— Но ведь «Титан» обязан...

— А что «Титан»? Им это на руку. Увязли в стройках по горло — монтируют сразу две стационарные базы, шесть орбитальных. Базу космодесантников «Снежный барс» расширять собираются, на очереди — исследовательская станция «Фермуар» в Кольце. У них тут, кроме проблем и забот, всего не хватает. Времени, мастерских, оборудования, материалов. Сегодня я был свидетелем разговора Валаева с хозяйственниками «Титана-главного». Валаев им документы на стол — дескать, радуйтесь, земляки, гору всяких товаров мы вам сибирским обозом доставили. Они ознакомились и говорят: «Мало. Для Сатурн-системы — капля в море. Нам нужно больше раз в сто. Система наша богатая, долги вернем с лихвой». Один оглядел капитанский салон, языком поцокал и говорит: «Вах, как роскошно живете! А у нас ученые-кольцевики спят где попало. Половина спит в условиях невесомости — верите, нет? В душевой, стыдно сказать, во-от такой список висит. Зачем? Купаться хочешь — пиши фамилию в очередь. Банный отсек для уважаемых людей соорудить не можем. Металла нет, керамлита нет, монтажники заняты. Двадцать тонн самой обыкновенной пластмассы — проблема!» Валаев сидел перед ними как на иголках. Все, что мог, из корабельных запасов отдал. Вон даже насыпку из пляжного корыта выгребли...

Андрей чувствовал на себе изучающий взгляд Аверьяна, и это его раздражало.

— В общем ясно,— перебил он.— Не скоро дело у них до «Анарды» дойдет.

— Андрей, раньше всех это было ясно Аганну.

— Допустим. В итоге?..

— А ты загибай пальчики, загибай. В итоге получится кукиш, который продемонстрировал Аганн УОКСу в ответ на предложение выйти в отставку. Он обвел вокруг пальца всю вашу администрацию и добился желанного одиночества без отставки. И теперь — один на один с мириадами звезд и миллионами, как ты уже имел случай отметить, километров до ближайшей базы. Этакий, извольте видеть, Диоген Дальнего Внеземелья... Есть возражения? Что скажешь?

— Есть,— сказал Андрей.— Года полтора назад в Леонове на занятиях по переподготовке я часто видел Аганна. Иногда мы с ним беседовали. Однажды, затронув какую-то профессиональную тему, засиделись в холле гостиницы «Вега» почти до утра. Никаких признаков мизантропии... О своих товарищах по работе он отзывался уважительно и тепло, с ним приятно было общаться.

— Твои слова удивили бы экипаж «Анарды».

— Неправда. Аганн очень знающий профессионал, экипаж относится к своему капитану с почтением.

— Да. Но все, как один, считают его нелюдимым.

— Может, здесь что-нибудь возрастное?

— Он выглядит старым?

— Н-нет... Сначала я даже принял его за ровесника Валаева. Однако Аганн старше нас с тобой лет на... пятнадцать?

— На двадцать. Ему пятьдесят три.

— В таком возрасте, говорят, иногда охота побыть одному.

— Иногда. Но не десять лет кряду.

— Не знаю, не знаю... Со мной он был общителен и привстлив, был откровенно рад поговорить о том, о сем.

— Только с тобой. За последние годы — только с тобой.

— С какой стати? — удивился Андрей.

Аверьян не ответил. Смотрел в сторону. Подсохшие волосы топорщились у него на макушке стрелками.

«Особо приятельские отношения возникнуть не успели,— недоумевал Андрей, припоминая встречи с Аганном.— Общался я с ним гораздо реже, чем с любым из своих приятелей...»

— Ну что ж,— сказал он,— теперь мне хотя бы понятно, почему вы решили меня... А вот за каким лешим прицепился к Аганну МУКБОП? Нелюдимость — черта, конечно, тяжелая, но...

— Минуту назад ты чуть ли не с кулаками...

— Я был не прав, извини.

— Ты был прав. Нашей службе давно следовало бы заинтересоваться Аганном. Еще в те времена... Или хотя бы когда «Сойма» ушла на Луну без него. Надо было немедленно выяснить, по какой причине этот отшельник надел сандалии отчуждения и направил стопы в вакуумную пустынь. И какому богу творит молитвы в своем орбитальном скиту...

Андрей почти со страхом смотрел Аверьяну в лицо. Представитель МУКБОПа словно бы ощетинился, как потревоженный дикобраз, лицо стало неузнаваемо жестким, глаза неприятно сузились. «Похоже, он ненавидит Аганна!..— внезапно сделал для себя открытие Андрей и даже как-то растерялся от своей догадки.— Нет, при такой ситуации лететь к Япету должен именно я».

— Окунемся? — сказал он.— Жарко.

Копаев молча подтянул под себя ноги и буквально с места, подобно спущенной пружине, взвился вверх. В воду вошел через двойное сальто с винтом.

«Готовый цирковой номер,— подумал Андрей.— Шикарно их там тренируют, в МУКБОПе». Он подавил желание повторить прыжок Аверьяна (чувствовал, без подготовки выйдет конфуз) и отделился от парапета прозаической «ласточкой».

Покружил у самого дна, обследовал решетку на горловине сливного тоннеля. Вода была очень холодная и прозрачная — светло-желтое дно просматривалось далеко. Было видно, как мускулистое тело Копаева гибко скользнуло в сторону трапа. Подводный гул ступенек и поручней, Копаев исчез. Видны только ноги ниже коленей и зыбкие кольца преломленного света.

— Не могу,— виновато сказал Аверьян, уступая Андрею место на трапе.— Не по мне это дело — открывать

купальный сезон в Ледовитом океане.— Все его тело было в пупырышках.

— Сибиряк называется...

— Меня сбивает с толку южный ландшафт.— Аверьян смотрел на лагуну.— Я впечатлительный.

— Может, твое сибирское происхождение тоже легенда?

— Нет. Мы с тобой земляки.

— В системе Сатурна мы все земляки.

— Я из Ангарска. Мы с тобой даже родились в одном и том же главрайоне восточно-сибирского мегалополиса.

— Правда?

— Чего ради буду обманывать?

— Ну мало ли...— Андрей поискал на ступеньках трапа сухое место.— Профессия у тебя такая.

— Плохо знаешь мою профессию.

— На ринге ты обманывал без зазрения совести.

Копаев сощурил глаза:

— Я должен был обезопасить себя и тебя от нокаута.

— Вот я и говорю — профессия,— сказал Андрей.

— А чего ты, собственно, хотел? Улететь на Япет со свернутым набок носом?

— Ну это еще бабушка надвое загадала.

— Тем более. Благообразность моей физиономии мне тоже не безразлична. Удар правой у тебя... Быка свалить можно. Берешь ведь в основном дикой силой, и если бы ты попал... Я внимательно все твои поединки смотрел. И понял: зря я ввязался в чемпионат. В жизни не видел такого агрессивного боксера.

— Да? А какого лешего ты вообще ввязался?

— Характер у меня спортивный.

— Плюс специальная подготовка?

— Намек понял,— Аверьян рассеянно покивал.— Кумут-заза, натренированные реакции и прочее. Но зачем тогда вы допустили к участию в чемпионате и пассажиров? Ведь среди них было немало космодесантников — тоже люди со спецподготовкой. А в смысле натренированности реакций и вы, кораблеводители, не лыком шиты. Спецподготовка — одно, бокс — абсолютно другое...

— МУКБОП — коренным образом третье,— добавил Андрей.

— МУКБОП на практике превращается в штаб общечеловеческой обороны.

— В каком смысле?

— В смысле круговой и, главное, надежной обороны гомо сапиенса против отрицательных факторов Внеземелья.

— Что ни день, сапиенс отвоевывает у Внеземелья новые территории, в каждом выпуске новостей полно победных реляций...

— А я о круговой обороне? — Лицо Копаева сделалось сумрачным.— Андрей, многим еще невдомек, что мы начинаем судорожно защищаться от неприятностей Внеземелья уже на исконной своей территории — в пределах Земли. Это я к вопросу о победных реляциях. А касательно состояния дел на оборонительном фронте имею доложить: ни круговой, ни сколько-нибудь надежной обороны создать мы не в силах. По крайней мере сейчас.

— Наши предки с помощью космонавтики прорубили в Пространство окно, и мы всегда считали это великим достижением...

— Окно они прорубили для нужд космической миссии человечества,— напомнил Копаев. Снял с поручня трапа забытые кем-то солнцезащитные очки.— А вовсе не для того, чтобы всякие там опасные неожиданности Внеземелья заползали через это окно в наши земные дома.

Андрей, не сводя глаз с лица Аверьяна, облокотился на поручень, спросил:

— Тебе непременно надо меня пугать?

— Моя задача скромнее: дать прочувствовать обстановку.— Аверьян протяжно вздохнул. Подышал на стекла очков.

— Не вздыхай. Не я затеял беседу. Сказал бы прямо: так, мол, и так — наше ведомство намерено вставить палки в колеса многотрудным делам освоения Внеземелья.

— Я не член объединенного директората МУКБОПа.

— Свое мнение у тебя есть?

— Думаю, мы не в силах притормозить маховик внеземной экономики.— Копаев надел очки, и Андрей увидел свое отражение в темных стеклах.— Я уж не трогаю другие маховики нашей сверхрасторопной цивилизации. На данном этапе.

— На данном... Как будет дальше?

— Андрей, в последнее десятилетие Внеземелье очень жестко дало нам понять: шутки в сторону. Есть основания для серьезного беспокойства за сохранность природной сущности человека вообще. Что и как будет дальше, никто не знает.

— Тебя послушать... Земля оскудела умами.

— Однажды мне довелось побывать на ученом совете института генетики,— вяло, словно бы нехотя проговорил Копаев.— Был любопытный доклад. Двое иммуногенетиков выразили сомнение, что человечество поступает осмотрительно, расширяя колонизацию Меркурия и Венеры. Особенно Меркурия...

Андрей уставился на собеседника.

— В чем смысл опасений?

— Насколько я понял, Солнышко наше — это такая штука, возле которой нам, человекам, следует держаться никак не ближе радиуса земной орбиты,— пояснил Аверьян.— Во избежание.

— Мутаций?

— Да. Воздействие всякого рода изученных и неизученных излучений... Дескать, темпы меркурианских мутаций на порядок выше земных. Дескать, на поколениях потомков это скажется неминуемо. Но я о другом. На ученом совете нашлись и такие, кто пытался освистать доклад. Понимаешь?

— А если докладчики перегнули палку?

— Встречный вопрос: а если нет?

— Тогда третейский суд.

Аверьян покивал:

— То есть третья группа умов должна рассудить спор двух первых. Так и делаем. Земля не оскудела умами. По любому вопросу безопасности Ближнего Внеземелья создаем ученые советы, комиссии, подкомиссии, комитеты, агентства. Трудно даже сказать, сколько их работает под эгидой МУКБОПа. Международных и региональных. Специальных, функциональных, экспертных, координационных. Всяких. Нагромождаем друг на друга этажи умов, ярусы авторитетов. Вдобавок теперь нас прижимают к стене «сюрпризы» Дальнего Внеземелья. Как быть? Уповать на неисчерпаемость интеллектуальных ресурсов родимой планеты?

— Значит, так обстоят дела...— пробормотал Андрей.

— Да,— сказал Аверьян.— Лавина. Теперь основная наша забота — сохранить природную сущность людей вообще. Средств, правда, у нас для этого маловато... И знаний.

— Сдается мне, чем больше мы приобретаем знаний о Внеземелье, тем подозрительнее к нему относимся.

— Кто-то из древних сказал: «Во всякой мудрости есть много печали, ибо знания умножают скорбь». Не предугаданы ли в бородатом афоризме наши теперешние затруднения с Внеземельем?

«Слышал бы это Ярослав»,— подумал Андрей, припоминая патетическую речь Валаева.

— А если серьезно,— продолжал Аверьян,— дело не в количестве знаний, но в их глубине. Мелко плаваем.

«Ну и плавали бы глубже,— с неприязнью подумал Андрей.— Нас, к примеру, некому упрекнуть, что мы низко, дескать, летаем». Сухо напомнил:

— Мы уклонились от предмета нашего разговора.

— Неужели?

Андрей быстро взглянул на него. Лицо Аверьяна было по-прежнему сумрачным. В темных стеклах очков отражался пальмовый частокол иллюзорной лагуны. Андрей пояснил:

— Я имею в виду «Анарду» и Мефа Аганна.

— Ты полагал, я толкую о чем-то другом?

— Хочешь сказать...

— Да. Аганн — один из самых тревожных «сюрпризов» Дальнего Внеземелья.

Андрей выпрямился. Погладил рифленый отпечаток поручня на локте, проговорил:

— Не зря, значит, мне показалось, что ты его ненавидишь.

Пальмовый частокол в стеклах очков Аверьяна мгновенно сменился отражением головы собеседника.

— Тебе показалось. Разве можно ненавидеть стену, о которую треснулся лбом в темноте?

Андрей смолчал.

— Я понимаю, Аганн произвел на тебя приятное впечатление. И превосходно. Там, на «Анарде», ты должен будешь постоянно поддерживать огонек «приятного впечатления».

— Мне это будет нетрудно.

— Ошибаешься,— тихо сказал Аверьян.— Именно в этом сложность твоей миссии.

— Ничего не понимаю,— признался Андрей.

— Аганн каким-то непостижимым образом физически ощущает малейшую к себе неприязнь. Вот потому-то тебя... вместо меня.

— Да? А у тебя что...

Копаев понял вопрос с полуслова:

— А я никогда приятно с ним не беседовал. Я его и в глаза не видел. Как полагают наши психологи, имитировать положительные эмоции мне не удастся. Полагают, тебе будет легче.

— Верно. Я не испытываю к Аганну ни малейшей неприязни. И не думаю, чтобы там...

— Поводы будут,— загадочно пообещал Копаев.— Кстати, о чем вы беседовали до утра в гостинице «Вега»?

— Я уже говорил. На профессиональные темы. Вспоминали, конечно, свою альма-матер. Меф тоже учился в иркутском вузе.

— Аганн упоминал о рейдере «Лунная радуга»?

— «Лунная радуга»?.. Нет. Это имеет значение?

— В беседе на профессиональные темы с первым пилотом «Байкала» бывший первый пилот «Лунной радуги» ни словом ни обмолвился о рейдере, на котором летал многие годы. А ведь было здесь о чем поговорить. Один только рейд к Урану чего стоил.

— Нет, о системе Урана он не упоминал.

Аверьян покивал:

— Упустил из виду. Стоит ли упоминать о всяких там мелочах, связанных с Обероном. Ну подумаешь — поиск пропавшего без вести рейдера «Леопард», катастрофа на Обероне, гибель шести человек из экипажа «Лунной радуги». Экая невидаль...

— Выходит, Аганн участник этих событий?

— Профессиональная беседа Аганна с тобой была на редкость содержательной.— Аверьян снял очки, нацепил их на поручень.— Что-нибудь вообще ты помнишь про оберонскую эпопею десятилетней давности?

Андрей отвернулся и стал смотреть на блестящую воду лагуны. В тот год он летал пилотом-стажером — марсианская линия, танкер «Айгуль». Экипаж был печально заинтригован таинственным исчезновением «Леопарда».

Обсуждали на вахтах каждое сообщение с борта «Лунной радуги». Весть о гибели начальника рейда Николая Асеева потрясла пилота-стажера... На лунном ринге Асеев был одним из самых заметных боксеров тяжелого веса, и спортивную молодежь словно магнитом тянуло к этому великану.

Андрею вспомнились кадры фильма про оберонский гурм. Десантники «Лунной радуги» в разноцветных скафандрах. По цвету, видимо, только и различали друг друга, но Асеева он узнал легко. Он сразу обратил внимание на человека в лиловом скафандре с лиловыми искрами катофотов, потому что этот скафандр превосходил размерами все остальные...

— Я знал Асеева,— сказал Андрей.

— Кого еще ты знал из погибших на Обероне? Напомню их имена: Мстислав Бакулин, Аб Накаяма, Леонид Михайлов, Рамон Джанелла и командир группы десантников Юс Элдер.

— Никого. Я был еще желторотым курсантом.

— А тех, кто вырвался из оберонской западни?

— Аганна ты знаешь. Тимура Кизимова? Дэвида Нортона? Эдуарда Йонге? Жана Лорэ?

— Жан Лорэ? Такого не помню. Остальных знаю. Да и кто их не знает — известные космодесантники.

— После событий на Обероне Лорэ сразу вышел в отставку,— пояснил Аверьян.— Кстати, Нортон, Йонге, Кизимов тоже проявили нервозность и пытались выйти в отставку досрочно. Однако притихли, как только УОКС перевел их из Дальнего Внеземелья в десантный отряд на Меркурии. Что им мешало работать в системах внешних планет — остается неясным. Аганн повел себя по-другому. Дальнее Внеземелье его не пугает. Скорее наоборот...

— Но Кизимов, Нортон, Йонге теперь, я слышал, отставники?

— Теперь — да. Внешне все у них выглядит благополучно: ветераны Внеземелья на заслуженном отдыхе. Живут себе уединенно и тихо. Нортон и Йонге в Америке, Лорэ в Европе, Кизимов в Азии. Лишь Аганн почему-то обосновался в системе Сатурна, возле Япета...

— Дался тебе Аганн! Ну, скажем, характер у него не такой, как у прочих.

— Ну, скажем, характеры у них у всех разные,— не то возразил, не то согласился Копаев.— Но вот странность: все пятеро обладают общей чертой. Нелюдимостью.

— Иными словами, в МУКБОПе считают, что нелюдимость пятерки — внеземное «приобретение». Но об этом я уже догадался.

— А как насчет догадки о том, что до катастрофы на Обероне никто из них не отличался склонностью к отчуждению?

— А чего вы хотели? — осведомился Андрей.— Чтобы у них после драмы на Обероне все оставалось по-прежнему?

— Тяжелый вопрос. Но, как минимум, мы не могли не хотеть, чтобы каждая персона из этой экзотической пятерки оставалась человеком.

— Как минимум?

— Да. Они не люди, Андрей.

— Что?..

— Не люди,— подчеркнуто внятно сказал Аверьян.— И в этом все дело.— Он с грохотом отпустил поручень трапа, вспрыгнул на парапет и зашагал туда, где были портфель и одежда.

Машинально поймав на лету падающие очки, Андрей постоял, пытаясь определить свое отношение к словам Аверьяна. Разумеется, он сознавал, что по логике этих мгновений непременно должен быть ошарашен, ошеломлен или хотя бы растерян. Но ничего такого не чувствовал. Ничего, кроме своей беспомощности. Как на развилке дорог в незнакомой степи. Он не мог заставить себя усомниться в человеческом естестве Аганна. Однако считать Копаева идиотом тоже вроде бы глупо. Во всяком случае, сложно. Пришлось бы менять давно устоявшийся взгляд на МУКБОП... Повесив очки на прежнее место, Андрей стал смотреть, как представитель МУКБОПа надевает желтые брюки.

Копаев вернулся, и Андрей очень близко увидел зрачки его серых внимательных глаз. Копаев стоял и смотрел собеседнику прямо в глаза. Портфель в руке, черный свитер на загорелом плече как пляжное полотенце.

— Ну,— пробормотал Андрей,— чего уставился?

— Да так... Мне показалось, я потряс тебя информационным ударом.

— Изучаешь, в глубоком ли я нокдауне. Счет открыть не забыл?

— Беру реванш за проигрыш тебе в финале.— Аверьян кивнул в сторону аэрария.— Пойдем туда, я должен кое-что показать. Здесь слишком светло.

Уже на ходу он доверительно сообщил:

— Каждая особь из этой пятерки нелюдей все еще сохраняет в себе ряд истинно человеческих качеств. Причем не только на словах. Кое-какие поступки и... В общем, в нашей системе понятию «нелюдь» мы пока предпочитаем кодовое название «экзот».

Андрей почувствовал облегчение.

ПРИНЦ НА ГОРОШИНЕ

В аэрарии Копаев огляделся и молча направился в гардеробный павильон.

Андрей задвинул за собой бамбуковую дверь и увидел, что Копаев разглядывает штатив с одеждой.

— Это моя,— пояснил Андрей.

— Догадываюсь,— проворковал Копаев. Задрал голову кверху — на лице отпечаталась тень потолочной решетки. Весь он был исполосован тенями, как зебра.— А где тут... Управление голосом? Никак не привыкну.

«Продолжаем дурака валять»,— подумал Андрей. Отдал приказ автомату:

— Сорок-пятнадцать, верхние светофильтры.

Решетка потемнела — все в павильоне окрасилось в изумрудный цвет. Видный сквозь жалюзи блеск воды почему-то казался теперь с розоватым оттенком. Андрей сел на жесткий диван, посмотрел на портфель в руке интенсивно позеленевшего Аверьяна, добавил:

— Стол.

Представитель МУКБОПа, наблюдая, как из-под настила вырастает пластиковый бутон и разворачивается блином столешницы, одобрительно проворковал под нос: «Ну что за прелесть эта подпольная мебель!» — сел и, покопавшись в портфеле, выложил на стол коробку фотоблинкстера. Хотел открыть, но Андрей остановил его руку:

— Погоди. Все же... кто они? Нелюди? Или экзоты?

— Названий я тебе сколько хочешь...

— Не наводи тень на плетень, говори прямо.

— Жаждешь подробностей?.. Это сложно.

— Ничего. Я постараюсь понять.

— Хорошо, постарайся. Тем более что даже там, в спецотделах МУКБОПа, многого про экзотов не понимают.

Андрей смотрел на Копаева. Тот медлил, что-то соображая.

— Видишь ли... Сотрудникам Западного филиала удалось скопировать необычайно важный документ — дневниковые записи бывшего десантника-«оберонца» Дэвида Нортона. Документ заставил нас сделать два, казалось бы, взаимоисключающих вывода. Первый — успокоительного свойства...

— А именно? — быстро спросил Андрей.

— О нем я упоминал. Это насчет истинно человеческих качеств. Анализ рукописи... да и поступков Нортона объективно свидетельствует: сознание и нравственные критерии бывшего «оберонца» не выходят далеко за пределы общечеловеческих норм. А что касается второго вывода... Знаешь, мы до сих пор разводим руками в полном ошеломлении. После событий на Обероне природная сущность Нортона разительно изменилась. Она не адекватна биологической сущности землян.

— Так... В чем это выражается?

— В том, во-первых, что физиология Нортона, похоже, базируется на энергетике небиологического происхождения. Его организм способен аккумулировать энергию каким-то иным путем, не свойственным человеческому организму. Во-вторых, не только аккумулировать, но и очень эффектно расходовать. Эффекты «расхода» весьма экзотичны, и зачастую их специфика самому Нортону непонятна и неподконтрольна. Чаще всего он просто не понимает, что именно с ним происходит. Причуды своей физиологии... точнее сказать квазифизиологии, бывший десантник переносит мучительно тяжело. Но больше всего он боится «мертвой тишины». Что кодирует Нортон в своем дневнике словосочетанием «мертвая тишина», мы не знаем. Впрочем, не все нам понятно и про особенности, которые открытым текстом...

— Какие особенности?

— Буквально нечеловеческие.

— А конкретнее?

— Конкретнее... Трудно, видишь ли, языком человеческим об особенностях нечеловеческих... Ну вот, вообрази себе на минуту, будто бы ты ни с того ни с сего вдруг стал способен подолгу не дышать, подолгу обходиться без сна, видеть в полной темноте — даже сквозь плотно сжатые веки. Способен слышать, видеть и обонять ультразвук, радиоволны, пульсацию незаметных для нормального человека электромагнитных полей...

— Но это же сила! — вставил Андрей.

— Не торопись,— возразил Аверьян.— Нечеловеческая сверхчувствительность для человека удовольствие сомнительное. Запусти руки в кучу поваренной соли — что почувствуешь? Ничего особенного, верно? Нечувствительным к соли тебя делает твоя надежная сибирская кожа. А если кожа содрана в двух-трех местах? Пожалуй, взвоешь.

— Ладно, соль аналогии я уловил.

— Я говорил об ощущениях Нортона. Однако есть свидетельства, что по такого рода ощущениям Нортон, Лорэ, Кизимов и Йонге — полные аналоги. Сострадальцы — экзоты...

— Среди них ты не упомянул Аганна. Случайно?

— Нет.— Копаев поерзал.— Тут есть одна тонкость... Но не обнадеживай себя.

Андрей спросил:

— И что... ничем нельзя им помочь?

— Они страдают уже десять лет, но никто из них не обратился за помощью. Более того, на контакт с нами экзоты решительно не идут. И очень стараются скрыть свое внеземное уродство.

— С какой стати?

— Этот вопрос тревожит нас больше всего. Из двух зол нормальные люди выбирают, как правило, меньшее. Почему нашим экзотам страдания в одиночестве кажутся меньшим злом — загадка из загадок. Вот и попробуй тут разобраться, чье сознание берет у них верх. Людей? Или нелюдей?..

— И медикологи ничего не заметили?

— Перед медосмотром экзоты умеют временно избавляться от «чужеродного заряда»,— терпеливо пояснил

Аверьян.— В результате их физиологические характеристики на некоторый срок приходят в норму. Правда, это из области наших догадок... Природа «чужеродного заряда» и механизм его нейтрализации пока остаются для нас тайной за семью печатями. Но сам по себе метод нейтрализации прост до смешного. Экзот накладывает ладонь на действующий сингуль-хроматический экран — и «чужеродный заряд» как бы стекает на экранную поверхность. Улавливаешь?

— Да. Продолжай.

— Структура кварцолитовой поверхности экрана как-то странно видоизменяется — кварцолит совершенно теряет прозрачность в том месте, где прикасался экзот. На экране остается угольно-черный отпечаток ладони. Мы регистрируем такие отпечатки под кодовым названием «черные следы». Именно они дали нам повод впервые заинтересоваться десантниками-экзотами.

— Аганн имеет какое-нибудь отношение к...

— Можно мне по порядку? — вежливо перебил Копаев.— Так вот, о феномене «черных следов»... Трудно поверить, однако Международному управлению космической безопасности «черные следы» известны лишь из показаний очевидцев. По большей части случайных. Лишь одному штатному сотруднику Западного филиала удалось увидеть этот таинственный феномен воочию. Увидеть — и только! Спецы научно-технической службы МУКБОПа в ярости оттого, что до сих пор не могут заполучить «черный след» в свои руки. Разумеется, виноваты мы, оперативники. Но мы ничего тут не можем поделать, потому что экзоты, заметая свои «следы», уничтожают экраны. То есть попросту разбивают их вдребезги. А после «экранной диверсии» никогда не забывают убрать кварцолитовый мусор, и все у них шито-крыто... Вывод сделаешь сам?

— Для вас «черный след», похоже, играет роль решающего фактора... Ну, который...

— Который позволяет нам безошибочно выделять экзота из среды полноценных людей,— подсказал Аверьян.— Верно. И почему бы вам, Андрей Васильевич, не перейти на работу в МУКБОП?

— Да? А почему бы вам, Аверьян Михайлович, не остаться координатором? Говорят, вы делаете успехи.

Копаев обнажил в улыбке ровный ряд изумрудных зубов:

— Здешний ринг для нас двоих слишком тесен.

— А знаешь,— проговорил Андрей,— я пока не исключаю вероятия того, что тесным для нас двоих может сделаться все Внеземелье.

Улыбка на лице Копаева угасла.

— Это при каких же условиях? — осведомился он.

— При одном. Если мне станет ясно, что Аганн, вопреки твоим уверениям, полноценный человек.

— Ты из тех, кто никому не прощает ошибок?

Андрей не ответил. Копаев вздохнул и сказал:

— Ну ладно. Тогда, по выражению программистов прошлого века, перфокарты на стол... Действительно, наше ведомство пока не вправе зачислить Мефа Аганна в компанию «черноследников». Для этого нет у нас прямых улик — никто не видел его черных меток, тождественных «черным следам» Кизимова, Нортона, Йонге, Лорэ. Однако есть косвенная улика — его нелюдимость. Лично меня эта улика вполне убеждает: Аганн в одном ряду с остальными экзотами. А если учесть его странную тягу к безлюдным просторам Дальнего Внеземелья, которое вдруг стало поперек горла другим экзотам, я без особого риска дал бы Аганну название — суперэкзот.

— Вот даже как!.. А куда подевалась знаменитая ваша «презумпция невиновности»?

— Никуда она не подевалась. Остается в силе, пока не будет доказано обратное. А доказать мы надеемся с твоей помощью. Так или иначе, но Аганн у нас на подозрении. Цепочка «черных следов» тянется за каждым из «оберонцев»-экзотов. Почему бы ей не тянуться за «оберонцем» Аганном? Давно прошли времена, когда у подозреваемых насильно брали отпечатки пальцев, и никто о тех временах не жалеет. Но в этой ситуации лично я уже близок к тому, чтобы испытывать ностальгию... В общем, пока думай что хочешь, но, всего вероятнее, Аганн — матерый суперэкзот.

Щелкнула откинутая крышка фотоблинкстера. Копаев переключил клавиши управления — из боковой стенки прибора выдвинулся стержень с белым шариком на конце. Тронув клавиши поиска кадров, представитель МУКБОПа бросил взгляд на примолкшего собеседника, взялся за

шарик. В пространстве над зеркалом отражателя возник объемный портрет Мефа Аганна — желтоволосая с проседью голова в натуральную величину. Умные бирюзово-синие глаза матерого (всего вероятнее) суперэкзота глядели доверчиво, благожелательно и чуточку грустно.

— Ну, это неинтересно,— пробормотал Аверьян,— Аганна ты знаешь. Йонге, Кизимова, Симича, Нортона... Вот Жан Лорэ и Марко Винезе.

Андрей посмотрел на портреты Лорэ и Винезе, вспомнил, что этих людей он тоже видел когда-то в Леонове или в Гагарине. Тихо спросил:

— Значит, и Золтан Симич, и Марко Винезе?..

— Да,— подтвердил Аверьян,— из той же компании «оберонцев»-экзотов. Ведь после оберонского гурма спаслись семеро. Но о Винезе и Симиче не было речи, потому что и тот и другой пропали без вести позже. Винезе — во время разведки пещер Лабиринта Сомнений на Меркурии. Симич — в южной зоне Горячих Скал на Венере.

— Но еще в этом году я видел Симича в Гагарине!

— Он погиб незадолго до старта «Байкала». Точнее — пропал без вести. Мы вынуждены так говорить, поскольку никто не видел трупов Симича и Винезе. Хотя и тот и другой скорее всего действительно погибли. В живых теперь остались только эти пятеро — Аганн, Лорэ, Кизимов, Нортон, Йонге.

— Н-да,— протянул Андрей,— веселенькая история...

— Дальше будет еще веселее,— мрачно пообещал Аверьян.— Дальше идут портреты десантников, погибших на Обероне. Как у тебя со зрительной памятью?

— Не жалуюсь.

— Смотри и старайся запомнить.

— А зачем?

Копаев нахмурился:

— Ты ведь взялся за это дело? Я правильно понял?

Андрей внимательно посмотрел на него. Сказал:

— Леший меня подери, если мне тут все ясно.

Копаев взгляда не отвел.

— Я,— сказал он,— даю тебе очень подробную информацию. И не скрываю, что это пока еще только синица в руке. А журавль... сам знаешь где. У Япета. О какой ясности может идти речь?

«Чего-то он все-таки не договаривает»,— решил Анд-

рей. Но смолчал. Ему стало тревожно и неуютно. Отчего ему стало тревожно и неуютно, он не мог себе объяснить, и от этого неприятное ощущение только усилилось. Он слышал, как представитель МУКБОПа что-то переключил на пультике фотоблинкстера, и едва не вздрогнул, увидев изображение головы Николая Асеева. Широкое массивное лицо, приплюснутые уши, слегка приплюснутый нос. Левая бровь рассечена светлой черточкой шрама. Это было самое уязвимое место Асеева в боксерских поединках. Из-за левой брови Асеев чуть не потерпел поражение в полуфинале розыгрыша Лунного Кубка и проиграл в сравнительно легком финальном бою. Заметив соболезнующий взгляд Андрея, рассмеялся, а потом, уже в раздевалке, снял халат и подарил со словами: «Возьми, Андрюша. На память. Мне хочется, чтобы этот халат был на тебе в день финала, который ты выиграешь...»

Аверьян кивнул на портрет:

— Начальник рейда «Лунной радуги» к Урану...

— Не надо,— сказал Андрей.— Я знаю.

— В составе группы десантников «Лунной радуги»,— невозмутимо продолжал Аверьян,— Асеев принимал участие в высадке на Оберон. Командир группы Юс Элдер был уверен в безопасности десанта. Его уверенность стоила жизни ему самому и еще пятерым. Асеев погиб, заслоняя собой, своим телом... Впрочем, фильм про оберонский гурм ты, наверное, помнишь?

Андрей не ответил. Перед глазами снова возник лиловый скафандр с лиловыми катофотами. Гибель Асеева — последние кадры этого фильма, но там уже почти ничего нельзя было понять. Медленное, как во сне, перемещение гигантских теней, их причудливая деформация, зеленые зарницы, снежная и ледяная пыль, бессильные перед клубами пыли лучи фар и дрожащие мутно-желтые ореолы вокруг лучей, окантованные полукружьями неярких радуг... Нет, на просмотре он так и не уловил момент гибели Асеева, а потом разбираться в деталях ему уже не хотелось. Разбираться в деталях, осмысливать — это дело специалистов. А с него довольно было знать, что Николай Асеев как человек и боец, которого уважала, любила вся летающая молодежь УОКСа, не дрогнул там, на ледяной окраине Внеземелья, и, спасая товарищей, распорядился собой, своей жизнью так, как подобает бойцу, человеку.

— Рамон Джанелла,— сказал Копаев, и Андрей увидел над зеркалом отражателя рыжеволосую, коротко стриженную (это в обычае у десантников) голову незнакомца. Длинное лицо с едва различимыми на загорелой коже крапинками веснушек, длинный некрасивый нос. Желтовато-зеленые глаза Рамона глядели весело и лукаво — казалось, десантник еле сдерживает ухмылку. В его лице угадывались кое-какие черты, присущие аборигенам Латиноамериканского континента, однако уверенно отнести Рамона к людям южного типа было бы невозможно.

— Мстислав Бакулин.

Чертами лица Мстислав напоминал Валаева. Правда, рот иной формы: разрез чересчур правильный (красивый, но какой-то математически точный), сурово сжатые губы. Волосы русые, глаза гипнотически-пристальные, светлосерые — почти белесые. Андрей с удивлением обнаружил, что рот и глаза Мстислава ему знакомы. Знакомы и чертовски не нравятся. Ему вдруг подумалось, что человек этот нравом был крут и, вероятно, способен на резкие выходки. Да, бесспорно, этого человека он видел когда-то. Мельком. Очень давно. Лет десять — двенадцать назад. Где и при каких обстоятельствах? В Леонове? Или в Гагарине?.. Нет, в Королеве. Это было под прозрачным, как воздух, керамлитовым колпаком смотровой площадки полигона для испытаний малотоннажных флаинг-машин — лунная верфь «Перун 2-бис» демонстрировала новое изделие — двенадцатиместный космодесантный катер «Циклон». Посмотреть пришли в основном профессионалы, связанные с работой в условиях Дальнего Внеземелья, потому как «Циклон» специально был создан с учетом условий работы в лунных системах дальних планет. Пришли десантники, пилоты-барражировщики, рейд-пилоты, орбит-монтажники, стройбазовцы и даже пилоты дальнорейсовых кораблей — «Циклон» вызывал любопытство. Странная новинка не была похожа ни на одну из космодесантных флаинг-машин того периода. Четырехногий юркий «Казаранг», остроносый «Буран», каплевидный «Сирокко» и чемоданообразный «Блиццард» по форме не имели ничего общего с новым драккаром. Черная пирамида с выпуклостями на гранях (словно пирамиду распирал изнутри втиснутый в нее шар), бугры шлюзовых

тамбуров и дыр вакуум-люков на ребрах, двойные блестящие кольца роторно-струйных моторов. «Не взлетит! — шутили вполголоса в своем кругу молодые пилоты.— А если взлетит — начнет кувыркаться на скользящих коррекциях сразу вокруг всех осей!» «Кошкин дом»,— внес свою лепту Андрей. Огляделся, очень довольный собственным остроумием; вдруг замер, как замирают в минуту серьезной опасности: головы двух стоящих неподалеку незнакомых десантников медленно повернулись в его сторону, и он увидел две пары глаз — пару стальных на скуластом жестком лице и пару гипнотически-пристальных белесых... Оглядев остроумца (а заодно и весь «цыплячий выводок»), десантники отвернулись и снова застыли как изваяния со скрещенными на груди руками. Ничего не произошло, но каждый член «выводка» ощутил себя так, словно его аккуратно взяли за шиворот и крепко встряхнули. Жалкое зрелище: кучка «цыплят», возле которых застыли две «дикие кошки» (на рукавах десантников красовались эмблемы с мордами кугуаров). Впоследствии он узнал, что человек со скуластым лицом и стальными глазами — Дэвид Нортон, и позднее часто встречал его в лунной столице. А вот с «белоглазым» довелось снова встретиться только теперь. Значит, Бакулин Мстислав...

— Леонид Михайлов.

Этот полная противоположность Бакулину. Леонид производил впечатление человека «себе на уме» — спокойного, внимательного, но явно склонного к ироническому миросозерцанию. Волосы темные. Черты лица правильные, приятные.

— И последний,— сказал Аверьян.— Аб Накаяма.

Типично азиатское лицо. Широкие скулы, узкие глаза с цепкими зрачками снайпера, брови вразлет. Ничего особенного. Если не считать чрезмерно длинных для профессионала десантника глянцево-черных волос.

— Ну вот... портретная галерея погибших на Обероне.— Аверьян подергал себя за вихор на макушке.

— Пятеро,— возразил Андрей.— Шестым, как мне помнится, должен быть командир группы десантников «Лунной радуги» Юс Элдер.

— Кстати, Юс был ближайшим другом Мефа Аганна.

Андрей поймал на себе взгляд Копаева. Спросил:

— Ну и что?

Копаев опустил глаза.

— Аганн упоминал про Элдера в разговорах с тобой?

— Нет.

— Ты, кажется, недоумевал по поводу того, что за последние десять лет у Аганна был один-единственный приятель — Андрей Тобольский...

— А ты, кажется, знаешь, в чем тут дело?

— Знаю.

— В таких случаях уместнее говорить «догадываюсь».

— Взгляни сам.

Андрей взглянул на фотоблинкстер, увидел свой портрет, перевел взгляд на Копаева.

— Нет, ты посмотри внимательнее.

Андрей посмотрел внимательнее. Нахмурился.

— Что теперь скажешь?

— Это не я,— сказал Андрей.— Похож на меня... Очень. Но это не я.

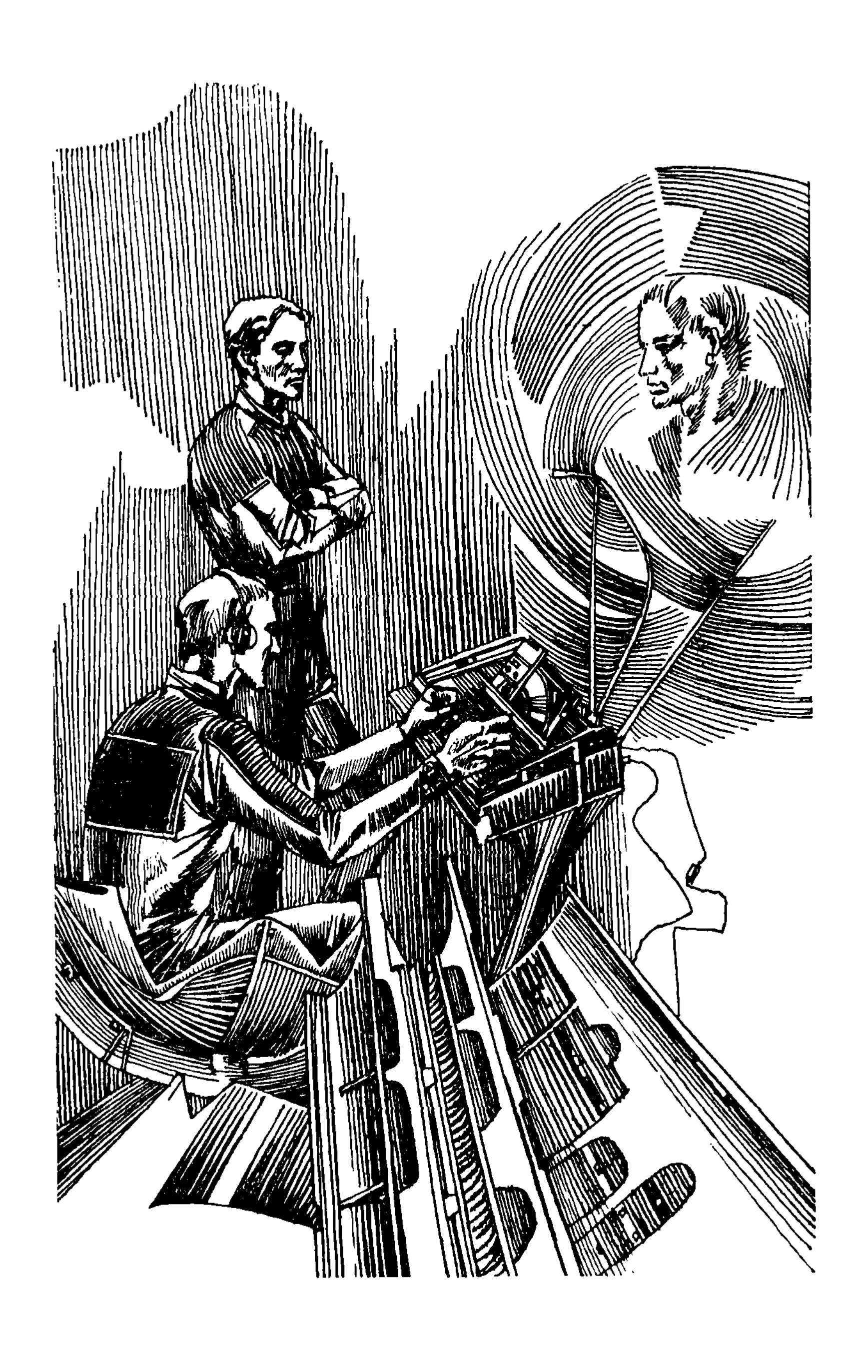
— Верно. Не ты. Юс Элдер. Погибший на Обероне друг Мефа Аганна.

Аверьян закрыл фотоблинкстер. Несколько секунд Андрей следил, как загорелые пальцы Копаева застегивают замки портфеля. Опомнившись, проговорил:

— Погоди, Аверьян... почему же раньше...

— ...Никто не обратил внимания на ваше с Элдером необычайное сходство? — Копаев надел свитер, одернул рукава.— Очень просто. Портрет Элдера сделан лет двенадцать назад — в то время, когда командиру десантников было сорок. И чтобы твое сходство с Элдером в конце концов стало бросаться в глаза, тебе надо было... э-э... несколько возмужать. В последние годы ты это сделал. Но, с другой стороны, ведь и количество глаз, способных отметить твое возмужалое сходство с давно погибшим десантником, сильно уменьшилось. Иных уж нет, а те далече... В отставке, скажем. Ну и потом, у кого повернется язык заявить тебе прямо: так, мол, и так, уж очень вы, Андрей Васильевич, похожи на некоего мертвеца. Это не комплимент. Верно?

Андрей смотрел в пространство мимо Копаева. В голове была каша. Вопросы, которые он намерен был задать Аверьяну, улетучились все до единого. Он напрочь забыл их. Все до одного. Как будто после знакомства с



внешностью Элдера, все остальное сместилось куда-то. Соскользнуло. Куда-то в иные плоскости ощущений.

За последнее время многое в его жизни стало смещаться, соскальзывать. Прямо сплошной гололед для привыкшего к твердому шагу. И главное — в отношениях с Валентиной. Казалось бы, ничего сверхособенного не произошло: ну не было у нее настроения свидеться, и все тут. Но ведь сразу же соскользнуло что-то куда-то, резко сместилось. Дальше — Валаев... Сперва Ярослав, не поставив в известность друга (не грех добавить — и члена командного совета корабля), дает согласие втянуть своего основного пилота в подозрительную затею с экспертизой на танкере. Потом жалеет об этом, кается — извини, мол, не знал, в первый, дескать, и последний раз, хотя уже в кабинете Морозова двойственный смысл экспертизы в принципе был ему ясен. Ладно, во имя дружбы придется все это переварить. В конце концов орлы мух не ловят. Ярослав уступил под нажимом МУКБОПа — казалось бы, чего особенного? Но ведь наползла на старую дружбу тень, что-то едва уловимо сместилось... Теперь — история с Мефом Аганном. Тобольский не нужен был Мефу сам по себе. Тобольский был нужен Мефу в образе Элдера. Н-да... Жена. Друг. Приятель...

Андрей ощутил, что сидеть ему неудобно: словно колючка впилась в бедро. Он нащупал колкий предмет. Это была пластмассовая «горошина» — неровно окатанная частичка пляжной насыпки.

— Принц на горошине,— прокомментировал Аверьян.— Кстати, в принцах ты ходишь последний рейс. На днях коллегия УОКСа должна утвердить тебя капитаном «люстровика» — дело решенное. Андрей Тобольский, капитан Дальнего Внеземелья... Звучит.

«Звучит,— подумал Андрей.— Жена, друг, приятель. Друг, приятель, жена...»

Он бросил «горошину» за спину, поднялся, приказал автомату убрать светофильтры. Подошел к штативу с одеждой.

— О чем это я хотел спросить?.. Да! А что я, собственно, должен делать на борту «Анарды»?

Копаев, щурясь от хлынувшего сверху солнечного света:

— Смотря по тому, в русле чьих интересов...

— Ваших, естественно. Вашего ведомства.

— В этом русле — ничего.

— То есть как это — ничего?..

— То есть ничего в абсолютном смысле этого слова.— Копаев пожал плечами.— С одной стороны, ты на борту «кашалота» официальный гость — технический эксперт. С другой — приятель Аганна. Вот и занимайся потихоньку своими делами, общайся с приятелем. Торопиться некуда, время есть. Две недели. «Байкал» без тебя не уйдет.

— Ни малейших сомнений.

— Вернешься назад — не забудь поделиться со мной впечатлениями.

— И это все?

— Да. В общем и целом...

Просунув голову сквозь ворот свитера, Андрей посмотрел на Копаева.

— А в частности?

— В частности...— Аверьян уставился на золотую эмблему пилота, словно впервые видел ее.— В частности, я полагаю, Аганн будет рад общению с тобой. Но если ты вдруг заметишь, что по какой-то... пусть даже необъяснимой причине твое общество начинает его тяготить — сразу уйди. Немедленно. Оставь своего приятеля в покое. Хотя бы на время.

— Я не способен поступать иначе.

— Ну, знаешь... разные бывают обстоятельства.

Копаев сидел неподвижно, и вид у него был усталый и как будто бы виноватый. Андрей, не отрывая взгляда от представителя МУКБОПа, вслепую натянул ботинки.

— Связь «Байкала» с «Анардой» — раз в сутки,— усталым голосом продолжал Аверьян.— Если за сутки на борту танкера ты ничего такого... гм... необычного не заметишь, сеанс связи будешь заканчивать фразой: «Привет нашим парням — всей корабельной команде». В противном случае — условная фраза в конце: «Общий привет». Ну а если тебе там, на танкере, почему-либо станет совсем уж невмоготу, дашь мне понять об этом словами: «Скучаю, очень скучаю». Запомнил?

— Язык лицемерия прост, запомнить нетрудно.

— Язык разведки. И если все-таки «заскучаешь»...

— Не надо, я понял, ты прилетишь и подменишь меня.

Скрипнул диван, Копаев поднялся.

— Ладно,— сказал Андрей,— попробую разобраться самостоятельно.

— Итак, до связи?

Андрей пожал протянутую руку представителя МУКБОПа:

— До связи.

— Всего тебе самого доброго! — как-то уж очень искренне, тепло сказал Копаев.

Андрей отодвинул легкую бамбуковую дверь. В исполосованном тенями аэрарии по-прежнему было безлюдно.

— Да, вот еще что!..— произнес Копаев вдогонку.

— Ну? — Андрей спиной почуял неладное.

— Только пойми меня правильно и... воздержись от бесполезных вопросов — все равно не сумею ответить. Так вот, я тебя не обманываю, когда говорю, что на танкере, кроме Аганна, нет никого. Это правда.

— Я верю,— бросил через плечо Андрей.

— Но если однажды тебе случиться увидеть на борту «Анарды»...ну, в общем, не Мефа Аганна, то... знаешь... пройди мимо и постарайся сделать вид, что ничего особенного не заметил. Трудно при таких обстоятельствах изображать хладнокровие, однако попробуй. Иного совета дать не могу.

Андрей обернулся. Копаев смотрел сквозь жалюзи на сверкающую под солнцем воду. Обтянутая черным свитером спина, серебром по черному «Байкал», руки в карманах. Андрей с такой силой задвинул за собой дверь, что решетчатая стенка отозвалась гулом.

В нескольких метрах от павильона он замедлил шаг. Остановился. Волна бешенства схлынула. Посмотрел под ноги, нагнулся и подобрал пластмассовую «горошину». Возможно, та самая, которую он бросил за спину, когда сидел на диване. Покатал неровный комочек в ладони. А собственно, почему за все человечество голова должна болеть у одного Копаева? Почему все то, чем встревожен функционер МУКБОПа, в той же мере не должно тревожить любого и каждого члена мирового сообщества человеков? Скажем — Андрея Тобольского? С какой это стати Тобольский считал себя вправе пребывать в состоянии иждивенческих настроений? Принц на горошине...

Он покосился на закрытую дверь. Подошел, откатил. И прямо с порога неподвижной черной спине с серебряной надписью:

— Люди слишком заняты, Аверьян. Своими делами, собой. Извини, я не был исключением.

— Ну... а теперь?

— Теперь возникла потенция смотреть на это по-другому. В общем, земляк, ты за меня не очень волнуйся.

Спина, блеснув серебром, шевельнулась, руки медленно выползли из карманов.

— Спасибо, Андрей.

— Ну вот и ладно.

Времени было в обрез. Попрощаться с Валаевым и на причал. Интересно, кто пилотирует люггер? Хорошо бы — Ян Сипп. Феноменально молчаливый парень. Шли бы на Япет с гарантией, что никаких вопросов.

Мертвец-в-Простыне — так называют Япет пилоты УОКСа. Мягкий такой юморок. Впрочем, гораздо принципиальнее то, что Япет был отцом Атланта и Прометея.

ПАССАЖ В ЧЕТЫРЕ РУКИ

Прогулка в новолялинском лесопарке им с Валентиной понравилась. Местность была живописная. Было много обомшелых старых деревьев, но гнилью не пахло, делянки выглядели опрятно. В букет летних запахов леса уже успели войти ароматы осени, кое-где отсвечивали желтизной визитные карточки листопада — первые во второй половине удивительно теплого августа.

Желтые листья Валентину явно интриговали. Она разглядывала их внимательно, с профессиональным (он это чувствовал) интересом. Хотел было полюбопытствовать, чем отличается увядающий лист уральского дерева от своего кавказского соплеменника, но передумал. Однажды какой-то банальный вопрос на прогулке в приморском парке вдохновил Валентину выложить всю сумму знаний, приобретенных наукой о семействе реликтовых за последние полтысячи приблизительно лет. Лекция была такая длинная, а ночь такая лунная... Он сделал себе зарубку на память: в обществе Валентины лирика для него, как ни странно, несовместима с ботаникой. Одно из двух.

К вечеру небо над лесопарком совсем очистилось, и здешняя ночь обещала быть тоже лунной. Закат застал их на просеке, отделяющей лесопарк от культурного парка с аллеями и цветниками. Приятно было идти, похрустывая гравием, поглядывать в небо и чувствовать запах раздавленных листьев. А когда Валентина спросила: «О чем задумалось Ваше Величество?» — он вдруг осознал, что думает о «Енисее», и почему-то ему было совестно признаваться ей в этом. Внимание Валентины отвлекла скульптурная группка оленей из отполированного до зеркального блеска металла. Оленье трио — самка, самец и детеныш — эффектно отсвечивало закатным пламенем, и возле скульптуры толпились люди. Он увидел сокурсника (в паре с медичкой из Центра), кивком поздоровался, перевел глаза на оленью семью. Головка самки то и дело склонялась к неуверенно стоящему на тонких ножках теленку — дескать, все ли в порядке, малыш? — а высоко поднятая голова самца медленно поворачивалась из стороны в сторону, словно выискивая опасность, и металлические рога вспыхивали багровыми отблесками. Люди смотрели молча. Какой-то особо осведомленный знаток монументального искусства бубнил про «удачную композицию», про «динамику изобразительных средств» и про то, что Новая Ляля имеет теперь «замечательный образец кинематической металлоскульптуры». Образец действительно замечательный, трудно с этим не согласиться, но голос был неприятный и мешал смотреть. Когда они уходили, знаток расхваливал «позицию» местных «мастеров светопластики» и «художников-имэджентистов». Это кошмарное слово — «имэджентисты» — Валентину очень позабавило.

С просеки они свернули в аллею. Закат догорел, вечерний сумрак сгустился, и ряды деревьев сделались темными, как стены ущелья. Неярко фосфоресцировали раковины парковых скамеек и светоузоры на плитах ковротуара; по слабым отблескам среди ветвей угадывались продолговатые пузыри лампионов, которые загадочно бездействовали в этом секторе, в то время как «прямо по курсу» — за тонкоствольной рощицей корабельных сосен — большой участок парка (по-видимому, центральный) уже сверкал скоплением огней.

Ужасно хотелось есть. Он было собрался предложить Валентине идти побыстрее...

— Гляди, Андрей, светлячок прилетел!

— Тебе показалось. Ну какие тут могут быть све...

Светлячок мелькнул у него перед носом и, пульсируя крохотным огоньком, пропал за темными кустами.

— Гляди-ка, еще один! И еще!.. Да их здесь уйма!

— Диво дивное!..— Светоносных букашек он видел до этого только в субтропиках.— Южная фауна в северном Зауралье?..

— Тут чудеса,— пропела Валентина,— тут леший бродит... Знаешь, я немного устала.— Она взяла его под руку.

— Давай попробуем прибавить шагу. В центре парка наверняка есть рестораны или кафе. Поужинаем, потанцуем... И кто это сообразил привезти их сюда и выпустить на погибель?

— Никто их не привозил. Это, видишь ли... местное изделие.

— О, мастера светопластики! — Он рассмеялся.— Художники-имэджентисты!

Вышучивая эффект «южной фауны» и собственное легковерие, они зашагали быстрее. Рой «светляков» исчез.

До корабельных сосен было еще порядочно. Валентина сказала:

— Тихо как... И безлюдно. И есть хочется, и луны нет. И осень скоро...

— Луна взойдет позже. Во-от такая!

Разведя руками, чтобы показать ей, какая взойдет луна, он ощутил сгибом локтя, как напряглись ее пальцы. Валентина остановилась. Он посмотрел вперед. Со слабо светящейся ленты ковротуара уходила в кусты хвостатая тень.

— Не бойся,— сказал он уверенно, громко (с тревогой, однако, припоминая рассказ о том, что в прошлом году таежная рысь забрела прямо в парк возле Дворца Космонавтов).— Обыкновенная кошка.

— Величиной с болотного лешего,— добавила Валентина.

— С лешими, я до сих пор полагал, ты знакома заочно.

— Зато я очно знакома с пилотом, который успел позабыть, как выглядит силуэт леопарда.

«Хоть тысяча леопардов,— подумал он, глядя туда, где исчезла жуткая тень,— лишь бы не рысь...» К новолялинским леопардам он склонен был относиться индифферентно.

Нет, ему не верилось, что бродячая рысь может напасть на людей — не в ее это правилах. Но ведь темно и... кто знает...

В кустах сухо треснула ветка. Раздраженное фырканье. Снова треск и возня... Это его успокоило. Рысь не слон — пробирается осторожно, неслышно, обнаружить себя не дает — тем и сильна.

Где-то рядом пронзительно (как в тропическом лесу) заорала и громко захлопала крыльями птица. Будто в ответ в отдалении коротко прозвучал низкий и очень внушительный рык.

— Ты не волнуйся.— Он обнял Валентину за плечи.— Не стоит внимания.

— Напротив. Мне любопытно послушать рычание местных художников-имэджентистов.

От обочины отделилась хвостатая угольно-черная тень. Лениво так, не скрываясь, вышла на середину аллеи. Легла. Зелеными самоцветами сверкнули глаза. Угасли. Вспыхнули снова... Крупная тварь. Валентина права: силуэт леопарда. Точнее — черной пантеры.

Сзади зашелестела листва. Он оглянулся. Еще одна пара светящихся глаз...

— Пробьемся! — весело сказала Валентина.— Прикрой тылы, следи за флангами, а я беру на себя фронтальный прорыв.

— Давай-ка присядем, стратег. Имэджентисты впали в амбицию, и добром они нас отсюда не выпустят.

Раковина скамьи приятно пружинила — сидеть вдвоем здесь было удобно. И было бы даже уютно, если б не эти горящие в полумраке — слева и справа — две пары зеленых глаз.

Сверху посыпались листья. Опять заорала «тропическим» голосом неизвестная птица и, по-куриному шумно хлопая крыльями, тяжело приземлилась (точнее, плюхнулась) прямо перед скамьей. Засеменила по тусклым разводам светоузоров, беспорядочно меняя направление, волоча длинный хвост и громкими криками выражая свое недовольство.

— Индонезия,— сказал он. Погладил смутно белеющий возле скамьи ствол березы.— Римба Калимантана. Пантеры, павлины, удавы...

— Где ты видишь удава?

— Нигде. И не хотел бы видеть.— Он сжал Валентину в объятиях и сразу нашел в темноте ее губы. Сладко пахло жасмином.

— М-м... погоди! На нас смотрят.

— Кто посмел?! А... старый знакомый.

На них глядели розовые глазки-пуговки ярко люминесцирующего удава. Библейская рептилия, аккуратно так навинтившись на ствол березы лимонно-желтой спиралью, неприлично виляла хвостом. Из открытой пасти выпирал большой апельсин.

Он поискал, чем бы швырнуть в змеиную голову. Швырнуть было нечем. Валентина спросила:

— Не помнишь, кто первый из нас помянул удава?

— Счастье, что я не успел помянуть королевскую кобру...— Ладонь Валентины чуть-чуть опоздала закрыть ему рот. Ладонь он с удовольствием поцеловал.— Виноват, первый был я.

— Ну тогда ты обязан его развлекать.

— Нет, не обязан. Я не умею развлекать рептилий. И не желаю. Я умею и желаю развлекать тебя. Пусть свинчивается обратно. Вот выну у него изо рта апельсин и скажу, чтобы проваливал ко всем чертям.

— Вот вынь и скажи.

— Я раздумал. Освобождать пасти рептилий от фруктовых затычек — женская привилегия.

Валентина погрозила люминесцентному удаву пальцем:

— Искушение не состоится. Сгинь!

Удав поморгал розовыми глазами, съежился и угас.

Птица, силуэтом похожая на павлина, перестала кричать, развернула веером хвост — перья вспыхнули языками лучистого пламени. Мягко прозвучал женский смех. И голос:

— Добрый вечер, молодые люди!

— Вечер добрый,— ответила Валентина.

Щурясь, он с удовольствием разглядывал пламенеющее костром изделие мастеров светотехники. Или светопластики — он плохо в этом разбирался. От Жар-птицы,

как от костра, исходило тепло, с перьев сыпались искры. У нее были яркие голубые глаза и благодушно-степенная походка, как у добрейшего Ван-Ваныча, преподавателя теории опорных траекторий. Чинно вышагивая, голубоглазое произведение светопластического искусства нежным голосом пообещало:

— Ай да повеселю вас, молодые люди, ай да распотешу!..

Он переглянулся с Валентиной.

— Сударыня,— обратилась к птице Валентина,— вы меня извините, но здесь я вынуждена просить вас опустить занавес.

— Да,— подтвердил он смущенно.— Извините, торопимся.

Огнеперое диво застыло на одной ноге и перестало сыпать искрами.

— Вырубай Феникса, Митя,— прогундосил кто-то из-под скамьи унылым тенором.— Клиент... одно расстройство. Это ему не по вкусу, то ему надоело, здесь он торопится. Пусть идет к... куда ему надо.

— Лимон ты, Эдик, пополам с верблюдом! — жизнерадостно отозвался Митя (голос шел откуда-то сверху).— Ну критикнули твоего червяка — так вполне поделом! Знаем сами — кривы сани. К чему маневры?! Шедевры надо создавать, шедевры!

— Не могу я с такими работать,— упорствовал подскамеечный тенор.— Мне пластику надо держать, а они полемику развели. У меня от них уже в правом ухе звенит. И в левом.

— Некстати это у тебя,— с сожалением сказал Митя.— Я собирался вывалить на них весь сундучок бабушки Серафимы.

Они с Валентиной подняли головы кверху. Жар-птица угасла, и было слышно, как Митя вздохнул где-то там — в темноте березовой кроны. И вдруг негромкий смешок:

— А гениально мы их подсекли на светляках и пантерах!..

— Мальчики,— сказала Валентина,— было все интересно. С удовольствием поглядели бы ваше искусство, но увы, мы элементарно проголодались. Голодное брюхо к искусству глухо. Учтем на будущее.

— Вы впервые в саду неожиданностей? — полюбопытствовал голос Мити.

— Мы впервые в этом парке. И вообще — в Новой Ляле.

— Ах, значит, из Центра!.. Эдик, у нас в гостях небожители. Рожденным летать ты подсунул рожденного ползать. Чем прикажешь загладить вину?

— Дмитрий, отстань. Люди голодны, а до «Уюта» без малого километр.

— Не скучай работой, а скучай заботой... Скажите, вам удобно было на этой скамье?

— Да,— ответила Валентина.— Мы отдохнули и теперь отлично дойдем.

— Нет, вы поедете! — Жутко свистнув, Митя позвал: — Зара! Бара!

Пантеры откликнулись рыком. Угольно-черные силуэты и две пары зеленых светящихся глаз возникли перед скамьей. Он почувствовал, как по ногам мягко скользнул тяжелый хвост, и на всякий случай подтянул ноги на приступок скамьи.

— Как вы это делаете? — спросил он.

— Секрет фирмы,— небрежно обронил Митя.— Рекомендуем посетить заповедник фантасмагорий и уголок Бажова — неделю в себя не придете... Итак, до свидания! Нет-нет, пока не надо вставать, я собираюсь произнести магические формулы ужасных заклинаний.— Шутейным голосом чародея Митя проговорил: — По щучьему велению, к вашему недоумению... Зара, Бара, бзыс бой!

Раковина скамьи внезапно качнулась под ними и вслед за пантерами лихо вырулила на середину ковротуара. Смех Мити, жизнерадостный крик:

— Синхронной безекции! Приятного аппетита!

— Спасибо! — догадалась выкрикнуть Валентина.

Аспидно-черные кони-звери шли на рысях, до автоматизма синхронно перебирая лапами. По обеим сторонам аллеи химерическую упряжку сопровождала пульсирующая волна вспышек, и в трепетном свете блиц-фонарей было видно, как на антрацитово-глянцевых спинах леопардорикш вздувались и опадали под шкурой мускульные бугры. Редкие парочки прогуливающихся жались к обочине, но почти никто из них не смотрел на необыкновенный транспорт. Валентина поправляла сбитые ветром

волосы и никак не могла удержаться от хохота. Он был рад за нее.

Во время внезапного старта ей было заметно не по себе, а теперь на нее снизошло очень веселое настроение. Неудержимо-заливистый смех Валентины был для него откровением.

А потом, когда они, приятно возбужденные увеселительной ездой, ужинали в павильоне действительно уютного кафе «Уют», он заприметил в глазах Валентины озорную лукавинку и подумал, что такого во всех отношениях безмятежного дня у них, пожалуй, еще не бывало. От этой мысли ему сделалось невыразимо уютно. Он понял, что влюблен в эту женщину по уши и навсегда. Низко подвешенные над столами большие роскошные лампионы давали мягкий свет, на подсвеченный снизу овал танцплощадки невесомо падали радужные пузыри вперемешку с зелеными искрами. Сквозь решето стен то и дело врывались внутрь павильона отсветы полыхающей где-то в парке феерии светотехнических чудес, и в эти мгновения стеклянные детали интерьера вспыхивали мириадами разноцветных огней. Музыкальная машина без пауз грохотала новинками модного ритма «конта-модерн» — публика была довольна. Почти все танцевали. Он ждал, когда Валентине захочется танцевать. Ей не хотелось. Почему? Есть причина — перед отъездом сюда она «консультировалась с медикологами. Нет, не надо тревожиться, она абсолютно здорова. Дело в другом. Дело совсем в другом... Он догадался: «Великое небо! Ты... Это правда?» Она кивнула: «У нас с тобой будет дочь».— «И ты об этом так... прозаично!» — «Да? А как я должна? Стихами?» — «У нас будет дочь! К чему маневры?! Пусть слышат и знают все! Шедевры!..» — «Андрей, не дури. Соседи уже обращают внимание».— «Калинка-малинка моя Валентинка!..» В голове царил радужный беспорядок. Потом все это вдруг прошло. Он почувствовал себя отцом, главой семейства. Рядом сидела жена, мать его будущего ребенка, и надо было эту будущность трезво осмысливать. Мешала музыка. Пойдем, мать, отсюда. Поедем на монорельсе и через десять минут будем дома. Жаль, что нельзя уехать прямо за этим столом. Зара, Бара, бзыс бой!..

Их первый семейный дом светился на территории

Центра широкими окнами. Круглое семиэтажное здание, роскошное, как свадебный торт. Над зданием висела слегка ущербная луна. По дороге к дому он бережно вел Валентину под руку. Она глядела на луну и рассеянно улыбалась. Где они будут жить? Она сказала, что согласна жить там, где он пожелает, и работать там, где для них будет удобнее — хоть на Луне. А как же аспирантура? Она сказала, что закончит аспирантуру без отрыва от производства. Что же касается имени для будущей дочери, то выбор она уже сделала и просит его это имя одобрить, поскольку оно пришлось ей по вкусу. Да? А какое имя пришлось ей по вкусу? Она сказала. Он одобрил. Имя красивое, но почему именно Лилия? Потому что на счастье. Потому что ей доводилось встречать лилейные знаки на форменной одежде наиболее уважаемых деятелей космофлота. Так что ботаника сливается здесь с космонавтикой. Ей хочется, чтобы имя дочери было не просто именем, а несло бы в себе смысловую нагрузку, способную пробудить у отца хотя бы слабую тягу к тщеславию. Будущему папаше капелька тщеславия не повредит. Кстати, каково конкретное назначение золотого лилейного символа на эмблеме? Он пояснил: лилия — принятый на космофлоте знак отличия постоянного члена командного совета корабля. Эмблематические изыскания Валентины выглядели забавно. «Вот я и хотела бы видеть тебя в командном составе»,— сказала она. Он промолчал. Она еще не видела его в новой форме. Это был безмерно счастливый день и безумно счастливый вечер. И таких дней было много... Иногда, правда, он чувствовал, что Валентину время от времени подмывает вышутить его «отчаянную обыкновенность», но ему и в голову не приходило, что это у нее всерьез. Он и предполагать не мог, что волей-неволей именно здесь придется ему заподозрить причину семейного катаклизма. Вот и пришлось... Других причин вроде бы не было... Но, собственно, какого рода «обыкновенность» в нем ее угнетала? «Обыкновенность» внешности? Нет. Он нравился женщинам и знал об этом. «Обыкновенность» интеллектуальной организации двух его мозговых полушарий? Да, он не имел ученых степеней, да, не ощущал в себе тяги карабкаться на административный Олимп. Ну и что? Быть хозяином межпланетных трасс — это зазорнее, чем, например, властелином

реторт и пробирок? Какая чушь, однако! Он выбрал себе профессию по призванию и не собирался петлять как заяц. Свою профессию любил, профессиональное свое мастерство совершенствовал и мастерством этим очень гордился. И считать это «отчаянной обыкновенностью», по меньшей мере, несправедливо с ее стороны. По большей — серьезно быть увлеченной кем-то другим. По-видимому, этот кто-то — действительно необыкновенная личность... И если окажется, что Валентина сделала выбор, то... здесь ничего уже не поделаешь... Остается взять себя в руки и больше не думать об этом.

Толчок в спину был неожиданный, сильный: взмахнув руками, Андрей ударился грудью о штангу захвата, чувствительно «достал» носом стекло гермошлема, выронил сварочный пистолет. Успел заметить метнувшийся в сторону ярко-зеленый отблеск. Что за черт!.. В ошеломлении он постоял, ничего не видя во мраке. Наконец спохватился, включил наплечные фары и обернулся — настолько быстро и резко, насколько это можно было сделать в скафандре с прилипшими к палубе геккорингами подошв. Свет фар, лизнув по пути стопоход «Казаранга», канул в прямоугольную пропасть. Ничего подозрительного сзади не было. Сзади вообще ничего не было, кроме распахнутого в Пространство горизонтально-щелевого выхода из вакуум-створа. Черный, как африканская ночь, прямоугольный кусок Внеземелья с невзрачным созвездием Девы. Самая яркая точка созвездия — голубовато-белая Спика, звезда навигаторов...

Андрей подвигался, высвечивая вдоль и поперек помещение вакуум-створа — изрядно помятое металлопокрытие палубы, обшарпанные стены, трубопроводы пневмокоммуникаций, телескопические штанги двух манипуляторов захвата, округлый корпус драккара с высокой кормой. Стопоходы драккара сложены на паучий манер — коленными шарнирами кверху. Нет, что за чушь в самом деле — пинок в спину и отблеск!.. Странный отблеск — словно бы перед носом шевельнули зеркальную дверь с зелеными катофотами.

Он выключил фары и наклонился немного вперед, копируя прежнюю позу ради эксперимента. Подождал.

В темноте догорал остывающий шов на штанге захвата. Эксперимент не удался: темнота и спокойствие. Ни ударов в спину, ни отблесков... «Ну хорошо,— подумал Андрей,— отблеск мне просто привиделся. Обмануться глазами — куда ни шло. Но обмануться спиной!..»

— Как дела, шкип? — спросил шлемофон голосом Аганна.

Андрей, продолжая осмысливать ситуацию, ответил:

— Порядок. Великолепный вид на созвездие Девы. Попутно провел визуальное наблюдение Спики.

— Случилось что-нибудь? — настаивал Меф.

— В темноте всегда опасаешься, как бы чего-нибудь не случилось.

— Светильники пробовал?

— Ты мог бы припомнить, когда они светили у тебя в последний раз?

Шлемофон промолчал. Андрей представил себе, как Аганн стоит там, у пульта, вытирает ароматической салфеткой свои веснушчатые руки — все сплошь в синяках, царапинах, ссадинах.

— Давай воспользуемся фарами «Казаранга»,— предложил Меф.— Все равно мне надо выводить его перед тобой на рысистые испытания.

Андрей осветил «Казаранга». Н-да... Конек-горбунок. С грацией машины Уатта. Или паровоза Черепанова. Шевельнулось слабое подозрение... Он осмотрел носовую часть лыжеобразно загнутого кверху днища, круглые копыта ступоходов с щетиной геккорингов и втянутыми в пазы крючьями когтей, глянцево-серый пузырь керамлитового блистера кабины. Задержал взгляд на отверстии клюза с торчащим из него кончиком щупальца втянутого в корпус гибкого манипулятора.

— Меф, кроме обогрева, на борту катера что-нибудь включено?

— Нет. Катер на полуконсервации. Давай подведем к нему шланги заправки и кабель дистанционного контроля. Кстати, проверишь, как действуют вакуум-гифы.

— Действуют оперативно. Кабель агрегата сварки был у меня все время внатяжку: стоило выпустить пистолет из руки — только я его и видел.

— Соскочила пружина фиксатора... А что ты подваривал?

— Упор на штанге захвата. Полуцилиндр держался там на одном честном слове.

— Спасибо,— тихо произнес Агапп.

— Номера шлангов и кабеля для драккара?

— С восьмого по десятый.

— Понял. Будь на приеме.

Андрей поковылял в обход «Казаранга». Настороженно, с оглядкой. Странное ощущение, будто пинок в спину должен вот-вот повториться, не покидало его, хотя было ясно: катер здесь ни при чем. Устаревшие флаинг-машины такого типа были знакомы ему еще со времени курсантской летной практики, и теперь, иногда натыкаясь на них, он ничего, кроме жалости, к ним не испытывал. Подозревать «Казаранга» в способности к самопроизвольным действиям не было оснований. Абсурд. Это все равно что опасаться пинка от кухонного холодильника. Впрочем, здешние холодильники тоже не без греха...

Лучи фар осветили участок стены, сплошь утыканный короткими хоботами вакуум-гифов. На одном из хоботов висел утерянный сварочный пистолет. Андрей нашел гифы под нужными номерами и потянул на себя концы шлангов и кабеля, для удобства собрав их в пучок. Экономным усилием отрывая ґеккоринги от металлонастила, раскачиваясь и мысленно поругивая невесомость, с крутым наклоном тела вперед поволок эту связку к драккару. Как волжский бурлак на поразительной картине Ильи Ефимовича Репина.

— Готово, кэп! — сообщил он Мефу и для порядка подергал крепежные муфты разъемов.— Твой «Казаранг» на привязи. Я отойду, пожалуй, немного в сторонку, а ты заставь эту музейную редкость выпрямить ноги.

— Понял, шкип. После заправки дашь звуковой пароль для контакта. Командовать катером будешь сам.

Андрей отковылял к внешнему краю палубы на выходе из вакуум-створа. Край обрывался в звездно-черную пустоту. На нем сохранились две секции поручней релинга (было же время: в вакуум-створах делали поручни!). Сохранилась и надпись по краю медной наклепкой: АНАРДА. Танкер класса «дальний-АН», последний из танкеров-ветеранов знаменитой юпитерианской флотилии... Решение снять его с транспланетных линий опоздало лет этак на десять.

Глядя на звезды, Андрей внезапно нашел объяснение удару в спину: газовый метеорит! Простота объяснения неприятно его поразила. Медленно соображаем, шкип, все данные для догадки были, что называется, под рукой. А главное, была «под рукой» прямоугольная пасть вакуум-створа, открытая в ледяную тьму. Комочки смерзшегося газа с замысловатыми траекториями скоростных миграций не редкость в лунных системах Дальнего Внеземелья.

Внизу (если смотреть с края палубы) звездно-черная пропасть резко переходила в угольно-черную, совершенно беззвездную бездну. Провал в распахнутом мире звезд, овеществленный образ самой Бесконечности... С трудом осознаешь, что дело обстоит как раз наоборот: перед глазами всего лишь большая заслонка — ночное полушарие ледяного Япета (вдобавок погруженное в конус тени Сатурна). Недаром философски настроенный персонаж «Махабхараты» Ману сказал: «Запредельное, То, Самосущее образа не принимает». А жаль. Иллюзия овеществленного образа Бесконечности — одна из самых редчайших и впечатляющих.

Взмах ногой между стойками поручней — из палубного клюза выскользнул, развернувшись словно змея, страховочный фал. Андрей поймал концевой карабин, выключил фары и, защелкнув карабин на поясном кольце, плавным толчком катапультировал себя из вакуум-створа наружу; непроизвольно втянул голову в плечи, ошарашенный многоголосым треском в шлемофоне.

Глаза слепил зеленый бортовой огонь, облицовка борта едва угадывалась во мраке, а шлемофон разливался пронзительно-невучим стрекотом: объединенный хор миллиардной, по меньшей мере, армии цикад. Он попытался вообразить, откуда здесь, на задворках Сатурн-системы, может распространяться в эфире такое мощное радиострекотание. Пожал плечами, насколько это позволил сделать скафандр. Многоголосый стрекот был скорее забавен, чем неприятен.

Зеленый бортовой огонь и входная щель вакуум-створа сместились кверху, и он понял, что остаточное ускорение, сообщенное телу рывком фала, потихоньку заносит его под брюхо танкера. Он посмотрел на Япет. Пустынный и практически еще не тронутый людьми спутник Сатурна

укрыт плотным мраком — ни огонька. Но постепенно обострившееся зрение начинает вылавливать в недрах тьмы красноватые пятна. Это, конечно, иллюзия. Начинает казаться, будто пятна вспухают лохматыми клубами, темнота становится слоистой и распадается на смутно видимые, непонятные глазу отдельности...

Он почувствовал, как его прижимает бедром к борту танкера, и локтем подстраховал себя от удара. На шершавой, покрытой защитным слоем поверхности рука нащупала кромку паза, и ему стало ясно, что он налетел на крышку лацпорта сливного тамбура. Дальше по борту, вплоть до хвостовых трегеров, обозначенных лиловыми огоньками габарит-сигналов, должны быть еще два десятка лацпортов. «Анарда», даром что неказиста на вид, несла в своем чреве сорок танков и два балкер-трюма. Андрей усмехнулся, припомнив, как был изумлен, когда обнаружил, что оба трюма буквально завалены гранулированной пластмассой.

Тем временем завершался цикл затмения ночной стороны Сатурна Япетом — из-за края планетоида медленно выплывал узкий пурпурный серп гигантской планеты, перечеркнутый лезвием Кольца. В серединной части серпа пылал самоцвет — кроваво-красный рубин сказочного достоинства. Это сквозь самый верхний слой атмосферы Сатурна уже пробивались лучи маленького, по-неземному злого Солнца.

— Вышла из мрака младая... с перстами пурпурными Эос!..— пробормотал Андрей, вспоминая полузабытые строки.

— Достаточно,— остановил его голос Мефа.

— Ты о чем? — не понял Андрей.

— Я просил тебя дать звуковой пароль на борт «Казаранга».

— А, Гомер в роли контактного импульса.

— Ну и что?

— Да так, ничего. Слишком роскошно для «Казаранга», вот что.

— Какая разница? Катер должен запомнить твой голос, и все дела... Что за стрекот там у тебя? Откуда помехи?

— Не знаю. Это не у меня.

С помощью фала Андрей подтянулся к поручням ва-

куум-створа. Зависнув у входа, опять посмотрел на ошеломительно пламенеющий серп окольцованного гиганта. Подумал: «Ради этого стоит летать» — и пожалел тех людей, которым не суждено самолично знакомиться с фондом сокровищ Дальнего Внеземелья.

Освобождаясь от фала, он упорно искал глазами далекую Рею. Будто надеялся разглядеть на ее орбитальном рейде «Байкал». Багровым ломтем парил среди звезд полумесяц Титана, и нежно светился тоненький серпик Тефии. Реи не было видно.

В глубине вакуум-створа шевелились лиловые, красные и голубые огни светосигналов ожившего катера. Через подошвы Андрей ощутил слабое сотрясение палубы и шагнул навстречу драккару. Шага от края было довольно, чтобы цикады помех разом умолкли. Тишина в шлемофоне. Голос Мефа:

— Замечательно, шкип, теперь у тебя не фонит. Гомера стираю и разрешаю вспомнить что-нибудь из Омара Хайяма.

— Зара, Бара, бзыс бой,— вспомнил Андрей.— К Хайяму, впрочем, это не имеет отношения.

— Неважно. Пароль принят на борт, можешь командовать катером. Кстати, я до предела заправил его сжиженной атмосферой. На случай, если ты возымеешь охоту...

— Не возымею,— перебил Андрей. Он понимал: идею Мефа вывести катер на летные испытания надо придавить в зародыше. Пока не поздно. Влипнешь в аварийную ситуацию на этой груде музейного металлолома — сраму не оберешься. Смеху на весь космофлот.— Кэп, фары у него в порядке?

Свет фар ударил в упор. Андрей моргнуть не успел — сработал светозащитный фильтр-поляроид стекла гермошлема. При ярком свете старое, обшарпанное оборудование вакуум-створа производило гнетущее впечатление.

— Внимание, шкип! — неожиданно выпалил Меф.— Шлангам пневмозаправки отстрел.

— Да. Убери, пожалуйста, избыток иллюминации.

Передние и кормовые фары драккара погасли. В лучах фар по левому борту было видно, как дернулись оба шланга и, выдохнув облако снежной пыли, фиолетово-

черными змеями шустро втянулись в хоботы вакуумгифов.

— КА-девять,— позвал Андрей.— Контакт. Подойди.

Катер сменил голубые огни на зеленые, повернул в сторону человека раковины лидаров и стал приближаться, равномерно и плавно перебирая голенастыми ступоходами. Палубу слегка потряхивало.

— Стоп! — тихо приказал Андрей.

«Казаранг» послушно остановился.

— Подними передние ноги.

«Казаранг» откачнулся назад и, точно лошадь, вставшая на дыбы, приподнял передние ступоходы.

— Хорошо, опусти.

Андрей похлопал машину рукой по коленным шарнирам. «Еще попрыгает,— подумал он.— Утиль, конечно, но еще попрыгает».

— Ты доволен? — В голосе Мефа скрытое торжество.

— Чем?

— Ну, в общем... Его поведением.

— Да, у него хорошая реакция на голос... Даже гекоринги ступоходов в порядке. И если летные качества будут не хуже, то...

— Надежная машина, шкип. Может быть, я слегка старомоден, но «Казаранга» считаю самой удачной моделью малого катера.

Андрей облизнул подсушенные кислородом губы. Этот «слегка» старомодный рыбак знает, куда забрасывать удочку. Чувствует, до какой степени надоело эксперту две недели топтаться среди орбитального хлама, и предлагает прогулку на отнюдь не «слегка» старомодном драккаре. Серьезный соблазн, леший его подери... Мышцы, подыгрывая воображению, сами собой напряглись и с профессиональным автоматизмом «сбутафорили» типовую динамику схода с орбиты и форсированного реверс-маневра для разворота над планетоидом. Эксперту экспертово, пилоту пилотово. Желание оказаться в кабине драккара было настолько мучительным, что пришлось на минуту крепко зажмурить глаза.

Ладно, потерпим. Тринадцать суток терпел. На борту «Байкала» все станет на свои места. Еще перетерпеть каких-нибудь трое суток... А на «Байкале» перетерпеть беседу с Копаевым. От специального разговора с функ-

ционером МУКБОПа никуда, понятно, не денешься. Вернее — с функционерами, потому что на этом дело вовсе не остановится. Теперь даже ему, наивному эксперту, ясно: Международное управление космической безопасности прицепилось к «Анарде» и ее капитану не зря...

Его наивность была беспредельной: за одиннадцать дней спокойной работы бок о бок с Аганном он успел привыкнуть к мысли, что мрачные сведения Аверьяна Копаева являют собой результат каких-то тяжелых ошибок почтенного ведомства. Меф не вписывался в компанию легендарных экзотов. Человек как человек. С хорошими манерами, вежлив, любезен, уравновешен. Словом, таков, каким был всегда. В тесных и до предела запущенных интерьерах «Анарды» ничего примечательного тоже не обнаружилось. Ни «черных следов», ни разбитых экранов. Ни тем более гипотетических призраков, скупой информацией о которых Аверьян достал его на прощание в спину, точно булыжником.

Да, он поверил Копаеву и в первые дни, осваиваясь на борту «Анарды», наивно был озадачен тем, что на танкере ничего экзотического не происходит. Потом привык к размеренному ритму суток, и нервное напряжение стало ослабевать. Работа, отдых, сон, еда. Возня с документами. Осмотр устарелого оборудования в запыленном и душном чреве ужасно изношенного «кашалота», вечерние посиделки у электрокамина в салоне (единственный, кроме кают, уголок, где Мефу удавалось поддерживать чистоту), неторопливые беседы за ужином. Кстати, про Оберон и «Лунную радугу» Меф, как и прежде, не обмолвился ни единым словом. До утра не засиживались, ровно за час до полуночи желали друг другу приятного сна и разбредались по своим каютам. Постель, тишина и всякие разные мысли. Тоска по «Байкалу»... Убаюканный десятисуточным однообразием, позавчера утром он вдруг осознал, что навязанная ему разведывательная миссия провалилась с треском. Он подумал об этом почти равнодушно, без удовольствия и без тени злорадства. Но зато ощутил себя так, словно выбрался на прямую тягу после изнурительного контрметеоритного маневра. С другой стороны, было немного досадно за своего земляка. По вине каких-то оболтусов из оперативно-следственных отделов

МУКБОПа земляк сел в лужу сам и едва не усадил рядом с собой доверчивого пилота. Самая опасная разновидность паники — это когда паника выползает из отделов службы безопасности... Днем он еще острее почувствовал, как смертельно здесь ему все надоело. Ближе к вечеру, правда, случился маленький праздник — «Титан-главный» ретранслировал на борт «Анарды» сообщение из УОКСа: коллегия летного сектора утвердила Андрея Васильевича Тобольского первым кандидатом на должность капитана суперконтейнероносца «Лена». Меф наладил с «Байкалом» видеосвязь; улыбки товарищей, поздравления, шутки. Ярослав поручил Мефу Аганну как старейшему капитану Дальнего Внеземелья взять на себя обязанности «регента» и присвоить «принцу Андрею» звание «шкипер» (традиционный на космофлоте развлекательно-поздравительный ритуал). За ужином новоиспеченный «рег» и «шкип» посмотрели видеозапись юбилейного торжества, прогремевшего в лунной столице. Встречая на экране кого-либо из общих знакомых, оживленно комментировали происходящее. Однако за два часа до полуночи Меф повел себя странно: нервно гримасничая, стал к чему-то прислушиваться, говорить невпопад (глаза виноватые) и, наконец очень рассеянно пожелав кандидату приятного сна, покинул салон. Обескураженный кандидат смотрел ему вслед, пытаясь понять, какая муха вдруг укусила обычно любезного, деликатного капитана...

Сон не был приятным. Таких странных снов он отродясь не видывал. Он проснулся и долго таращил глаза в темноту. Грань между сном и явью была неестественно зыбкой, и даже розово-светящиеся цифры на часовом табло казались достоверной деталью жуткого сновидения. Без двадцати минут полночь... Он натянул на себя одеяло, заснул и снова проснулся в тревоге. Снилось одно и то же: будто бы рядом с постелью стоят какие-то двое и с молчаливым упорством каменных идолов смотрят на него, спящего. Во мраке он их не видит, но чувствует холод массивных фигур и неподвижность зрачков... Утомленный диковинным сновидением, он включил разноцветный фонтан ночника. Походил по каюте, остановился у двери. В чем дело? Нервы, что ли, шалят?.. Не прибегая к услугам пневматики, му-

скульным усилием рук раздвинул дверные створки. После отбоя в коридоре царит полумрак — до утра ничего здесь не светится, кроме синих полос по краям дорожки (контур зоны искусственной гравитации), и красное дерево стен выглядит глянцево-черным. Повернув голову вправо, он замер: на подсвеченном через открытую дверь капитанской каюты участке стены коридора как на красном экране дергалась тень многорукого пианиста... Зашипела пневматика — створки двери освещенной каюты захлопнулись. Тишина. Давящая тишина и мертвенная синева дорожки...

Определение «многорукий пианист» пришло ему в голову несколько позже, а в тот момент он просто ничего не понял. В каюту капитана «Анарды» вошел Некто (хотя кто здесь может войти в каюту Аганна, кроме Аганна?!). Тень на стене (а силуэт коренастой фигуры был достаточно четким) вполне могла принадлежать Аганну, если бы... если бы не одна ошеломительно-бредовая особенность: фигура имела две пары рук. Разведенные в стороны руки извивались и дергались... Вот, по сути, и все, что он увидел. Эпизод какого-то непонятного полуночного действа, неслышимо-бурный пассаж в четыре руки на невидимом фортепиано... Он приблизился к двери капитанской каюты и уж было решился нажать кнопку вызова, но вспомнил наставления Копаева: «Пройди мимо и сделай вид, будто ничего особенного не заметил». Делать вид было не перед кем. Чувствуя сухость во рту, он побрел по коридору обратно — мимо своей каюты, мимо кают отсутствующего экипажа,— отодвинул дверь кухонного отсека и, перешагнув порог, угодил ногой в лужицу. Вспыхнул свет. Зеркальная стена отразила среди белоснежного кухонного оборудования загорелый торс эксперта в плавках. Вид у эксперта был неприглядный — волосы в беспорядке, с лица еще не сошло выражение недоумения и брезгливого неудовольствия.

Потягивая ледяной березовый сок, он обратил внимание на лужу возле одного из холодильных боксов. Тронул кнопку — дверная крышка, чмокнув уплотнителем стыковочного паза, съехала в сторону. Бокал с березовым соком едва не выскользнул из руки: на полу морозильника стояли ботинки Аганна... Он окинул взглядом заросшие

снежной шубой стены, заиндевелые «лапы» бездействующих фиксаторов и снова уставился на капитанскую обувь. Добротные, но просто кошмарные по расцветке ботинки: оранжевый верх, красная с белым рантом подошва, золотистые бляхи. Обувь в холодильнике — бессмыслица, но еще более дико смотрелись на плотном снегу рядом с ботинками талые отпечатки босых ступней. А на заснеженных стенах — отпечатки ладоней... Он ущипнул себя за ухо. Ковырнул пальцем стыковочный паз: там, ему показалось, застрял какой-то блестящий лоскут. Но это был не лоскут. Это было... Черт знает что это было! Оно потянулось за пальцем: сверкающее, липкое и, подобно паутине, почти не осязаемое!.. С внезапностью проблеска молнии пришло озарение: в апокалипсическом перечне свойств, присущих экзотам, Копаев упоминал о некой ртутно-блестящей субстанции, которую кожа экзота выделяет под воздействием низких температур.

В душевой он вымыл и продезинфицировал руки. Блеска на пальце не было, но, вспомнив затяжной медосмотр, которым Грижас удивил его на прощание, вымылся весь и перепробовал на себе все из имевшихся в наличии антисептических средств. Делал это размеренно, как автомат. Мысль о том, что МУКБОП поступил с ним просто бессовестно, не вызвала должных эмоций, он подумал об этом холодно и спокойно. Важнее было другое: Копаев прав, Аганн — экзот. Но в какую из сущностных категорий прикажете отнести «многорукого пианиста»?.. Копаев, правда, оговорил вероятность появления призраков, но касательно их внешнего вида — ни слова. Утаил? Или не знал? Скорее последнее. Функционеры МУКБОПа, видимо, плохо себе представляют детали всего этого дела, иначе бы вряд ли послали с разведкой плохо подготовленного эксперта. Разведка угодила в лужу на первом же перекрестке. Ей было ясно одно: следы на снегу — не просто следы на снегу. Это следы далекого «радужно-лунного» прошлого Мефа Аганна. А насчет «пианиста» можно было думать все что угодно...

Остаток ночи прошел в размышлениях. Под утро кое-как задремал. Во сне увидел Аганна с двумя парами верхних конечностей, проснулся в холодном поту. Сколько

мог, оттягивал выход к завтраку. Но деваться некуда, хочешь не хочешь — надо идти... Долго стоял перед дверью салона. Ладони влажные. «Ты аферист, Копаев,— думал он, пытаясь унять сильное сердцебиение.— Ты зачем послал меня сюда одного!..» Он вошел в салон и почувствовал слабость в ногах от огромного облегчения. Аганн выглядел обыкновенно. Красно-синий комбинезон, красно-бело-оранжевые ботинки, обыкновенные руки, свежее, тщательно выбритое лицо. Голубые глаза на этом лице смотрели приветливо: «Салют, шкип! Как настроение? Вид у тебя... не очень веселый».— «Салют, капитан. Значит, говоришь, не очень?..» Рухнув в кресло, он еще раз взглянул на ботинки Аганна, расхохотался. Не мог сдержаться. Это была реакция. Аганн смотрел на него с интересом. Все утро они приглядывались друг к другу с интересом и взаимно были ужасно любезны. А потом весь день он старался держаться от Аганна подальше — придумал работу по экспертизе вакуум-оборудования на причальной палубе (в скафандре чувствовал себя почему-то увереннее). В кухонный отсек, разумеется, заглянул (для очистки совести и для того, чтобы у Копаева не было оснований смотреть на разведчика с презрением и досадой). Можно было и не заглядывать: следы аккуратно стерты... Беспокойная ночь отозвалась усталостью, он рано лег спать и проспал двенадцать часов мертвым сном. За это время на борту «Анарды» могло произойти множество самых экзотических событий — ему было все безразлично. Танкер в полном распоряжении Аганна и призраков, пусть делают здесь что угодно. Пусть обрастают инеем в холодильниках или поджариваются в стеллараторах, если это им нравится. Пусть только не очень шумят. Он слишком устал, и ему в самом деле было все безразлично. Утром, однако, нервное напряжение снова вернулось, и, так же как и вчера, сегодня он предпочел болтаться в скафандре среди музейных экспонатов вакуумного хозяйства. Он боялся, как бы недоверие к Аганну не переросло в неуправляемую враждебность. В неодолимое отвращение, в слепую ненависть и — чего доброго — в страх. Ни желания общаться с Аганном, ни прочной веры в непоколебимость собственного самообладания у него не было. С другой стороны — пассивно

отсиживаться в бронированной скорлупе скафандра глупо и унизительно. Надо что-то решать. Перейти к активным методам разведки? Допустим. А что это за зверь такой — «активные методы»? Как это в принципе делается? Вдобавок вряд ли МУКБОП одобрит активную самодеятельность. Аверьян в своих наставлениях внятно предостерегал от вмешательства: «Пройди мимо...» К черту Копаева и его наставления. Кроме Копаева и МУКБОПа, существует земная цивилизация, в интересах которой жизненно важно узнать, насколько опасен для нее суперэкзот под маской благообразной личины капитана дряхлого «кашалота».

— Кэп, слышишь меня? — проговорил Андрей.

— Да, превосходно.

— Я возвращаюсь. Закрывай вакуум-створ.

— Внимание! — капитанским голосом скомандовал Меф.— На вакуум-палубе в створе щита не стоять!

Андрей почувствовал холодные мурашки на спине, вообразив, как громогласно, нелепо роняет спикер слова команды в устоявшуюся тишину отсеков, кают, коридоров этого мертвого, в сущности, корабля.

Иллюминация «Казаранга» угасла. Палуба дрогнула, беззвучные челюсти вакуум-створа сомкнулись. Андрей включил фары скафандра и двинулся к темному отверстию люка шлюзового тамбура.

— Связь прекращаю,— предупредил Меф.

Андрей машинально выдал «квитанцию»:

— Понял, конец связи, конец...— Он стоял у входа в тамбур и разглядывал стену.

Сама стена ничего особенного собой не представляла — монолитный участок внутреннего корпуса из модифицированного металла. Грязноватый, правда, участок, но дело в другом: свет фар, скользнувший вдоль этой твердыни, выхватил из темноты полосу, вернее, цепочку зеркально-блещущих пятен.

Пятна блестели как свежевымытые зеркала. Ни дать ни взять — зеркальные кляксы. Размеры — чуть больше ладони. Цепочка клякс пересекала участок стены прямолинейным пунктиром. Наискось. В одном месте (на уровне груди) в пунктирной цепочке был пробел — двух клякс недоставало,— и Андрей мгновенно сообразил, где находятся недостающие «звенья»... Простая и ясная версия о

газовом метеорите неожиданно усложнялась. Точнее — летела ко всем чертям, потому что новоявленное настенное украшение вызывало иные ассоциации. Например, такую: кто-то (скажем, ради забавы) окатил правый борт танкера струей из импульсного огнетушителя-брызговика, заправленного ртутью; струя ворвалась в открытый вакуум-створ, тяжело хлестнув по пути в спину скафандра... Но откуда, леший бы ее побрал, хлестнула эта струя? Ведь на правом траверзе Пространство было чистым. Не было там ничего подозрительного. Ничего подозрительнее созвездия Девы.

Он осторожно потрогал ближайшую кляксу. Ее зеркальная поверхность не прогнулась под натиском пальцев и даже не сморщилась, хотя это зеркало было странно мягким на ощупь. Нажим посильнее — рука, медленно преодолевая сопротивление, погрузилась в зеркало на треть толщины ладони. Это его поразило. Похоже на то, как если бы подстилающий зазеркалье модифицированный металл утратил твердость!.. Так, чего доброго, можно шутя добраться рукой сквозь стену до скафандрового отсека... Впрочем, он сознавал, что имеет дело с какой-то необыкновенной иллюзией. Потянул руку обратно. Обеспокоенно рванулся, но вытащить ладонь из липкой западни удалось не сразу: блестящая субстанция обладала клейкостью густой смолы. Вот так «иллюзия»!..

Он ошеломленно взглянул на металлизированное покрытие перчатки. Никаких повреждений. И никаких следов блестящего вещества. Таинственная «бесследность» липучего блеска напомнила эпизод с «лоскутом», прилипшим к двери холодильного бокса...

С запоздалой опаской он отступил от стены и, подняв руку к стеклу гермошлема, посмотрел на светосигнал радиометра, вмонтированного в рукав. Уровень радиации нормальный (для здешних условий — естественный фон). Заодно посмотрел на часы. Снова уставился на «мягкие зеркала», не зная, что предпринять. И только теперь заметил: кляксы постепенно таяли. Величина каждого «зеркала» была теперь меньше ладони. Эта блестящая мерзость скоро, должно быть, исчезнет совсем... Он торопливо поковылял к противоположному краю палубы, освободил страховочный фал.

— Меф, связь!

Молчание. Он повторил вызов, поймал концевой карабин. Голос Аганна:

— Ты еще не в отсеке?

— Нет. Открой мне вакуум-створ. А впрочем...— Он медлил соображая. Подумалось: «За двумя зайцами...» Отшвырнул карабин и сказал: — Впрочем, не надо.

Конечно, разумнее постараться успеть бросить взгляд на спину скафандра.

ПЯТНО НА ЯПЕТЕ

В шлюзовом тамбуре освещение тоже бездействовало. Лениво мигали светосигналы радиационного и газохимического контроля, было тесно и сумрачно. Фары Андрей не включил — не хотелось видеть грязные стены. Овальные люки обведены по краям крышек светящимися контурами — красным и желтым; оба люка задраены наглухо, однако оранжевый глаз автомата, ответственного за герметичность, выкатываться не спешил. Как назло. Вот выкатился наконец неумытой луной — тусклый, чем-то заляпанный.

Сверху, вместе с воздушными струями, ударил заряд снежной пыли. Горловина воронки воздуховода, обрастая инеем, быстро светлела; изморозь опускалась по стенам широкими языками. На крышке люка, окантованного желтым, вспыхнул синюшными буквами транспарант: «Барическое равновесие. Выход открыт». Андрей уже знал, что здешние надписи в основном рассчитаны на оптимистов, и терпеливо ждал. Судя по состоянию бортовых систем сервиса, на «Анарде» давно и заботливо культивировали идею стоического аскетизма.

Крышка люка отошла с отчаянным визгом, светлый овал затянуло клубами пара. Андрей слепо шагнул через комингс. Влажный воздух и неоправданно долгое шлюзование превратили скафандр в подобие айсберга, а в теплом отсеке все это растаяло, и теперь через пленку воды на стекле гермошлема всего удобнее было смотреть рыбьим глазом. Верно, идея здешнего аскетизма сильно пострадала бы, если бы кто-нибудь удосужился наладить в тамбуре влагопоглотитель... Пробираться к своей ска-

фандровой нише в гардеробном ряду приходилось чуть ли не ощупью.

Скаф-захват в нише сработал исправно (невероятно, но факт). «Может, успею?» — подумал Андрей, отжимая вниз рукоять у бедра,— клацнула, распахиваясь на спине, гермодверца. Выдернув руки из полужестких рукавов, он торопливо отсоединил разъемы внутренних электро- и пневмокоммуникаций и, взявшись за холодную, мокрую кромку люка, выдвинулся из скафандра спиной, вытащил ноги. Его повело ногами кверху, он завис над скафандром вниз головой и успел увидеть на тыльной стороне гермодверцы две угасающие искры зеркального блеска... По опыту зная, что пальцы лучше туда не совать, он поймал конец электрокабеля, подсоединенного к бедру ТБСК (термо- и баростабилизирующего костюма), и потыкал штепсельным разъемом в те места, где секунду назад угасли искры. Металлопокрытие дверцы было твердым. Это успокаивало. Похоже, «мягкие зеркала», что бы они собой ни представляли, не наносили вреда структуре подстилающего материала. Ну и... леший с ними.

Прямо в воздухе он содрал с себя ТБС-костюм, затолкал в утилизатор. При здешней скудости запасов одноразовое использование экипировки — непозволительная роскошь. Но сейчас иначе нельзя. Из-за этих «зеркал», будь они неладны...

Когда ничего, кроме плавок, на нем не осталось, он перелетел к двери переходного тамбура (эта дверь с квадратным иллюминатором посередине действовала ему на нервы: вверх она поднималась лениво, а за спиной срабатывала с быстротой гильотины — того и гляди, пятки оттяпает). Сейчас он был не вправе открывать эту дверь. Мало ли что... Он открыл люк шахты санобработки.

В шахте было тесно и душно. Он прижал к губам респиратор (легкие обожгло ледяной свежестью с приторным запахом медикаментов), надавил кнопку и крепко зажмурил глаза. Люк захлопнулся над головой, со всех сторон хлестнули колючие струи. Потом что-то лязгнуло (он почувствовал, как шахтный цилиндр слегка изменил положение в пространстве), пошел теплый воздух — горловина шахты распахнулась, и воздушный поток вынес его наверх.

В тамбуре голубовато светился узкий экран аварийного оповещения, пылали зеленые кнопки комплекса стерилизации скафандрового отсека, и Андрею впервые в жизни представился случай включить их все до одной. Увидев через квадратный иллюминатор, как заклубился в отсеке желтый туман и яростно вспыхнули бактерицидные излучатели, он оттолкнулся рукой от экрана и выплыл в карпон (вторая дверь срабатывала на удивление плавно).

Ветротоннели на «кашалотах» оборудованы мощными воздуходувками — финишировать после стремительного полета приходилось чуть ли не кувырком. Он полежал на синей дорожке, привыкая к вновь обретенному весу, чихнул (и откуда здесь столько пыли?), побрел в душевую. Тщательно вымылся — опять же с употреблением антисептических средств,— хотя ощущал себя чистым до хруста. Третий раз уже за последние двое суток он вдыхал медицинские запахи, от которых его мутило, и очень надеялся, что это даст нужные результаты. Тревожило подозрение, что блестящий «лоскут» на двери холодильника и «мягкие зеркала» родственны по природе. И то и другое не только похоже блестит, но и поразительно одинаково тает. Совершенно бесследно. Правда, есть и отличие: «лоскут» клейко тянулся за пальцем — «мягкие зеркала» норовили втянуть в себя руку, не трогаясь с места.

В гардеробной, копаясь в пакетах с одеждой, он с трудом разыскал костюм своего размера (если судить по эмблеме — из бывших запасов второго пилота «Апарды»). Надевая, брезгливо морщился. Блекло-лиловая ткань, брюки коротки, плохого покроя, куртка узка в плечах. Ни с того ни с сего он вдруг подумал, что никогда не согласился бы работать на «кашалотах». И только подумал об этом — стало совестно. Будто оскорбил невзначай всех водителей танкеров космофлота. Этакий сноб. Согласишься, никуда не денешься. Не то что «кашалоту» — люггеру будешь рад, лишь бы летать. Вот стукнет тебе пятьдесят с чем-нибудь — рад будешь заурядному тендеру. Повезет со здоровьем — до шестидесяти продержишься на орбитальных перевозках или на транспортном обслуживании космостанций, верфей, терминалов. Ну а потом — как ни крутись — почетная старость на дне атмосферы. А что оно

такое — почетная старость? Дачный коттедж? Рыбная ловля, которая через неделю смертельно тебе надоест? Болтовня у костра в обществе юных и до невозможности самонадеянных космопроходцев? В лучшем случае будешь перебирать старые документы в архивах УОКСа или шефствовать над молодыми пилотами, и все в один голос будут тебя уверять, что занят ты очень полезным делом, а молодые пилоты, исчерпав весь запас мудрых твоих наставлений при первом же выходе на орбиту ожидания, начнут травить о тебе анекдоты, чтобы снять с себя напряжение перед стартами на кораблях такого класса, таких типов и категорий, о которых ты в свое время и мечтать не мог.

Завернув в кухонный отсек, он постоял, глядя в зеркало, и неожиданно осознал, что думает не о себе. Старость была для него где-то там, за горами,— чего ради думать о ней? Скорее всего он, размышляя над экзотической тайной Мефа Аганна, пытался открыть один из ее хитроумных замков обыкновенным житейским ключом. Впервые такая попытка была предпринята им во время беседы с Копаевым, но тогда Копаеву почти удалось его убедить, что капитан «Анарды» — самая зловещая фигура в компании «оберонцев»-экзотов. Матерый суперэкзот. В качестве довода функционер МУКБОПа резонно использовал то действительно странное обстоятельство, что Аганн с упорством маньяка жаждал уединиться в безлюдном уголке Дальнего Внеземелья, которое, как выразился Копаев, стало поперек горла другим экзотам. А между строк Копаев сказал много больше: дескать, Аганн в своем орбитальном скиту связан с чем-то враждебным Земле, человеку. Да, не учитывать такую вероятность было бы глупо, но ультрамаксимализм в предположениях всегда вызывает желание спорить. Конечно, одного желания мало, нужны аргументы. Извольте. Кизимову, Нортону, Йонге, Лорэ отказаться от Внеземелья психологически проще, чем старому капитану. Аганн — селенген (рожден на Луне). Аганн посвятил Внеземелью всю свою жизнь. Аганн одинок — ни семьи, ни родных. И наконец, Аганн на десяток лет старше любого из «оберонцев»-экзотов. Иными словами, отставка буквально автоматически обрекает бывшего капитана бывшего танкера на роль «почетного старца». Аганн верно все рас-

считал: летать ему уже не позволят, единственный способ отодвинуть угрозу «почетной старости» — мертвой хваткой вцепиться в «Анарду» и всеми правдами и неправдами утвердиться в должности коменданта орбитальной базы. Кто-то из древних не то со злорадством, не то с болью душевной пустил в обиход афоризм: «Человек, возьми все, чего ты желаешь, но заплати за это настоящую цену!» И Агапи, по-видимому, решил, что испить до дна полную чашу какой-то блестящей мерзости — приемлемая для него цена. То, что заставило других экзотов с отвращением отвернуться от Внеземелья, Агапи принял. Вот и пьет свою чашу молча и тайно... Чем не версия? В бытовом плане, по крайней мере, выглядит она рациональнее апокалипсической версии МУКБОПа. «О великих вещах помогают составить понятие малые вещи, пути намечая для их постиженья...» — так, кажется, писал в свое время Лукреций.

Впрочем, максимализм функционеров МУКБОПа есть прямой результат их постоянной готовности к худшему. «Ну а мне? — тоскливо подумал Андрей.— Ка́кую степень готовности прикажете соблюдать мне?.. И посоветоваться не с кем».

На клавиатуре пульта кухонного агрегата он настучал «дежурный обед». Проглотил еду машинально, не ощущая, что ест, и, захватив с собой эластичную бутылку с березовым соком, направился вдоль коридора. Блеклые круги светильников над головой, облицованные красным деревом стены, опечатанные двери необитаемых кают. Печати — оранжевые треугольники липкой пленки с надписью «УОКС — «Анарда», с белыми изображениями длиннокрылого альбатроса (главный элемент космофлотской геральдики) и черными — тупоносого корабля (кстати, в силу именно этой особенности пилоты прозвали танкеры «кашалотами»). Агапи законсервировал каюты по всем правилам. Очень старался. Вписывай, эксперт, похвальные отзывы в заключительный акт. Ладно, вписал. А кому это надо? УОКСу — меньше всего. Там народ ушлый — наверняка уже смекнули, что Агапа взял под свою опеку МУКБОП, и понимают: при такой ситуации «Анарда» получит статут орбитальной базы, когда рак на горе свистнет.

Скользкую и холодную как лед бутылку он нес в руке.

Поймал себя на том, что избегает соваться в карманы неприятного ему костюма — чувство брезгливости не проходило. Он зашел в свою каюту, вскрыл последний пакет привезенной с «Байкала» одежды и, с удовольствием ощущая ароматную свежесть белого свитера, переоделся. Переодеваясь, думал о встрече с Аганном. И неожиданно перед глазами возникла картинка из прошлого: угодивший в полынью олень... Да, с оленем было все просто. А вот куда, леший подери, прыгнуть, чтобы выручить из беды Аганна?.. Впрочем, не поздно ли выручать? Много ли в этом экзоте осталось от настоящего Аганна? Может, это совсем уже не Аганн?..

Помещение командной рубки иллюзорно слито с Пространством: вогнутые потолок и стены — сплошной экран. Пол — тоже поверхность экрана (за исключением белых плашеров поворотных кругов для спаренных ложементов). Танкер висел над освещенной солнцем стороной Япета. Окольцованный серп Сатурна — над головой. За счет модернизации пилотажного и навигационного оборудования «Анарды» командная рубка выглядела вполне современно. Впереди — спаренные ложементы для первого и второго пилотов, посередине — спарка для капитана и штурмана (давно бы следовало ее демонтировать, но Аганну, видимо, трудно решиться). По бокам спарки, как колесные движители у старинного парохода, выступали из-под настила сегменты ротопультов. Возле штурманского ротопульта розоватым облачком приткнулось на плашере необычное для этого помещения надувное кресло. В кресле сидел Аганн. У ног капитана в беспорядке навалены демонтажные инструменты, через пухлый подлокотник был перекинут кабель с пистолет-резаком на конце; кабель, змеясь кольцами, уходил к двери координаторской рубки. Андрей посмотрел в открытую дверь. Переборка между координаторской и соседней рубкой связи была безжалостно уничтожена: грубо нарезанные металлонлиты с оплывшими от плазменного жара краями стояли вдоль стены вперемежку с извлеченными из контактных щелей тонкими, как молодой ледок, блоками аппаратуры. Орбит-монтажники всегда расширяют тесноватые рубки связи за счет ненужного на орбитальной базе помещения координаторов, и потенциальному коменданту не оставалось ничего другого, как следовать этому пра-

вилу,— сегодня он поработал солидно. Словно обескураженный учиненным разгромом, он сидел неподвижно, подперев желтоволосую голову кулаком (рукав красно-синего комбинезона прожжен выше локтя). Из координаторской тянуло запахом гари, доносился шелест задействованной на полную мощь вентиляции.

Андрей опустился в штурманский ложемент. Взглянул на ушедшего в себя капитана и только теперь увидел на сфероэкране за его спиной парящего в пространстве справа по борту «Лемура». Фары вакуумного кибер-ремонтника были погашены, манипуляторы втянуты, но объектив видеомонитора открыт. Андрей сразу понял, зачем понадобилось Аганну выводить наружу «Лемура», однако решил от расспросов пока воздержаться (хотя интересно было узнать, успел ли ремонтник застать зеркальные кляксы). Откупорил бутылку. Аганн смотрел на него. Углубленно-задумчиво, не мигая. Смотрел не в лицо, а как бы разглядывал в общем и целом. Так разглядывают незнакомый предмет. Андрей перевел глаза на горизонт Япета, отхлебнул из бутылки. Он чувствовал на себе взгляд капитана.

— Напрасно ты здесь,— тихо проговорил Аганн.— На «Анарде» я предпочел бы видеть другого эксперта.

«Многообещающее начало»,— подумал Андрей.

— Моя персона тебя не устраивает?

Длинная пауза.

— Меня всегда восхищали умники из экспертного отдела,— сказал Аганн.— Узнаю почерк. Затея Морозова?

— Да. Ну и что?

— Там обожают таскать каштаны из огня чужими руками. И самое интересное — легко находят для этой работы наивных парней.

Андрей промолчал.

— Место здесь скверное, вот что,— добавил Аганн.— Ты даже не подозреваешь, какое это проклятое место...

— О моих подозрениях, наверное, проще судить мне.

— Немногого они стоят, если ты до сих пор пребываешь в состоянии эйфорического благодушия.

— Да? А твоя цель — встряхнуть мои нервы?

— Если бы это могло обеспечить твою безопасность...

Тебе нельзя было здесь находиться. По крайней мере — сегодня. Хотя бы сегодня...

Андрей посмотрел Аганну в глаза.

— Поэтому ты предлагал мне прогулку на «Казаранге»?

Аганн не ответил, по-прежнему разглядывая собеседника углубленно-задумчиво, не мигая.

— Вот оно что... Тогда возьми на заметку: твое предложение опоздало. И кстати, заботу о безопасности ближнего не проявляют в такой неуверенной и необоснованно деликатной форме. В вакуум-створе я тебя просто не понял.

— Да, я старый осел,— проговорил Аганн, и на лице его рельефно, как никогда, обозначились скулы и желваки.— Деликатничал, это верно. А надо было выставить тебя отсюда в первый же день. Отправить обратно на том же люггере, на котором ты прилетел, черт бы побрал мою деликатность.

— Капитан, мне не нравится тон разговора.

— А я теперь сожалею, что не взял такой тон с самого начала и не вышвырнул тебя за борт вместе с твоим мандатом. Это избавило бы нас обоих от...— Аганн не сказал от чего, только поморщился.— Прежде чем принимать мандат от Морозова, надо было вызвать меня на связь и спросить совета. Я бы тебе посоветовал...

— Бывает, я сам решаю, как мне поступить.

— Извини, но есть полезное правило: обсуждать кандидатуры экспертов с капитанами. Я пока еще капитан.

— Никому и в голову не приходило, что моя кандидатура тебе окажется не по вкусу. Грешным делом, и я, принимая мандат, свято верил в твое дружелюбие.

— Существуют разные ситуации. Одно дело — наши контакты в отеле «Вега», другое — на борту мертвого корабля в условиях Дальнего Внеземелья.

— Дружелюбие — это не ситуация. Это, я бы сказал, особая категория отношений в мире людей.— Андрей отхлебнул из бутылки. Добавил: — В нашем мире.— На капитана он не смотрел.

— Философствовать будешь у себя на «Байкале»,— сказал Аганн.— А здесь я в ответе за твою безопасность. Ясно?

— Не очень. Перед кем?

— Перед собственной совестью. Этого довольно?

— Интересно, как вела бы себя твоя совесть, если бы экспертом на «Анарде» был кто-либо другой?

Ответа на этот вопрос капитан, по-видимому, не имел. Впервые за время беседы его ресницы затрепетали.

— А принципиальнее «если бы» у тебя ко мне ничего нет?

— Принципиальнее уже просто некуда,— заметил Андрей. Спросил: — А почему твоя совесть молчала так долго?

— То есть?

— То есть десять лет помалкивала после Оберона.

Аганн пошевелил белесыми бровями. Угрюмо пробормотал:

— Угум... Тогда иной разговор.

— Нет,— сказал Андрей,— разговор тот же. Только в ином тоне.

Уже в душевой, поливая себя антисептиками, он предчувствовал, что сегодняшний разговор зайдет далеко. Кончилась игра в безмолвного космического детектива, ну ее к лешему. Не он затеял эту беседу, но коль скоро начало положено, он доведет ее до конца. Чего бы это ни стоило. Никаких эмоций сентиментального свойства он сейчас не испытывал.

Было такое ощущение, будто ему предстоял логический поединок с совершенно чужим человеком. Или нечеловеком. Даже привычному облику Мефа Аганна он больше не доверял.

— Не понимаю,— сказал Аганн,— ты экспертируешь танкер или нравственность его капитана?

— Одно другого не исключает. Танкер — будущая орбитальная база, ты — ее потенциальный комендант.

— Ты парень настойчивый, умный... но неопытный.

— Смотря в чем.

— В делах прощупывания нервных узлов человеческого несчастья. Наверное, потому, что в жизни твоей все было гладко.

«Человеческого...» — подумал Андрей. Ответил:

— Мне простительно, я еще молод, все у меня впереди.— Он кивнул на изображение «Лемура».— Ремонтник застал зеркальные кляксы?

— Ты их видел? — резко спросил Агаин.

Тон вопроса, лицо и глаза капитана Андрею в этот момент не понравились еще больше.

— Две из них финишировали на моей спине,— пояснил он, с тревогой вглядываясь в лицо обеспокоенного экзота.— Не будь я в жестком скафандре, мне сломало бы позвоночник.

— Позвоночник,— пробормотал Агаин. Тронул на ротопульте клавиш возврата: «Лемур» покачнулся и поплыл среди звезд к приемному бункеру — скользнул вдоль борта, как привидение, пропал за овалом входной двери.— Удивительно, как ты вообще уцелел.

— Что это было?

— Это была дьявольщина.

— А точнее? Мне показалось, это была струя тяжелого, как ртуть, вещества.

— Зеленую вспышку видел?

— Вспышку? — Андрей вспомнил зеленый отблеск, мелькнувший сразу после удара.— Видел.

— Дьявольщина!..— повторил Агаин с каким-то ожесточением. И внезапно спросил, останавливая на собеседнике очень внимательный взгляд.— Ты как себя чувствуешь?

Холодея от ужаса, Андрей попытался прислушаться к своему состоянию. С трудом удалось расслабить парализованные страхом мышцы.

Вроде бы ничего подозрительного... Никаких особенных ощущений... Понемногу это его успокоило...

— Чувствую себя нормально.

— Вполне? — усомнился Агаин.

— У меня все в порядке.

— И никаких непривычных для тебя ощущений?

— Решительно никаких. Все в норме.

— Странно. По меньшей мере, загадочно...

— Даже для тебя?

Агаин отвернулся.

— А что я должен был ощутить?

— Что? — рассеянно переспросил капитан, глядя в сторону двери координаторской.— А... Ну, прежде всего — неприятный такой... ядовито-железистый привкус на языке. Тем более что луч, как ты говоришь, угодил тебе прямо в спину.

— Так это был луч?.. Откуда?

— Не знаю. Гадать не берусь.

Андрей отпил из бутылки, задержал глоток. Обычный вкус березового сока. Ничего такого, что напоминало бы «ядовито-железистый» привкус... «На этот раз обошлось,— подумал Андрей, опоражнивая бутылку до дна.— Пейте витаминизированный березовый сок — и вам не страшна никакая блестящая мерзость!»

Капитан, по-видимому, заметил перемену его настроения, предупредил:

— Не слишком себя обнадеживай. Самое занятное, вероятно, ждет тебя впереди.

— Впереди — это значит когда?

— Это значит — потом.

— Н-да, предсказатель из тебя... как из меня зоотехник.

— Тем не менее я рискнул предсказать твое будущее,— равнодушно возразил Аганн.— По линиям твоей спины...— Взгляд его был рассеян, глаза блуждали. Было ясно: Аганн катастрофически теряет интерес к разговору. Или уже потерял.

— А я раскусил твое настоящее в холодильнике. По отпечаткам твоих ладоней и голых ступней.

Подбросив в угасающий костер беседы это смолистое и сухое полено, Андрей был готов к обострению отношений.

Капитан поднялся. Однако на эксперта он не смотрел: стоял, глядя в сторону двери координаторской рубки, и явно к чему-то прислушивался. Андрей невольно тоже прислушался, но ничего, кроме шелеста вентиляции, не уловил.

Быстро и молча обогнув ложемент с тыла, капитан бросился в координаторскую. Сбитый с толку Андрей почти инстинктивным движением рукоятки развернул спарку на четверть окружности влево, проводил его взглядом.

Не задерживаясь в координаторской, Аганн через проделанный сегодня пролом нырнул в рубку связи, пропал из виду.

Секунду спустя Андрей услышал оттуда неразборчивое бормотание голосов на фоне уже знакомого стрекота радиопомех. Громкий голос Аганна:

— Танкер «Анарда» радиоабонентам Сатурн-системы, прием!

«Внеочередной сеанс? — подумал Андрей с досадой. Взглянул на часы.— Вот некстати!»

— «Анарда» слушает вас! Прием, прием!

Бормотание, стрекот... Автоматы системы радиофильтров по дееспособности нисколько не выделялись среди остальной автоматики танкера. Логический блок радиофильтра так долго вырабатывал программу устранения помех, что Андрей десять раз успел пожалеть будущих орбит-связистов этой развалины. Стрекот наконец угас. По о чем бормотали радиоголоса — уловить на таком расстоянии все равно невозможно.

— Алло, шкип! — крикнул Аганн.— Включи-ка тонфоны там, у себя.

Андрей покосился на отлетевшее к пилот-ложементам надувное кресло Аганна, вернул спарку в исходное положение, тронул кнопку кольцевой связи.

«...Минус две тысячных»,— внятно сказал женский голос.

«Диона, это опять я — Энцелад,— нежно проблеял чей-то лирический тенор.— Повторите свой результат».

«Энцелад, не мешайте! Я говорю не с вами, я говорю с орбитальным Титаном. Максим Петрович, зачем он мешает!»

«Затем! — возмутился лирический тенор.— У нас результаты не совпадают! Ваше альбедо Пятна — это сверкающая белизна, почти метановый снег, а наше — на сорок процентов ниже!»

«Ну погодите вы, ну не все сразу,— страдальчески проговорил молодой баритон (очевидно — Титан-орбитальный).— Мы вот уже десять минут мусолим элементарные характеристики Пятна и делаем из этого проблему. Кира, вы по какой таблице берете?»

«Вторая Шепселя,— ответила тихо Кира-Диона.— А что?»

«Ничего.— Титан-орбитальный тяжко вздохнул.— За исключением разве того невеселого обстоятельства, что Шепсель и слыхом не слыхал про нашу сингуль-хроматронную оптику. Возьмите таблицу Щеглова. Практика у аспирантов, я полагаю, должна проходить на современном профессиональном уровне».

«Фэгив ми фор интэраптииг ю!..»[1] — вклинился новый голос.

«Ну кто там еще? Айм сори, бат ай хэв ноу тайм»[2].

«Титан! Титан! Опять я — Энцелад. Макс, мы тут успели все просчитать. И знаешь, туман получается!»

«Когда развеется — поговорим».

«Ты выслушай! Пятно на Япете — это вовсе не наледь и не снежное поле. Откуда им было взяться за девять часов, да еще на равнине Атланта! И чтобы сразу диаметром в двадцать пять километров!.. Идеально круглая форма!..»

«Спокойнее, Володя, не горячись, я абсолютно согласен».

«Но если не снег и не лед, значит — туман. Линзовидное скопление густого тумана. Отсюда и эта невероятная форма. В первом предположении — газовый гейзер, или, пользуясь термином Добровольского, газер. Но у меня другая гипотеза...»

«Фог ин Джапет?! Чарминг новлти!»[3]

«А у меня, Володенька, изжога от ваших гипотез. Я, видишь ли, догадываюсь, какая гипотеза по поводу фог-объекта отягощает твои мозговые извилины. Помалкивай пока. Пусть будет газер».

«Что-то я тебя не пойму...»

«А ты задействуй кумеку хотя бы наполовину».

«Это чтобы не будоражить нашу общественность?.. Понял».

Радиоэфир взорвался негодующими возгласами разноязыкой общественности.

«Ти-хо! — выкрикнул по слогам Титан-орбитальный.— Ай бэг ё иаадн, конечно, фэрцайхэн зи биттэ[4], но попрошу освободить эфир. Э-эх, Володенька, сокровище ты мое... Я — Титан, я — Титан-орбитальный! Япет-«Анарда», выходите на связь!.. Молчат по-прежнему. Вас не слышу, «Анарда», не слышу! Спят они, что ли? Диона, вы этих «летучих голландцев» тоже не слышите?.. Ну вот, теперь Диона исчезла...»

«Сюзерен»,— произнес кто-то тихо, с сарказмом.

---

[1] Простите, что перебиваю вас!.. *(англ.)*.

[2] Сожалею, но у меня нет времени *(англ.)*.

[3] Туман на Япете? Очаровательное новшество! (*англ.*)

[4] Выражения извинений на английском и немецком языках.

«Не понял. Какой сюзерен?»

«Обыкновенный такой, с позументами».

«Кто говорит?»

«Все говорят. Имей совесть — дай Кире спокойно поплакать. Надо же, из-за какой-то лепешки вонючего дыма на каком-то паршивом Япете!..»

Всеобщее пятисекундное замешательство. Реплика Энцелада:

«Радиоанониму с Дионы: не суйтесь в дела, в которых вы разбираетесь, как осьминог в парфюмерии. И зарубите у себя на носу: мы не даем своих руководителей в обиду».

Ответа не было. Ничего, кроме неловкости, не ощущалось в наступившей вдруг тишине. И ничего, кроме акустических пакетов, вызванных электроразрядами в кольцах Сатурна, не прослушивалось.

Неловкую тишину очень кстати развеял женский суховато-дикторский голос административного ЦС (Центра связи):

«Напоминаю: радиоабонентов, не имеющих отношения к деятельности отряда селенологов, администрация Сатурн-системы убедительно просит не занимать диапазон, предназначенный для связи с Япетом-«Анардой». Диапазон исключительно в распоряжении селенологов под руководством Максима Лазарева. Благодарю за внимание».

«Благодарю за такую связь,— скорбно обронил Максим.— И не делайте вид, будто вам непонятно, что без фотонного передатчика мы сейчас как без рук».

«Даже неспециалистам ясно: в районе Япета зона полного радиомолчания,— подхватил Энцелад.— Вам не стыдно, спецы?»

«Сочувствую, селенологи, но помочь не могу,— быстро отреагировал на справедливый упрек Энцелада знакомый Андрею сильный и очень красивый голос низкого регистра (этот голос часто звучал во время сеансов связи на подходе к Сатурну).— У меня по графику Ф-связь с кольцевиками «Фермуара». И с танкером «Аэлита» первый сеанс. Что такое первый сеанс, объяснять никому не надо? Советую связаться с «Анардой» через «Байкал» — Рея скоро выходит на прямой луч с Япетом. Ну а пока радиосредствами дайте знать «Байкалу», в чем дело. Успеха!»

Переговоры в радиодиапазоне «Анарды» иссякли.

Вернулся Агапи. Поднял кресло, приткнул его к ротопульту на плашере пилот-ложементов. Усаживаясь, сообщил:

— Наш Ф-позывной для «Байкала» дает автоматика.

Андрей не ответил. Он смотрел на Пятно.

О том, что Пятно лежит на равнине Атланта, было ясно из полемики Титана и Энцелада. Визуально Андрей, пожалуй, и не сумел бы сразу определить этот район планетоида, хотя в свою курсантскую бытность изучал общую и прикладную селенографию (куда, понятно, входила и прикладная япетография). Вообразить себе «равнину Атланта» равниной мог бы отважиться только истый оригинал. С орбиты хорошо просматривались ледяные обрывы, «молодые» структуры извилистых гребней и желобов, покрытые сеткой черных трещин участки «слоновьей кожи», сильно изжеванные мелкими складками зубчатые холмы (гофры), ну и, конечно же, вездесущие черные оспины взрывных и ударно-взрывных кратеров, окольцованных светлыми валиками. К западному региону этой, с позволения сказать, равнины, окрещенной именем мифического небодержателя, примыкал бассейн Плейоны — крупная, но не слишком глубокая впадина с обычной для бассейнов ударного типа системой концентрических разломов и гребней. Западный край Пятна упирался в уступ внешнего гребня Плейоны.

Рассматривать Пятно было удобно: его изображение медленно, со скоростью улитки, ползло по невидимо-вогнутой поверхности сфероэкрана — левее белой полосы настила, соединяющей плашеры пилот- и штурм-ложементов. Кроме удивительно круглого абриса, ничего такого, что поражало бы взгляд, в этом новообразовании не было. Слегка бугристое в центре, похожее на широченный пудинг скопление светло-серого дыма. Или тумана, если доверять прозорливости селенологов Энцелада.

Толщина «пудинга» сравнительно невелика. На глаз — порядка трех километров. Вряд ли более четырех. Трудно представить себе, чтобы рождение туманного диска диаметром в двадцать пять километров не сопровождалось выбросом соответственного масштаба. И всего за девять часов колоссальный султан газа успел осесть на

ANARDA
2
1

равнину геометрически правильным слоем?.. Крайне сомнительно. А для гипотезы о спокойной миграции газов — из трещин к поверхности — форма Пятна совсем не подходит. Трещиноватый участок, допустим, может быть круглым, но ведь не до такой же степени!.. Да, именно форма Пятна волновала воображение и заставляла теряться в догадках. Неправдоподобно, неестественно круглый пудингообразный диск... Хорошо, хотя бы в достаточной мере определенно угадывается издалека его туманная плоть, видны облакоподобные «карнизы» и «оползни» на отвислых (где больше, где меньше), а местами кисельно-оплывших краях. Иначе трудно было бы удержать фантазию от искушения окунуться в мир иррациональных домыслов, а руки — от желания крепенько ущипнуть себя за ухо. Смятение селенологов можно понять.

Мало-помалу изображение Пятна уползло под плашер штурм-ложемента. Андрей перевел глаза на светлую полосу, выбелившую горизонт. Она была несравнимо ярче всех остальных подсвеченных Солнцем деталей рельефа темно-серого в массе своих площадей ледорадо ведущего полушария Япета. Светлая полоса принадлежала ведомому полушарию, которое, вероятно, по причине давнишнего столкновения с астероидом гораздо больше запорошено инеем. Мертвец-в-Простыне... На Япет десантировались две смешанные по составу (космодесантники и ученые) исследовательские экспедиции; обе сделали вывод, что эта луна, вполне нормально изуродованная в прошлом сейсмической активностью недр и метеоритной бомбардировкой, ныне мертва как булыжник. Скорбное Внеземелье опустило снежную Простыню на окоченелые останки. А теперь, выходит, Мертвец шевельнулся?..

— Я — «Байкал»! — внезапно взревели тонфоны.— «Анарда», слышу ваш позывной! Кто на приеме?

Агапи убавил громкость, взглянул на Андрея.

— «Анарда — Байкалу»,— проговорил Андрей.— На приеме Тобольский. Салют, капитан!

— Салют, шкип! — Голос Валаева потеплел.— Чертовски рад тебя слышать.

— Взаимно, Ярослав, взаимно! Как дела на разгрузке?

— Кое-как. Здешних приемщиков ты знаешь. Одним

словом — провинция.— Валаев вздохнул.— Но послезавтра «люстру» — в руки экзоператорам, а тебе — добро пожаловать на «Байкал». Масс-центровку проведут под твоим руководством. Соскучился?

У Андрея чуть было не вырвалось чистосердечное «да, очень», но, вспомнив Копаева, он вовремя притормозил язык:

— Да... как тебе сказать? Здесь скучать не приходится.

— Что у вас с радиосвязью? В эфире паника: все поголовно встревожены вашим молчанием. Говорят, там пятно у вас объявилось какое-то ненормальное?

— Облако белесого тумана. Слишком круглое такое облако... Не идеально круглое, потому что края кое-где оплывают, но все равно — слишком. Я думаю, это оно влияет на радиосвязь.

— Мы взяли его телефотерным увеличением. Мне эта штука напоминает круглую льдину.

— А мне — пудинг. Хорошо отформованный грандиозный пудинг. Хватит на всех. Для всего человечества, как сказал бы один мой знакомый.

— Чего только не выдумает мать природа... Кстати, о человечестве. Тут специалисты по лунам страшно взволнованы, пылают желанием взять у вас интервью. Одного едва успокоили — нервы у парня сдали. Из-за этого Пятна, говорит, мою диссертацию теперь к чертям в болото. Жалко его, хороший такой человек, молодой — и уже, понимаешь, с запятнанной диссертацией... Ну, до встречи? Привет Аганну. Передаю канал селенологам. Будь здоров!

— Общий привет,— процедил Андрей вместо привычного «Салют!». Специально для Аверьяна.

— Титан-орбитальный — Япету. Мы вас тоже приветствуем, Андрей Васильевич! Вас и капитана «Анарды» Аганна. Если вы ничего не имеете против, мы хотели бы войти с вами в контакт по поводу фог-объекта — он же Дым-диск, он же Грандпудинг и он же Пятно на Япете.

Это был голос не Максима, и новый голос Андрею не очень понравился. Этакая жесткость интонаций под сиропчиком снисходительной вежливости.

— «Анарда» — Титану. С кем имею?..

— Постоянный член ученого совета Сатурн-системы Март Аркадьевич Фролов к вашим услугам. Мы с вами почти ровесники, предлагаю называть друг друга по имени.

— Согласен. Борис Аркадьевич Фролов вам, случайно, не родственник?

— Вполне может быть. Родственников — тьма.

Андрей опешил.

— Знавал я вашего брата... Если это он и... если это вас хоть капельку...

— Андрей, если вы ничего не имеете против, сейчас меня много больше волнует Пятно.

— Против я ничего не имею, хотя и не совсем улавливаю, что от меня требуется.

— Ваши впечатления. Как результат визуальных наблюдений.

«Напористый малый»,— подумал Андрей, взглянул на часы и добросовестно выложил свои впечатления. Результаты — он это и сам сознавал — были скромные и удовлетворить постоянного члена ученого совета Сатурн-системы не могли.

— Это все. Наверняка я мало прибавил к тому, что вы наблюдаете на экранах телефотеров.

— Увы, да,— согласился постоянный член.— Но пусть это вас не смущает. Мы дадим вам несколько полезных указаний, которые помогут вашей группе собрать о Пятне дополнительную информацию.

Андрей на мгновение онемел.

— Послушайте, Март!.. О какой группе идет речь?

— Ну, положим, на танкере вы не один.

«Лучше бы я был один»,— подумал Андрей, разглядывая остроносый профиль Аганна. Экзот тоскующе водил глазами по сторонам, ерзал в кресле и, страдальчески морщась, то и дело потирал затылок — словно перспектива получить ценные указания отозвалась у него приступом головной боли.

По затянувшейся паузе Март, видимо, понял, что взял неправильный тон, и добавил:

— Ваши возможности, да, ограничены. Однако бездействие, согласитесь, недопустимо. Давайте вместе обсудим, как быть.

— Благоразумнее командировать сюда специалистов,

более сведущих в вопросах проблемной селенологии, чем я и Аганн.

— Безусловно. Готовится к старту люггер «Виверра» с десантниками и селенологами на борту. Но где гарантия, что до прихода «Виверры» Пятно не исчезнет так же внезапно, как появилось? В его стабильности я, например, далеко не уверен. А люггер, в лучшем случае, прибудет к вам через сутки.

— Я вам сочувствую.

— Тронут. Кстати, сочувствие, как и любой благородный металл, можно отлить в конкретную форму.

Только теперь Андрей осознал масштаб столкновения интересов ученых и функционеров МУКБОПа. С приходом люггера заповедно-тихая обитель заповедно-экзотических тайн мигом перевоплотится в орбитально-десантное общежитие. И никакие запреты МУКБОПа ведь не помогут...

— Март, как вы эту «конкретную форму» себе представляете?

— Как сумму технических средств, которые есть у вас на борту и которые необходимо задействовать в целях оперативной разведки Пятна.

— Во избежание возможных недоразумений я подскажу вам, чего на борту у нас нет. У нас нет разведывательных флаинг-станций автономного действия, нет флаинг-зондов. Нет даже специализированных программ для многозональной локации. Я уж не говорю о полном отсутствии всякого присутствия исследовательских навыков у меня и Аганна.

— У вас есть драккар.

«Ну конечно,— подумал Андрей,— так и прыгнул я тебе на Япет — пятки вдали засверкали». Заметив, что все еще держит в руках пустую бутылку, он бросил ее на сиденье капитанского ложемента, сказал:

— Вот с этого и надо было начинать — с уговоров нарушить все писаные и неписаные правила десантных разведопераций.

— Всю ответственность я беру на себя.

— Идите вы со своей ответственностью!..— вдруг вмешался Аганн.— Будто бы вам невдомек, чем пахнет проклятый кругляк на Япете.

— Нет, почему же,— обеспокоенно возразил Март.—

Обдумываем кое-какие догадки. Кстати, именно это вынуждает нас...

Аганн не стал его слушать:

— Мало вам одного Оберона? Хотите заиметь второй? До свидания.— Поднимаясь из кресла, он попутно выключил автоматику Ф-связи, окинул взглядом неприятно вдруг онемевший сфероэкранный простор системы Сатурна.

— Ты имел в виду оберонский гурм? — ошарашенно спросил Андрей.— Пятно на Япете — гурм?..

— Нет. Но это прелюдия к гурму.

— С чего ты взял?..

— Чувствую. Как? Тебе не понять.

Аганн приблизился к штурм-ложементу и, словно не зная, куда деть свои беспокойные руки, заложил их в карманы. Андрей близко увидел его измученные глаза.

— Пока не понять,— добавил Аганн.

— Но луч, который ударил мне в спину, не мог исходить из Пятна. В тот момент Пятно было где-то за горизонтом.

— Да, это странно... Впрочем, какая разница откуда? — Обернувшись через плечо, капитан посмотрел на белую полосу у горизонта.— Вот тебе и Мертвец-в-Простыне...

— Зачем вырубил связь?

— Не хотел, чтобы тебя уговаривали. Не лезь к Пятну, ты не десантник.

— Это опасно?

— Не знаю.

— Ты знаешь, что такое гурм.

— Я знаю, что такое собственно гурм. Но что собой представляет Пятно — не имею понятия. Чувствую только, что эта круглая туча — зародыш будущей грозы. Туман на Япете — это первая стадия... какой-то подготовительный процесс, который, судя по Оберону, в конце концов завершается серией гурмов.

— Сколько времени может длиться этот процесс?

— Кто знает... Годы? Месяцы? Дни? До тех пор, по-видимому, пока не исчезнет туман. Опять же судя по гурмам на Обероне. Во всяком случае, погибший во

время предпоследнего гурма экипаж «Леопарда» никакого тумана уже не застал. И мы не видели ничего похожего на здешний Пудинг. Ни в районе Ледовой Плеши, где потом сработала западня, ни в каких-либо других районах поверхности планетоида. Конечно, туманных пятен специально мы не искали, но пропустить даже самое маленькое не могли. В поисках обломков «Леопарда» телефотеры «Лунной радуги» обшарили на Обероне каждый квадратный метр. И в том, и в другом смысле планетоид был девственно чист. Понимаешь? Чист. Абсолютно!..

Андрей смотрел на руки рассказчика. Они все время были в движении. За разговором экзот, должно быть, не замечал, как суетливо вели себя его руки. Он нервозно засовывал их на всю глубину карманов, нервозно вытаскивал, закладывал за спину, поднимал к голове, щупал шею, затылок или судорожно складывал на груди. А когда он, нервно жестикулируя, разводил руки в стороны, перед глазами Андрея едва ли не с физической ясностью возникало ночное видение — тень «многорукого пианиста»... Да и ноги Аганна не стояли на месте — притоптывали, переминались, словно ему жгло ступни. Все у него ходило ходуном — ноги, руки, плечи... Наконец Аганн обратил внимание на лицо своего собеседника — растерянно смолк, необычная жестикуляция прекратилась.

— Выходит, не зря селенологи возбуждены,— сказал Андрей, чтобы дать время опомниться ему и себе.

— Теперь они облепят Пятно, как муравьи конфету,— пробормотал экзот, нервно гримасничая.— Суета, ажиотаж, десанты...

«И десантники,— мысленно дополнил Андрей.— И над кем-то из них нависает угроза стать похожим на теперешнего Аганна. Второй Оберон... Десанты, наверное, следовало бы запретить. Но успеет ли Копаев хотя бы что-нибудь здесь предпринять?.. Н-да, ситуация, леший ее побери...» Минуту он размышлял.

— Кэп, что еще полезного о гурме ты мог бы сообщить мне под занавес?

Аганн, продолжая гримасничать, уставился на него долгим взглядом.

— По-моему, все сказано.

— Ясно.— Андрей набрал на клавишах ротопульта команду для автоматики связи. Экзот его больше не интересовал.

Голос Фролова:

«...Все что угодно. Кроме бездарных острот. «Байкал», держите меня на луче, пока позволяют условия».

— «Анарда» — Титану,— вмешался Андрей.— Март, связь. Вы там скоро уйдете с прямого луча, поэтому к делу. Вашу идею разведки десантом я принимаю. В обмен на твердые заверения, что объясняться с УОКСом будете вы. УОКС почему-то ужасно не любит самодеятельных десантников, а мне почему-то ужасно не хочется терять служебную визу.

— Гарантирую: никаких недоразумений с администрацией УОКСа у вас не возникнет. Но истины ради, Андрей: не визой вы рискуете — головой! Обдумайте это, пока не поздно, моральный перевес на вашей стороне — вы не десантник.

Андрей спросил:

— Я могу рассчитывать хотя бы на минимум полезных сведений о гурме?

— Когда планируете старт?

— К старту готов.

— Дряхлый у вас катерок... Выдюжит?

— Давайте так: занимаемся каждый своим делом.

— И общим, если позволите,— добавил Март.— Андрей, мы имеем дело с уникальным явлением. Похоже, догадка Аганна верна: Пятно на Япете — кровный родственник оберонского гурма. А это весьма безотрадно, и вот по какой причине. Ареал обитания нашей цивилизации изучен достаточно хорошо, чтобы с уверенностью сказать: нигде не обнаружено никаких следов действия... э-э... гурм-феномена в прошлом. Здесь понятие «в прошлом» охватывает всю историю эволюции Солнечной Системы вплоть до недавнего времени. Гурм-феномен — это какая-то принципиально новая и, не буду скрывать, очень странная производная сложной жизни нашего Внеземелья. И поневоле начинаешь с тревогой думать о будущем. Если гурм-феномен был способен отгрызть солидный кусок Оберона, где гарантия, что он не сумеет проделать того же с Япетом, Луной? С Землей, наконец, Юпитером, Солнцем?.. Грызуна с лунно-масштабным аппетитом надо

изучать немедленно и подробно. Всеми доступными нам средствами...

— Март, дальше мне все понятно: беззащитное человечество, судьбы мира и прочее.

— Верно. А доступные нам средства в ближайшие сутки — старый катер, его примитивная аппаратура и ваше личное мужество. И это в условиях, когда у вас нет напарника, нет исследовательской сноровки, нет опыта десантных операций и нет надежды на радиосвязь. Вдобавок из двух десятков имеющихся в Сатурн-системе спасательных гулетов автономного базирования именно на Япете и в его окрестностях нет ни одного. По нашей вине. И сверх того, мы не в состоянии предложить вам достаточно рациональную схему контактной разведки гурм-феномена.

— Контактной? — переспросил Андрей, ясно теперь сознавая, чего, собственно, от него ждут. Прогулка к Пятну на устаревшей флаинг-машине — само по себе довольно рискованное предприятие даже в чисто техническом плане. Без связи — полное безобразие где-то на грани беспардонного аферизма. Но этого мало — в проклятый туман предстоит нырнуть с головой...

— В общем, действуйте по приборам и обстоятельствам и, если те и другие позволят, попробуйте углубиться в туманное тело Пятна где-нибудь на окраине. Разумеется, нас больше интересует центральная область, но туда мы сначала пошлем автоматы. Если, конечно, успеем. А вы не рискуйте. Еще неизвестно, что за похлебка в этом котле.

— Геометрический центр Пятна совпадает с какой-нибудь приметной деталью рельефа равнины Атланта?

— Лучше сказать — гипоцентр. Вам, собственно, это зачем?

— В таком тумане легко заблудиться даже на самой окраине. Автокарты синхронно-маршрутного сопровождения у меня, естественно, не будет, абрис Пятна придется изобразить на обыкновенной карте.

— Понял. По нашим расчетам, гипоцентр можно отождествить с кратерком-малюткой, диаметр которого не превышает сотни метров. В Лунном Кадастре — раздел «Япет», подраздел «Эпигены ведущего полушария» —

кратерок этот числится под номером 666. Абсолютно банальный ориентир...

— И на том спасибо. У вас ко мне все?

— Ну что ж, Андрей, ни пуха ни пера!.. На вашу долю выпала рискованная, сложная, но очень важная для родимой планеты миссия. С другой стороны, русскому человеку не привыкать нести на своем хребте судьбы мира. С нетерпением ждем вашего возвращения. Капитан «Анарды», надеемся, периодически будет поддерживать с вами Ф-связь?.. А гурм — в фазе собственно гурма — для вас, по-моему, не слишком опасен. Во-первых, вряд ли его механизм готов сработать в ближайшие сутки. Во-вторых, вы, говорят, отличный пилот с превосходной реакцией. Гурм опасен только своей неожиданностью, и есть резон полагать, что после трагедии на Обероне элемент неожиданности иссяк. Будьте здоровы! Связи конец.

«Н-да, знал бы ты, чем опасен гурм»,— подумал Андрей, наблюдая, как тщетно Агапн пытается подавить в себе эти дьявольские позывы к гримасничанию и судорожной жестикуляции.

— «Байкал», кто сейчас у пульта Ф-связи?

— Инженер связи Андрей Круглов,— услужливо-быстро и явно испуганно откликнулся оператор.

Странная робость Круглова болезненно уколола Андрея. «Заранее, что ли, они там меня отпевают?» — подумал он с щемящей тоской. Бодрым тоном сказал:

— Привет, тезка! Я обязан тут отлучиться по неотложным делам и... хотел бы сдать на хранение на борт «Байкала» некий объем информации. Вруби звукозапись.

— По распоряжению капитана звукозапись идет непрерывно.

«Ну разве могло быть иначе»,— мельком подумал Андрей и коротко, сухо изложил детали своего невольного контакта с «мягкими зеркалами» в вакуум-створе. Круглову сказал (для Копаева):

— Всем передай: очень скучаю. Очень. Связи конец. Салют!

Агапна нельзя оставлять без присмотра. Даже сутки бесконтрольного одиночества рядом с Пятном — многовато для загадочно возбужденного суперэкзота... Копаев па-

рень вроде бы шустрый — должен смекнуть, что к чему, материала для обобщения достаточно. Смекнет — Ярослав вынужден будет немедленно стартовать к Япету в форсажном режиме. Хоть бы они там успели как следует сбалансировать «люстру» во время предстартового аврала...

Андрей поднялся. Молча постоял, оглядывая запорошенное инеем ведомое полушарие Япета (теперь, на траверзе, оно выглядело не белым, как это было у горизонта, а скорее белесым — напоминало светлый мятый картон, испещренный черными иероглифами). Он не знал, что сказать экзоту на прощание.

— Ладно, шкип, мягкой тебе посадки,— первым заговорил Аганн.— Только не проходи над центром Пятна и... вообще не суйся в его центральную область. Тут Фролов прав — одному дьяволу известно, какое варево там закипает.

— Спасибо, кэп. Я пошел...— В дверном проеме Андрей задержался.— Гостей надо будет устроить здесь поудобнее. Волей-неволей ты теперь комендант.— Ощущая спиной взгляд новоиспеченного коменданта, он оглянулся и обомлел: скалясь в очередной гримасе, Аганн сверкнул двумя рядами зеркально-блестящих зубов!..

— Лучше бы ты о себе подумал,— произнес экзот блистающим ртом.— Не верю я в инозвездных пришельцев, несмотря на дьявольски четкую геометрию этого кругляка... Но если чудо произойдет и ты их там встретишь — передай им мое проклятие. Мое и всех тех, кого они убили на Обероне. А заодно и свое...

Дверь закрылась.

ОБЛАКО БЕЗ ШТАНОВ

Андрей брел куда-то вдоль коридора. На ватных ногах, почти бездумно, как во сне. В голове роились обрывки странно неосязаемых мыслей — ни на одной из них он не мог толком сосредоточиться. Перед глазами — блестящий оскал... Наконец его остановило смутное ощущение чего-то незавершенного. Перед стартом он должен был что-то сделать. Но что?.. Ах да, карта Япета.

Подключив принесенный с собой фотоблинкстер к

информканалу библиотечного дисплея, он просмотрел на экране кассету с необходимым ему подразделом Лунного Кадастра. Стометровая метеоритная яма номер 666 на карте выглядела меньше макового зерна. Заданным радиусом (от «макового зерна» до внешнего гребня бассейна Плейоны) рисовальная подсветка вычертила на равнине Атланта синюю линию тонкой окружности — абрис Пятна. Подступиться к туманному кругляку будет, наверное, проще с юго-востока — со стороны долины Гиад. Ни подступать к Пятну, ни тем более соваться в туман ему не хотелось. Ему отчаянно хотелось на «Байкал». Так отчаянно, что вся его готовность к десанту в какой-то момент повисла на волоске. Но он знал свой характер и даже в эти мгновения понимал: минутная слабость пройдет, и ничто не заставит его пойти на попятную. Хотя, откровенно сказать, приближаться к Пятну он боялся. Особенно теперь, когда Пятно и жуткий оскал экзота были слиты в его потрясенном сознании в одно зловещее целое.

По дороге в скафандровый отсек он чуть ли не всерьез прикинул, нельзя ли употребить для десанта тяжелый скафандр противорадиационной защиты типа «Сентанк». Шальная прикидка была отзвуком пережитой паники. Слов нет, чудовищный панцирь «Сентанка» — хорошая биозащита (выдерживает лучевую нагрузку рабочей секции стелларатора), но и только. Он представил себя в неповоротливой бочке «Сентанка» в кабине катера. Н-да... более верного способа гробануться в долине Атланта, пожалуй, и не найти. Что ж, надо топать в обыкновенном корабельном скафандре типа «Снегирь». Один раз кираса обыкновенного «Снегиря» отразила атаку «мягких зеркал» (даже экзот удивился), так почему бы ей не продолжать в том же духе. Конечно, когда десантники встретят возле Пятна разведчика в «Снегире» — лопнут от смеха в своих роскошных «Дэгу», «Вишну», «Шизеку», «Витязях» и «Селенах». Впрочем, вряд ли им будет здесь слишком весело. И работать придется наверняка не в «Селенах» и «Дэгу», а в неуклюжих скафандрах высшей защиты типа «Суперцеброн». Тяжелая и тоже не очень удобная скорлупа, но в ней хотя бы можно летать без особой опаски.

Из ветротоннеля его вынесло прямо к двери переход-

ного тамбура. Дверь мягко открылась — он по инерции влетел в тесноватое помещение, в котором манипулировал кнопками санобработки полтора часа назад, и с ходу прильнул к стеклу квадратного иллюминатора: в скафандровом отсеке было светло и чисто. Что-то заставило его посмотреть на экран аварийного оповещения — он посмотрел и почувствовал, как шевельнулись волосы на голове. В голубом экранном прямоугольнике зияла угольно-черная пятипалая дыра — как если бы кто-то насквозь продавил поверхность экрана ладонью левой руки. Великое Внеземелье!..

Но это была не дыра: иллюзию углубления создавала контрастная чернота плоского отпечатка на фоне светящейся голубизны. Он сразу все понял, инстинктивно отпрянул, крепко стукнувшись головой о корпус парящего в воздухе фотоблинкстера: «А, черт!» Снял блокировку с автоматики замка двери скафандрового отсека и покинул тамбур так резво, будто спасался от пчелиного роя.

Дверь сработала за его спиной с быстродействием гильотины: пфф-крэк! Опомнившись, он извернулся в воздухе, прильнул к иллюминатору, чтобы снова взглянуть на черную пятерню,— не мог поверить в этот кошмар до конца. Издали «черный след» уже не казался дырой — выглядел плоским. В тамбуре у него и мысли не возникло сравнить размер отпечатка с размером своей ладони. Видимо, следовало бы сравнить... для порядка... однако он слишком хорошо понимал, что не сделает этого. Не прикоснется к черному силуэту. Ни за что. Да и не стоило этого делать. Не было смысла. Полтора часа назад он, выплывая из тамбура, оттолкнулся левой рукой от экрана. Он сразу вспомнил об этом, как только увидел дьявольский отпечаток, и сразу все понял, но только сейчас нашел в себе смелость это признать. На борту «Анарды» он встретил единственный «черный след» — *свой* собственный... Очень мило.

Андрей оттолкнулся ногами от переборки и поплыл вдоль гардеробного ряда.

Предстартовой экипировкой руки занимались самостоятельно. Без участия головы. Мозг парализован мыслью о полной необратимости положения, чувства — ужасом. Как падение в пропасть: летишь в самых что ни на есть

привычных условиях невесомости, но превосходно знаешь, чем это кончится. Тогда, в Гималаях, это кончилось, к счастью, глубоким сугробом на склоне и ободранной физиономией. Здесь — безнадежность полная. «Мягкие зеркала» достали его сквозь скафандровую кирасу, и теперь он, по сути дела, на одной доске с Аганном и другими экзотами. «Черный след» — аргумент, против которого не попрешь. По существу, разбито вдребезги все, чем жил, чем дышал первый пилот «Байкала» Андрей Тобольский... Сейчас он думал только об этом. Перешагивая комингс шлюзового тамбура, выбираясь в темный вакуум-створ. Ни о чем ином думать сейчас он просто не мог.

Темнотища в закрытом вакуум-створе — глаз выколи. По словам Аверьяна, экзоты видят в темноте. Он ничего не видел. Ни зги... Он все время взвешивал свое внутреннее состояние на весах ощущений, пытаясь уловить в себе хоть какие-нибудь признаки экзотических изменений. Их не было. Никаких. Абсолютно. Даже пресловутого ядовито-железистого привкуса на языке не было и в помине. Не было в командной рубке, не было и теперь. Но теперь он по крайней мере знал, в чем дело. Копаев ведь говорил, что прикосновением к действующему экрану экзоты способны освобождаться от «чужеродного заряда». На какое-то время. Именно это позволяло им запросто проходить медосмотры спецкарантина. Так-то вот, эксперт... Как и предсказывал Аганн, самое занятное ждет тебя впереди.

— КА-девять. Контакт. Открыть гермолюк.

В темноте вспыхнули бортовые огни «Казаранга».

— Свет,— добавил Андрей.

Щурясь от избытка иллюминации, он осмотрел участок стены, где недавно блистали зеркальные кляксы. Никаких следов. Будто бы этой блистающей мерзости никогда здесь и не было.

Вплыв в кабину драккара, он пробрался вперед к пилот-ложементу, закрепил фотоблинкстер и, пристегнувшись к сиденью, с помощью пневмораздвижки отрегулировал габариты спинки по габаритам своего скафандра. Соединил разъем электрокоммуникаций. Пошевелился, проверяя свободу движений рук и ступней. Покачал рукоятки управления на концах желобчатых

подлокотников, опробовал, как дышат под пальцами диффузоры и ганпетки (хорошо дышат, мягко), подал команду закрыть гермолюк. Необыкновенно ясно представилось вдруг, что в ложементе второго пилота кто-то сидит. Он преодолел в себе искушение немедленно оглянуться (второй ложемент был чуть правее и сзади), но потянул из спинки полужесткий штатив зеркала. В зеркальном овале отразилась задняя половина кабины: багажный твиндек с грузофиксаторами, за ненадобностью отжатыми к левому борту, справа — закрытый люк с зелеными светосигналами герметизации, вверху — часть блистера, сквозь керамлитовую оболочку которого, как сквозь грязное стекло, тускло просвечивали штанги захвата и едва угадывался потолок. Ложемент второго пилота был, разумеется, пуст. «Нервы шалят»,— угрюмо подумал Андрей, сдвигая на рукоятках контактные ползунки в положение «предстартовая позиция». Кабина преобразилась: полупрозрачная оболочка блистера будто растаяла перед глазами, обнажив убогий интерьер вакуум-створа, и точно так же возникли широкие «проталины» экранных окон в корпусе ниже блистера, открыв для обзора участки помятой палубы (к работе оптических репликаторов нет претензий). Андрей оглядел набор фигурных светосигналов, блуждающие огоньки указателей на вертикальных шкалах и вдруг осознал, что плохо воспринимает предстартовую информацию. Привыкший к мигающим на сфероэкране цифро-буквенным формулярам, он с некоторой даже растерянностью восстанавливал в памяти курсантские навыки взаимодействия со светосигнальной информсистемой, настолько уже устарелой, что современные пилоты успели ее позабыть.

В режиме «предстартовая готовность» катер автоматически подал сигнал на сервомоторы вакуум-створа — щит уполз в потолок, распахнулась звездно-черная пропасть. Андрей окинул взглядом созвездие Девы. Приятная неожиданность: рядом с лучистой Спикой возник столбик цифр формуляра контроля работы флаинг-моторов. И на том спасибо. Он вздохнул с облегчением. Шелест вздоха заставил дрогнуть крылья зеленого мотылька индикатора звукозаписи — на драккарах голос пилота фиксируется. Бывают десанты, когда уцелевшая бронированная кассета с несколькими фразами пило-

та — единственный ключ к разгадке обстоятельств катастрофы десантного катера.

— Информсистема функционирует нормально,— сказал Андрей.— Выхожу на позицию старта.

Катер встряхнуло. Телескопические штанги захвата, медленно удлиняясь, вывели машину за пределы вакуум-створа. Андрей оглядел чернеющую под ногами ночную сторону Япета и удивился глухой тишине в шлемофоне: стрекотания не было слышно. И вообще ничего не было слышно. Такого идеального радиобезмолвия он за всю свою летную практику еще не встречал. Жутковатые радиометаморфозы у этого планетоида...

— Позиция старта. Ничего не слышу — полное радиомолчание. Судя по индикаторам, система связи в порядке.

Три щелчка в шлемофоне (сигнал минутной готовности) — замигали секундные марки времени. Андрей отстрелил кабель дистанционного контроля, привычно окинул взглядом всю картину индикации, выхватывая главное. Самым главным был синхронный разогрев обоих флаинг-моторов. С этим нормально. Ненормальным было одно — безмолвие в шлемофоне. К этому он не привык, ему недоставало диспетчерских голосов. На стартовой позиции пилот обязательно должен чувствовать себя в центре событий, иначе сто против одного, что к старту он не готов.

И вспомнилось, как при буксирном отвале «Байкала» от аванпортов лунноорбитального терминала «Восток-приземельный» он опасался, что мысли о Валентине помешают ему сразу войти в рабочий ритм вахты. Но достаточно было принять запрос терминала и отправить короткий и, по сути, формальный ответ — душевная боль уползла куда-то глубоко внутрь, точно в нее угодила струя анестезирующего средства. Мозг автоматически впитывал информацию, быстро реагировал на радиоголоса, дозировал время переговоров: этому — краткий ответ, тому — основательный рапорт. Совершенно нет времени размышлять о своем, и, как ни странно, всегда успеваешь довести общение с каждым из радио-абонентов до логической развязки, хотя там есть и такие, кто не отступится, пока не выжмет из тебя все подробности «текущего мо-

мента». А «текущий момент» это не только голые цифры. Это вызолоченная солнцем горбушка Луны, еще недавно занимавшая в рубке добрую треть обзорной сферокартины, доклад командира эскадрильи буксиров, ювелирно-тонкий процесс расстыковки в намеченной зоне, минута прощания с пилотами-буксировщиками, их неизменное зубоскальство (недаром этих парней прозвали москитами), капитанская предстартовая «десятиминутка» с короткими рапортами готовности по секторам, когда последнее слово за первым пилотом, и слышно, как диспетчеры Приземелья передают руководство движением корабля диспетчерам стартового коридора, и старт-диспетчер тут же предупреждает тебя о подходе туера-ускорителя. «Вас понял, к стыковке готов!» Включаешь автоматическую программу сближения («Есть зональный захват!»), подаешь на сфероэкран фрагмент хвостового обзора и, обмениваясь с диспетчером промежуточной информацией, шаришь взглядом между мигающими столбцами строчек цифро-буквенных формуляров. А вот и он, озаренный солнцем помощник. Сперва это просто звезда, астероид, затем — серебристый восьмиугольник с вогнутыми сторонами, и па сближении долго не удается высмотреть крохотный носик миниатюрного пилотажного корпуса туера на сверкающем силуэте его необъятной кормы. Наконец блеснули усики параванов стыковочного узла. Традиционный обмен приветствиями между пилотами и капитанами, последняя коррекция, алый свет транспаранта «Причаливание», мягкий, но увесистый толчок, заметно поколебавший огромную «люстру» «Байкала». «Есть касание! Есть механический захват, есть стыковка!» Дальше все по командам диспетчера: коррекция по оси в стартовом коридоре, выход восьми маршевых двигателей туера на режим принудительного разгона, согласование параметров действительной и запроектированной траектории, расстыковка. И в двух десятых астрономической единицы над эклиптикой: «Счастливого пути!» — «Синхронной безекции!» — «Удачного рейса!» Подарок с борта только что отвалившего туера — звуки марша «Прощание славянки», фейерверк и видеотрансляция готового к активному разгону «Байкала». Со стороны контейнероносец-гигант смотрится просто божественно: залитая огнями хрустальная люстра

под звездно-черным куполом бескрайнего Внеземелья. И даже «индустриального» вида колонна безектора с белой воронкой массозаборника впереди отнюдь не портит общего впечатления. Корабль немыслимой красоты. Было в нем что-то от романтического великолепия парусников земных морей. Но глазеть уже некогда — тонкие линии белого перекрестья курсового коллиматора совмещаются с желтыми, краснеют, и начинается главный этап разгона в своем эшелоне...

Все, Андрей Васильевич, кончено — отлетался. Никто не доверит суперконтейнероносец экзоту. «Казаранг» — последняя твоя космическая лошадка, а этот десант — последний пилотируемый полет...

На задворках сознания смутной тенью скользнула какая-то нехорошая мысль. Он не успел за ней проследить — щелчок в шлемофоне и вспыхнувший транспарант «Захват чист» мгновенно переключили его внимание на другое. Снежное облако выхлопа стартовой катапульты, нарастающий крен. Слева по борту — черная стена планетоида, над головой — бортовые огни «Анарды». Реверс-моторами он «подработал» ориентацию «Казаранга» по каналам курса и тангажа (так, чтобы катер держался рядом с «Анардой» кормой вперед — «валетом») и дал тормозной импульс для схода с орбиты. Перегрузка вдавила тело в амортизаторы ложемента. Пульсирующие носовые огни танкера немедленно отодвинулись куда-то в звездную высь и начали отставать — катер, уменьшив скорость, обогнал «Анарду» в плоскости орбиты (кажущийся парадокс, перед которым здравый смысл человека, мало знакомого с динамикой орбитальных полетов, обычно пасует).

— Первый тормозной импульс отработан нормально. Определился на траектории сближения, даю второй.

В шлемофоне тихо звенело. Очень тихо — где-то на пределе слышимости. Слабенький звук (лучше сказать — призрак звука) вяз в мягкой, как ватный ком, тишине, и Андрей пожалел, что не наполнил кабину воздухом. По крайней мере, свист фланнг-моторов был бы слышен отчетливо. Теперь уже поздно — от перепада температур, чего доброго, запотеет стекло гермошлема. «Снегирь» есть

«Снегирь»,— думал он,— экспериментировать не стоит». Он готов был думать о чем угодно, лишь бы не подпустить к себе снова ту нехорошую мысль. Но скоро понял, что от нее не так-то легко отмахнуться. Зудит как муха, будь она проклята. Зря ведь зудит. Только мешает. Прихлопнуть — и дело с концом. А как прихлопнешь? Попробуй прихлопнуть оборотную сторону своего «я»... Оборотную? У Андрея Тобольского нет оборотных сторон. Андрей Тобольский везде, всегда, весь и во всем как на ладони.

Он не разбил экран, не сделал попытки уничтожить свой «черный след». И впредь не намерен поступать иначе. Правда, совершенно неясно, как он будет жить в шкуре монстра-экзота (и будет ли?), но прятаться от людей, лгать, изворачиваться на медосмотрах не станет — это уж точно. Скрытая от людских глаз таинственно-жуткая жизнь Аганна и других «оберонцев»-экзотов — это определенно не для него. «Но ведь, в сущности, кроме шока от появления «черного следа», ничего экзотически-странного ты еще не почувствовал,— надоедливой мухой зудел внутренний голос.— Тебе еще не известно, как это будет, и сейчас ты чувствуешь, думаешь и решаешь как человек. А где гарантия, что сиюминутная твоя решимость не развеется в прах, когда с головой окунешься в незнакомый пока тебе мир ощущений, желаний и настроений экзота?..» Ну уж нет, пропади оно пропадом! Он даст разрезать себя на куски, лишь бы люди сумели понять, в чем тут дело, и успели обезопасить свой мир от «мягкозеркальной» напасти. Блистающие оскалы монстров человечеству не к лицу.

— Вниманию функционеров МУКБОПа,— проговорил Андрей, искоса глядя на оживленно затрепетавшие крылья индикаторного мотылька звукозаписи.— Важное сообщение. Мой контакт с «мягкими зеркалами» в вакуум-створе не был безрезультатным — я обнаружил у себя способность оставлять на экране черные отпечатки ладони. Каких-либо иных экзотических изменений в своем организме пока не нашел. Конец.

«Невозвратный» рапорт в адрес МУКБОПа ни удовлетрения, ни особого облегчения не принес. Ощущение катастрофы уступило место ощущению какой-то мучительной опустошенности, только и всего. Похоже на то,

как если бы невинно осужденному заменили смертный приговор пожизненным заточением в подземелье.

Андрей определился по высоте, выключив флаингмоторы и развернул катер носом по курсу. До поверхности планетоида было не меньше двенадцати километров. Из-за горизонта с внезапностью взрыва ударил в блистер машины первый солнечный луч: в пламенном ободке ореола взошел над Япетом и стал взбираться по вертикали маленький иссиня-черный кругляк «затменного» Солнца (жесткий свет его диска был «съеден» поляроидным фильтром буквально вчистую). Потом среди звезд на бархатно-черное небо взошел при полном параде и сам владыка этого края Сатурн — с начищенной до жемчужного блеска острой шпагой Кольца, гладкий, как дыня.

Теряя высоту, драккар инерционным ходом перевалил изрезанную частоколом теней пограничную зону темноты и света и потянул над озаренной солнцем, обезображенной неровностями рельефа и оспинами кратеров пустыней.

Детали рельефа навевали уныние. Краски были однообразные, тусклые (вся палитра «бесцветности» — от черного до светло-серого) и тоже навевали уныние; изредка проплывали внизу участки, скупо подбеленные жиденькими сугробами замороженных газов. Но местность в целом уныния не навевала, на нее было страшно глядеть. Воображение подсказывало, что тут творилось в те времена, когда коллективно буйствовали сейсмические судороги недр и метеоритная бомбардировка. «А что тут будет твориться, когда начнет буйствовать гурм!..» — подумал Андрей, увидев на горизонте светлую полосу. И чуть не вздрогнул от неожиданности: в ушах прозвучал хриплый кашель. Или что-то похожее на кашель. Странный звук странно качнулся на волне дрожащего эха и замер. Потом повторился. Андрей с подозрением посмотрел на светлую полосу, вернее, на холм заметно подросшего на горизонте Пятна. Подумал: «Радиофокусы Пудинга. Электроразряды? А может, у меня начинается *это?..*» Ему стало очень не по себе. Ядовито-железистого привкуса на языке он по-прежнему не ощущал. Впрочем, «привкус» Агани мог просто выдумать. Чтобы, скажем, уйти от расспросов. Или экзоты, скажем, так шутят.

Минуту спустя шлемофон стал выдавать дрожащие эхокашли не только сольного исполнения, но и в составе дуэтов, трио, а иногда и квартетов. Причем довольно-таки регулярно. Крылья индикаторного мотылька трепетали — значит, эхокашли проходят на звукозапись — это уже хорошо. Может быть, специалисты-акустики разберутся. Очень странные звуки...

— Иду инерционным ходом, высота — восемьсот. Первый радиозвук совпал с моментом выхода верхней кромки Пятна в зону луча прямой видимости. Ясно вижу дугу юго-восточного фронта Пятна, готов к маневру сближения и посадки. Включаю систему видеозаписи. («А кстати, есть ли тут чему включаться? Есть. И самое поразительное — работает!») Высота — шестьсот девяносто. Выполняю маневр.

По дну корытообразной и словно очень неровно заасфальтированной долины Гиад жуком пробежала черная тень драккара.

Вцепившись геккорингами и крючьями ступоходов в лед, «Казаранг» стоял перед стеной тумана. Бок исполинского Диска начинался где-то на высоте более трех километров валиком оплывшего карниза и падал с этой высоты бугристо-складчатым обрывом — похоже на вертикальный срез необъятного облачного массива, белесого, плотного, совершенно непроницаемого для взгляда, как мраморная, все заслоняющая перед глазами стена. Подножие грандиозной стены опиралось на грунт (вернее, на ледорит) оползневым склоном, который с полукилометровой дистанции выглядел хаотичным нагромождением «мраморных» облаков — местами шаровидно-кучевых, местами сплюснутых буквально в лепешку, а местами растянутых, скрученных или расслоенных на отростки и даже разодранных в клочья. Андрей, оцепенев в ложементе, водил глазами, обозревая доступную взгляду часть немыслимо колоссальной и совершенно неуместной на Япете Горы Тумана. До него не сразу дошло, почему это облакоподобное Нечто кажется монолитным, неестественно плотным. Вдруг понял: естественные облака и туманы клубятся. Клубятся, ползут, расширяются, тают, они изменчивы и подвижны. Гора Тумана — олицетворение статики. Глаз не улавливал здесь никакого движения, никаких изменений. Таинственные силы, которые

успели сформировать на поверхности этого колосса бугры, карнизы, складки и оползни, либо кончили свою работу, либо делали ее теперь в ненаблюдаемо-замедленном темпе.

Шлемофон периодически напоминал о себе эхокашлями. Андрей снизил громкость звука и решил прощупать туманный массив лучами локаторов. Экраны пусты, отраженного сигнала не было — как будто Гора действительно целиком состояла из одного тумана. И не было ни малейшего намека на то, что лучи доставили ей хоть какое-нибудь беспокойство,— даже параметры эхокашлей не изменились. «Кашлять она хотела на меня и мои локаторы»,— подумал Андрей и включил шагающий механизм «Казаранга».

По причине очень малого тяготения на Япете катер мог продвигаться вперед пешим ходом только в режиме малого шага (на жаргоне десантников — «скорость осла»). Плавно покачиваясь, точно это происходило в воде, машина мерно перебирала ступоходами, вонзая в податливый ледорит крючья фиксаторов. И как ни мала была «скорость осла», машина достигла подножия оползневого склона быстрее, чем Андрею того хотелось. Он чувствовал, что психологически еще не созрел для «контактной разведки гурм-феномена», и осадил своего конька-горбунка на краю кратерной ямы, за которой уже начинались владения «мраморных» облаков. Инстинкт подсказывал: обстановка сложная, торопиться не надо. Хорошо, не будем спешить. А что надо? Ведь не стоять же на месте!.. На это инстинкт ответить не мог. Ощутив сухость во рту, Андрей опустил руку ниже левого подлокотника, пошарил в поисках полетного НЗ. Вместо пакета неприкосновенного запаса рука нашарила в продовольственном боксе глубокий вакуум. Все правильно. От хозяев «Анарды» этого следовало ожидать. Впрочем, сам виноват: нарушил космодесантную заповедь: «Уходя на сутки, иди на неделю».

Подстраховывая взлетную стабилизацию «Казаранга» реверс-моторами, он дал импульс вертикальной тяги и, уклонившись от карниза (огромного вблизи, как фланговое крыло грозовой тучи), поднял машину над верхней кромкой Пятна. Взглянул на безмерно широкую «крышу» Диска, присвистнул. «Крыша», которая с орбиты выгля-

дела слегка бугристой равниной, явно обнаруживала теперь склонность к выпячиванию. Похоже, это необозримое скопище белесого тумана всерьез решило трансформировать свою геометрию от формы Диска к форме выпуклой Линзы. Недоразвитый мениск Линзы был сильно всхолмлен, и при некотором воображении его можно было принять за раскинувшийся под звездным небом массив земных облаков, залитых ярким светом приземельно-спутниковых зеркал — поставщиков дополнительной светотепловой радиации для сельскохозяйственных угодий в ночное время.

Осторожничая, Андрей прошел высоко над Пятном. Сначала по хорде. Затем резко снизился и повернул к центральной группе холмов, которые были заметно выше периферийных и занимали на макушке мениска Линзы сравнительно небольшую площадь — этак порядка дюжины квадратных километров. «Разведка это или нет?! — подумал он, отгоняя воспоминание о советах Аганна и Марта Фролова не приближаться к центру Пятна, и лишь теперь мимоходом отметил, что эхокашли умолкли.— Советчики!.. Ни тот, ни другой никогда не имели дела с Пятном. А доведись самому Фролову быть сейчас в этой кабине? Наверняка сиганул бы в туман очертя голову».

«Казаранг» завис над крайним холмом центральной группы. Ничего не случилось. Андрей ослабил напряжение в мышцах и опустил машину ниже. С небольшой высоты было видно, как на склоне холма углубляется под напором струи подвесной тяги продолговатая яма. Туман уступал натиску неохотно и, стоило катеру отойти, затягивал вмятину сразу. Как молочный кисель, если дунуть в него. Фролов непременно изобрел бы соответственные термины. «Эффект киселя» в начальной стадии эволюции «гурм-феномена». Что-нибудь в этом роде. Поразительно вязкий туман...

Чуть в стороне Андрей приметил темно-серую полосу шириной в метр. Она отчетливо выделялась на однообразно белесом фоне туманной массы и была слишком длинной, чтобы не обратить на себя внимание. Он присмотрелся. Поразительно напоминает след эленарт на мягком снегу. Глубокая такая борозда, взрыхленная траками гусеницы движителя. Занятная иллюзия... Он подогнал

катер поближе и вновь присвистнул от удивления: под напором струи борозда лишь прогнулась и как ни в чем не бывало, легла на стенки и дно круглой вмятины. Стало ясно: «гусеничный след» — это плохо затянутая щель разлома в туманообразном теле Пятна. «Разлом...— подумал Андрей.— А какого лешего пасует перед разломом «эффект киселя»?..»

— Беру след,— сказал он, разворачивая машину.— Полоса разлома ведет меня меридиональным направлением: юг — север.

Это было не совсем точно. Вернее, совсем неточно. Борозда, извиваясь как тропинка в лесу, пересекая тени холмов и постепенно отклоняясь к северо-западу, вела заинтригованного следопыта по дуге, огибающей центральный участок. Потом она отклонилась к западу, а дальше — к юго-западу... Похоже, вела по кругу. Андрей прикинул: разлом, охватывая всю аномально всхолмленную макушку мениска Линзы, по-видимому, оконтуривал глубинный очаг силовой деятельности Горы Тумана. В таком случае, радиус очага сравнительно невелик — около двух километров. При условии, правда, что щель разлома уходит в глубину Пятна цилиндром...

Все прикидки разом вылетели у него из головы, когда он увидел еще одну борозду. С километр старый и новый «гусеничные следы» шли параллельно, затем неожиданно переплелись между собой и вдруг разбежались по обе стороны от встречного холма. Следопыт растерялся. Круто взмыв над холмами, он посмотрел с высоты. Борозд было много. Извиваясь среди холмов, они образовали на центральном участке малозаметный путано-кружевной рисунок из волнообразно деформированных, местами переплетающихся окружностей. Довольно сложная система концентрических разломов. Впрочем, концентрических ли?.. Он внимательно присмотрелся и понял: нет здесь никаких окружностей. Это была одна-единственная борозда, небрежно скрученная на макушке Пятна во многовитковую спираль. Словно бы кто-то огромный, держа нетвердой рукой садовый шланг под напором, долго водил струей вкруговую, пока прицелился в нужную точку. А кстати, вот и она, эта черная точка между холмами... Напоминает глаз урагана. Миниатюрный такой глазок. Дырка в тумане. Так вот

от какой печки начала свою шальную пляску со спиральным кружением трещина разлома...

Андрей снизил катер к верхушкам холмов и, все еще осторожничая, готовый в любой миг взмыть кверху, медленно пересек первый от «дырки» виток борозды. Сердце сжимала необъяснимая тревога, возникло странное предчувствие чего-то опасного. Однако на маневр драккара гипотетически опасная местность никак не реагировала. С двадцатиметровой высоты «глазок урагана» выглядел просто скважиной в теле Пятна, узким — чуть шире борозды — колодцем. Андрею скважина почему-то не нравилась, хотя он не мог объяснить себе, в чем тут дело. На подходе к «дыре» он сбросил скорость практически до нуля, собираясь применить свой старый курсантский трюк — зависание с дифферентом на нос,— другого способа заглянуть в «колодец» не было. Едва нос катера опустился — полыхнула зеленая молния и страшный удар опрокинул машину.

Ослепленный вспышкой, он подавил в себе рефлекторный позыв рвануть драккар на форсаже куда-нибудь наугад; ощущая падение машины с вращением, открыл счет секундам (как при нокдауне) и вслепую стал подавать реверс-моторами короткие импульсы стабилизации, пока не почувствовал, что вращение прекратилось. Перед глазами плыли цветные пятна-фантомы, он ничего не видел, не мог даже представить себе, в каком положении валится вниз машина (боком? носом? кормой?), и этот мучительный отсчет секунд был для него единственной возможностью хоть как-то оценивать в состоянии невесомости метраж убывающей высоты. Он хорошо теперь понимал: позволить драккару коснуться тумана вблизи от устья предательской скважины — значит сыграть с безносой в чет-нечет.

Фантомная завеса поредела вовремя — стена тумана с бороздой и черным «колодцем» уже закрывала все справа и сверху,— он рывком развернул катер носом к Солнцу и дал форсаж. Резкая перегрузка вернула ему самочувствие хозяина полетной ситуации.

Подвесив драккар высоко над краем аномально всхолмленной зоны, он лишь теперь заметил, что левый нижний экран погас. Экран... Легко отделался. Именно сюда — в левую скулу днища — ударил из скважины луч. Или мол-

ния? Кто знает... Но это было как удар правой с ближней дистанции. Кто-то огромный провел молниеносный хук довольно твердой рукой... А катерок показал себя молодцом. В нокдауне побывал — и ничего. Глаз дымыл? Ерунда, мелочь. Могло быть хуже. Главное — моторы в порядке. Все основные системы, кажется, в норме...

Включив воздуходувку гермошлема, чтобы высушить покрытое испариной лицо, он поискал черную точку между холмами. Все там было на своих местах, без изменений: холм, борозда, «колодец».

Пусть заглядывают туда автоматы Фролова. Пусть заглядывает сам Фролов, если советы Аганна придутся ему не по вкусу. Аган, видимо, знает, о чем говорит. «Не проходи над центром Пятна...» Откуда знает — другой вопрос, но ведь факт: откуда-то знает... «Теперь наша очередь знать»,— подумал Андрей и вслух доложил результаты разведки макушечного участка белесого чудища.

Доклад он закончил предположениями:

— Думаю, сердцевина Пятна представляет собой вертикально ориентированный цилиндр с четырехкилометровым диаметром основания, пронизанный осевой скважиной и трещиной спирально развитого разлома. Собственно, это геометрия рулона. В своей периферийной зоне рулон туманообразной массы, должно быть, сильно изрезан взаимными пересечениями витков разлома. Подобно тому, как изрезан или, вернее, расслоен на лепестки бутон розы. Ударный выброс из скважины... условно я называю это лучом, имеет, мне кажется, ту же природу, что и луч, угодивший в «Анарду». По крайней мере, и здесь и на танкере это сопровождалось ярко-зеленой вспышкой. Однако ударные свойства здешнего выброса по мощности на два-три порядка выше. Левая скула днища драккара, очевидно, покрыта теперь слоем зеркальной субстанции. О результатах осмотра днища доложу при посадке.

Он развернул катер на юго-восток и вдруг увидел внизу одинокую борозду.

Эта борозда была уже иного типа. Такое впечатление, будто она вырвалась на простор из сумасшедшего хоровода витков запутанной спирали и без оглядки помчалась к южному краю Пятна — идеально прямая, словно ее

провели по линейке. Андрей не мешкая облетел по кругу аномально всхолмленную зону и убедился, что за пределами спирали разлом имеет развитие по прямой только в южном направлении. «Начальную точку разлома я обследовал довольно лихо,— подумал он, устремляя катер вдоль борозды.— Что ожидает меня в конце?»

В конце его ожидала посадка на ледорит. Пока таял пар под брюхом катера, Андрей разглядывал темную расселину — почти ущелье в облакоподобном массиве оползневого склона. Прочертив «крышу» Пятна южным радиусом, борозда беспрепятственно сошла на обрыв (оплывающего карниза в том месте не было) и, постепенно расширяясь, строго по вертикали сбежала вниз трещиной в стене тумана, а в самом низу — извольте полюбоваться! — превратилась чуть ли не в ущелье... В целом это напоминает неудачный удар топором по сосновому чурбану, когда чурбан радиально трескается, но не разваливается. Любопытно, каким «топором» проделан разлом в вязком тумане, да еще снизу...

— КА-девять, открыть гермолюк.

По привычке Андрей проверил замок стекла гермошлема и выпрыгнул в люк. Замедленное падение. Коснувшись ледорита, он включил геккоринги, выпрямился. Его шатало из стороны в сторону. Почти невесомость.

Мимолетная мысль о том, что это уже третья луна Сатурн-системы, где он оставляет следы, мало его взволновала. Он обдумывал тактику предстоящей «контактной разведки гурм-феномена», и обнаруженный в монолитной стене тумана пролом казался ему подарком судьбы. По крайней мере, есть шанс заглянуть внутрь белесой громадины. Далеко ли — другой вопрос, но именно заглянуть. А вслепую ломиться сквозь этот жуткий «кисель», в котором вязнут лучи радиолокаторов и лидаров,— безнадежная и, надо полагать, бессмысленная авантюра.

Левая скула днища была абсолютно чиста: никаких фрагментов обширной, как он ожидал, нашлепки зеркальной субстанции. Ни единого пятнышка... Это его озадачило. От момента удара над скважиной до осмотра прошло немного времени — гораздо меньше, чем это было на танкере. Здешние «мягкие зеркала» тают быстрее орбиталь-

ных?.. Не исключено. Как, впрочем, не исключено и то, что здесь их не было и в помине. И превосходно. Отсутствие блестящей мерзости его устраивало.

Он осмотрел бортовые обводы, корму, стопоходы и отошел на несколько метров от катера — взглянуть на примеченную во время посадки странную прямую бороздку, прочертившую ледорит.

Вместо бороздки он увидел прямолинейный пунктир из идеально круглых ямок с конусовидными донышками, и с первого же взгляда это чертовски ему не понравилось. Пунктир брал начало от разлома оползневого склона, проходил мимо катера и, строго выдерживая взятое направление, исчезал в полусотне метров отсюда за пологим бугром. Очень странный пунктир. Более странный, пожалуй, и неприятный, нежели все остальное...

Андрей низко склонился над одной из ямок, но, схваченные геккорингами, подподошвенные участки ледорита надломились как хрупкий наст, и следопыт медленно завалился на четвереньки. Некрасиво, конечно. Зато удобно. И минимум вероятия, что позорные отпечатки растопыренных пальцев останутся здесь на потеху потомкам: гурм слопает все. Как слопал округу в сто шестьдесят километров на Обероне.

Впрочем, не было особой нужды ползать над загадочными вмятинами. И без того было видно, что все они одинаковы по размерам (две ладони закрывали ямку целиком). Интервалы между ямками всюду выдержаны с машинной точностью. Словно бы тут прокатилось огромное колесо с шипами на ободе. Андрей поднялся и посмотрел на бугор, за который оно укатило. Воображение мигом воспроизвело перед глазами многорукие фигуры копошащихся в тумане инозвездных пришельцев и то, как они, обмениваясь между собой информационными эхокашлями, разгоняют по спирали одноколесный экипаж и, набрав скорость, уносятся куда-то в человеческий мир по каким-то своим нечеловеческим надобностям. А кстати, почему не слышно здесь эхокашлей?

— Потому что пришельцы уехали,— пошутил он вслух.

Мертвая тишина в мертвой пустыне успела ему опротиветь, и, шагая вдоль пунктира к бугру, он прислушивался к поскрипыванию в гибких сочленениях ска-

фандра. Потом услышал свое дыхание. Идти было трудно — ледорит не везде был достаточно тверд для геккорингов. Ландшафт под черным небом с редкими звездами и «прожектором» Солнца бессовестно напоминал гобийское плато ночью при искусственном освещении. Впрочем, нет, гобийское плато выглядит живописнее. А здешнее ледорадо (так называют селенологи поверхность ледяных спутников планет-гигантов) — точнее, ледорадо ведущего полушария — из-за ноздристого, потемневшего от метеоритной пыли и радиационных эффектов ледорита имело довольно непривлекательную цветовую гамму старого, небрежно уложенного асфальта.

Он взошел на бугор, оглядел местность в абрисе близкого здесь горизонта. Бугор оказался частью вала неглубокого, древнего, по-видимому, кратера. Идти дальше не имело смысла. Цепочка ямок, все так же строго выдерживая южное направление, пересекала дно кратера и снова терялась за буграми противоположной стороны вала,— Андрей смотрел на нее с тревогой. Надо не мешкая выяснять, куда запустило Пятно свою длинную лапу. Куда и, главное, зачем... Он обернулся. Издали катер напоминал беспомощное насекомое, остановленное необозримой стеной белесой громадины. Забывшись, Андрей приказал:

— *КА-девять, подойди ко мне.*

«Казаранг» даже не шевельнул «ушами» локаторов.

Мысленно проклиная «грязные радиофокусы» этой «помеси облака без штанов с вывернутой наизнанку лоханью тухлого киселя», Андрей потащился обратно. С трудом удержал себя от соблазна прыгнуть. По опыту знал: «кенгуру» (обычный способ десантников передвигаться в условиях слабого тяготения) ему не подходит. Недоставало еще вывихнуть себе суставы. Или — хуже того — поломать кости; как-никак, а его общая масса — почти четверть тонны. Десантникам прыгать можно: у них за плечами годы специальных тренировок, а на плечах — лунно-десантные спецскафандры. Им здорово здесь придется попрыгать.

Двигаясь вдоль цепочки загадочных вмятин, Андрей смотрел на нее, и постепенно появилось ощущение, будто глаза видят что-то очень знакомое. Ах, черт!.. Он замер на месте. Подозрение ошеломило его. Этот пунктир по-

добен пунктиру зеркальных клякс в вакуум-створе... Он повернулся лицом к югу и без труда представил себе, где находилась «Анарда» в момент, когда луч угодил в вакуум-створ. Все верно, никаких сомнений... Разыскивать конец пунктира на юге теперь ни к чему. Это уже не имело значения. Пришлый луч задел борт «Анарды», мазнул по Япету с юга на север и, достигнув Пятна, сплясал в центральной зоне волнистой спиралью. А потом сосредоточился в том месте, где теперь скважина. Буквально как в аналогии с садовым шлангом... Однако вполне могло быть, что Пятно возникло не до, а после пляски луча. Скорее всего так и было. Не потому ли Пятно заметили с орбитальных баз именно после?.. «Ну что ж, следопыт,— подумал Андрей, возвращаясь к машине,— кажется, ты неплохо делаешь свое дело».

Ремни пристегнуты, люк закрыт, результаты пешей разведки доложены. Вглядываясь в непроницаемо-темную глубину расселины, Андрей не чувствовал ни малейшей охоты направить туда драккар. Медлил. Еще оставались вопросы, над которыми он усиленно размышлял. Почему над скважиной удар был нанесен не сверху, а в днище? Куда подевался пришлый луч? Заварил исполинскую кашу и спокойно угас? Или переметнулся куда-то?.. Удар снизу определенно свидетельствует: Пятно способно генерировать лучи с мощными ударными свойствами. И полбеды, если дыра в центре этого «облака без штанов» — единственный канал распространения лучей. А если каналов несколько? Или, скажем, лучевые удары подстерегают на всем протяжении разлома? Подстерегают в каждой ямке, проделанной пришлым лучом? Вздор. Он ползал над ямками, и ничего такого... Пунктир — это просто следы ударов о грунт уже знакомых «мягких зеркал». Просто... Здесь, вне контура белесого чудища, это действительно просто ямки, но внутри... Внутри может быть все, что угодно.

Андрей снялся с точки, взял вправо, стремительно огибая стену обрыва. На круговой облет Пятна он потеряет четверть часа... Не слишком большая отсрочка. Но это будут его четверть часа.

Шлемофон закашлял. Умолк. Снова закашлял. Андрей обратил внимание, что эхокашли слышатся только возле участков обрыва, над которыми нависают оплывающие

карнизы. Однако это ни о чем ему не говорило. Катер нырнул в тень на северной стороне Пятна будто в глубокую воду — над головой вспыхнула усыпанная алмазными крошками лента Млечного Пути. Он включил фары, и дрожащие на бугристой стене отсветы долго сопровождали машину. Потом он увидел залитые солнцем верхушки внешнего хребта Плейоны, а над ними — изящную, словно мачта катапультера, вертикаль Кольца. Местность была живописная. Особенно там, где ледяные утесы хребта соприкасались с туманной стеной и «мраморными» облаками высоко приподнятого здесь оползневого склона. Непримиримый Япет отважно вонзил в пришлый туман клыки своего ледорадо. Нет, этим гурм не проймешь.

Взглянув на окруженный ярким ободком кругляк «отфильтрованного» Солнца, Андрей посадил машину рядом с протоптанной «мягкими зеркалами» пунктирной тропинкой. Сбросил на ледорит проблесковый маяк с бронированными кассетами видео- и звукозаписи внутри и включил шагающий механизм. Расселина была довольно широкой — вдвое шире драккара. У входа Андрей покосился на круглые (слева) и рогатые (справа) громадные выступы облаков. Страшилища справа и впрямь как стражи замка сказочного людоеда. С той только разницей, что теперь людоед зовется иначе: гурм-феномен... Черным занавесом упала на катер ощутимо плотная тень. Свет фар вспорол темноту ущелья.

ЧАСТЬ II

ЖИВ-ЗДОРОВЫ

Меф Аганн изнемогал в борьбе с глухотой. Отчаянно отбивал первые натиски Мертвой Тишины, сопротивлялся ей, теряя силы. Все тело участвовало в этом сопротивлении — каждая мышца, каждый нерв...

Тобольский наверняка заметил его усилия и был, должно быть, напуган. Мальчик не из пугливых, но как этот смелый мальчик смотрел, когда уходил!.. Ничего, пусть теперь смотрит. И пусть не питает никаких иллюзий. Ну не мерзавцы ли, ну почему они отправили на танкер именно Тобольского?..

Еще немного продержаться — увидеть старт «Казаранга». Знал: если накатит Мертвая Тишина — с глазами начнет происходить какая-то чертовщина и он ничего не увидит, кроме глянцево поблескивающего пространства и отвратительно-желтой пены... Ткнуть пятерней в экран? Нет-нет, ни за что! Пусть хоть вывернет наизнанку и завяжет двойным узлом, но ни единой минуты у Живздорова он не отнимет. И чего Андрей возится? Стартовал бы уж, что ли! Чтоб на борту никого...

А тяжесть в затылке будто спортивная гиря.

— Не возьмешь!..— процедил он сквозь сжатые зубы и отработанным многолетней практикой своеобразным усилием воли отогнал очередные приступы глухоты. Его корежило и трясло.

Почти бессознательно он отшвырнул куда-то надувное кресло, с хрипом набрал полные легкие воздуха и едва не захлебнулся в надсадном крике. Противно, мерзко. Но помогает, если нужна отсрочка. Уже помогло... Хорошо, что здесь некому слушать.

Он немного расслабился. Сердце стучало где-то возле самого горла, но в целом... Ничего. Сносно. Тяжесть в затылке осталась. Наплевать. Все равно не отпустит, пока *это* не кончится... Он вытер ладонью лоб. Ладонь блестела. И в холодильник не надо. Сегодня все пойдет как по маслу. С блеском... Сегодня *это* ведет себя слишком напористо. Налетает как шквал. Ну естественно. Близость Пятна. Предгурмие... «Вот и еще один термин,— подумал Агаин.— Не закипел бы там на Япете этот проклятый котел раньше времени. Предгурмие...» Он обвел командную рубку воспаливншимися глазами. В ушах стоял гул. Даже воздух, казалось, пропитан гулом и блеском. И акулой ходит по кругу хищное слово «предгурмие»... Слово «гурм» он изобрел, описывая катастрофу на Обероне. Слов не хватало.

Он посмотрел на темный Япет и увидел фиолетовую струю тормозного импульса «Казаранга». Придерживая гирю-затылок рукой, боясь наклониться, он коленом придвинул кресло к штурманскому ротопульту, сел и включил информавтоматику.

В звездно-черном пространстве слева по борту обозначились линии красочных диаграмм. Годограф скорости, вектор кинетического момента, проекции прослеженной траектории катера, цифры. Бесстрастный язык равнодушных приборов. Векторно-цифровое сопоставление действительных параметров с оптимальными и никаких эмоций. Только пилоту дано оценить изящество интуитивного решения маневра другим пилотом. Меф оценил. Пробормотал:

— Отлично, парень, отлично... По всем параметрам оптимально выйдешь к Пятну. Мягкой тебе посадки!

Он попробовал вызвать борт «Казаранга» на связь. Андрей не ответил. Тотальная радионепроходимость...

Меф вздрогнул. Представилось, будто со стороны кто-то отчетливо произнес: *«Ты зачем отпустил его туда одного?»*

Ощутив внезапную нехватку воздуха и толчки большого, тяжелого сердца, Меф рванул застежку у горла. *«Одного. Без связи. На старой машине. И это Пятно!..»*

Он вскочил, покачнулся. Ноги слушались плохо. Знакомое онемение в бедрах. Затылок... О-о, черт, затылок! Плечи, спина... Отковылял к пилот-ложементу, опустил

себя на сиденье, упираясь в желоба подлокотников немеющими руками. Словно оправдываясь, быстро забормотал:

— Я не смог бы его удержать. И никто не смог бы. Не было смысла и пробовать. Все обойдется... Он смел и умен, этот мальчик, первый пилот роскошного сверхкорабля, внимателен и осторожен. Расчетливо осторожен. И знает, что такое гурм. Теоретически, правда, но... не беда. Элдер и остальные заплатили жизнью, чтобы о гурме знали только теоретически. Одно плохо: Андрей ушел в десант без напарника... Не беда. Сутки продержится — а там подоспеют профессионалы.

За месяцы одиночества Агапи привык разговаривать сам с собой, позволяя себе думать вслух. «Выживший из ума старик,— подумал он, беззвучно шевеля губами.— В одиночестве на обезлюдевшем корабле». Так о нем думают. Пусть. От одиночества он не страдал. Пусть о нем думают, что хотят... Ему почему-то было очень тревожно сидеть в пилот-ложементе. Он давно уже не сидел в ложементах. Старым он себя не чувствовал.

Невзначай дотронулся до мерцающей рукояти Главного ключа для запуска маршевых двигателей — онемелые пальцы едва ощутили прикосновение. Красивая рукоять — розовая, с муаровыми разводами. Самая бесполезная рукоять на «Анарде». Впрочем...

— Не пришлось бы нырнуть в Черную Бороду,— выдавил Меф сквозь онемелые губы.— Барба Нэгра... Топлива хватит. Даже с избытком...

Он впервые подумал об этом вслух.

Горизонт Япета охватила тонкая золотистая линия. Вспыхнул и тут же увяз в защитных слоях светофильтров первый луч Солнца. Меф погладил розовую рукоять. На пилот-ротонульте «Лунной радуги» рукоятка Главного ключа была бирюзовой. Он повредил ее ударом кулака, было дело. С тех пор он не любил ничего бирюзового. Даже собственные глаза. Встречая их отражение в зеркале, смотрел вопрошающе, с холодным и мстительным любопытством.

Потом, уже годы спустя, как-то смирился, вспомнив однажды, как померкли эти глаза, когда погиб Юс. А эти руки убили Элдера...

— Нет! — прохрипел Меф.— Проклятье... Нет!!!

«Да. Сверх того, в попытке спасти Элдера ты убил Николая Асеева».

Судорожно цепляясь за подлокотники, он поднялся и с трудом отковылял на ватных ногах от пилот-ложемента, чтобы в припадке не поломать чего-нибудь на ротопультах. Голова будто чужая. Не голова — набитая льдом и снегом подушка. В груди тяжело просыпался вулкан. Тело все еще рефлекторно сопротивлялось, однако Меф знал, что теперь, даже если бы он захотел, ничто не поможет — хоть влипни в какой угодно экран двумя ладонями сразу. Он с тревогой прислушивался к непонятной ему самому бурной мобилизации скрытых сил организма. Сердце — бурлящий котел. Десять бурлящих котлов. Сотни раз проходил через *это*, а привыкнуть не может. В такие минуты ему всегда было страшно. Сегодня — особенно. Чувствовал: сегодня пружина натянута до отказа.

Что-то холодное налетело шквалистым ветром и, оглушив тишиной, умчалось куда-то. Возвращаясь, плеснуло в глаза жидким стеклом. Снова умчалось, с тем чтобы вернуться обратно уже заметно быстрее. Как циклонический маятник с затухающими колебаниями. Сердце бешено колотилось, мозг словно бы проносился туда и обратно сквозь глянцево-студенистую звуконепроницаемую среду. Со всех сторон повалила громадными хлопьями отвратительная желтая пена. Не самое страшное. Вот сейчас... «Маятник» замер — ледяные пальцы удушья и ужаса грубо сдавили горло, что-то вязкое мягким ударом заставило сердце остановиться на полном ходу. И откуда-то из невообразимого далека распространилась, заполняя собой весь космический мир, всеохватная Мертвая Тишина...

Плотно увязнув в удушливой глубине волны вселенского безмолвия, он разглядывал призрачный мир, наполненный необъяснимо прозрачными блеском и пеной, и чувствовал, что умирает, и какая-то крохотная частица ясности в замутненном, но не желающем умирать сознании тщетно силилась воссоздать в полуугасшей памяти хотя бы какой-нибудь звуковой образ. Нет, звуковая память ампутирована полностью, и это почему-то ужасало больше, чем просто смерть... В эти несколько жутких мгновений очень странного полунебытия у него вдобавок

возникло граничащее с увереностью ощущение, будто Мертвая Тишина растворяет его несчастное тело в безмерном пространстве. И в момент, когда для полного уничтожения личности, казалось, достаточно было угаснуть последней искре сознания, снизу вверх, вдоль якобы уже и не существующего тела пробежала спасительная волна непроизвольных мышечных сокращений. Судорога помогла сознанию вскарабкаться выше смутно осязаемой грани между слабеньким проблеском жизни и абсолютным небытием. Пробудив онемелые мышцы, волна колыханий распространилась на окружающий мир. Это был натуральный катастрофический катаклизм: пространственная беспредельность со всем ее содержимым стала стремительно сокращаться в объеме. И словно в доказательство того, что нет ощущения ужаса, которое невозможно было бы усугубить, призрачно-глянцевая субстанция вдруг обрела убийственно-материальные свойства: быстро загустевая сверкающим веществом, со всех сторон обрушилась на многострадальное тело потоками ртутно-зеркального нечто, и он, безжалостно смятый, обезумев от боли, захлебнувшись мучительным хрипом, раздавленный, буквально впрессованный в исчезающе малый объем, за миг перед смертью почувствовал себя чем-то вроде ядра зеркально-гравитационного коллапса... Но смерть и на этот раз прошла мимо. Хотя он мог бы поклясться, что на этот раз она посмотрела ему в глаза очень внимательно... И снова на выручку заспешила серия непроизвольных мышечных сокращений.

Спонтанные судороги были как избавление. Блеск пропал, тяжесть исчезла. В глазах — тошнотворно-мутная мгла кофейного цвета. Ноги, руки, голову, плечи нещадно трясло и корежило. Это мало его волновало. Знал: скоро все кончится. Раньше изнурительно-бурный припадок «трясучки» пугал его своей неуправляемой динамикой, но чувство страха со временем притупилось, и теперь эта выматывающая концовка была для него просто заключительной фазой напряженной работы мускулатуры, конечным этапом, который оправдывал все. Он даже мог представить себе, как это выглядит со стороны: его полумертвое тело, судорожно корчась — будто под ударами электроразрядов,— рывком высвобождается из прилипчиво-плотных объятий только что рожденного Жив-здорова. С трудом от-

липают друг от друга левые руки. С меньшим усилием разрывают вязкую «клейковину» правые. Разлипаются ноги и торсы. И все это жутко колышется, машет, топчется и дрожит, мешая друг другу, стабилизируется, ищет опору. Пигмалион поневоле... Уф, конец. Наконец-то конец. Нашарить бы кресло... О дьявол... еще не конец? В чем дело?.. Глаза по-прежнему застилала «кофейная» муть, и он чувствовал, что его опять начинает корежить.

Фаза изнурительной работы мышц повторилась во всех деталях. А следом, не давая опомниться, накатывала третья... Его охватила паника. Словно ввязался в подводную драку с многочисленной стаей спрутов, и бессмысленная борьба отбирает последние силы. Четвертая фаза... Пятая... Он совершенно обессилел и плохо соображал. Теперь ему было все безразлично. Он не помнил, когда и как потерял сознание.

Мертвая Тишина сменилась звонкой многоголосицей, и это привело его в чувство. Меф приоткрыл глаз (второй почему-то не открывался). Розовая пелена... Он лежал на чем-то жестком животом вниз, уткнувшись правой щекой во что-то мягкое, розовое. В измученном теле засела тупая боль, как бывает после чрезмерной физической перегрузки. Он пытался сообразить, где он и что с ним. В ушах стоял звон. Тусклый розовый свет (или цвет?) казался знакомым... А, ну конечно — кресло! Значит, просто шлепнулся на пол. Голова — на спинке опрокинутого надувного кресла. «Трудно сегодня ты из меня выходил, Жив-здоров...» — подумал Меф, опуская веки. Двигаться не хотелось, но подмывало узнать, кто именно сегодняшний «новорожденный». Хорошо, если бы это был Юс. В последнее время почему-то чаще других наведывался Мстислав.

Неимоверным усилием Аганн поднял голову. В ложементе спарки сидел Юс.

У Элдера была привычка, сидя вот так — локти в колени, глядеть исподлобья и потирать запястья. Юс любил точность во времени и для страховки носил на обеих руках часы на браслетах. Это в прошлом. Теперь у него вместо браслетов — манжеты сверкающего костюма. Странный костюм. Собственно, и не костюм, а... так, будто от шеи до пят Элдер облеплен тонкими переливающимися

слоями зеркального блеска — где гуще, где реже. При малейшем движении блеск, занятно играя, имитировал складки и прочие детали натурального костюма, в покое — опять оплывал и, растекаясь гладью, прорисовывал рельеф великолепной мускулатуры. Меф вспомнил, как там, на борту «Лунной радуги», ночью, в каюте, впервые соприкоснувшись с Элдером в качестве Жив-здорова, когда на его совершенно естественный возглас: «Юс, ты жив и здоров, дружище!» — Элдер совершенно естественно улыбнулся и совершенно непринужденно кивнул, он в первый момент был уверен, что просто свихнулся под действием омертвляющей тишины и прочих штучек того же пошиба, а минуту спустя был убежден, что Юс каким-то чудесным образом и, судя по неземному костюму, с чьей-то, видимо, помощью выбрался из оберонской губительной передряги. Позже он понял, что все это, к сожалению, вздор. Ни сумасшествие, ни чудесное спасение были здесь ни при чем. Ни то, ни другое... Это было что-то третье, но что именно — трудно было даже вообразить. Тут логика и воображение отказывались повиноваться. Здорово сбивало с толку то, что призраки погибших были призраками во плоти. Их можно было пощупать, от них чувствительно веяло теплыми живозапахами, как веет от всего живого. Он не знал, что и думать. Разное приходило ему в голову.

Меф привстал на руках, подтянул непослушные ноги и, преодолев дурноту, устроился полусидя на мягкой спинке опрокинутого кресла. Чтоб лицом к Жив-здорову. Звон распирал черепную коробку, на глаза то и дело падали темные шторки — точь-в-точь как у куклы с электроморгалками. Омерзительное самочувствие. Отменно выжат. Как пропущенный через соковыжималку лимон... После Мертвой Тишины обычная нормальная тишина кажется невыносимо звонкой. Не стоит обращать внимания, звенеть будет долго.

Юс Элдер сидел в ложементе штурмана, откуда недавно поднялся Андрей. Привычно потирая запястья, смотрел другу в глаза. Спокойный, доброжелательный взгляд. Будто бы это самая заурядная штука — являться после того, как тебя уже нет, садиться в кресло на часполтора и спокойно смотреть... «Может, действительно я редкостный психопат? — подумал Аганн.— С небывало

феноменальной способностью к зрительным галлюцинациям?..»

Старая мысль. Старая и бесплодная, как пустой орех.

Ну до чего же они все-таки внешне похожи — десантник «Лунной радуги» и пилот «Байкала»! Сходство на уровне мистики, жуть берет. Правда, Юс выглядит старше. А в остальном — одинаковая комплекция, одинаковые волосы, даже прическа... не говоря уже об одинаковых чертах лица. Тобольский — портрет тридцатилетнего Элдера. И что интересно, у обоих в лицах симпатично отсутствуют выражения гипертрофированной мужественности и бычьего упрямства, зачастую свойственные людям сильной воли и атлетического сложения. Нестандартную мягкость весьма очевидной мужской красоте Элдера и Тобольского придавали, должно быть, ямочки на щеках и приятная линия подбородка. И шрамы на левых щеках почти одинаковые... А по характеру это разные люди. Тобольский спокойнее Элдера, более рационален, более самолюбив и, пожалуй, с признаками замкнутости и высокомерия. Далеко не каждый капитан десантного рейдера может похвастать такой осанкой, как у Андрея, и не каждый командир военизированного крейсера МУКБОПа имеет подобную выправку. Общаться с Тобольским сложно. Никогда не заведет разговор первым — сидит в кресле прямо и молча, как Будда, и смотрит как-то особенно, словно ему известно нечто такое, чего не знает никто. Нет, Юс был проще. С ним всегда было легко и ясно... А собственно, почему «было»? Юс и теперь все чувствует и понимает. Говорить только вот не умеет — отвечает мимикой, жестами. И почти никогда не встает из кресла или ложемента. Но так даже лучше. Так не видно, насколько в проигрыше теперь его былой богатырский рост. Но тут уже ничего не поделаешь, это зависит от заурядно-среднего роста матрицы...

— Салют, Юс,— прошептал Меф в звенящую тишину.

Ответный кивок.

— Мне приятно смотреть на тебя,— сказал Меф чуть громче (отменная была сегодня встряска, голос сел).— Ты замечательно выглядишь. Цвет лица и... в общем...

Визитер странно взглянул куда-то поверх его головы и не ответил ни улыбкой, ни жестом. Сегодня на удивление все не так, как прежде... «А почему я, собственно,

решил, что его развлекает моя болтовня?» — впервые пришло Мефу в голову. И еще он подумал, что, беседуя с Жив-здоровом, с одной стороны, терзает себя, с другой — защищается от молчания, которое при таких экзотических обстоятельствах куда тяжелее словесной пытки. Впрочем, терзать себя он привык.

— Ты не меняешься, Юс. И я почти не старею, но меня и «Анарду» сняли с межпланетных линий... Ты мне простил?

Жив-здоров перестал потирать запястья, выпрямился.

— Я — нет,— сказал Меф.— Я себе не простил.

По напряженному взгляду и поджатым губам визитера он понял, что этого никак не следовало говорить.

— Нет-нет,— заторопился он,— я не ищу сочувствия. Просто минутная слабость. Наболело. Годы идут, а привыкнуть... когда ты приходишь вот так и молчишь... Впрочем, нет, не о том я хотел... Не знаю, может, для меня настало время подводить кое-какие итоги? Перед собой, перед людьми. Перед вами...

— Не надо, дружище,— тихо сказал Жив-здоров.

Меф замер с открытым ртом. Послышалось? Проклятый звон!

— Ты не виноват ни в чем,— внятно добавил Элдер.— Это скажут и все остальные. Я пришел не один.

Рискуя свалиться, Меф встал и в полуобморочном состоянии поднял кресло, отодвинул в сторону. В глазах потемнело. Он ощупью опустился, точнее, рухнул в чашу надутого воздухом сиденья и некоторое время ничего не видел и ничего, кроме звона, не слышал. Потом дурнота немного развеялась, и он увидел всех. Рамон Джанелла, Николай Асеев, Аб Накаяма, Леонид Михайлов, Мстислав Бакулин... Невеселое это было зрелище.

Наверное, они поздоровались с ним раньше и теперь стояли и смотрели на него (лишь Мстислав сидел в пилот-ложементе — руки скрещены на груди). Все в блестящих псевдокостюмах и абсолютно одинакового роста... Прежнему своему облику полностью соответствовал только Аб Накаяма. Поджарые Мстислав и Рамон были заметно короче прежних себя. В этом смысле хуже всего обстояли дела у Асеева, Михайлова и Элдера. Меф с трудом проглотил что-то мешавшее в горле. Изощренно шаржированные экс-гиганты, карманные Геркулесы... Он

впервые видел их вот так — всех сразу — и чувствовал, как в глазах накипает жгучая слеза жалости, стыда, унижения. И ненависти. Не колеблясь растоптал бы производителей этого жуткого и в то же время утонченного издевательства над людьми — живыми и мертвыми. Незлобивый по сути своей, он десять лет вынашивал идею мщения зеркальноголовым (производители жестоких чудес представлялись ему почему-то зеркальноголовыми), и ради этой идеи готов был на все. Но годы шли, и надежду встретить в Пространстве воображаемых зеркальноголовых сменило в конце концов подозрение, что он наивно одухотворяет какой-то замысловатый природный процесс. Другими словами, ненависть его была безадресной, нелепой. Мстить было некому. И вот сегодня опять накатило. До жгучей мути в глазах, до обессиливающего бешенства. Но снова безадресно и нелепо... Будь оно проклято!..

Придавленный в кресле тяжелой слабостью, Меф слышал сквозь звон в ушах чей-то знакомый басистый голос. Он видел, что Николай Асеев смотрит на него. Глубоко сидящие глаза, крупный с залысинами лоб, шевелятся губы... Он слышал слова, но их смысл проскальзывал мимо сознания. Знакомо скрещенные на груди мускулистые руки, такие могучие в прошлом... Он не мог разобрать ни слова, однако по направлению взглядов Асеева и других понял, что речь шла о нем. Это заставило его мобилизовать свою волю, сосредоточиться. Он почувствовал, как что-то сдвинулось в голове — будто перекатился на новое место гладкий металлический шар. И как только «шар» перекатился, он разобрал последнее асеевское:

— ...Поэтому я так считаю.

«О чем это?..» — подумал Меф, отдыхая после изнурительного усилия.

— Спасибо, командор, мнение твое ценно,— поблагодарил Мстислав, как обычно благодарят председатели на командных советах.— Кто следующий? Говори ты, Рамон.

Длиннолицый рыжий Джанелла гибко повел плечами:

— Что говорить? Патрон сказал все.

— Личное мнение у тебя есть?

— Личное, безличное... Я существо общественное. На

Обероне нам крупно не повезло, и точка. О чём говорить? Такова профессия десантника.

— Фаталист,— процедил Накаяма. Встряхнул гривой черных волос.— Фаталист и позер. Твое глубокое понимание специфики нашей профессии повергло Мефа в трепетное изумление, не так ли?

— Как всегда очень кстати и остроумно,— процедил Рамон, пародируя интонации Накаямы.— Аб, ты слегка опоздал к началу этого матча, и тебе еще предстоит разобраться, где чьи ворота.

— Рыжий кот, черный кот, кто их к черту разберет.— Бакулин нахмурился.— Ну-ка, брысь в разные стороны.

— Бакулин! — укоризненно сказал Асеев.

Мстислав оглядел всех по очереди.

— Перед нами пилот Меф Аганн. Наш друг, наш товарищ, участник нашей злополучной высадки на Ледовую Плешь. Мы — его десятилетняя боль. Ему важно знать, мог ли он сделать на Обероне больше того, что сделал. Начальник рейда ответил на это мотивированным «нет». Джанелла ушел от прямого ответа. Элдер помалкивает. Михайлов глазеет по сторонам, будто наша беседа его не касается. Хотите знать, что я об этом думаю?

Мстислав сказал, что он об этом думает.

Не чувствуя собственного дыхания, Меф пошарил пальцами у горла. В горле стоял плотный ком. Перед глазами качнулась мутно-серая дымка. Пройдет... Если не делать резких движений — пройдет...

Кто-то прокомментировал речь Мстислава:

— Сказано мало, но веско. Будто молотом по голове.

Дымка таяла, Меф увидел неприятно изменившееся лицо Рамона.

— Вот что...— тихо проговорил десантник.— Вы как хотите, а я изображать собой «десятилетнюю боль» не намерен. Не желаю, знаете ли, терять к себе уважение Мефа. Спектакль, который здесь затевают, считаю оскорбительной и глупой мелодрамой.

Бакулин сверлил Джанелла пугающе-пристальным взглядом белесых глаз. Юс наблюдал это все совершенно спокойно — так, словно ничего другого и не ожидал.

— Я думаю, Мстислав напрасно накаляет страсти,—

сказал Михайлов. Стоя вполоборота к собеседникам, он с присущим ему снисходительным видом разглядывал Пятно.— По моему скромному разумению, Мефу не нужен ни суд, ни театр. На Обероне каждый из нас действовал сообразно обстановке. Меф не был исключением. Он сделал только то, что продиктовали ему обстоятельства.

— Не только,— возразил Накаяма.— Меф спас семерых. Кизимова, Симича, Нортона, Йонге, Винезе, Лоре...

— И самого себя,— флегматично добавил Михайлов.— Меф был седьмым, но считает себя почему-то тринадцатым.

— Тринадцатым в нашей группе был Аб,— не упустил случая вставить Джанелла.— Ужасно несчастливое число.

— Нет, он сегодня несносен,— сказал Накаяма.— Мстислав, будем и дальше терпеть его? Или как?

— Или как,— без колебаний выбрал Бакулин.

Михайлов слабо усмехнулся. Теперь он глядел на Сатурн.

— Умники,— сказал Асеев.— Меф отдал бы жизнь за каждого из нас. Он и так стартовал в последнюю долю секунды. Оттягивал старт сколько мог, рискуя собой и теми, кого еще можно было спасти. Даже мой окрик не подействовал на него.

— Верно, Коля.— Михайлов смотрел на ботинки Аганна.— Мы с Джанелла толкуем о том же. Только другими словами. И еще мы толкуем о том, что именно об этом лучше не толковать. Мало ли иных тем?

— К примеру? — спросил Накаяма.

— Н-ну... не знаю... В известной мере это зависит от Мстислава. Ему доверили мы руководить беседой.

— Что до меня,— сказал Джанелла,— я предпочел бы приятную дружескую болтовню.

— Ты бы — да,— сказал Накаяма.— Любое дело ты готов похоронить под ворохом анекдотов. Тем более такое деликатное, какое выпало нам сегодня. А когда-то мы были все заодно...

— Ты... ты что предлагаешь? — резко осведомился Рамон.

Не отвечая, Аб смотрел на Бакулина.

Неловкая пауза. «Из-за меня!..— в приливе стыда и раскаяния думал Меф.— Это я их заставил терзаться. Ради чего?! Я ведь не знал, что сегодня Юс не один!..»

Встать бы и крикнуть: «Друзья мои дорогие, не надо!» Он не мог шевельнуться.

— Ладно,— сказал Мстислав.— Круг, я вижу, замкнулся на мне. Но я его разомкну.— Он обвел собрание недобрым взглядом.— Пусть каждый из нас пороется в памяти и честно выложит все. Ничего не утаивая.

Накаяма с недоумением:

— Что выложит, что?

Асеев обеспокоенно сделал движение головой, словно бы собираясь взглянуть на Элдера. Но не взглянул.

— То, что сам считает своей оплошностью,— догадался Джанелла.

— Не лишено...— проговорил Михайлов.— По крайней мере, Аганну в этом смысле нечего вспоминать. Кто начнет?

— Может быть, Элдер?..— неуверенно спросил Рамон.

— Элдер — лицо пристрастное, ему нельзя,— сказал рассудительный Накаяма.— Он все возьмет на себя. Пусть начнет командор.

Асеев потер ладонью подбородок.

— Начальником рейда был я — с меня и весь спрос.

Рамон посмотрел на Мстислава:

— Этого ты добивался?

— Стоп! — сказал командор, предупреждая готовую вспыхнуть полемику; открытые рты оппонентов захлопнулись.— Мы с вами одной крови, я тоже бывший десантник и наперед знаю, что вы хотите сказать мне и друг другу. Ну так вот... Предусматривать и предугадывать — моя профессия. Да, да, предугадывать, предусматривать и предчувствовать. Для этого, между прочим, и существует на космофлоте должность начальника рейда. Наша экспедиция носила характер спасательной операции, и дар предвидения был бы здесь особенно к месту. Но скажу откровенно: когда «Лунная радуга» подошла к Оберону и обнаружилось, что спасать некого, я растерялся...

— Мы все растерялись,— вставил Джанелла.

— Вы могли позволить себе эту роскошь, я — нет. С одной стороны, мне казалось весьма вероятным, что экипаж «Леонарда» предпринял попытку посадить рейдер на Ледовую Плешь, с другой — смущало полное отсутствие каких бы то ни было признаков этого. Теперь мне

ясно, что признаки были. Я даже, можно сказать, держал их в руках, но не видел... Дистанционная разведка, как вы помните, обстановку не прояснила. Сброшенные на планетоид кибер-разведчики подтвердили: перед нами заурядная, закованная в многослойный ледяной панцирь водно-метаново-аммиачная луна. Ничего такого... подозрительного. Правда, умолкли два кибера, посланные на разведку центра Ледовой Плеши — ее странноватого Кратера. Но это никого не обескуражило, поскольку орбитальная локация показала, что Кратер довольно глубок, а на дне — хаотические нагромождения фигурного льда с громадными арками и полостями. Да и в первую очередь нас интересовал не Кратер, а тот участок Ледовой Плеши, где капитан «Леонарда» Пауль Эллингхаузер намеревался посадить свой рейдер...

— Район А,— уточнил Михайлов.— Кстати, на однообразных просторах тарелки Ледовой Плеши этот район, по-моему, решительно ничем не выделялся. Те же светлые желваки надпанцирных наледей, тот же обломочный материал...

— Увы, все мы были загипнотизированы однообразием. Сравнивая переданную с борта «Леопарда» видеозапись Ледовой Плеши с оригиналом, я так и полагал, что разглядываю оригинал и его портрет. Это была моя первая и, очевидно, главная оплошность. Нельзя сказать, чтобы я совсем не уловил некоторой разницы в мелких деталях, но ничтоже сумняшеся отнес это на счет иного ракурса обзора, иных условий освещения... Словом, мне изменила моя интуиция.

— Неубедительно,— сказал Джанелла.

— Почему?

— Все мы видели эту видеозапись. Уж и не знаю, какого класса интуицией надо было тебе обладать, чтобы действительно уловить «разницу в мелких деталях» между портретом и оригиналом.

— И я так думаю,— сказал Накаяма.— Качество «портрета» оставляло желать лучшего.

— То же самое можно сказать и о качестве моего анализа видеозаписи,— рассеянно заметил командор.— И поскольку главное осталось для меня в тени, я так или иначе не мог уверенно контролировать оперативный механизм экспедиции. Дела, стало быть, шли самотеком,

а мне мерещилось, что ситуация у меня в руках... Я был убежден, что «Леопард» не садился на Оберон, и ожидал от десанта лишь подтверждения этого. Предусмотрительности и чутья мне хватило только на то, чтобы заставить вас до начала основной десантной операции пощупать Ледовую Плешь ступоходами «Казаранга». Да еще удалось навязать участникам первой разведпосадки — Бакулину и Аганну — два непременных условия: ни при каких обстоятельствах не покидать кабину драккара одновременно и стартовать при малейшем намеке на... пусть даже кажущуюся опасность. Разведавангарду Элдер не придавал большого значения и, к сожалению, оказался прав.

Все невольно повернули головы в сторону Элдера.

— Нет, командир,— подал голос Бакулин,— условий было три. Ты забыл сказать, что запретил нам обследовать Кратер. Пренебреги мы запретом — многое наверняка прояснилось бы.

— Ценою двух человеческих жизней,— заметил Асеев.— Наверняка.

— Двух,— согласился Бакулин.— Не шести, а только двух. И в этом все дело.

— А я...— проговорил Накаяма, сдвинув к переносице брови,— я имел неосторожность думать, что камикадзе давно успели выплатить свой варварский долг. По крайней мере, очень на это надеялся.

— Правильно, Аб,— сказал Элдер.— Мстиславу следовало бы немедленно извиниться перед Асеевым.

Мстислав подумал и выдал свой вариант извинения:

— Извини, командир. Я, вероятно, не прав, но остаюсь при своем... пусть даже ошибочном мнении.

Элдер нахмурился, но промолчал. Остальные тоже молчали.

— Протестую! — спохватился Рамон.— Бакулин становится в позу героя.

— Неправда,— сказал Мстислав.— Я ничего не имею против героики, но сегодня мы обсуждаем профессиональные ошибки.

— Не надо,— возразил Михайлов,— не передергивай. Профессиональная ошибка — далеко не то же самое, что оплошность. Как профессионалы мы действовали грамотно. Другое дело — много ли было от этого проку. Никто

ведь не виноват, что на Обероне прошлый опыт нам не пригодился и что действовали мы там практически вслепую. По-моему, тот, кто расшибает себе лоб в темноте, не восклицает: «Виноват, это профессиональная ошибка!» Уж скорее: «Ах, чтоб тебе провалиться!!!»

— ...И в специальных случаях проклятие тут же сбывается,— не преминул дополнить Джанелла.

Оценивая реплику, Леонид показал Рамону поднятый над кулаком большой палец. Ни на кого не глядя и словно бы нехотя (так умел беседовать только он) продолжил:

— Профессиональных ошибок не было, и копий по этому поводу ломать не надо. А разговоры на уровне «чутье обмануло, интуиция подвела» лично меня угнетают. Есть в них этакая поэтическая неподвластность здравому смыслу. Я понимаю, Коля, зачем ты сочиняешь сказки про свою должность, но ведь на самом-то деле поэзии в ней с гулькин нос, а остальное — суровая проза. Должность начальника рейда на спецкораблях нужна УОКСу для того в основном, чтоб было с кого спустить шкуру за неудачную экспедицию, и это для нас не секрет. И никто из нас всерьез не поверит, будто мы вляпались в оберонскую западню потому, что на проклятущем том планетоиде ты не сумел быть «чувствительнее» меня или «интуитивнее», скажем, Рамона. Дело-то совсем в другом!..

— И ты, конечно, знаешь в чем,— вставил Бакулин.

— Представь себе, знаю. Это несложно. Мы вляпались потому, что не могли не вляпаться.

— Всех удовлетворяет мнение Михайлова? — спросил Бакулин.

— Да,— ответил за всех Накаяма.— Леонид прав, это действительно просто. Мы угодили в оберонскую западню именно потому, что за этим туда и пришли. Кому в самом деле нужны десантники, которые отсиживались бы на орбите в комфортабельных каютах «Лунной радуги»?..

— А вот кстати,— сказал Леонид,— вырваться из западни без потерь нам помешала смелость. Будь у нас повадки пугливых газелей — все обошлось бы как нельзя лучше. Потому что спастись можно было только немедленным бегством. Паническим, если хотите. Дело

решали секунды. Но нет, десантник так не умеет. Сразу бежать без оглядки его не заставит никакая дьявольщина — сперва он должен взглянуть ей в лицо. Годы тренировок и приобретенный опыт научили нас быстро ориентироваться в любой обстановке и молниеносно парировать внезапные удары — если их вообще можно парировать. Одному мы не научились: молниеносно драпать. Вдобавок Асеев и Элдер не могли себе позволить драпать впереди всех, и выдержка командиров соответственно подействовала на подчиненных. Пяти упущенных минут оказалось достаточно.— Михайлов развел руками.— Ведь никто не ожидал никакого подвоха от заурядного планетоида. Особенно после того, как разведавангард в шагающей соковыжималке под названием «Казаранг» безнаказанно попирал стопоходами зловредное ледорадо...

— Ты прав, Леонид,— прошептал Меф бесчувственными губами, не слыша себя и не надеясь, что его услышат другие.— Но прав и Мстислав: лучше бы мы с ним погибли в разведавангарде.

* * *

...«Казаранга» он посадил в трех километрах от Кратера. Сажал без особых предосторожностей, быстро, применив маневр «лоу-спид». Это чтобы в точке финиша надолго не зависать в облаке пара над кипящими лужами грязи, растопленной жаром тормозных струй. Быстрых посадок он не любил, но иначе на лед не сядешь. Иначе на льду будет сидеть не машина, а вмерзшее в грязь, совершенно беспомощное, слепое, белое в пушистой шубе изморози чучело...

* * *

Он помнил все, что было связано с разведавангардом на Обероне. Каждую мелочь. Помнил так ясно, будто это происходило вчера... Нет — сегодня, сейчас!..

Прикосновение к планетоиду было жестким: приняв на себя двенадцатитонную массу, пронзительно взвизгнули амортизаторы ступоходов, катер низко просел и, едва не ударившись днищем, подпрыгнул. Медлительный многометровый отскок-перелет на макушку выпуклой наледи. Второе касание. Ступоходы чиркнули по гладкой поверхности. Когти фиксаторов на ступоходах, брызнув фонтанами ледяного крошева, резко притормозили движение — машина развернулась боком, застыла. Стремительный «лоу-спид» с отскоком десантники называют «птичий рикошет», «кайт-рибаунд». «Птичий рикошет» был выполнен с блеском.

— Приехали, командир,— сообщил он Бакулину, поднимая стекло гермошлема.— Оберон, Ледовая Плешь.

— Правда? Мне показалось — Луна, Море Спокойствия.— Мстислав тоже поднял стекло и, как это делают десантники сразу после посадки, отстегнул привязные ремни и защелки-фиксаторы (кроме защелки на правом бедре чуть выше колена, которую в любое мгновение можно открыть ударом ребра ладони).

Горошина миниатюрного Солнца висела в черном небе низко над горизонтом, и тени Ледовой Плеши были длинные, острые и очень густые, как ночные тени на неровной местности, озаренной лучами сильных прожекторов. Кинжалы теней указывали в сторону Кратера, которого, впрочем, отсюда не было видно, хотя с макушки ледяного нароста, где застыл «Казаранг», обширная равнина просматривалась необыкновенно далеко. Рядом, метрах в двадцати от наледи, пучилось живописно подсвеченное облако пара, похожее на растрепанный, почерневший сбоку кочан капусты гигантских размеров. Место в облаке, откуда выпрыгнул катер, легко можно было определить по ярко-белому, охваченному полукружьем радуги пятну усиленной конденсации снежной пудры.

— Замечательный ты пилот, Меф,— признал Бакулин.— Тебе на рукав бы «дикую кошку» — да в наш отряд.

— Обойдусь цивилизованным альбатросом. Ну и... что дальше? Куда прикажешь?

— А дальше нам следует осмотреть район А по диаметру.

— Хотел бы я знать, где тут диаметр...

— Бери правее градусов на тридцать к направлению теней,— посоветовал Бакулин, включив автокарту маршрутного сопровождения.— Ошибемся — старшие товарищи нас с орбиты поправят.

— Поправим,— пообещал голос Элдера.— На следующем витке. А сейчас не теряем надежды услышать доклад командира.

Мстислав вынужден был доложить о посадке строго по форме.

Элдер одобрил:

— Молодцы, элегантно провели «кайт-рибаунд». Пояса оптических преобразователей от снега свободны, даже отсюда видно: изображение у вас — как сквозь чистое стекло... Что ж, это кстати. Пройдите километра два, осмотрите район, пока мы тут все подготовим для основного десанта. Салют!

— Салют. Меф, дай шпоры нашему ослику.

— С удовольствием. Но куда?..

Бакулин махнул рукой куда-то вперед. За горизонт опускалась светлая черточка хорошо видимой среди звезд «Лунной радуги».

Плавно покачиваясь на ходу, «Казаранг» зашагал под углом к частоколу теней. Было слышно, как с хрустом вонзались в пористый лед когти фиксаторов, поскрипывали амортизаторы и щелкали тяговые сердечники электромускульной системы ступоходов.

Ледовая Плешь, которая под черным небом издали имела вид гигантского светлого продырявленного посередине диска, густо усыпанного осколками цветного стекла, вблизи являла собой хорошо освещенное боковым светом мрачновато-хаотическое нагромождение крупных и мелких обломков грязного льда. За исключением смолистой черноты теней и ярчайшей белизны небольших по площади участков, припудренных метановым и водно-аммиачным снегом, все краски этого промерзшего насквозь ландшафта были довольно блеклыми. Правда, некоторые трещины и раковистые вывалы сильно поврежденной (если не сказать — изуродованной) коры ледового панциря, отдельные глыбы и языки щебне-

подобного крошева обращали на себя внимание желтоватой и даже йодистой окраской. Но преобладали грязно-зеленые, серые и сизые расцветки деталей рельефа. Надпанцирные наледи были светлее: грязно-белые, бледно-желтые и синевато-белесые. Он старался придерживаться этих застывших многоярусными складками натеков когда-то выдавленной из трещин жидкости — шагать «Казарангу» здесь было легче. Время от времени далеко впереди что-то сильно блестело — точно расставленные на местности зеркала. Сколы льда?.. Поразительно контрастный по освещенности мир.

Встречались наледи, забавно похожие на замысловато вылепленные пирожные. Встречались похожие на обычные замерзшие лужи. И встречались ни на что не похожие. А иногда машина словно бы оказывалась на зимней выставке ледяных и снежных сооружений развлекательного назначения. Столбы в виде оплывших свечей, согбенные таинственные фигуры под белыми покрывалами, гроты, гигантские белые раковины с невероятно длинными шипами, арочные виадуки на изумительно тонких опорах... Как-то не верилось, что эти архитектурно-художественные шедевры Дальнего Внеземелья всего-навсего результат выдавливания из недр Оберона фонтанов глубинной жидкости. В вакууме струи фонтанов, понятно, сначала вскипали, как гейзеры, затем стекленели на лютом морозе диковинными изделиями. Вдобавок все это происходило в условиях очень слабого, а потому весьма споспешествующего монументально-художественному творчеству поля тяготения. На фоне черного неба ледяные изваяния и конструкции выглядели необыкновенно декоративно. Хотелось остановить машину и в молчаливой неподвижности долго разглядывать ледовую фантасмагорию. Было в ней что-то притягательно-колдовское, пугающе-гипнотическое... Словно заглянул невзначай по ту сторону дозволенного.

— Клянусь Ураном, «Леонард» здесь никогда не садился,— пробормотал он.

«Казаранг» монотонно поскрипывал, брал пологий подъем вдоль плоскодонной ложбинки. Мстислав промолчал. Наледь была припорошена снегом. Ложбинка упиралась в громадную (высотой, пожалуй, в пятиэтажный дом) ледяную «арфу» с тремя пушистыми от инея «струна-

ми». Сразу за «арфой» ложбинка выравнивалась и проходила среди смехотворно тонких, сосулькообразных опор грандиозной эстакады.

«Арфа» была очень красивая, жаль было ее разрушать, но узость прогалины между «струнами» не позволяла драккару проникнуть сквозь изящную эту конструкцию, не задевая бортами пушистых столбов, а обход был не слишком удобен. Заскрежетало слева, хрустнуло справа — и путь к эстакаде открыт.

— Ты замечательный пилот, Меф,— повторил Бакулин.— Но ты не десантник. Останови-ка драккар.

«Казаран» послушно остановился.

— А в чем дело?

— Сейчас увидим.

Дно ложбины всколыхнула судорога обвала, машина вздрогнула. Осколки рухнувшей «арфы» защелкали по ступоходам, днищу, корме. Он посмотрел в зеркало и встретил взгляд неприятно белесых, словно выцветших глаз командира. На левом виске гермошлема Бакулина пульсировал пурпурный огонек.

— Ты вперед смотри,— сказал Бакулин.

Впереди, медлительно разваливаясь на куски, величественно оседала гигантская «эстакада». Продолжительная судорога многотонного обвала поколебала, казалось, всю округу, на поверхности дна ложбины выступила трещина.

— Ну и чего особенного? — сказал он.— Я двадцать раз успел бы стартовать. Да еще успел бы выспаться перед стартом.

Мстислав не ответил. Несколько минут они выжидали, пока машина перестанет вздрагивать, прочно улягутся крупные глыбы и осядут стеклянистые снопы осколков. Над местом впечатляющего крушения «эстакады», вызванного падением «арфы», ширилось окруженное тройным радужным гало искрящееся облако ледяных кристалликов. Без «эстакады» и «арфы» неуютно стало под черным небом, пусто...

— Сколько мы уже протопали? — спросил Мстислав.

— Километр по прямой. Дальше пойдем?

— Конечно. А почему ты об этом спросил?

— Только и развлечений, что падающая с неба архитектура...— Он вздохнул.

— Тогда неважные наши дела. Десант — не забава.

— Дальше будет все то же. Сам видишь, здесь «Леопард» не садился. Или не видишь?

— Странное это существо — пилот-десантник! — удивился Бакулин.— Дисциплинированное, осторожное, терпеливое.

— Кто-то минуту назад говорил, что я не десантник.

— По сути. А по функциям — хочешь не хочешь... Кто просил тебя переигрывать Накаяму в тестах на быстроту реакции?

— Думаешь, здесь пригодится моя реакция? — Он рассмеялся.

— Постучи о керамлит,— сказал Бакулин.

— Нет. Я не настолько суеверен. И не обязан. Я не десантник.

— Постучи,— повторил Мстислав.

— Пожалуйста.— Он стукнул в блистер. Посмотрел на ярко-алый с белыми полосами рукав своего неописуемо роскошного «Шизеку», сказал: — А вот ваши «Витязи» и «Шизеку» — это действительно экстра-класс. Мускульные усилители, автоматика, логика, прыжково-тормозные движки... Комфорт, гигиена. Чувствую себя витязем в тигровой шкуре. Век бы не вылезал. Очень удобно.

Больше всего ему нравились оптические репликаторы гермошлема: совершенно не ощущаешь перед глазами лицевого стекла. После «Витязей» и «Шизеку» все корабельные скафандры (даже новейшие «Снегири») казались изделиями прошлого тысячелетия.

— В тигровой шкуре, как это ни странно, удобнее всех чувствуют себя тигры,— заметил Мстислав. Хлопнул пилота по правой руке, ткнул пальцем в перчатке куда-то в сторону: — Глыбу, похожую на ламантина, видишь?

— Мне бы чего-нибудь попроще,— возразил он.— Я никогда не видел ламантина.

— Тюленя видел?

— Продолговатая глыба с «головой»? Вижу.

— Прямо на нее!

«Казаранг» сошел с наледи, двинулся к намеченной точке. Левее глыбы блеснуло светлым металлом ковыляющее на паучьих ножках изделие рук человеческих...

— Призраки бродят по Оберону,— заметил он.— Узнаю твоих подопечных по изящной походке.

— Сбрось атмосферу,— распорядился Бакулин. Опустил стекло гермошлема, ударом руки открыл защелку. Преувеличенно весело пошутил: — А вдруг чужой!

Явно надеялся встретить здесь кибер-разведчика с клеймом на панцире: «Принадлежность рейдера «Леопард». Ну-ну...

Чтоб выходящий воздух не откладывал лед в клапанах, он сразу открыл гермолюк. Взрывная декомпрессия так рванула вздутием гибкие сочленения скафандра, что взбрыкнули все четыре конечности. Мстислав улетучился вместе с воздухом; в кабине сгустилась морозная дымка и тут же осыпалась снежной пудрой.

И вот наконец он увидел в натуре знаменитый «кенгуру» лунных десантников: Мстислав наклонно взмыл вперед и кверху и ловко, быстро приобронился перед носом паукообразного автомата. При очень слабой силе здешнего тяготения целенаправленную стремительность и точность прыжка могла обеспечить лишь встроенная в скафандр ПТУ (прыжково-тормозная установка). Десантнику мало уметь пилотировать катер — надо еще быть пилотом собственного скафандра!

Серебристо-голубой «Витязь» с ярко-синими катофотами, синими и пурпурными огоньками на удлиненном к затылку гермошлеме, плечах, локтях, коленях смотрелся возле беспорядочного нагромождения крупных глыб необычайно эффектно. И даже грозно. Как боевая машина инопланетян. Или, по крайней мере, как тяжело вооруженный спэйссоулджер — солдат какой-нибудь бессмысленно агрессивной центральногалактической цивилизации, придуманной на телевидении (ироническая аббревиатура: БАЦ). Солдат БАЦ мирно склонился над автоматом-разведчиком и дал ему понюхать выдвинутый из рукава блестящий стержень. Кибер обнюхал предложенный предмет, в восторге подпрыгнул на месте, жизнерадостно помигал разноцветными огоньками и гордо загарцевал на тонких ножках куда-то по своим разведывательным делам — так, во всяком случае, это выглядело со стороны. Бакулин вернулся в кабину, пробормотал:

— Гермолюк можно не закрывать,— пристегнул защелку к бедру.— Принадлежность рейдера «Лунная радуга»...

— Без атмосферы неуютно,— попробовал он возразить командиру (пилоты-рейсовики не любят работать в разгерметизированных помещениях).

— Атмосфера?..— В голосе Бакулина зазвучали веселые нотки.— Нет! Теперь уже до самой «Лунной радуги» ты носа из-под стекла не высунешь!

— Орбита вновь приветствует экипаж «Казаранга»,— вклинился голос Элдера.— Что у вас происходит?

— Бунт на борту,— ответил Бакулин, смеясь. Коротко доложил о результатах разведки, о выходе на поверхность. Добавил: — Пилоту неуютно без общего контура герметизации. Требует атмосферу.

— Меф,— позвал Юс,— на кой черт тебе понадобилось нюхать аммиак?!

— О чем ты? — удивился он.— Какой аммиак?

— Который Мстислав притащил на геккорингах своих башмаков. Там кругом полно замерзшего аммиака. Растает — без специальной дезодорации кабины не продохнешь от зловония!

— Ладно, Юс, он все уже понял,— сказал Мстислав.— Нам как, осматривать этот район до конца? По-моему, бесполезно.

— А ты чего бы хотел?

— Получить разрешение на свободный поиск.

— Нет. И Асеев против. Бесспорно, Кратер интересен во всех отношениях, но ведь «Леопард» туда не садился. Или ты считаешь Эллингхаузера идиотом?

— Я считаю его гением. Так гениально исчезнуть...

— Это — Внеземелье, Мстислав. Вдобавок — Дальнее.

— Вот именно. А вы, гении поиска, не хотите нам дать каких-нибудь десять — двенадцать часов на обследование Кратера.

— Когда заложим фугас, по сейсмограмме Ледовой Плеши узнаем о Кратере больше, чем дал бы ваш рискованный спуск в преисподнюю. Вы свое дело сделали.

— Да, «проверено, мин нет».

— Вот за это спасибо. А искать, где подорвался рейдер, придется, видимо, в других уголках системы Урана... В общем, короче: разрешаю вам дойти до Кратера. Для видеозаписи. Но соваться в кальдеру не разрешаю. Ждите нас в южной зоне района А. К началу десанта орби-

тальный мост связи будет уже задействован, и перед посадкой «Циклона» мы вас окликнем. Салют!

— Салют. Меф, сделай ослику доворот по курсу.

— Как пойдем? Ступоходами или на флаинг-моторах?

— Ступоходами. Время есть. Может, встретим по дороге что-нибудь интересное...

По дороге их сопровождало неиссякаемое разнообразие форм монументальных украшений надпанцирных наледей, но вряд ли Мстислав относил к понятию «интересное» именно это.

Ближе к воронке Кратера — меньше хаотических нагромождений крупных глыб, больше наледей и участков, усыпанных щебнеобразным крошевом: «Казарангу» стало легче передвигаться. Казалось, драккар давно идет под уклон. Однако истинный уклон, когда он действительно начался, не преминул заявить о себе резким снижением освещенности льда, сгущением теней и наконец их полным слиянием с разлившимся до самого горизонта морем тьмы. Судя по автокарте, до обрыва в кальдеру оставалось более километра, но машину пришлось остановить. Дальше идти можно было бы только с включенными фарами.

Освещенный солнцем, точно прожектором, противоположный склон Кратера выглядел как золоченая полоска далекой песчаной косы, приподнятой над гладью ночного моря, в мертвых водах которого не отражалось ничего... Ну абсолютно ничего не отражалось на неподвижной этой аспидно-черной поверхности — ни звезд, ни позолоты несуществующих дюн иллюзорной косы. Далеко вправо и далеко влево линия береговой кромки необыкновенно контрастно была обозначена цепочкой озаренных прожектором-солнцем верхушек ледяных куполов, ровно подрезанных снизу уровнем черной воды. Эффектно смотрелись фантасмагорические фигуры заледенелых фонтанов на материке, еще эффектнее — вдоль берега; но совершенно ошеломительно выглядели все эти белоснежные или полупрозрачные, как подсвеченное стекло, «столбы», «колонны», «арфы», «эстакады», «сосульки наоборот», «букеты», «раковины» и «грибы» в непроницаемо-темных просторах мертвого моря. Как обындевелые полузатопленные фрагменты руин искусственных сооружений. Или как полуобнаженные во время отлива фрагменты колос-

сальных скелетов вымерших сверхдиназавров. И надо было сделать над собой усилие, чтобы освободиться от гипнотической власти грандиозного миража и вместо мертвого ночного моря увидеть, вернее, почувствовать затемненную до полной невидимости пустоту планетарного провала.

Застигнутые врасплох живописными чарами Оберона, разведчики оцепенело всматривались в декорированную светлыми колоссами тьму. Первым очнулся Бакулин. Тихо спросил:

— Ближе нельзя?

— Можно. С фарами. А надо ли?..

Минуту молчали.

— Да,— подумал вслух Бакулин,— не надо... Могут быть осыпи.

— Мстислав, как думаешь... с какой стати возникла здесь эта веселенькая пропастишка?

— Кратер? Бери шире. Спроси, с какой стати возникла здесь Ледовая Плешь?

— На этот вопрос пока ни один селенолог не знает ответа.

— Что верно, то верно. Когда они там подсчитали, сколько энергии надо, чтобы содрать с Оберона и утащить куда-то к чертовой бабушке сегмент ледяного панциря величиной с Ледовую Плешь, руками развели.

— Это мог быть взрыв упавшего астероида.

— Взрывом такой мощности Оберон развалило бы на куски.

— Ну... не один взрыв — несколько.

— В любом случае поверхность планетоида за пределами Ледовой Плеши была бы завалена горами обломков. Куда подевался обломочный материал? Куда вообще подевались содранные с Оберона миллиарды тонн грязного льда?

— Н-да...

— Меф, у нас из-под носа, можно сказать, кусок луны украли. Событие серьезное. Даже в масштабах Солнечной Системы. А мы с уважением смотрим в какую-то яму.

— В какую-то! Тридцать километров в диаметре, глубина — без малого десять.

— Все равно, Меф, по сравнению с Ледовой Плешью даже пропасть такого масштаба — жалкая яма.

— Тогда почему тебя тянет к этому Кратеру? — удивился он.

— Потому что здесь нет другого.

В иное время он принял бы ответ товарища за неплохую шутку.

На правом траверзе среди звезд медленно опускалась к горизонту светлая черточка «Лунной радуги». Ему и в голову не приходило жалеть о своем решении подменить Накаяму в первой вылазке на планетоид, но, едва «Лунная радуга» скрылась за горизонтом, к ощущению неуюта прибавилось невыразимо острое ощущение полной оторванности от мира людей.

Впервые в жизни ему вдруг стало до бесконечности сиротливо...

Однажды кто-то из друзей высказался при нем в том смысле, что, дескать, лучшими космодесантниками должны быть именно селенгены — в любом уголке Внеземелья селенгены, дескать, как дома. Ничего подобного. Луну своего детства он помнил плохо — был еще слишком мал, когда его подняли на Землю; наиболее четкие образы в воспоминаниях — бесконечно длинные стеклянные коридоры, в которых всегда пахло чем-то терпким, холодным и стояло много больших широколистных растений в стеклянных медово-коричневых кадках. Вновь познакомился с Луной в курсантские годы, в год начала стажировочных полетов, и у него не было чувства, будто он вернулся на родину. Сокурсники смотрели на него как на хозяина здешних мест, а ему самому казалось, что он ненароком забрел на территорию госпиталя, где чуть не умер когда-то. Во всяком случае, здесь чуть не умерла его мать. Даже с более обнадеживающими физиологическими данными, чем у нее, молодых женщин, готовящихся стать матерями, без лишних разговоров отправляли с Земли в Лунный филиал Всемирной организации здравоохранения (единственный из филиалов ВОЗ, где в комплекс мер по сохранению будущего младенца можно было включать и шестикратно уменьшенную силу тяжести). Ему не очень-то хотелось снова видеть памятные с детства длинные стеклянные коридоры госпитально-клинического Медконсорциума, но как быть, если надо проведать родственника, для которого лунное притяжение из-за болезни сердца оказалось предпочтительнее земного...

В свое время этот родственник, Балтасар Этимон, был членом коллегии, тесно связанной с ВОЗ международной организации Детский Фонд, а в аппарате ООН был крупным авторитетом по вопросам истории мирового здравоохранения, и беседовать с Этимоном было не скучно, но жутко. О проблемах оздоровления цивилизации Этимон мог говорить часами, пересыпая речь ошеломительными фактами, цифрами,— Балтасар Этимон хорошо знал то, о чем рассказывал. Знал, где и как функционируют филиалы ВОЗ и зависимые от них институты, клиники, госпитали, профилактории, в которых вооруженная до бровей армия медикологов держала глубоко эшелонированную оборону сразу на трех фронтах: патологическая анатомия, патологическая физиология и патологическая психология. Знал наперечет все континентальные пункты, в которых действовали или создавались специализированные лечебно-оздоровительные и оздоровительно-воспитательные детские дома, интернаты, бальнеотерапевтические, лесные, приморские школы-санатории. Знал, какой процент (Этимон называл его: «жуть-процент») маленьких граждан планеты до сих пор расплачивается своим здоровьем, умственными способностями...— да чего там! — жизнью своей, бывает, расплачивается за двухсотлетний период глобального недоедания.

И ладно бы только это наследие прошлого. А дикая вспышка беспрецендентного употребления табака, алкоголя, наркотиков обитателями XX века. А профессиональная несостоятельность геополитиков, долгое время считавших возможным подхлестывать планетарно-смертельную гонку вооружений, которая, хотя бы только уже астрономической дороговизной, нанесла мировому здравоохранению тяжелейший удар. А глубокая по своим последствиям экологическая безграмотность многих поколений предков! Процент настолько высок, что термин «оздоровление цивилизации» некоторые социологи трансформировали в термин «спасение цивилизации», едва ли не откровенно уповая на всемогущество инженерной генетики. И то обстоятельство, что общими усилиями объединенных в Медконсорциумы генетиков, иммунологов, патологов, физиологов жуть-процент удалось пока хотя бы заморозить на одном уровне, Балтасар Этимон убежденно

относил к величайшему достижению современного научно-технического прогресса!..

Кстати, рожденные на Луне составляли основную долю жуть-процента. И даже те из селенгенов, кто, к счастью, в этот проклятый процент не входил, нередко страдали от подозрений, что их внеземельно-клиническое происхождение — свидетельство какой-то скрытой неполноценности. Он тоже страдал. Когда ему стало ясно, что в смысле роста и физического развития он плетется где-то в хвосте у своих сверстников — подростков-землян, подозрение в собственной неполноценности встревожило его не на шутку. Наверное, поэтому мальчишка-селенген Меф Аганн с редкостной в его возрасте одержимостью добивался спортивных побед, а повзрослев, нашел свое место на космофлоте. И что же? Да в общем-то ничего, но... Иногда он снова чувствует себя в хвосте. Вот как сегодня. Почему-то не удается ему, селенгену, ощутить себя на этом диком, полутемном, насквозь промерзшем и проаммиаченном Обероне хотя бы наполовину так же уверенно, деловито, спокойно, как ощущает себя самый что ни на есть исконный землянин Мстислав Бакулин. Едва только Солнце и «Лунная радуга» ушли с прямого луча — настроение у селенгена совершенно упало. Ужасно здесь неуютно. Одиноко. Темно и тревожно.

— Значит, так,— проговорил Мстислав.— Поднимаемся на восемьдесят метров и идем по диаметру. Сбрасываем АИСТа, ждем результата и проводим видеозапись освещенного АИСТом центра кальдеры.

— Где? — спросил он. Направлять «Казаранга» в густую темень ему не хотелось.

— Что «где»?

— Видеозапись центра можно проводить над Кратером, в Кратере и на дне Кратера. Вот я и спрашиваю: где?

— Химмельсрайх![1] — вырвалось у Бакулина. Любимое восклицание Пауля Эллингхаузера...

Он посмотрел в зеркало на неподвижную за рукоятками дубль-управления фигуру командира, футлярно-точно вписанную в ложемент,— по контуру скафандра пульсировали синие и пурпурные огоньки, на лицевом

---

[1] Химмельсрайх! — Царство небесное! *(нем.)*

стекле отражались разноцветные блики. Бакулин, угадав его взгляд, постучал в висок своего гермошлема.

— Не ходил бы ты, Меф, во десантники. Здесь тебе служебную визу быстро прихлопнут. Хотя бы только за язык.

— А знаешь... тебе удалось меня убедить.— Он машинально включил бортовые мигалки стартового предупреждения: очень яркие малиновые вспышки стали вспарывать тьму то справа, то слева. «Из-за Элдера я вторгся в эту кошачью компанию,— думал он, аккуратно снимаясь с точки.— В последний раз. У них свои системы ценностей и отношений».

С высоты планетарный провал еще больше напоминал застывшую в колоссальном разливе черную воду. Мстислав поделился предчувствием:

— Подкоркой чую: в этой яме — ключ к тайнам Ледовой Плеши.

— Лучше бы ты озаботился судьбой «Леопарда».

— ...Сказал пилот-десантник Меф Аганн,— с иронией прокомментировал Бакулин.— И сразу видно: Меф Аганн — не мой друг. Меф — друг моего командира. Меф и Юс поразительно одинаково видят, мыслят и говорят. Прилетели — увидели: нет «Леопарда» на Обероне — и до свидания, переносим поиск на другие луны. С чувством выполненного долга. А что вы с Элдером скажете, когда удалые наши облеты и шапочные знакомства с остальными лунами Уран-системы не прояснят судьбу «Леопарда»?

— Не думаешь ли ты...

— Думаю. Если мы не нашли рейдер здесь, в другом месте мы и подавно его не найдем.

— В конце концов можно допустить и такое, но... В чем тут вина Элдера?

— Не вина, а беда. Разве он виноват, что в отношениях с Внеземельем по-рыцарски честен и прям? Наш командир замечательный тактик, но слабый стратег. И не трудись возражать, это голая правда.

— Я не возражаю. Более того, хотел бы спросить: а зачем Элдеру быть сильным стратегом?

— Шутишь?

— Нет. Вокруг меня одни стратеги. Начальник рей-

да — стратег, капитан корабля — стратег, штурман — стратег... Кому-то надо быть тактиком.

— Нам с тобой.

— Не спорю. Однако характер нашего разговора заставляет думать: один из нас тоже стратег. Или, по крайней мере, с очень большой в этом плане амбицией.

— Молодец,— одобрил Бакулин.— Кусачий. Умеешь защищать своих друзей... даже когда на них никто не нападает. Но капитана и штурмана ты приплел сюда зря: Молчанов и Дитрих сделали свое дело, а стратегия поиска от них не зависит.

— Почему? Это зависит от каждого из нас.

— Стратегия? Ошибаешься. От Асеева и Элдера зависит. И пока Асеев растерян и не знает, что предпринять, Элдер действует. Активно действует, самоуверенно. Он и Дитрих уже торчат у дисплея, обсуждают навигационные модели полетов внутри Уран-системы, бубнят про энергетически выгодные траектории, скорости, сроки. Элдер еще не успел здесь покончить с формальностями обязательной типовой разведки, а мысли его уже на Титании... или куда он там собрался в первую очередь.

— На Умбриэль.

— Да, Умбриэль. Вот и гадай, что раньше произойдет: то ли Асеев опомнится и стратегически грамотно определит направление поиска, то ли... Одно из двух.

— Договаривай, Мстислав. То ли?..

— То ли Элдер начнет бездарную клоунаду, дергая «Лунную радугу» от луны к луне, теряя время, растрачивая энергоресурсы!

— Не кричи, шлемофон у меня в порядке. И чего ты волнуешься? Сам видишь: нет «Леопарда» на Обероне. И никаких следов. Так с какой стати вы — Джанелла, Нортон и ты — сомневаетесь в целесообразности намерений Элдера?

— Вот как? Сомневаюсь не я один?.. Что ж, будет легче...

— Что «будет легче»? Ты что-нибудь предлагаешь? Спрашиваю не только как друг Элдера, но и как человек, которому небезразлична судьба экспедиции и который тоже хотел бы во всем разобраться.

Бакулин хмыкнул:

— Хм... Разберешься, а потом, чего доброго, выступишь против Элдера на командном совете.

— Да, если мне станет ясно, что объективно Элдер не прав.

— Хм...— повторил Бакулин.— В таком случае, наш командир может спать совершенно спокойно. В субъективности Элдера не обвинишь — он кругом прав. Ведь «Леопарда» на Обероне действительно нет, следов его гипотетической посадки действительно не обнаружено. И нет никаких «объективных» препятствий тому, чтобы перенести поиск на другие луны.

— Так какого же дьявола Нортон, Джанелла и ты готовы слопать Элдера с потрохами?!

— Не кричи, слух у меня в норме. К чему готовы Джанелла и Нортон, мне пока неизвестно. А лично я готов пояснить, к чему я не готов. Я не готов принять идею поиска пропавшего рейдера на других лунах системы Урана.

— Что мешает? Какая-нибудь особая информация?

— Да. Во-первых, сообщение Эллингхаузера о намерении посадить рейдер на Оберон. Заметь: не на Умбриэль, Ариэль, Миранду или Титанию, а именно на Оберон. Мало того, в сообщении был указан посадочный адрес: район А.

— Остроумно, свежо. Во-вторых?

— Во-вторых, связь с «Леопардом» не возобновлялась после оберонского сообщения. Заметь: после оберонского, а не, скажем, умбриэльского. Короче, не Умбриэль, а именно Оберон — узел загадок, странностей, противоречий. Нам трудно даже представить себе, как могла образоваться Ледовая Плешь и эта вот колоссальная яма... Мы что, висим над Кратером на одном месте?

— Нет, ползем по диаметру — автокарта у тебя перед носом... И между прочим, за разговорами мы прошли уже точку, откуда выгоднее было сбросить АИСТа.

— Сбросить никогда не поздно.

В зеркало было видно, как Бакулин отвел в сторону половину подлокотника с желобом, ткнул пальцем в кнопку сброса транспортировщика активированного источника света.

— Пустяки,— добавил Мстислав.— Подумаешь, на километр промахнемся...

— Что ж, дело хозяйское,— пробормотал он и подумал: «Промахнемся на десять — тоже ничего особенного не произойдет».

Сверкающий в солнечных лучах граненый снаряд, странно похожий на штурманский карандаш в металлическом корпусе, отделился от катера и, подчиняясь законам баллистики в слабом поле тяготения, долго держался рядом с машиной. Неестественно долго. На первых порах мизерное ускорение свободного падения не могло сообщить снаряду заметной вертикальной скорости, и все это выглядело как орбитальный ход параллельными курсами. Затем «карандаш», словно вспомнив о собственном весе, пошел на снижение, медленно сокращаясь в размерах на фоне бархатно-черного логова тьмы, и в какой-то момент стал похож на золотистый продолговатый кристалл. Внезапно «кристалл» превратился в ярко блистающую четырехлучевую звезду и только где-то у самой границы невидимо пронизанного солнцем пространства полностью уже развернулся диском рефлектора, и через секунду после бакулинского: «Э-эх, красиво идет!..» — золотой диск наискось вошел в тень Кратера, как в черную воду, и мгновенно пропал в темноте.

— Вспышка сработает — будет отснят уникальный фильм,— сказал Бакулин.— Объявляю конкурс на лучшее название.

— «Погреб дьявола». Все равно, кроме тебя, смотреть твой фильм никто не придет. Дно мы уже локаторами видели.

— Видеть — мало. Надо понять, что видишь.

— Вот именно.

— Меф, сколько там осталось до центра?

— Условная точка, гипотетически равноудаленная от замкнутой кривой, которая... кривая эта является графической моделью... Моделью чего она является?

— ...Графической моделью контура верхней кромки кальдеры,— закончил Бакулин, копируя интонацию Эдуарда Йонге.

Они посмеялись, вспомнив, как Тэдди выпутывался из этой фразы на одном из борт-семинаров.

— Собственно, мы уже в центре.— Он взглянул на

экранчик лидара, где медленно таял на темном фоне вишнево-красный кругляк улетающего в сверхпропасть АИСТа. Открыл было рот, чтобы спросить, в каком флаинг-режиме Бакулин думает делать видеозапись, и чуть не вылетел из ложемента — сумасшедшим рывком оборвало крепление левого плечевого ремня.

Впечатление было такое, будто драккар налетел на прозрачную стену, и она, отшвырнув машину, разрядила в днище ярко-зеленую молнию. Потом он, конечно, сообразил, что это было только впечатление, и заподозрил, что драккар обстреляли. Обстреляли из Кратера. Удивительно похоже на лучевой залп. Удар был тяжелый: слепящая вспышка, машину рвануло вправо, в шлемофоне короткое шварк! — и сильнейшим инерционным ударом в левый висок, в плечо, в левое подреберье. Полуоглушенный, не видя ничего, кроме стремительной смены радужных пятен, он интуитивно чувствовал кувырки машины в пространстве. Цветные фантомы перед глазами и вращение «Казаранга» спутали у него в голове все в один ком, а в середине кома иглой торчала совершенно паническая мысль: «Форсаж!» Непонятно, как сумел сдержать себя, но едва только вернулись нормальные зрительные ощущения и в глазах вместо ярких фантомов появилась бесцветная звездно-черная круговерть, он мгновенно слился с машиной, не собираясь уступать стреляющей пропасти и доли секунды. Маневр «роулинг-брэйк», форсаж. Солнце прямо по курсу, очень жесткая перегрузка. Дальше от предательского провала, дальше и выше — высоко-высоко над ледяными ростками застывших фонтанов, над освещенным краем кальдеры. Зеленоватый клык ущербного Урана в старческой десне горизонта; глаза на лоб, когда увидел в зеркале, что ложемент командира пуст; парализующий ужас, когда обнаружилось, что Бакулина вообще нет в кабине. Пока мозг устанавливал логическую связь между оборванной защелкой-фиксатором и распахнутым люком, мышцы сами уже инстинктивно втянули драккар в форсированный «брэйк» с разворотом.

Дрожь в руках передалась машине рывками тяги флаинг-моторов. Не помнил, как вернулся в центральную зону Кратера и в каком режиме утюжил ее, торопливо обшаривая локаторами темноту. Поймал лидаром далекое

вишнево-красное пятнышко АИСТа, все еще не достигшего дна проклятой сверхпропасти, притормозил, оглядывая пространство. Чуть не плача:

— Мстислав!.. Где ты, Мстислав?!

За это время десантник не мог погрузиться в пропасть слишком уж глубоко. Не успел даже, всего вероятнее, пересечь освещенное солнцем надкратерное пространство и коснуться провальной тени...

— Мстислав, отзовись!!!

Секунды ожидания ответа наверняка были причиной первой его седины. Из хаоса треска и радиошорохов в шлемофоне довольно отчетливо выделялся ритмический перестук, и в перестуке этом чудилось что-то невозможно знакомое... «кардиограммное»... удары живого сердца!.. Волосы шевельнулись на голове. Он заподозрил, что сходит с ума над бархатно-черным морем готовой к новому выстрелу тьмы, и совершенно явственно ощутил каждым нервом, как там, в глубинах провала, кто-то наводит прицел на драккар. Еще секунда...

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не понял вовремя, что в ожидании ответа на свой зов он незаметно для себя до предела ввел чувствительность приема на бортовом радиопереговорнике и теперь действительно слышит пульс или удары сердца Мстислава. Вдобавок далеко внизу ему удалось приметить искорку блеска. Рывка машины он не почувствовал. Крохотная искра стремительно приобретала очертания сверкающего на солнце скафандра.

— Мстислав, ты почему не отзываешься?!

В ответ — посторонние радиошорохи. Закованный в панцирь, десантник безвольно падал в пропасть затылком вниз — руки и ноги недвижны. Оглушен ударом?

— Командир!..

Нет ответа.

Выход один: маневрируя, постараться поймать командира отверстием гермолюка. Как рыбу сачком.

Едва он успел накренить машину — широко распахнутые недра Оберона внезапно поймали сачком темноты его самого. А черт!.. Пошарил глазами в поисках синих и пурпурных огоньков. С таким же успехом мог бы шарить глазами, нырнув в цистерну с мазутом. Фары выхватили из тьмы сверкающий скафандр: «Витязь» был

теперь почти над головой, в трех метрах от блистера. Это кстати.

Осторожно действуя реверс-моторами, он задал «Казарангу» крен влево. Мало было уравнять скорость машины со скоростью свободно падающего в пространство десантника — надо было еще очень точно прицелиться. Драгоценный улов вплыл наконец в гермолюк.

«Скафандр командира стал сильнее блестеть,— машинально отметил его мозг.— С чего бы это?»

С помощью зеркала и ювелирно-точных движений рукоятками управления он сориентировал и задним ходом продвинул кабину относительно десантника так, чтобы бесчувственное тело командира переместилось из твиндека в носовую часть и легло в футляр ложемента. Теперь осталось закрыть гермолюк, выровнять катер, придать ему не слишком жесткое ускорение (хотя прямо-таки подмывало унестись отсюда на форсаже). И как только приблизилась исполосованная тенями, утыканная ледяными «костями» окраина пропасти, сзади, где-то далеко внизу, мощно полыхнуло белое сияние. Он даже не поинтересовался, что там высветил АИСТ. Передал управление автопилоту и хотел было освободить свой скафандр от фиксаторов, но зеркало остановило его: Бакулин пошевелился и самостоятельно зафиксировался в ложементе.

Он ничего не сказал командиру. Знал: если скажет хоть слово — наступит реакция, и он не сможет четко выполнить посадочный маневр.

Машина, как на лыжах, соскользнула с покатого лба наледи, остановилась. И только теперь он почувствовал дрожь в руках. Когда представил себе, что не смог бы выловить командира над Кратером, его бросило в пот. Второй лучевой залп из провала почти наверняка свел бы на нет все усилия... Он взглянул на Бакулина в зеркало: странный блеск уже совершенно сошел с голубоватой поверхности скафандра. Синие и пурпурные огоньки как ни в чем не бывало спокойно перемигивались по контуру «Витязя».

— Мстислав, ты как себя чувствуешь?

— Отлично.

— Неправда.

— А почему я должен чувствовать себя плохо?

— Но ведь несколько минут ты был без сознания!
— Несколько?.. Мне показалось — мгновение. Чуточку кружится голова...— Слышно было, как Бакулин судорожно перевел дыхание, словно всхлипнул.— А так... вполне сносно.
— Вполне сносно?.. Кружится голова — это первый признак сотрясения мозга.
— Не кричи об этом на весь эфир. Они уже наводят радиомост, могут услышать.
— Ну и что?
— Услышат — прикажут нам возвращаться.
— А по своей воле ты не думаешь возвращаться?
— Нет,— отрезал Бакулин.
— И можно узнать почему?
— Потому что Элдер пожалеет времени на подготовку «Казаранга» к основному десанту и, чего доброго, сочтет возможным обойтись в такой обстановке одним «Циклоном». Резервный «Циклон» Юс оставит на рейдере, можно не сомневаться... Короче, пока я имею право приказывать здесь, «Казаранг» отсюда наверх не уйдет.
— Совершенно Элдеру не доверяешь...
— Да. Элдер слишком доверяет Оберону.
— А как бы ты... на его месте?
— Я? «Казаранга» и двоих десантников — на Ледовую Плешь. Вполне достаточно, чтобы взорвать фугас и получить сейсмограмму этого региона.
— Остальных в Кратер?
— Нет. Для разведки Кратера — двоих на «Циклоне». Остальных на втором «Циклоне» для подстраховки разведчиков. Лучевой залп такой мощности «Циклонам» не страшен.
— Не страшен... Видеозапись была включена?
— Она и сейчас включена. А что?
Он не ответил. Пусть на борту «Лунной радуги» Мстислав собственными глазами увидит, что и как было.
— Залп сопровождался чем-нибудь необычным? — требовательно спросил командир.
— А сам залп считаешь делом обычным?
В шлемофоне возник слабый звук, очень похожий на приглушенный стон, и в зеркале было видно, как у Мстислава руки дернулись кверху. «Командир, видать, сильно

ударился головой»,— с тревогой подумал он. Квалифицированная помощь отодвигалась на неопределенное время — уговаривать Бакулина было делом бесполезным.

— Мы где находимся? — спросил командир.

— Там, где нам указано. В южной зоне района А.— Он поднялся из ложемента.

— Меф, ты куда?

— Надо выйти осмотреть машину.

— Разрешения на выход я тебе не давал.

— Ну так, значит, дашь.

— Нет, не дам. Изволь занять свое рабочее место и не покидай его до окончания десанта.

— Но немного размяться мне можно?!

— Можно. Включи электрогимнастику, массаж.

С досады он чуть не плюнул в маску гермошлема. Однако сел и сделал то, что советовал командир. По телу снизу вверх пошли волны электроуколов и непроизвольных мышечных сокращений.

— Если нужно,— добавил Бакулин,— я сам осмотрю драккар.

— Не нужно,— проговорил он.— Это я так...

Он не стал объяснять, что желание осмотреть машину снаружи возникло после того, как его удивило странное усиление блеска поверхности «Витязя». Подумал о командире с неудовольствием: «Голову ушиб, еле языком ворочает, а норовит все сам... Блюститель инструкций». Предложил:

— Ты пока подремал бы, что ли. Не беспокойся, я никуда не уйду — буду здесь тебя караулить.

— Я не беспокоюсь, карауль себя.

Мстислав надолго умолк. Может, действительно задремал.

Система электрогимнастики и пневмоэлектромассажа в этом волшебном «Шизеку» работала замечательно. Он шарил глазами в звездно-черном пространстве над головой и чувствовал, как разогретые мышцы словно бы обкатывались металлическими шарами. Сперва он заметил плывущую среди звезд искорку радиозонда «Эхо-РЛ». Следом прошла светлая черточка «Лунной радуги». Он выключил массаж и проводил ее взглядом до самого горизонта. Затем проследил заход искорки второго «Эхо-РЛ». Радиомост навели по всем правилам, но в

шлемофоне стояла какая-то совершенно зловещая тишина. Никто не вызывал их на связь. Чтобы не потревожить предполагаемый сон командира, он тоже решил не брать на себя радиоинициативу.

Солнце далеким, но мощным прожектором светило в левый борт «Казаранга». Впереди светлел ровный язык наледи, иссеченный, словно траншеями, полосами длинных густо-темных теней. Наледь, перевалив «мостом» через крупную трещину, сбегала с дуговидной террасы застывшим потоком и терялась под завалами грязно-желтых и йодистых глыб; а дальше (и уже до самого горизонта) диковинные отдельности рельефа Ледовой Плеши сливались для глаза в мелкий узор на равнине цвета старого серебра, и никак не верилось, что где-то рядом на правом траверзе — всего только в трех километрах отсюда — распахнута колоссальная непроницаемо-черная пропасть. Он смотрел в звездно-черное небо над горизонтом, и опять откуда-то подкрадывался страх и сердце сжималось от невыразимо тоскливого ощущения глухого безлюдья. Одиночество на краю мира... Дремлющий или ушедший в себя, в свою боль командир почти не в счет. Это было очень странно: он видел неподвижный скафандр командира в зеркале и не ощущал присутствия человека. Словно скафандр был пуст. Должно быть, поэтому десантники редко работают парами. Чаще — втроем. А еще чаще — группой. Интересно, почему задерживается эта группа? Когда нет связи, начинает брать сомнение, что группа объявится здесь вообще.

А может быть, командир опять без сознания?

А вдруг Мстислав умирает?

А вдруг уже...

А вдруг, а вдруг, а вдруг, а вдруг... Стоп! Селенген Меф Аганн, прекрати панику. Какое дело тебе, селенгену, до этого землянина. Бакулин рожден в другом мире, развивался и рос на дне голубой, как мечта, тяжелой, но мягкой, как одеяло, густой и душистой, как мед, атмосферы. Ему, землянину, пели птицы и ветры, для него зеленели просторы величиной с континент, а ты, селенген, заплакал от страха, когда тебя за руку в первый раз подвели к шумным птичьим вольерам в украшенных широколистной растительностью и расширенных зеркалами госпитальных фойе. А потом, уже на Земле, при виде

каждой летящей по воздуху пернатой твари ты целый год еще вздрагивал и рефлекторно втягивал голову в плечи, потому что летящая птица казалась тебе, селенгену, брошенным в твою сторону камнем. И до сих пор возникает смутное беспокойство, когда над тобой проносится стриж. Так какое дело тебе, селенгену, до этого землянина?.. Ладно, не надо юлить перед самим собой и храбриться. Вдобавок и Оберон не твой мир, не твоя луна. Здесь с Бакулиным ты на равных. А кое в чем и в хвосте. Признайся, завидуешь ведь мужскому упрямству светлоглазого землянина, его умению, точнее, потребности быть неодолимо упрямым не столько ради себя, сколько ради своей тяжеловесной планеты. Куда с ним тягаться тебе, легковесному представителю небольшого, в чем-то ущербного племени селенгенов... Ты по возрасту, кажется, старше всех на борту «Лунной радуги», но в общении с каждым из них ощущаешь себя кем-то вроде юркого племянника-недомерка перед солидным дядюшкой-тяжеловесом. В лучшем случае — младшим братом перед старшим. Причин этому много, но основная в том, что селенгены острее, заинтересованнее, тоньше, пристрастнее анализируют свою кровную связь с материнским телом земного общества, и... пока не находят себе там достойного места. И что характерно, никто еще не удосужился помочь им найти его. Никто не пошел дальше слов: «Вы, селенгены,— дети космического человечества, первая космостадия в биографии могущественного гомо галактикуса». Понимай так: «Вы, селенгены,— птенцы галактических лебедей». Что это, бездумное шутовство или насмешка? Или успокоительная ложь для гадких утят, сознающих, что выше заурядных крякв им не подняться? Ведь каждому ясно: сам факт рождения не на Земле еще не повод для космических амбиций. Но, с другой стороны, все, что сопутствует этому факту, привносит острое (если не сказать — болезненное) своеобразие в психическую организацию селенгена.

Давайте посмотрим правде прямо в глаза: в Солнечной Системе вообще и на Земле в частности возникла и количественно вызревает новая психораса. Отбросив высокопарную словесную трескотню, признаем: новая психораса плохо вписывается в витрину достижений мирового прогресса. Пока неизвестно, какими будут селенгены в

следующую космостадию своего существования, но сегодня очень ясно чувствуется: в сравнении с исконным землянином рожденный не на Земле — это если и не шаг назад на пути к «галактическому лебедизму», то уж наверняка шаг в сторону...

— Вижу вас, вижу,— неожиданно прозвучал в шлемофоне голос Бакулина.— Почему не связались с нами перед посадкой?

Голос командира подействовал успокоительно. Прямо гора с плеч... Сквозь верхнелобовую часть блистера он тоже увидел брызнувшие трехлучевой звездой фиолетовые струи плазмы — след тормозного импульса «Циклона».

— Непонятно,— пробормотал он, наблюдая, как от звезд отделился и пошел на снижение мерцающий рубинами треугольник.— С чего это они решили сесть втихомолку?.. Связь, «Циклон», связь, отвечайте!

В эфире ни звука. Тихо, как ночью в пустыне. Он обежал глазами индикацию контроля, взглянул в зеркало на командира. Аппаратура была в порядке.

— Не суетись,— проговорил Мстислав.

— Радионепрохождение?..— обеспокоился он.

Мстислав не ответил.

Высверкивая разноцветьем ходовых и посадочных светосигналов, пирамидообразный драккар пересек на спуске линию горизонта и теперь, контрастно обозначившись на фоне облитых солнцем равнин ледорадо, казался выпавшим из черного неба алмазно вспыхивающим черным кристаллом. Поблизости от «Казаранга» эта странная на вид флаинг-машина треножником вонзила в лед наклонные струи фиолетового огня и села между тремя вогнутыми, как лепестки лотоса, языками пара... Собственно, через две-три секунды это уже и не пар — ледяная пудра, снежная пыль. Мертвый в начале посадки радиоэфир вдруг ожил: в шлемофоне возникло шуршание (словно бы где-то рядом потекли с обрыва струйки сухого крупного песка), затем — потрескивание. Сквозь шорох и треск внезапно прорвался голос Элдера:

— ...Если слышите — помигайте фарами.

— Слышим вас, слышим! — сказал Бакулин.— Меф, помигай им фарами.

Он хотел помигать, но Элдер облегченно выругался и дал отбой:

— Не надо, теперь и мы слышим вас. Что за черт, почему не было связи?

— Потому, что мы имеем дело с Обероном, Юс,— тоном усталого человека ответил Бакулин, сбрасывая фиксаторы.— Меф, спасибо за службу. Открой мне люк.

Он открыл. Одновременно из гермолюков «Циклона» стали выпрыгивать и замедленно опускаться на лед фигурки десантников в разноцветных скафандрах. Он с тревогой взглянул в отраженную зеркалом спину Бакулина:

— Не торопился бы ты, командир...

— Элдер твой командир,— возразил Мстислав, покидая борт «Казаранга».

— Меф, должно быть, не против,— как-то очень рассеянно процедил Элдер. Чувствовалось, что странное происшествие с радиосвязью отнюдь не добавило ему настроения. Элдера можно было узнать по золотистому «Витязю» с оранжевыми катофотами.

— Меф не против,— подал голос Джанелла.— Меф знает, что тут все равно ничего уже не поделать.— В бело-зеленом «Шизеку» Джанелла напоминал лягушонка.

— Поберег бы ты свое здоровье, Рамон,— дал совет желтоскафандровый Йонге.— Твоих шуток могут здесь не понять.

ТИГРОВАЯ ЯМА

Десантники отошли от драккара и, как это было в их обычае, выстроились цепью, выгнутой полукругом. Точно рыцари, которым надо оберегать шатер сюзерена. Бакулин примкнул к левому флангу. На правом возвышалась очень заметная в лиловой «Селене» богатырская фигура Асеева.

Элдер повел рукой вправо от ледяного «моста»:

— Первое звено — Кизимов, Йонге, Джанелла,— прощупайте лидарами глубину расселины. Ваш участок — в пределах километра.

Трое десантников молча вскинули руки к лицевым стеклам своих гермошлемов — задание, дескать, принято к исполнению — и, придерживая на бедрах белые кобуры с похожими на многозарядные паллеры портативными

лидарами, ушли, вернее, ускакали вдоль трещины почти синхронными «кенгуру».

— Второе звено — Винезе, Симич, Лорэ.— Элдер указал в другую сторону.— Аналогичное задание, но ваш участок короче. За пределы террасы не уходите.

Полукруглый строй совершенно распался.

— Звено взрывников — Михайлов, Нортон, Бакулин,— готовьте фугас.

Звено взрывников поспешило к «Циклону».

— Пилоты остаются в драккарах и наблюдают за изменениями ситуации в рабочей зоне разведки. Об изменениях докладывать немедленно.— Элдер выдержал паузу и со вздохом добавил: — А нам с тобой, Коля,— грибная охота отставников.

Да, десантники страшно не любят собирать и капсулировать образцы. Называют это «женской работой» или «грибной охотой отставников».

Краски были насыщенные, резкие. Лед блестел, люминесцирующие скафандры пылали язычками разноцветного пламени, белизна инея казалась светящейся, тени — как мазки тушью. По инструкции сектор его наблюдения охватывал всю местность вправо от осевой линии «Казаранга». Осевая линия упиралась в «Циклон» с Накаямой в пилот-ложементе и звеном взрывников где-то в чреве грузового твиндека. Справа прыгало над трещиной второе звено разведчиков ее глубин — звено Симича — и, покачиваясь, шагал в сопровождении тонконогого киберконтейнера Элдер, а в открытом сверху контейнере поблескивали головки капсул. Сзади ничего не было. Сзади была наполовину скрытая тенью куполообразная наледь, и он туда не смотрел. Он провожал взглядом Элдера, и у него было гадкое ощущение, что все у них идет не так, как надо. Он отказывался понимать Бакулина, его молчание.

С борта «Циклона» Элдера окликнул Накаяма:

— Командир! Самоотвод Бакулина из состава звена взрывников.

— В чем дело?

— Не знаю. Михайлов и Нортон перенесли Бакулина в ложемент. На вопросы Мстислав ответил: «Дьявольски кружится голова. И что-то с глазами. Передайте Элдеру мой самоотвод».

Он увидел, как, прекратив работу, застыли командир, Асеев и оба звена десантников. Асеев встревоженно:

— Меф, а твое самочувствие?..

— Я абсолютно в норме. Однако могу...— Он хотел сказать: «...Могу объяснить, что случилось с Бакулиным», но Элдер вдруг рявкнул:

— Всех прошу помолчать! Аб, дай мне Бакулина.

Пауза. Голос Михайлова:

— Командир, не надо тревожить Мстислава. Не стоит ему разговаривать. У него, по-видимому, сотрясение мозга.

— Черт знает что!..— пробормотал Юс.

Длинная пауза. Десантники, облитые светом низкого солнца, стояли совершенно неподвижно.

— Кто из нас имеет профессиональную медподготовку? — риторически спросил Асеев.

Винезе тушканчиком поскакал к «Циклону».

— Что толку,— сказал Джанелла.— Если там сейчас даже стекло гермошлема открыть невозможно...

— Вздор болтаешь,— произнес Лорэ.— Винезе хотя бы знает, какой внутрискафандровый инъектор задействовать...

— Замолчите вы оба,— сказал Симич (Асеев поднял кверху чуть разведенные в стороны руки).— Говори командор!

— Десант продолжается,— сказал Асеев.— Я возглавляю первое звено, Элдер — второе. Тимур, помоги взрывникам.

Теперь поскакал к «Циклону» Кизимов. Начальник рейда и командир группы возглавили осиротевшие звенья. Асеев спросил:

— Меф, как это случилось с Бакулиным?

Он рассказал.

— Ты уверен, что это был именно луч? — спросил командир.

— Да, лучевой удар в днище. Залп.

— Хочешь сказать — похоже на осмысленную атаку?

— Вряд ли. Ведь ничто не мешало ее завершить, однако нас больше не тронули.

— Иными словами, времени для повторной атаки было достаточно?

«Более чем достаточно»,— подумал он. И снова не

повернулся язык предать гласности драматический эпизод вылавливания Бакулина над пропастью. Да и никому это сейчас не нужно.

— У меня гипотеза! — сказал Джанелла.— Это был залп ледазера. Слова «лед» и «лазер» в синтезе. Обозначают редкое явление природы. Суть в том, что внутренние напряжения планетоида сотни, а может быть, и тысячи лет производили энергетическую «накачку» какой-нибудь глыбы сверхчистого льда на дне Кратера...

— А когда глыбе надоело «накачиваться»,— вставил Асеев,— на пути «ледазерного» луча случайно оказалось днище драккара.

— Ладно,— легко согласился Джанелла,— явление это не редкое. Сокращаю срок до нескольких месяцев. Или дней.

— Или минут,— не преминул добавить Накаяма.— Но все равно ты гений.

— Он прав в одном,— возразил Йонге,— на этом чертовом планетоиде не все чисто...

Ситуация там, где над трещиной ползало с лидарами звено под руководством Элдера, не менялась. Зато у открытого люка «Циклона» показались фигуры десантников, которым сегодня выпало быть взрывниками. (Звено выволакивало на лед какие-то круглые коробки — части фугаса, надо полагать.) Он был обеспокоен, несколько даже шокирован молчанием Элдера.

— Юс! — окликнул командира Асеев.— Кажется, мы нашли то, что надо: лидар показал глубину в шесть тысяч метров.

Было слышно, как кто-то присвистнул.

— Не может быть,— усомнился Лорэ.

— Мы нашли вход в Преисподнюю! — торжествовал Джанелла.— Мой лидар показал шесть тысяч одиннадцать. Провалиться мне сквозь планетоид, если фугас не уйдет здесь вниз по трещине километров на пять.

— Свистать всех сюда? — спросил Йонге.

— Отставить,— вдруг сказал Элдер.— Я помогу взрывникам, а первое и второе звенья — на сбор и капсулирование образцов. Но более чем на полтора километра по радиусу не удаляться.

Пока Михайлов, Нортон, Кизимов и Элдер монтировали и опускали взрывное устройство на пятикиломет-

ровую глубину, «грибники» молча делали свое дело. Никто из них не обнаруживал склонности «удаляться по радиусу» даже на полтора километра. По-видимому, всем было здесь неуютно. Только Джанелла в обществе верного, как собака, кибер-контейнера продолжал двигаться куда-то вдоль уступа террасы. Поскольку десантник был в секторе его наблюдения, он не спускал с него глаз: боялся потерять из виду, если тот вдруг надумает спрыгнуть с уступа; но когда Джанелла тихо пробормотал: «О, кажется, алмазный лед!..— а затем сдержанно посмеялся чему-то и еще тише добавил: — Дальше, песик, мы с тобой не пойдем...» — он успокоился и перевел взгляд на компанию взрывников.

— Аб,— спросил Элдер,— Клим меня слышит?

— Борт рейдера на приеме,— подтвердил дежурный координатор Клим Рукосуев.— Вопросов, как видишь, не задаю, но одиссею твоих парней наблюдаю на семи экранах.

— А мой график десанта выверяешь на восьми таймерах,— дополнил Элдер, принимая из рук Нортона люминесцентно-алый, как живое пламя, цилиндрик РИФа (радиоинициатор для взрыва фугаса в нужный срок).

— Служба,— ответил Клим.

— Что скажешь о разбросанных по Ледовой Плеши сейсмодатчиках?

— Ничего дурного не скажу. Нормально транслируют на борт контрольный сигнал.

— Когда пойдут сигналы рабочие — дашь сюда оценку качества.

— Охотно. А когда они пойдут?

— Через тысячу секунд.— Элдер что-то сделал с алым цилиндриком и швырнул вниз. Словно стряхнул с руки в темноту расселины язычок пламени. Для порядка скомандовал: — Всем покинуть зону огня!

Громогласно произнесенная на весь Оберон команда касалась лишь самого командира и трех стоящих рядом десантников.

— Я, пожалуй, попрыгал к драккару,— сказал Михайлов, десантным ножом счищая с оранжевого рукава налипшую ледяную крошку.— Грузовые фиксаторы надо отжать — торчат там рогами. Заодно подберу упаковку. Только сели — а мусора уже вокруг «Циклона»...

— Да, нехорошо,— согласился Юс, тем же методом очищая колени и верх башмаков.— Представляете, сел бы здесь «Леопард»?

Десантники промолчали.

— Не напрягайте умы свои, ибо вижу знамение и прорицаю! — издали вмешался Джанелла.— Будет здесь то же самое, что на несчастной Европе. Четыре раза я десантировался на Европу и, увы, за монбланами мусора ни разу не видел ее естественного горизонта. Я там боялся ходить.

— Джанелла, как всегда, сгущает краски,— сказал Кизимов.— Но в принципе верно. Я бывал на этом планетоиде...

— Все, кто бывал на Европе,— сказал Нортон,— говорят о ней одинаково: крупнейшая мусорная свалка Внеземелья.

— А кто виноват? — спросил Михайлов, спрятал нож и прыгнул в направлении «Циклона».

— Я там боялся ходить,— повторил Джанелла.— Особенно после того, как узнал, что основное количество фугасов в европейские трещины заложили Михайлов и Нортон.

— Пусть швырнет в нас камнем тот, кто не имел отношения к мусору на Европе,— сказал Михайлов. И повернулся, словно окидывая взглядом присутствующих в районе А.— Нет таких? Искренне жаль.

— Он прав,— сказал командир.— Нелепо заниматься поисками виновных, когда вот они, друг перед другом. И сами перед собой.— Элдер закончил чистку, жестом указал Нортону и Кизимову на «Казаранга»: — Винезе, я и вы — комиссия по освидетельствованию последствий залпа из Кратера. Давайте осмотрим драккар Аганна.

Они остановились перед носом машины. Командир в отливающем золотистой броней скафандре, Тимур в бело-синем «Шизеку» и Дэвид Нортон в голубовато-серебристом, как у Бакулина, «Витязе».

— Меф, куда вам влепило?

Он объяснил.

Включив наплечные фары, Юс скрылся под днищем.

— Никаких следов залпа я не вижу. Дэв, Тим?

— Ни ожогов, ни вмятин,— сказал Кизимов.

— Чисто,— подтвердил Нортон. Полюбопытствовал: — Меф, а насколько резким был удар?

— Будто с размаху коленями в подбородок,— ответил он и в этот момент ощутил, как дрогнула и покачнулась на амортизаторах ступоходов машина.

На том участке, где был снаряжен и заложен фугас, из расселины выметнулось в звездное небо сильно искрящееся со стороны солнца громадное облако, очень похожее на пучок серебристо-белых, серых, черных и золотых перьев. Просторы западного сектора округи района А накрыла тень.

— И машина будет в тени,— заметил Юс.— Аб, включи свет.

С верхушки «Циклона» ударил прожекторный луч, и в луче появился Марко Винезе. Его «Селена» пылала фиолетово-синим огнем.

— Командир, после телеметрической диагностики медиколог считает, что нам не следует слишком затягивать отправку Мстислава на борт рейдера.

— Силой отправить? — осведомился Юс.

— Почему силой?..

— Потому что плохо ты его знаешь. Мстислав намеренно перешел с борта «Казаранга» на борт «Циклона». Верно, Меф?

— Не знаю,— рассеянно ответил он,— возможно...— Он пытался понять, что у него происходит со зрением: лучи прожекторов и фар казались ему странными — в лучах неприятно пульсировали зеленоватые блики. «Может быть, я отравился?..» — мелькнула мысль. Его мутило, во рту ощущался ядовито-железистый привкус.

— Ну вот,— сказал Элдер,— вся комиссия в сборе. Меф, принимай гостей... Нет, вчетвером будет тесно. Сначала — я и Винезе. Остальные — потом.

Юс и Марко ощупали ложемент второго пилота.

— Меф, повтори, как было дело.

Он повторил. Пока он рассказывал, солнце, проглянув сквозь прореху в перистом облаке, неожиданно озарило наледь перед «Циклоном» и скрылось, и в той стороне тень стала гуще, и ничего уже там не было видно, кроме пронзительного (с прозеленью) света фар и прожекторов.

— Меф! — ударил в барабанные перепонки голос Накаямы.— Командира срочно просит на связь дежурный координатор.

Если просит — пожалуйста.

— Ким? — спросил Элдер.— Что у него стряслось?

— Это не у меня стряслось — у тебя. Точнее — у вас. Я таких сейсмограмм отродясь не видывал.

— А в чем дело?

— Если б я не знал, на каком расстоянии от места вашей посадки находятся сейсмозонды, я заподозрил бы, что кто-то их пинает ногами! Юс, мне кажется, сейсморазведку Ледовой Плеши следует повторить. Похоже, Оберон гудит как надтреснутый колокол...

— Повторим,— заверил командир.— Организуем новый десант и повторим.

— Хочешь сказать, не сегодня?

— Да. Сегодня нам нужны в основном образцы ледорита со всей территории района А. Все наши дальнейшие планы зависят от того, найдем ли мы в образцах изотопные микроследы работы двигателей «Леопарда».

Во время переговоров Элдера с координатором Меф усиленно жмурился и моргал, пытаясь избавиться от мелькания этой чертовой зелени. И вдруг ощутил два толчка. Катер сильно шатнуло, и автоматика ступоходных движителей заставила «Казаранг» немного попятиться с дифферентом на корму. Окрик Элдера:

— Меф, что происходит?!

— Не знаю. Похоже, наледь дала осадку.

Он видел в зеркало, как Элдер нетерпеливо подтолкнул Винезе к выходу.

— Командир! — снова ударил в уши голос Накаямы.— Бакулин просит слова.

Элдер замер в проеме люка.

— Юс,— проговорил Бакулин, с трудом (это чувствовалось) ворочая языком,— прикажи парням... ближе к «Циклону». С Обероном шутки, видать, плохи. Кажется, я догадался: лед с планетоида унесло не... не взрывом. И вообще никуда его не уносило — карст поглотил. Ледовая Плешь — это ледовый карст. Кратер — ледовокарстовая яма, провал...— Переводя дыхание, Бакулин сделал паузу, которой никто не воспользовался.— Понимаешь, вся масса льда — внутрь... Как в прорву.

— Бред,— пробормотал кто-то.

И тут все заговорили разом:

— Почему «бред»?

— Вот именно. Мысль интересная...

— А известно тебе, сколько миллиардов тонн льда было в сегментной шапке, которую потеряла Ледовая Плешь? И вся эта масса ухнула внутрь Оберона?!

— Почему обязательно «ухнула»? Может быть, в процессе... постепенно...

— Ты мог бы представить себе необходимое количество внутренних вместилищ с достаточным для этого объемом?

— Пустот?

— Не пустот, не прорв, а именно вместилищ. Какие, к черту, пустоты внутри полужидкого планетоида! Прорва — это, конечно, впечатляющее понятие, но я хотел бы знать ее физический механизм.

— Ишь чего захотел!..

— Как ни вертите, а проблему эту Мстислав ковырнул глубоко. Никуда ведь не денешься — Кратер действительно здорово смахивает на карстовый провал. Необычайная глубина при сравнительно небольшом диаметре, почти отвесные стенки и нет обязательного для взрывных и ударно-взрывных кратеров кольцевого вала...

— ...Зато есть совершенно необязательный для карстовых пропастей залп из придуманного Рамоном ледазера.

— Напрасно иронизируешь над моим ледазером, напрасно. Если у вас нет здоровья придумать что-нибудь иное, пусть будет ледазер.

— А мне, парни, тоже не нравится сейсмоактивность этой ледяной тарелки. Что-то слишком долго бродит подо льдом эхо нашего взрыва... Смотрите-ка, опять тряхнуло!..

— Но ведь Клим говорил: вся луна гудит как надтреснутый колокол.

— Погудит — перестанет.

— Она-то пусть себе гудит. Нам бы не загудеть.

— За разговором не забывай о деле — и дрожь в коленках пройдет.

— Ты нам свое бесстрашие не показывай — таких храбрецов на кладбище тринадцать на дюжину.

— Верно. Эта луна, парни, выглядит сверхподозрительно. Избыток странностей. Если не сказать — чудес...

— А что о чудесах думает сам Мстислав?

— Не дергай ты его зря! Он, между прочим, впервые на этой луне и не виноват, если процессы тут протекают такие... своеобразные. Скажем, лед сжимается, погружаясь куда-то внутрь, а излишек энергии — наружу... залпами.

— Сжимается?

— Отстань, я не гляциолог.

— Вот именно.

— Меф, слышишь меня? — голос Бакулина.

— Да.

— В глазах тоже зеленые просверки?

— Да...

— Может, это нам теперь на всю жизнь, а? — Мстислав тихо и нехорошо, неестественно рассмеялся.

Он не ответил. Справа, в той стороне, где невидимо затаилась среди наледей и торосов исполинская пропасть, мельтешили вспышки зеленых зарниц. В районе Кратера... впрочем, как и везде на просторах Ледовой Плеши, что-то происходило. Непонятно что... Ледовую равнину словно бы затягивало дымной пеленой — все там шло морщинами, складками, шевелилось, горбатилось. Лица замершего в проеме люка Элдера видеть он, конечно, не мог, но почему-то был уверен: Юс в состоянии шока. Командир не был готов к осложнениям. Они застали командира врасплох. Лед вздрагивал под ступоходами «Казаранга», быстро сгущалась мгла — возникло почти мистическое ощущение, будто Ледовая Плешь расправляет черные крылья...

— Полундра!..— прошептал кто-то.

— Работу отставить! — встревоженным голосом приказал Асеев.— Элдер, где ты? Все по машинам! Аганн, освещение!

Он врубил всю бортовую иллюминацию и увидел, что Юс успел уже спрыгнуть к стоящим группкой Нортону, Винезе, Кизимову. Сильный боковой толчок заставил машину качнуться на левый борт. Вторым толчком, еще более мощным, ее развернуло градусов на шестьдесят вправо; четверых десантников опрокинуло — они падали

друг на друга, как падают шахматные фигуры с наклоненной доски.

— Всем к «Циклону»! — выкрикнул Элдер.— Бросай оборудование! Стартовая готовность!

Освещенную фарами поверхность наледи пересекла, отделив десантников от «Казаранга», сабельно-кривая трещина. В поисках Рамона он повел лучом прожектора по краю террасы и обомлел: террасы не было — курилась струями снежной пыли обширная яма, с морскую бухту величиной, а из мутных глубин этой ямы невесомо всплывал, уходя верхушкой в черное небо, рог ледяного утеса...

— Командир! — крикнул он.— Джанелла исчез!!!

— Всем на «Циклон»! — яростно командовал Элдер, подталкивая десантников.— Меф, мы с тобой стартуем после «Циклона».

Потрясенный реакцией командира, он проводил взглядом длинные, уродливо деформированные тени Винезе, Нортона и Кизимова, прытко уползающие под зеленоватый свет фар и прожекторов «Циклона». «Как же так?! — думал он в совершенном ошеломлении.— Выходит, все они мгновенно примирились с гибелью Рамона? Или я чего-то не понимаю?..»

— Рамон! — позвал он без всякой надежды, сознавая уже, что чуда не произойдет и Джанелла не откликнется.

Серия ударов снизу. Впереди взлетел фонтан осколков льда, и сквозь эту сверкающую в луче прожектора россыпь было видно, как временный обелиск-рог над могилой Рамона внезапно разрушился и глыбы, странно меняя свои очертания в момент вспышек зеленых зарниц, отваливались и отплывали в стороны. Ледовая Плешь, быстро потемневшая и помутневшая от снежной пыли, ощетинилась султанами газовых и осколочных выбросов, айсбергоподобными громадинами выдавленных из трещин кусков наледей, кусками и плитами ледового панциря. Он смотрел, как обозримое пространство Ледовой Плеши быстро тонет во мгле, как все вокруг ломается, дыбится и крошится, чувствовал дрожь ступоходов, а потом почувствовал невесомость — несколько мгновений невесомости и удар — катер словно бы по собственной инициативе спрыгнул в глубокую яму и сильно ударился днищем.

Удар был страшный. Действительно, будто с размаху коленями в подбородок — искры из глаз...

Во рту было больно, горячо и солоно («Не натекло бы в маску, ч-черт!..»), губы и нижняя челюсть быстро немели. Он похолодел, когда, оглядевшись, не увидел прожекторов драккара. «Циклона» не было, люди спешили обратно, за их спинами жутко клубился зеленоватый «дым» в каньонообразном провале, и все вокруг сползало туда сплошным ледопадом. Он сразу понял, что «Казаранг» — единственное теперь средство спасения людей на взбесившемся Обероне, и до предела увеличил яркость прожекторов.

— Меф,— хрипло выкрикнул Элдер,— на тебя вся надежда!

Первым прыгнул в кабину Йонге. За ним — Симич. Кизимов ввалился в люк, держа под мышкой кого-то недвижного в оранжево-белом «Шизеку». Лорэ?.. Освобождая место для других, десантники опустили Лорэ в ложемент второго пилота. Чей-то голос предупредил: «Осторожней, у него переломы!» Кажется, голос Винезе. После Винезе в кабине стало тесно. Тяжелый удар сзади — машина опасно вскинула корму, но устояла. Очень опасно...

Он ждал. Пальцы застыли на рукоятках, изготовленных к действию в позиции старта. Краем глаза он видел, как Элдер отшвырнул Нортона к люку и десантным ремнем пристегнул себя к переднему ступоходу. Правильное решение. В кабину, пожалуй, мог бы втиснуться еще один человек, но не более...

Из-за клубов ледяной и снежной пыли, радужно сверкающей под светом прожекторов, видимость на озаряемом зелеными зарницами пятачке снизилась до нескольких десятков метров. За пределами отчетливой видимости угадывалось перемещение каких-то пугающе огромных масс, мимо катера медлительно перекатывались или проплывали на уровне блистера крупные глыбы, в шлемофоне сипело, хрипело, трещало, лед под ступоходами дрожал и лопался, и создавалось впечатление, будто машина все время куда-то проваливается. Он ждал. Слившись в одно целое с гашетками старта и форсажа, он чувствовал, что сила толчков нарастает, что ситуация осложняется с каждой секундой, следил за траекториями хода самых боль-

ших обломков и ждал. Наконец в разрывах снежно-дымчатой завесы показался Асеев с Михайловым на плече. Мелькнул в прыжке и пропал, а сквозь завесу выпер под луч прожектора белопенный горб кипящего вала!.. По нервам ударил крик Элдера:

— Нортон, назад!!!

Было видно, как Нортон, повинуясь приказу, остановился, и вал на лету рассыпался снежными шапками и лоскутами, застывая сугробами. Потом вынес на лед кого-то в белом скафандре — кого-то облепленного с головы до ног искрящимся инеем,— и когда этот кто-то знакомым жестом протер лицевое стекло и расчетливо уклонился от шального обломка, стало абсолютно ясно: зарождающийся водяной фонтан выпустил только Асеева. Одного, без Михайлова... Сквозь хрипы и треск голос Элдера:

— Николай, Дэвид, в люк! Быстрее!!!

Казалось, что удар расколол планетоид на части. «Казаранг» низко просел на корму. Оскальзываясь передними ступоходами, дергаясь и дрожа, машина делала попытки вырваться из ледяного капкана. Голос Асеева:

— Меф, сам видишь: больше никого не будет. Старт!

В кабину хлынули отсветы сине-фиолетового пламени — гашетки стартовой тяги вдавлены до упора. Парализованный ужасом, он чувствовал, что задние ступоходы заклинило намертво. Машина, вибрируя от напряжения, задрала нос, но не стронулась с места. Под днищем, заливая все вокруг нестерпимо ярким фиолетовым светом, пульсировал плазменный смерч, сзади буйствовал ураган лилового огня и пара, впереди закутанным в белое призраком-великаном набирал высоту столб фонтанирующей пены, над блистером едва ли не с плотностью чаек на птичьем базаре проносились стаи обломков и крупные глыбы. Все вокруг шевелилось, двигалось, прыгало, плыло, катилось.

— Отстрелить ступоходы! — громко рявкнул Асеев.— Старт!!!

Рука, сжимавшая рычаг отстрела, не подчинилась приказу. Убить Элдера, чтобы спасти остальных... Но если вон та вертлявая глыба успеет долбануть в блистер — всем крышка...

Не успела. На перехват выпрыгнула из люка фигура

в обындевелом скафандре — короткое «эк!..» совпало с рубиновой вспышкой разблокировки фиксации рычага и похожей на агонию судорогой отстрела. Тяжесть стартовой перегрузки, стянутая алыми буквами полоса транспаранта «Гермолюк закрыт», куда-то вниз провалилась озаряемая зелеными вспышками белая муть, и вдруг распахнулся простор звездно-черного неба. Горошина Солнца над запрокинутым горизонтом... Деревянные пальцы левой руки разжались, отпустили ненужный теперь красный рычаг, деревянно сомкнулись вокруг рукоятки управления катером. И что-то со зрением: зеленоватый серп Урана словно бы расслоился ледяными пластинками, оброс лучистой бахромой — перед глазами все стало мутным, нерезким.

— Эй, кто-нибудь!..— позвал он.— Вместо меня... Я не смогу причалить машину.

— Не будь идиотом,— тяжело дыша, сказал Лорэ.

— Мэф, ты намерен убить нас на финише? — полюбопытствовал Нортон.

Остальные молчали.

Он вспомнил про воздуходувку внутри гермошлема, включил. Облизнув разбитые губы, посмотрел с высоты на Ледовую Плешь. Кратера не было видно, всю центральную область ледяного диска затянуло дымчатой рябью. Издали похоже на овечью шерсть. Точнее, будто овца улеглась в огромное блюдо. Значит, вот как погиб «Леопард»... По сути, Ледовая Плешь — ловчая яма. Прорва, прикрытая слоем льда,— Бакулин был прав. Западня. Тигровая яма...

Потом, уже на орбите, когда ошеломленная команда рейдера обеспечила «Казарангу» радиус-ход в режиме зонального захвата и напряжение после маневра несколько спало, он с большим трудом взял себя в руки и понял, что надо делать. «Высажу всех — и обратно,— лихорадочно думал он.— Даже в этой каше можно... еще можно и нужно искать. И найти. Хотя бы одного найти... Не дадут резервный «Циклон» — угоню «Казаранг», никто не посмеет меня задержать».

Однако посмели. В вакуум-створе он дрался с Нортоном у открытого люка «Циклона», был бит и пленен. Вел себя глупо и агрессивно. Как будто на рейдере кто-то в чем-то был виноват. Потом он притих. Как только

почувствовал свою ненормальность — моментально притих. А когда перед ним впервые возник Жив-здоров — вообще поджал хвост. Мигом смекнул: Ледовая Плешь — это не просто тигровая яма, а западня с каким-то немыслимо изощренным механизмом клеймения упущенных жертв. В сильнейшей тревоге он пытался предугадать, в каком направлении развернутся события, когда «нормальная» часть корабельной команды подметит странности «заклейменных». В том, что это непременно приведет к расколу экипажа рейдера на два лагеря, можно было не сомневаться,— между ними, как минимум, встанет стена отчуждения. Да, как минимум. Ведь нет и не может быть никаких гарантий, что сила страха и отвращения «нормальных» по отношению к «заклейменным» не достигнет критической величины. Поэтому нет и не может быть твердой гарантии (особенно при таких обстоятельствах, да еще в неимоверной дали от родимой планеты!), что обыкновенные, нормальные люди, которых на борту гораздо больше, не вознамерятся очистить рейдер от экзотического меньшинства. Откроют вакуум-створ пошире и скажут: «Не нашего вы роду-племени, извольте выйти отсюда вон,— туда, откуда пришли». Как быть в таком случае? Сопротивляться? Сделай только одно движение — моментально и, главное, безжалостно перебьют, ведь у страха глаза велики. Тем более у страха, помноженного на отвращение. Апеллировать к чувству гуманности? Но ведь гуманизм — категория чисто человеческих отношений, и рассчитывать на него им, «нечистым», так сказать, по меньшей мере рискованно... Н-да, дело принимало оборот чрезвычайно опасный... Оставалась очень слабая надежда на апелляцию к рассудку «чистых». Но по логике ситуации именно рассудочность экипажа должна стать источником беспокойства за безопасность Земли! Причем в равной степени для лагеря «чистых» и для лагеря «нечистых»!..

Это была совершенно новая для него область размышлений на общечеловеческие темы, и на первых порах он был потрясен и растерян. Он был не в состоянии прийти к какому-либо определенному решению, и это вернуло ему ненавистное, а теперь вдобавок и тысячекратно усиленное ощущение собственной неполноценности, ущербности. Однако случилось то, чего он не ожидал: никто из экипажа

пристально к ним не приглядывался, никто не замечал на борту экзотических безобразий. Ну ни единого подозрительного взгляда! Сочувственных — сколько угодно, подозрительных — ни одного!.. Так и летели — тихо, мирно. «Чистые» относились к «нечистым» очень доброжелательно, сердечно и объясняли их настороженную замкнутость пережитым на Обероне, а «нечистые» приходили в себя, обретали твердость в ногах, отрабатывали методы охраны тайны своего уродства и жили по принципу «поживем — увидим». Казалось бы, настала пора вздохнуть свободнее. Он так и сделал. Но тут же поймал себя на том, что простосердечная беспечность экипажа неприятно его удивила. «А если бы действительно произошла подмена? — думал он.— Если б и на самом деле в составе человеческого экипажа летела к Земле группа нелюдей? Неизвестно, как на других кораблях, а вот на борту «Лунной радуги» нелюди почувствовали бы себя вполне непринужденно...» Впрочем, еще было рано судить о своей человеческой или нечеловеческой сущности. Надо было как следует присмотреться к самому себе, к новизне потрясающих свойств своего тела... «Поживем — увидим,— думал он, обливаясь по ночам холодным потом.— Поживем — увидим...»

...Осознав, что опять лежит на жестком полу, лицом — на розовом пузыре пневмокресла, Меф открыл глаза, шевельнулся и сел. В командной рубке никого уже не было. Гнетущая тяжесть в затылке прошла, общее состояние улучшилось, но сегодня это почему-то не радовало.

Сидя в пилот-ложементе, Меф долго смотрел на Япет — туда, где над чертой горизонта белесым волдырем вспухала верхушка Пятна. Размышлял, машинально потирая и массируя пальцы.

Собственно говоря, предаваться глубокомыслию не стоило. Думать ему уже не хотелось. И так все было ясно. Сколько мог, он всеми правдами и неправдами цеплялся за орбитальную базу. Его идея легально обосноваться на малолюдной орбитальной базе в Сатурн-системе шла прахом. Здесь обстановка складывалась так, что через сутки ни Жив-здоровам, ни ему самому на «Анарде» не поздоровится... Надо нырять в Черную Бороду, иного выхода нет. В покое его не оставят — это уж точно. Есть веские основания полагать, что МУКБОП его вычислил.

Он смотрел на Пятно и в последний раз взвешивал все «за» и «против». Впрочем, на чаше весов с надписью «против» был только Тобольский. «Но ведь Андрей все равно будет ползать вокруг Пятна до прихода «Виверры»,— думал Меф.— Я и «Анарда» Андрею совсем ни к чему. Считай, у него пуповина с «Анардой» оборвана: ни связи у нас, ни резервного катера. А на борту люггера — два превосходных драккара типа «Мистраль» и, как минимум, два десятка десантников-профессионалов. Да и «Байкал» в конце концов сюда приведут... В общем, сутки Андрей продержится запросто. А я за сутки смогу уйти далеко. Перехвата не будет — гарантия. Не на чем и, главное, незачем. Если бы «старый, выживший из ума капитан» направил свой танкер к Земле — переполоху было бы на все Внеземелье. В диаметрально противоположную сторону — двигай себе, валяй, катись, проваливай, никому ты не нужен, оберонский монстр...»

— Угон «кашалота» никого, кроме селенологов, особенно не расстроит,— вслух подумал Меф.— А функционеров службы космической безопасности, наверное, только обрадует... Не могу же я без жилища, без крыши над головой. Взамен этой пыльной развалины я оставляю людям всю Солнечную Систему.

Розовую, мерцающую муаровыми разводами рукоять Главного ключа для запуска маршевого двигателя он перевел в позицию «предстартовый разогрев стеллараторов».

Черная Борода... Барба Нэгра, Коул Бэйсмент, Погреб Дьявола, Зона Мрака... Ну что Барба Нэгра? Солнца он и здесь практически не видит. Маленький, тоненький ободок... А там, в обширных просторах самого края Системы, в Зоне Мрака, среди мириадов рыхлых, как пыль, заплутоновых астероидов ему неизменно будет сиять удивительно яркая звездочка.

ГАДАНИЕ ПО ЛИНИЯМ СПИНЫ

В первый раз, когда Андрей услышал *сверхвизг,* все внутри у него словно оборвалось, перевернулось, да так и застыло. Испуг был ледяной, тяжелый. Чувствуя на лице холодную испарину, он остановил «Казаранга» и долго вслушивался в тишину, от которой ломило в ушах

и висках. Он поймал себя на том, что несколько раз принимался постукивать в височно-теменную часть гермошлема; постукивание звучало глухо и ничего, кроме хорошо осознанного ощущения одиночества, не вызывало. Через двадцать минут визжащий скрежет повторился. Тот же эффект: леденящее потрясение. Андрей уставился в темную глубину щели между залитыми светом фар бугристыми поверхностями рассеченного надвое облакоподобного массива. Стиснув зубы, он выжидал, чтобы щель вернулась на место — заняла подобающее ей вертикальное положение,— и думал, что, если вся эта чертовщина будет дергать его за нервы не чаще трех раз в час, он спятит раньше, чем успеет привыкнуть к ней.

Начинался *сверхвизг* звуком унылого скрипа ржавых петель старинных садовых ворот, быстро переходил в омерзительный вой, от которого шевелились волосы под шлемофоном, и заканчивался визгом на такой высокой нестерпимо режущей ноте, что перехватывало дыхание. И ладно бы только это... Но из пяти секунд физического существования *сверхвизга* две последние сопровождало совершенно необъяснимое событие: казалось, будто драккар и скафандр внезапно распахивались настежь и на миг исчезали куда-то. А потом, едва лишь скафандр и драккар возвращались из странного небытия и наступала жуткая тишина, со зрением начинало происходить непонятное: нельзя было избавиться от впечатления, будто темнеющая впереди щель отклоняется то влево, то вправо. И отклоняется на десятки градусов. Самый натуральный бред... Раньше у него не было серьезных разногласий между сознанием и ощущением. А вот теперь есть. Пытаясь преодолеть пространственную иллюзию, он добился только того, что машина теперь представлялась ему перевернутой вверх днищем. Как на тренажере по отработке навыков пилотирования; но там хотя бы понимаешь, что происходит. Он вообразил, каково было бы здесь, в такой обстановке, нетренированному человеку. Губы под кислородной маской невольно тронула усмешка, когда он вообразил на своем месте Фролова. Он дорого дал бы за то, чтобы здесь, в ложементе второго пилота, сейчас был Фролов. Март Фролов, которого он ни разу в жизни не видел. Впрочем, Фролов, наверное, дал бы за это еще дороже.

Поглядывая на розовые, ежесекундно вспыхивающие алым огнем цифры таймера, Андрей просидел почти неподвижно около получаса. Он чувствовал себя очень легким. При длительной неподвижности инерционные силы бездействуют (нагрузки на мышцы, естественно, нет, веса практически тоже) и тело «забывает» о собственной массе. Он чувствовал себя легче мыльного пузыря. Выждав ровно тридцать минут, он решил, что выжидать дольше, по-видимому, не имеет смысла. Итак, вторая двадцатиминутка *сверхвизгом* не увенчалась, с иллюзорными переворотами в пространстве покончено, все успокоилось, утихло. Причин оставаться на месте не было. Он проверил индикацию системы управления катером с голоса, подал команду:

— КА-девять, шагом вперед.

Голос его прозвучал неузнаваемо, глухо — увяз, казалось, в плотных слоях тишины. «Казаранг» шевельнулся, дернулся и потопал, мерно раскачиваясь, вдоль цепочки ямок, зажатой между однообразно белесыми и однообразно бугристыми стенами. Наблюдая бесконечное отступление рыхлой границы теней в глубь неприятно узкого, тесного, прямого, как след от удара топором, ущелья, Андрей размышлял. Одолевало подозрение, что *сверхвизг* (или радиоакустический удар, если угодно) — это реакция гурм-феномена на попытку проникнуть в туман. Правда, прямых попыток шагнуть в кисельно-облачный вязкий коктейль не предпринималось, но вполне могло быть, что охранные силы загадочного колосса отреагировали сверхвизгами даже на попытки прозондировать туманную стену щупальцем манипулятора. Ведь пока он был озабочен только необходимостью пройти вдоль цепочки ямок как можно глубже и ничего здесь не трогал, машина успела беспрепятственно углубиться в ущелье на три километра. Однако стоило ему уверовать в стабильное однообразие окружающей обстановки и дважды ковырнуть на ходу правую стену манипулятором — получил в ответ две увесистые радиоакустические оплеухи... Свое подозрение он изложил дрожащему мотыльку индикатора звукозаписи. И, чертыхнувшись, добавил, что теперь, к сожалению, вынужден провести на себе дополнительный эксперимент.

Честь разведчика неумолимо требовала проверить до-

гадку экспериментом. Боясь раздумать, Андрей включил манипулятор и на ходу погрузил его гибкий, изогнутый крюком конец в кисельно-облачную, густую, на ощупь вязкую массу справа по борту.

Настолько быстрого ответа он, признаться, не ожидал: *сверхвизг* ударил по нервам через минуту... Ударил очень тяжело. Гораздо тяжелее, чем в прошлый раз, будь оно неладно!..

Едва опомнившись и уже не обращая внимания на пространственную иллюзию и не останавливая «Казаранг», Андрей метнул манипулятор в другую сторону — слева по борту. Металлизированное щупальце увязло в туманно-клейком веществе стены. «Слева то же самое,— подумал Андрей, втягивая манипулятор в корпус драккара.— Через минуту жди подзатыльника».

Но ждать пришлось дольше. Одна за другой истекали минуты — пять, шесть, семь, восемь,— и ничего особенного не происходило, «Казаранг» неторопливо продолжал свой путь. Андрей уж было приободрился. Уверовал, что левую стену можно щупать манипулятором безнаказанно. А на девятой минуте (вот оно!) заскрипели ржавые петли...

«С меня довольно,— решил он, выравнивая дыхание после радиоакустического удара.— Не-ет, довольно с меня, довольно!»

Он чувствовал, что его издерганным нервам позарез нужен отдых. Остановить бы машину на два-три часа, чтобы ни за чем не следить, ничего не ждать, ни о чем не думать. Хотя бы на час. Ну хотя бы на тридцать минут... Он не мог позволить себе остановить движение «Казаранга» ни на минуту. Ведь не ради собственного любопытства он сюда сунулся. Лично ему разглядывать Гору Тумана снаружи было куда интереснее, чем изнутри. Во всяком случае, предпочтительнее. Но как разведчик гурм-феномена он просто обязан идти вперед, пока позволяют обстоятельства. Ведь неизвестно, сколько времени просуществует расселина — единственный, очевидно, доступный машине лаз к сердцевине кисельно-туманной громадины,— вдруг стены слипнутся. Вообще говоря, если это произойдет, его положение станет опасным. Или скорее всего — безвыходным. Он старался об этом не думать.

Еще у входа в ущелье у него была мысль приподнять драккар па флаинг-моторах и не мешкая пронестись между стенами на доступное катеру расстояние — чтоб побыстрее назад. Но за кормой остались километры промеренной ступоходами цепочки ямок, а ему так и не захотелось использовать здесь флаинг-моторы. И хорошо, что не захотелось. Если этот кисельно-туманный «коктейль» очень нервно, болезненно реагирует на уколы манипулятора — трудно даже вообразить реакцию на удары плазменных струй. Довольно экспериментов. Нервозный «коктейль» позволил драккару шагать в неудобно узкой для такого визита расселине, позволил пройти внутри туманного чрева несколько километров, причем с оптимальной для здешнего тяготения скоростью («прытью осла») — и на том спасибо. За исключением *сверхвизга*, ничто пока не мешало двенадцатитонному «ослику» нормально топать вперед. Вот пусть и топает дальше. Хотя бы на тех же условиях. В чужом монастыре следует действовать, исходя из факта существования чужого устава...

— Временно,— вслух поправил себя Андрей, не в силах совладать с охватившим его чувством непримиримости к туманной громадине.

Это чувство придало ему бодрости. Он знал теперь, что ничего в нем нет от чужаков. По крайней мере, в голове. С головой все в порядке. Чужакам удалось окатить его зеркальной дрянью с головы до ног и даже, может быть, накачать блистающей мерзостью до бровей, но переделать в нем мысли и чувства на свой лад для каких-то своих инозвездных нужд им не удалось. И никогда не удастся. Если, конечно, верить в искренность адресованных чужакам проклятий Мефа Аганна...

Цепочка ямок-следов, как и созданная ею прямая расселина, вела все дальше по неровному, грязному, хрупкому льду километр за километром, взбираясь на бугры, ныряя в ложбины. Нескончаемое однообразие пунктирной тропы и теснота расселины действовали угнетающе. С этой тропы никуда не свернешь, хоть тресни. Впрочем, довольно с нее и того, что она вообще куда-то ведет.

«Казаранг» преодолел очередной подъем — внешний склон вала крупного кратера,— лучи передних фар вы-

светили в глубине темной щели какое-то серое пирамидальное сооружение... Ни дать ни взять сильно потрепанный палаточный домик бывалых туристов. Андрей обеспокоенно вгляделся. Ощупал странное препятствие лучом лидара. Наконец понял: это вершина центральной горки в довольно глубокой, залитой тенью кальдере. Впечатление необычности и даже некой искусственности открывшегося взору пейзажа проистекало лишь оттого, что, во-первых, верхушка горки очень точно совпадала с вертикально-осевой плоскостью ущелья, равноудаленной от обеих стен, а во-вторых, цепочка взбегающих на горку круглых следов сливалась в сплошную, хорошо видную издали черную полосу, и вершина казалась разрезанной по вертикали. Андрея неприятно удивила легкость, с какой возникла у него зрительно-ассоциативная параллель между ледоритовым пупырем и туристской палаткой. Ничего похожего. Скорее это похоже на пару одинаковых, симметрично сложенных серых клиньев, аккуратно вбитых в ущелье откуда-то снизу. Глаза пилота не имеют права ошибаться.

Он включил фотоблинкстер, высветил на обведенном синей окружностью участке карты южную точку (вход в ущелье), соединил ее голубой линией с центром Пятна. Голубая линия пересекла по диаметру только один кратер с центральной горкой — двухкилометровый кратер № 590. Прикинув на карте размеры спирально свернутой сердцевины гурм-феномена, Андрей перевел озабоченный взгляд на заметно подросший в сиянии фар конус препятствия, остановил машину. И отсюда видно: для ступоходов этот холм заледенелой грязи слишком крут.

Хочешь не хочешь, леший его побери, флаинг-моторы придется использовать...

Андрей медлил, разглядывая препятствие, оглаживая пальцами в перчатках гашетки обеих рукояток управления. Он ни в малой степени не сомневался, что перелет вдоль расселины даром ему не пройдет, что последствия даже короткого перелета долженствуют быть если не катастрофическими, в полном значении этого слова, то непременно серьезными и суровыми — к иным себя не готовил. Ах, чертов пупырь!..

— Выполняю флаинг-маневр,— сообщил он о своих намерениях.— Взлет над центральной горкой кратера но-

мер пятьсот девяносто, импульс для баллистического перелета по диаметру кратера, посадка на внешний склон северной стороны кольцевого вала. Маневр выполняю с подстраховочной программой автопосадки. Мало ли что... Думаю, первый изгиб пунктира круглых следов — то есть первый виток вокруг сердцевины гурм-феномена — доведется мне встретить вблизи от места посадки.

Стартовый рывок. Андрей сощурился: не успела уйти вниз темная полоса ледорита — резко, почти вдвое, возросла площадь участков стен, отражающих свет катера. Очень живо ему представилось, как в такой обстановке выглядит со стороны взлет «Казаранга». Будто вспорхнул испуганный фиолетовой молнией огромный, сверкающий разноцветьем огней мотылек с исполинскими, немыслимого размаха белыми крыльями...

Провожая взглядом уплывающую под брюхо катера вершину горки, Андрей заметил на грязной ее макушке искру холодного, острого блеска, однако большого значения этому не придал. Во время старта его удивило и обеспокоило внезапное онемение ног: от ступней оно быстро распространилось к бедрам. Он сразу понял: это прелюдия к каким-то более существенным неприятностям; должно быть, в отличие от наказания за шалости с манипулятором «счет» за флаинг-маневр предъявляется без задержки. Чувствуя, как неудержимо тускнеет и ускользает сознание, интуитивным движением рукоятки он успел прицельно бросить драккар к мутно-серому пятнышку отраженного света передних прожекторов (пятнышко-мишень, как подсказал лидар, находилось там, где щель оголила бугры кольцевого вала) и успел с надеждой подумать: «Сознание полностью здесь я еще не терял».

Действительно, и теперь сознание полностью не померкло. Скоро об этом пришлось пожалеть. Сразу после *выверта.* Пожалеешь, если внезапно, без всяких предупреждений какой-то фокусник-сумасброд выдергивает из-под тебя машину, одним махом вспарывает и выворачивает наизнанку скафандр, а тебя самого, беспомощного, совершенно очумелого, рывком швыряет в необъятный простор какого-то необыкновенного студенисто-глянцевого мира... А в этом мире, выколотив из твоей головы девять десятых остатка соображения и начисто перекрыв

тебе кислород, эстафету пыток перехватывают более жестокие сумасброды: тебя сжимают в комок, скручивают, растягивают на мегапарсеки, впрессовывают в точку и наконец взрывают. Разлетаясь мириадами блистающих осколков, твой взорванный мозг вдруг ни с того ни с сего вспоминает, что на Обероне лиловый скафандр Асеева перед гибелью командира стал белым... Последнее воспоминание. И вообще последний проблеск сознания. Дальше все тонет в смолисто-плотной мгле. Абсолютная тишина, абсолютная тьма. Абсолютное безвременье...

Пришел в себя — будто проснулся. Шевельнул ногами, руками. Довольно свободно, легко. С наслаждением потянулся. Приятная истома в мышцах. Ощущение безмятежности. Как после двух недель отпуска на Земле. Давно он не испытывал такого замечательного чувства. Думать ни о чем не хотелось. Смутно помнил, что его безжалостно истязали в какой-то непонятной студенисто-глянцевой среде... Вспоминать удушающий этот кошмар в деталях не стоило. Возможно, это даже опасно. Мозг, вероятно, не зря защищался забвением. Ох, не зря...

Андрей приоткрыл глаза, увидел расселину «вверх ногами», опять опустил тяжелые от приятного безразличия веки. Краешком сознания он чуял неладное и мысленно прощупывал себя. Нет, все как будто в порядке... Ну, если ему не хочется шевелиться, смотреть на эти раскачивающиеся белесые стены — что с того? Осточертели ему эти стены. Он подождет, когда они успокоятся, а за это время обдумает текст сообщения. Стены стенами, истома истомой, но от каторжной необходимости внятного изложения странных событий в устном докладе никуда ведь не денешься... Его размышлениям сильно мешало два обстоятельства. Первое: языком ворочать до того не хотелось, что он не знал, сумеет ли сейчас выдавить из себя хоть слово. Второе: он никакого понятия не имел о сути экзотического действа, участником которого только что был.

Андрей усилием воли буквально, что называется, вырвал себя, выдрал из полуидиотского состояния эйфории; открыл глаза, увеличил приток кислорода в дыхательную смесь (несколько глубоких, до боли в груди, вдохов). Шлепнул ладонями по подлокотникам. Это простейшее, чисто импульсивное действие произвело почему-то гораздо

больший эффект, чем все другое: остаток сонливого благодушия смыло волной тревоги. Быстрый обзор индикаторов — основные системы драккара в порядке. Взгляд вперед, затем — вниз, вверх. Вид расселины изменился. Автоматика выбрала для посадки изрытый мелкими ямками-кратерками участок почти совершенно черного ледорита, и расселина здесь шире. Черт с ней, с расселиной...

Все еще несколько ошалелый, но уже изрядно чем-то обеспокоенный («Чем же, дьявол побери, чем?!»), он взглянул на свое отражение в зеркале, прикоснулся к штативу с намерением изменить зеркальный угол обзора кабины, да так и обмер с поднятой рукой. Это было не его отражение!

Андрей инстинктивно сделал попытку вскочить — не пустили фиксаторы. Тот, в зеркале, продолжал сидеть неподвижно — руки покоились в желобах подлокотников, лица не видно — по стеклу гермошлема ползали и прыгали, радужно переливаясь, блики индикаторных огней. Не отрывая взгляда от зеркала, Андрей отстегивал защелки фиксаторов. Отстегнул, с трудом развернул корпус вправо и уставился на пришельца. Точнее — на появленца. Невесть откуда появившаяся в ложементе второго пилота фигура была в скафандре типа «Снегирь». «Десантник с «Виверры»?! — очумело подумал Андрей.— В корабельном скафандре?» От геккорингов до гермошлема «Снегирь» лоснился несвойственным ему глянцевым блеском.

Шевельнулось подозрение: «Может, это просто футляр без фигуры?»

По причине полной своей неподвижности скафандр-подкидыш выглядел необитаемым. А из-за странного блеска верхней теплоизоляционной оболочки — новым и совершенно чистым... «Стереоизображение,— вдруг догадался Андрей.— Сингуль-хроматические эффекты». Естественно, он не мог вообразить себе механику здешних «телевизитов», однако полная идентичность «Снегирей» в левом и правом пилот-ложементах утвердила его в подозрении, что разглядывает он все-таки свой собственный стереопортрет, каким-то образом (во время *выверта,* должно быть) возникший справа и стабильно там зафиксированный. «Здесь, видимо, это несложно,—

подумал он.— Явиться с телевизитом к самому себе — раз чихнуть».

Стереоизображение коленей было рядом — руку протянуть. Андрей протянул (на всякий случай) и со словами «Будем знакомы» ткнул в левое колено пальцами... Шутки в сторону: колено «стереопортрета» было твердым, а главное — красноречиво массивным! Шутки в сторону!

Появленец, словно его разбудили тычком, тяжело и как-то не совсем уверенно встал и в попытке выпрямиться стукнулся головой о блистер. Затем обогнул торчащую на мысе подлокотника рукоять управления, неуверенно шагнул в проход. Переливчато-глянцевитый рукав скафандра гостя-подкидыша промелькнул у лицевого стекла оцепенелого хозяина — перед глазами Андрея мелькнули овал нарукавных часов, квадраты указателей давления, ромб радиометра, перчатка и золоченый браслет-замок соединительного манжета. Он видел, как появленец, раскачиваясь, едва не падая, неуклюже сошел в твиндек и долго будто вслепую шарил возле крышки люка рукой. Когда открылся гермолюк, машина вздрогнула. И покачнулась, когда псевдодесантник выпрыгнул за борт.

Андрей смотрел в опустевший грузовой отсек. Едва к нему вернулась способность связно мыслить, он первым делом пожалел, что после *выверта* еще не обронил в копилку звукозаписи ни слова. Но чувствовал, что говорить сейчас не сможет — это было выше его сил. Он смотрел на светящийся контур открытого гермолюка и понимал, что должен заставить себя подняться. Он поднялся. Появленец не мог уйти далеко.

Затяжное падение на ледорит; Андрей окинул взглядом место посадки катера: цепочки круглых следов нигде не было видно. Расселина — насколько позволял это видеть свет фар «Казаранга» — перестала быть идеально прямым, неприятно зауженным коридором. Она перестала быть вообще. Вместо расселины — низкий, непривычно широкий и неровный, надо сказать, пролом в облаках; над головой — сплошное белесое марево, а впереди, там, куда достигал свет носового прожектора, достаточно стройно перемежались светлые и темные вертикальные полосы, и это выглядело как колоннада в тумане. Стена пролома справа по борту чем-то напоминала пышный, сильно из-

мятый полупрозрачный занавес, и кое-где сквозь неоднородный по плотности слой туманного флера просвечивали большие нежно-зеленые пятна. Как светящиеся лишайники. Фигура в оглянцованном «Снегире» ковыляла к стене наискось, держа курс на ближайший «лишайник»... Присев, Андрей быстро отключил геккоринги, прыгнул.

Кувыркаясь в пространстве, он осознал, что допустил в момент старта сразу несколько мускульно-силовых ошибок, и его всерьез обеспокоила перспектива с лету врезаться в пылающую оранжевыми катофотами спину умопомрачительного пешехода. Открыл было рот, чтобы крикнуть: «Поберегись!» — но врезался в ледорит, да так основательно, что снес верхушку пористого, темного бугра, похожего на кучу шлака, и, разворотив белое — неожиданно белое — нутро замаскированного под свалку шлака сугроба, включил геккоринги. Появленец даже не обернулся — по-прежнему целенаправленно ковылял к задрапированному полупрозрачным флером тумана «лишайнику». Андрей смахнул с лицевого стекла ледяную крошку, нагнал освещенную фарами «Казаранга» фигуру псевдодесантника. Серебристая надпись на крышке скафандрового люка «ЛУННАЯ РАДУГА» бросилась ему в глаза еще в кабине драккара; теперь, вблизи разглядев под плечевым катофотом индекс и корабельный номер скафандра, он невольно замедлил шаг. АН-12 ДКС № 1.

Точно такие же индекс и корабельный номер были под левым плечевым катофотом его собственного «Снегиря». Все было так, словно он осматривал тыльную сторону своего скафандра. Все, кроме названия корабля... Надпись на крышке люка его «Снегиря» другая: «АНАРДА». «Овеществленный, автономно действующий стереослепок с моего скафандра,— думал Андрей,— в сочетании с названием знаменитого рейдера... О чем это говорит?» Он чувствовал, говорит о многом, но пока это было за пределами его понимания. Единственная, хотя и очень слабая зацепка: прозрачный намек Аверьяна Копаева на реально существующий шанс встретиться с призраком во плоти. Это, если и не позволяло контролировать логику ситуации, то хотя бы помогало сохранить присутствие духа. Немаловажное обстоятельство. Особенно, если учесть, что сам по себе корабельный скафандр не двинется с места, вся

его кинематика — отражение силовых и логических качеств начинки. Здесь открывается широкий простор для догадок, домыслов. Слишком широкий. Лучше бы этот простор был у́же.

Скафандр с неведомым содержимым достиг подножия пышного «занавеса» и вдруг, ни секунды не медля, прямо с ходу, вытянув рукава с перчатками вперед, навалился кирасой на полупрозрачную стену и с заметным усилием медленно погрузился в туман. Не очень плотный в смысле оптической проницаемости туманный флер был, видимо, очень плотным и вязким в смысле физической проходимости — было видно, как фигура в скафандре постепенно продавливала себе дорогу в мутно-дымчатом слое, подобно угодившему в парафин куску нагретого металла.

«Гадание по линиям спины» не удалось. Андрей, подчинившись какому-то не совсем осознанному побуждению, вошел в туман следом. «Безумие! — навязчиво, как вспышки транспаранта при аварии, пульсировало в голове.— Безумие!»

Довольно быстро он понял, что продавливать инертно-вязкую среду легче в том направлении, куда продвигался размытый силуэт псевдодесантника. Загадочная субстанция уступала натиску неохотно, но все-таки уступала, а Андрей напирал на нее гермошлемом, руками и грудью изо всех сил, чтобы хоть немного повысить темп черепашьей «гонки за̀ лидером». В отличие от густого тумана в узкой расселине, слегка затуманенная стена пролома на вторжение — парное притом! — никак не реагировала. Разве что иногда метеорами пролетали мимо ослепительно-яркие искры. Странные, болезненно действующие на глаза искры. Невозможно было определить их цвет: то они казались желтыми, то синими, белыми, фиолетовыми... Всякими они казались в один и тот же момент, и это почему-то заставляло следить за ними, ловить взглядом, ждать.

Зыбкий силуэт «лидера» вдруг съежился и будто растаял на фоне зеленой зари — исчез. Продираясь... нет — продавливаясь к месту пластичного исчезновения «лидера», Андрей удвоил усилия и... вывалился из тумана.

В падении на ледорит (если плавный переворот через голову можно называть падением) он увидел, что его напарник по экзотическому переходу-продавливанию

лежал по диаметру кратеровидной ямы, проломив наст закраины. В положении вверх ногами Андрей успел оглядеть просторную полость среди живописного нагромождения кучевых облаков, мраморно-тяжелых, источающих нежно-зеленое свечение.

При здешнем мизерном тяготении быстро встать с продавленного ледорита даже с помощью геккорингов было непросто. Для появленца эта задача вылилась в исполненное драматизма действо, и Андрей со смешанным чувством испуга, жалости и уважения к мощи его конечностей наблюдал, как скрытый скафандром Некто буквально вспарывал вокруг себя ледорит и, разбрызгивая ледяное крошево, упрямо стремился принять характерную для гуманоида вертикальную позу. Наконец этот Некто по-человечески выпрямился, после чего, ни секунды не медля и не оглядываясь, поковылял дальше. Андрей шагнул следом. Остановился. И только теперь увидел цепочку круглых следов.

Он и раньше заприметил эту превосходно видную на темном ледорите глянцевито-зеленую, неравномерной ширины полосу, но только теперь догадался, что видит пунктир ямок (или отверстий?) в ледорите, через которые произошел самоизлив зеркального вещества на поверхность. Теперь он понял, какого рода была искра холодного блеска, замеченная им на вершине центральной горки... На удалении в несколько метров глянцевито-зеленая полоса очень напоминала «дорожку» разлитой по кратерочкам и буграм люминесцентной краски, но едва над этой «дорожкой» появленец занес ощетиненный геккорингами башмак — отражение тут же выдало зеркальную поверхность. «Мягкие зеркала,— догадался Андрей.— Виток спирали в центральной зоне гурм-феномена».

Перешагнуть отражавшую башмаки и свечение облаков полосу появленец не смог. Или не захотел. Судорожно разведя руки в стороны — как делает человек, которому надо войти в ледяную воду,— он вступил по колено в зеркальный «ручей»... И, когда завороженный странностью происходящего Андрей приблизился к месту событий, псевдодесантник в заблестевшем еще сильнее скафандре повернулся влево (словно для того, чтобы удобнее было взглянуть вдоль «ручья»), пошарил рукой

на правой стороне кирасы (словно нащупывал регуляторы теплообменного режима), да так и застыл, продолжая медленно погружаться...

У развороченной кратеровидной ямы Андрей перед тем, как войти в туман, оглянулся. Потрясенно подумал: «Мир праху твоему, кто бы ты ни был...» От фигуры в скафандре посредине «ручья» остался похожий на бюст, лоснящийся, постепенно оплывающий бугор. Андрей машинально стряхнул с рукавов налипшие ледяные крупинки и, ожидая встретить вязкое сопротивление, вошел в туман с вытянутыми вперед руками. Вязкости не было. Ни малейшего сопротивления... Темно... Перед глазами роились какие-то еле видные в темноте хлопья. Не заблудиться бы... Он включил наплечные фары. В лучах света хлопья летели густо — как при обильном снегопаде, но «снег» валил снизу вверх, и это вызывало правдоподобную, усугубленную слабым полем тяготения иллюзию: будто падаешь сквозь метель в затяжном парашютном прыжке.

И еще было такое впечатление, будто при каждом шаге что-то все время подталкивало в спину. Он оглянулся. И сделал открытие. Вязкость появлялась при малейшем движении вспять. Появлялась вязкость и появлялись метеоры ослепительных искр неопределенного цвета. Словно сквозь слепяще-яркую белизну просвечивала радужная подоснова.

Покончив с экспериментами, он посмотрел на часы, на индикатор кислородного давления и продолжил «полет» в «метель».

Внезапно «снегопад» иссяк. У Андрея сердце упало. Он сразу понял: толща «занавеса» пройдена. Впереди было темно и пусто. Он обернулся. Лучи наплечных фар мутными конусами освещали туман. Но даже это не мешало видеть сквозь туманный флер зеленое зарево. Чувствуя, как холодеет спина, Андрей огляделся вокруг. Ему и раньше казалось странным, что нигде не видно зарева прожекторов катера, однако это он относил на счет неизвестных оптических свойств туманного флера в сочетании с «метеорными» искрами и «метелью».

Голубоватое сияние наплечных фар скользило по темному ледориту слабыми отсветами, тонуло во мраке. О том, что он не заблудился, убедительно свидетельство-

вало яркое на темном фоне пятно фосфорически-белых внутренностей совсем недавно развороченного сугроба. При таких обстоятельствах оставалось только искать следы ступоходов машины. Андрей, оглушенный случившимся, почти бездумно, как во сне, перебрался через сугроб, снежная крупа которого, сыпучая прежде, успела, как ни странно, заледенеть. Свет фар вдруг выхватил из темноты невесомо парящую над ледоритовыми буграми продолговатую белую глыбу. Андрей не поверил глазам. Оцепенело вгляделся, проглотил что-то застрявшее в горле и медленно, словно боясь вспугнуть робкое привидение, стал подходить к обросшему инеем «Казарангу».

— КА-девять,— позвал он, пальцами прощупывая сквозь пушистый иней металл ступохода.— Контакт!

Где-то вдали вспыхнула и угасла зарница.

— Свет! — приказал Андрей.

Снова вспыхнула трепетная зарница — он даже не взглянул туда. Двинулся вдоль борта, щурясь, обеими руками сдирая иней с пояса оптических репликаторов, с лицевой поверхности фар. Можно подумать, на борту катера взорвался весь запас кислорода. На отживающих свой век машинах всегда приходится опасаться чего-нибудь подобного.

— КА-девять, открыть гермолюк!

В кабине инея не было.

Андрей зафиксировался в ложементе, оглядел остатки индикаторных огоньков. Кое-что понял. Воздушные и кислородные емкости на борту были целы, но ни воздуха, ни кислорода в них не было. Открыты все клапаны стравливания. Все, кроме одного. Андрей потянул на себя гибкий заправочный шланг, соединил разъемы и, перекачивая кислород из баллона НЗ в набедренный баллон скафандра, старался припомнить, через сколько часов с момента полного отсутствия команд человека логика и автоматика десантного катера самостоятельно переводит все бортовые системы в режим полуконсервации: спустя триста десять или спустя пятьсот девяносто? В любом случае это больше двенадцати суток. Он чувствовал такое острое желание выдрать из недр автоматики логические капсулы, что пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Заставил себя успокоиться.

Он подсчитал и точно знал теперь, что кислорода в

баллонах скафандра ему хватит на двадцать три с половиной часа. Плюс, как шутят десантники, «последнее желание» — восемнадцать минут кислородной поддержки при взрыве аварийного патрона. «Снегирь» не «Шизеку», в котором можно надеяться на аварийный анабиоз. Не «Витязь» и даже не «Селена». Ежели обстоятельства не позволят открыть гермошлем после взрыва патрона максимум через двадцать минут — «Снегирь» превращается в саркофаг.

КРАТЕР № 666

На расконсервацию катера и очистку блистера от инея с помощью манипулятора пришлось затратить около получаса. Занимаясь этой работой, Андрей оглядывал стиснутую со всех сторон мраморно-неподвижными облаками полость пролома и решал, как будет действовать дальше. Но прежде всего он высветил на таймерном табло обратного счета цифры верхнего предела возможности своего пребывания в скафандре: 23-00. Время «матча», проигрыш в котором совершенно тривиально равносилен смерти.

Он был почему-то уверен, что «Казаранг» пересек в полете первый виток пунктира круглых следов, а ему лично удалось добраться пешком до второго. Скорее всего драккар сейчас находится в промежуточной полости. По-видимому, вся сердцевина гурм-феномена состоит из межоблачных полостей, разных по размерам, форме и освещенности. Возможно, туманные перемычки-мембраны, сквозь которые просачивается сюда зеленое свечение, тоже варьируются по вязкости и толщине. Хорошо, если бы их толщина уменьшалась в направлении к центру. Или хотя бы не увеличивалась. Интересно, почему туман «мембраны» отличается от тумана стены? Почему при визуально наблюдаемой буквально «мраморной» неподвижности облаков вид этой полости заметно изменился за несколько минут, потраченных в «гонке за лидером»? Во всяком случае, вместо довольно стройного чередования вертикальных темных и светлых полос, которое сотворило иллюзию подернутой туманом колоннады, в глубине полости виднелось теперь нечто вроде горизонтально-щеле-

вых ниш или проходов под низко нависающими клубами кучевых облаков... Интерьеры гурм-феномена, похоже, склонны к скачкообразным изменениям.

— К изменениям у меня за спиной,— пробормотал Андрей. Встрепенулась и угасла зеленоватая зарница. Он покосился на индикатор звукозаписи, тихо присвистнул. Вместо крылышек сигнального мотылька дрожала красная точка. И здесь, значит, дело дошло до точки...

— Что ж,— проговорил Андрей,— значит, не будем тратить время на доклады. Тем более что гурм-феномен нервно реагирует на каждое мое слово.

Зарницы вспыхивали над горизонтально-щелевыми нишами — кучевые облака словно бы мгновенно раскалялись снизу и так же мгновенно остывали. «А мы туда не пойдем,— думал он, втягивая манипулятор в корпус.— Мы пойдем на «ручей» моего не вовремя погибшего напарника... Или вовремя?»

Нежно-зеленое зарево ширилось, надвигаясь с каждым шагом драккара. Там, куда били прямые лучи фар и прожекторов, мутной яркостью наливались белесые пятна. Флер... Наконец «Казаранг» коснулся туманной завесы — Андрей почувствовал, как напряглись металлизированные мускулы ступоходов, увяз корпус. «Пройдет,— с тревогой и надеждой думал он.— Должен пройти. Лишь бы не было чего-нибудь наподобие *выверта.* С меня довольно...»

Подобного *выверту* не было ничего. Просто был длительный, трудный для катера переход. Вернее — продавливание. Основное свойство туманной среды — ее вязкость — ощущались в кабине в той же мере, что и в забортном пространстве. Но, если не шевелиться в скафандре совсем, лобовое давление вязкой субстанции воспринималось просто как трехкратная перегрузка.

Лучистым фейерверком летели навстречу и во все стороны... нет, уже не искры — длинные и широкие (шириной с дорожный бордюр) рваные полосы неопределенного цвета. Глазам было больно смотреть, но зрелище, в общем, занятное... По мере продвижения драккара вперед радиант фейерверочной россыпи постепенно смещался кверху, и это создавало замечательную иллюзию скоростного взлета с набором высоты. Сначала под небольшим углом к горизонту, затем все круче и круче. Волей-неволей пришлось погасить фары: головокружительная ско-

рость взлета навстречу нежно-зеленой заре плохо вязалась с черепашьими темпами проползания черных трещин, темных морщин и бугров по нижним экранам — видеть это было невыносимо.

Иллюзорная высота росла, скорость тоже. И вдруг «катастрофическая остановка» на полном ходу — в блистер будто плеснуло зеленой краской. Приехали... Машина глубоко продавливала ступоходами ледорит, корпус вибрировал от напряжения, а окно в подсвеченную зеленым сиянием полость расширялось томительно-медленно. Андрей поймал себя на том, что и сам он весь напряжен до предела: мускулатура как дерево — мышцы свело от нелепого стремления помочь машине быстрее выдернуть корму из вязкой среды.

— Поднатужимся немножко:
Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать,—

продекламировал он, чуточку изменив знакомые с детства строки. Умолк, приглядываясь к светящимся облакам: какая будет реакция?

Никаких серьезных эффектов. Правда, по облакам пробежала волна искристого мерцания. Но пробежала — и все. Ничего больше... Не иначе, Пушкин гурм-феномену понравился.

Машина ухнула вниз, резко накренилась. Цепляя днищем край кратерной ямы, выбралась наверх, выпрямила ступоходы и пошла вперед своим обычным шагом. Андрей оглядел зеркальный «ручей» по всей длине полости: одинокий бугор, похожий на оплывший бюст, уже исчез — вся поверхность «ручья» из конца в конец была равномерно утыкана чем-то вроде зеркальных кеглей. На глаз расстояние между этими штуками как будто не превышало расстояния между ямками затопленного пунктира. «Здорово напоминает позвоночник!» — подумал Андрей. Перевел взгляд на нижние экраны. Слишком тонкий позвоночник для такого колосса, как гурм-феномен... Но истины ради: на тоненьком этом хребте здесь, очевидно, держится все...

Когда драккар беспрепятственно перешагнул подверженный «хребтовой» эволюции виток спирали, Андрей ощутил нерешительность. Что целесообразнее: направить машину вдоль витка или снова продавливать туманные

«мембраны»? Через «мембраны» путь намного короче... Не хотелось признаваться даже самому себе, что он боится *вывертов*, которые вполне вероятны на этом пути. Однако он их боялся.

Взгляд на часы — и нерешительность улетучилась моментально. Время — воздух!

Андрей оглядел кучевое нагромождение облаков перед блистером. Ничего похожего на «мембрану»... Он решил взять левее и повел «Казаранга» в обход громадного и на вид монолитного, как бугристый зеленоватый айсберг, облачного выступа. Обогнув выступ, драккар углубился под неровное брюхо тускло светящегося облака, нависшего над ледоритом так низко, что брало сомнение, соответствуют ли габариты машины высоте прохода (похоже, там был широкий, но низкий проход). Приходилось лавировать, чтобы чашами верхних лидаров не задеть потолочные выпуклости...

Это был не обособленный проход, а разветвленный лабиринт проходов (высоких и низких, широких и узких), и если бы не темная, вся в ямах, буграх и трещинах ледоритовая основа под ступоходами, здесь трудно было бы не утратить чувство реальности. Словно пробираешься в грозовых, зеленовато подсвеченных тлеющими электроразрядами и почему-то абсолютно неподвижных тучах. А вот и «мембрана»... На фоне уже привычной для глаза люминесценции несветящийся туманный флер выглядел тускло-серым, как старая запыленная паутина. «Ну, ни пуха ни пера»,— мысленно подбодрил себя Андрей и включил передние и бортовые фары.

Тот же метод продавливания, те же болезненные для глаз искры и рваные полосы, та же иллюзия взлета и перегрузки. Только не было нежно-зеленой зари. И еще новшество: безотносительно к иллюзии взлета, ледоритовая дорога вела на подъем. Драккар взбирался на кольцевой вал крупного кратера. Очевидно, полость расположена в воронке... Нехорошо. Лишняя потеря времени. Время — воздух.

На перевале, перед спуском в воронку, катер, высвобождая корму из тумана, дрожал и раскачивался — свет фар метался во мраке по облачным выступам двухъярусной полости. Андрей оторопело смотрел вперед: прямо по курсу многоцветно переливались тесно сгруппированные

в горизонтальную полосу вертикально растянутые (как в линейчатом спектре) огни: лиловые, изумрудные, голубые и — самые яркие — белые... Достаточно было остановить машину — огни прекратили свою переливчатую игру. Он вгляделся в застывшее многоцветье и понял наконец: слепяще-белые огни — отражение фар «Казаранга», цветные — бортовых светосигналов. Над отражающей полосой фосфоресцировали зеленоватые пятна «мембран».

Дно кратера было обезображено воронками более поздней метеоритной бомбардировки, пришлось направить машину левее, в обход — по уплотненному льду кольцевого вала. Отраженные огни соответственно двинулись влево. Но двинулись как-то странно, двумя проблесковыми группами: одна — чуть быстрее, другая — с небольшим отставанием. На подходе он понял, в чем дело: во мраке эффект двойного отсвечивания давал сравнительно близкие друг к другу параллельные или почти параллельные ряды зеркальных «кеглей».

И действительно, вскоре он достиг участка, где расстояние между витками небрежно брошенной на Япет пунктирной спирали не превышало длины катера. Феерическое, можно сказать, было зрелище. Иллюминация «Казаранга», раздробленная и тысячекратно отраженная двумя рядами блистающих кеглеобразных зеркал, живописно отсвечивала на неровностях облачных ярусов. Али-Бабе такая коллекция драгоценностей и не снилась... Впрочем, нельзя даже сравнивать это с какой-то коллекцией варварских драгоценностей. Это был храм. Изумительный храм, посвященный, должно быть, богине северного сияния... Интересно, кому этот храм посвящен на самом деле?

Когда драккар перешагивал зеркальные «позвоночники», Андрей, разглядывая на нижних экранах кеглеобразные «позвонки», вдруг заподозрил, что они от витка к витку подрастают. «Гурм-феномен, похоже, наращивает себе хребет»,— взял на заметку Андрей.

«Мембрана» с нежно-зеленой зарей. Полость с люминесцирующими облаками. «Мембрана», как старая паутина. Затемненный, но с феерическими отсветами храм. Снова «мембрана»...

Он не помнил, на каком по счету переходе догадался, что в центральной зоне гурм-феномена вдоль спирали

громадным коридором тянется одна и та же полость, геометрический вид отдельных участков которой зависит от того, насколько более или насколько менее эти участки придавлены скоплениями облаков и как освещены застывшими, будто замороженными в момент вспышки зарницами. Что навело его на эту догадку, он, пожалуй, не сумел бы внятно объяснить — это было нечто вроде наития. Словно бы внутренним зрением он внезапно постиг инфраструктуру туманного колосса. Однако ни внутреннее зрение, ни шестое чувство не помогли развеять недоумение: отчего это при переходе с витка на виток он встречает либо освещенные зеленым сиянием облака, либо не освещенные? Пройтись бы разок вдоль всего витка и узнать, да нельзя. Время — воздух. Путь один — напролом.

Нехорошо, когда не у кого одолжить литр сжиженного кислорода.

С витка на виток, с витка на виток... Как с волны на волну. Темень — свет, свет — темень; феерия зеркальных отражений — свечение облаков. С витка на виток... как с цветка на цветок. День-ночь — сутки прочь... А между прочим, сколько там на часах намигало, не пора ли поворачивать?.. Ой, пора, судари мои любезные, еще как пора... Это с одной стороны. А с другой, судари мои, как же поворачивать, если ничего еще не ясно? Прикажете двигать дальше? Но кому, в самом деле, нужен разведчик, который все выяснит и погибнет, не оставив даже устного сообщения? А есть, между прочим, ужасно хочется... И пить.

Язык как наждак. Дерущая сухость во рту. И между прочим, с ядовито-железистым привкусом, Аганн не солгал. Но сейчас это никаких эмоций не вызывало. Просто хотелось есть и пить.

Андрей все чаще поглядывал на часы. По ряду признаков до кратера номер шестьсот шестьдесят шесть оставалось около километра — поворачивать обратно за километр до цели было недопустимо. Тем более что оставшийся путь *туда* и *обратно* обещал быть легче: в направлении *туда* толщина «мембран» неизменно снижается, а в направлении *обратно* исчезнет их вязкость. Вдобавок автоматика помнит каждый метр обратной дороги — тоже солидная экономия времени-воздуха. Разу-

меется, всякое может случиться... Если непредвиденные обстоятельства не будут уж слишком неблагоприятными, может случиться и так, что кислорода хватит. Но любой «сложнячок» перечеркнет все — кислорода в обрез. Уйти отсюда на флаинг-моторах нечего и думать. Только ножками. Неторопливо так, покачиваясь, аккуратненько, топ-топ... Полцарства за литр кислорода! Хочешь — темное с огоньками, хочешь — нежно-зеленое, выбирай.

Подозрение, что «кегли» подрастают от витка к витку, перешло в уверенность. Не надо было обладать особой точностью глазомера, чтобы видеть: по высоте они превзошли метр. А диаметры их оснований увеличились настолько, что теперь они соприкасались боками — сплошной забор из «слипшихся» зеркальных столбиков, увенчанных отражающими свет «Казаранга» шарами. А если столбики вымахают там, ближе к центру, в столбы?..

Это его почему-то расстроило. Он поневоле стал размышлять над вопросами, задаваться которыми до окончания разведки не собирался. Осознав, что финал десанта непредсказуем, увы, он, опираясь на сумму полученных здесь впечатлений, попытался решить для себя: к какой из сущностных категорий следует отнести гурм-феномен как явление в целом?

Мысль о том, что гурм-феномен может представлять собой биологический объект, была отброшена сразу — на организм (или колонию организмов) это скопище облаков ни с какой стороны не похоже. Зеркальная субстанция прямого отношения к миру биообъектов тоже, видимо, не имела, но... мышь родила гору — Гору Тумана. Никаких сомнений — все дело в зеркальных каплях пунктирной спирали. Они способны запросто размягчить (без последствий!) металл, растворить (без остатка!) появленца вместе с его твердым на ощупь скафандром, изменить (всего-навсего!) природную сущность людей, походя посеребрив им рты зеркальным налетом. Наконец, способны испариться, как замороженная углекислота, или просочиться сквозь ледорит и снова выступить наружу в тысячекратно увеличенном объеме. На что еще способны «мягкие зеркала»?.. Нет, это не вещество! Никакое даже очень сложное вещество не может обладать столь богатым набором сногсшибательных свойств в сочетании с высокой степенью поведенческой свободы. «Мягкие зеркала» — это

всего лишь один из доступных наблюдению обликов *результата действия* какого-то экзотического, еще недоступного пониманию людей физического процесса... Вот, скажем, торнадо: в «мягком» цилиндре его зловеще-черного столба мало видеть смесь веществ воздушной среды и продуктов выветривания. Куда важнее знать о невидимом глазу: страшная сила смерча есть результат стихийных процессов в неспокойных глубинах энергонасыщенной атмосферы.

Разумеется, говорить о стихийном применительно к «мягким зеркалам» рано. Во-первых, нет решающих доказательств тому, что за десять лет никому из экзотов не довелось убедиться в обратном. Во-вторых, есть косвенное свидетельство тому, что земляне имеют дело с результатом нацеленного на Солнечную Систему технологического или, лучше сказать, техногенного воздействия откуда-то со стороны. Ведь нельзя просто так согласиться с двумя попаданиями — это уже подозрительно. Особенно если учесть, что второе попадание в Солнечную Систему произошло гораздо ближе к центру ее. Куда будет третье? В одну из лун Юпитера? И когда? Через десять лет? Раньше?

Первое попадание — утерян кусок Оберона: пять процентов массы, одна двадцатая часть планетоида. Теперь исчезнет пять процентов массы Япета. А может быть, и побольше... Что ни говори, однако это очень похоже на запрограммированное кем-то со стороны ограбление Дальнего Внеземелья. И вполне вероятно, с прицелом на Ближнее — прав Фролов, прав тысячу раз!..

Продавливая очередную «мембрану», Андрей угрюмо прикидывал, какими шансами располагает человечество в борьбе с луноедами. Другими словами — каким оружием... Он предвидел уже, что Земля будет вынуждена строить флотилии дорогостоящих сверхкрейсеров, вооруженных не менее дорогостоящими АМБА (апланатами магнитобезекторных аннигиляторов), кстати, пока существующих только в теоретических разработках, и сознавал, насколько затормозится мирное освоение Солнечной Системы. Но будет ли эффективным в борьбе с луноедами это оружие?.. Сомнительно. В борьбе с ними можно одну за другой уничтожить все свои луны и остаться с носом. Н-да...

С той поры, когда человечество осознало свою беду, наконец заметив, что почва у него под ногами превратилась в крышу общепланетарного оружейного склада, а небо над головой уже готово было стать куполом самого совершенного крематория — лазерного и аннигиляционного,— оно, человечество, осознав эту самую отчаянную свою беду, предпочло глобальной кремации глобальную демилитаризацию и привыкло решать мировые проблемы за «круглым столом». Насколько проще было бы усадить луноедов за «круглый стол» и воззвать к их инозвездной совести, инозвездному разуму. Однако никто инозвездных этих любителей поживиться чужим и в глаза не видел. Даже Аганн не видел, экзот с десятилетним стажем. Судя по ярости его, Аганна, проклятия, инозвездный разум и не пытался войти с ним, капитаном «Анарды», в контакт. Не лучше обстоят дела в этом смысле и здесь, в сердцевине гурм-феномена...

«Казаранг» продавил «мембрану» — Андрей сощурился. Очень светло. Обилие зеленого света. Впервые катер прошел из светлой полости опять же в светлую, без «промежуточной» темноты,— вероятно, центр близко. Интенсивность зеленого сияния облаков возросла здесь настолько, что Андрей невольно покосился на блики указателей радиации. Уровень ее подпрыгнул на порядок выше естественного фона. Пока ничего страшного.

На подходе к сплошному забору тесно прижатых друг к другу «головастых» зеркальных столбов Андрей внимательно огляделся. Облака здесь какие-то не такие... Во всяком случае, интерьер нижнего яруса приобрел несвойственное тяжелым облачным массам гурм-феномена некое подобие архитектурных форм. Сквозь огромные проемы и кружевные разрывы, которые не были затуманены флером «мембран», проглядывала смежная полость, угадывались несколько соседних полостей. А впрочем... это был, пожалуй, единый комплекс крупных «залов». Или даже секции одного грандиозного (центрального, должно быть) «сверхзала», кое-как отделенные друг от друга небрежно вылепленными из облачного материала и хаотически натыканными где придется кривыми арками, дымообразными столбами, чем-то вроде карикатурно распухших «падающих» башен с покосившимися контрфорсами и дугами аркбутанов. Основания «архитектурных» деталей на тем-

ном ледорите не расплывались «подошвой» (как это приличествовало бы облакоподобной субстанции), а уходили туда отвесно, как уходили бы в насыпи обугленного шлака причудливо-пузырчатые сваи из светящегося зеленым дымчатого стекла...

Андрей резко остановил машину, вгляделся в контуры зеркального ряда «столбов». Что за черт!

На расстоянии ему казалось, будто перед катером стоял тесно сомкнутый строй блестящих скафандров.

Ну-ка, поближе. Вплотную. Так и есть!.. На нижних экранах зеркально лоснились фигуры-близнецы высотой в человеческий рост, абсолютно точно повторяющие все топологические особенности скафандра «Снегирь». Собственно, это и есть «Снегири», изготовленные из необычного для «Снегирей» блестящего материала и все, как один, жестко сориентированные вдоль явственно уже обозначенного изгиба витка спирали. Совершенная одинаковость, многократное повторение одной и той же фигуры, дубляж... И позы дубль-фигур совпадали: правое плечо немного приподнято, левая рука отведена чуть в сторону. Ноги погружены в «ручей» по колено (выпуклости набедренных баллонов низко нависали над отражающей зеленый свет поверхностью). Поза тонущего появленца...

Впрочем, теперь наоборот — всплывающего?.. Раздумывать некогда.

Андрей заставил машину приподняться на всю длину ступоходов и осторожно перешагнуть монолитный ряд загадочных витязей в зеркальных доспехах. Чтобы не останавливать катер, высветил задний обзор на нижних экранах. Правые руки всех участников богатырской шеренги знакомо прижаты к груди — приблизительно там, где у «Снегирей» вмонтированы регуляторы теплообменного режима. «Одно зерно — и такой урожай!..» — подумал Андрей, оглядывая шеренгу.

Обогнув искривленный «контрфорс», драккар попетлял среди сталактито- и дымообразных «колонн». И когда, проникнув сквозь узкую арку, катер двинулся вдоль ребристо-выпуклой преграды, Андрей на первых секундах движения принял ее за очередной искривленный «контрфорс», наклонно уходящий кверху и вправо. Но это был очередной виток спирали... Сбило с толку, видимо, то, что

на светлых, «подкрашенных» зеленым сиянием «Снегирях» трехметрового роста почти нигде не было ртутно-зеркального блеска. Так, местами... Совсем небольшие пятна. Зато превосходно были видны все детали скафандров. Отлично видна даже часть надписи на крышках скафандровых люков: «ЛУН... РАД...» А главное — под золотистым катофотом на левом плече фиолетовые: АН-12 ДКС № 1...

Андрей взглянул поверх богатырских плеч, вздрогнул.

— Великое Внеземелье!..

Громадный светлый монумент, который он принял сначала за одну из дымообразных «башен», оказался «Снегирем»-исполином, высотой этак метров двадцать пять. Исполин замыкал собой конечный виток спирали. Вернее — возглавлял миллионофигурный строй...

Кое-как справившись с потрясением, Андрей повел «Казаранга» в обход последнего витка, не отрывая взгляда от исполинского гермошлема,— лицевое стекло (величиной с блистер катера!) отливало зелеными бликами. Он сразу заметил, что перед гермошлемом гиганта вертикально подвешен в пространстве какой-то странный стержневидный предмет. Узкий, длинный и глянцево-черный. Нечто вроде слишком маленького для сверхвеликана копья из черного стеклопластика.

По мере того как драккар огибал фронт множества чуть отведенных в сторону рук, блистающих катофотами, браслет-замками и металлизированными перчатками, а огибая, естественно, приближался к отмеченному фигурой гиганта центру спирали, Андрей все внимательнее всматривался в копьеобразный предмет. Недолго, впрочем, предмет сохранял строго копьеобразную форму: когда «Казаранг» взошел на бугор, откуда сверхвеликан был хорошо виден в профиль, в середине «копья» обнаружилось шаровидное вздутие... Потом центральная фигура заслонила «копье» с нанизанным на древко «черным апельсином», и, чтобы снова увидеть все это, надо было до конца обойти виток вдоль плотного строя постепенно набирающих рост гигантов.

Итак, в самой сердцевине гурм-феномена загадочное «черное веретено»...

Андрей почти не сомневался, что направление этой штуки совпадало с осью стреляющей скважины Горы

Тумана. «Гравитрон? — попытался он угадать функциональный смысл наделенного свойством невесомости «веретена».— Гибрид гравитрона и квантового генератора?..» Он оглядел облачный «потолок» и нигде не нашел и намека на вход в ствол «стреляющего колодца». Ну что ж, в конце концов эта штука могла быть чем угодно. Генератором облакоподобной массы, инкубатором «мягких зеркал», инициатором зеленого свечения. Но скорее всего она была чем-то таким, что соответствовало функциональному смыслу самой идеи сотворения и существования гурм-феномена. Скажем, «веретено» — это какой-нибудь экзотический конденсатор ворованного вещества...

«Впрочем,— размышлял Андрей,— конденсация вещества — полдела. По идее тотального космического грабежа у луноедов должен быть весьма оперативный и достаточно совершенный, экономичный способ переброски награбленного».

Земляне пока что могут вообразить себе только три пути возможной реализации импорта на межзвездных дистанциях.

Первый путь (использование традиционных для землян космотранспортных средств) отпадал сразу. Сверхнеэкономично. Второй путь (перевод материи из формы вещества в транспортабельную форму поля и обратно) отпадал не сразу, но тоже отпадал. Такими делами гораздо сподручнее заниматься вблизи дарового источника энергии — возле местного светила. То есть намного легче, проще и, наконец, удобнее было бы грабить Меркурий, нежели Оберон. О третьем пути (переброс вещества из одной планетной системы в другую посредством «гиперпространственной катапульты») можно судить лишь по источникам информации популяризаторского ранга. Но, пожалуй, полезно сравнить пропускные способности «ГП-катапульт» исследовательского ГП-комплекса «Зенит»-«Дипстар» и гурм-феномена. «Зенит» в одном сеансе транспозитации способен перебросить от Меркурия до Сатурна не более трехсот килограммов массы. Максимум — двух человек в легких скафандрах. А пропускная способность гурм-феномена — миллиарды тонн на дистанции, измеряемой, очевидно, парсеками. Шурх! — и Япет «похудел» на кубический километр... При всем при том залп из центральной скважины Горы Тумана был

слаб — даже катер против него устоял. Если это и есть залп «ГП-катапульты» гурм-феномена, то ее энергетическая мощь — вздох комара по сравнению с мощью «ГП-катапульты» «Зенита», для работы которой нужен океан энергии. Где логика?.. Логика хромала на все четыре ноги. Это с одной стороны. А с другой — кто даст гарантию, что людям уже известны все пространственно-временные закономерности? Никто не даст. Сотрудники группы Калантарова на «Зените» знают, сколько энергии надо для сеанса транспозитации на девять астрономических единиц, но никому из них не известно, сколько энергии требует гиперпространственный перенос на девять парсеков. Или на девяносто. Может, на этих дистанциях энергии залпа из скважины гурм-феномена более чем достаточно. А потом пройдет какое-то время — и вдруг обнаружится, что на дистанции в девятьсот девяносто девять парсеков вполне достаточно энергии карманного фонаря. Еще неизвестно, что обнаружится после достройки великого здания физики Вакуума...

Достигнув наконец места, где прямой ряд великорослых витязей пересекал границу кратера № 666, Андрей направил «Казаранг» вдоль кольцевого вала. Ему не хотелось соваться в кратер, дно которого выглядело необъяснимо светлым на фоне темного ледорита, да и особого смысла в этом, наверное, не было. Достаточно обойти четверть окружности вала — до точки, откуда фигура сверхвеликана станет видна в профиль. Другими словами — станет доступным обзору «черное веретено».

— Елки-горелки!..— вдруг вырвалось у Андрея.

Остановив «Казаранг», он вперил взгляд в «черную лилию». Он готов был клятвенно присягнуть, что в момент его невольного возгласа кисть отведенной чуть в сторону руки головной фигуры приопустила закованные в перчаточную броню пальцы, но это меньше его поразило, чем эволюция, происшедшая с «веретеном». Он чувствовал свою беспомощность. Второй раз за время «контактной» разведки Горы Тумана ему пришлось быть ничего не понимающим свидетелем эффектных метаморфоз во владениях гурм-феномена. Вместо сравнительно небольшого «веретена», которое он собирался увидеть, перед повернутым в профиль гигантом теперь красовалось нечто го-

раздо более крупное и очень похожее на силуэт стилизованной лилии.

Реакция рук словно бы опередила реакцию мозга: Андрей рывком развернул машину и погнал прочь от кратера.

Стоп! Дальше можно не гнать — с эволюцией черной лилиеобразной штуковины кое-что прояснилось. По крайней мере, теперь при помощи заднего обзора он воочию наблюдал, как это делается (правда, в обратном порядке): «черная лилия» съеживалась в «бутон», который довольно быстро преобразовывался в «копье с апельсином», или «веретено», затем — в просто «копье», без намека на «апельсин». Поехали обратно...

Андрей угрюмо взглянул на указатель кислородного обеспечения, еще раз проследил, как небольшое «веретено» разбухает в большой «бутон» и как из него распускается крупный лилиеобразный «цветок», подумал: «Какова будет ягода?» — перевалил через бугры кольцевого вала и, уже не раздумывая, направил «Казаранга» в кратер. В кратер № 666.

ПЛЕЧО ГИГАНТА

До фигуры «командира» самого многочисленного во Внеземелье отряда «космодесантников» было отсюда метров сорок. Не успел драккар сделать и десяти — Андрей почуял неладное. Создавалось заведомо ложное впечатление, будто спуск по внутреннему склону кольцевого вала на плоское и относительно ровное дно все еще продолжается. «Черная лилия» по ходу дела преобразовалась в огромное, заслонившее собой полмира «черное опахало», украшенное невиданно крупными кристаллами голубоватых топазов. Нижнюю часть безудержно распухающей рукояти «опахала» вдруг залила очень яркая белизна — предельно яркая (на этом участке даже сработала светозащитная автоматика блистера). Заинтригованный поразительной эволюцией черного дива, Андрей не сразу обратил внимание, как изменилась фигура «командира». Гигант стоял теперь в наклонном положении — как «падающая башня», и рост его по меньшей мере удвоился... С пространством что-то происходило. Но что именно —

невозможно было понять. И с полем тяготения что-то происходило. Оно слабело предательски незаметно, но тренированное чутье пилота улавливало перемену. Хотелось остановить драккар, не спеша обдумать ситуацию. Андрей закусил губу под маской. На указатель кислородного обеспечения он боялся даже смотреть.

«Спуск» в иллюзорный прогиб совершенно плоского дна кратера завершился выходом на подъем. Подъем не очень крутой и, похоже, не иллюзорный. Глянув далеко вперед — на «обьект восхождения», Андрей почувствовал, что голова пошла кругом, хотя в таком положении «падающую башню» можно было считать почти упавшей. Он не уловил, когда это произошло, но ступоходы «Казаранга» уже вышагивали по светлой поверхности титанического скафандра. Вдоль огромного, как цистерна, набедренного баллона, разрисованного цифрами и буквами (дата техконтроля, индекс, марка, техресурс). Цепляясь геккорингами за невидимые глазу неровности, «Казаранг» двигался под исполинской перчаткой. Это было не слишком приятно — слегка раздвинутые и немного согнутые над блистером пальцы выглядели удивительно живо. Рука гиганта казалась приподнятой специально для поимки драккара. Чего доброго — схватит и раздавит как жука...

Иллюзия восхождения исчезла после перехода по бедру вдоль огромной серебристой скобы. На обычных скафандрах эта скоба — деталь крепления запасных аккумуляторов. Режим работы шагающего механизма катера практически ничем не отличался от рабочего режима в условиях невесомости: очень похоже, как если бы катер шагал вдоль корпуса танкера класса «Анарды» где-нибудь на орбите. Да и размеры суперскафандра были сопоставимы с размерами дальнорейсового корабля, разница небольшая.

Андрей взял левее из-под гигантского рукава — решил дойти до фиолетового выступа над местным «горизонтом», чтобы взглянуть по ту сторону корпуса «командира», а уж после непременно и безотлагательно повернуть обратно. Он не сомневался, что овальный, пылающий яркой белизной по контуру выступ представляет собой огромную копию кольцевого держателя, впрессованного в нагрудно-боковой разъем скафандровых электро- и

пневмокоммуникаций. Наверное, так оно и было, но машину до выступа он не довел: посмотрел на облитый яростным голубовато-белым светом край рукава и понял, что заглядывать «по ту сторону» не стоит. Со световым потоком такой интенсивности автоматика блистера не справится. Свет из термоядерной топки автоматике блистера не по зубам. Из термоядерной или даже аннигиляционной... Он вспомнил о своих надеждах на слабую энерговооруженность гурм-феномена, и ему стало нехорошо. А «по эту сторону» ход «Казаранга» в направлении к плечу гиганта сопровождался довольно быстрой сменой зеленого сияния пылающе-голубым — сначала ошеломительно живописное смешение разноокрашенных участков, а затем и полная смена. Голубое сияние исходило от множества фонарей и фонариков, сгруппированных в основном в неровные кольца вокруг центра все еще расширяющегося «черного опахала». И чем ближе «Казаранг» подбирался к надписи на великаньем плече, тем больше прояснялась впереди какая-то грандиозная картина и упорядочивались на бархатно-черном фоне светоносные узоры, но... тщетно старался Андрей разобраться в конструктивной сути предмета невольных своих наблюдений: то ему казалось, что он видит перед собой декоративное изображение спиральной галактики (с неярким ядром и, напротив, с очень яркими рукавами), то представлялось, что его дразнят видом необычно иллюминированной голубыми фонарями люстры «Байкала» (вид со стороны хвостовой части безектора). Фонари светили прямо в лицо.

Драккар пересек огромную надпись АН-12 ДКС № 1, а затем и широкую, похожую на парковый ковротуар, стеклянно мерцающую полосу катофота. Округлый «холм» плеча постепенно изменил свой геометрический вид: над округлостью, как над игрушечным горизонтом, «взошел» прямоугольный выступ плечевой фары. Андрей остановил машину, открыл гермолюк. Осторожно подтянул днище катера вплотную к залитой голубым светом поверхности. Вышел наружу. Ступоходы торчали коленными шарнирами кверху, как ноги кузнечика.

Он почувствовал себя лилипутом на плече Гулливера. Ощущение не из приятных. Взглянул на вмонтированные

в рукава своего скафандра приборы, машинально отметил повышенный фон радиации, стал взбираться на плоский верх прямоугольного выступа. Отсюда «черное опахало» гляделось по-другому: оно переместилось кверху, опустило края куда-то глубоко вниз, естественно, передвинув все свое узорчато-фонарное хозяйство ближе к зениту.

Андрей и раньше уже догадался, что «опахало» — это просто большая дыра в облачном мире гурм-феномена, выход, распахнутый в космос, и сейчас он ясно чувствовал, что догадка верна. Он был взволнован, но что-то сдерживало его радость. «Слишком много здесь этих чертовых фонарей»,— думал он, на ходу подготавливая для работы вынутую из фотоблинкстера коробку видеомонитора. Мышеловок на птичьих базарах, конечно, не расставляют, но это все же лучше, чем ничего. А вдруг даже такая видеофиксация «фонарно-галактической люстры» сможет хоть что-нибудь подсказать вечно страдающим от недостатка информации специалистам.

Андрей повел видеомонитором снизу вверх и слева направо. С интересом оглядывая громадный, как утес, гермошлем великана, обведенный по контору каймой белого нестерпимо яркого света, он сделал шаг вперед, и в этот момент его собственный гермошлем потрясло взрывом.

Ошеломленный, почти контуженный, обхватив гермошлем руками, он неосознанно потоптался на месте. Он так привык к глубокой тишине, нарушаемой только шелестом дыхания да поскрипыванием сочленений скафандра, что внезапно хлынувшая в неизвестно почему оживший шлемофон лавина радиозвуков оглушила точно взрывом. Понадобилась минута, чтобы преодолеть болезненную реакцию слуха и быть в состоянии выхватывать из звукового хаоса отдельные ноты.

Он быстро пришел в себя, успокоился. Многие «ноты» были хорошо знакомы. Во всяком случае, хоровой стрекот многомиллиардной армии «цикад» был не внове. Из хаотического нагромождения очень разнообразных и разнохарактерных созвучий при некотором усилии можно было выделить более узкие и ассоциативно более понятные акустические «пакеты». Не составляло труда выделить

«щебет» (ссорятся воробьи), глухой «рев» и нетерпеливый «рык» (прайд голодных львов атакует буйволов), на несколько секунд перекрывший даже хоры «цикад» громоподобный «всплеск» (опрокинулся айсберг), перестук «деревянных колоколов» (крик тропических лягушек), дремотное «жужжание» (летний полдень, пасека, улей), однотональные и вибрирующие свисты...

Вдобавок обострившийся слух явно дал толчок обострению зрения: словно бы пелена слетела с глаз, и он наконец разглядел в деталях у себя над головой узорчато-фонарное сооружение — УФС (по пилотской привычке он сразу сократил название этой штуки до трех букв). Но легче было выдумать для нее сотни новых названий, зарифмовать их, запомнить и пропеть на два голоса, чем осознать и смириться с мыслью, что ничего поразительнее УФС, а главное — ничего грандиознее он никогда не видел. Ничего грандиознее земная цивилизация пока не производила.

Что можно противопоставить УФ-сооружению? Все города Земли и города Внеземелья, все плотины, башни, мосты. Все космотехнические объекты, весь космофлот. И будет ли довольно этого — кто знает...

В основе конструкции УФС была не слишком правильная спираль. Начиналась спираль где-то так далеко, что невозможно было с уверенностью сказать, какую поверхность обрисовывают ее витки — цилиндрическую или коническую. Совершенно неправдоподобное, невероятное, неизвестно как и неизвестно кем ограненное где-то в космических глубинах спиральное сооружение сверхпланетарного масштаба настолько щедро отражало солнечные лучи, что на бархатно-черном фоне окружающего пространства не было видно звезд. Кроме одной. Кроме той, лучи которой отражало УФС и которую для удобства приходилось называть местным солнцем.

Кстати сказать, было заметно: кайма белого, нестерпимо яркого света на гермошлеме суперскафандра стала и шире и ярче. Андрей отступил от линии верхне-переднего среза рефлекторной стороны фары. На всякий случай. Как и каждый пилот-профессионал, он хорошо знал, что это такое — взглянуть на солнце в открытом пространстве плохо защищенными глазами. Тем более на бело-голубое... Его опасения подтвердились: сверху и сле-

ва будто хлыстом ударил по глазам отраженный (он сразу понял это) голубой луч — спасибо, мгновенно сработала светозащитная автоматика лицевого стекла. Он прикрылся рукой и посмотрел в том направлении из-под ладони. Рядом, буквально метрах в пяти от его собственного плеча, в голубой тени, которую давала голова-«утес», медленно поворачивался вокруг своей... диагональной, что ли, оси какой-то странный сине-зелено-черный предмет не крупнее «Казаранга». Или обломок предмета?.. Трудно сказать, что это такое. Больше всего эта штука напоминала бутерброд. Между двумя неровными, плохо выпеченными «галетами» с бугристой, темно-синей (словно окалина на металле) поверхностью переливался голубыми и зелеными бликами довольно толстый слой чего-то, очень похожего на ртуть. Зеркальная субстанция, по-видимому, играла роль если и не продолжения внутренней поверхности «галет», то клейко их соединяющего состава. Это видно и по вогнутому со всех сторон мениску слоя, и по тому, что «галеты» не слишком-то четко соблюдали ориентацию в пространстве относительно друг друга. Некоторый пространственный люфт у них определенно был. Даже во время медленного вращения было заметно, как «галеты» колыхались на зеркальной «подушке», сдавливали ее или растягивали. Догадайся попробуй, что это такое. Машина? Деталь машины? Осколок? Форма инозвездной жизни? Существо? В скафандре? Без скафандра? Разумное? Примитивное?

Андрей вскинул руку (с болтающимся на цепочке видеомонитором, про который он позабыл), крикнул:

— Эй, ты!

«Бутерброд» мгновенно перестал вращаться, замер. «Интересно,— удивился Андрей,— как эта штука сумела зафиксировать себя в пространстве?» Однако вслед за резкой остановкой вращения «бутерброд» продемонстрировал еще более удивительный кинематический трюк: верхняя «галета» сорвалась с места и моментально отпрыгнула далеко вперед, вытянув зеркальный слой в сверкающую ленту. Доля секунды покоя — и нижняя «галета», блеснув «обожженной» поверхностью, повторила прыжок напарницы. При этом сверкающая «лента» стремительно сократилась, словно резиновый жгут, втянулась в прежний объем зеркального слоя — отскочивший

метров на сто пятьдесят «бутерброд» вернул себе первозданный облик. Никакого намека на реактивный способ передвижения... В компактном виде «бутерброд» нетопливо поплыл по дуге, намереваясь, вероятно, присоединиться к большой группе подобных ему особей.

Андрей схватился за видеомонитор. Честно говоря, ему было не по себе, когда эта штука висела рядом, и теперь он был рад, что она убралась. Если представители инозвездной формы жизни пугливы — это кстати.

«Эй ты! — звонким эхом прозвучало в шлемофоне. — Эй ты!..»

Андрей с сожалением посмотрел вслед уплывающему «бутерброду».

«Эйты-эйты-эйты!..» — скороговоркой прозвучало в шлемофоне, и компания бутербродообразных особей (числом, наверное, в несколько тысяч) на мгновение превратилась в ярко и остро сверкнувший веер серебряных стрел.

Это действо напомнило что-то до боли знакомое... Ах, да! Ну конечно! Так прыскает в разные стороны испуганная на мелководье стайка рыбешек-мальков... Чего или кого пугаются эти стаи? Своих разговорчивых собратьев?

Пока он вытряхивал утопленную в корпус видеомонитора черную бленду, трое «мальков» (уже в компактном виде добропорядочных «бутербродов») вошли в тень головы-«утеса» и зафиксировались тут ступеньками неподвижной лесенки. Каждый из «мальков» вдвое превосходил размерами первого посетителя. Занятый видеозаписью, Андрей не сразу заметил прибытие еще одного визитера. А когда заметил — взмахнул руками и громким голосом с пугающими интонациями закричал:

— Эй, ты!!!

Ни громкий голос, ни пугающие интонации действия не возымели: огромный «бутербродище» с темными многоугольниками вместо «галет» (это делало его похожим на обкусанный со всех сторон кусок пригорелого пирога) продолжал сближение с прежней скоростью, да еще покачиваясь на ходу. Андрей ввел поправку:

— Эй, вы!..

Реакция была мгновенной: три серебряные стрелы

прошили пространство слева, исчезли где-то за спиной. А «бутербродище» выметнул, казалось, на полмира исполинскую перламутровую полосу. Выметнул и так же резво убрал. А когда убрал, то на таком удалении выглядел уже просто синеватой точкой.

«Эйвы-эйвы-эйвы-эйвы! — донесло эхо. И еще быстрее, захлебываясь, более высоким тоном: — Эйвы-эйвы-эйвы!»

— Молодцы,— похвалил несколько ошеломленный стремительным разворотом событий Андрей.— Нарекаю вас эйвами! Отныне и на века.

«Эйвами-эйвами-эйвами!..— прозвучало в ответ.— ...Века-века-века-века...»

В черных глубинах космического океана то и дело выблескивали беспорядочными фейерверками пугливые стайки «мальков».

— С чего это вы такие переполошенные?..— вслух подумал Андрей. А про себя подумал: «Совсем чужой этот мир, елки-горелки. Абсолютно не наше пространство».

«Такие-такие-такие...» — затоковало пространство.

Где-то близко с громоподобными всплесками один за другим опрокинулись сразу четыре айсберга. После этого кто-то пробормотал:

— Вышла из мрака младая... с перстами пурпурными Эос!..

Андрей узнал свой голос, но собственные интонации почему-то ему не понравились. Примолк и словно бы насторожился густо населенный болтливый мир.

— Что за стрекот там у тебя? — спросил голос Мефа Аганна.— Откуда помехи?

Копии слов звучали внятно, вполне узнаваемо, а вот вопросительная интонация была неестественно вялой, тусклой, безжизненной. «Как с того света,— подумал Андрей.— Убираться надо отсюда подобру-поздорову...»

Отступая, он старался охватить объективом всю видимую сферокартину. Он надеялся, что, может быть, какие-то участки ее удастся зафиксировать. На это оставалось только надеяться. Даже в тени исполинской фигуры было светло от зарева короны бело-голубого (а значит, высокотемпературного) местного светила. Само светило находилось где-то там, далеко внизу, а ослепительно белая

бахрома его короны виднелась чуть ли не на уровне маски великаньего гермошлема. Плюс очень яркие блики сверху. Оставалось надеяться, что одно из важнейших слагаемых успеха затеянной здесь видеозаписи — слабенькая светозащита объектива бытового видеомонитора — не подведет хотя бы в некоторых ракурсах.

Понимая, что такая возможность может больше и не представиться, Андрей на подходе к драккару продолжал ловить объективом все, на чем задерживался взгляд. Случайно подняв глаза, он заметил на большом расстоянии сверкание колоссальной стаи «мальков». Эйвы стремительно расплывались, однако не веером, а во все стороны. Вкруговую. Подобно тому, как дети изображают на рисунках лучи солнца. Что-то новое... Среди удирающих было много перламутровых полос. Но самая крупная, самая яркая полоса неподвижно «дымилась» (другое слово трудно здесь подобрать) в центре всеобщего кругового бегства. Вглядываясь до боли в глазах, он вдруг понял, что это блистающий край какого-то большого объекта, слепленного из множества эйвов, собранных в одно место. «Дым» состоял из серебристой «пыли», а каждая пылинка — это, несомненно, эйв. Тысячи эйвов спешили слиться со строителями объекта, а миллионы других по непонятной причине только что пустились наутек. «Странные закономерности чуждого мира»,— подумал Андрей, остановился и уже по-другому взглянул на пылающие голубыми отблесками-«фонарями» прямоугольные выросты... Мириады эйвов? Спиралевидное их скопище? И ничего, кроме эйвов? Он отвернулся. Тоскливо подумал, что, если посредством этой примитивной видеозаписи удастся передать хотя бы десятую долю здешних образов и впечатлений, давнишняя романтическая мечта человечества о межзвездных контактах легко может перевоплотиться в неприглядную свою противоположность. Если, конечно, удастся... Он обреченно взглянул на часы. Попробовал задержать дыхание. Торопливо поковылял к драккару. Ощутив в груди спазм удушья, не выдержал — с жадностью отдышался. Подумал: «Где же обещанная Аверьяном способность долго обходиться без дыхания? Или я еще не вполне созревший экзот?» Цифры на часах бесстрастно свидетельствовали: не дышал он ровно две с половиной минуты. Совсем

никакое это не достижение. И скоро придется жалеть, что экзотическая зрелость опоздала... По забывчивости он тоскливо, но глубоко, полной грудью вздохнул. Совершенно неэкономно. Слопал по меньшей мере двухминутный запас кислорода.

Пузырь блистера уже «взошел» над выпуклостью игрушечного «горизонта», когда Андрей вдруг обратил внимание, что звук непростительно мощного вздоха словно бы застрял в ушах — ни туда и ни сюда. Мало того — стал нарастать, забивая другие шумы. Что-то вроде нескончаемо-тоскливого шороха, треска и грозного гула стронувшейся лавины. Звуковую картину усложнило тревожное фырканье табуна лошадей. Гул, фырканье, ржание, топот... В полном, очевидно, соответствии с возникновением лавинно-табунных этих созвучий выскользнула из-за «горизонта» и потянулась над блистером вправо колоссальная стая «компактных» эйвов. Летели они быстро, довольно плотным, сверкающим в лучах своего яростного светила косяком, и не было им конца, и гигантская, прямо-таки неестественно голубая тень фигуры сверхвеликана, дрожа, проваливаясь куда-то и опять поднимаясь, эффектно вырисовывалась на мозаичных скоплениях участников грандиозного стайного перелета. В этой стае склонность одиночных эйвов к слипанию в плоские, как отколовшиеся льдины, образования была очевидной. Иногда, впрочем, в потоке «льдин» заведомо случайной геометрической формы вдруг проносилась, блистая зеркальными срезами, длинная, идеально прямоугольная «платформа». На пути к машине Андрей был вынужден снова пустить в ход видеомонитор: он надеялся, что успел поймать в объектив мелькнувшую среди «льдин» огромную скобу для крепления запасных аккумуляторов...

— КА-девять,— прозвучало в шлемофоне.— Контакт.

Катер выпрямил ступоходы, неуверенно потоптался на месте, мигая светосигналами. «О, черт!» — изумился Андрей. Рявкнул:

— Стоп!!!

Стоп! — спокойно продублировал шлемофон. Машина замерла.

В спешке Андрей переставлял ноги без «притирки» геккорингов, и был момент, когда его крутнуло на одном

каблуке и едва не сорвало с плеча исполина — пришлось бы долго летать. Улететь в «Снегире» не проблема, вернуться сложнее.

— Подними передние ступоходы,— спокойно, властно произнес знакомый голос.

Андрей на несколько мгновений онемел: «Казаранг» пошевелил лидарами и действительно поднял передние ступоходы. Корпус драккара опасно раскачивался над зеленой пропастью, охваченной пылающе-изумрудным кольцом облаков; тело сверхвеликана торчало из пропасти, как половина танкера на выходе из наливного тоннеля какого-нибудь аванпорта. Мельком взглянув на обросшие ледяными окатышами геккоринги поднятых ступоходов, Андрей почти не дыша скомандовал:

— Опусти.

— Хорошо, опусти,— снисходительно позволил голос.

Ухватившись за нижний край гермолюка, Андрей пружинным броском швырнул свои без малого четверть тонны в твиндек. После удара об отжатые к борту грузовые фиксаторы, интуитивно почувствовал, что машина стронулась с места. Обернуться мешали мизерная сила тяжести и схваченное чем-то запястье левой руки — он не глядя оборвал это что-то и, пробираясь к ложементу, видел смену картин переднего обзора: то фонари УФС впереди, то сверкание косяка, то пылающе-изумрудная окантовка провала; машина медленно, точно корова на льду, поворачивалась, скользя на разведенных в сторону ступоходах. То, чего он боялся: геккоринги практически перестали держать. «Черт с ними»,— подумал он, соображая, как при таких условиях не упустить из-под контроля движение «Казаранга». Машина очень кстати скользила в направлении к зеленой пропасти, домой, но скользила слишком нерасторопно. Он выровнял ее по курсу тремя микроимпульсами, закрыл гермолюк и в нарушение всех инструкций, не убрав геккорингов, увеличил скорость скольжения. Геккорингам, конечно, крышка. «Черт с ними»,— еще раз подумал он. Ему до того надоело это мерное вышагивание на металлических костылях, что при всем драматизме своего положения он был рад, что теперь, кроме как на флаинг-моторы, и надеяться не на что. Если ему суждено здесь погибнуть, он

по-пилотски умрет на лету... Правда, переходить на флаинг-режим и умирать на лету он не спешил. Оттягивал до последнего. Главное — выбраться из чужого пространства. Хоть на карачках. Погибать в чужом пространстве он не был согласен ни на каких условиях.

— Ты доволен? — внезапно спросил голос Мефа.

— Чем? — полюбопытствовал его собственный голос.

— Ну, в общем... Его поведением.

— ...И если летные качества будут не хуже...

«Вот именно»,— подумалось ему. К попугаечной болтовне чужого радиоэфира он почти не прислушивался: все внимание — движению катера. Машина вдвое быстрее, чем это у нее получалось в режиме ходьбы, скользила вдоль кромки суперскафандрового суперлюка (словно вместо геккорингов на ступоходах были лыжи или коньки), а ему хотелось еще быстрее — не терпелось достигнуть хотя бы уровня пылающе-изумрудного облачного кольца. Существовала ли на самом деле четкая граница между двумя мирами, он не знал, но визуально впечатление такой границы создавало кольцо облаков. Казалось, что ниже этого уровня стрекот и болтовня чужого пространства должны мгновенно умолкнуть. Ничего подобного.

— Зара, Бара, бзыс бой! — на разные голоса продолжало орать пространство.— К чему маневры?! Чему-чему-чему-чему... Прикрой тылы, следи за флангами, а я беру на себя фронтальный прорыв! Шедевры надо создавать шедевры!

СНЕЖНАЯ РОЗА

Скорость скольжения росла; теперь на разгон «Казаранга», несомненно, влияло поле тяготения Япета. Драккар нырнул в зеленый полусумрак под руку сверхвеликана. Пора тормозить. Андрей, испытывая нехорошее предчувствие, осторожно стал выдвигать подпяточные когти на ступоходах. Так и есть: скорость машины резко возросла. Вдобавок он ощутил нарастающий крен и понял, что левая пара ступоходов потеряла контакт с поверхностью скольжения. На секунду он растерялся: никаких,

даже курсантских навыков рационального торможения трением у него не было.

— Капелька тщеславия тебе, я уверена, не повредит,— заявило пространство.— ...Ит-ит-ит-ит-ит...

Машина, внезапно задрав корму, уже входила в переворот через нос, когда Андрей ввиду явной бесполезности любого иного своего противодействия решился на плазменный выстрел. Шпаги фиолетовых молний сверкнули над головой, вперед ушло фиолетовое копье, и последнее, что он отчетливо видел перед тем, как машину крутнуло волчком, был надвигающийся разрисованный буквами и цифрами бок набедренного супербаллона-цистерны, объятый бледно-лиловым пламенем. Андрей пытался угадать, куда последует удар. Ожидал слева. Но удар пришелся в правый борт. Очень тяжелый удар. Катер остановился.

— Ну почему ты у меня такой обыкновенный?..— горестно вопросило пространство.— ...Ный-ный-ный-ный-ный...

Потирая то место на гермошлеме, под которым определенно будет шишка или синяк, Андрей разглядывал замутненный зелеными струйками пара бок супербаллона, дымящуюся (очевидно, именно сюда угодила струя плазмы) воронку великаньего заправочного устройства. Кольцевой держатель для заправочного шланга был с одной стороны расплющен ударом, предохранительный колпак сорван, но торчащая из воронки игла инжектора уцелела. Андрей перевел взгляд на указатель кислородного обеспечения, на цифры таймера, и ему стало ясно, что он ошибся в подсчетах более чем на полчаса. Уже скоро завоет микросирена... Подняв голову, он обвел глазами знакомый облачный интерьер (в секторе от верхушки супербаллона до распростертой ладони сверхвеликана), и его почти не удивила довольно быстрая перемена характера свечения: нежная зелень уступала место мрачной мертвенно-синюшной краске. Он нисколько не сомневался, что неприятная перемена — результат действия плазменных выстрелов. Гурм-феномен ужасно не любит, когда его беспокоят. И самый нестерпимый для него вид беспокойства — удары плазменных струй. «На флаинг-моторах он меня отсюда не выпустит,— с тоской подумал Андрей.— Эта синюшная

муть — возмездие мне. Жди теперь какого-нибудь *супервыверта,* не иначе».

— Ну а если тебе там, на танкере, станет совсем уж невмоготу,— продолжал витийствовать радиоэфир,— дашь мне понять об этом словами: «Скучаю, очень скучаю... чаю-чаю-чаю-чаю...»

Завыла сирена. «Так весело я еще никогда не скучал»,— подумал Андрей, пытаясь вспомнить, в каком месте на «Снегирях» встроен выключатель этого голосистого микрочудовища. Пока вспоминал, наблюдая за распространением синюшной мути, сирена умолкла. Итак, пять минут нормального дыхания плюс восемнадцать «последнего желания»... Он заставил «Казаранга» выпрямить стопоходы, выдвинул из корпуса щупальце манипулятора и запустил его в воронку заправочного устройства.

— Увх-увх-увх...— захлебнулось филиньим криком пространство.— Спокойно, Леха, спокойно!

Мысль о попытке заправиться кислородом от супербаллона пришла ему в голову еще на первых метрах путешествия вдоль суперскафандра. Нет, даже раньше — когда ему показалось, что исполин пошевелил рукой. Курьезная возможность «одолжить» литр-другой кислорода у сверхвеликана пощекотала воображение, и не более того. А теперь со смешанным чувством неверия и сумасшедшей надежды следил, как под натиском манипулятора «игла» инжектора уходит в муфту на дно воронки...

— Мой веселый, звонкий мяч, ты куда помчался вскачь-ачь-ачь-ачь-ачь... Пап, гляди! Гуси-лебеди! Там! Там-там-там-там...

Убрать манипулятор он не успел — все произошло молниеносно. Он успел только увидеть, как из конца «иглы» вырвалась и пошла почему-то наискось струя белой пены. Внезапно инжектор, да и сама воронка заправочного устройства исчезли со скоростью взрыва, и не успел он глазом моргнуть — перед ним бушевал белопенный вулкан. Точнее, перед ним лишь мелькнула картина бушующего вулкана, и тут же видимость упала до нуля — сначала блистер накрыла серая мгла, а затем — непроглядная темень... И снова, как в прошлый раз, реакция рук опередила реакцию мозга: руки инстинктивно произвели какую-то работу — поверхность блистера окрасил нестерпимо яркий ртутно-фиолетовый

свет, машину рвануло влево, но какая-то более мощная силища бешено подхватила драккар, грубо перевернула и, жестоко встряхнув, швырнула в ревущее озеро расплавленного металла.

Рев, звонкий грохот и невыносимый вой.

Сверхвизг!..

Тишина.

Тишина, спокойствие и полная непрозрачность блистера.

Темный пояс нижних экранов.

Такое впечатление, будто машина плывет в темном тоннеле, слегка покачиваясь. После *сверхвизга* это даже приятно... На вогнутой поверхности блистера и экранов отражается горсть разноцветных светосигналов, вспыхивают отблески мигающих марок времени. «В загробном царстве тоже есть время»,— подумал Андрей, неожиданно осознав, что совсем не дышит. Спазматическое сокращение мышц горла перекрыло дыхательные пути — легкие словно забыли о настоятельной необходимости перекачивать воздух. Однако стоило вникнуть в сей поразительный факт — мучительно захотелось дышать. А дышать было нечем!..

Он подорвал аварийный патрон кислородной поддержки. Голова прояснилась. Но не настолько, чтобы понять, куда, в какой закоулок гурм-феномена зашвырнуло машину. Вокруг ни лешего не видать... Подозревая, что вулканоподобный выброс белопенной массы все же имел отношение к жидкому кислороду, он шевельнул щупальцем манипулятора, подвигал им перед носом драккара (двигалось оно довольно легко) и наложил на выпуклость блистера. Попытка расчистить щупальцем хотя бы маленькое «окно» была безуспешной. Он чувствовал, как машину покачивает, вертит вокруг продольной оси (несомненно, какой-то поток), и в то же время чувствовал стремительное ослабление и без того мизерной силы тяжести. Признак падения катера? Нет, не просто... Динамическая картина перемещений машины была бы, наверное, идентична картине ее падения в струях водопада. Или верхом на сорвавшейся в пропасть снежной лавине. Любая пропасть имеет дно... Он попытался открыть гермолюк — не хотел разбиваться с завязанными глазами. Крышка люка не поддалась.

Покривив в усмешке задубелые под маской губы, он поблагодарил судьбу за тридцать три своих года замечательно прожитой жизни, подумал, что идущие следом разведчики будут (непременно должны быть) удачливее, два раза вдохнул полной грудью колючий кислород и рванул оранжевый рычаг отстрела.

По корпусу «Казаранга» пробежала легкая судорога — блистер вдруг сорвало и ослепительно белым парусом унесло кверху. Андрей ожидал увидеть все что угодно, только не это и два-три мгновения оторопело разглядывал знакомо кратерированный ландшафт.

— Ур-ра-а-а!..— не помня себя от радости, закричал он, вскинув разведенные в стороны руки, обнимая залитое солнцем просторное ледорадо Япета, всю систему Сатурна и вообще сразу все Внеземелье.

Но, поздоровавшись с родным пространством, он снова взялся за рукоятки, потому что внизу действительно была пропасть и катер действительно валился в нее на гребне лавины. Машина, задрав нос и глубоко погрузив корму в кипящие сугробы снежной пыли, покачивалась, вздрагивала и вращалась, падая по крутой дуге на таком крутом склоне, что это было уже равносильно свободному падению. Посмеиваясь, как в счастливом сне, Андрей взмыл над склоном на полной тяге.

За время десанта гурм-феномен из колоссального пудинга с козырьками отвислых карнизов перевоплотился в идеально ровную колоссальную полусферу. Чудовищное яйцо, полупогруженное в темный ледорит посреди равнины Атланта... На маневре ухода от белесого купола-исполина Андрей не мог оторвать взгляда от вспухающего на его вершине необыкновенно красивого фарфорово-хрупкого образования, которое формой очень напоминало цветок розы. Обрамленная десятками полукружий неярких радуг, снежно-белая красавица отбрасывала многокилометровую черную тень в северном направлении, а южный склон был залит ярко-белыми языками схода лавин. Общая масса поднятой загадочным взрывом ледяной пыли наводила на мысль, что свой «кислородный вклад» в создание розоподобной суперскульптуры внес весь отряд великанов.

Хлынувшая в кабину после отстрела блистера снежная пудра густо запорошила индикаторы и светосигналы —

ничего не видать; на траекторию сближения с «люстрой» сверкающего над Япетом «Байкала» Андрей вышел интуитивно, дал форсаж. А на орбитальном маневре, когда планетоид вздыбился справа по борту стеной, Андрей заметил в промежутке между двумя кратерами у восточного склона гурм-феномена лагерь космодесантников. Вглядевшись, присвистнул. Это был крупный стационарный лагерь... «Ну дела! — подумал он.— Определенно, «Снежный барс» в полном составе сюда пожаловал. Ай да Фролов! Вот это оперативность!..» Потом он увидел вокруг белесого чудища с белым «цветком» на макушке множество блестящих точек и черточек и зауважал Фролова еще больше.

На подходе к рендель-ангару «Байкала», возбужденный, переполненный радостным нетерпением, он чуть не разбился: выпустил из виду, что твиндек наполнен зачерпнутым из лавины снегом, и на тормозном маневре весь этот груз снежной пудры ухнул на голову. Кое-как очистив лицевое стекло перчаткой, он с трудом успел приподнять машину над срезом прямоугольной щели вакуум-створа. Повторил заход и вдруг почувствовал: снова дышать стало нечем...

Андрей плохо помнил, как вогнал машину в вакуум-створ, как отстегнул фиксаторы и прямо из кабины прыгнул в розовый квадрат открытого люка переходного тамбура. Прыгнул удачно. Взглянув на свисающую с левого запястья оборванную цепочку от видеомонитора, он мимолетно подумал, что самым неудачным прыжком за время десанта был прыжок в твиндек... Не дожидаясь, когда вспыхнет перед глазами транспарант «Барическое равновесие», Андрей нащупал замок и открыл стекло гермошлема — легкие обожгло горячим воздухом с едким запахом аммиака. Кашляя, со слезящимися глазами, Андрей перешагнул комингс скафандрового отсека и, подхваченный транспортировочным захватом, оказался в гардеробной скаф-ячейке. Выскользнув из осточертевшей ему липкой, пропитанной аммиаком, бронированной скорлупы, он, пошатываясь на бегу (не успел еще адаптироваться к условиям корабельной гравитации), бросился в душевую. И лишь под струями ароматной воды у него появилось время проанализировать схваченную зрительной памятью картину: лишенный блистера,

выбеленный снежной пудрой «Казаранг», как потрепанная арктическими штормами лодка, садится на чистую, блестящую как зеркало палубу рендель-ангара по соседству с двумя новенькими драккарами. Космодесантных катеров такой модели ему еще не доводилось видеть. Что-то среднее между «Бураном» и «Казарангом», но со своими особенностями: очень яркая люминесцирующая окраска (изумрудная с огненно-оранжевым и белая с серебром); две пары коротких (возможно, втянутых в корпус наполовину) ступоходов; три лыжи (одна — впереди, две — на корме); аккуратные прямоугольные коробы выступающих по бортам реверс-моторов... Неведомая ему модель (если глаз не ошибся в спешке) называлась «Вьюга». Это название он слышал от проектировщиков малотоннажных машин, однако то обстоятельство, что эскадрильи «Снежного барса» уже укомплектованы «Вьюгами», изрядно его озадачило. Впрочем, разве за всем уследишь... Он представил себе, как будут поражены пилоты новых драккаров, когда увидят обындевелые останки сильно помятого музейного экспоната, ревниво нахмурился.

«Байкал» был на удивление малолюден. По дороге на свой ярус Андрей сквозь блики прозрачной многослойности ветрокоридоров заметил у себя над головой только двух пролетающих мимо людей (десантников, судя по их голубым костюмам и манере плыть в невесомости, вытянув руки не в стороны, как это делают все, а вперед). Да против двери капитанской каюты встретил связиста Круглова. С удовольствием поздоровался, спросил:

— Ну, как у вас тут дела?

Круглов не ответил. Стоял и, глубоко засунув руки в карманы, безмолвно смотрел на него с выражением печального (если не сказать скорбного) смирения на припухшей физиономии. Должно быть, от Ярослава за что-то здорово схлопотал.

— Валаев у себя? — спросил Андрей уже менее дружелюбно.

С неохотой высвободив руки из карманов, связист сделал вялый, неопределенный жест. «Чего этот парень на меня уставился?» — подумал Андрей и вдруг вспомнил о своей трехдневной щетине. Брезгливо ощупал лицо. Пер-

вого пилота никто и никогда не видел на борту «Байкала» небритым или неряшливо, не по форме одетым.

— Извини, я небрит,— сказал он и заторопился вдоль анфилады солнечных «гротов». Не встретить бы еще кого-нибудь.

Внезапно какой-то необычный звук заставил его обернуться и посмотреть в спину Круглова. Связист смеялся.

До ушей Андрея донеслось что-то похожее на куриное квохтанье. И негромкий возглас:

— Он, видите ли, небрит!

Круглов исчез за поворотом. Андрей почувствовал, как деревенеют скулы. Входя в свою каюту, подумал: «Хорошо тебя встречают твои товарищи, первый пилот. Приветливо».

В центре холла стоял кто-то в белом костюме.

— Тринадцать-девять, визит отменяется,— быстро сказал Андрей. И только после этого до него дошло, что в центре затемненной каюты он видит свое собственное стереоизображение.

Он вгляделся и почувствовал себя словно в кошмарном сне. Это была мемориальная каюта. Каюта-паноптикум... Повсюду на глянцевых вогнутостях специально затемненных стен были видны слабые отражения недвижной центральной фигуры. Его фигуры. В прозрачных глубинах стеклянистого массива скорбно источали золотистый свет в виде отвесных лучей четыре декоративных потолочных колодца. Вдобавок холл вдруг наполнили торжественно-печальные звуки органной музыки. На фоне звездно-черного окна из каюты в открытый космос поплыли светлые строки, повествующие о подвиге первого пилота суперконтейнероносца «Байкал» Андрея Васильевича Тобольского. Год рождения, год гибели.

— Однако!..— пробормотал Андрей. Мелькнула мысль: «С ума они здесь посходили, что ли?» — Тринадцать-девять,— позвал он.— Свет. Музыку прекратить.

Ничего не изменилось.

— Информбюро, контакт! — позвал Андрей, закипая холодным бешенством.

Музыка смолкла, автомат ответил женским голосом:

— Информбюро базы «Япет-орбитальный».

— Какова формула обращения к бытавтомату в каюте, из которой я говорю?

— Двенадцать-одиннадцать.

— Индекс двенадцать-одиннадцать сменить на индекс тринадцать-девять.

— Принято к исполнению.

— К немедленному исполнению,— подсказал Андрей.— Вы мне больше не нужны, отбой. Тринадцать-девять, изображение в центре каюты убрать, музыку не включать. На окно — летний морской пейзаж. В течение часа все каналы связи блокировать, на запрос любого абонента реагировать сигналом «занят».

Изображение фигуры в белом исчезло. В каюте стало светло: по всему помещению рассыпались, замельтешили отражаемые волнами наката жаркие солнечные блики, в «окно» хлынула яркая морская синь. Слишком тихо... Безупречно вышколенный бытавтомат по старой памяти дал пейзаж без звукового сопровождения.

— Шум прибоя,— добавил Андрей.— Чуть тише!.. Вот так. На борту корабля будет порядок.— Входя в бытотсек, процедил сквозь зубы: — Я вам покажу «база»!..

Сбросив авральный комбинезон, он еще раз с большим удовольствием поплескался под душем и, пристально рассматривая себя в зеркалах, постоял в сушилке. Потом неторопливо, старательно вернул своей персоне вид первого пилота сверхскоростного суперкорабля. Впрочем, это касалось только физиономии, потому что надеть первому пилоту было нечего: в гардеробной он обнаружил лишь пакеты с комплектом форменной одежды космодесантника. Морда снежного барса на рукаве... С той минуты, когда он встретил Круглова, ему никак не удавалось избавиться от впечатления, что Валаева нет на борту «Байкала», хотя абсурдность этого впечатления по логике дела можно было считать стопроцентной. От ощущения, что на борту не все в порядке, никакая логика избавить не могла.

Отбросив пакеты, Андрей открыл было рот, чтобы заставить автосистему бытового сектора делать то, что ей положено здесь делать, и вдруг покачнулся: в глазах на мгновение потемнело и на мгновение же тело ощутило очень странный, глубокий покой. Было так, словно он на

секунду заснул, вздрогнул, проснулся. Он еще раз взглянул в зеркало на себя (мускулистого, загорелого, в плавках) и счел за лучшее оставить тяжбу с бытавтоматикой на потом и побыстрее перебраться в спальню.

Лежа на диване лицом кверху и наблюдая суету солнечных бликов на потолочных «сталактитах», он прислушивался к своему внутреннему состоянию. Состояние было необычное. Стоило чуть расслабиться — и в уши внезапно хлынули тысячи тысяч звуков, созвучий. Необъятный голосистый мир... Было так, словно бы радужный взмах крыльев Галактики, почему-то похожей на колоссального мотылька, смел остатки плотины, воздвигнутой гурм-феноменом из монолита тишины, и все то, что плотиной этой раньше задерживалось, с разнузданным ликованием вырвалось на свободу. И суетливые мысли, будто возбужденные радужным гомоном, заторопились куда-то... Торопятся, бегут, сплетаясь в колеса, катятся, катятся — куда-то в огромный, умный, созданный для великанов мир...

«Стоп!» — в ошеломлении подумал Андрей и каким-то неосознанным, спазматическим, что ли, усилием вернул себя в обычное состояние. Приказал бытавтомату дать на «окно» ночной пейзаж зимнего леса. Глядя в сумрак потемневшего потолка, он поймал себя на том, что возврат в обычное свое «нормальное» состояние нервов и чувств не успокоил его и не обрадовал. Было грустно. Было так, как если бы он вдруг выбросил в глубокий снег только что найденный на таежной тропинке дивный, сказочный самоцвет.

Пытаясь отвлечься от новых для себя ощущений, он спросил:

— Тринадцать-девять, кто сменил твой индекс на двенадцать-одиннадцать?

— Операторы центрального информбюро.

— Да, разумеется... Когда сменили?

Бытавтомат назвал число, месяц, год.

— Вот как,— проговорил Андрей.— Название эры?

— Сведений нет,— возразил автомат.

— Верно, таких сведений у тебя быть не может.— Андрей мысленно вынес бытавтомату каюты приговор: «Ремонтировать надо. Или менять». На всякий случай полюбопытствовал: — Какое сегодня число?

Автомат ответил.

— Месяц? — добавил Андрей.

Автомат ответил.

Андрей усмехнулся.

— Год?

Автомат ответил и выразил сожаление, что сведениями о названии эры не располагает.

— Хочешь сказать, мы с тобой не общались больше восьми лет? — улыбаясь, спросил Андрей. И вдруг понял, что это правда...

— Восемь лет четыре месяца и девятнадцать суток,— уточнил автомат.

«Магия цифр,— растерянно подумал Андрей.— Магия цифр, помноженная на бытавтоматическое упрямство. Я, кажется, готов поверить!..» Он попытался представить себе двенадцатилетнюю Лилию.

— Тринадцать-девять, свяжись с кухонным распределителем. Мне нужен охлажденный березовый сок. И как можно быстрее.

Через полторы минуты у изголовья звякнул и выдвинулся пенал пневмопосыльной системы. Андрей вынул холодную прозрачную коробку, шершавым языком нащупал соковыводную трубочку. Напился и сунул было коробку в пенал, но снова поднес ее к лицу, нашарил глазами дату изготовления... Пальцы сжали коробку в комок, рука опустилась. Просто немыслимо...

И когда тело стало проваливаться куда-то в мягкую белизну, он разжал пальцы, расслабился и успел подумать: «За восемь с половиной лет я могу позволить себе роскошь один раз нормально поспать».

...Лавина несла его в узкий проран между обледенелыми скалами. Это было не страшно. Он бежал в бурном снежном потоке навстречу ветру и громко смеялся. И гордо кричал, перекрывая гул грозной стихии: «Старт! Старт, дикая кошка, старт!» — и знал, что непременно поднимется в воздух, и видел, как падают в пропасть обломки утесов, и ступни быстро бегущих ног его были больше этих обломков. Ветер подставил ему свою упругую грудь — он взлетел и, смеясь, распростер напряженные под напором воздушного потока руки над клубящимся снежной пылью ущельем, и белые вершины Гималаев

постепенно становились ниже траектории его полета, а над вершинами расцветала исполинская снежная роза...

В такой позе он и проснулся. В воздухе, под потолком. Внизу белел квадрат постели. Но едва Андрей осознал, что невесомости нет, что с полем искусственной гравитации все в порядке, загадочная подъемная сила моментально иссякла и амортизаторы дивана с шипением приняли на себя увесистого пилота.

Андрей ошарашенно сел, ощупал грудь, руки, колени. Посмотрел на розовые цифры часового табло. Он спал всего полчаса, но чувствовал себя прекрасно.

— Тринадцать-девять...— произнес он формулу обращения. Собрался было распорядиться насчет привычной одежды, однако раздумал. Какая будет одежда — это теперь не имело значения. Кто-то подбросил ему в гардеробную пакеты с формой космодесантника отряда «Снежный барс». Пусть так и будет. Андрей Тобольский, бывший первый пилот бывшего суперконтейнероносца «Байкал», со спокойной совестью может носить форму «Снежного барса». Как десантник с восьмилетним стажем. Тем более что суперконтейнероносец «Байкал» перестал, очевидно, существовать. База... «Япет-орбитальный»...

— Вам что-нибудь нужно? — спросил автомат.

— Да,— проговорил Андрей.— Мне нужно найти себе место в моем теперешнем мире...

СВЕТЛАНА

— Здравствуйте. Кому я тут понадобился, кто хотел меня видеть?

Андрей окинул взглядом гостиную Грижаса (с той поры ничего здесь не изменилось), посмотрел на молодую русоволосую женщину, забравшуюся с ногами в широкое кресло. Женщина сидела у пылающего камина.

— День добрый,— приветливо ответила она. Высвободив руку из-под белой шали тончайшей вязки, указала на кресло рядом: — Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее.

Он сел. Потянулся к теплу, чувствительно исходящему от огня на несгораемо-вечных поленьях. Незнакомка слов-

но бы чего-то ждала. Он покосился в ее сторону. Она улыбнулась — в серых глазах дрожали язычки каминного пламени,— сказала:

— Я чувствую, мне пора представиться. Светлана Аркадьевна Фролова, бывший практикант-медиколог базы «Титан-главный», в настоящее время — медиколог базы «Япет-орбитальный».

— Очень приятно,— сказал он.— Андрей Васильевич Тобольский, бывший пилот, в настоящее время — экзот. И, может быть, даже с приставкой «супер»...

— Хотелось бы, чтобы вам действительно было очень приятно.

Он взглянул на нее.

— А можно, я буду называть вас просто по имени? — вдруг спросила она.

— Сделайте одолжение.

— Но только в обмен на ваше согласие тоже называть меня просто Светлана.

— Считайте, Светлана, мое согласие вы получили.

— Спасибо. Так мне будет легче беседовать с вами на равных,— пояснила она.

— Я понимаю.

— И давайте сразу примем за аксиому: приставка «супер» у вас, Андрей, без всяких «может быть». Истины ради: комплекс присущих вашему организму экзотических свойств уникален. И хорошо, что это известно теперь и вам самому. Вы не напрасно экспериментировали над собой почти сутки...

— А вы, конечно, за мной наблюдали.— Андрей покивал.

Светлана слабо улыбнулась:

— Заглядывать в мемориальную каюту волен каждый.

— При этом нетрудно было заметить, что в момент моего появления мемориальная каюта превратилась в жилую.

— Вашего появления... В этом все дело. Надо было понять, кто вы.

— Даже так? Ну и... каков итог?

— Благополучный, одним словом.

— То есть по крайней мере я могу надеяться, что вы не собираетесь меня физически уничтожать?

Серые глаза Светланы расширились.

— Вы... серьезно? — спросила она недоверчиво.
— Вполне.
— Я понимаю... вы раздражены, однако... простите, Андрей, ваша досада выглядит несколько...— Она помедлила.
— Что?
— ...Экстравагантно. Согласны?
— Нет.
— Почему?
Он не ответил. Просто сидел и смотрел на огонь.
— Будьте со мной откровенны, Андрей.
— Я говорю то, что думаю. Этого мало? — Он продолжал смотреть на огонь.
— Мало. Нужна доверительность в отношениях. Судя по всему, нам с вами предстоит общаться, и... и недоверие друг к другу может превратить такое общение в пытку.
— А вам не приходило в голову, что вы уже отравили мне радость возвращения заговором молчания?
— Чем? — не поняла она.— Заговором?..
— На протяжении суток я никому здесь не был нужен.
— Ах да, ведь вы же ничего не знаете...
— Виноват. Меня приветливо встретили, толком все объяснили.
— Андрей,— перебила она,— не надо иронии. Давайте во всем разберемся спокойно, по-деловому. А главное — по порядку. Допустим, я скажу вам, что за любым, кто появляется на борту базы, в принципе мы должны наблюдать не менее двадцати двух часов. Если, конечно, хотим отделить зерно от плевел со стопроцентной гарантией... Это мое сообщение не вызывает у вас категорического протеста?
— Продолжайте.
— Я сказала: «должны наблюдать». Но мы уже устали от бесконечных наблюдений, сопоставлений, экспериментов, анализов, и на практике привыкли больше доверять опыту, чутью. За восемь лет можно многому научиться. Мне, к примеру, достаточно только взглянуть и... Вероятно, вам трудно следить за моим рассказом?
— Да, но вы продолжайте. Пока мне ясно одно: мое появление здесь после восьми... гм... восьми лет отсутствия — событие для вас вполне заурядное.

— Не совсем так,— возразила она.— Точнее — совсем не так.

— Тогда я ничего не понимаю,— сознался Андрей.

— Я объясню. Дело в том, что ваше внезапное возвращение — случай совершенно уникальный, но, к сожалению, здесь он был воспринят именно как событие заурядное. Кроме меня — никто... Впрочем, тут есть своя логика. Ведь появились вы необычайно эффектно: из облака снежного выброса, верхом на лавине, машину вашу трудно было узнать. Десантники южного штурм-лагеря и моргнуть не успели — вы уже были в ангаре «Япета-орбитального». То ли вы не замечали их попыток обратить на себя ваше внимание, то ли...

— А вы взгляните в ангар и полюбопытствуйте, на чем я прилетел. Вдобавок у меня кончился кислород.

— Как все совпало!..

— Что совпало?

— Ваше совершенно неожиданное появление, странное поведение на Япете и вдобавок это... Дежурные, которые осматривали ваш старинный, лишенный даже признаков кислородного обеспечения скафандр, без колебаний приняли вас за эфемера. Ничего удивительного...

— За кого меня приняли? — не понял Андрей.

— За эфемера. Экзот довольно долго может не дышать, но вообще без кислорода обходиться не может. К тому же, в отличие от эфемера...— Она взглянула на Андрея и сама себе скомандовала: — Стоп! Я вижу, этот термин вам незнаком.

— Смысл его я улавливаю, но применительно к человеку слышу впервые.

— Нет, к людям термин «эфемер» неприменим... Вот видите, как бывает, когда пытаешься объяснить все сразу.— Она смущенно улыбнулась, потерла пальцами виски.— Я совсем упустила из виду, что к тому времени, когда вы познакомились с Копаевым, о способности экзотов производить матрично-эфемерные копии функционеры МУКБОПа начинали только догадываться. И конечно, не знали, что эфемерные копии могут существовать лишь от полутора до двадцати двух часов — не более того. Свое существование все эфемеры заканчивают одинаково: быстро деформируются — как бы оплывают — и затем уже спокойно тают лужицей блеска... Первое время нам

было очень не по себе. Потом привыкли. Привыкли к частым визитам субъектов в блестящих одеждах, острота реакции притупилась.

Вплоть до того, что иногда только взглядом скользнешь — и мимо него, сердешного, дальше...

— В блестящих одеждах, говорите?..

— Да. Хотя в последние полтора года одежда на них перестала блестеть. Наши эфемерологи связывают это с какими-то сдвигами в эволюции гурм-феномена. Специалисты группы Калантарова называют иные причины... Но как бы там ни было, а удобный индикатор для визуального распознавания эфемеров исчез. Теперь приходится вглядываться в каждого встречного. Пялим глаза друг на друга... Казалось бы, мелочь — однако жизнь из-за этого осложнилась. Ну вот вам свежий пример: неделю назад в северном штурм-лагере один из незамеченных вовремя эфемеров поднял катер, не справился с управлением и в результате разбил машину. Впрочем, в ту минуту он, возможно, просто прекратил свое существование, а машина разбилась сама...

— Дожили,— вслух подумал Андрей.— Призраки в пилот-ложементах драккаров!..

— Эфемеры не призраки,— возразила Светлана с хорошо уловимой ноткой грусти в голосе.— Мы понятия не имеем, зачем они появляются и отчего исчезают, но... Но, собственно, для нас эфемеры — это недолговечные, однако вполне вещественные и внешне довольно точные копии того или иного человека... или, скажем, экзота. Скульптурно, если угодно, точные копии.

— Внешне,— с нажимом повторил Андрей. (Перед глазами назойливо маячила спина псевдодесантника в глянцевито поблескивающем и очень твердом на ощупь «Снегире»...) — А внутренне?

— Эфемер копирует не только облик, но и особенности поведения, свойственные оригиналу. Живому оригиналу или давно погибшему — все равно. Некоторые из нас, общаясь с эфемером, порой даже «слышат» голос оригинала. Звук, правда, тут ни при чем — иллюзию голоса, как ни странно, вызывают в основном оптические эффекты. Так что просим извинить, у нас наличествуют призраки лишь одной категории — призраки голосов.

— Очень гибкий ответ. Предпочитаю более прямолинейные.

— Извольте. Эфемеры не дышат. Температура тела нормальная, сердцебиение и пульс не прослушиваются.

— И это все?

— Чтобы увести наш разговор в сторону, и этого оказалось достаточно. Андрей, вы все узнаете из бесед с эфемерологами и темпорологами. И те и другие сошлись недавно на том, что способ существования эфемеров чем-то похож на способ существования гурм-феномена. Но чем именно — не моя компетенция.

— Понимаю...

— Я вижу, вы разочарованы.— Она приятно, мягко улыбнулась.— Скажу по секрету: после бесед с темпорологами вы будете знать об эфемерах меньше, чем знаете сейчас. Я уже убедилась на собственном горьком опыте... А если серьезно, вопросы о физическом существовании гурм-феномена и эфемеров до того сложны, что только для правильной постановки этих вопросов был создан какой-то специальный раздел теории спиральной структуры Пространства-Времени. Я представляю, как хочется вам во всем разобраться, но вы не должны спешить в такого рода делах.

— Жаль, что этот полезный принцип не соблюдался в тот самый момент, когда меня скоропалительно приняли за эфемера.

— О, вы злопамятны!

— Да, знайте это на будущее.

— Теперь понятно, почему вы даже в качестве эфемера ужасно смутили наше начальство. Неспроста главный администратор базы предупредил меня: «Внимательно понаблюдайте за ним, это эфемер какого-то нового типа...»

— Кто главный администратор?

— Андрей Степанович Круглов.

— Ах вот оно что!.. — вырвалось у Андрея.— Скажите, Светлана, а почему, наблюдая за мной, вы не сразу смогли отделить зерно от плевел?

— Я знала, что вы не эфемер. Пыталась это втолковать Круглову.

— И что же?

— Ничего особенного. Произошел очередной никому

не нужный конфликт. И стала я с безумным нетерпением ждать, когда наконец истекут эти двадцать два часа испытательного срока, чтобы иметь право крикнуть Круглову прямо в лицо...

— Простите, Светлана, а отчего такая экспрессия — «с безумным», «крикнуть», «в лицо»?

Она помолчала, наматывая на ладонь конец своей тонкой шали. Невесело усмехнувшись, сказала:

— От переизбытка чувств, вероятно. Мне хотелось быстрее встретиться с вами, поговорить... Я ведь знала, что вы — нормальный экзот, что испытательный срок не нужен и даже вреден, поскольку ваша реакция на длительное одиночество будет скорее всего негативной.— Светлана вздохнула, отпустила кончик шали.— Поначалу вы меня порадовали тем, что вам нужен был сон,— эфемеры не спят. Потом у вас нормально прошла левитация. Ваше недоумение показало мне, что левитатчик вы еще неумелый. Но как только вы, экспериментируя над собой, продемонстрировали мне свою способность проникать сквозь стены, я, грешным делом, подумала... Нетрудно, впрочем, догадаться, о чем я подумала в этот момент...

— Это когда я... из гимнастического отделения в душевую?

Она кивнула.

— Я и сам был потрясен не меньше,— признался Андрей.— Я не знал, что это у меня получится... Просто цвет стены напомнил мне дымчатую «мембрану», вот я и... решил попробовать. «Мембраны» — это участки туманных стен между полостями в центре гурм-феномена...

— Но ведь стены вашего бытотсека из листового металла!

— Я в курсе. Но понимаете... я как-то очень серьезно вообразил себе, что продавливаю «мембрану». Или, напротив, как-то очень несерьезно. Сейчас я даже и не знаю... Что-то надоумило меня попробовать. Возможно, попробовал просто из озорства и... и вдруг получилось. А что... никто из экзотов так не умеет?

— Сквозь стену? Нет... Вы — единственный в своем роде. Если, конечно, этому нельзя научиться.

— Не советую,— сказал Андрей.

— Почему?

— Я с удовольствием разучился бы. Ощущение не из приятных...

— Было больно?

— Нет, но... Меня, знаете ли, словно бы вывернули наизнанку и отстегали по внутренностям крапивой.

— Ну а сейчас? Ощущение прошло?

— Да, ощущение внутреннего ожога прошло, однако, знаете ли... зуд, неприятное такое покалывание в голове и вдоль позвоночника. Странно как-то и тревожно... Вы не подскажете, Светлана, чем все это может закончиться?..

Она улыбнулась. Затем не выдержала — рассмеялась. Он молча смотрел на нее.

— Ох, Андрей, простите ради всего святого! Глупый смех... Восемь с половиной лет назад, я, будучи еще студенткой, рвалась в Сатурн-систему на медикологическую практику. Ну разве я могла в то время даже вообразить, что мне доведется выслушивать здесь жалобы пациентов на желтизну в глазах после экстрасенсорного перенапряжения, на ушибы при нечаянной левитации в полусне! На зуд после проникновения... простите, «продавливания» через листовой металл!.. Ну что я как медиколог могу в этом случае вам посоветовать? Старайтесь как можно реже проходить сквозь стены. Чаще пользуйтесь дверью, а перед употреблением не забывайте ее открывать. Или хотя бы попробуйте выбирать для «продавливания» стены не из металла!..

— Что ж, ваши рекомендации мне кажутся вполне разумными,— сказал Андрей,— я их принимаю. Правда, в мое время здесь не было стен не из металла... Вы правы, это смешно, и в следующий раз я обязательно постараюсь проникнуться юмором ситуации.

— Великое Внеземелье! Меньше всего я хотела обидеть вас!

— Верю. Скажите, Светлана, а кто еще из экзотов, кроме меня и Мефа Аганна, здесь на борту?

Светлана метнула в него быстрый взгляд. После этого долго молча смотрела в огонь — не торопилась с ответом.

— Андрей, вы были последним, кто видел Аганна.

— Вот как? Куда же он подевался с «Анарды»?..

— Лучше спросите, куда он делся вместе с «Анардой». След «Анарды» затерялся где-то среди ледяных астероидов Зоны Мрака.

— Сбежал, значит!..

— Пять лет назад в том направлении, куда Аганн угнал танкер, была зарегистрирована подозрительная вспышка. Специалисты считают, что вспышка имела характеристики термоядерного взрыва. По-видимому, это был взрыв безектора «Анарды».

Андрей поднялся. Подошел к «окну». За темными силуэтами сосен утопающего в снегу перелеска догорала багрово-дымная полоса по-северному стылого закатного зарева. Он не мог вообразить себе, что Аганна уже нет в живых. Еще труднее было вообразить, что Аганна нет в живых уже пять лет. Он не чувствовал скорби. Безусловно, он верил всему, что говорила Фролова, но эта беседа казалась ему порождением странного сна. Пять лет назад, восемь... Да, он собственными глазами видел в долине Атланта стационарный лагерь космодесантников и понимал, что создать такой лагерь за двое-трое суток невозможно; да, видел в ангаре новые «Вьюги» и знал, что таких катеров просто не было в системе Сатурна в день появления Пятна на Япете; наконец сделался страдающим очевидцем кошмарных изменений на борту «Байкала». При всем при том не мог убедить себя перенастроиться согласно сногсшибательному сдвигу времени, а когда попытался заставить — с отчаянием вдруг почувствовал в этот момент, что впервые в жизни очень близок к самой настоящей панике!.. Либо сейчас сюда войдет Грижас и с его приходом немедленно выяснится, что пилот Тобольский — наивная жертва хитро задуманной и гениально осуществленной мистификации, либо...

— Я вас понимаю, Андрей,— донеслось от камина.— Но, даже если случится чудо и сюда войдет Грижас, который не может войти, потому что летает теперь на «Тоболе», все равно эти восемь лет никуда ведь не денутся. Восемь лет четыре месяца девятнадцать суток...

Андрей уставился па виднеющийся над спинкой кресла стриженый затылок Светланы. Спросил:

— Вы умеете читать чужие мысли?

— Нет, но мне нетрудно угадывать ваше настроение.

Каждое ваше движение, каждый жест, направление взгляда говорят о многом...

— Особенно когда вы сидите ко мне спиной.

Фролова не шевельнулась. Молчала, глядя в огонь.

— Извините,— сказал Андрей.— Прошу прощения, минутная слабость... Капитан «Тобола», надо полагать, Валаев?

— Валаев уже не летает.

Андрей решил, что ослышался. Переспросил:

— Как вы сказали? Валаев уже не летает?

— Вину за то, что с вами произошло, он взвалил на себя и подал в отставку. Переубедить его было невозможно. Я не сумею описать вам его состояние. Расспросите здешних десантников — кто-нибудь из них вам расскажет, с каким трудом они перехватили катер, в котором Валаев намеревался таранить поглотившее вас чудовище...

Андрей слепо сел в кресло.

— Где и... кем он теперь?

— Калуга, академический музей космонавтики. Научный сотрудник отдела истории внеземных открытий темпорологии... или чего-то в этом роде.

— Экипаж «Байкала»... в основном теперь на «Тоболе»?

— Был. Теперь — не знаю... Не забывайте, Андрей, ведь все это происходило более восьми лет назад.

Помолчали.

Андрей обвел помещение тоскливым взглядом. Поежился, вспомнив, как, направляясь сюда, заглядывал в командную, пилотажную и навигационную рубки.

— Скажите, Светлана, а вместе со мной и с вами хоть с десяток народу здесь наберется?

— Мне кажется, вы еще не успели созреть для общения с многочисленной группой. Иначе я уступила бы место другим заинтересованным лицам. Разведчика гурм-феномена поджидают с нетерпением чрезвычайным.

— Да, вам правильно кажется. А велика ли «многочисленная группа заинтересованных лиц»?

— На борту орбитальной базы их немного — сотни полторы...

Андрей взглянул на Светлану.

— На Япете,— продолжала она,— в три раза больше.

Точное число заинтересованных лиц в районе Япета — считая, разумеется, и меня — шестьсот пятьдесят шесть.

Пытаясь скрыть замешательство, Андрей весело пошутил:

— На десяток не дотянули — было бы точное попадание в порядковый номер центрального кратера гурм-феномена.

— С вашим появлением точное попадание произошло! — подхватила Светлана.— Вы один стоите десятерых. И это по меньшей мере.

— Э-э... спасибо, конечно, но с чего вы это взяли?

— Мой брат не устает повторять, что, если Земля еще способна рожать людей вашего типа, земная цивилизация довольно уверенно может плыть и дальше под всеми парусами неоднозначного своего прогресса.

— Он меня высоко ценит, ваш брат.

— А знаете, за какие ваши два основных качества?

— Нет.

— За чувство ответственности перед миром и за верность долгу.

— Хорошие качества. Но такими качествами обладает каждый землянин.

— Заблуждаетесь.

— Должен обладать,— уточнил Андрей.

— Вот это другое дело — должен... Скажите, Андрей, а почему, когда я представилась, вы не поинтересовались, имею ли я родственное отношение к Марту Фролову?

— Избегаю задавать однотипные вопросы слишком часто.

— Слишком часто?..

— У меня такое впечатление. Ну, такое... будто я разговаривал с вашим братом трое суток назад. Его странноватый ответ удивительно свеж в моей памяти. Кстати, память у меня довольно цепкая — восьмилетний срок ей нипочем.

Светлана слабо улыбнулась:

— Я знаю, что ответил вам брат, но ему действительно надоело отвечать на этот вопрос. К тому времени в Сатурн-системе уже скопилось около десятка наших родственников и однофамильцев, а тут вдобавок и я прилетела...

— Где Март сейчас?

— На Земле. В институте Пространства-Времени он теперь правая, можно сказать, рука самого Калантарова, один из ведущих специалистов-темпорологов. А начиналось с того, что будущему темпорологу закрыли визу и предложили покинуть систему Сатурна на танкере «Аэлита», и он был вынужден это сделать.— Светлана взглянула на собеседника сбоку и пояснила: — Это когда вы не вернулись вовремя и стало ясно, что кислорода у вас больше нет.

— Понимаю. А были попытки проникнуть за мной в недра гурм-феномена?

— Были. Не счесть попыток проникнуть туда и на флаинг-машинах, и гибкими манипуляторами, и снарядами буровых установок. Разными способами пытаются зондировать внутренности темпор-объекта... прошу прощения, но именно так называют теперь гурм-феномен. До сих пор на зондаж тратится много усилий, средств, а результаты, как и предсказывал Март, очень скромные. К моменту прилета на Япет «Виверры», от разлома, о котором вы сообщали, осталась только неглубокая оплывающая нора. Космодесантники ринулись было внутрь, но буквально в нескольких метрах от входа атака захлебнулась. Начались всевозможные чудеса, и десантники отступили, пожертвовав плотно увязшим катером. Ладно хоть люди успели уйти...

— Сверхвизг? — полюбопытствовал Андрей.

— И сверхвизг, и выверт. А самое неприятное — паралич мышц, которые управляют движением глазного яблока. К счастью, это прошло.

Андрей покачал головой:

— Такого у меня с глазами не было... Ну а потом? Разлом совсем затянуло?

— Да. Собственно, с этого и началась эпоха зондирования темпор-объекта всевозможными приборами. Любой прибор из любого материала, погружаемый в тело этого чудовища с какой угодно стороны под каким угодно нажимом, проходит в толще облакоподобной массы со смехотворной скоростью: около одной двадцатой километра в год. Если поинтересуетесь длиной кабельных шлейфов самых ранних наших зондов, выяснится: за восемь с

лишним лет зонды прошли в недра темпор-объекта едва на четыреста метров...

— Вы говорите, Март это предсказывал?

— Он быстро понял, что белесый колосс — это не просто экзотический коктейль хорошо известных нам физических свойств. Когда на «Титан-главный» пришло сообщение о результате обследования «норы», он заподозрил, что мы имеем дело с четко локализованным объемом какого-то видоизмененного Пространства-Времени. Март был по горло занят отправкой к Япету спецлюггера «Вомбат» с очередной группой десантников, но ухитрился подготовить к экстренному заседанию ученого совета небольшой доклад или, как он сам говорил, «записку». В этой «записке» феноменальное явление на Япете впервые было названо «спиральной структурой дальнодействия темпор-пространственного прогиба», а белесая поверхность Пятна,— «оптической границей темпор-прогиба местного выреза». С тех пор в научных кругах за гурм-феноменом закрепилось название «темпор-объект», а «Запиской Фролова — Тобольского» пользуются вместо введения в «Общую темпорологию».

— При чем здесь моя фамилия? — спросил Андрей.

— Не столько ваша фамилия, сколько ваши наблюдения,— возразила Светлана.— Они помогли Марту обосновать и отстоять на ученом совете очень нужную в те первые сутки рабочую гипотезу. Математическое обоснование своей гипотезы Март сделал едва ли не на ходу, в организационных хлопотах, за полтора часа до истечения срока действия визы, но это обоснование считают теперь классикой темпорологии... На том же заседании, кстати, ученый совет потребовал от УОКСа немедленной передачи «Байкала» под орбитальную базу для разведчиков темпор-объекта. Уже тогда было ясно, что исследовательская группа должна довольно значительно вырасти.

— Накал страстей тут, видать, был нешуточный,— уверенно предположил Андрей.

Светлана кивнула:

— Да, бурное было время... Но как-то все утряслось. Колония у Япета постепенно стабилизировалась, Март привык руководить работой исследователей темпор-объекта «дистанционно», как он сам выражается. Впрочем,

дистанционный стиль руководства тяготит его, и раз в полугодие он неизменно подает заявление о пересмотре запрета на визу. И каждый раз УОКС аккуратно ему отвечает стандартно-вежливым отказом.

— А чего другого он ждет?!

— Видите ли... Март всегда был почему-то уверен, что вы не погибли и обязательно вернетесь. «Такой человек не затеряется даже в складках темпор-прогиба»,— говорил он о вас. На сеансах телесвиданий он не однажды пытался объяснить с помощью математических выкладок мне и другим, что какая-то формула предсказывает на конец девятого года резкое сокращение границы темпор-прогиба местного выреза и что у вас есть шанс дотянуть до этого момента. В доводах его математической логики я ничего не понимала, да мне это не нужно было. Я и так знала, что вы вернетесь. Я чувствовала: вы должны вернуться несколько раньше, чем обещали формулы Марта... Струился во мне странный ток постоянного ожидания.

«Япет-орбитальный», это не «Байкал»,— мелькнула мысль у Андрея.— Орбитальная психолечебница».

Светлана окатила собеседника завораживающим взглядом широко открытых серых глаз, и Андрей почувствовал, как у него шевельнулись и невольно затрепетали веки.

— Не беспокойтесь,— сказала она,— я действительно не умею читать ваши мысли.

— Но вы умеете угадывать мое настроение, а это почти то же самое,— возразил он.

— Как медиколог я обязана угадывать настроение. Вас, по-видимому, смущает повышенный, как выражается Март, потенциал моих к вам сопереживаний...

— Да, в определенные моменты нашего разговора я начинаю почему-то ощущать себя чуть ли не вашим родственником. Но с Мартом мы хотя бы заочно знакомы!..

— Не могу еще раз не похвалить вашу уже хваленую вами цепкую память,— сказала она насмешливо и печально.— Я надеялась, очное наше знакомство будет более долговечным...

— Простите,— перебил он,— не будем ходить вокруг да около. Ну что делать, я действительно не помню, где это мы с вами успели...

— Здесь,— проговорила она.

— Это где, значит? В Сатурн-системе? Или в Дальнем Внеземелье вообще?

— Это значит — на борту «Байкала». В кабинете-приемной Грижаса, то есть в соседнем помещении. Когда? Восемь с половиной лет назад. Впрочем, по вашей шкале времени — совсем недавно... Каких-нибудь два месяца миновало.

— Так вот вы кто!..— Андрей с облегчением рассмеялся. Он сразу вспомнил корабельный чемпионат, вторую свою победу подряд не по очкам, а нокаутом, ироническое поздравление Грижаса, осматривающего в приемной поврежденный в жестком бою нос победителя; за пультом отвратительно шипящего физиотерапевтического агрегата Грижасу ассистировала длинноногая, от бедер до бровей закутанная в белое девица, которую Грижас по своему обыкновению весьма церемонно представил: «Вы, кажется, еще не знакомы? Сейчас мы это мигом исправим. Мой молодой коллега, медиколог-стажер Светлана. Коллега временно — до прихода в систему Сатурна — исполняет очень ответственные и, скажем прямо, очень почетные обязанности рейсового медиколога в секторе П. Но, поскольку в пассажирском секторе поводов демонстрировать свое медицинское мастерство едва ли не меньше, чем в нашем, мы с коллегой поровну делим добычу, которая нам в обоих секторах перепадает. Сегодня нам повезло — в наши руки попал самый крупный из альбатросов Дальнего Внеземелья... Видите повреждение хрящевого основания носа? Что будем делать, коллега?.. Верно, маску Румкойля... Вы слышали, Андрей Васильевич? Коллега предлагает радикальный способ лечения и через десять минут вас можно будет поздравить не только с победой, но и с выздоровлением. Вот вы и познакомились. Прошу друг друга любить и, не побоюсь этого слова, жаловать. Маска не жмет?» У Грижаса было хорошее настроение. Не исключено, что хорошее настроение было и у его коллеги, но девица очень смущалась.

У пациента тоже было хорошее настроение — он отпустил из-под маски Румкойля какой-то подобающий случаю комплимент. Не в чей-то конкретный адрес, а медицине вообще. Однако что-то не получилось с ко-

эффициентом рассеивания и весь комплиментарный заряд целиком пришелся на беззащитные центры эмоций молодого, неопытного медстажера. Этого следовало ожидать; с одной стороны — довольно известный первый пилот единственной в мире «сверхлюстры», зрелый мужчина приятной наружности, в роскошной форме — альбатрос и золотая лилия на груди, с другой — юная пичуга, впервые в жизни выпорхнувшая в Дальнее Внеземелье. Он понял это, но поздно. Пытаясь взглянуть на нее из-под неудобной маски, он только усугубил ситуацию: над пультом ему удалось-таки высмотреть краем глаза что-то пунцовое на белом фоне. Он никогда не думал, что нормальная человеческая кожа может краснеть до такой степени.

И если бы Светлана об этом не заговорила, он ни за что бы не догадался, что та длинноногая, постоянно красневшая без особого повода, нескладная девица с порывистыми движениями, и эта уже весьма уверенная в себе, хотя на вид еще и очень молодая женщина с прелестным профилем и плавными жестами — один и тот же человек!

Честно объяснив собеседнице свой нечаянный всплеск веселья, Андрей извинился и выразил убеждение, что уж теперь-то общаться им, старым знакомым — почти друзьям, будет намного проще. Светлана, видно, поняла это по-своему.

— Да, теперь мы с вами почти ровесники,— проговорила она. Бесцельно собирая в пригоршню свисающий край белой шали, тихо добавила: — Я очень вас ждала... Очень. Все эти восемь лет я ловила на себе сочувственные взгляды... разные взгляды я ловила на себе, но верила, что вы вернетесь. Знала.

— Почему? — сорвался у него с языка совершенно неуместный, глупый вопрос, и он вдруг ощутил себя дурак дураком.

— Потому что я... люблю вас,— просто сказала она.— И это началось у меня гораздо раньше, чем вы думаете.

На этот раз он промолчал. Неторопливым, мягким движением она высвободила из кресла свои длинные, замечательно стройные ноги, плавно встала. Спохватившись, он тоже вскочил и невольно подтянулся, расправил

плечи, полностью выпрямился. Рост Светланы его поразил. Было видно, конечно, что уютно расположившаяся в кресле женщина — довольно рослая особа, но Андрею как-то и в голову не приходило, что она может быть ростом почти с него.

— Не знаю... видимо, и так бывает: избалованный вниманием герой с приятной внешностью, известный пилот в красивой форме, лилия на груди,— продолжала Светлана.— Да, наверняка так бывает. Но у меня было все по-другому. Испуг, когда вы, проломив перила, сверзились в сугроб с высокого крыльца нашего домика на гималайской турбазе «Гулливер». Еще больший испуг, когда я близко увидела вашу залитую заледенелой кровью куртку-штормовку, окровавленное лицо, лоскуты биопластыря на небритой щеке. Мне было очень страшно, когда вы, преодолевая слабость, с трудом подняли голову, одеревенелой рукой запихнули в рот горсть снега и, улыбаясь здоровой щекой, спросили одну из глазевших на вас девчонок, не найдется ли в нашем бунгало телефона, свежего биопластыря и чего-нибудь съедобнее перепуганных школьниц. Потом мы всей группой ходили смотреть, откуда вы «спрыгнули» в нашу долину. Тот, кто нам показывал это место, наверное, ошибся, потому что слететь оттуда живой могла только птица...

Светлана отошла к «окну». Повинуясь малозаметному ее жесту, хорошо запрограммированная бытавтоматика заменила куцый пейзаж тусклого зимнего вечера безбрежностью звездной ночи. И опять Андрей невольно обратил внимание на осанку своей собеседницы. Грациозное изящество плавных движений... Такое впечатление, будто она давно не бывала на Земле и тело ее уже привыкло жить исключительно в условиях пониженной гравитации. Но давно не бывать на Земле тоже можно только при обстоятельствах исключительных. Скажем — если УОКС упразднил отделы ОТ и ОЗ (отделы Охраны Труда и Охраны Здоровья). Он смотрел на нее и чувствовал себя несчастным. Он все уже понял и почти не слушал ее. То, что она говорила, уже не имело значения. Его, во всяком случае, это не должно трогать.

— Пилот с приятной внешностью,— говорила Светлана,— появился в моей жизни тоже гораздо раньше,

чем вы успели заслужить золотую лилию. В одном из выпусков новостей агентства Информвнезем я увидела ваше лицо и узнала, что вы — второй пилот балкера «Фомальгаут». Это меня взволновало — я места себе не находила. Долго не могла понять почему... Заказала видеокопию этого выпуска новостей, и с той поры стереопортрет второго пилота балкера «Фомальгаут» был со мной постоянно. И вдруг — о, волшебство случая! — вы и я на одном корабле! Могу видеть вас почти каждый день, видеть близко, иногда разговаривать с вами! А бывают моменты, когда могу наяву прикоснуться к герою девичьих моих сновидений!.. И знаете, я была счастлива. Такое счастье вам, наверное, трудно понять, однако поверьте мне, я была счастлива. Внезапно вы ушли в разведку — и случилось... то, что случилось. Правдами и неправдами мне удалось улететь к Япету помощником медиколога группы десантников на люггере «Вомбат». Не однажды я пыталась взять приступом непроницаемо-вязкие стены белесого исполина и от бессилия плакала под аккомпанемент его эхокашлей. Потом, когда во время телесвиданий Март с великим трудом объяснил мне физический смысл идеи темпор-прогиба и посоветовал обратить внимание на скорость погружения зондов, я поняла, что грубой силой туда не проникнешь. Надо было как-то по-другому. Но как?.. «Если темпор-прогиб,— думала я,— результат деятельности неземного Разума, то неужели этот Разум меня не поймет?!» Я часами простаивала у стен инозвездной крепости, однако так и не довелось мне увидеть хотя бы что-нибудь похожее на вход. Белесое чудище проявило полное равнодушие к моим слезам и мольбам... Стоя у его стен, я часто находила созвездие Девы, подолгу смотрела на Спику — ее лучи казались мне струнами, на которых звучала завораживающая мелодия... В конце концов, все это спокойно можно было отнести на счет моего воспаленного воображения, но едва только я проговорилась Марту о «звонкострунной» Спике — он окатил меня несвойственным ему рассеянным взглядом и прервал связь. Неделю они с Калантаровым что-то вычисляли, подняли на ноги весь институт, а потом Март с удивлением и восторгом сообщил мне, что моя «звонкострунная» лучше всех других звезд этого класса

удовлетворяет условиям существования вектора дальнодействия темпор-прогиба. Честно говоря, я так и не поняла, что представляет собой «вектор дальнодействия» в ракурсе теоретической темпорологии, но у меня был свой ракурс.

Просто я хорошо ощущала: Спика звучит в моем воображении струной потому, что вы движетесь где-то в том направлении... Ну, вот и все... Остальное вы знаете.

Она оборвала себя так, будто вдруг спохватилась и пожалела, что дала волю словам и чувствам. Андрей ожидал этого. Он был готов к тому, что Светлана сообразит наконец: она — это она, а он — экзот, и этим все сказано.

Не надо ложных ситуаций. Ложные ситуации — это как раз то, из-за чего все пошло наперекос у них с Валентиной.

— Значит, говорите, Спика...— произнес он, чтобы снять неловкость молчания.— Что ж, похоже. Когда я экспериментировал над собой, убедился, что воспринимаю ультрафиолетовые лучи как пылающую белизну. Если сопоставить океаны пылающей белизны, которые меня там окружали, и то обстоятельство, что Спика — аномально мощный источник ультрафиолетового излучения, можно с большой долей вероятия утверждать, что видел я именно Спику. Вернее — ультрафиолетовую ее корону. Так и передайте Марту во время следующего телесвидания.

— Обсуждать с Мартом подробности вашей разведки теперь уж придется вам самому.— Легким мановением руки Светлана вернула на «окно» зимне-вечерней пейзаж и добавила: — Причем сегодня. И довольно скоро. Словно в ответ на ваш упрек по поводу «заговора молчания» мы прямо сегодня начнем втягивать вас в сферу назревших дискуссий. Через полтора часа — пятидесятиминутный сеанс связи непосредственно с институтом Пространства-Времени.

— Да, пора мне познакомиться с вашим братом,— согласился Андрей. Деловито спросил: — Кто будет первый?

— О чем вы? — не сразу поняла Светлана.

— Об очередности сеансов, естественно. Или на свой

вопрос брату «Как поживаешь?» вы два часа терпеливо ждете ответа?[1]

— Представьте себе, у нас уже больше трех лет в обиходе живая двусторонняя связь.

— То есть... как это?

— То есть приблизительно со скоростью видеотекторной связи между Москвой и, скажем, Ангарском,— пояснила она.— Не смотрите на меня так недоверчиво, я вас не обманываю.

— «Зенит» — «Дипстар»!..— неожиданно догадался Андрей.

— Немного сложнее: Земля — «Темп-2» на Луне — «Зенит» — комплекс «Дипстар» — «Темп-3» в нашей системе. Сверхбыстрая двусторонняя связь между Землей и системой Сатурна — первый практический результат многолетнего изучения темпор-объекта.

— Это немало.

— Да. Но Т-связь — необыкновенно дорогое удовольствие, и пользуются ею не часто.

— Во время Т-сеанса я постараюсь не допускать длительных пауз,— рассеянно пошутил Андрей.

— Но никто в целом мире вас не осудит, если следующие пятьдесят минут двусторонней Т-связи регламент пауз вы совершенно не будете соблюдать.

Андрей уловил многозначительность интонации и понял, на что намекала Светлана. Едва шевеля вдруг одеревеневшими губами, спросил с надеждой:

— Когда? Неужели сегодня?

Светлана молча кивнула. Он не сводил с нее взгляда:

— Лилия будет... одна?

— Видите ли, Андрей...

— Достаточно. Не продолжайте.

— Но вам необходимо знать! — резко произнесла (почти выкрикнула) Светлана.— Когда всем стало ясно, что вы не эфемер, администрация пыталась вызвать на связь вашу — простите, буду говорить прямо — бывшую жену. Валентина Николаевна Гуляковская не смогла найти в себе...

---

[1] Информационные сигналы любого вида электромагнитной связи способны преодолеть расстояние между Землей и Сатурном не менее чем за один час даже при наиболее благоприятном расположении этих планет относительно друг друга.

— Гуляковская? — перебил Андрей.— Я правильно расслышал ее теперешнюю фамилию?

— Да.

— Ну что ж... это последнее из того, что я хотел узнать о Валентине Николаевне.— Андрей взглянул на часы.— Скоро первый сеанс Т-связи?

— Минут через сорок. После двухчасового перерыва — второй. Затем, если вы, конечно, не против, на первом ярусе вам предстоит свидание с Аверьяном...

— Копаев?! Он здесь?!

— Здесь многие из тех, кого вы знаете.

— Скажите, Светлана, а где сейчас находятся Кизимов, Йонге, Нортон, Лорэ? Я ведь почему спрашиваю... Не из пустого любопытства. Хочется мне этого или нет, но эти четверо, надо полагать, теперь уже моя компания...

— Я понимаю вашу озабоченность.— Светлана покивала.— Все экзоты находятся здесь — в этом, как выражаются десантники, «придавленном регионе». Кизимов командует штурм-группой южного лагеря, Нортон — северного. Йонге решает проблемы десантно-технического обеспечения обоих штурм-лагерей. А вот Лорэ неожиданно для всех увлекся темпорологией непосредственно и, говорят, делает научные успехи. По крайней мере я сама слышала, как Март в беседах с местными темпорологами не раз ссылался на эффект «периферийной Т-дивергенции», впервые описанной Жаном Лорэ. Кстати, именно эффект Лорэ лежит в основе расчетов темпор-вектора для Т-связи... Я все это веду к тому, Андрей, чтобы убедить вас: жизнь экзота вовсе не так ужасна, как вы сгоряча себе ее представляете.

— Спасибо вам, Светлана, за моральную поддержку, но не надо меня успокаивать. Направляясь сюда, на свидание с вами, я, чтобы сразу не очень пугать медикологов, снял чужеродный заряд прикосновением обеих ладоней к экрану гардеробной моего бытотсека. Много ли в этом проку? Ведь все равно я ни на мгновение не забываю про свой «черный след» у себя за спиной. Слушая вас, я не могу не учитывать, что вы по инерции все еще видите во мне человека и все еще ставите меня в один ряд с собой. Но едва чужеродный заряд опять начнет проявляться, вы почувствуете во мне монстра и с отвращением отшатне-

тесь. Ведь я экзот, Светлана! Другими словами, я — монстр среди вас, нормальных людей!..

— Здесь нет людей,— тихо проговорила Светлана.— Здесь только экзоты.

— Как?! И вы?..

— И я. И Круглов. И Копаев... Короче — все.

— Что... все шестьсот пятьдесят шесть — экзоты?!

— Шестьсот пятьдесят семь,— поправила Светлана. Здесь только экзоты...

«ВЕЛИКИЙ ПРЕДОК»

Вместо эпилога

После прекрасно организованного специалистами Т-связи телесвидания с дочерью Андрей покинул спортзал, не переодевшись, как был — в бело-алом тренировочном костюме; взгляды встречных прохожих заставили его обратить внимание на свой вид и вернуться. Возвращался другим путем — через ветротоннель, прямо в спортгардеробную,— не хотелось снова через опустелое и словно бы вылинявшее после земных сочных красок слишком просторное помещение. В голове тоже было как-то слишком просторно и пусто... Он принял душ, натянул на себя непривычную форму десантника. Проделал это автоматически, бездумно. К нему еще не вернулась способность анализировать свое состояние, размышлять. Странное такое спокойствие, граничащее с оглушенностью. Перед глазами — куда ни посмотришь — блестел свежей зеленью хорошо знакомый им с Лилией уголок дендрария, а посредине аллеи, в жарком пятне солнечного света — незнакомая девчушка-подросток, ужасно нескладная, угловатая, с испуганным лицом, голенастая, как олененок. Минуту они разглядывали друг друга. Потом он что-то спросил — она не ответила. Молчала, некрасиво щурясь от солнца. С бестолковостью взрослого, обеспокоенного упрямством ребенка, он пытался разговорить Лилию вопросами — стена отчуждения казалась непробиваемой. Выручил мяч. Он подбросил в руке тренировочный мяч, несколько раз стукнул об пол и постарался придать голосу беззаботные интонации: «Мой веселый звонкий мяч, ты куда помчался вскачь?..» Стена рухнула: Лилия подбежала вплотную к натянутым

поперек аллеи рядам красных ленточек (граница действия стереоэффекта); он вглядывался в незнакомое лицо дочери и не мог заставить себя говорить. Что-то случилось у него с губами — он не мог произнести ни слова. Так ничего толком они друг другу и не сказали. Права была Светлана: пятьдесят минут самой дорогостоящей связи состояли в основном из расточительно длинных пауз. Двенадцатилетняя Лилия заметно изменилась. Сейчас она напоминала ему двоюродную сестру Ольгу. И Валентину одновременно. Взрывоопасная смесь... Он почему-то ощутил себя подавленным, разочарованным. За пятьдесят минут телесвидания с Мартом Фроловым он принял от ведущего темпоролога чудовищный (иначе не скажешь) груз тяжеленной, как ледяная гора, информации, но, угнетаемый этой тяжестью, все же почувствовал в себе желание думать, действовать, хотя взваленный на его плечи груз был сродни печальной ноше легендарного Мессии, влекомой им по пыльной дороге на хорошо известную всему цивилизованному миру ближневосточную возвышенность. А после телесвидания с дочерью было такое чувство, будто ее и его искусно, изобретательно обманули: ему подсунули не его дочь, ей — не ее отца... Сыновья и дочери человеческие давно уже совершенно беззастенчиво пользуются результатами своего умения лихо преодолевать довольно крупные куски Пространства, а вот с результатами преодоления Времени дела обстоят намного хуже.

Как и договаривались, Копаев ждал его у центрального входа в Форум. Еще когда Светлана сказала, что Аверьян предлагает встретиться в Форуме, он удивился, но уточнять не стал. Мало ли по каким причинам функционер МУКБОПа... бывший функционер МУКБОПа считает удобным рандеву под необъятным куполом самого большого зала бывшего корабля. Поздоровались сдержанно, без особых эмоций — будто расстались только вчера; Копаев театрально-торжественно взмахом руки скомандовал автоматике распахнуть створки широченной двери, и пригласил его войти первым. Он посмотрел в зал — сердце невольно забилось сильнее. Можно было подумать, что центральный вход Форума вел в одно из центральных полостей гурм-феномена...

— Откуда видеозапись? — спросил он Копаева.

Тот молча повел его в глубину зала — вдоль закругленного ряда подсвеченных зеленым сиянием «Снегирей»-исполинов; ряд живописно топорщился пальцами обтянутых металлизированными перчатками великаньих рук, знакомо отведенных чуть назад и в сторону. Андрей шагал за Копаевым и думал, что каждая встреча с бронзовоухим блондином неизменно сопровождалась какой-нибудь неожиданностью.

Середина зала, двухместный диван с подлокотниками. Сели.

— Откуда это у вас здесь? — Андрей обвел глазами великаний ряд «Снегирей».

— Содержимое твоего видеомонитора,— сказал Аверьян.— Неужели не узнаешь?

— Узнаю. Но видеомонитор я потерял.

— В твиндеке,— пояснил Аверьян.— Примерз к грузофиксаторам, едва отодрали.

— Понятно... Никогда бы не подумал, что бытовой видеомонитор способен дать такое высокое качество изображения в широкоугольном режиме работы.

— Это не он способен,— возразил Аверьян.— Это я способен. Не без помощи, правда, видеокорректорных устройств. Пришлось повозиться, но зато — результат! И тебе будет легче.

— В каком смысле?

— Но ведь ты все это нам объяснять собираешься? Или нет?

— А что я должен объяснять? Все это мои глаза видели там совершенно так же, как теперь здесь видят твои.

— Мои глаза видят толпу твоих эфемеров,— заметил Копаев,— и мне интересно было бы знать, как тебе удалось такую массу их наплодить!

— Это мои эфемеры?.. Ты уверен?

— Великое Внеземелье! Ну не мои же! У каждого — индекс и номер твоего скафандра: АН-12 ДКС № 1. Отсюда видно.

— А как быть с названием корабля? Почему «Лунная радуга»?

— О «Лунной радуге» там, наверное, думал?

— О «Лунной радуге» невозможно не думать. Особенно там.— Андрей перевел взгляд на светло-зеленую

башню двадцатипятиметрового гиганта.— Аверьян, ты лучше меня разбираешься в генеалогии эфемеров...

— Хочешь спросить, чей облик был скрыт под стеклом гермошлема?

— Да.

— Расскажи, при каких обстоятельствах поднялась на врага эта грозная рать.

Андрей рассказал.

— Ясно...— протянул Копаев. Но тут же сам себя поправил: — Ясно только одно: твой единственный нормальный эфемер — назовем его Н-эфемером — попал в какую-то воспроизводящую среду, которая сыграла роль множительного агрегата. В результате — армия производных. Назовем их П-эфемерами.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Тут возможны два варианта: в скафандре могла быть копия либо Николая Асеева, либо — твоя. Неужели имеет большое значение — кого?

— Не имеет,— сухо произнес Андрей.

— Ты слишком многого от меня хочешь,— проговорил Аверьян.— Лично я склонен отдать предпочтение второму варианту. Иначе с чего бы это чужое пространство, не стесняясь, громко, на всю Галактику, можно сказать, обсуждало интимные факты твоей биографии? Убедительно?

— Нет. Почему источником интимных фактов обязательно должна быть копия? Почему не оригинал? Побывать в чужом пространстве довелось, как ты теперь знаешь, и мне самому.

— Ты слишком многого от меня хочешь,— повторил Аверьян.

Андрей посмотрел на него. За восемь с половиной лет Копаев внешне как будто не изменился, и трудно было сразу определить, чего недоставало теперешнему Аверьяну по сравнению с тем, прошлым, который там, на парапете бассейна, с ловкостью дельфина умел обойти любой логический риф... Но чего-то явно недоставало.

— Теряешь гибкость функционера МУКБОПа,— вслух подумал Андрей.— Теряешь форму.

— К МУКБОПу я давно никакого отношения не имею.

— За что же это тебя?..— Андрей ладонью о ладонь звучно сымитировал шлепок.

— За то же, за что теперь и тебя...— Копаев щелчком сбил с ладони воображаемую пушинку и дунул ей вслед.— Подальше от пилот-ложемента. Категорически и навсегда.

— Здесь вы очень интересно заблуждаетесь, молодой человек... простите, экзот. Но я не стану вас разочаровывать.

Глаза Копаева настороженно сузились. «А ведь сразу учуял,— подумал Андрей.— С чутьем у него по-прежнему все в порядке».

Стереоизображение плотного строя эфемеров-богатырей внезапно сменилось стереоизображением грандиозной спирали узорчато-фонарного сооружения — границы зала словно раздвинулись куда-то в залитую голубым сиянием бесконечность.

— Громадина,— с уважением глядя на УФС, сказал Аверьян.— Просто не верится, что состоит она из одних... Кстати, там, на месте, тебе удалось разглядеть из чего она состоит?

— Да. Скопище эйвов.

— Как? Как ты их называешь?

— Эйвы,— повторил Андрей. И объяснил почему.

Копаев с интересом выслушал. Было видно, что рассказ произвел на него впечатление. Он спросил:

— Марту рассказывал? Что он об этом думает?

— Не знаю. У нас не было времени для дискуссий.

— А что об этом думаешь ты?

— Мне было бы легче тебе объяснить, чего я не думаю.

— Хорошо,— мгновенно среагировал Копаев.— Чего ты не думаешь?

Андрей поморщился, но, взглянув Аверьяну в глаза, понял, что отложить разговор на «когда-нибудь потом» не удастся. Ответил:

— Я не думаю, что эйвы могут быть носителями Разума. Их «интеллектуальный» уровень вряд ли превышает «интеллект»... ну, скажем, вируса гриппа.

— Вот как? Примитивная, значит, форма жизни?..

— Знаешь, я... не совсем уверен, что это — форма жизни. В нашей, конечно, интерпретации понятия

«жизнь». Не думаю, чтобы способ существования эйвов был сродни способу существования белковых тел.

— Да, пожалуй,— Аверьян покивал.— Он скорее сродни способу существования электроконденсатора. Или, скажем, электроаккумулятора.

— Нет, этого я тоже не думаю.

— Позволь, но... если здесь не подходит даже такое понятие, как «примитивная форма жизни»...

— ...То есть смысл заменить его понятием «сложная форма преджизни»,— перебил Андрей.

— А что такое «преджизнь»?

— Нечто уже не мертвое, но еще и не живое в нашем понимании.

— М-да-м...— промямлил Копаев.

Андрей спросил:

— Когда ты возился с коррективами видеозаписи... ты заметил там хоть что-нибудь похожее на планету?

— Нет.

— Я тоже. Напрашивается рабочая гипотеза: эйвы — продукт эволюции внепланетной преджизни. Скудость запасов околозвездного вещества, на которых «паслись» колонии первобытных эйвов, и щедрость потоков энергии привели к необычному повороту эволюции протоэйвов. Позволим себе немного пофантазировать... Вот, скажем, в силу каких-то гравиокинематических причин колония протоэйвов перешла из стадии хаотического скопления в стадию змееобразно вытянутой стаи. Дальше — больше: змееобразная форма преобразовалась в спираль. То есть налицо основной компонент геометрии темпор-прогиба. А что такое темпор-прогиб, с интересующей нас точки зрения? Дальнодействие. А практически дальнодействие — это самый экономичный вид переноса материи из одной области Пространства в другую. И когда свернувшаяся в спираль колония протоэйвов нежданно-негаданно вдруг получила солидную инъекцию нужного ей вещества, развитие колонии пошло по пути закрепления этой полезной привычки. Привычки сворачиваться в спираль. Таким образом протоэйвы сначала высосали все «бесхозное» вещество из окрестностей своего светила. Затем принялись за окрестности светил чужих. Вот в первом, так сказать, приближении... голая схема. Фролов с этой схемой в основном согласен, хотя его буквально ужасает

ее примитивизм. Но дискутировать, как я уже говорил, нам было некогда.

— Я понимаю,— сказал Аверьян.— Для вас куда важнее было обсудить во всех подробностях идею Внешнего Приемника...

— А ты откуда знаешь? — полюбопытствовал Андрей.

— Ну... кое-какие навыки у меня еще сохранились.

— Во всех подробностях... За полчаса даже превосходной двусторонней связи идею эту подробно не обсудишь.

— Вот именно! Мы за семь лет идею эту как следует переварить не можем. С какой же стати Март сразу выкладывает тебе план организации Первой Звездной посредством Внешнего Приемника?

Андрей не ответил. Обводя глазами стереоизображение голубых фонарей УФС, он чувствовал на себе пристальный, колкий взгляд собеседника.

— Можешь не отвечать,— сказал Аверьян.— Теперь и младенцу понятно: Внешний Приемник выдал первый сигнал готовности к работе в режиме дальнодействия. Я угадал?

Андрей опять промолчал. Не потому, что собирался скрывать от кого бы то ни было полученную от Марта свежую информацию, а лишь потому, что перед дальней дорогой не было настроения говорить о дальней дороге. Даже если эта дорога звездная. Раньше о полетах к звездам он и мечтать не мог — пределом мечтаний было Дальнее Внеземелье,— и предложение Марта возглавить Первую Звездную экспедицию застало его врасплох. Внезапное предложение Марта ошеломило его: он не знал, радоваться или огорчаться. Но, с другой стороны, уже было ясно, что участвовать в Первой Звездной ему придется независимо от собственного желания. И остальным экзотам придется,— все уже понимали, что в целях безопасности человеческой цивилизации Земля не может, не должна принимать в свое лоно шесть с половиной сотен экзотов...

— Младенцу ясно,— повторил Копаев, что-то переключив на подлокотнике,— кончилось наше житье-бытье у Япета. Прощай, мой табор... Смотри внимательно — даю одну из компактных стай твоих эйвов крупным планом. Что скажешь?

— А что я должен говорить? — спросил Андрей, раз-

глядывая стаю. В центре стаи эйвы слиплись в огромную, неравномерную по толщине, слегка изогнутую платформу.— Хочешь дать мне понять, что центральное скопление похоже на кисть руки в скафандровой перчатке, вид с ребра?

— Почему «похоже»? Это и есть слепленная из эйвов кисть руки в скафандровой перчатке.

— Ну и что? Я видел там и другие детали скафандра «Снегирь», слепленные из сотен или тысяч эйвов.

— А целиком «Снегирей» там ты не видел? Вот, полюбуйся.

Копаев дал резкое увеличение одного из участков первого витка спирали УФС.

Андрей обомлел.

Покрытая синеватой «окалиной» поверхность участка изобиловала прямоугольными рвами и холмами, очень похожими на полуразрушенные ступенчатые пирамиды, и многие из холмов служили постаментами для темно-синих скульптур — тоже в основном полуразрушенных. Уцелевшие изваяния «Снегирей» торчали на краю совершенно прямого обрыва. Вразброс. Как истуканы острова Пасхи.

— Рост «Снегирьков» — порядка трех километров,— сообщил Аверьян.

— Да,— пробормотал Андрей,— впечатляет...

Над участком средоточия скульптур висело серебристо-голубоватое облако разрозненных эйвов.

— Тебе не кажется, что мы наблюдаем процесс саморазрушения спирали? — спросил Копаев.

— Ты так уверенно задал этот вопрос, как будто процесс саморазрушения колонии не вызывает у тебя никаких сомнений.

— Не вызывает,— подтвердил Копаев, давая увеличение диаметрально противоположного участка.— Вот видишь, везде то же самое. Твой видеомонитор запечатлел трагедию сообщества эйвов.

— Как это понимать?..

— Как недвусмысленную констатацию того обстоятельства, что наше вторжение серьезно повредило основной механизм жизнеобеспечения колонии инозвездных тварей. И, боюсь, это необратимо. Колония агонизирует, Андрей... По крайней мере, мне так кажется.

— Ах, тебе кажется, вот оно что!..— Андрей почувствовал острое желание оказаться с Копаевым наедине в веревочном квадрате ринга.

— Остынь,— спокойно проговорил Аверьян.— Ведь не будешь ты отрицать, что широкомасштабное слипание безмозглых тварей в скафандрообразные скульптуры — это наверняка проявление массового экзотизма в их беззащитной среде? Представляешь себе, о чем речь? Массовый экзотизм! У нас — единичный, а у них — массовый! То, что оставило на теле земной цивилизации небольшую, хотя и достаточно болезненную царапину, нанесло смертельную рану их стихийно скрученному в спираль безмозглому скопищу.

— Выдумываешь,— неуверенно пробормотал Андрей.

Копаев скомандовал автоматике Форума высветлить сферообзор. Андрей поискал глазами участок Япета с белесым куполом темпор-объекта, нахмурился. То, что еще вчера представляло собой идеально гладкую, светлую полусферу, сейчас походило на грязно-серый, неровно осевший остаток тающего сугроба...

— Механизм жизнеобеспечения колонии эйвов серьезно поврежден,— повторил Копаев.— Ты выполнил миссию не только разведчика, но и спасителя лун Внеземелья. Япет, во всяком случае, спасен — здешнему темпоробъекту можно смело заказывать реквием.

— По моей вине гибнет чужая преджизнь?..— проговорил Андрей, глядя на Аверьяна и втайне надеясь, что бывший функционер МУКБОПа хоть что-нибудь возразит.— А может быть, дело обстоит еще серьезнее — гибнет предтеча инозвездной цивилизации?..

— Успокойся,— возразил Аверьян.— Мы, земляне, были вынуждены защищаться. И потом... кто сказал, что эта спираль — единственная колония в том районе? Кстати, я хотел бы предложить твоему вниманию одну любопытную панораму... Может, ты ее объяснишь?..

Сначала Андрей не понял, что за «панораму» Копаев высветил на сфероэкране: пестрый, разноцветный мир, во всех направлениях пронизанный блестящими нитями...

Однако, заметив на концах некоторых нитей темные прямоугольнички, вдруг догадался:

— Эйвы! Не имею представления где, в какой среде сделана видеозапись, но это — эйвы. То есть — половинки эйвов...

— Эта видеозапись сделана с помощью микроскопа. Ты видишь микроскопические половинки эйвов, обнаруженные медикологами в плазме крови экзотов. Хочешь спросить, почему это не было обнаружено сразу? Потому что половинки эйвов цепко держатся в теле экзота, и в результате взятая на анализ кровь ничем не отличалась от крови нормального человека. Разве только — повышенным содержанием гормонов. Ведь экзот потому и обладает экзотическими свойствами, что блестящее вещество эйвов резко стимулирует почти все жизненные процессы. Кстати, это странное вещество способно оказывать воздействие не только на живую материю — даже металлы оно заставляет менять физические свойства.

— А может быть, в параллель с разрушением темпор-объекта уже идет процесс разрушения чужеродного стимулятора?..

— Была такая гипотеза.

— И что же?..

— Не подтвердилась. У нас внутри ничего не меняется. Видно, так и придется свой век доживать... А «век» наш, как утверждают специалисты, будет порядка полтысячи лет. По крайней мере, лет по триста — четыреста нам с тобой гарантированы.

Андрей свистнул.

— Откровенность за откровенность,— сказал Копаев.— Получен сигнал дальнодействия?

— Да.

— На каком уже расстоянии Внешний Приемник?

— 250 тысяч астрономических единиц.

— Итак, до Проксимы Центавра осталось около 20 тысяч... Далековато будет добираться нам до нового своего светила.

— Март говорит, что с переброской лучше не тянуть. На большем расстоянии у темпорологов могут возникнуть свои осложнения.

— Н-да... Значит, скоро в дорогу... Кто пойдет первым?

— Я.

— Войдешь в историю как первый человек, проникший сквозь гиперпространство в Сверхдальнее Внеземелье.

— Как первый экзот,— поправил Андрей.

— Я думаю, ты ошибаешься. Наши человеческие предки, я думаю, припишут эту заслугу себе.

— Они этого заслужили.

— Не по себе мне,— признался Аверьян.— Это как первый прыжок с парашютом: пока готовишься — ходишь с высоко поднятой головой, а глянешь сверху — коленки слабеют...

Чтобы отвлечь товарища от неприятных мыслей, Андрей сказал:

— В торопливой беседе с Мартом я как-то не уловил всех тонкостей механики укрупнения массы корабля, несущего Внешний Приемник. Ведь если ВП в принципе копирует работу комплекса «Зенит» — «Дипстар», то и рабочая масса нового комплекса не должна быть меньше рабочей массы «Зенита».

— Да какие тут тонкости! — Копаев поморщился.— ВП запустили к Центавру на новеньком корабленосителе. А параллельными курсами запустили туда в автоматическом режиме корабли-ветераны. Отправили вдвое больше, чем нужно. Чтобы хоть половина одновременно достигла отметки 200 тысяч астрономических единиц. Ушли туда небезызвестные тебе «Лунная радуга», «Констеллейшн», «Варяг», «Спэйсджампер», «Глория», «Эсмеральда», «Грин рэй», «Наутилус», «Мираж», «Фомальгаут», «Кавказ», «Дискавэри»... Даже служба космической безопасности для такого дела два своих крейсера выделила: «Игл» и «Агъюмент». Из новых ушли «Амур», «Вилюй», «Иртыш», «Лена».

— Ух ты! — искренне изумился Андрей.— Армада!

— И все это скопище летящих в автоматическом режиме кораблей в конце концов должно по идее самостоятельно соединиться в одно целое, образовать рабочую массу для срабатывания Внешнего Приемника. Передадут нас всех на борт носителя ВП как по видеотектору, назовем мы свой сверхкорабль каким-нибудь родным именем... скажем, «Солнце»... и начнется пилотируемый этап экспедиции. Первой Звездной... А капитаном «Солнца» назначат, конечно, тебя.

— Когда-то ты предрекал мне быть капитаном «Тобола». Помнишь?

— Помню. Но теперь быть капитаном межзвездного рейдера предрекаю тебе не я...

— Кто же?

— Твоя будущая жена. Светлана Фролова-Тобольская.

— Интересно,— сказал Андрей.— А с чего ты решил, что она — моя будущая жена?

— Что... уже настоящая? — невинно моргая, спросил Аверьян.— Ну-ну, ладно, успокойся! Насчет настоящей я пошутил. А вот насчет будущей... Я не думаю, чтобы сама Светлана шутила. Во всем, что касается тебя, у нее на полном серьезе, и это уже доказано. Ведь предсказала она год, месяц и день, когда ты вынырнешь из белесых глубин темпор-объекта!..

— Продолжаешь шутить? — осведомился Андрей скучающим голосом.

— Вовсе нет! Не сойти мне с этого места, все так и было! Знал бы ты, что тут было, когда она объявила год, месяц и день... Разговоры пошли всякие-разные, слухи змейками поползли... Короче говоря, Круглов, конечно, рассвирепел и попытался искоренить на базе «средневековое ведовство», «беспардонное шарлатанство», «гадания на кофейной гуще», а когда ты действительно вынырнул в предсказанный день, объявил тебя эфемером... Ты уж прости его, он действовал честно, по убеждению.

— Прощу. На межзвездном рейдере нужны хорошие связисты. Так же, кстати, как и хорошие координаторы.

— Хороших связистов здесь — как кратеров на Япете. А хороших координаторов... извиняюсь, я один.

— Ну что ж, скромно и с достоинством,— похвалил Андрей.

— Нет, я серьезно! Связистов в нашем таборе чуть ли не больше, чем десантников. Это их столько в один год к нам привалило. Ты, пожалуй, не поверишь, но факт: многие буквально рвутся в нашу зону. Быть экзотом нынче стало модно. Особенно, когда выяснилось, что экзоты — потенциальные долгожители. Смельчаки проникали в зону любыми путями, на любом транспорте, правдами и неправдами. А однажды к нам весь экипаж «Дипстара» в полном составе пожаловал! В общем, дело дошло до того, что, пропустив к Япету всех членов семей, служба косми-

ческой безопасности наглухо закрыла зону.— Копаев помолчал и добавил: — Теперь дверь этой клетки откроется. Но в сторону, обращенную к звездам...

— Нет, Аверьян,— уже не слушая собеседника, сказал Андрей,— мы назовем свой межзвездный рейдер не «Солнце». Мы назовем его «Великий предок».

* * *

Андрей коснулся ногами стеклянной, подсвеченной красным сиянием поверхности центрального когертона и почувствовал, как лапы транспортировочного захвата разжались на плечах и бедрах. Вверху вспыхнул зеленый свет.

Андрей оглядел шаровидную камеру. Ничего слишком уж примечательного в ней не было. Разве только двухцветное освещение да прозрачные, похожие на подставки перевернутых вверх дном бокалов, диски пяти когертонов, установленных в центре камеры на высоких ножках.

Он привычно пошевелился в скафандре, проверяя свободу движений, закрыл стекло гермошлема и тихо проговорил:

— Готов!

Ему ответили, и еще минуту он выслушивал предстартовые наставления.

Он ощущал какое-то неудобство. Поискал причину и понял: не привык ощущать себя перед стартом на ногах, в незафиксированном скафандре.

— Все в порядке,— спокойным голосом произнес шлемофон.— *Счастливого пути, Тобольский! Старт в момент* «ноль». Выход — через голубой люк. После гиперперехода ждем на связь. Салют, капитан!

— Десять,— сказал автомат.— Девять. Восемь. Семь. Шесть...

Скорей бы! Четверть миллиона астрономических единиц одним махом!..

— Три. Два. Один...

«Поехали!» — успел подумать Андрей и увидел, как зеленое и красное полушария поменялись местами. Затрещал зуммер. Пневматический выхлоп. Слева открылся голубой люк. Люк на борту «Великого предка».

* * *

Месяц спустя экипаж первого составного межзвездного рейдера «Великий предок» готовился к встрече самой привилегированной группы состава экспедиции.

Неподвижно стоя в центре смотровой площадки ренделя, Андрей, сжав зубы, смотрел на звезды и ждал вестей от темпорологов, ответственных за гиперпространственный переход. На часы он боялся даже взглянуть. Когда ему сообщили, что переход по каким-то причинам отсрочили на пять с половиной минут, он распорядился транслировать все акустические сигналы из приемной камеры по каналу общекорабельного спикера и поспешил в ближайший к люку ВП-комплекса рендель.

Уловив за спиной какое-то движение, Андрей обернулся и увидел, что в ренделе уже яблоку негде упасть. Напряженные лица Кизимова, Нортона, Круглова, Йонге, Копаева...

Рендели на борту «Великого предка» довольно большие, но этот не мог вместить всех желающих находиться поближе к люку ВП...

Треск зуммера. Напряжение достигло предела. И вдруг... детские голоса-колокольчики. Лепет, смех. И голос Светланы:

— Не беспокойтесь, все хорошо! Просто Петенька чуть не упал с когертона. Где у вас выход?

— Стойте на месте! — предупредил голос дежурного темпоролога.— Вас встретят и выведут.

В ренделе загалдели, заулыбались. Все в порядке, медиколог и первая группа детей совершили гиперпространственный переход, по-видимому, благополучно.

Андрей посмотрел на часы, перевел взгляд на созвездие Девы и, невольно прислушиваясь к детским голосам, подумал: «Что ж... начинаем обживать Галактику».

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПО ЧЕРНОМУ СЛЕДУ

Часть I

Часть II

КНИГА ВТОРАЯ

МЯГКИЕ ЗЕРКАЛА

Часть I

Часть II

К читателям

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
125047. Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Павлов Сергей Иванович

ЛУННАЯ РАДУГА

Ответственный редактор М. А. ЗАРЕЦКАЯ

Художественный редактор В. А. ГОРЯЧЕВА

Технический редактор Т. Д. ЮРХАНОВА

Корректоры Т. В. БЕСПАЛАЯ, Е. А. СУКЯСЯН

ИБ № 1157

Сдано в набор 14.08.88. Подписано к печати 18.01.89. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт обыкн. Печать высокая. Усл. печ. л. 33,6. Усл. кр.-отт. 34,44. Уч.-изд. л. 34,07. Тираж 100 000 экз. Заказ № 141. Цена 1 р. 70 к.
Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.
Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

1р. 70к.